

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ФӘННӘР АКАДЕМИЯСЕ
Г. ИБРАҺИМОВ ИСЕМ. ТЕЛ, ӘДӘБИЯТ ҺӘМ СӘНГАТЬ ИНСТИТУТЫ

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА им. Г. ИБРАГИМОВА

ХӘЗЕРГЕ АКАДЕМИК ФӘНДӘ РОССИЯ ХАЛЫКЛАРЫНЫҢ ТЕЛЛӘРЕ, ӘДӘБИЯТЛАРЫ ҺӘМ МӘДӘНИЯТЛӘРЕ

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең
Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
оешуга 85 ел тулуга багышланган Халыкара фәнни форум
2024 ел, 9–11 октябрь, Казан шәһәре

ЯЗЫКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Международный научный форум, посвященный 85-летию создания
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
9–11 октября 2024 года, город Казань

Казань
2024

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ФӘННӘР АКАДЕМИЯСЕ
Г. ИБРАҖИМОВ исем. ТЕЛ, ӘДӘБИЯТ ҺӘМ СӘНГАТЬ ИНСТИТУТЫ

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА им. Г. ИБРАГИМОВА

ХӘЗЕРГЕ ДӨНЬЯДА МИЛЛИ ТЕЛЛӘР ҺӘМ ТЕЛАРА ПРОЦЕССЛАР

Халыкара фәнни-гамәли конференция
материаллары жыентыгы

2024 ел, 9–10 октябрь, Казан шәһәре

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции
9–10 октября 2024 года, город Казань

Казань
2024

УДК 821
ББК 81.2
Н 35

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ*

Составители:

М.Р. Булатова, А.К. Булатова, Л.Г. Хабибуллина, А.Я. Хусаинова

Н 35 Национальные языки и межъязыковые процессы в современном мире: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. 9–10 октября 2024 года / сост.: М.Р. Булатова, А.К. Булатова, Л.Г. Хабибуллина, А.Я. Хусаинова. – Казань: ИЯЛИ, 2024. – 492 с.
ISBN 978-5-93091-

В сборнике представлены материалы международной научно-практической конференции «Национальные языки и межъязыковые процессы в современном мире», проводимой в рамках международного научного форума «Языки, литературы и культуры народов России в современной академической науке», приуроченного к 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

Сборник включает статьи по актуальным вопросам исследования литературных языков в контексте их исторического развития, современного состояния и перспектив развития национальных языков, изучения родного языка и литературы в условиях формирования единого образовательного пространства.

Издание адресовано ученым-лингвистам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется вопросами языкознания. Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-93091-

© Оформление. Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2024

Уважаемые участники и гости!

От имени оргкомитета приветствуем вас на Международной научно-практической конференции «Национальные языки и межъязыковые процессы в современном мире», которая проходит в рамках Международного научного форума «Языки, литературы и культуры народов России в современной академической науке». Форум проходит 9–11 октября 2024 года в г. Казани и приурочен к 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

В условиях стремительной глобализации мира роль национальных языков и их место в межъязыковых процессах становится одной из ключевых тем в современной лингвистике. Языковое разнообразие, являющееся основой культурного многообразия человечества, сегодня подвергается серьезным вызовам. Унификация культур, доминирование глобальных языков, безусловно, изменяют структуру языковых сообществ и их роль в социокультурной сфере. Именно поэтому вопросы сохранения и развития национальных языков требуют глубокого научного осмысления.

Конференция ставит перед собой важную цель – объединить ученых и экспертов из разных регионов России и зарубежья для анализа существующих вызовов и поиска путей сохранения языкового многообразия. Важной темой обсуждения станут активные процессы в национальных языках в условиях би- и полилингвизма, что особенно актуально в многоязычном социуме.

Не менее значимыми остаются и вопросы исследования литературных языков в их историческом развитии. Языковая эволюция, взаимодействие различных культур и письменных традиций – все это требует глубокого анализа в свете современных тенденций, которые порой стирают границы между языками и культурами.

Важное место в программе конференции занимает тема ареальной лингвистики, которая помогает исследовать взаимодействие языков в региональных контекстах, и вопросы теоретической и практической лексикографии. Создание и развитие словарей, лексических баз данных и цифровых платформ для изучения языков открывают новые горизонты в понимании языковых систем и культурных ценностей, отраженных в них.

Сегодня цифровые технологии играют важнейшую роль в лингвистике. Они не только предоставляют новые инструменты для анализа языков, но и меняют сами способы их изучения и сохранения. От цифровых корпусов текстов до приложений для изучения родных языков – все это дает возможность для инновационного подхода к решению вопросов, связанных с языковым наследием.

Современные образовательные системы также сталкиваются с задачей сохранения и развития родных языков в условиях глобального образовательного пространства. Проблемы обучения родному языку и литературе становятся еще более актуальными в свете создания единого образовательного пространства, что ставит перед исследователями задачу поиска сбалансированных решений для сохранения культурной идентичности через язык.

Кроме того, в фокусе внимания конференции находятся новые тенденции в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, изучающие взаимосвязь языка и мышления, а также способы выражения культурных ценностей и менталитета через языковые структуры.

Мы уверены, что данная конференция станет не только площадкой для обмена знаниями, но и внесет важный вклад в развитие взаимовыгодного научного сотрудничества. Желаем всем участникам плодотворной работы, интересных дискуссий и новых научных достижений, которые позволят ответить на вызовы современного мира!

Оргкомитет

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л.Б. Абдуллина

*Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий
(Стерлитамак)*

В статье рассматриваются языковые аспекты глобализации и их влияние на статус и функционирование национальных языков.

Ключевые слова: языковая глобализация, языковая идентичность, билингвизм, полилингвальное образование.

The article examines the linguistic aspects of globalization and their impact on the status and functioning of national languages.

Key words: linguistic globalization, linguistic identity, bilingualism, multilingual education.

Процесс глобализации на сегодняшний день охватил все страны мира и затронул все сферы жизнедеятельности общества.

Глобализация – объективный процесс формирования, организации, функционирования и развития совершенно новой всемирной, глобальной системы на основе существующих социальных, экономических, культурных, политических и иных отношений и связей. Понятие «глобализация», конечно же, многогранно. Новым для современных процессов глобализации является распространение социальных связей на такие сферы деятельности, как административная, правовая, технологическая и др.

Конкретной сферой глобализации является также современная языковая ситуация. Как отмечает В.М. Алпатов, «глобализация имеет и языковой аспект. Она немыслима без нахождения общего языка в прямом и переносном смысле» [1: 6].

Далее В.М. Алпатов пишет: «Термин «глобализация» широко распространился не так давно, менее 20 лет назад, но обозначаемые им процессы идут уже достаточно давно. Глобализация, безусловно, предполагает максимальное удовлетворение потребности во взаимопонимании, в идеале, пока не достигнутом, на едином мировом языке. Это не означает обязательного отказа от употребления других языков, но их роль понижается» [1: 6].

Отечественные лингвисты в последние десятилетия активно исследуют такие вопросы, как взаимосвязь языка и глобализации, языковая глобализация и билингвизм, статус родных языков в эпоху глобализации, языковая ситуация в регионах в условиях глобализации мирового сообщества и т. д. Об этом свидетельствуют многочисленные научные изыскания, посвященные данной проблеме.

Как отмечает исследователь В.Г. Кузнецов, «в эпоху мировой глобализации интеграционные процессы происходят не только в экономике и культуре, но и в языке. Причем экономика и культура выступают как первичные по отношению к языку. Языковую интеграцию понимают в широком и узком смысле. В широком – как процесс стандартизации, унификации языковых средств в сферах использования языка, связанных с общественно-политической, экономической, культурной жизнью современного общества. В узком смысле – ассоциируют с вопросами заимствования, прежде всего из английского языка,

причем заимствуются не только нейтральные, но и экспрессивные средства. Наиболее чутко на процессы интеграции реагируют СМИ и всемирная информационная сеть Интернет. Высшей ступенью языковой интеграции является интернационализация, которая проявляется главным образом в научной, научно-технической, политической, международно-правовой, педагогической терминологии (как результат заключения Болонского соглашения)» [4: 27–28].

«Понятие глобализации, – пишет исследователь Г.М. Вишневская, – широко используется сегодня для обозначения всеобщих тенденций развития современного планетарного социума, проявляющихся в тесном взаимодействии и сближении стран и народов в областях международной политики, экономики, культуры, науки, искусства, спорта. Современный мир характеризуется мощной динамикой изменений во всех сферах жизни благодаря внедрению новейших информационно-коммуникационных технологий, распространению Интернета и появлению множества новых видов социальной коммуникации, а также средств массовой коммуникации (СМК) и средств массовой информации (СМИ). Глобализация оказалась главнейшим стимулирующим фактором интенсивного смешения национальностей, культур и языков. В условиях глобализации языковые контакты двух или более языков в едином или смежном языковом пространстве расширяются и углубляются, вызывая вариативность языковых единиц на фонетическом, лексическом, семантическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом и дискурсивном уровнях и оказывая влияние на структуру, словарь и функционирование одного языка или ряда языков» [2: 41].

Следует сказать, что тесные межъязыковые и межкультурные контакты имеют не только положительные стороны, но и негативные последствия по отношению к национальным языкам, так как они способствуют смешению языков, что влечет за собой опасность исчезновения какого-либо языка с лица земли. Представителям той или иной национальности исчезновение их родного языка грозит потерей национального самосознания, национальной идентичности. Для всех очевидно, что именно в языке сосредоточен богатый пласт культуры, истории, традиций народа.

Таким образом, основной целью языковой политики в условиях глобализации становится сохранение языковой идентичности, защита от чрезмерного проникновения иноязычных заимствований. Именно поэтому в период языковой глобализации вопросы билингвизма и сохранения родных языков становятся особенно актуальными.

Перед прогрессивно мыслящим человечеством стоит вопрос: как можно сохранить родные языки в глобализирующемся мире?

Россия, как и другие государства мира, включена в глобальное сообщество. Проблема сохранения родных языков в условиях глобализации всех сфер жизнедеятельности остро стоит как в самой России, так и в её регионах, в том числе и в Республике Башкортостан.

Начало XXI века было ознаменовано распространением в Российской Федерации полилингвального образования, которое предусматривает одновременное изучение в учебном заведении нескольких иностранных языков. Потребность современного общества в введении полилингвального обучения растёт с каждым днем, так как одним из эффективных способов сохранения и развития родных языков является система полилингвального образования, которая реализуется через сеть полилингвальных школ.

В Республике Башкортостан проект полилингвального образования был создан в 2019 году и успешно реализуется по настоящее время. Этому способствует такой фактор как активно функционирующий в языковом пространстве республики билингвизм и полилингвизм. Первые четыре полилингвальные многопрофильные образовательные учреждения открылись в городах Уфа, Стерлитамак, Нефтекамск, в которых наряду с русским, башкирским и другими национальными языками народов, проживающих в республике, изучаются европейские (английский, немецкий, французский) и восточные (китайский) языки. В Уфе были открыты полилингвальная многопрофильная школа № 44 и полилингвальная школа № 162 «СМАРТ», в Стерлитамаке – полилингвальная многопрофильная школа № 23, в Нефтекамске – полилингвальная многопрофильная школа-интернат «Белем».

Сеть многопрофильных полилингвальных школ в республике расширяется, открываются и полилингвальные классы в общеобразовательных школах, что способствует сохранению и развитию языков народов Башкортостана. По информации Министерства образования и науки Республики Башкортостан в 2024 году в селе Новые Татышлы Татышлинского района появится полилингвальная школа с обучением на удмуртском языке. В перспективе – открытие в Бижбулякском районе школы с обучением на чувашском языке. Всего в Башкортостане насчитывается восемь полилингвальных гимназий – есть среди них башкирские, татарская и марийская.

Полилингвальное образование призвано воспитывать не только толерантную языковую личность в условиях доминирования языка межнационального общения – русского языка в Российской Федерации, но и способствовать пониманию роли родного языка в гармоничном развитии личности ребёнка, расширить знания учащихся через язык о духовной культуре того или иного народа, помочь познать принадлежность к своей нации. Иначе говоря, полилингвальное обучение понимается как «целенаправленный процесс приобщения к мировой культуре средствами нескольких языков, когда изучаемые языки выступают в качестве способа постижения специальных знаний, усвоения культурно-исторического и социального опыта различных стран и народов» [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. Языковой аспект глобализации // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред.: В.В. Потапов, Е.А. Казак. – М., 2018. – С. 6–25.
2. Вишневская Г.М. Языковая глобализация и билингвизм. Status quo // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред.: В.В. Потапов, Е.А. Казак. – М., 2018. – С. 41–60.
3. Жукоцкая З.Р., Ковалева Л.Е. Глобализация и ее влияние на культурные процессы // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 1. – С. 110–112; URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=15713> (дата обращения: 29.08.2024).
4. Кузнецов В.Г. Языки в эпоху глобализации. Интеграция vs идентичность // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред.: В.В. Потапов, Е.А. Казак. – М., 2018. – С. 26–40.

ИНТЕРНЕТ ЧЕЛТӘРЕНДӘ ТАТАР ТЕЛЕНЕҢ КУЛЛАНЫЛЫШЫ

Ч.З. Абдуллина

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе (Казан)

В статье рассматривается место татарского языка в сети Интернет. Определяется роль Интернета в повышении функциональных возможностей языка. Оценивается роль сайтов на татарском языке в объединении татарского народа. Предоставляется информация о сайтах, которая открывает возможность для изучения истории и языка татарского народа.

Ключевые слова: татарский язык, Интернет, электронные учебники, электронные ресурсы на татарском языке.

The article examines the place of the Tatar language on the Internet. The role of the Internet in enhancing the functionality of the language is determined. The role of sites in the Tatar language in uniting the Tatar people is evaluated. Information is provided about sites that provide an opportunity to study the history and language of the Tatar people.

Key words: Tatar language, Internet, electronic textbooks, electronic resources in the Tatar language.

Телнең кулланылышының бер тармагын Интернет челтәре тәшкит итә. Техник казанышлар, глобальләшү чорында башкача була да алмый, жәмгыять үсешнең яңа баскычын Интернет челтәрәннән башка күз алдына да китерә алмыйбыз. Заман таләбен, урта һәм яшь буынның тормышында интернетның роле искиткеч зур булуын, аларның күпчелек мәгълүматны әлеге чыганақлардан эзләвен һәм Татарстаннан читтә яшәүче татарлар өчен дә моның зур әһәмияткә ия булуын испкә алганда, интернетның татар телендә хезмәт күрсәтүе телне саклау, үстерүгә ныклы терәк булуы шиксез. Интернет яссылыгы кешеләрнең иҗтимагый аралашуының аерымы төре. Ул аралашуда катнашучылар сан ягыннан чикләми, әдәбият, кино, театр һәм башка сәнгать эсәрләре кебек бер яки берничә кешенең субъектив карашлары гына хәкимлек итми, Интернет тулы дөньяны колачлый ала. Анда катнашучылар кулланучы да, фикер-карашларын тәкъдим итүче дә. Шуна күрә үз милли Интернет майданы булмаган халык, бу гаять зур, чиксезлеккә омтылган мәгълүмати дөньяда бөтенләй йотылырга да мөмкин. Татарстан Россия субъектлары арасында Интернеттан кулланучылар саны ягыннан беренче егермелеккә керә, Идел буе федераль округындагы күрсәткечләр ягыннан әйдәп баручы регион санала (<https://www.kommersant.ru/doc/691984>). Димәк, әгәр Татар Интернетны юк дип уйл�асак бөтен булган бу аралашу безнең туган телебезне читләтеп уза дип нәтижә ясарга кала һәм киләчәктә ул тагын яшь буынның күпмесен үзенә жәлеп итәчәген күз алдына китерүе дә бик авыр түгел.

Гомумән, заман тизлеге таләп иткән чара буларак барлыкка килгән Интернет челтәренең аерымы халыклар һәм милләт язмышын хәл итүдә роле әһәмиятле булуын безнең тарафтан гына түгел, дөньякүләм таныла һәм бәяләнелә. Татарстанның глобаль Интернет челтәрәндәге урынын, бигрәк тә татар сегментын махсус камилләштерү, туган телебезнең кулланылышын киңәйтүнең

бер юлы булып тора. Ул татар чит жирләрдә яши торган милләттәшләребезне тарихи ватан белән бәйли торган иң нәтиҗәле юл.

Хәзерге көндә татар теленә Интернет челтәрендәге урыны нинди соң?

Бөтендөнья Интернет челтәрендә татар халкына, аның мәдәниятенә, тарихына һәм теленә мөнәсәбәтле сайтларны ике төркемгә бүлеп карарга була. Аларның беренчесе, төрле телләрдә (татар, рус, инглиз, немец һ. б.) татарларның тарихы, мәданияте, халыкның күренекле вәкилләре, хәзерге һәм үткәндәге горейф-гадәтләре, тормыш-көнкүреше һәм башка якларын ачып бирүче – татар дөньясы белән таныштыручы чыганаclar. Алар татар халкының үзенә дә һәм аның белән кызыксынучы башка халыкларга да бу өлкәдә зур мөмкинлекләр ача.

Икенче төркем чыганаclar татар телле, анда кириллица һәм латин графикасында язмалар урнаштырыла. Алар татар теленә белүчеләргә хезмәт күрсәтә һәм татар теленә кулланылыш даирәсен киңәйтә функциональ һәм структур үсешен тәмин итә.

2000 еллардан башлап (1994 елларда беренче татар сайтлары барлыкка килә) телебезнең яңа функциональ мөмкинлегенә юл ачкан бу юнәлеш хәзерге көндә киң колачлы бер өлкә булып тора. Бу юнәлештә туктаусыз эш алып барыла. Электрон мәгълүмәт чараларында Татарстан Республикасының рәсми серверы (26.02.2003 ел, УП-165 номерлы Татарстан Республикасы президенты указы белән аңа шундый статус бирелгән) моңа ачык мисал. Ул республиканың визит карточкасы булып тора. Биредә татар телендә республиканың дөүләт органнары, административ-территориаль бүленеше, халкы, Татарстан Республикасы дөүләт хакимияте органнары законнары һәм норматив актлары, яңалыклар, телекомпания тапшыруларының видеоматериаллары, республиканың төрле өлкәләргә караган сайтлар катологы һәм башка мәгълүмәтлар урнашкан.

Татарстан Республикасы Юстиция министрлыгы сайтында Россия Федерациясе һәм Татарстан Республикасының төп норматив хокукый актларының татар телендәге электрон китапханә проекты урнаштырылган.

Барлык министрлык һәм ведомстваларны берләштергән, гражданның интернет кабул итүне үз эченә алган Татарстан Республикасының төп порталы Республиканың дөүләт хакимияте органнарының төп сайты булып тора. Болар татар теленә дөүләт идарәсе югарылыгында кулланылышын дәлилли һәм татар теленә юридик документлар, дөүләт законнары, эш кәгазьләрендә иркен кулланылу мөмкинлеген күрсәтә.

Шулай ук мәгълүмати яктан бай һәм кызыклы сайтлар да бик күп һәм аларның яңалары да ачылып тора.

Гомумән, татар теленә өйрәтү һәм татарча белем бирү юлында, Интернет кулланыу елдан ел киңрәк тарала. Татар телен өйрәнергә теләүчеләргә МТСС (<http://www.mtss.ru/page=language>) сайтында татар теленә өйрәнүнең интенсив курсы, телнең морфологик үзенчәлекләре, русча-татарча һәм татарча-русча сүзлекләр, татар телендә эшләүне тәмин итүче программалар урнаштырылган. Шулай ук «Татарча текстлар» (<http://tatarcatext.narod.ru/>) сайтында татарча-русча электрон тәрҗемәче – «ТатаРус», «Сәләт» (<http://www.selet.biz/>) һәм «ТатСофт СЛТ» (<http://tatsoft.biz/>), (<http://www.azatliq.ru/dict>, <http://tugan-tel.com/>), «Сүзлек» – <http://www.suzlek.ru/> сайтлары татар телен өйрәнү мөмкинлегенә тудыра, татар телен кулланылу мөмкинлекләрен киңәйтә.

Татар телендә белем бирүче укытучыларның Бөтендөнья форумы (<http://forum.belem.ru>), Татар телендә белем бирү интернет үзәге (<http://belem.ru>),

Бөтендөнъя Интернет челтәренә урнаштырылган татар теленә өйрәтүче «Ана теле» онлайн проекты. «Ана теле» проекты милли мәдәниятнең асылы булган татар телен тулы канлы аралашу чарасы, татарларны бергә туплау һәм телне өйрәнүне киң жәелдерү максатыннан тормышка ашырыла.

Татар теленә электрон мәгълүмати кырга тирәнтенрәк үтеп керүен тээмин итә торган системалы чаралар күрелгән. Компьютер өчен Microsoft һәм Apple программалары, смартфоннар өчен Android һәм iOS программалары татарча хезмәт күрсәтә. Яндекс онлайн сүзлегә татар теледә эшли.

«Татар иле» интернет порталында татар теле һәм әдәбиятыннан, татар халкы тарихыннан интерактив дәрәсләкләр ачык кулланылышка куелган. Татарстан Фәннәр Академиясе сайтында яңа Федераль белем бирү стандартлары нигезендә эшләнгән Туган тел (татар теле) һәм әдәбияты дәрәсләкләрен табарга һәм кулланырга була (https://mon.tatarstan.ru/elektr_ucheb_i_prilog.htm).

Шулай ук Г. Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты эшлэгән «Мәгърифәт» электрон платформасында туган (татар) теле һәм әдәбиятын уку-укыту барышында кулланыла торган норматив документлар, федераль эш программалары, дәрәсләкләренә электрон вариантлары, методик эсбаплар, медиаматериаллар, татар балалар әдәбияты антологиясе белән танышырга була (<https://magrifat.antat.ru>).

Хәзерге вакытта татар телендә хезмәт күрсәтә торган зур порталларның берничәсенә тукталып үтик. Бу – Татарстан Республикасы массачыл мәгълүмат порталы (<http://www.tatmedia.ru/tat/>). Биредә бу көндә Татарстан Республикасында чыга торган матбугат исемлегә, теле – һәм радиостанцияләр белән танышырга була. Аларда газета журналларда басылган мәгълүмат белән танышырга, тапшыруларның эчтәлеген карау мөмкин.

Республика матбугат органнарының үзләренә сайтлары да татар телендә укучыга хезмәт күрсәтә. Мәсәлән, «Ватаным Татарстан» (<http://www.vatantat.ru>), «Татарстан яшьләре» (<http://www.tatyash.ru>), «Шәһри Казан» (<http://shahrikazan.com/>) «Азатлык» (<http://www.azatlyk.com/>), «Шәһри Чаллы» (<http://shahrichalli.narod.ru/>), «Безнең юл» (<http://beznen-yul.narod.ru/>), «Кәеф ничек?» (<http://www.kaefnichek.ru/>), «Безнең гәжит» (<http://beznen.ru/>), «Сабантуй» (<http://sabantuy.net/>) һәм «Ялкын» (<http://yalqin.ru/>) «Казан утлары» (<http://kazanutlary.ru/>), «Идел» журналларының сайтларында андагы басмалар белән танышырга, архивларына кереп, алдагы елларда басылган язмаларны тулысынча укырга була.

Шулай ук Татарстаннан читтә дә татар телендә чыга торган вакытлы матбугат үзен интернет аша тәкъдим итә: Башкортстанда «Кызыл таң» (латин шрифтында һәм кириллицада) (<http://kiziltan.ru/>) «Өмет», (<http://www.omet-ufa.ru/>), Әстерханда «Идел» (<http://www.xacitarxan.narod.ru/gaset.htm>). Төмәндә «Себер иле» (<http://seberile.ru/tt/>), Түбән Новгородта «Мишәр дөнъясы» (<http://www.nizgar.ru/>) газеталары, Германиядә «АлТаБаш» журналы (<http://www.altabash.tk/>) татар телендә латин шрифтында басыла һәм рус һәм алман телләренә тәржемә ителә.

Массакуләм матбугат чаралары сайтлары арасында «Матбугат» (<http://matbugat.ru/>) проекты аерым урын алып тора.

Берничә ел дәвамында Татарстан Республикасы Фәннәр Академиясе Тел, әдәбият һәм сәнгать институты тарафыннан интернет челтәрендә татар теленә кулланылышын зур платформага куйган проектлар тормышка ашырыла. Шуларның беренчесе – Татзет. Монда сүзлекләр урнаштырылган.

Икенче зур проект – XX гасыр башында гарәп графикасында басылган китаплар, газета һәм журналларны интернет челтәренә урнаштыру һәм аның белән танышу мөмкинлеге тудыру. Бу әлеге чыганаclar белән дөньяның теләсе кайсы почмагында танышу һәм файдалану мөмкинлеге тудыра. Бу татар халкының тарихы мәдәнияте, тел үзенчәлекләре белән танышу һәм өйрәнүгә киң мөмкинлекләр ача. Әмма алар белән эшләрү өчен гарәп графикасын белү таләп ителә. Бу чыганаclar белән эшләрүчеләр, аны куллана алучылар санын бик күпкә чикли. Әлеге каршылыкны исәпкә алып, гарәп шрифтындагы бу чыганаclarны траслитирацияләрү мәсьәләсе хәл ителә. Бу очракта компьютер өчен махсус программа эшләнә, бүгенге көндә ул инде эшләнгән һәм үз вазифасын башкара. Билгеләнгән текст мөмкин кадәр ачык итеп компьютер тарафыннан танытыла (сканерга алына), икенче баскычта ул аны кирилл хәрәфләренә күчерә. Әмма янәшәдә гарәп шрифтындагы сүзләргә дә саклай – чагыштырып уку мөмкинлеген бирә. Әлеге төзәтү-тикшерү өлешеннән соң әзер текст барлыкка килә. Хәтта гарәп графикасында укып, эш йөргә, компьютер калдырган хаталарны үз төзәтә алмаган кеше дә бу очракта текст белән таныша ала. Төгәллек әлеге 70-80 % тәшкил итә дип белдерә галимнәрәбез. Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының язма һәм музыкаль мирас үзәге тарафыннан тормышка ашырыла торган тагын зур проектларның берсе Татар каберташ язмаларын өйрәнү һәм аны гомум кулланылышка кую юнәлешендә. Бу Татарстан буенча гына түгел, татар телле язмаларның кайда урнашканлыгына бәйсез рәвештә һәммәсен туплап зур каталог булдыру. Аның белән онлайн рәвештә эшләрү мөмкинлеге тудыру. Тупланган материал түбәндәгечә эшкәртелә: ташъязманың төрле ракурста алынган сурәте урнаштырыла. Аны зурайту, теләгән урынны якынайтып карау мөмкинлекләре булдырыла. Ташъязманың тулы тасвирлаамасы (озынлык, биеклек, киңлек латин графикасына күчәртмәсе) бирелә. Спутник күрсәтүенчә географик урынын карау мөмкинлеге бар. Ул 1–1,5 м чамасы төгәллек белән күрсәтә [1: 102].

Нәтижә ясап шуны әйтәргә була: бөтендөнья Интернет челтәрендә татар телле Интернет ресурслар, чыганаclar, сайтларның да лаеклы үз урыны бар. Интернет челтәрендә татар теле үзенең барлык стильләрен саклап яши. Фән теле һәм гади аралашу теле буларак та иркен кулланыла кулланыла. Бу телебез үсешендә мөһим урын алып тора. Әмма күп кенә сайтларда татар интерфейсы исем өчен генә куелганнары да очрый. Халыкны үзәңә жәлеп итә торган татар телле блогерларыбыз да юк дәрәжәсендә. Хәтта үзәң татар милләтенә нисбәтле караган кешеләрнең махсус танышу сайтларында да (алар барлыгы өчәү) аралашу рус телендә бара [2: 26].

Киләчәктә татар теленең Интернет ясылыгында кулланылышын саклап калу өчен бүген зур тырышлык куярга кирәк.

ӘДӘБИЯТ

1. Абдуллина Ч.З. Татарстан Республикасында тел вәзгыяте: татар теленең кулланылыш даирәсе / Ч.З. Абдуллина, Ф.К. Сәгъдеева. – Казань: «Школа» редакция нәшрият үзәге, 2021. – 136 б.
2. Махмутов З.А. Языковой ландшафт татарского Интернета. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2015. – 36 с.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ТЕКСТЕ «БАБУР-НАМЕ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С.Р. Абдыкадырова, А. Ташиболот кызы
Ошский государственный университет (Ош)

Цель данной работы – дать определение понятию межкультурных концептов в одном из древнейших памятников тюркской культуры произведении «Бабур-наме», автором которого является Захириддин Мухаммад Бабур. В работе анализируются основные черты «межкультурных концептов». Объектом данного исследования являются репрезентанты межкультурных концептов в тексте «Бабур-наме» как важнейшие составляющие национальной культуры народов Центральной Азии. Уточнены художественные и межкультурные концепты на основе исследований, мнений отечественных и зарубежных лингвистов. Актуальность обращения к изучению межкультурных концептов в тексте «Бабур-наме» обусловлена недостаточной изученностью межкультурных концептов, которые на протяжении длительного времени отражают различные важные социальные и духовные явления в жизни народов Центральной Азии.

Ключевые слова: концепт, текст, межкультурный концепт, культура, литература, этнос, мировоззрение, языковая картина мира, язык.

The purpose of this work is to define the concept of intercultural concepts in one of the most ancient monuments of Turkic culture, the work «Babur-name», the author of which is Zakhiriddin Muhammad Babur. The work analyzes the main features of «intercultural concepts». The object of this study is the representatives of intercultural concepts in the text of «Babur-name» as the most important components of the national culture of the peoples of Central Asia. Artistic and intercultural concepts are clarified based on research, opinions of domestic and foreign linguists. The relevance of turning to the study of intercultural concepts in the text of «Babur-name» is due to the insufficient study of intercultural concepts, which for a long time reflect various important social and spiritual phenomena in the life of the peoples of Central Asia.

Key words: concept, text, intercultural concept, culture, literature, ethnos, worldview, linguistic picture of the world, language.

Межкультурные концепты занимают актуальное место в языковой картине мира. Данные концепты, репрезентируемые словами в национально-культурной семантике, способствуют изучению этико-ментальной идентичности в сознании носителей языка. Изучение межкультурных концептов дает возможность исследованию отдельных языковых особенностей, характеризующих ту или иную этническую группу. Понимание этого концепта как семантической структуры разворачивается в диапазоне от генотипа к стереотипу. Межкультурные концепты объединяют представителей не одного этноса, а целостной многоязычной общности, связанной общей историей, территорией, экономической, политической, религиозной и другими связями.

Анализ языковой картины мира следует лингвистической перспективе и модели визуального мира, которая показывает связи между языком и перцептивной информацией. В то же время важным этапом в постижении глубинного закона общеязыковой картины мира, языковых представлений человека,

его духовного мира и культуры общества может быть междисциплинарное начало в изучении языка, с опорой не только на различные области лингвистики, такие как структурная, лингвистическая антропология, историческая, социолингвистика, но и на биологию, генетику и социологию [7: 32].

Каждый народ имеет свою языковую картину мира, в основе которой лежат общечеловеческие и национально-специфические ценности. Кроме того, язык народа отражает определенный способ восприятия и организации мира, при этом картины мира разных народов чем-то похожи друг на друга, но несомненно имеют и отличия.

В нашей работе мы попытались уточнить понятие «межкультурный концепт» на примере произведения «Бабур-наме» – личных записок Бабура, которые он вел на протяжении всей жизни. Сам Бабур также известен как основатель Империи Великих Моголов в результате его завоевания Северной Индии, процветавшего почти два столетия. Его идеология предполагала установление гармонии между людьми, а также внедрение образования во все слои населения [4: 44]. Книга «Бабур-наме» является не только описанием его личной жизни, но и ценным источником для изучения истории, культуры, быта людей, флоры и фауны регионов, которые посетил Бабур.

Для обоснования специфики использования межкультурных концептов в произведении «Бабур-наме» прежде всего необходимо дать определению термину «концепт». Хотя точное понятие в науке еще не получило полного и точного объяснения, в языкознании появилось много разновидностей определения концепта [1: 110]. Термин концепт был определен В. И. Карасиком следующим образом: концепты – это психические образования, хранящиеся в памяти человека, осмысленные, осознанно типизированные фрагменты опыта, «квант переживаемого знания» [1: 11]. По определению С. Г. Воркачева, концепт есть «единица коллективного знания... имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [3: 65].

Что касается термина «межкультурный концепт», то лингвисты его определяют, как культурный концепт, научный концепт, художественный концепт, лингвокультурный концепт, межкультурный концепт, и т. д. Концепт межкультурный, как и его название, является общим для языковой картины мира людей определенного ареала, в данном случае, среднеазиатского ареала. В нашем случае мы использовали термин *межкультурный концепт*, признаки и свойства которого мы хотим представить в данной работе.

Очень полезными оказались для нас результаты исследований Г.А. Мадмаровой. В монографии «Межкультурные концепты в тексте художественного произведения», рассматривая межкультурные концепты в тексте художественного произведения, Г.А. Мадмарова представила результаты исследования межкультурных концептов и регионализмов в тетралогии С.П. Бородина «Звезды над Самаркандом» (о событиях XV–XVI вв.), а также роман-трилогии А. фон Бека «Гунны» (об истории гуннов в III–IV вв. н.э.). Г.А. Мадмарова анализирует лексические единицы, как в диахронном, так и синхронном отношении, в плане многовековых культурных связей иранских, арабских, монгольских и преимущественно тюркских народов на всей территории Евразии. Она первой ввела термин *межкультурный концепт*, который объединяет концептуальные картины мира, принадлежащие народам Центральной Азии [5: 17]. Таким образом, можно констатировать, что межкультурный концепт вербализуется в словах, словосочетаниях, фразеологических выражениях, поговорках

и т. д. Их значения и коннотации относятся к различным вариантам в языковой картине определенного региона.

Представляется, что особо важные компоненты межкультурных концептов имеют культурологическую сущность и могут характеризовать определенный менталитет, культурную эпоху, мировоззрение народа одной территории, а потому могут раскрыть и характеристику национальной картины мира. Следовательно, относительно задач данной работы мы будем рассматривать межкультурные концепты, которые:

- 1) присутствуют в ментальном сознании некоторых среднеазиатских народов;
- 2) отражают особенности национальной специфики тюркских народов;
- 3) передают понятия и явления, особо важные для данных культур [5: 61];
- 4) экспоненты межкультурных концептов характеризуются достаточно высокой степенью частотности в языках определенного региона.

Для жителей одного региона, связанных общим историческим прошлым, культурными, экономическими и политическими связями, также характерны некоторые общие слова в их языке. Само название *межкультурный концепт* говорит о том, что он является общим для языковой картины мира людей определенной местности.

В прагматическом отношении в каждом тексте виден отчетливый культурный фон. Цивилизация, культура, социум в целом оказывают влияние при создании текста. Ключевыми конструктами для изучения языковой картины мира являются концепты. Это семантическая единица, которая находит отражение в языке, а, следовательно, и в тексте и межкультурные концепты также играют значительную роль в них.

Межкультурные концепты в записках Бабур знакомят читателя с важными страницами жизни и быта среднеазиатских народов того времени – они освещают ментальные особенности этих этносов, их мировоззрение и мировосприятие.

Описывая смешение тюркоязычных и ираноязычных народов и племен в Центральноазиатском регионе, Бабур так писал о языковой ситуации в Кабуле (этот город не входил в состав Афганистана в то время): *«В долинах, равнинах и аймаках живут тюрки и арабы; в городе и некоторых селах проживают сарты (таджики). В других селах и районах живут таджики, береки, афганцы. В горах Газни живут племена хазаре и никудери. Среди племен хезари и никудери некоторые говорят на монгольском языке... В районе Кабула говорят на десяти-двенадцати языках: арабском, персидском, тюркском, монгольском, индийском, афганском, пеишаи, перачи, гебри, береки, ламгани. Насколько известно, ни в каком другом регионе не живет столько разных племен, говорящих на разных языках»* [2: 169]. Как известно, здесь происходила миграция народов, наблюдалось частое присутствие семитских, монголоязычных этносов. Поэтому контаминация языков в этом регионе было особенно интенсивным. И сам Бабур писал как на тюркском, так и на фарси.

Мы видим, что языковая ситуация того времени предполагала многоязычие. Вероятно, именно с этим связан тот факт, что на сегодня языки народов Средней Азии имеют пласт слов, которые широко используются и не всегда могут быть определены без специальных исследований. Характер смешений языков этих народов также отражается в представлении концептов в различных формах, имеющихся в языке каждого этноса.

Далее обратим внимание на некоторые номинанты межкультурных концептов в «Бабура-наме» и попытаемся рассмотреть их значения.

У Бабура находим интересные слова, которые часто им не поясняются, но смысл их достаточно ясен читателю, понимающий тюркские языки. Например, в составе имени бека употребляется слово *тагай*, по сути термин родства *тага*, очень распространенный в тюркских языках: «Другой был Али Дуст Тагай, из беков тумана Сагаричи, родственница матери моей мамы» [2: 48].

Юдахин в Кыргызско-русском словаре объясняет этот термин в кыргызском языке как «родитель со стороны матери» (дядя) там же отмечается, что слово характерно для южно-тяньшанского диалекта.

В значении «родственники по материнской линии» в тюркских языках встречаются слова *нагаши*, *тага*, *дайы/тайы*. Л.А. Покровская рассматривает слово *дядя* в казахском языке как вариант слова *нагалы* в монгольском языке, т. е. как заимствованное слово [6: 12]. Слово встречается в кыргызском, узбекском и уйгурском языках.

Г.Ж. Утегенова пишет, что «слово *тага* возникло на основе проникновения тайских и старших слов. Мы не совсем понимаем, что означают *старшие слова*, предполагаем, что это означает проникновение из древних источников. Таким образом, в кыргызском языке образовалось слово *таяке* (означающее ‘нагашы, отец’). В других тюркских языках словам *тай*, *даин* придают значение «нагашы». В монгольском языке и в некоторых тюркских языках слово *таабай* используется в значении *нагаши*, в том числе алтайском (*таай*), тувинском (*даай*), якутском (*таай*), где он имеет имеет корень слова с протяжной гласной» [9: 163].

Обратим внимание на женские титулы. Лексемы *биким/бегим* или *бики* использовалась в качестве женского титула в средневековых тюрко-монгольских ханствах. Титул *бики*, *биким* в тексте Бабура служит приставкой к имени знатной женщины: «Старшей из дочерей была Ханзаде Биким; она родилась от одной матери со мной и была старше меня на пять лет» [2: 39]. В данном случае Биким означает «принцесса». «Другим сыном был Султан Али Мирза; его матерью была Зухра Бики Ага» [2: 34]. Синоним для титула **биким** было слово **ханум**: «Другой сын был Султан Вайс Мирза; его матерью была Султан Нигяр ханум, дочь Юнус-хана, младшая сестра моей матери» [2: 28].

По всей видимости, слово происходит от титула *бек/бей/бий* (знатный, богатый). *Беками* тюрки называли предводителей отдельных полков или нукеров, состоявших на службе у правителя, хана. Они имели большие привилегии и составляли высшую военную знать. В странах Средней Азии *беки* входили в дворянство. Ханы назначали их правителями определенных областей. Слово *бек*, первоначально прибавляемое к имени, служило особым отличительным знаком (титулом).

В тексте из следующих строк: «Мой отец Омар Шейх Мирза оказывал ему (Тулун Ходже) внимание и все время оказывал ему милость. Я тоже проявил к нему заботу и сделал его беком» [2: 22]. «Не было поддержки и помощи от окрестных государей и беков» [2: 73] мы видим, что во времена Бабура титул *бека* нужно было заслужить. Позже этот титул стал наследственным, а затем стал употребляться как вежливое обращение к человеку, как показатель степени уважения. Во многих современных тюркских языках «бек» часто выступает

как составная часть или окончание в мужских именах – Атабек, Мирбек, Кылымбек, Сапарбек и т. п. (кырг., узб., тат., тадж, уйг.) и женских – Бегима, Бегимай, Бегай, Бегайым и т. п. (кырг.)

Таким образом, анализ некоторых межкультурных концептов в тексте «Бабур-наме» позволяет нам сделать следующие выводы:

1) Бабур использует межкультурные концепты как средство передачи историко-культурных реалий, которые максимально передают специфику национального образа жизни и быта восточных народов.

2) Межкультурные концепты свидетельствуют о том, что народы Центральной Азии имеют общее прошлое. Они отражают политические, экономические и культурные контакты народов, населяющих этот регион. И это отчетливо заметно в работах Бабура.

В результате рассмотрения этого вопроса мы можем сказать, что межкультурные концепты в произведении Бабура ярко воссоздали историко-культурные и языковые картины мира среднеазиатских народов, живших в средние века, и фрагменты действительности, представленные в произведении «Бабур-наме».

Необходимо отметить, что лексические единицы, объективирующие межкультурные концепты в записках Бабура, формировались под непосредственным влиянием социально-исторических, экономических, культурных, религиозных и других факторов и представляли собой сложную систему. Они возникли в процессе многовекового исторического развития. Многие из этих номинантов продолжают использоваться в современных тюркских и монгольском языках, часто с небольшими изменениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдыкадырова С.Р. Корреляция понятий концепт, художественный концепт и межкультурный концепт / С.Р. Абдыкадырова, М. К. Назарова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 2-1 (65). – С. 110–114.
2. Бабур З. М. Бабур-наме: Записки Бабура. пер. М. А. Салье; общ. ред. и дораб. С.А. Азимджановой. – Ташкент: Глав. ред. энцикл. 1993. – 464 с.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
4. Ёриева М.О. Захириддин Бабур – патриот, политик и поэт // Вопросы науки и образования, 2020. – № 7. – С. 44–48.
5. Мадмарова Г.А. Межкультурные концепты в тексте художественного произведения. – Бишкек: Бийиктик, 2017. – 393 с.
6. Покровская, Л. А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961. – С. 11–81.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.
8. Прозоров С.М. Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука ГРВЛ, 1991. – 315 с.
9. Утегенова Г.Ж., Шойбекова А.А., Базарбекова Н.Ш. Изучение родственных имён в тюркских языках // Филологический аспект. – Нижний Новгород, 2019. – № 10 (54). – С. 163.

ПОТЕНЦИАЛ КОРПУСА МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В СОСТАВЛЕНИИ СЛОВАРЕЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

Л.А. Абукаева

Марийский государственный университет (Йошкар-Ола)

В статье раскрывается методика применения ресурсов национального корпуса марийского языка в создании словаря образных сравнений и словаря эпитетов. Словари репрезентируют экспрессивный потенциал марийского языка, устного народного поэтического творчества, своеобразии стиля писателей и поэтов, предлагают образцы выразительных ресурсов марийского языка всем, кто интересуется языками и словесным творчеством. Как лексикографические труды нового типа, они вносят определенный вклад в теорию и практику составления словарей, содержат богатый материал для исследовательских работ.

Ключевые слова: корпус марийского языка, лексикография, словарь, образные сравнения, эпитет.

The article reveals the methodology for using the resources of the national Mari language when creating a dictionary of figurative comparisons and a dictionary of epithets. Dictionaries represent the expressive potential of the Mari language, oral folk poetry, the originality of the styles of writers and poets, the embodiment of the expressive resources of the Mari language to everyone who is interested in languages and verbal creativity. As lexicographic works of a new type, they make a certain contribution to the theory and practice of compiling dictionaries and contain rich material for research work.

Key words: corpus of the Mari language, lexicography, dictionary, figurative comparisons, epithet.

Цифровая лингвистика сегодня становится не только актуальным направлением языкознания, но и одним из средств, способных обеспечить сохранение и развитие языка. Национальные языковые корпуса прочно закрепляются в исследовательской практике, особенно в области прикладных разработок. Словари, с одной стороны, входят в круг ресурсов которые обеспечивают цифровизацию языка, наряду с технологиями (раскладка клавиатуры, системы проверки правописания, машинный перевод, распознавание и синтез речи) и Интернет-ресурсами (веб-сайты, библиотеки, платформы социальных сетей, сообщения на языке, комментарии пользователей и т. п., онлайн-ресурсы, которые позволяют изучать язык из любого места). С другой стороны, языковой корпус является уникальной базой для составления словарей. Данная работа демонстрирует практику применения ресурсов национального корпуса марийского языка в создании словарей экспрессивных ресурсов.

В отечественном языкознании уделяется достаточное внимание лексикографической репрезентации выразительных средств языка, в частности постоянных сравнений, сравнительных оборотов [5; 6; 7; 8; 9; 10], эпитетов [3; 4]. В марийской лингвистике до специальных проектов, возглавляемых автором статьи, задача составления словарей выразительных ресурсов на основе корпуса не ставилась. В целях восполнения этого пробела на базе корпуса марийского языка (сегодня в нем более 21 млн. слов) с 2016 по 2022 год было создано 2 словаря экспрессивных ресурсов: словарь сравнений и словарь эпитетов.

В словаре сравнений представлены образные сравнения из текстов марийского фольклора: молитв, заговоров, легенд, преданий, сказок, песен, пословиц, загадок, примет. Основу иллюстраций словаря составили также примеры из произведений марийской литературы, главным образом прозы и поэзии, в меньшей степени драматургии, причем в корпусе марийского языка имеются произведения как классиков марийской литературы и признанных писателей, так и начинающих авторов. Иллюстрации из произведений публицистического и научно-популярного стилей были извлечены из сборников, журналов.

Выборки посредством корпус менеджера составлялись по структурным параметрам, а именно с учетом способов и средств оформления образных сравнений в марийском языке.

1. В многочисленную группу вошли образные сравнения с лексемами *сынан* 'определённого вида', *тўсан* 'определённого цвета; с внешностью, видом, лицом', *ушагаш* 'походить, быть похожим', *ушештараш* 'напоминать': *Кукшо куэ пу чыра семын ылыжеш. Тулора, тале бомбёжкым ушештарен, вуйушым пудырата.* И. Иванов. Сухие берёзовые дрова загораются, как лучина. Огромный костёр, напоминая бомбёжку, путает мысли [1: 327]; *Кожвонго сынан чодырам мардеж, шерын, лышташым пушенге йымаке кышка.* В. Дмитриев-Ози. Прочёсывая лес цвета рыжиков, ветер кидает листья под деревья [1: 377]; *(Ачамын) Шўргыначкаже веле чевер полан тўсан.* В. Осипов-Ярча. И только лицо (у моего отца) цвета красной калины [1: 455].

2. Наибольшую сложность для обработки вызвали выборки, в которых образные сравнения были выражены именами существительными в форме сравнительного падежа, поскольку возникала морфологическая омонимия: *Ўжмō йўкыш йўр гае толам, – «пуро» да «чеверын» мут кокласе пагыт шўдырла волен йўла.* А. Иванова. На зов твой я приду, как дождь, – миг между словами «входи» и «прощай» горит и падает, как звезда [1: 235].

3. Самым продуктивным способом выражения сравнения в марийском языке являются компаративные конструкции с послелогоми *гай / гае / гане / гаяк* 'как, словно, точно, будто, что, подобно', *семын / семынак* 'как, словно, точно, подобно': *Эр кече – поро пошкудем сескемым корнышкем шавен. Вўдшор гаяк пиал ташла, ош кōгōрчен гай кумылем.* В. Колумб. Утреннее солнце – мой добрый сосед – рассыпало на моём пути искры. Точно весеннее половодье, разливаясь счастье, как белый голубь моя душа [1: 247]; *Кўлеш кўсле кыл семын йонгалтише тыныс шын!* В. Регеж-Горохов. Нужна мирная тишина, звучащая, как гусельная струна [1: 461].

4. Сравнения, оформленные при помощи частиц *чылт / чылтак* 'будто, как, словно, как будто, точно'; *ялт / ялтак* 'точь-в-точь, словно, как, как будто, точно', *лач / лачак* 'точно, словно', не отличаются продуктивностью. Чаще эти средства употребляются в конвергенции с другими способами и средствами: *Пырысиге кенета толын лекте мый декем. Капше тудын – пун ора, ялтак мамык мундыра.* В. Регеж-Горохов. Вдруг ко мне подбежал котёнок. (букв. тело – пуховый комок), точно пуховый клубочек [1: 286]; *Осал шомак йылмем гыч – ялт пачемыш, – умдан, аярже эм шотеш ок тол.* А. Иванова. Злое слово из моих уст – точно оса – с жалом, и его яд не исцеляет; *А имне пеш мотор: виль-виль шем пунан, оржаже – чылт шем толкын, йолжо гын, пуйто ший таганан.* К. Васин. А лошадь очень хороша: густой чёрной масти, грива – точно чёрные волны, а ноги – будто с серебряной подковой [1: 227].

5. Из синтаксических способов выражения значения сравнения в словаре представлены компаративные конструкции, оформленные по моделям: «имя существительное + *деч / дечат / дечын* + имя существительное»; «имя существительное в функции подлежащего + имя существительное в функции сказуемого»: *Тужвалне шыве-шыве пелештет гынат, кажне шомак волгенче дечынат писын шарла*. Ю. Байгуза. На улице даже если говоришь шёпотом, каждое слово разносится быстрее молнии; *Көн шомакше – күзө, а көн – кинде чевер*. В. Колумб. Чьи-то слова – нож, а чьи-то румяный хлеб [1: 427].

6. Малопродуктивную группу в словаре составляют конструкции, осложненные вводными словами, например: (*Ўдыр-влакын*) *Мур йўкышит тыматле моткочак, шонет, леве йўр опталеш*. М. Казаков. '(У девушек) Голоса такие ласковые, думаешь, проливается тёплый дождь' [1: 81].

7. Сравнительные обороты и придаточные сравнения, вводимые с помощью союза *пуйто* 'будто' также не отличаются продуктивностью: *Москваште мыйым татар јдыр Бибинур чолга ончалтыш дене чотак сымыстарыш. Тугае поро ыле, пуйто шыже нур, тугае ныжыл ыле, пуйто порсын ярим*. В. Рееж-Горохов. В Москве меня смелым взглядом заворожила девушка-татарка Бибинур. Такая добрая была, будто осеннее поле, такая нежная была, как шёлка прядь [1: 356];

8. Единичными примерами в словаре представлены отрицательные сравнения: *Ончо, тудын шинчаже могае, чылт фара гай. Тиде јдыр огыл – тул*. Н. Лекайн. Смотри, какие у неё глаза, точно как фары. Это не девушка – огонь [1: 335].

Словарь эпитетов стал вторым в серии словарей нового типа марийского языка. Перд его созданием с опорой на толковые словари марийского языка был составлен список имен прилагательных, причастий в функции прилагательных и наречий, которые, употребляясь в переносном значении, могли реализовать свой выразительный потенциал, а значит, выполнять в тексте функции эпитетов. Традиционный метод создания выборки, т. е. на основе анализа произведений современных марийских поэтов, позволил внести корректировки в первоначальный список. В словарь были включены народно-поэтические, общезыковые и индивидуально-авторские эпитеты.

В отличие от словаря эпитетов русского литературного языка, в котором словарные статьи возглавляют определяемые существительные [3, 4], в словаре эпитетов марийского языка именно эпитеты выступают в качестве заголовочных слов, например: **ПҰСӖ** 1. перен. острый; обострённый, пронизательный, пытливый; зоркий. *Ончо, сонарзе, да йывырте, ПјсӖ шинчатым моктен*. А. Иванова. Смотри, охотник, и радуйся, свой зоркий глаз хваля. *Тура тыйын пјсӖ ончалтыш*. С. Григорьева. Прямой твой острый взгляд. *Мемнан шўшкан писылык – пјсӖ уш-акыл!* В. Колумб. Наша спорость – острый ум! *Чын акым пуаш пјсӖ акыл лийман*. Г. Гадиатов. Чтобы дать объективную оценку, должен быть острый ум [2: 184].

Народно-поэтические эпитеты, включенные в словарь главным образом из текстов молитв, песен, в определенной степени раскрывают языковую картину мира мари: *Чевер кечет легылдалеш, Сандалык калыкетым сӧрастараш легылдалеш*. МКМ. Красное солнце восходит, чтобы весь народ умиротворить восходит. *Чевер кечыжат мемнам ырыкта, Тичмаш тылзыжат мемнам онча*. МКМ. И красное солнце нас согревает, и полная луна нас освещает [2: 262]; *Тудо шуымо вопшышко Толын пурен мўндырчын Ший йолан, ший шулдыран Юмо колтыммо мўкшава*. МКМ. В ту установленную борть прилетела издалека

посланная Богом пчёлка-маточка с серебряными ножками, с серебряными крылышками [2: 308].

Индивидуально-авторские эпитеты раскрывают мастерство поэтов, возможности марийского языка. В словаре представлена в числе эпитетов и потенциальная лексика: *Сылне ото «кувандайжым» пеш вуча, варарак вес тус пура тудлан – той-шолгым*. В. Дмитриев-Ози. Прекрасная роща всё ждёт «свою бабушку», позже она оденется в другой цвет – медно-огненный [2: 211].

Таким образом, словари марийского языка нового типа демонстрируют возможности языкового корпуса в области лексикографии, своеобразие, яркость, богатство марийского языка, нашедшие воплощение в образных сравнениях и эпитетах. Электронные версии расширяют доступ к материалам словарей и способы их применения. Оба словаря были составлены и опубликованы при поддержке программы Государственная национальная политика Республики Марий Эл. Словари распространяются по свободной лицензии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абукаева Л.А., Чемышев А.В., Митрускова А.А. Словарь сравнений марийского языка. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2019. – 493 с. Электронная версия: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=955582>.
2. Абукаева Л.А., Чемышев А.В., Митрускова А.А.; МарНИИЯЛИ. Словарь эпитетов марийского языка. – Йошкар-Ола, 2022. – 408 с. Электронная версия: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=997706>.
3. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. – Л.: Наука, 1979. – 567 с.
4. Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – 224 с.
5. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: темат. словарь / Куб. гос. ун-т. – Краснодар, 1998. – 270 с.
6. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. – СПб.: Норинт, 2003. – 608 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений / под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
8. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимоантонимический). – М.: ООО «Русские словари», 2001. – 800 с.
9. Самчик Н.Н. О проекте словаря сравнений русского песенного фольклора // Региональный вестник. – 2019. – № 18 (33). – С. 47–48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41227820> (дата обращения: 05.07.2024).
10. Шадрин Н.Л. Русско-английский словарь устойчивых сравнений. – СПб.: ООО «Золотой век», 2003. – 528 с.

УДК 812.112

СТРУКТУРНАЯ АСИММЕТРИЯ В МОРФЕМНОМ СОСТАВЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

О.И. Асланова

Навоийский государственный горно-технологический университет (Навои)

Асимметрия в языке (от греческого *asymmetria* – не соразмерность беспорядочность) означает отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц, отражающее одну из основных особенностей строения и функционирования естественного языка. Асимметрия проявляется в двух феноменах: в различении центра (ядра) и периферии и в расхождении между означенными и означающими.

Ключевые слова: морфемика, структурная морфемика, формы и содержания, аспекты.

Asymmetry in language (from the Greek *asymmetria* – disproportion, disorder) means a deviation from orderliness, regularity, uniformity in the structure and functioning of linguistic units, reflecting one of the main features of the structure and functioning of natural language. Asymmetry is manifested in two phenomena: in the distinction between the center (core) and the periphery and in the discrepancy between the designated and the signifiers.

Keywords: morphemics, structural morphemics, forms and contents, aspects.

Как материя находится в постоянном движении, изменении, так и в процессе последовательного развития языка, в последнем постоянно происходят те или иные изменения, особенно, в его словарном составе, медленнее, в фонетической системе, в морфемном составе этот процесс является естественным и охватывает определенный длительный период.

Отмечено, что изменения, происходящие в составе морфем слов, связаны с многочисленными явлениями фонетических изменений, а также с употреблением слов в переносных значениях. В результате таких изменений в словообразовании, слово частично или полностью теряет свое лексическое значение и полностью исчезает из употребления. Аффикс же теряет свое словообразовательное свойство. В результате этого изменения морфемный состав слова приобретает ту или иную структуру, отличную от предыдущей структуры. Как правило, при определении морфемного состава слова, в основном, уделяется внимание выражаемым аффиксами значениям и грамматическим признакам в синхронном плане. Вернее, при анализе состава морфем слов необходим двусторонний подход: диахронический и синхронический. Если мы при анализе морфемного состава слова смешиваем эти две точки зрения, взгляды, тогда возникнут взгляды, отрицающие друг друга. Например, слово *айт* (букв: скажи), *айтмок* (букв: сказать) в современном языке не расчленяется на морфемные части, тогда, как оно состояло из двух морфем, в древности его элемент *ай* являлся корнем (современный глагол *айтди* – сказал) в древности имел форму *айди*, значит, элемент *-т* является присоединенной морфемой к этому корню, выражающей превосходную степень. Если от этого слова образовать превосходную степень на современном этапе его развития, то оно примет форму *айттир*. В древности же сама единица *айт* была в форме превосходной степени. Это является свидетельством того, что древнее слово *айт* (скажи) и современное *айттир* (передай что-нибудь через кого-нибудь) аналогичны друг другу в семантическом отношении. В современном слове *айт* морфема *ай* не отделяется (и не функционирует без *-т*) не выделяется показатель превосходной степени (неделимое слово) и поэтому, в этом слове нет значения превосходности. Точно также, если рассмотреть неделимый на морфемы глагол *арт*, то можно из источников выяснить, что оно тоже образовано от корня *ари* фактически, данное слово образовано от корня *ари* (значение глагола *ари*: исчезнуть, быть в небытии, уйти и т. п). Например, *Куйлакнинг кири ариди* – Грязь с платья (рубашки) исчезла. *Дарди - касали ариди* – Печаль-болезнь исчезла. Пословица: *Калла солган жойдан ит аримас* – букв: Собака не исчезает с того места, где варится голова животного. *Уйдан мехмон аримади* – Гости, не переставая, приходили в дом. Аналогичное явление, наблюдаемое в словах *ост*, *уст*, *олд* (состоящих из двух морфем) отмечены такими учеными-лингвистами,

как Н.А. Баскаков, И.К. Дмитриев, А.И. Кононов, А.М. Щербак, Э.В. Севортян, А. Гулямов, Х. Нехматов. В источниках отмечается, что самыми основными фактами исторических изменений, наблюдаемых в морфемном составе единиц, являются опрощение и повторное деление на морфемы. Но исследования последних лет свидетельствуют о том, что наблюдаются и другие виды изменений морфемной структуры слов. Непроизводность, целостность, специализация (терминологизация), притяжательность и др. Изменения морфемного состава слова происходят в силу следующих причин:

1. Лексическое значение слова бывшего составным в прошлом, изменяется в результате прогресса, произошедшего в языке. Это, в свою очередь, приводит к изменениям морфемного состава. Например, глагол *унда* (*ундамоқ*) – пригласи, вели (приглашать, велеть) является не производным в плане синхронии. Однако в диахронии он восходит к образованию с помощью аффикса *-да*, на основе *-ун*. Это слово в современном языке связан со словом *ун*, являющимся синонимом слову *овоз* – голос. Впоследствии, в результате соединения основы и аффикса, превратилось в однокорневую морфему. К этому же ряду можно отнести: *ичкари* (внутренняя часть помещения, двора), *ташкари* (внешняя, наружная часть помещения, двора), *илгари* (ранее).

2. Основа производного слова может возникнуть и в результате выпадения из употребления образующей основы. Например, основа слова *кишан* исторически является производной, т.к часть *киши* является основой самостоятельного глагола (например, *Ол отиғ кишеди* – У огни оёгидан кишанлаб боғлади – Он треножил лошадь) *-а(н)* же являлись дополнительными словообразовательными аффиксами. В результате последовательного развития, языка слово *киши* исчезло, с помощью аффикса *-а(н)* образовался один корень, на сегодняшний день значение слова *киши* объясняет слово «кишанла» на первый взгляд кажется, что слово состоит из двух морфем (корня *кишан* 1. путы, 2. кандала) и подчинительной морфемы (*-ла*) сделай. На самом же деле было так: *кеша(л)+н+ла*.

3. Фонетические изменения в звуковом комплексе слова могут привести и изменениям морфемного состава слова. Например, слово *совчи* (сват, сваха) современного узбекского языка образовано от слова *сав* (по-уйгурски означает «слово») в результате изменения звучания и развития значения эта единица преобразовалась в корневое слово.

4. В нашей речи есть такие слова, развитие которых привело к мономорфемности, в таких единицах наблюдается архаизация и в корне, и в аффиксе. В современном языке устарел каждый из компонентов. К числу таких примеров можно отнести слово *юксак*. Это слово в современном узбекском языке считается корневым словом. Исторически корень этого слова восходит к *юк* (*йук ер* – *йукори ер* – в значении места), который служил для образования глагола с аффиксом *-са* (в современном языке этот аффикс относится к числу непродуктивных, т. к. с его помощью образуется небольшое количество слов: *сувсамоқ* – испытывать жажду). Аффикс образовал степенную форму глагола. На современном этапе значение основы стерто, аффиксы *-са* и *-л* срослись с корневой морфемой.

Таким образом, изменения произошли в небольшом количестве слов, т. е. такие явления редки. При этом следует напомнить о том, что проблема глубокого анализа и исследования различных изменений, происходящих в составе слова, связана не только с морфемикой, но и с морфологией, лексикологией,

семасиологией. Изучение морфемного состава слов и связанных с ним решений требований проблем с современным их функционированием, играет важную роль при определении исторического генезиса частей речи, при изучении истинного лексического значения.

Асимметрия формы и содержания проявляется в трех аспектах: синтагматическом, парадигматическом, и семиотическом. Они выражаются в том, что число элементов плана выражения (означающих) и плана содержания (означаемых) не совпадает либо первых оказывается больше, чем вторых, либо наоборот [3: 26].

В истории лингвистики, хотя и не было игнорировано значение, при описании свойств языковых единиц уделялось основное внимание, в основном, форме, внешней стороне подобных единиц.

Одна из особенностей лингвистических единиц – дискретность Ф. де Соссюром была выделена при опоре на формальную сторону языка.

С.О. Карцевский в статье «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» (1929) отмечает, что «Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими значениями. Всякий знак является потенциально “омонимом” и “синонимом” одновременно, т. е. он образован скрещением этих двух рядов мыслительных явлений» [6: 85].

В функционировании тюркских языков, в том числе, узбекского языка, под воздействием различных закономерностей в структурном отношении в морфемном строе образуются новые единицы – новые корни и аффиксы; следовательно, сложные формы – сложные аффиксы, аналитические и синтетические форманты, где одно означаемое выражается двумя, тремя означающими, структурно-семантические сдвиги благоприятствуют появлению новых единиц, благодаря которым слияние нескольких форм совмещает в себе одно означаемое.

В истории языкознания данные изменения получили своё обоснование в закономерностях «морфологической абсорбции» и «переинтеграции» Н.В. Крушевского, «опрощения» и «морфологическом переразложении» В.А. Богородицкого, «гипераглютинации» В.В. Радлова, «фузи» Э. Сепира и А.Н. Кононова, «Асимметрическом дуализме» С.О. Карцевского, «функциональной транспозиции» Ш. Балли, так что, если бы знаки были не подвижны каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием это не так. Но также невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуации. Из этого следует, что природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Знаку свойственно фундаментального асимметрия. Особенности временной связи значения и звучания – именно в её асимметричности [5: 425].

Асимметричность формы и содержания соблюдается в различных уровнях морфемики, словообразование и морфология узбекского языка. В узбекском языке имеется определенная группа сложных аффиксов, или «ходячие комплексы» по определению Н.Я. Марра. Например: сложный аффикс *-чилик* (*дехканчилик* «земледелие», *чорвоachelik* «скотоводство»), *-мокда* (*бормокда* «идет»), *-мокчи* (*бормокчи* «намерение пойти») в современном узбекском языке активно функционируют в сфере словообразования и формообразования языка.

Изучение особенностей сложных аффиксов приводят к тому, что в языке имеются и смежные, семантико-функционально эквивалентные единицы. В этом плане особенно характерно положение, занимаемое аналитическими формантами:

- р эди (сурар эди «опрашивает»),
- ган эди (борган эди «посетившие»),
- (и)б эди (куриб эди «увидевшие»),
- са эди (борса эди «если бы посетил»),

которые функционируют в системе языка как целостные единицы, при том они являются базой для образования новых сложных аффиксов (*бориб эди* > *боруди*: -увди аффикс морфологии разговорного языка *бораётибди* > *бораяпти*: -япти и др.). «Любой аналогический формант в языке выполняет функцию одной морфемы, выражает одно определённое значение. Морфемы, входящие в состав одного аналитического форманта, не имеет самостоятельности, они семантически опустошены и в результате идиоматизации создали одно значение. Приобретенное в процессе развитие языка это значение выражается не отдельно взятыми компонентами аналитического форманта, а формантом в целом» [7: 73].

Отличие аналитического форманта и сложного аффикса сводится и внешней структуре: составляющие аналитического форманта пишутся отдельно, но их непосредственно – составляющие (НС) в историческом развитие языка создание одного единого значение, в прочем более актуальным является значение второго компонента [10: 88].

В синхронной системе узбекского языка, как в именных частях речи, так и в глагольной сфере существует масса аналитического формантов, но в научной литературе при трактовке подобных единиц имеется большой разнобой, которые в конечном итоге создают впечатление о том, что тюркские языки менее развиты и бедны в морфологическом отношении, чем другие языки. Но данное впечатление искусственно созданное исследователями, полностью отвергается фактами тюркских языков, которые показывают богатства и насыщенность, семантическую и функциональную объёмность, содержательности и мобильности строя этих языков.

В тюркских языках, в том числе, в узбекском языке в функциональной сфере действует определённая группа формантов синтетического характера, внешне сходные со сложными аффиксами, выработка критериев по их различению имеет большую научную ценность.

В языкознании имеются отдельные указания по различению сложности аффиксов и синтетических формантов. Так по мнению А.А. Реформатского сложных аффиксов типам. Если к составу первого причисляются придаточные морфемы, то формант состоит из сочетания суффикса и флексии [8: 272–273]. Данная идея легла в основу специальных лингвистических определений: «Формант 2. Сложный определитель слова, возникший в результате слияния (фузии) деривационного и реляционного аффикса» [1: 502]. Суффикс, слившийся с окончанием [9: 466]. В отдельных тюркологических исследованиях различают по степени спаянности лично-числовых форм с основами времён и наклонений два типа спряжений, причём, в первом типе элементы парадигмы обладают свойством «отдельности», а вторые – «смежности»: «Характерной особенностью форм времени и наклонения с этой группой личных аффиксов является тесная связь (“слитность”) показателей лица с основой времени или

наклонения ... Основы времени и наклонения этого типа, в противоположность причастным основам, вне аффиксов категории лица не являются отдельными единицами языка. Они могут быть извлечены из состава парадигм только как “лингвистическое отвлечение” и вне парадигм не существуют» [4: 171].

В тюркских языках, и в узбекском языке от фоно-семантического развития аналитических формантов возникли форманты синтетического типа. См. *бара турур мен > барадурмен > бор-а-ман; бара турур сен > борадурсан > борасан...*, а их сокращение в III лице выросло до уровня сложных аффиксов: *бара турур > барадурур > борадир > бореди: бор-ади ...*; см. ещё: *бораётибди > бораяпти: бора-япти; бораяпман «я иду»; бораяпсан «ты идёшь»; где основа бораяп – самостоятельно не существует.*

Как явствует из вышеизложенного, в структуре тюркских языков функционируют наряду с простыми аффиксами, множество сложных аффиксов, аналитических и синтетических формантов, которые являются результатом закономерности ассиметричного дуализма языкового знака, исследование которого обогатит науку о языке ценными сведениями. Эти сведения корректируют и дополняют наши представления об устройстве языков, в том числе, тюркских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 606 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 1998. – 685 с.
3. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: морфология. – М., 1986. – 311 с.
4. Иванов С. Н. Родословное древо тюрков Абу-л-гази-хана. – Ташкент, 1969. – 203 с.
5. Караулов Ю.Н. Ассиметрия языкового знака во времени // Современные проблемы лингвистического исследования и «языкознания»: к 70-летию академика М.Б. Кранченко. – М., 1974. – С. 425.
6. Карцевский С. Об ассиметрическом дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. – М., 1965. – С. 85.
7. Оралбаева Н. Аналитические формы глагола в современном казахском языке: автореф. дис. д-ра филол. наук. – Алма-Ата, 1971. – 75 с.
8. Реформатский А. А. Введение в языковедение. – М., 1967.
9. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов. – М., 1972. – 495 с.
10. Юлдашев А. А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. – М., 1977. – 270 с.

УДК 812.101

СУЩНОСТЬ ЦИФРОВОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ВУЗАХ УЗБЕКИСТАНА

Б.Ш. Ашууров

Навоийский государственный педагогический институт (Навои)

Цифровая лингвистика в обучении русскому языку как иностранному в высшей школе рассматривается как раздел профессиональной лингвистики, изучающий теоретические и практические проблемы высшего образования, основные составляющие образовательного процесса в вузе (закономерности, принципы, формы, методы, технологии, содержание), а также особенности и условия, обеспечивающие эффективное представление образовательных услуг обучающимся при помощи информационных технологий и интернета.

Ключевые слова: цифровая лингвистика, информационные технологии, цикл хайпа, образовательные услуги, задачи цифровой лингвистики, риски цифровой лингвистики.

Digital linguistics in teaching Russian as a foreign language in higher education is considered as a section of professional linguistics that studies theoretical and practical problems of higher education, the main components of the educational process at the university (patterns, principles, forms, methods, technologies, content), as well as features and conditions that ensure the effective provision of educational services to students using information technology and the Internet.

Key words: digital linguistics, information technology, hype cycle, educational services, tasks of digital linguistics, risks of digital linguistics.

Понятие «цифровая лингвистика» (digital philology) впервые прозвучало в 1995 году в Массачусетском университете в процессе обсуждения преимуществ информационно-коммуникационных технологий для развития экономики. В соответствии с утвержденной «Стратегией развития информационного общества Узбекистана на 2017–2030 годы» под цифровой лингвистикой подразумевается в Узбекистане «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [1].

Под цифровым искусством искусствоведы понимают творческую деятельность, опирающуюся на информационные (цифровые) технологии, в процессе которой создаются художественные произведения в цифровой форме или созданные с применением специальных компьютерных программ, а также художественные формы, существующие только в компьютерной сетевой среде [2]. У нас в Узбекистане цифровые процессы тоже широко применяются искусствоведами нашей Республике Узбекистан.

А также цифровое здравоохранение или цифровая медицина предполагают использование информационных и коммуникационных технологий в целях внедрения электронного делопроизводства в медицинских учреждениях, учета персональных медицинских документов пациентов больниц, телемедицины, высокотехнологичной медицинской помощи и др.

Таким образом, добавление прилагательного «цифровой» к названию конкретной отрасли профессиональной деятельности указывает на ее непосредственную связь с цифровыми компьютерными технологиями, предоставляющими новые возможности развития как самой отрасли в целом, так и конкретной личности, осуществляющей этой деятельность. Отметим, что в данном случае мы имеем в виду непроизводственную сферу профессиональной деятельности, включающую в себя науку, образование, культуру, искусство, здравоохранение, финансы, систему массовых коммуникаций и т. д. Целью нашего исследования является оценка перспектив и трудностей развития цифровых образовательных технологий в высшей школе, внедрение которых направлено прежде всего на формирование современного компетентного специалиста, готового к профессиональной деятельности в современных реалиях.

Изначально под цифровой лингвистикой подразумевалась коммуникативная деятельность с использованием информационных компьютерных образо-

вательных технологий, то есть современных технических средств обучения (далее – ТСО): электронный проектор вместо диапроектора, позволяющий демонстрировать визуальный материал, сделанный в Power Point; электронные доски, электронная почта, интернет, вебинары, телеконференции и, конечно, дистанционные образовательные технологии. Данный этап является очередным витком внедрения ТСО после 60–90-х годов прошлого столетия, когда казалось, что применение кодоскопа или эпидиаскопа, автоматизированных классов контроля и обучения типа технических новинок того времени повысит эффективность лингвистического учебного процесса и даже позволит заменить преподавателей техническими устройствами. Однако техника требовала методической поддержки, наполнения учебным содержанием изучение иностранных языков, а также преподавателей, способных и желающих ее использовать. В результате первоначальный восторг несколько угас.

Современная позиция, отраженная в журнальных статьях, сводится к тезису, что «цифровая лингвистика использует цифровые инструменты для повышения качества преподавания и обучения языков в вузах Узбекистана», при этом отмечается, что цифровая среда не может эффективно функционировать без специально подготовленных преподавателей [3; 4]. Таким образом на новом технологическом витке ситуация повторяется, так как проблему качества образования нельзя решить только за счет современных достижений в области информационно-коммуникационных технологий. Тем не менее, определение цифровой лингвистики как лингвистики, обеспечивающей высокое качество образования с помощью компьютеров и программ [5] принимается и продвигается образовательных сообществом.

Иные точки зрения на цифровизацию образования лингвистических направлений базируются на идеях индивидуализации, персонализации, точнее, персонализированного обучения..

Известная исследовательская и консалтинговая компания «Gartner», специализирующаяся на рынках информационных технологий, в 1995 году ввела понятие «цикл хайпа», используемое в процессе анализа новых тенденций, следующих за появлением новых технологий. Термин «Hypecycle» в русском языке понимается как цикл ажиотажа, шумихи, общественного интереса, ожиданий, признания.

Смысл «цикла хайпа» заключается в выделении нескольких этапов последовательного развития и внедрения технологической инновации. Для каждого этапа характерна различная степень интереса к конкретной инновации со стороны специалистов и общества.

Возвращаясь к цифровой лингвистике, можно предположить, что на данный момент она переходит на третий этап, этап объективной оценки возможностей, преимуществ, эффективности цифровых технологий в образовании, с одной стороны, и ожидаемых потерь, разноплановых проблем и даже опасностей, связанных с отсутствием серьезных научных подходов к их глобальному внедрению на всех уровнях образования.

Миссия цифровой лингвистики как средства обучения হচ্ছে же zpsre обеспечивается технологическими возможностями, которые проявляются отчасти в улучшении старого качества и отчасти в появлении нового качества. Рассмотрим несколько примеров инноваций в области информационно-коммуникативной технологии, относящихся к цифровой лингводидактике [8].

Роль цифровой лингвистики в обучении русскому языку в Узбекистане. Глобальным изменениям подвергается образовательная среда в целом. Здесь мы еще раз обратимся к ученым компании Gartner, которые предложили дефиницию цифровой профессиональной деятельности, точнее цифрового обучения, как новую модель бизнеса, масштабно охватывающую людей и всю сферу их жизни, при помощи информационных технологий, Интернета, и обеспечивающую эффективное персональное обслуживание всех, везде и всегда. В настоящее время мы живем в постиндустриальном обществе – обществе, в экономике которого в результате научно-технической революции и существенного роста доходов населения приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, то есть деятельности, направленной на удовлетворение потребностей человека и общества в целом, и в процессе которой не создается материально-вещественный продукт. Услуги предоставляет любая, созданная и поддерживаемая обществом, инфраструктура: армия, финансы, транспорт, связь, здравоохранение, образование, наука, культура, производство и продажа программного обеспечения и др.

В связи с этим философы отмечают развитие «цивилизации услуг». Услуги работников образования не принимают предметной формы и не входят составной частью в стоимость товара. Но эффективные качественные образовательные услуги в современном обществе могут быть предоставлены только на основе информационно-коммуникативных технологий, методологически определенных и поддержанных цифровой педагогикой.

Цифровая лингвистика (обучение русскому языку) – это не внедрение цифровых технологий в учебный процесс. В термине «цифровая лингвистика» главным понятием, смыслообразующим словом является «лингвистика», и поэтому позволим напомнить, что лингвистика – наука о специально организованной целенаправленной и систематической деятельности по формированию человека, о содержании, формах и методах воспитания, образования и обучения. Соответственно, лингвистика высшей школы – отрасль лингвистической науки, как раздел профессиональной лингвистики, изучающий теоретические и практические проблемы высшего образования, основные составляющие образовательного процесса в вузе (закономерности, принципы, формы, методы, технологии, содержание), а также особенности и условия, обеспечивающие эффективное представление образовательных услуг всем обучающимся, везде и всегда. И если мы говорим о цифровой лингвистике, то к выше приведенным дефинициям лингвистики добавляем слова «при помощи информационных технологий и интернета», подчеркивая, что «цифра» является только средством, механизмом инновационного развития образовательного процесса, которое может существенно повлиять на все выше перечисленные элементы, а также и на самого обучающегося. Это может быть что угодно: от простого использования PowerPoint в аудитории до массовых открытых онлайн-курсов.

Примерами элементов учебного процесса, организованного на основе цифровой лингвистики, являются задания по ведению блога, использование социальных сетей для организации дискуссий, применение цифровых инструментов для тестирования идей. Цифровая лингвистика расширяет возможности преподавания, обучения и учения, предлагает иные разнообразные способы выполнения самостоятельной работы, проведения практических занятий, оценивания выполненных работ и др. Цифровая лингвистика позволяет развивать методы обучения, направленные на приобщение студентов к творческой прак-

тике, стимулирующие творческие проявления студентов, применения образных моделей теоретических понятий. При этом необходимо направить педагогические усилия на формирование у студентов стремления к новым знаниям, желания обсудить новые знания, услышать чужое мнение, создать новое знание, что обеспечивается организацией неформального общения в социальных сетях, онлайн-сообществах, блогах. И тогда мы сможем говорить о том, что информационные технологии способствуют развитию и поддержанию познавательной активности обучающихся.

Основные задачи цифровой лингвистики. Зарубежные авторы отмечают, что «барьеры первого порядка для интеграции информационно-коммуникативных технологий в преподавание и обучение включают в себя нехватку ресурсов, времени, доступа и технической поддержки. Препятствиями второго порядка являются убеждения педагогов относительно информационно-коммуникативных технологий». Также следует отметить проблему академической недобросовестности студентов, значительно возросшую благодаря цифровизации, а точнее Интернету – проблему заимствования в студенческих письменных работах [11].

Здесь опять обратимся к исследованиям в области цифровых технологий. В статьях [8–11] предлагается перечень мероприятий, необходимых для осуществления цифровой трансформации предприятия: превратить своих клиентов в партнеров; раскрыть творческий потенциал персонала; преобразовать свои продукты в услуги; сделать все бизнес-процессы гибкими, масштабируемыми и естественными; пересмотреть или при необходимости выработать новую модель цифровизации. На этой основе мы предлагаем модель дорожной карты преобразования образовательного процесса вуза, включающую в себя:

- создание партнерских отношений между преподавателями и студентами, предполагающих условное соглашение о полном доверии друг к другу, взаимном интересе, взаимной готовности делиться опытом и принимать этот опыт, о стремлении, мотивации к саморазвитию и совершенствованию;
- раскрытие творческого потенциала профессорско-преподавательского состава;
- формирование установки на понимание необходимости создания и предложения образовательных услуг;
- организацию мобильных, хорошо структурированных гибких учебных процессов;
- внедрение инновационных педагогических практик.

Массовое внедрение и развитие цифровой лингвистики в высшей школе ставят перед ней как методической наукой следующие задачи:

- осознание и понимание неизбежности всеохватывающей цифровизации общества; преодоление цифрового разрыва между университетами и цифровой реальностью XXI века;
- фундаментальные изменения в дидактике высшей школы, прежде всего касающиеся средств и методов обучения и контроля;
- решение проблемы персонализации образования на базе цифровой образовательной платформы;
- изучение реальных возможностей результативного использования в учебном процессе цифровых ресурсов (инструментов, источников, сред, сервисов), непрерывно предлагаемых разработчиками информационно-

коммуникативных технологий для повседневной и профессиональной деятельности; здесь мы намеренно используем понятие «результативный» вместо «эффективный», т. е. дающий хороший, ожидаемый результат;

- исследование когнитивных и психофизиологических механизмов учебной деятельности обучающихся на всех уровнях высшего образования;
- решение лингводидактических проблем обучения, в том числе и проблем – это не копия;
- современные исследования знакового моделирования учебного содержания с помощью информационно коммуникативной технологии;
- подготовка профессорско-преподавательского состава для работы в цифровой образовательной среде;
- изучение влияния цифровых технологий на здоровье студентов;
- незамедлительные решения касательно неподготовленности российских студентов к работе с учебными и научными текстами, формирования у будущих студентов умения и готовности к самостоятельной учебной деятельности, развития системного мышления в процессе общего образования;
- изучение, анализ и дальнейшее прогнозирование рисков массового внедрения цифровых технологий в образовательный процесс.

Решение этих задач требует больших усилий и затрат со стороны государства, общества и лингвистического сообщества и поэтому, безусловно связано с рисками, то есть вероятными событиями, в результате наступления которых могут произойти не только положительные, но и отрицательные последствия [11: 15–20].

В качестве рисков цифровой лингвистики на данном этапе мы отмечаем:

- академическую недобросовестность студентов, связанную с проблемой скачивания рефератов, домашних заданий, решений задач и тестов;
- «цифровое рабство» (использование цифровых данных для управления поведением обучающихся);
- противостояние профессорско-преподавательского состава массовому внедрению информационно-коммуникативных технологий в учебный процесс;
- рост безработицы на рынке профессорско-преподавательского состава;
- риск негативных последствий воздействия информационных технологий на человека;
- «цифровой разрыв» – разрыв в цифровом образовании, обусловленный различиями в условиях доступа к цифровым услугам и продуктам в зависимости от уровня благосостояния обучающихся, а также уровня развития страны их проживания; в последнее время стали говорить о цифровом разрыве еще в одном аспекте – зависимости обучающихся от уровня способностей к использованию цифровых технологий, выражающемся в том, что кто-то способен к творческой деятельности, а кто-то только к стандартным операциям связи; помощью информационно-коммуникативной технологии.

Таким образом, добавление прилагательного «цифровой» к названию конкретной отрасли профессиональной деятельности указывает на ее непосредственную связь с цифровыми компьютерными технологиями, предоставляющими новые возможности развития как самой отрасли в целом, так и конкретной личности, осуществляющей этой деятельностью. Отметим, что в данном случае мы имеем в виду непродуцированную сферу профессиональной деятельности, включающую в себя науку, образование, культуру, искусство, здравоохранение, финансы, систему массовых коммуникаций и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Петрова Т.Э., Пырма Р.В., Азаров А.А. Цифровая среда ведущих университетов мира и РФ: результаты сравнительного анализа данных сайтов // Высшее образование в России. 2019. – Т. 28. – № 12. – С. 9–22.
2. Габдулхаков В.Ф., Галимова Э.Г. Цифровая лингвистика и геймификация образования // Образование и саморазвитие. – 2014. – № 4 (42) – С. 37–43.
3. Деникин А.А. Постцифровая эстетика в арт-практиках цифрового искусства // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 36–45.
4. Калимуллина О.В., Троценко И. В. Современные цифровые образовательные инструменты и цифровая компетентность: анализ существующих проблем и тенденций // Открытое образование. – 2018. – № 3. – С. 63–71.
5. Калинина С.Д. Цифровая лингвистика: революционный сдвиг педагогической парадигмы или новое видение современной образовательной среды? // Педагогические науки. – 2018. – № 5 (112). – С. 32–36.
6. Карпенко О.М., Строкопытова С.А., Левина И.А., Шестак Н.В. Дидактика и технология письменных учебных работ и ее реализация в электронной образовательной среде // Инновации в образовании. – 2018. – № 7. – С. 18–32.
7. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Институт образования, 2019.
8. Шестак Н.В., Чмыхова Е.В. E-learning – обучение в сети Интернет. – М.: Изд-во СГУ, 2015, 196 с.
9. Matthew N. O. Sadiku, Adedamola Omotoso, Sarhan M. Musa. Digital Pedagogy // International Journal of Trend in Scientific Research and Development (IJTSRD) Volume: 3 / Issue: 2 | Jan-Feb 2019.
10. Онлайншкола. [Электронный ресурс]. – URL: https://salinc.ru/files/any/main/posobie_dlya_uchitel.pdf (дата обращения: 22.07.2020).
11. Структура ИКТ-компетентности учителей. Рекомендации ЮНЕСКО. – URL: <https://iite.unesco.org/pics/publications/ru/files/3214694.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

УДК 81'006.3+81'28

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

А.А. Бадртдинова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Для изучения фразеологизмов как показателей национальной идентичности народа можно применить фразеологические словари. Недавно увидевший свет первый том фразеологического словаря Ф.С. Хакимзянова является объектом для специалистов в области лингвокультурологии. Большое количество выражений, устойчивых оборотов, их вариантов при анализе показывают менталитет татарского народа.

Ключевые слова: фразеологизмы, обороты, словосочетания, национальный характер, лингвокультурология, словари татарского языка.

Phraseological dictionaries can be used to study phraseological units as indicators of the national identity of a people. The recently published first volume of F.S. Khakimzyanov's phraseological dictionary is an object for specialists in the field of linguoculturology. A large number of expressions, stable phrases, and their variants, when analyzed, show the mentality of the Tatar people.

Key words: Phraseological units, phrases, phrases, national character, linguoculturology, dictionaries of the Tatar language.

Фразеологизмы часть языка и культуры народа, в них отражается национальный характер.

Фразеологические единицы традиционно считаются хранилищем важнейших культурных знаний конкретного народа, их изучение позволяет углубить и расширить знания о человеке и обнаружить особенности национального мировидения, отраженные в языке [1: 16].

Некоторые фразеологизмы универсальные, понятны для всех народов мира и состоят из одинаковых слов, например, в татарском языке есть фразеологизм *авызына су капкан*, на русский язык переводится как 'в рот воды набрал', *телен йоткан* на русском языке означает 'язык проглотил' – все эти обороты имеют значение 'молчит' и т. д. Примеры фразеологизмов понятных для представителей многих народов: тат. *эт тормышы* – рус. *собачья жизнь* – англ. *a dog's life* – исп. *la vida perra* со значением 'трудная, тяжелая жизнь'.

Не рекомендуется употреблять фразеологизмы, относящиеся к лексическому составу одного народа применять в общении с представителями другого народа: они могут обидеть собеседника. Как, например, слово «корова» для одного народа комплимент, для другого может быть обидным.

Есть фразеологизмы и обороты, относящиеся и понятные только одному народу, жителям одной местности, например, выражение *өталәү Мөхәмәтҗаны* 'общипанный Мухамятзан' говорят татары, живущие в Аксубаевском районе Республики Татарстан в значении 'нетерпеливый, вечно спешащий человек', а татары – представители других местностей могут не понять это выражение. Так проявляется идентичность народа, фразеологизмы объединяют и отличают носителей одного говора или языка, иногда и целые ареалы.

Самое большое хранилище фразеологизмов татарского языка увидел свет недавно. Им является «Фразеологический словарь татарского языка: устойчивые словосочетания и выражения» Ф.С. Хакимзянова [3]. Первый том словаря содержит 10500 выражений.

В Словаре Ф.С. Хакимзянова объясняется смысл устойчивого выражения, форма его использования, приводятся примеры из художественной литературы, средств массовой информации, из живой речи.

Богатый материал Словаря раскрывает татарский характер через его речь, лексику, показывает художественно-образное мышление народа, богатство языка.

Только на слово *акча* 'деньги' в Словаре около 90 примеров: *акча артыннан куу* буквально «гоняться за деньгами» имеет значение 'думать только о деньгах, о денежном вознаграждении', *акча корты* буквально «денежный червь» имеет значение 'о человеке, который всегда гонится за деньгами', *акча табу* буквально «найти деньги» имеет значение 'зарабатывать деньги', *акча такыр* буквально «деньги затоптанные» имеет значение 'денег нет' и т. д. Деньги представляют собой особый товар и занимают значительное место в жизни человека, а стало быть, и в его языковом сознании [2: 11–12].

Со словом *авыз* 'рот' больше 300 выражений. Огромное значение имеет для татар речь, слова, питание, выражение лица. Большинство оборотов связаны с произнесением речи, о красоте «произнесенного рта», о немногословности или, наоборот, о чрезмерной болтовне. То есть коммуникативные качества человека для татар особенно важно: *авыздан ычкындыру* 'проболтаться', *авыз ачарга ирек бирмәү* 'не дают сказать', *авызга авыз куеп сөйләшү* 'говорить шепотом, на ушко' и т. д.

Важно отметить, что на каждое выражение очень много синонимов. Например, «авыз белән чебен аулау» что переводится как ‘ловить ртом мух’, означающее «бездельничать или быть рассеянным» имеет 51 синоним: *авыз күтәреп йөрү; арка жылытып яту; арка киптерү; арка кыздыру; ат тизгә тибү (тибеп йөрү); аяк тигенгә кабару; боз киптерү; бот күтәреп, түшәмгә төкереп яту; бот күтәреп яту; буш йөрү; буш тору (булу; яту); бушны бушка (юкка) бушату (аудару, әйләндерү); бушка вақыт уздыру; вақыт узсынга (узганга), чабата тузсынга (тузганга) йөрү; вақытны бушка әрәм итү; вақытны бушка уздыру (уздырып йөрү); вақытны бушка үткәрү; вақытны исраф итү; гомер сату; гомер уздыру (үткәрү); гомерне зая<га> уздыру; жыл куу; жыл куып йөрү; киләп сару (сарып йөрү); койрыкны сыртка салу; комнан бау (аркан) ишү; корыны бушка авыштыру; корыны бушка аудару; куыш карбыз тибеп йөрү; күктән каргалар санау; суык туңдырып йөрү; т<ы>рай тибү (тибеп йөрү; үткәрү); тик яту; түбә тактасы санап яту; түшәм санап яту; үшәмгә асып киптерү; түшәмгә төкереп яту; түшәмдә таракан санау; түшәмнән исәп алу; унны туғызга әйләндереп йөрү; шар сугу; шар сугып йөрү (яту); шар тибү; эт <көтүе> куу (куып йөрү); эт сугару (сугарып өрү); эт типкеесендә йөрү; эткә печән чабу (чабып йөрү); юкны бушка авыштыру; юкны бушка аудару; юкны бушка бушату (тутыру); юкны бушка йөкләү; юкны бушка.*

Также много устойчивых оборотов со словом баш ‘голова’ (больше 100): *баш бәясә ‘очень дорого’, баш ачылу ‘догадаться или понять умом’* и т. д. То есть наличие ума, разума – необходимое и нужное свойство для человека.

Таким образом, изучая фразеологизмы, можно проанализировать характер, менталитет народа. Словарь Ф.С. Хакимянова, который буквально *табадан төшите ‘сошел со сковородки’*, то есть *увидел свет недавно*, является объектом для лингвокультурологического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузенная Т.Ф., Лебедева В.Д. Проявление национальной идентичности во фразеологизмах русского языка: «свои» vs «чужие» // Terra Linguistica. – 2023. Т. 14. – № 2. – С. 15–22.
2. Сагдеева Ф.К., Гайнанова Д.Р. Татарский концепт как объект лингвокультурологического анализа. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 248 с.
3. Хәкимжанов Ф.С. Татар теленең фразеологизмнар сүзлеге: тотрыклы сүзтезмәләр һәм тәгъбирләр: өч томда. I т. (А–Б). – Казан, 2022. – 672 б.

УДК 812.111

ТЮРКСКИЙ ИНФИНИТИВ -МАК И ЕГО СИНХРОННОЕ ВЛИЯНИЕ

У.М. Базарова

Навоийский государственный горно-технологический университет (Навои)

В данной статье исследуется тюркский инфинитивный аффикс *-мак* в структурном, семантическом и функциональном аспектах. Аффикс *-мак* с древних времен используется как самостоятельное слово и в последнее время стал аффиксом. В современном узбекском языке это именная форма глагола и в «Толковом словаре узбекского языка» приводится исходная, инфинитивная форма глагола.

Ключевые слова: инфинитив, аффикс *-мак*, семантика, грамматика, именная форма глагола.

In given articles the Turkic infinitive affix *-mak* in structural, semantic and functional aspects is investigated. The affix *-mak* since ancient times is used as independent word and recently became an affix. The present an affix in modern Uzbek language as the nominal form of a verb and in «the Explanatory dictionary of the Uzbek language» the initial, infinitive form of a verb also are given as a source of entries.

Key words: an infinitive, an affix *-mak*, semantics, grammar, the nominal form of a verb.

Отвергнув всеизвестное до сих пор предположение о составе инфинитива *-mak*, основывающееся якобы на «теории именного происхождения тюркского глагола», П.И. Кузнецов избрал «классический путь этимологизации: аффикс / знаменательное слово» [7: 40]. Этот называемый классический путь, навязанный тюркологами специалистами по общему языкознанию, некоторыми тюркологами давно и с полным основанием ставился под сомнение. Еще в XIX в. О.Н. Бётлинк (1815–1904), В.В. Радлов (1837–1918) и И.А. Бодуэн де Куртунэ (1845–1929) решительно высказывались против возведения всех тюркских аффиксов к знаменательным словам.

Основываясь на этом «классическом» методе, П.И. Кузнецов полагает, что единственным словом, которое могло трансформироваться в морфему *-mak*, является популярный глагол *-бак* «смотреть, глядеть» [7: 40].

Достаточно эффективным подтверждением надежности предложенной гипотезы, по мнению автора, является, то, что не во всех из них имеется и глагол *-бак* «смотреть и глядеть». Если действительно морфема *-mak* восходит к глаголу *-бак*, то должна обнаруживаться прямая связь между наличием инфинитива на *-mak* и употребительность глагола *-бак*, ибо названная форма не могла бы возникнуть в том языке, где указанный глагол не употреблялся [7: 41]. Эти наблюдения соответствуют действительному ареалу распространения глагола *-бак*.

Однако, естественно, возникает вопрос: как, в силу каких закономерностей *-бак* превратился в афф. *-mak*. Оказывается, *-бак* нередко употребляется «как своего рода модальное слово», придающее «сообщение или, чаще, приказанию оттенок дополнительного побуждения: «посмотри-ка» – «ну-ка» [7: 44]. Затем в подтверждение своего умозрительного предположения П.И. Кузнецов приводит гипотетическое построение *ал бак*, которое иногда, дополняется словом *кергек*: – *Ал, бак! Кергек!* «Смотри, возьми! Нужно!». Это фантастическое предположение находится в решительном противоречии с основным положением – невозможностью сочетания основного глагола с глаголом – модификатором. Кроме того, не известно – ни в памятниках ни одного примера с использованием *-бак* в служебной – модификаторской – функции.

Форма на *-mak*, как и форма на *-ма, маклик*, в сочетаниях старых восточных филологов, начиная с Махмуда Кашгарского (XI в.), а также и у современных турецких лингвистов называется арабским грамматическим термином «*масдар*», т. е. «имя действия». Некоторые старые филологи к числу *масдаров* относят также форму на *-ку*. *Масдар* на *-mak* (наиболее точная и наиболее полная характеристика этой глагольной формы) в ряде тюркских языков условно принимается за **инфинитив**; обычно под этим термином имеется в виду «**именная форма глагола**, представляющая данное действие (состояние, процесс) в наиболее отвлеченном виде, т. е. безотносительно к категории лица, времени, числа и склонения; форма, обозначающая действие (состояние, процесс) само по себе, вне связи с его субъектом» [1].

Именная форма инфинитив может: 1) субстантивироваться: *алмак* – взять, взятие; «Приставка *-мак*, – писали авторы Алтайской грамматики, – означает или предмет, подлежащий действию, или предмет действующий: *кўрмоқ* «зрелище», от *кўр-* «видеть, смотреть»; 2) склоняться (в турецком языке нет родительного падежа), т. е. выступить в функции дополнения и сочетаться с аффиксами принадлежности; 3) иметь, т. е. выступить в функции дополнения и сочетаться с аффиксами принадлежности; 3) иметь свое прямое или косвенное дополнение; 4) выражать: время – каз. *бар-мак-нын* «собираюсь пойти», *бар-мак-шы* «я должен пойти».

Масдар на *-мак* в функции инфинитива характерен преимущественно для огузских языков, а также для узбекского, уйгурского и кумыкского; его исходная форма *-ма* известна всем тюркским языкам, а в чувашском, например, это единственная форма инфинитива. Давно была высказана и принята большинством тюркологов разных поколений мысль о том, что афф. *-мак* является вторичным по отношению к афф. *-ма*, т. е. *-мак*. Наряду с этой достаточно обоснованной точкой зрения существовали и существуют поныне представления, что *-ма* является «усеченным инфинитивом» от *-мак*.

В исследованиях по тюркологии постепенно укрепляется мнение, что морфема *-к* в состав афф. *-мак* семантически и функционально равнозначна афф. *-ка*, *-ке*, *-ге* – показателю дательного-направительного падежа, который сообщил масдару на *-ма* значение супина / целевой инфинитив = инфинитив назначения, так как основное значение дательного-направительного падежа – направление – цель.

Известная в современном туркменском языке рудиментарная форма аллатива *-к*, которая в некоторых диалектах туркменского языка сохраняет активность [4: 108–109], по всей вероятности, восходит к фонограмматике, имеют гласный ауслат. А.М. Щербак, подробно разбирая доводы за и против признания афф. *-к* показателям дательного-направительного падежа, приходит к выводу, «что использование *-к* с неизвестным гласным в начале как морфологического элемента – относительно поздняя региональная инновация» [10: 50–51].

Форма на *-мак* (в качестве амоаффикса инфинитива) в ряде тюркских языков используются в атрибутивной функции [8]. В этом случае конечная морфема должно быть сопоставлена с формантом отглагольного прилагательного: тур. *ачик* «открытый» [6]. Что же касается морфемы *-ма*, то она, как известно, широко используется в двух значениях: субстанциональном и атрибутивном [8] и, следовательно, эта морфема входит в оба омоаффикса.

Некоторые существительные на *-мак* произведены не от глагольной, а от именной основы, в силу чего образуются омонимичные ряды: *экмек* «сеять / хлеб», *каймак* «плавать / сливки». Субстанциональное значение в подобных словах порождается не инфинитивом *экмек*, *каймак* и т. п., а глагольным именем существительным (масдаром), образованным от тех же основ: *эк-им* «посев» + *эк* – афф. диминутива, утратившего значение уменьшительности [6].

Слова, образованные с помощью *-мак*, являются собой характерный для тюркских языков пример аффиксальной омонимии, возникшей в результате длительного исторического развития слова и формообразующих формантов. Морфология слова в «Бада'и'ал лугат» разработана весьма основательно, в этом отношении на словаре сказались многовековая традиция арабской и персидской филологии. Имена представлены в «Бада'и'ал лугат» в именительном падеже единственного числа, служебным словам отводится особое место. Гла-

голы, как правило, даются в форме «масдара» (т. е. в форме на *-мак*), наряду с этим привлекаются производные формы, причем в большинстве случаев приводятся и комментируются те глагольные формы, которые встречаются в подвердительных цитатах на данный глагол [3: 13].

Восточные словари «чагатайского» языка являются памятниками большого культурно-исторического значения. Ближайшим поводом их составления был постоянный интерес к творчеству Алишера Навои. Следует заметить, что словари составлялись в областях, где живым языком самих составителей и их консультантов был один из группы юго-западных, или южнотюркских, языков, т. е. азербайджанский или турецкий; влияние этих последних сильно сказалось на известных нам словарях «чигатайского» языка. При издании «Бада'и'ал лугат» преждевременно ставить все давно назревшие вопросы. Следовало бы для этого издать еще «Санглях» и словарь Фатхали-хана Каджарского, а затем уже приступить к изданию сводного словаря с обязательным использованием критических текстов сочинений Алишера Навои.

Словарь «Бада'и'ал лугат» и его автор. Рукопись одного из самых ранних словарей «чагатайского» языка, известного под названием «Бада'и'ал лугат» («Редкости слов»), хранится в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. Словарь этот был составлен в Герате в царствование Темурида Сультан Хусейна (1438–1506); сохранившийся список рукописи из собрания Н.В. Ханыкова переписи в 1117 г. х. (1705/06). По странной случайности никаких сведений об имени составителя этого словаря не проводилось.

Словарю предпослано небольшое прозаическое со стихотворными вставками предисловие с пояснением обстоятельств составления словаря. Из предисловия явствует, что составитель словаря должен был по указанию самого Султана-Хусейна подготовить сокращенный словарь специально для толкования высокой поэзии Алишера Навои. Словарь этот получил название «Бада'и'ал лугат». Здесь же в предисловии упомянуто и имя составителя словаря – это Тали – по прозвищу Ймани. По всем данным, словарь Тали был известен в XVIII в. Мехди-хану, составителю словаря под названием «Санглях». В предисловии к грамматической части этого словаря – Мехди-хан упоминает два анонимных «чигатайско-турецких» словаря и четыре «персидско-чигатайских», а именно: словари Тали Гератского, Фераги, Назр-Али и Мирзы Абдуль-Джалиля Насыри. Однако сейчас мы можем с большим основанием полагать, что «Бада'и'ал лугат» принадлежит Тали Гератскому, упомянутому у Мехди-хана.

В современном языкознании приемы и методы пространственной лингвистики не только используются для синхронного изучения территориального размещения языковых явлений, но и широко применяются в сравнительной грамматике, прежде всего, индоевропейских языков. Для тюркологических ареальных исследований также сделана попытка выделить синхронный и диахронический аспекты; в индоевропеистике же именно диахронический аспект лингвистической географии принято считать ареальной лингвистикой.

В тюркологии практически еще мало условий для развития диахронической лингвогеографии. Работа по составлению диалектологического атласа тюркских языков и диалектологических атласов отдельных языков в тюркоязычных странах юго-восточного ареала развернулась сравнительно недавно. Типы диалектных систем и ареалы современных тюркских языков намечается пока еще исходя преимущественно из факторов исторических [2], а не соб-

ственно лингвистических. Трудности историко-ареального исследования в настоящее время усугубляются, помимо отсутствия сравнительно-исторической грамматики тюркских языков и исторических грамматик отдельных тюркских языков, с одной стороны, все чаще еще встречающимся неразграничением проблем, относящихся к исторической грамматике и к истории литературных языков, а с другой – тем, что приемы синхронного системного изучения грамматики в пределах избираемых исторических срезов языка не получили широкого применения в тюркском языкознании.

Чаще всего исследования по истории тюркских языков проводятся в плане разработки языковых особенностей отдельных письменных памятников. Мы избрали для типологического историко-ареального исследования современный юго-восточный ареал тюркских языков в том объеме, в каком он традиционно выделяется (узбекский, уйгурский, туркменский, казахский, каракалпакский, киргизский). Для того, чтобы оснастить это исследование историко-типологической ретроспективой, мы вынуждены были довольствоваться еще лишь двумя хронологическими условиями языковыми срезами, каждый из которых отстоит от последующего примерно на одинаковый временной период. К изучению привлекались: для XI в. – язык, представленный в «Кутадгу билиг»; для рубежи XV–XVI вв. – «Бабур-наме», а также отдельные прозаические произведения Алишера Навои.

Так, принципиально иное положение формы на *-йу* в глагольно-именной систематике языка «Бабур-наме» вызвало своего рода «ценную реакцию», результатом которой являлось выдвигание на доминирующее место имени действия на *-мак*: именно оно в языке «Бабур-наме» выполняет многие функции, которые в языке «Кутадгу билиг» несет имя действия на *-йу*. Форма на *-мак* в языке «Бабур-наме» не только сосредоточила в себе все субстантивные функции, присущие ей как имени действия. В предикативной сфере именно *-мак* представлено в сочетаниях с модально-предикативными словами *керак*, *мумкун* – так же, как и в перифрастических конструкциях *-мак бол*, *макчи бол*; в то же время «настоящее длительное» на *-макта* в тюрки имело довольно ограниченное употребление. В «Бабур-наме» достаточно часто наблюдается «прошедшее длительное» чаще всего в форме *-макта эди*, иногда – в форме *-мак еди*; употребительными здесь были также предикативные формы модального значения *-макчи дур* и *-макчи эди*.

Привлекая к сопоставлению современный узбекский литературный язык в отношении группы соотносительных форм на *-моқ*. В современном узбекском языке *-моқ* вступает как имя действия, будучи малоупотребительным даже в книжном языке. В субстантивном использовании, а в значительнейшей мере также и в сочетаниях с модально-предикативными словами место *-моқ* заняло «молодое» имя действия *-ши*. Но имя действия на *-ши* в узбекском все же в очень малой еще степени проникло в сферу предикативную – там по-прежнему используются, хотя и с определенными ограничениями производные от *-моқ*: *-моқда* и *-моқда эди*, *-моқчи* и *-моқчи эди*, а также недостаточно частотные перифрастические конструкции *-моқ болса*, *-моқда болган*, *-моқчи бол*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 607 с.
2. Баскаков Н.А. Тюркские языки. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 242.
3. Боровков А.К. Бада'и' ал-лугат: Словарь Тали' Имани Гератского в сочинениях Алишера Навои / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 265 с.

4. Грамматика туркменского языка / под ред. Н.А. Баскакова [и др.]; АН ТССР. Ин-т яз. и лит. им. Махтумкули. – Ашхабад: Ылым, 1970. – 503 с.
5. Грамматика узбекского языка. – Ташкент: Фан, 1975.
6. Кононов А.Н. О природе тюркской агглютинации // Вопросы языкознания, 1976. – № 4. – С. 3–17.
7. Кузнецов П.И. О происхождении инфинитива на – tak // Советская тюркология. 1983. – № 3.
8. Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. – М.: Наука, 1966. – 437 с.
9. Серебренников Б.А., Гаджинва Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Баку: Маариф, 1979. – 304 с.
10. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). – Л., 1977. – 191 с.

УДК 81`27

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА Ч. АЙТМАТОВА (на материале романа «Когда падают горы (Вечная невеста)»)

А.А. Бакирова, Е.А. Мошина

*Военная академия материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулёва
(Санкт-Петербург)*

Статья посвящена изучению фрагмента индивидуально-авторской картины мира, представленной Ч. Айтматовым в романе «Когда падают горы (Вечная невеста)». В процессе анализа ключевых концептов *земля, мир и вселенная* обнаруживается авторское осмысление пространства как многомерной концептуальной сети, глубоко связанной с мировоззрением автора как творческой личности. Приведенные примеры иллюстрируют взаимосвязь этих концептов и выражение глубоких смыслов. Каждый концепт обладает пересекающимися признаками: *земля* символизирует «мир людей» и «земную жизнь», представляя собой арену, где развиваются события. *Мир* воспринимается как часть вселенной, выступая в роли «заселенного места» и «дома». «Земная жизнь» всех существ становится частью «вселенской общности», а *земля* рассматривается как «дом» для «вселенских» явлений.

Ключевые слова: концепт, индивидуально-авторская картина мира, когнитивный анализ, концептуальная сеть.

The article is dedicated to the study of a fragment of the individual-author worldview presented by Chingiz Aitmatov in his novel “When Mountains Fall (Eternal Bride)”. The analysis of the key concepts of earth, world, and universe reveals the author’s understanding of space as a multidimensional conceptual network, deeply connected to his worldview as a creative personality. The examples provided illustrate the interrelationship of these concepts and the expression of profound meanings. Each concept possesses overlapping characteristics: the earth symbolizes the “world of people” and “terrestrial life”, serving as the arena where events unfold. The world is perceived as part of the universe, acting as a “habited place” and “home”. The “terrestrial life” of all beings becomes part of the “universal community”, while the earth is viewed as a “home” for “universal” phenomena.

Key words: concept, individual-authorial picture of the world, cognitive analysis, conceptual network.

Введение. В данной статье исследуется уникальность языковой картины мира, представленной Ч. Айтматовым. Работа фокусируется на одной из ключевых проблем современной лингвистики – языковой картине мира и её взаимосвязи с национальным менталитетом и характером текста. Особое внимание уделяется авторскому описанию пространства, которое отражает представления Айтматова о взаимодействии человека с миром в рамках определенной культуры.

В начале XXI века одна из ключевых проблем отечественной лингвистики заключается в исследовании языковой личности как создателя своей уникальной картины мира, которая зачастую не совпадает с общими национальными представлениями. Картина мира, формирующаяся в сознании отдельного языкового носителя, называется индивидуальной, авторской или индивидуально-авторской. М.М. Бахтин подчеркивает, что авторская картина мира – это «образ мира, созданный сквозь призму сознания художника, являющийся результатом его духовной активности. Картина мира автора находит свое выражение в текстах, которые он создает, формируя единое текстовое пространство. Анализ этих текстов позволяет выявить своеобразие мировосприятия автора – творческого индивида, который трансформирует, эстетически преобразует и варьирует языковые средства, используя их как деликатный инструмент для передачи своих взглядов и суждений» [3: 223].

Литературный обзор. Когнитивный анализ произведений определенного автора дают возможность глубже понять мировоззрение писателя или поэта, а также выявить картину мира автора с как носителя языка и как уникальной языковой личности. Так много работ посвящено изучению индивидуальной картине мира М.И. Цветаевой [9], С.А. Есенина [10], А.А. Ахматовой [4], И.Ю. Бродского [11], А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова [6] и др.

Изучению концептосферы Ч. Айтматова посвящены работы ученых-лингвистов З.К. Дербишевой [5], Н.М. Шевченко [12], М. Дж. Тагаева, М.С. Чинлода [13], А.А. Бакировой [2].

Материалом данного исследования послужили примеры с лексемами земля, мир, вселенная – основными репрезентантами соответствующих концептов из романа Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» [1].

Создавая свой художественный мир, автор опирается на представления, традиции, символику как родной, так и мировой культуры.

Авторское осмысление пространства образует многомерную концептуальную сеть, которая представляет собой сложную систему связей между символами, понятиями и идеями. Одними из основных компонентов этой сети являются концепты *земля*, *мир* и *вселенная*. Концептуальный анализ, проведенный в ряде авторских работ, позволил определить основные понятийные признаки исследуемых концептов: «планета», «поверхность», «почва», «мир людей», «согласие», «дружба/дружелюбие/отсутствие, войны/вражды/ссоры», «вселенная», «община», «земная жизнь», «заселенное место», «дом» и др.

Предшествующие авторские исследования также продемонстрировали пересечение и взаимодополнение некоторых концептуальных признаков: «дом», «земная жизнь», «мир людей».

Результаты и обсуждения.

Анализ и интерпретация сочетаемости лексемы *земля* показал примеры объективации таких концептуальных признаков как *поверхность*, *плоскость*,

низ, противоположность небу. На уровне языка это передается как грамматическими или лексическими средствами, так и комплексно.

Признаки «поверхность», «низ» объективируются сочетаниями с предлогами НА (на землю) и НАД (над землей) или лексически, с помощью глаголов с семантикой движения вниз: **пригнуться к земле, рухнуть на землю, падать на землю**, а также **ступать по земле**. Признак **плоскость** объективирован глаголом **покатится по земле**. Приведем примеры:

*«Искромсанное войною лето между тем уже склонялось к исходу, и для каждой из воюющих сторон наступил последний срок готовности, последний предел, за которым должен был грянуть прорыв, когда **покатится по земле неуправляемая** сила – лавина наступления...» [1].*

*«Зверь рыкнул и, **пригибаясь к земле**, волоча ногу, устремился дальше. Солнце раскачивалось над головой Арсена, горы колыхались, и ветер удущающе стискивал горло. Он отшвырнул мегафон, автомат и попытался отползти в ту же сторону, куда ушел раненый зверь. Он не видел и не знал, что творилось вокруг: как орал и материл его взбесившийся Таштанафган – “Сволочь! Предатель! Чтоб ты сдох, чтоб подавился своей завистью!”, как старик Бектурган, упав **на землю**, рвал бороду, истошно воя: “Позор! Позор на наши головы! Чтоб тебя прокляли боги и предки!” Что кричали по-арабски убегающие восвояси принцы-охотники, в здешних горах не понял никто» [1].*

*«На водопой они следуют организованно. Легко и упруго, прискакивая, **ступая по тропам**, словно бы почти **не касаясь земли**, они идут небольшими группами в цепочку, зорко вглядываясь на ходу и чутко вслушиваясь, чтобы в любое мгновение **взлететь пружиной над землей** и ускакать прочь от опасности» [1].*

*«Высокий и неограниченно подвижный в крутой холке, с мощной округлой шеей, с крупной увесистой головой, с кошачьими ушами и пристальными, лазерно светящимися во тьме глазами, Жаабарс и телом был упруг, длинен и силен, наделен четко пятнистой шелковисто-плотношерстной шкурой, какие, как поют в песнях, носили на себе шаманы и ханы. Знал бы он, **невозмутимо ступающий по земле**, что с африканским собратом леопардом очень схож, даже хвосты одинаково длинны и внушительны» [1].*

*«Уже на взлете, в прыжке, он увидел, как стадо вздрогнуло разом, резко вскидывая головы, ему оставалось нанести сокрушительный удар лапой с выпущенными когтями, вот он уже почти долетел до цели, но **рухнул на землю** рядом с архаром, отскочившим в сторону. Не хватило воздуха. В дикой ярости Жаабарс тут же рванулся с места и снова бросился на архара, но тот вывернулся, и вслед за ним все стадо ударилось в бег от страшного хищника» [1].*

*«Что тут началось! Небо разом померкло, поднялся ураганный ветер, и в летнюю пору, как зимой, заметалась снежная вьюга. “Позор! – кричали родственники и **падали в отчаянии на землю**, взывая к небу. – За что, за что нам такой позор?! Убить ее, разыскать бесстыжую и убить на месте!» И готовы были в тот же миг ринуться на поиски. Но охотник-жених оставался безмолвным. Потрясенный, он застыл, побледнев, и словно бы онемел» [1].*

*«Машина остановилась, Арсен успел открыть солидную дверь джипа, и улыбающийся Бектур-ага **ступил на землю** с бодрым рукопожатием, потом они с племянником обнялись. Да, заметный, солидный человек – и лицом, и фигурой, и особенно мощной бородой. В роду у них все мужчины были примет-*

ными на вид, в том числе и Арсен, только Арсен, в отличие от большинства Саманчиных, не стал отращивать усы и бороду» [1].

В данных примерах земля – выступает не только как физическое место, но и символический элемент, отражающий человеческие переживания, связь с родной культурой и историей. Земля в понимании автора может ассоциироваться с исчезающей надеждой или вечным унаследованием традиций.

Мир в индивидуально-авторской картине мира Ч. Айтматова представлен через domesticкие метафоры. Глаголы с семантикой творения, строения – **сотворить, устроить** представляют мир в качестве дома всего человечества, который имеет свою форму и очертания. Приведем примеры:

«Существует одна непреложная данность, одинаковая для всех и всегда, – никто не волен знать наперед, что есть судьба, что написано ему на роду, – только жизнь сама покажет, что кому суждено, а иначе зачем судьбе быть судьбою... Так было всегда **от сотворения мира, еще от Адама и Евы, изгнанных из рая**, – тоже ведь судьба – и с тех пор тайна судьбы остается вечной загадкой для всех и для каждого, из века в век, изо дня в день, всякий час и всякую минуту...» [1].

«В следующую минуту истребитель выправился в полете, и лес разом вернулся на свое устойчивое место, слился с дымчатым горизонтом вдаль. **Мир обрел свои привычные очертания**. Летчик едва перевел дух, и в это мгновение перед самолетом возникло нечто неожиданное, возникло настолько внезапно, что пилот не успел сообразить, с чем он столкнулся в воздухе, – какая-то бесформенная масса тяжело врезалась с ходу в самолет живым плотным телом. Машину резко потрянуло от удара, и на долю секунды летчик полностью утратил видимость...» [1].

«Звучит банально, но каждый раз, когда приходится решать сложные личные проблемы, убеждаешься: как все-таки странно **устроен наш мир**. От сотворения спеленатый противоречиями, он путается в них вечно» [1].

Как и дом мир может быть разрушен:

«Но дыхания здесь уже не хватало, точно он в бешеной гонке преследовал добычу, оглушительное сердцебиение отдавалось в ушах и – самое страшное – возникал приступ тяжелой одышки, валивший с ног, отивырывающий назад, в мерцающих видениях **рушился окружающий мир**. Дальше, выше двигаться не хватало сил – хрипел он, рычал в удушье, а продвинуться не мог ни на шаг...» [1].

Если жильцы покидают дом, он пустеет:

«**Мир опустел**. И хотелось Жаабарсу услышать напоследок волшебные звуки гор, водопадов и лесов, ту самую вселенскую музыку, как тогда, в его брачном марафоне, хотелось взреветь призывно...» [1].

Данные примеры создают образ жизни как непрерывного движения и трансформации, где человек сталкивается с непреодолимыми силами и неизбежными переменами. В этом мире нет места для стабильности и предсказуемости, но есть возможность найти смысл и гармонию в непрекращающемся потоке событий.

Концепт *Вселенная* чаще всего представлен в романе прилагательным **вселенский** в значении «**глобальный, огромный, масштабный**», что придает особый вес событиям, чувствам и мыслям. Приведем примеры:

«И хотелось Жаабарсу услышать напоследок волшебные звуки гор, водопадов и лесов, ту самую **вселенскую музыку**, как тогда, в его брачном марафоне, хотелось взреветь призывно, но мир молчал...» [1].

«Да, я потрясена, первый раз слышу такой **вселенский плач**, – отвечала Айдана» [1].

«Я больше скажу, она – **мученический стон вселенского страдания**. Почему в любви всегда больше испепеляющих трагедий, чем цветущего счастья?» [1].

«Еще бы! Ведь ты прочел мне об этом целую лекцию, и тоже **вселенскую**, – заметила Айдана с восхищением, но не без иронии.

Помнишь, как одна журналистка назвала тебя **«вселенским глобалистом»?**» [1].

«Чего только не пригрезится на вольных ветрах мечтаний! И он приложил все силы, чтобы догнать уходящий поезд. И догнал, потому что страстно желали того влюбленные, а любовная страсть обладает **мощью вселенской стихии**, ей подвластны вечность и бессмертие, ибо она – зов к продолжению рода» [1].

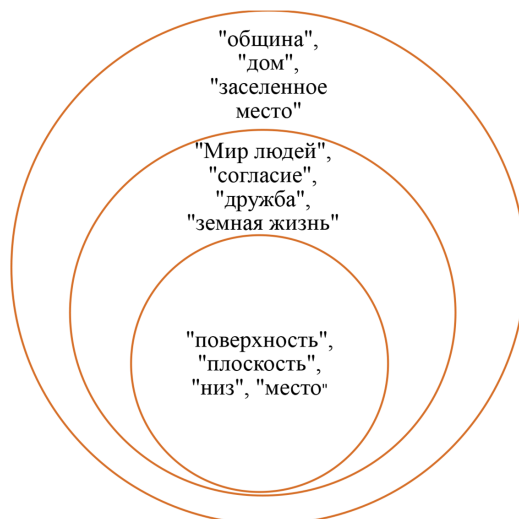
«Утром события повернулись к лучшему. Должно быть, раскаяние приходит не сразу, труден его путь через вечное преодоление зла в себе, нелегко услышать несовершенному человеку **вселенский призыв всех времен к добру**» [1].

Используя слово **вселенский**, автор создает ощущение широты, глубокого смысла и универсальности, придавая событиям философское звучание и углубляя эмоциональное воздействие на читателя.

Заключение.

Изучение концептосферы и языковой картины мира Ч. Айтматова позволяет глубже понять не только языковые особенности текстов, но и мировоззрение автора как творческой личности. Приведенные примеры ярко демонстрируют взаимосвязь концептов *земля*, *мир* и *вселенная* в процессе концептуализации пространства, а также для выражения глубинных смыслов и символов. Каждый представленный концепт обладает множеством признаков, которые пересекаются и дополняют друг друга. *Земля* часто символизирует «мир людей» и «земную жизнь». В авторском контексте земля предстает как место действия, «мир людей», где происходят события. *Мир* связан с Вселенной как ее часть, «заселенное место», «дом». А «земная жизнь» всех земных существ – это часть «вселенской общности». *Земля* также предстает как «дом», «место действия» «вселенских явлений».

Визуально можно представить эту сеть следующим образом:

Таким образом, концептуальный анализ в художественном произведении позволяет выявить многогранность восприятия пространства и его символики, отражая его роль в выражении человеческих чувств и опыта. Художник, используя эти концепты, создает богатую и многослойную сеть значений, которые взаимодействуют и дополняют друг друга, формируя уникальный художественный мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айтматов Ч.Т. Когда падают горы (Вечная невеста): роман, повесть, новелла / предисл. Г. Гачева. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 480 с.
2. Бакирова А.А. Концепт звезда в индивидуально-авторской картине мира Ч.Т. Айтматова // Возрождение национальных литератур во второй половине XX века и Чингиз Айтматов: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / сост.: Ф.Х. Миннуллина, А.Ф. Ганиева, Л.Р. Надыршина. – Казань, 2018. – С. 53–57.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
4. Данькова Т.Н. Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А. Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2000. – 214 с.
5. Дербишева З.К. Ключевые концепты киргизской лингвокультуры: монография. Электронный ресурс. – URL: <https://books.google.com/books/about/Ключевыеконцептыкыр.html?id> (дата обращения: 25.08.2024).
6. Головач К.Ю. Особенности концептуализации любви в индивидуальноавторских картинах мира А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Архангельск, 2012. – 184 с.
7. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2004. – 256 с.
8. Мошина Е.А. Истоки формирования макроконцепта земля в русской лингвокультуре // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – Т. 18, № 1. – С. 41–47. – DOI 10.14529/ling210107. – EDN TZNYNH
9. Пименова М.В. Символика земли в поэмах М.И. Цветаевой / М.В. Пименова, С.С. Дутбаева, Е.А. Мошина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 116–134. – DOI 10.15688/jvolsu2.2020.3.11. – EDN RWJGXU
10. Пименова М.В., Бакирова А.А. Особенности концептуализации неба и его объектов в произведениях С.А. Есенина // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках материалы докладов и сообщений Междунар. науч.-практ. конф. Российский университет дружбы народов. – М., 2019. – С. 167–176.
11. Самойлова И.Ю. Динамическая картина мира И. Бродского: лингвистический аспект: монография. – Гродно: ГрГУ, 2007. – 191 с.
12. Шевченко Н.М. Языковая картина мира Ч. Айтматова. Проблемы авторской лексикографии: монография / под ред. проф. В.К. Янцена, доц. Л.В. Ивановой. – Бишкек: КРСУ, 2015. – 216 с.
13. Тагаев М.Дж., Чинлода М.С. Транслингвальные процессы в индивидуальноавторской картине мира Ч. Айтматова // Научная мысль Кавказа. 2024. № 1 (117). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/translingvalnye-protsessy-v-individualnoavtorskoj-kartine-mira-ch-aumatova> (дата обращения: 01.09.2024).

МИР И ВСЕЛЕННАЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА (на примере татарской, русской и английской лингвокультур)

А.А. Бакирова

*Военная академия материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулёва
(Санкт-Петербург)*

А.А. Родичева

МГУ им. П.П. Семёнова – Тянь-Шанского (Санкт-Петербург)

Цель статьи – сопоставить некоторые представления о Вселенной и мире в трёх лингвокультурах – русской, татарской и английской. Актуальность проводимого исследования состоит в сравнении взглядов на окружающий и внутренний миры разных народов. Предметом исследования являются русские, татарские и английские паремии (идиомы, пословицы и поговорки) о мире. Представления о пространстве, где мы живем, зафиксированные в паремиях, восходят к забытым мифам об утке, создавшей этот мир (татарская лингвокультура), об этом мире и *ином мире*, куда человек отправляется после смерти (русская лингвокультура), к мифу, где бог и есть мир, он антропоморфен и женат (английская лингвокультура). Перспективой дальнейшего изучения этой темы является поиск утраченных мифов сравниваемых лингвокультур.

Ключевые слова: паремии, языковая картина мира, лингвокультурология.

The purpose of the article is to compare some aspects of ideas about the Universe and the world in three linguocultures – Russian, Tatar and English. The relevance of the study is to compare the views of different peoples on the surrounding and inner worlds. The subject of the study is Russian, Tatar and English paremias (idioms, proverbs and sayings) about the world. The ideas about the space where we live, recorded in the proverbs, go back to the forgotten myths about the duck that created this world (Tatar linguoculture), about this world and the other, where a person goes after death (Russian linguoculture), the myth where God is the world, he is anthropomorphic and married (English linguoculture). The prospect of further study of this topic is the search for lost myths of the compared linguocultures.

Key words: proverbs, language picture of the world, linguocultural studies.

В лингвистической литературе отсутствуют работы, в которых рассматриваются воззрения о мире и Вселенной в русской, татарской и английской лингвокультурах в сопоставительном аспекте. В этом состоит научная новизна проводимого исследования. Источниками исследования стали словари и электронные ресурсы, откуда собраны русские [5], татарские [17] и английские паремии [21].

Исследователи обращали внимание на воззрения разных народов на мироустройство: у башкир [1], хакасов [2], эвенков [3], удмуртов [5], манси [9], немцев [13], бретонцев [15], тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока России [20].

Взгляды на мир, на его устройство в татарской языковой картине мира описала Л.Р. Гарипова в своих статье и кандидатской диссертации [7; 8]. А.Х. Халиков рассмотрел вопрос о космогонических и генеалогических легендах волжских булгар [19]. Представления о космосе описаны И.П. Вейсберг [4], мифы о Вселенной – В.В. Евсюковым [10]. Внутренний мир человека в русской и английской языковых картинах мира был сопоставлен М.В. Пименовой [16]. Внешний и внутренний миры в татарской лингвокультуре был изучен Р.Р. и Л.Р. Гариповой [11; 12], исследованы отдельные их аспекты в раз-

ных лингвокультурах в коллективной монографии «Мир человека и мир языка» [14]. Мифы о мирах шаманов и сказителей собраны Д.А. Функом [18].

Татарская лингвокультура

Мир – это суша. В татарской лингвокультуре в пословице сохранились отголоски древних верований, что суша была создана уткой: *Если мир затопит вода, разве утка станет горевать?* Этот созданный уткой мир – Родина людей: *Какова земля, таковы и родники*. Мир делится на родной и чужой: *На родной стороне даже дым сладок*. Мир узнают в любом возрасте через путешествия – так накапливаются знания: *Старик, сидевший все дома, ничего не знает, а юноша, путешествовавший повсюду, все знает*. Главное качество путника – осторожность: *Тихо подвигающийся много пройдет*.

Мир – это Поднебесная. Известия несутся по воздуху над миром: *Слово не имеет крыльев, но облетает весь мир*.

Внутренний мир – это душа. Такой мир характеризуется как водное пространство: *Чужая душа – бездонное море*.

Русская лингвокультура

Мир – это Земля, объединяющая разные города и страны: *мир тесен*. Мир Земли старый: *старо как мир*. Мир Земли заселён – это Вселенная людей: *Мир не без добрых людей*. Мир может быть свой и чужой. Современным миром управляют богатые люди. Деньги в русской лингвокультуре ныне символизируют силу и влияние в обществе: *сильные мира сего*. Бедность и нищета настигают человека по чужой злой воле: *Пустить по миру* (разг.). Бедность, разорение заставляют человека покинуть обжитое пространство: *Пойти / ходить по миру* (разг.) «нищенствовать».

Мир – это люди. В пословицах *И в пир, и в мир, и в лес по дрова – все одёжка одна* (вариант *И в пир, и в мир, и в добрые люди*), *С миру по нитке – голому рубашка*, *Бабушка Варвара на мир три года серчала; с тем и умерла, что мир не узнал*, *Шёл бы в пир, да не рад мир* и *На миру и смерть красна* слова *мир* и *люди* – синонимы. Речь, разговоры метафорично представляют людей как водные потоки: *Мир что вода: пошумит и разойдётся*.

Мир – это покой и согласие. Лад и мир синонимичны в пословицах *Вечный мир – до первой драки* и *Худой мир лучше доброй ссоры*. Время на Земле полярно – в мирное время происходит строительство, в войну рушится то, что успели построить: *Мир строит, война разрушает*. Заимствованной является калькированная идиома *трубка мира* (из культуры аборигенов Америки – индейцев, которые выкуривали трубку во время переговоров).

Миров несколько. Кроме Земли, есть *иной мир*. В *иной мир* отправляются души умерших после смерти. Еще один мир – внутренний: увлеченный своими идеями, взглядами и творчеством человек называется *не от мира сего*.

Английская лингвокультура

Мир в английской лингвокультуре воспринимается через пространственную вертикаль. Успешное движение человека по жизни видится как движение вверх, в гору: *go / come up in the world* букв. «пойти / появиться в мире» (американский вариант *move up in the world* букв. «(про)двигаться в мире»). Успехом у англичан считаются карьерный рост, владение состоянием или высокое социальное положение. Тот, кто счастлив, находится на вершине мира: *to be on top of the world*. Достигший успеха человек вызывает восхищение окружающих, он смотрит на мир сверху вниз – как победитель: *have the world at your feet* букв. «весь мир у твоих ног».

Мир имеет форму – он круглый. Такое осознание мира связано с научным знанием: *make the world go around/round* букв. «заставить мир вращаться». Человек ставится в центр мира, и мир крутится вокруг него. Эмоциональное состояние, достаток человека, деньги заставляют мир вращаться: *Love/ money makes the world go round*. Эгоизм некоторых заставляет думать, что весь мир вращается вокруг них: *someone thinks the (whole) world revolves around them*; они считают себя очень важными и мнения других людей они не учитывают: *The trouble with Lucy is she thinks the whole world revolves around her*.

Время мира конечно: *it wouldn't / won't be the end of the world*. Выражение о конце света подразумевает катастрофу, которая способна привести к такому исходу. К концу света может привести не потоп, как можно стереотипно предположить, а огонь – небесный, земной, который сожжёт все на Земле: *someone or something isn't going to set the world on fire*. Сейчас выражение имеет противоположный смысл: если кто-то или что-то не сможет зажечь мир, то то, что делается, не представляет интереса и, вероятно, не будет иметь большого успеха: *I mean, she has a nice enough voice, but she's not going to set the world on fire*.

Мир – это замкнутое пространство раковины, плавающей в море или океане. Англичане говорят *The world is your oyster* букв. «Мир – твоя устрица» Это выражение используется, когда хотят сказать, что нет никаких ограничений в том, что каждый может делать, что ему вздумается, или пойти туда, куда ему хочется:

Мир – это люди. Английская пословица *It takes all sorts to make a world* переводится «Из разных людей состоит человеческое общество». В ней акцентируется представление о мире как совокупности разных социальных слоёв, разных характеров и разного уровня развития людей.

В английской лингвокультуре мир антропоморфен: на первую позицию выдвигается маскулинная часть человечества. Счастливый человек осознает связь с миром как связь с богом: *at one with the world* букв. «наедине с миром». Счастье возникает, когда чувствуется особое состояние принадлежности к этому миру, потому что человек согласен с тем, что происходит с ним. Маскулинность мира не христианская, потому что бог изоморфен миру и он антропоморфен: у него есть жена. Ситуацию, когда в одном месте скопилось очень много людей в определенное время, описывают идиомой *the world and his wife* букв. «мир и его жена». Здесь следует отметить, что мир воспринимается в мужской антропоморфной ипостаси (*his*). Мир подвержен эмоциям: *Laugh and the world laughs with you, weep and, you weep alone* «Засмейся, и весь мир засмеётся с тобой, заплачь, и ты будешь плакать в одиночестве»; *All the world loves a lover* «Влюблённого любит весь мир».

Мир нуждается в оценке, ему требуются улучшения: *to make a world of difference* «изменить мир к лучшему». То, что важно, что имеет огромное значение, может значительно улучшить мир. Каждому под силу заставить другого почувствовать себя намного здоровее или счастливее: *do someone the world of good* «сделать кому-то мир добрым». Мир выступает эталоном, мерилем точности: *for all the world* «точь-в-точь». Мир – это сфера заботы и ответственности. Кто ни о чем не беспокоится, тот *doesn't have a care in the world* или *without a care in the world* букв. «без забот в мире», в то время как тот, кто несет волнуется или печалится о других, ему приходится нести бремя мира на своих плечах: *have/ carry/ bear/ feel the weight of the world on their shoulders*.

Земной мир тесен: It's a small world. То, что находится за пределами этого мира, в английской лингвокультуре оценивается чрезвычайно высоко: out of this world. Оценка происходит по критерию качества: The food there is out of this world. Чтобы увидеть мир, нужно путешествовать по разным местам: to see the world.

Мир присваивается, осознается как собственность, если речь идет о внутреннем мире – своих мыслях и идеях: *in a world of your own* букв. «в вашем собственном мире». Можно восхищаться и высоко ценить мир другого человека: *think the world of someone*.

Каждый житель Земли живёт в нескольких мирах: *the best of both worlds*. Другой мир понимается неоднозначно. Это может быть мир города и сельский мир: *Living here, we get the convenience of urban living plus all the green spaces, so it's the best of both worlds*. Если сидящий где-нибудь в общественном месте наблюдает за проходящими мимо людьми, то можно сказать, что он наблюдает за окружающим миром: *you watch the world go by*. Любой может взять от двух миров лучшее: *You can't have the best of both worlds*. Сон – это погружение в другой мир, уход из этого мира через временную смерть: *dead to the world* букв. «мертв для мира». Даже если человек бодрствует, но настолько сосредоточен на своих мыслях, что не осознает, что происходит вокруг, он все равно не в этом мире: *in another world* букв. «в другом мире». Мы уходим в себя, думая и размышляя, не обращая особого внимания на то, что происходит вокруг. Люди отличаются друг от друга, потому что у них собственные внутренние миры: *be worlds apart* букв. «быть разными мирами».

Как показывает проведённое исследование, общими представлениями в русской, татарской и английской лингвокультурах являются следующие аспекты: 1. Мир – водное пространство; 2. Мир не един, миров несколько. Отличительными чертами сравниваемых лингвокультур выступают мифологические взгляды на разные стороны бытия. У татарского народа в паремиях отображен миф о сотворении мира уточкой, у русского народа – миф о разделении мира живых и мира мёртвых – *иного мира*. У англичан – это миф об антропоморфной природе мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминев З.Г. Понятие «дня» в религиозно-мифологической картине мира башкир // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. – Уфа, 1991. – С. 23–27.
2. Бурнаков В.А. Духи среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск, 2006. – 208с.
3. Василевич Г.М. Ранние представления о мире эвенков (Материалы) // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. – М., 1959. – С. 157–192. (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 51).
4. Вейнберг И.П. Космос и олам: о правомерности со- или противопоставления // Вопросы древневосточной культуры. – Даугавпилс, 1982. – С. 41–42.
5. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 384 с.
6. Волкова Т. Универсальный фразеологический словарь русского языка. – М.: Вече, 2000. – 463 с.
7. Гарипова Л.Р. Мир концептов и концепт «Мир» (на материале татарского и русского языков) // «Сулеймановские чтения – 2005»: Материалы VIII межрегион, научно-практич. конф. – Тобольск, 2005. – С. 59–60.
8. Гарипова Л.Р. Концепты татарской языковой картины мира: репрезентации в лексеме «донья»: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2007. – 208 с.
9. Гемув И.Н. Мировоззрение манси. Дом и космос. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 232 с.

10. Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 176 с.
11. Замалетдинов Р.Р. Внутренний и внешний мир носителей татарской культуры через призму языка. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 208 с.
12. Замалетдинов Р.Р., Гарипова Л.Р. Концепт «Донья» (мир) в татарской и русской языковых картинах мира // Традиционное, современное и переходное в российском обществе. – Пенза, 2004. – С.16– 18.
13. Капустина М.А. Немецкий концепт *Welt*: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2005. – 257 с.
14. Мир человека и мир языка: коллективная монография / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика». – 373 с.
15. Мурадова А.Р. Выражение концепта «мир» в языке бретонского фольклора: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. – 208 с.
16. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2001. – 497 с.
17. Татарские пословицы и поговорки. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moudrost.ru/mudrost/poslovitsy/tatarskiye-poslovitsy.html> (дата обращения: 28.08.2024).
18. Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей. – М.: Наука, 2005. – 399 с.
19. Халиков А.Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар. – Казань, 1981. – С. 5–20.
20. Шанынина Е.В. Мифология первотворения у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока России: Опыт мифологической реконструкции и общего анализа. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 157 с.
21. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 28.08.2024).

УДК 81`44

СОМАТИЗМЫ МАКУШКА И CROWN (OF THE HEAD) В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ

Ю.А. Башкатова

Кемеровский государственный университет (Кемерово)

В статье представлены результаты сопоставительного анализа единиц соматического кода русской и английской лингвокультур – *макушка/crown (of the head)*. Изучается внутренняя форма, образные, понятийные и символические признаки указанных концептов с целью выявления их культурных компонентов. Несмотря на то, что данные концепты относятся к периферии телесного кода, они обнаруживают целый спектр культурных смыслов. При наличии универсальных характеристик, свойственных обоим этносам, наблюдается этноспецифические особенности изученных соматизмов, что говорит, как о частичной общности сравниваемых культур, так и о различиях их соматических метафор.

Ключевые слова: соматический код, соматизм, лингвокультура, культурный смысл, этноспецифика.

The article presents the results of a comparative analysis of the somatic code units of the of Russian and English linguistic cultures – *crown (of the head)*. The internal form, figurative, conceptual and symbolic features of these concepts are studied in order to identify their cultural components. Despite the fact that these concepts belong to the periphery of the bodily code, they reveal a whole range of cultural meanings. Despite universal characteristics peculiar to both ethnoes, ethnospecific features of the studied somatisms are observed, which indicates both a partial community of the compared cultures and differences in their somatic metaphors.

Key words: somatic code, somatism, linguoculture, cultural meaning, ethnospecific.

Изучение кодов лингвокультуры представляется перспективным направлением в современной лингвистике. Коды культуры в национальных картинах мира активно исследуются рядом ученых [4–8], однако работ, содержащих комплексный сопоставительный анализ соматических кодов лингвокультур, практически не представлено. Предметом исследования в данной статье являются единицы соматического кода русской и английской лингвокультур *макушка* и *crown (of the head)*.

Соматический код, несмотря на свою универсальность, может иметь различные этнокультурные проявления в разных языковых культурах. Нами были уже изучены единицы кода, составляющие ядро соматической семиосферы (голова, рука, сердце, глаз и др.), и некоторые единицы, находящиеся на периферии (пупок, колено и т. д.) [1–3]. К периферийным единицам относятся и рассматриваемые в этой статье *макушка* и его английский эквивалент *crown (of the head)*.

По традиции, для первичного анализа единиц вербального кода культуры, мы проводим работу с лексикографическими источниками: толковыми, этимологическими словарями, словарями синонимов, фразеологическими словарями, тезаурусами, словарями символов и т. д. [10–12]. Данный этап работы необходим для получения информации о мотивирующих, понятийных, образных, символических и других признаках соматизмов.

Первым этапом исследования является определение мотивирующих признаков изучаемых концептов. Для этого проанализируем этимологическое значение слова-репрезентанта единицы русского телесного кода – *макушка*. При обращении к известным этимологическим словарям русского языка (Макса Фасмера, Г.А. Крылова, Н.М. Шанского), выясняем, что слово «макушка» образовано от слова «маковка»:

Маку́шка. Искон. Суф. производное от общеслав. *мак*, того же корня, что нем. *Mohn* – тж., греч. дорич. *такōп* – тж. и т. д. Первоначально – «маковая головка», затем – «вершина» и «верхняя часть чего-л.» (также и головы) (Фасмер)

Ма́ковка. Это слово, имеющее значение «вершина, макушка», первоначально называло только головку макового цветка. Перенос значения произошел по сходству расположения (Крылов).

В современном английском языке макушка чаще всего обозначается словом *crown* или, для преодоления омонимии, *crown of the head*.

Этимологический словарь Etymonline определяет происхождение слова *crown* от англо-французского *coroune*, означавшего корону, символ королевской власти. Как мы знаем, романские языки были образованы из латыни, где данное слово имело значение «венок, гирлянда».

crown (*n.*) *early 12c., coroune, croune, “royal crown, ornament for the head as a symbol of sovereignty”, from Anglo-French coroune, Old French corone (13c., Modern French couronne) and directly from Latin corona “crown”, originally “wreath, garland”, related to Greek korōnē “anything curved, a kind of crown”.*

С начала четырнадцатого века данное слово стало использоваться для обозначения макушки: *From c. 1300 as “top part of the skull or head”.*

Отметим, что несмотря на разницу внутренней формы данных соматизмов (в русском языке наблюдается отнесенность к вегетативному, а в английском языке – к артефактному кодам), есть общий момент: и в том, и в другом языке перенос формы произошел по сходству расположения (вершина, верхняя

часть). Интересен и общий «цветочный» образ внутренней формы обеих лексем.

Обращение к толковым словарям двух языков позволяет уточнить понятийные характеристики анализируемых нами соматических концептов.

МАКУШКА, -и; мн. род. -шек, дат. -шкам; ж. Разг. 1. Верхняя оконечность, вершина чего-л. М. ели. М. столба. М. вулкана. 2. Верхняя часть головы. Волосы спутались на макушке. Стукнуть по макушке. Пригласить макушку. От макушки до пяток (целиком, полностью). Окунуться с макушкой (полностью, с головой, уйти под воду) (Словарь Кузнецова).

Из данной дефиниции мы узнаем, что интересующее нас значение не является первым, а только вторым (во всех просмотренных нами толковых словарях русского языка). И еще один интересный нюанс: лексема «макушка» маркирована как разговорная. Ее более нейтральным синонимом является слово «темя», которое тоже обладает рядом интересных культурных коннотаций, но уступает слову «макушка» в данном аспекте. Именно поэтому, словом-репрезентантом, мы выбрали «макушку».

Английский эквивалент макушки, *crowн*, стоит в толковых словарях английского языка и то ниже, являясь 6, 7, 8 значением лексемы *crowн*.

crowн (*kraun*) *n*

1. (*Clothing & Fashion*) *an ornamental headdress denoting sovereignty, usually made of gold embedded with precious stones....*

7. *the top or summit of something, esp of a rounded object: crown of a hill; crown of the head* (Collins).

Кстати, у слова *crowн* есть разговорный синоним *pate*:

pate (*pāt*) *n*.

1. *The human head, especially the top of the head: a bald pate.*

2. *The mind or brain* (American Heritage).

pate (*n.1*) “*top of the head*”, *early 14c. (late 12 c. in surnames), of unknown origin; perhaps a shortened form of Old French patene or Medieval Latin patena, both from Latin patina “pan, dish” (see pan (n.)). “[U]sually employed in a trivial or derogatory sense”* (Century Dictionary).

Таким образом, анализ статей толковых словарей показал, что данные соматизмы, не обладая собственным уникальным именем, действительно относятся к периферии телесной семиосферы. Оба концепта названы по принципу семантического переноса. В обоих языках выделяется похожий понятийный признак: «вершина» – «top».

Образные признаки концепта – это признаки, находящиеся в основе образования концептуальных метафор [10: 75]. При анализе концептуальной метафоры принимаются во внимание не только собственно метафоры, но и сравнительные обороты, разнообразие перифразы, метонимия и иные образные средства, учитываются не только собственно слова, но и фразеологизмы, составные наименования.

Наиболее продуктивными телесными метафорами в английской лингвокультуре в целом являются метафоры *Body is a container, body parts are containers, body parts are objects (of value)*, или метонимии – *body/its parts stand for a (emotional) person*. Например, образное выражение *off the top of your head*, означающее «по памяти, без подготовки», уподобляет голову контейнеру с памятью, мыслями, а макушка – верхняя часть контейнера с наиболее доступ-

ной информацией. Когда нет времени «рыться» внутри головы, говорят что-то, если переводить буквально: с макушки.

В английском языке мало образных выражений с данным соматизмом. Интересен пример **addle pate** (переводится примерно, как «пустая башка») – (obsolete) Someone who is stupid or foolish: *Mother wants to arrange a marriage between George and myself, but I know I would be completely miserable married to an **addle pate** like him.*

*I am not surprised to hear that **an addle pate** like him has already squandered his inheritance.*

*Watch what you're doing, **you addle pate**—you nearly broke the machine!* (Farlex Dictionary of Idioms)

В русском языке есть интересный глагол «втемяшить». Образован он с помощью приставки в- от темяшить (этот глагол в значении «бить» еще известен в диалектах), который произведен от существительного темя. Таким образом, дословное значение глагола втемяшить – «вбить в голову». (Происхождение слова втемяшить в этимологическом онлайн-словаре Г.А. Крылова).

Макушка в русской культуре наделена образными признаками «уязвимости», «слабости». В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) нашлось много примеров, в которых о макушке говорится как о незащищенном, уязвимом месте на теле человека: *И вдруг не выдержав напряженья рушится все – по плечам и **макушке** бьет и надо заново строить зданье пока покаянье горло живую слезою дерет* (Е.А. Шварц. Вступление: «Молитва...»). *Взял один пивную кружку И другого **по макушке**.* (И.С. Холин. «Поднялась в столовой ссора...», 1959–1989). *Наследующий ложь, на следующий день после пожара в розовом доме. Послушай плач по гробу своему! Платки со смертью пограничных деревень сбиваются, сползают обнажить **младенческой макушки слабину** – и темя освещает седину теплом и светом внутренним...* (В.Б. Кривулин. Наследующему – 9.5.75: «Наследующий ложь, на следующий день...»).

В англоязычном языковой корпусе СОСА находим похожие примеры: ***The crown of the head, the chief pride and glory of the enemy, shall be smitten; Christ shall crush the head of the serpent. # Psalm 110:6 He will judge the nations, heaping up the dead and crushing the rulers of the whole earth*** (Psalm 68:21 – Online Parallel Bible).

В ряде проанализированных ФЕ с соматизмом «макушка» были обнаружены зооморфные признаки. Например, выражение «**клевать макушку**» (т. е., Приставать, бранить, набрасываться на кого-л.; стараться внушить кому-л. что-л. (Словарь русского арго) несет в себе орнитологические признаки. А идиома «**ушки на макушке**» (Внимательно прислушиваться, быть настороже.) – поговорка о насторожившемся человеке (подобно животному, поднявшему уши).

Очень актуальными признаками концепта макушка/crown являются дименсиональные признаки. Известно, что тело издревле было для человека мерилем всех окружающих объектов. Макушка – верхняя часть головы и всего тела, и отсюда такие выражения, как – *от макушки до пяток, по макушку: от коленок до веснушек золотых твоих, от каштановой макушки до волос срамных* (Т. Ю. Кибиров. Колыбельная для Лены Борисовой: «Золотит июльский вечер...»). *Теперь отпала надобность в очках, Отсюда вижу все твои веснушки – Темней на скулах, золотей в зрачках, И вся ты – свет от пят и до макушки.* (И.Л. Лиснянская. Дочери: «Казалось бы, и нечего сказать...»). *А с липового*

цвета, Считай, что песня спета, Считай, пол-лета нет, – **Июль – макушка лета** (А.Т. Твардовский. «Июль – макушка лета...»). *На жидких дорожках тонут самолеты и столбы высоковольтные, и цветут тросты, а дом оседает в эту могучую муть, и скоро мы по макушку погрузимся.* (В.А. Соснора. «Я живу на тех островах, что текут в речку “чур!” ...»). *Комсомолец Петр Кукушкин прет в работе на рожон, – он от пяток до макушки в сто нагрузок нагружен* (В. В. Маяковский. **Нагрузка по макушку**: «Комсомолец / Петр Кукушкин...»).

В английском языке данный дименсиональный признак чаще приписывается голове в целом (**from head to toes**), но примеры с соматизмом *crown* тоже встречаются: *All thy passions, both thy desires and aversions, thy joys and sorrows, thy hopes and fears, are out of frame, are either undue in their degree, or placed on undue objects. So that there is no soundness in thy soul; but “from the crown of the head, to the sole of the foot”, (to use the strong expression of the Prophet,) there are only “wounds, and bruises, and putrefying sores”* (Sermon 7 – The Way to the Kingdom – General Board of Global).

Символические признаки соматизмов, как правило, имеют ритуальную или жестовую природу. Для многих из нас образ католического монаха неразрывно связан с черной сутаной и тонзурой – аккуратно выбритой макушкой. Выбривали тонзуру духовенству и на Руси, правда называли ее «гуменцо», по аналогии с гумном – очищенным ровным участком, используемым для разных сельскохозяйственных работ. И в России, и на Западе тонзура ассоциировалась с муками Христа и терновым венцом – одним из важных символов христианства: *Клобук белый с херувимами у патриарха. Макушки стригли* (Л.Н. Толстой. Начало романа времен Петра I).

Русские издревле придавали особое значение многим частям человеческого тела. Не стала исключением и макушка, где, как известно, у младенцев находятся роднички. Во многих языках, которыми владеют представители различных национальностей, проживающие на территории России, «родничок» является синонимом существительного «макушка». Некоторые народы считали, что посредством родничков ребенок «питается» некой космической энергией, а другие были уверены в том, что в родничке заключается душа человека. Ребенка на Руси воспринимали как слабое и податливое как добру, так и злу существо. Не зря говорили, что у маленьких детей, в отличие от взрослых, еще «темечко не окрепло».

Становится понятно, почему русские придавали столь большое значение макушке, располагавшейся на голове. Так, считалось, что человек, имевший две макушки, будет счастливым и удачливым. И. Подюков предполагает, что появление этой приметы обусловлено представлениями о заключенной в макушке жизненной силе, которая удваивается при наличии двух макушек [13: 29].

*Слона готов я делать был из мухи:
счастливый двух макушек обладатель,
какие парикмахерские мухи
я претерпел, пока их не пригладил.*

(Г.С. Семенов. «Уже я петуха даю, а там уж...»)

В корпусе американского варианта английского языка находим такой пример: # *Chakra 7 (crown): This energy center corresponds to the crown of the head. Some say the soul enters through the fontanel, the soft spot on babies' heads, and*

exits from the crown when we die. This is the chakra of prayer, where divine energy enters the body in the form of purple or pure white light (Plug into your chakras Energy centers at heart of yoga's healing properties. By Kristen Browning-Blas, The Denver Post).

От простого жеста – поглаживания по голове – возникли выражения с анализируемыми соматизмами. Дети и животные, как правило, любят, когда их гладят по макушке, но взрослые могут воспринимать данный жест как формальный, покровительственный: *Он сейчас же сдобрился и по макушке меня погладил.* (Н.С. Лесков. Заячий ремиз. Наблюдения, опыты и приключения Оноприя Перегуда из Перегудов). *Marisol's father took to kissing her on the top of the head how he used to when she was younger, but sometimes when he did it his eyes were pewter cold and pointed toward her mother* (Razzibot. Analog Science Fiction \$26 Fact).

Таким образом, сопоставительный анализ культурных смыслов эквивалентных соматизмов русской и английской лингвокультур показал наличие сходств и различий их функционирования. Универсальное в функционировании соматизмов в русской и английской лингвокультурах обусловлено, прежде всего, топологическим изоморфизмом человеческого тела, общностью свойств и физиологических функций частей и органов тела человека. Сходство в функционировании соматизмов в русской и английской лингвокультурах детерминируется также культурными факторами, в частности, наличием базисных архетипов, лежащих в основе толкования человеком мира (оппозиции «верх – низ», «правый – левый», «жизнь – смерть»), общностью английской и русской культур, относящихся к европейскому типу культуры.

Однако при абсолютной тождественности тела человека его концептуализация и вербализация в русской и английской картине мира обнаруживают национальную специфику. Так, в английской культуре практически отсутствуют паремии, содержащие соматизм «макушка». Данный количественный показатель свидетельствует о большей степени актуальности данного соматизма для русской культуры.

Проведённое исследование показало, что кросскультурный анализ соматизмов открывает большие возможности для изучения вопросов национально-культурного своеобразия языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкатова Ю.А. Культурные смыслы соматизмов английской и русской лингвокультур. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2013. – 141 с.
2. Башкатова Ю.А. Национальная специфика единиц соматического кода английского и русского языков // Вестн. Волгогр. ун-та. – 2013. – № 2 (18). – С. 132–138.
3. Башкатова Ю.А. Соматический код в английской и русской языковой картине мира // Вестник КемГУ, 2013. № 3-2(55). – С. 90–94.
4. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
5. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 3-е изд. М.: URSS, 2016. – 456 с.
6. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. – С. 5–19.
7. Красных В.В. Предметный код культуры в русском культурном пространстве // Русистика на пороге XXI в.: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 8–10 июня 2002 г.) / [сост. Н.К. Ониненко]. М.: ИРЯ РАН, 2003. – С. 146–148.

8. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды культуры в пространстве языка. – СПб., 2015. – 152 с. (Сер.: Концептуальный и лингвальный миры; вып. 9).
9. Мошина Е.А., Бакирова А.А., Бекмурзаева Ф.Ш. Реализация антропоморфного кода в структурах ландшафтного, анималистического и космического концептов в русской лингвокультуре // Лингвокультурные аспекты концептуальных исследований: сб. науч. ст. к 70-летию юбилею д-ра филол. наук, проф. В.А. Масловой / отв. ред. М.В. Пименова. – СПб.: СПбГЭУ, 2018. – С. 64–71. (Сер.: Концептуальные исследования; вып. 16).
10. Пименова М.В. Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ: монография. Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
11. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестн. КемГУ. – 2013. – № 2 (54) Т. 2. – С. 127–131.
12. Пименова М.В., Бакирова А.А. Символический макроконцепт «вселенная» в аспекте первопризнака в русской лингвокультуре // Гуманитарный вектор. – Т. 16, № 1. – 2021. – С. 81–90.
13. Подюков И.А. Паремия в русских народных говорах Прикамья: семантика и прагматика / И. А. Подюков, Е. Н. Свалова. – СПб.: Маматов, 2019. – 224 с

УДК 81'27

ИХТИОЛОГИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В НАРОДНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ (на примере произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист»)

Ф.Ш. Бекмурзаева

*Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет
им. С.М. Кирова (Санкт-Петербург)*

Статья посвящена рассмотрению символического компонента ихтиологического концепта *карась* в русском языковом сознании на примере произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист». В ходе анализа выделено 17 символических признаков. Все признаки относятся к теме Божества. В образе рыбы символы передают знания, волю Творца и раскрывают духовно-нравственные качества человека.

Ключевые слова: ихтиологический концепт, символический признак, ихтионим, народное языковое сознание, языковая картина мира.

The article is devoted to the symbolic component of the ichthyological concept *карась* (*crucian carp*) in the Russian linguistic consciousness on the example of the work of M.E. Saltykov-Shchedrin «Crucian idealist». During the analysis 17 symbolic signs were identified. All signs relate to the Deity: symbols convey knowledge, the will of the Creator and reveal the spiritual and moral qualities of a person.

Key words: ichthyological concept, symbolic sign, ichthyonym, national linguistic consciousness, linguistic picture of the world.

Рыбы – самые первые позвоночные обитатели Земли. Они появились примерно 400 миллионов лет назад [5]. В канве культур рыба давно несет в себе глубокий символический и духовный смысл. Во многих источниках указывается, что рыба является раннехристианским символом Иисуса Христа: буквы греческого слова «рыба» («*ichthus*») образуют акроним слов «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель» (*Iesous Christos Theou Huios Soter*). Рыба присутствует на печатях и лампадах в римских катакомбных церквах как секретный знак Иисуса [6]. В Евангельских текстах упоминается процесс чудесной ловли рыбы Иису-

сом. Сам Иисус проводит параллель между ловлей рыбы и обращением людей в новую веру (отсюда и «кольцо рыбака», которое носит папа Римский). Новообращенных крестят водой. Крещение на латинском языке называется «*piscina*» («садок для рыбы»), а новообращенные – «*pisciculi*» («рыбки») [6].

В научном пространстве встречаются работы, посвященные исследованию ихтионимов в различных аспектах [1; 2; 3; 4]. Актуальность исследования состоит в необходимости раскрытия символического компонента ихтиологического концепта как фрагмента русской языковой картины мира.

В рамках статьи представлен анализ литературного источника на предмет выявления символизма в структуре ихтиологического концепта *карась* в русском народном языковом сознании. Фактический материал является производением русского фольклора М.Е. Салтыкова-Щедрина – «Карась-идеалист».

Анализ произведения позволил выявить следующие символы:

1) Символ *'правды'*: «*Карась говорил, что можно на свете одною правдою прожить...*» (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»).

2) Символ *'покорности, спокойствия'*, 3) *'идеализма'*: «*Карась – рыба смиренная и к идеализму склонная: недаром его монахи любят*» (М.Е. Салтыков-Щедрин «Карась-идеалист»). За счет присущих карасю этих качеств – ее любят монахи.

4) Символ *'гармонии', 'всеобщего счастья'*: «*Первым всегда задира карась. – Не верю, – говорил он, – чтобы борьба и свара были нормальным законом, под влиянием которого будто бы суждено развиваться всему живущему на земле. Верю в бескровное преуспевание, верю в гармонию и глубоко убежден, что счастье – не праздная фантазия мечтательных умов, но рано или поздно сделается общим достоянием!*» (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»); «*– Об счастье я больше думаю, – скромно, но с достоинством ответил карась. – Чтобы не я один, а все были бы счастливы. Чтобы всем рыбам во всякой воде свободно плавать было...*» (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»).

5) Символ *'веры'*. Карась предстает в образе верца в то, что рано или поздно добро победит зло, тьма сменится светом: «*Тьма – совершившийся факт, а свет – чаемое будущее. И будет свет, будет!*» (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»).

6) Символ *'мечтателя-идеалиста'*: «*Карася же считает “блаженнейшим”, хотя в то же время сознает, что с ним только и можно “душу отводить”*» (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»).

7) Символ *'вселенского добра'*: «*– В жизни первенствующую роль добро играет, – разглагольствовал карась, – зло – это так, по недоразумению допущено, а главная жизненная сила все-таки в добре замыкается*» (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»).

8) Символ *'широты души'*: «*И досадно ему, да и жалко карася было. Хоть и глуп он, а все-таки с ним одним по душе поговорить можно*» (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»).

9) Символ *'прямолинейности', 'открытости', 'прямодушия', 'честности'*: «*– Не хочу я шептаться, – продолжал карась невозмутимо, – а говорю прямо, что ежели бы все рыбы между собой согласились, тогда...*» (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»).

10) Символ *'простоты'*. Открытость, честность, доверчивость сочетаются с простотой: «*– Посмотри ты на себя, – говорил он карасю, – ну, какую ты, не*

ровен час, оборону из себя представить можешь? Брюхо у тебя большое, голова малая, на выдумки негораздая, рот – чутошный. Даже чешуя на тебе – и та не серьезная. Ни проворства в тебе, ни юркости – как есть увалень! Всякий, кто хочет, подойди к тебе и ешь!».

11) Символ 'верности': *«Не разболтает он, не предаст – в ком нынче качества-то эти сыщешь?»* (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»).

12) Символ 'добродетельства': *«– Да просто спрошу: знаешь ли, мол, щука, что такое добродетель и какие обязанности она в отношении к ближним налагает?»* (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»).

13) Символ 'правопорядка', 'законности': *«– Например, монах меня в ухе захочет сварить, а я ему скажу: «Не имеешь, отче, права без суда такому ужасному наказанию меня подвергать!»* (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»).

14) Символ 'аналитического ума', 'сообразительности': *«– Слышала я, – молвила щука, – что очень ты, карась, умен и разглагольствовать мастер. Хочу я с тобой диспут иметь. Начинай»* (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»);

15) Символ 'справедливости': *«– А еще ожидаю, что справедливость восторжествует. Сильные не будут теснить слабых, богатые – бедных»* (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»).

16) Символ 'равенства', 'социализма': *«– Так ты полагаешь, что я работать стану и ты от моих трудов лакомиться будешь? – прямо поставила вопрос щука. – Все друг от дружки... от общих, взаимных трудов...»* (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»).

17) Символ 'осторожности': *«В старом пруду на краю деревни жил-был золотистый карась. Он был очень осторожным и всегда старался избегать опасностей»* (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»).

В данном произведении образ рыбы-карася является символическим и носит всеобъемлющий характер. Выявленные в образе карася символы пропитаны нравственностью; они передают божественный посыл всему человечеству. М.Е. Салтыков-Щедрин показывает, как божественное создание – благородный карась – становится жертвой человеческого чревоугодия. Автор косвенно показывает существенные различия между двумя мирами – животным и человеческим. В человеческом мире, к сожалению, давно наблюдается победа тела над разумом.

Карась – рыба, верящая в прекрасное будущее, где не будет места побоищам, брани; верящая в то, что все живое на Земле (люди и животные) будет жить в гармонии и счастье. Непокколебимая вера и надежда на лучший, добрый, полный счастья мир делает карася посмешищем, глупцом, простофилей, остолопом и фофаном со стороны окружающих.

Честность, справедливость и другие нравственные качества в обществе никому не нужны. С простыми, справедливыми людьми поступают так: *«– Знаешь ли ты, что такое добродетель? Щука разинула рот от удивления. Машинально потянула она воду и, вовсе не желая проглотить карася, проглотила его. Рыбы, бывшие свидетельницами этого происшествия, на мгновение остолбенели, но сейчас же опомнились и поспешили к щуке – узнать, благополучно ли она поужинать изволила, не подавилась ли. А ерш, который уж заранее все предвидел и предсказал, выплыл вперед и торжественно провозгласил: – Вот они, диспуты-то наши, каковы!»* (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Карась-идеалист»).

Символика, хранящаяся в русском языковом сознании и репрезентированная ихтионимом одноименного концепта *карась*, впечатляет своим разнообразием. Было выделено 17 символических признаков, сводимых к единой теме – Божество. Рыба выступает посредником знаний, передает волю Творца, показывает духовно-нравственные качества человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берендеева М.С., Ло Вэй. Метафорические признаки концептов РЫБА / 鱼 в русской и китайской картинах мира на материале словарей // Сибирский филологический журнал. 2022. – № 2. – С. 338–351.
2. Глушенко О.А. Концептуализация понятия «рыба» в языковом сознании камчадалов // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. – Вып. 5 / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: АмГУ, 2007. – С. 34–40.
3. Нестерова А.С. Названия рыб тюркского происхождения в якутском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 4 (70): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 147–149.
4. Николина Н.А., Петрова З. Ю. Ихтионимы в составе антропоцентрических компаративных конструкций русской художественной речи // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2020. – Вып. № 4 (4). – С. 80–91.
5. Подводный мир. Детская энциклопедия. URL: <https://proza.ru/2017/07/08/1679> (дата обращения: 10.06.2024).
6. Тресиддер Джек. Словарь символов. URL: https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_DES_SYMBOLES.pdf (дата обращения: 10.06.2024).

УДК 1751

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ ИХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

К.К. Белекова, Ф.П. Марасулова

Ошский государственный университет (Ош)

Статья посвящена современным подходам изучения литературных языков в контексте исторического развития. Акцент делается на интеграцию разных дисциплин, таких как социолингвистика, историческая лингвистика и культурная антропология. Также будут рассмотрены ключевые методы, использование технологий и междисциплинарные подходы, которые помогают лучше понять динамику литературных языков в историческом контексте.

Ключевые слова: литературные языки, социолингвистика, историческая лингвистика, культурная антропология.

The article is devoted to modern approaches to the study of literary languages in the context of historical development. The emphasis is on the integration of different disciplines such as sociolinguistics, historical linguistics and cultural anthropology. It will also consider key methods, the use of technology and interdisciplinary approaches that help to better understand the dynamics of literary languages in a historical context.
Key words: literary languages, sociolinguistics, historical linguistics, cultural anthropology.

Введение.

Литературные языки играют важную роль в жизни обществ, служат не только средством коммуникации, но и важным культурным артефактом.

Исследование их развития не может быть исчерпывающим без учета исторического контекста, в котором они эволюционировали. Современные подходы к изучению языков предлагают многообразные методологии, позволяющие глубже понять динамику языковых изменений и их связь с историческими процессами.

1. Методологические основы исследования.

1.1. Интегративный подход. Одним из ключевых аспектов современного исследования литературных языков является интеграция различных научных дисциплин. Социолингвистика исследует влияние социальной среды на язык, тогда как историческая лингвистика фокусируется на изменениях звуковых, грамматических и лексических уровней. Культурная антропология, в свою очередь, анализирует культурные аспекты, стоящие за языковыми формами. Применение таких междисциплинарных методов позволяет более точно интерпретировать данные о языковом развитии.

1.2. Корпусная лингвистика. Современные исследования часто опираются на методы корпусной лингвистики, которая предоставляет доступ к огромным объемам текстовой информации. Анализ больших массивов данных позволяет выявлять статистические закономерности использования языка, тренды и изменения в литературных жанрах. Например, можно проследить, как изменялись нормы языка в зависимости от социальных переменных и исторических событий.

2. Влияние социокультурных факторов.

2.1. Политические и экономические условия. Политические изменения, такие как войны или реформы, оказывают значительное влияние на языковое развитие. Языки могут подвергаться как влиянию, так и угнетению, что становится заметным в литературе. Экономические условия, такие как миграции и глобализация, также способствуют взаимодействию языков и культур.

2.2. Идеология и язык. Идеологические аспекты, включая национализм и идеи глобализации, формируют представления о литературном языке. Язык становится инструментом политической идентификации, что отражается в литературных произведениях. Исследование языка как культурного элемента позволяет выявить, как идеологические концепции формируют языковую норму.

3. Литературные традиции и языковые изменения.

3.1. Взаимосвязь жанров и языков. Литературные жанры оказывают значительное влияние на формирование и развитие литературного языка. Например, использование устных традиций в поэзии может приводить к уникальным языковым формам, отличным от прозы. Изучение жанрового разнообразия позволяет понять, как различные стилистические стратегии способствуют языковым изменениям.

3.2. Влияние перевода на язык. Перевод играет ключевую роль в распространении литературного языка, особенно в условиях многоязычного общества. Исследование переводной литературы помогает выявить, как заимствования и калькирования формируют новые языковые нормы и расширяют словарный запас.

Ключевые методы, использование технологий и междисциплинарные подходы

1. Историко-сравнительный метод. Этот метод остается основополагающим в лингвистических исследованиях и позволяет установить генетические связи между языками. Он служит основой для анализа изменений в литературных формах и жанрах, а также их взаимовлияния через переводы и адаптации.

Исследования в этой области помогают раскрыть, как литературные традиции формировались под воздействием различных культурных факторов.

2. Социолингвистический подход. Изучение влияния социальной структуры на развитие литературных языков становится всё более актуальным. Этот подход включает анализ социальных диалектов, социокультурных контекстов и изменений в языке под воздействием социокультурных факторов. Современные технологии позволяют собирать и анализировать большие объемы данных, что открывает новые горизонты для понимания языковой динамики.

3. Когнитивный подход. Когнитивные науки предлагают новые перспективы для исследования языка и литературы. Понимание того, как люди воспринимают, обрабатывают и формируют языковые структуры, помогает углубить наше представление о литературных языках. Исследования на пересечении лингвистики, психологии и нейробиологии становятся важной частью современных научных изысканий.

4. Технологические достижения. Развитие технологий, включая машинное обучение и анализ больших данных, предоставило исследователям новые инструменты для анализа литературных текстов и языковых данных. Применение текстового анализа, автоматического перевода, а также инструментов для анализа семантики и стилистики помогает выявить закономерности и тенденции в историческом развитии языков.

Заключение. Современные подходы к исследованию литературных языков в контексте исторического развития позволяют глубже понять не только сами языки, но и культурные и социокультурные процессы, которые лежат в основе их изменений. Важно продолжать междисциплинарные исследования, которые помогают выявить сложность и динамичность языковых систем и их места в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Современные подходы к изучению языка. – М.: Языки славянской культуры. 2005.
2. Комри Б. Основные языки мира. – Лондон, 2009.
3. Кунин А.И. Языковая и литературная политика в России. – СПб.: Златоуст, 1996.
4. Лосев А.Ф. Краткая история социолингвистики // Вестник языка и литературы. – 2010. – № 3. – С. 45–67.
5. Уильям Лабов. Социолингвистические закономерности. (Поведение и коммуникация, 4.)
6. Шулежкова Н.А. Корпусная лингвистика: теория и практика. – М.: Наука, 2018.

УДК 812.03

О ПРИНЦИПАХ СОЗДАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Ж.Н. Ботабаева

Чимкентский педагогический университет имени Ж. Ташенова (Шымкент)

Уровень развития той или иной отрасли науки определяется состоянием ее основ – теории, понятийного аппарата и методов. Применительно к социолингвистике это означает, что, пополняя ее конкретными социолингвистическими исследованиями, необходимо обращать внимание и на создание теории социолингвистики, разработку ее методов и систематизацию понятийного аппарата.

Ключевые слова: терминологический словарь, социолингвистика, понятийный аппарат.

The level of development of a particular branch of science is determined by the state of its foundations – theory, conceptual apparatus and methods. In relation to sociolinguistics, this means that, when supplementing it with specific sociolinguistic studies, it is necessary to pay attention to the creation of a theory of sociolinguistics, the development of its methods and the systematization of the conceptual apparatus.

Key words: terminology dictionary, sociolinguistics, conceptual framework.

Без разработки данных фундаментальных проблем социолингвистические исследования надолго останутся фрагментарными, непригодными для широких обобщений и теоретических выводов. Эти опасности для социолингвистики тем более реальны, что социолингвистические проблемы, во-первых, в той или иной степени, в том или ином аспекте рассматриваются в трудах специалистов других отраслей знания (социологов, этнографов, политологов, философов), с другой стороны, они широко обсуждаются общественностью. Отсутствие единой теоретической базы, естественно, способствует разному, отсутствию единого подхода, мешает взаимопониманию.

На современном этапе развития языкознания существующие словари лингвистических терминов [1; 4; 5], а также энциклопедия социолингвистики [9] не покрывают всего исследовательского поля лингвиста, не дают ответов на вопросы о значении того или иного термина. Сама наука о языке стала многоаспектной, многоотраслевой, и каждая из отраслей имеет собственную, специальную терминологию. Таким образом, одной из важных задач современной социолингвистики является анализ и систематизация понятийного аппарата – совокупности понятий, используемых в социолингвистических исследованиях.

Проблема создания социолингвистической терминологии в научной литературе поднималась не раз. В 2003 г. вышел в свет «Социолингвистический глоссарий» П. Траджилла. П. Траджилл выделяет основные концепты и наиболее часто используемые термины социолингвистики (580 слов). Внимание автора обращено на различные направления социолингвистики, на традиционную и современную диалектологию, на варианты английского языка, которые представляют особый интерес для социолингвистов. Приводятся ссылки на классические социолингвистические исследования. Особое внимание уделено миноритарным языкам, пиджинам, креольским языкам. Статьи изложены ясным прозрачным языком, термины даны в алфавитном порядке со ссылками. Книга является переработанной, дополненной, расширенной версией «Введения в язык и общество», 1992 г.

В 1993 г. на болгарском языке была издана «Малка енциклопедия на социолингвистика» А. Пачева, являющаяся первой попыткой создания энциклопедического словаря по социолингвистике. В теоретической части книги социолингвистика осмысливается как научная дисциплина междисциплинарного характера, раскрывается ее теоретический и понятийный аппарат, рассматриваются методы сбора и анализа социолингвистических данных, очерчивается круг проблем, связанных с языковой жизнью общества. 100 энциклопедических статей образуют понятийное поле социолингвистики, около 400 терминов имеют краткие определения и отсылки к соответствующей энциклопедической статье, в энциклопедию включен предметный указатель и библиография (770 заглавий). Лексикографическое описание термина содержит этимологию и эквиваленты на русском и английском языках. Автором было использовано около 300 основных источников, что отражено в рубрике «Литература» в конце каждой статьи. Как отмечает в предисловии автор, энциклопедия сочетает особенности почти всех

справочных жанров: энциклопедии, словника, справочника, библиографии и др., что делает ее доступной и удобной информационной книгой, необходимой как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся социальными проблемами языка. Однако следует отметить, что автор не ставил задачу широкого охвата терминов и понятий, которыми пользуются социолингвисты: его задачей было познакомить с основным терминологическим аппаратом социолингвистики. Этой задаче подчинена и структура энциклопедической статьи, в которой все внимание сосредоточено на раскрытии значения термина, но отсутствует анализ его как члена терминологической системы (не указаны лексическая сочетаемость, прагматический компонент и др.).

Социолингвистика – наука, объект которой постоянно подвергается серьезным изменениям, что находит отражение в динамике ее терминологической системы: постоянно появляются новые термины и терминоподобные выражения, некоторые устаревают или становятся стилистически маркированными. Меняется сама социолингвистика, постепенно уходит публицистичность ее терминологии и совершенствуется понятийный аппарат. Подвижность, временная зависимость предмета социолингвистики требует постоянного обновления и переосмысления социолингвистических терминов. Потому что «Закон о гос. Языке» Республики Узбекистан (1995) требуют новые перспективы социолингвистических исследований, в том числе составление терминологических словарей.

Создание словаря социолингвистических терминов имеет не только теоретическое значение, как зачастую рассматривают эту задачу ученые других стран. Она является актуальной проблемой, одной из составляющих процесса языкового строительства, разворачивающегося в Узбекистане.

Необходимость создания словаря социолингвистических терминов обусловлена задачами формирования фундамента самой социолингвистической науки, повышением общественной значимости социолингвистических знаний в период реформ общественной, экономической и культурной жизни. Проблемы языковой политики, социальных функций языка, языка печати, телевидения, образования совершенно естественно касаются каждого гражданина, причем в многонациональной стране всегда встает вопрос выбора языка для разных сфер общения, создаются условия для его использования в политических целях – для социального давления, повышения социального престижа отдельных групп населения, вытеснения представителей «чужой» языковой общности с территории «исконных» жителей и т. п.

Границы сознательного воздействия общества на язык, языковые права личности и языковые права нации, гражданство и язык, государственный и официальный язык, языковой суверенитет личности, охрана языков малочисленных народов, – эти и ряд других сложнейших проблем языкового законодательства, вызванного ростом национального самосознания народов, стали активно дискутироваться в прессе, на радио и телевидении последних десятилетий. Эти обсуждения сложнейших социолингвистических проблем в среде неспециалистов привели к «размыванию» и искажению социолингвистических терминов, их значения. Так, например, функции языка межнационального общения как средства межличностного спонтанного неофициального контакта смешиваются с функциями того же языка в деловом межличностном общении, т. е. сфера межличностного общения не отграничивается от сферы делового (официального) общения, языковые права народов противопоставляются

языковым правам личности, языковая ситуация трактуется упрощенно, в бытовом ее понимании, без учета всей сложности явления и т. д. Эти, на первый взгляд, незначительные терминологические расхождения в сочетании с общей социолингвистической неосведомленностью людей и недостаточной разъяснительной работой в связи с принятием законов о языках приводили к социальному дискомфорту значительной части населения.

Однако необходимо помнить о реальных границах функционирования того или иного языка, которые обусловлены рядом социальных, экономических и культурных параметров (количеством языковой общности, способами ее расселения, традициями применения языка в разных сферах жизни народа, связью языка с национальной культурой, экономическими факторами и др.). Думается, что слово «возрождение», являясь эмоциональным и расплывчатым, более приемлемо для публицистики, а для научной литературы более точным, на наш взгляд, является термин «восстановление функций языка» или же «гармонизация языковых функций», т. е. приведение их в соответствие с социальными потребностями и культурными притязаниями народа.

Совершенствуя понятийный аппарат, необходимо учитывать, что терминологические системы разнятся в зависимости от ориентации авторов на соответствующую лингвистическую традицию (Запада, Востока или же отечественную). Каждая из традиций получила подкрепление, поддержку, дальнейшую разработку в конкретных социолингвистических исследованиях, что, конечно, не исключает определенной универсальности понятийного аппарата. Толкования некоторых социолингвистических терминов, имеются в некоторых словарях, отражающих терминологическую систему других, смежных отраслей знания [3].

Тем не менее, нельзя считать, что теоретические основы социальной лингвистики уже заложены, а другие ее фундаментальные части (понятийный аппарат, методы) наконец разработаны. Дело в том, что, на наш взгляд, основанием любой социолингвистической теории не может быть ни та или иная теория языка, ни какая-либо теория социума в отдельности. Необходим рациональный синтез социальной и лингвистической теории. Конечно, можно было бы считать, что разночтения социолингвистических терминов, о которых говорилось выше, являются вариациями концептов в разных функциональных разновидностях социолингвистического текста (научных, научно-популярных, научно-публицистических). Однако для развития терминологии в разных функциональных разновидностях языка прежде всего необходима интеграция, систематизация и наличие единого (или концептуально разных для различных школ) определения термина. Видимо, социолингвистика в определенной степени повторяет в своем развитии путь лингвистической терминологии, которая, как известно, во многих языках начиналась с учебников, религиозных или научно-популярных переводных текстов [6].

В своем развитии терминология проходит ряд стадий: систематизация, нормализация, унификация и стандартизация, причем эти стадии логично следуют одна за другой. Следует отметить, что степень совершенства терминологии той или иной отрасли науки в значительной мере зависит от развития самой науки.

На каком же этапе развития находится социолингвистическая терминология? Каков ее теперешний статус и потенциал? Состояние отечественной социолингвистики нельзя оценить однозначно, поскольку она, с одной стороны,

переживает своеобразный расцвет в связи с новым периодом языкового строительства, определяющим ее социальную востребованность, актуальность, а с другой стороны, наблюдаются и тормозящие, негативные моменты, так как решением задач восстановления социальных функций языков, созданием письменностей занимаются зачастую люди, далекие от социолингвистики, не имеющие опыта социолингвистических исследований, не знакомые с мировой практикой. В таких условиях тем более нежелательны и опасны терминологические «лакуны», разногласия, а также некомпетентность в толковании основных понятий семантического поля «язык – закон», вызванные разногласиями между юристами и лингвистами.

Наиболее реальные результаты в разработке понятийного аппарата социолингвистики может дать создание словаря социолингвистических терминов, в процессе работы над которым уточняются основные понятия этой области науки: ее определение, содержание, проблематика, круг основных понятий, объект и предмет, соотношенность с другими разделами языкознания и с другими науками. Иначе говоря, такая работа должна способствовать определению социолингвистики как одной из комплексных наук, находящейся на стыке социологии и лингвистики. Вместе с тем социолингвистические исследования требуют осмысления данных этнографии, истории. Это делает особенно трудным вычленение корпуса собственно социолингвистической терминологии и придание словарю нормативного характера. Надо полагать, это дело будущего. Для начала необходимо провести возможно более полную инвентаризацию специальной лексики, т. е. создать словарь-тезаурус. Прежде всего необходимо было составить словник и дать простые, элементарные толкования каждого термина. Следующий этап работы – составление подробных словарных статей. Одним из итогов работы может быть словарь-минимум социолингвистических терминов, необходимый для педагогической практики.

Сложной является проблема разграничения и объединения в одном словаре понятийных систем отечественной и зарубежной социолингвистики. Терминологическое творчество в области социолингвистики на территории бывшего Советского Союза и за рубежом традиционно разнятся даже по принципам терминообразования. Так, например, одно из фундаментальных понятий социолингвистики «функция языка». Разновидности функций языка в отечественной и зарубежной социолингвистике представлены по-разному: язык, используемый на всей территории проживания языковой общности, называется панлект (panlect), на большей части территории – макролект (macrolect), на маленькой ее части – микролект (microlect); родной язык – эндолект (endolect), чужой язык – экзолект (exolect), язык всего народа данной местности – демолект (demolect), одного из регионов – хоралект (choralect), этнической группы – этнолект (ethnolect); агролект, технолект, юрилект, интерлект, идеолект, политолект – для обозначения функций языка, обладающего юридическим статусом.

Следует также учесть, что термины могут быть недостаточно определенными, могут использоваться с разными значениями, например, дихотомия L1 – L2 (язык1 – язык2). L1 – «первый язык» может обозначать такие разные понятия, как «язык, выученный первым» (origin), «язык, чаще всего употребляемый» (function), «язык, лучше всего известный» (competence) и «язык этнической, национальной, социальной и т. п. принадлежности» (identity). Это свидетельствует о необходимости поиска разных терминов для разных понятий, что собственно и делается в процессе конкретных социолингвистических исследований.

В узбекской социолингвистике сложилась традиция описательного выражения концепта путем применения правильно ориентирующих слов. Собственно эта традиция идет от грамматической терминологии (напр., существительное воспринимается в нашем сознании как произведенное от сути, числительное – от число, местоимение – от вместо имени и т. д.), в которой суть лингвистического термина раскрывается в семантике слова. Эта традиция дала такие терминологические сочетания, как язык с максимальными общественными функциями, язык с минимальными общественными функциями, мировые языки, языки международного общения, языки межнационального общения, региональные языки, язык коренной национальности, язык титульной нации, язык малой этнической группы и др. Таким же наглядным примером могут служить также названия социальных функций языка в разных сферах общения: функция преподавания в высшей школе, функция языка публицистики, функция языка делопроизводства и т. д. Видимо, в таком подборе терминов мог иметь значение и момент социальной актуализации, т. е. желания авторов социолингвистических трудов быть понятыми разными слоями населения, а не только специалистами. Правда, позже в отечественной социолингвистике появились более удобные термины, способные возглавить словообразовательные ряды, лишенные описательного характера, образованные по аналогии с традиционными интернациональными терминами лингвистики: социалема, социолингвема, лингвема, функцема. Однако сейчас, когда социальная лингвистика получила признание, а актуальная социолингвистическая проблематика широко обсуждается в средствах массовой информации, видимо, пора переходить к более строгому отбору терминов, пригодных для научного общения в этой области.

Социолингвистика на территории Казахстана и за рубежом является бурно развивающейся отраслью науки, связи между терминами определяются, устанавливаются в процессе исследований, поэтому пока унификации и стандартизации терминологии не может быть. На данном этапе возможна лишь инвентаризация, систематизация терминологической лексики, причем с ориентацией на дифференциацию терминов по разным традициям и школам. Конечно, информативный словарь социолингвистических терминов может сыграть значительную роль в интеграции указанных традиций, в выработке единого метаязыка для социолингвистических исследований.

В словарь будут включены наиболее значимые и частотные социолингвистические термины. Материалом для такого словаря служат выписки из многочисленных социолингвистических исследований (книг, статей, диссертаций, словарей других отраслей науки). Дефиниции предпочтительно выписываются из указанных текстов, и лишь при невозможности сделать это дефиниции терминов составляют авторы словаря по материалам текстов, извлеченных из разных источников. При наличии определений в словарях лингвистических терминов, энциклопедическом словаре и др. определения могут быть заимствованы оттуда. В таком случае необходимым требованием становится вычленение социального аспекта и иллюстрация термина извлечениями из социолингвистических источников.

Интеграция и стандартизация социолингвистической терминологии – дело будущего. Как известно, стандартизированная терминология имеет одну форму для одного концепта и избегает всех видов полисемии. Интеграция в области социолингвистической терминологии для разных традиций – отечественной и

зарубежной – пока отчасти возможна лишь на концептуальном уровне и реже – на уровне словесного выражения. Концептуальное единение в российской социолингвистической традиции может быть подкреплено и в области словесного выражения при условии большей ориентации терминоведения на интернационализацию терминологической системы социолингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 474 с.
2. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. – М., 1977. – 381 с.
3. Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. – М., 2001. – 196 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – 682 с.
5. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М., 1960. – 436 с.
6. Михальченко В.Ю. Литовский язык в сфере высшего образования // Развитие национальных языков в связи с их функционированием в сфере высшего образования. – М., 1982. – 259 с.
7. Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика: теория и проблемы. – М., 1976. – 168 с.
8. Пачев А. Малка энциклопедия на социолингвистиката. – Плевен, 1993. – 470 с.
9. Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. Предисловие // Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992. – М., 1992. – С. 7–18.

УДК 811.512.145

ДИАЛЕКТАЛЬ ЭТИМОЛОГИЯ ТУРЫНДА ТӨШЕНЧӘ (Татарстан Республикасының Ютазы районына фәнни экспедиция материаллары нигезендә)

Ә.К. Булатова

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел. әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Диалектный материал является ценным источником для этимологических исследований. В диалектах татарского языка сохраняются лексические единицы, восходящие к древнетюркскому языку, которые не вошли в лексический состав литературного языка или же были им утрачены. Большинство диалектизмов, характерных для татар-диалектоносителей Ютазинского района РТ берут начало из древнетюркского языка. В данной статье мы предлагаем этимологический анализ некоторых диалектных слов, зафиксированных нами в ходе научной экспедиции.

Ключевые слова: этимология, диалектная этимология, диалектология, ареальная лингвистика, лексикология, диалектная лексика, лексический фонд татарского языка, средний диалект татарского языка.

Dialect material is a valuable source for etymological research. The dialects of the Tatar language retain lexical units dating back to the ancient Turkic language, which were not included in the lexical composition of the literary language or were lost by it. Most of the lexical dialectisms characteristic of the Tatar-dialect speakers of the Utazinsky district of the Republic of Tatarstan originate from the ancient Turkic language. In this article, we propose an etymological analysis of some dialectical words recorded by us during a scientific expedition.

Key words: etymology, dialect etymology, dialectology, areal linguistics, lexicology, dialect vocabulary, lexical fund of the Tatar language, the middle dialect of the Tatar language.

Этимология фәне тел белеменә башка бүлекләре белән тыгыз бәйләнештә яши. Лексикологиядә ул сүзләрнең мәгънәләрен, әлеге мәгънәләрнең үсешен, кайсы беренчел, кайсы икенчел булуын өйрәнә, сүзнең тарихи үсешендә семантик күчешләрнең урынын билгеләргә ярдәм итә.

Этимология фәне өчен диалектларда кулланыла торган сүзләр шулай ук әһәмияткә ия, чөнки диалекталь материал – уникаль этимологик чыганақ. «Этимология диалекталь лексиканың үзенчәлекләреннән мөмкин кадәр тулырак файдаланырга тиеш» – дип билгели Ж.Ж. Варбот [5: 41].

Диалекталь сүзләр этимологик тикшеренүләрнең мөстәкыйль объекты була. Этимология фәне әдәби телнең лексик берәмлекләре һәм диалекталь сүзләр арасында принципаль аерма ясамый, чөнки милли телне бөтен килеш алганда гына, тел турында тулаем күзаллау булдырырга мөмкин. Этимологик анализ ярдәмендә сүзнең үсеше, башка телләр белән бәйләнеше турында фикер йөртүгә нигез була. Борынгы төрки телдән яисә гомуми төрки пластны тәшкил иткән күп кенә сүзләр (нигезләр) татар телендә бары тик диалектларда гына сакланып калган булырга мөмкин. Кайбер очракларда әдәби телдә урын алган аерым берәмлекләрнең нигезләре яисә вариантлары диалекталь сүзләрнең этимологик анализы ярдәмендә табыла.

Этимологик эзләнүләр, берникадәр шартлы, фараз характерында булуга карамастан, алар лексик берәмлекләрнең килеп чыгышын һәм телдә яшәешен ачыкларга ярдәм итә. Тел белемендә диалекталь этимология дигән махсус юнәлеш бар. Әлеге термин диалекталь лексиканың генезисын (аерым сүзләр яки яисә лексик-семантик төркемнәр мисалында) тикшерүне һәм диалекталь лексика семантикасын анализлауны күздә тотта. Ике очракта да диалектологиягә мөрәжәгать итүнең үз спецификасы бар, бу материалның үзенчәлеге диалекталь лексика белән билгеләнә [5: 41].

Татар теле төрки телләр гаиләсенә кыпчак төркеменә карый. Аның лексик системасы борынгы төрки тел нигезендә барлыкка килгән. Татар диалектларының сүзлек составы күп гасырлар буена формалаша, анда төрле тарихи чорларга караган үзгәрешләргә тап булырга мөмкин. И.С. Насипов күрсәткәнчә, «борынгы сүз запасын билгеләү, конкрет тел лексикасының семантик үсешен тикшерү өчен диалектларның һәм сөйләшләрнең бай материалын куллану кирәк. Диалект һәм сөйләшләрдә әдәби телдә булмаган күпсанлы архаик сүзләр яшәп килә, аларның билгеле бер өлеше сакланып калган борынгы төрки лексик берәмлекләрдән гыйбарәт» [11: 52].

Татарстан Республикасының Фәннәр академиясенә Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты һәрдаим татарлар күпләп яшәгән урыннарга комплекслы фәнни экспедицияләр үткәрә. Әле фәнни сәфәрләрнең төп максаты – татар халкының рухи-матди мәдәниятен, аның фольклор, музыкаль традицияләрен, декоратив-гамәли сәнгәтен, эпиграфикасын өйрәнү. Экспедицияләрнең бер юнәлеше – татар диалектларын тикшерү: аларның хәзерге халәтен билгеләү һәм үзенчәлекләрен ачыклау. Диалекталь материал тел үзенчәлекләрен тулырак ачарга мөмкинлек бирә торган махсус эшләнгән сораулыklar ярдәмендә жыела. Сораштыру барышында жирле халык сөйләменә лексик һәм грамматик үзенчәлекләре теркәлә, әлеге жирлектә конкрет кулланыла торган һәм теге яки бу сөйләш яисә урынчалыкка хас лексик берәмлекләр аерылып чыгарыла.

2023 елның сентябрдә Г. Ибраһимов исемендәге ТӘҺСИ тарафыннан Татарстан Республикасының Ютазы районында шундый экспедиция оештырылды. Татарлар яшәгән унжиде торақ пункт тикшерелде, экспедиция барышында

бай һәм кызыклы фактик материал тупланды. Әлеге мәкаләдә без бу төбәктә теркәлгән, язылып алынган берничә лексик диалектизмның этимологик анализын тәкъдим итәбез.

Татар теленең диалекталь лексикасының шактый өлеше борынгы һәм гомумтөрки нигезләргә кайтып кала.

Өйрәнелгән төбәктә татарларның көнкүреш лексикасында *бақрач* [*baqraç*] лексемасы кулланыла (барлык торак пунктларда да теркәлдә), ул ‘сыеклыкны сосып, чумырып алу өчен саплы савыт, чүмеч’ мәгънәсендә килә: *Бер бақрач аш салып бирергә кирәк*. Сүз татар теленең мамадыш, лаеш, каргалы сөйләшләрәндә дә очрый, башка диалектларда шулай ук аның берничә фонетик варианты теркәлгән: *бакрач* [*bakraç*] (чистай һәм стәрлетамак сөйләшләре), *паграц* [*pağrats*] (көнчыгыш диалект), *багырча* [*bagırça*] (ләмбрә сөйләше).

«Татар теленең зур диалектологик сүзлегендә»ндә минзәлә сөйләшәндә *бақрач* ‘бакыр табак’ мәгънәсендә куллануы да күрсәтелгән [14: 96]. Ютазы районы минзәлә сөйләшенең таралыш ареалына керә, әмма кыр тикшеренүләре вакытында безнең тарафтан әлеге сема теркәлмәде. Бәлки, бу хәзер көнкүрештә бакыр табаклардан сирәк файдалану һәм пластик эшләнмәләргә өстенлек бирелүгә бәйләдер.

Бақрач борынгы төрки *бакыр* (бакыр + -гач) тамырыннан [1: 154]. Төрки халыклар электән бакырдан эшләнгән савыт-саба кулланганнар, составына бакыр кергән башка эшләнмәләрдән дә файдаланганнар, әлеге материал чагыштырмача жинел һәм шактый нык булган.

Төрки телләрдә *бакыр* сүзе бик күп дериватларга ия: казакъларда *баграц* [*bagrats*] ‘бакыр чуен, чүлмәк’ (татар теленең төмән диалектындагы *баграж* диалектизмы да шул мәгънәдә кулланыла), каракалпак телендә *бақыраш* [*baqıraş*] ‘чүмеч, соскыч’, башкортларда бақырса [*bagırса*] ‘бакыр чәйнек’, кыргыз, казакъ, үзбәк, төрекмән телләрендә *бақыраш* [*baqıraş*] ‘бакырдан эшләнгән сабыт-саба’, төрекләрдә *bakırcaк* ‘сай бакыр табак’ < борынгы төрки телдә **бакыраг*. ‘бакыр сабыт’ [12: 45].

Татар теле сүзлекләрендә шулай ук ‘бакыр шлем, хәрби баш киеме’ дигән *бакрач* хәрби термины да теркәлгән.

Өйрәнелгән төбәктә ‘аш чүмече, соскыч’ мәгънәсенә ия *уҗау* [*ucau*] диалектизмы теркәлдә: *Ашны уҗау белән бүләләр*. Лексик диалектизмның татар теленең башка сөйләшләрәндә, диалектларында да, шулай ук башка төрки телләрдә дә параллельләре бар. Минзәлә сөйләшенең барлык урынчалыкларында да диалектизм актив кулланыла, шулай ук ул татар теленең урта диалектының богырыслан, турбаслы, стәрлетамак сөйләшләрәндә урын алган, златоуст сөйләшәндә *уҗау* [*ujau*] варианты да очрый.

Чуваш телендә *уҗав* ‘пешкән ит өчен сай агач табак’; башкорт теленең диалектларында *уҗау*, *ыҗау*, *иҗау* ‘чүмеч’, казакъ телендә *оҗау*, кыргыз телендә *оҗоо*, якут телендә *удъаа*, *уҗаа*, *уйабул* ‘чүмеч, соскыч’ [13: 20].

Р.Г. Әхмәтъянов *уҗау* сүзе ‘борынгы яктырткычларда эч мае, яу салына торган савыты, яктырткыч өчен билгеләнгән май савыты’ мәгънәсендә килә дип исәпли [2: 340]. Сүзнең *ут* һәм *җау* нигезләреннән кушылуы нәтижәсендә барлыкка килгәнлеген күрәбез: *уҗау* < *ут җавы* ‘яктырткыч савыты’ – *ут* ‘яна торган предметны чорнап алган кызу газлар; ялкын’, *яу* (*җау*) – ‘май, эч мае’ мәгънәсендәге борынгы төрки сүз [7: 20]. *Җау* сүзе татар теленең диалектларында сакланып калган, әдәби телдә кулланылмый: *җау*, *җә* ‘ү’ ‘май, эч мае, эретелгән эч мае’ (урта диалект) [14: 191].

Ютазы районында гомер итүче татарларның сөйләмәндә *адалан-у* [*adalanu*] фигыле актив кулланыла, сүз шулай ук минзәлә, богырыслан, мэләкәс сөйләшләрәндә очрый һәм ‘мавыгу’ мәгънәсендә килә. Р.Г. Әхмәтьянов фикеренчә, сүз *әтәлән-ү, әтелән-ү* ‘дулкынлану, каушау’ һәм *атылан-у* ‘атлавыч, гөбә таягы ярдәмәндә май язу’ нигезләрәнә бәйлә [1: 75].

‘Чынаяк, чәй һәм кайбер башка эчемлекләр эчү өчен зур булмаган тоткалы касә’ мәгънәсендәгә *йомро* [*yomro*] диалектизмы да ютазылылар сөйләмәндә актив кулланыла. Әлегә лексик берәмлек бөрә, стәрлетамак сөйләшләрәдә дә бар. Шулай ук көнчыгыш диалектның төмән сөйләмәндә *йомры* [*jomri*], урта диалектның тархан сөйләмәндә *жомор* [*comor*] вариантлары да теркәлгән. Сүзнәң этимологиясе борынгы төрки **йум-ур-уз* ‘түгәрәкле, түгәрәкләнгән’ нигезәннән килеп чыккан [13: 248–249].

Шулай итеп, диалектлар телнәң беренчел универсаль формасы булганлыктан, аларның сүзлек составында борынгы төрки нигезләрәдән килеп чыккан сүзләр урын ала, әдәби тел өчен архаик сүзләр буларак исәпләнгән берәмлекләр дә шактый. Диалект милли телнәң сөйләмә формасы булганлыктан, андагы кулланылыштан төшеп калган сүзләрнә табып, өйрәнәп булмаячак. Шул сәбәплә диалекталь сүзләрнә теркәү, анализлау актуаль һәм мөһим юнәлеш булып тора.

ӘДӘБИЯТ

1. Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленәң этимологик сүзлегә: Ике томда. – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – Т. 1. – 543 б.
2. Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленәң этимологик сүзлегә: Ике томда. – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – Т. 2. – 567 б.
3. Булатова А.К., Хусайнова А.Я. Мордовские заимствования в лямбирском говоре татарского языка (на материале научной экспедиции) // Казанская наука. – № 9. – 2023. – С. 145–147.
4. Варбот Ж.Ж. О двух случаях предполагаемого действия народной этимологии в славянской лексике // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2023. – № 3 (37). – С. 103–106. – URL: <https://trudy.ruslang.ru/ru/archive/2023-3/103-106> (дата обращения: 20.08.2024 г.).
5. Варбот Ж.Ж. Из опыта диалектной этимологии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2009. – С. 41–42. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/varbot-09.htm> (дата обращения: 27.08.2024 г.)
6. Герд А.С. Современная диалектология в кругу других дисциплин // Севернорусские говоры. – 2010. – №11. – С. 3–9. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=toccfh> (дата обращения: 29.08.2024 г.)
7. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, – 1969. – 676 с.
8. Иванов В.В. Лексический состав русских говоров // URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%98/ivanov-valerij-vasiljevich/russkie-narodnie-govori/6> (дата обращения: 22.08.2024 г.).
9. Меркулова В.А. Диалектная лексика и этимология // Этимологические исследования: Материалы I–II науч. совещаний по русской диалектной этимологии. Екатеринбург, 10–12 октября 1991 г.; 17–19 апреля 1996 г. Вып. 6. – Екатеринбург, 1996. – С. 18–26. URL: <https://elar.uafu.ru/handle/10995/24441?mode=full> (дата обращения: 22.08.2024 г.)
10. Мызников С.А. Лексика финно-угорского и тюркского происхождения в русских диалектах: (Разграничение и определение конечного источника) // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. – С. 103–106. – URL: <https://elar.uafu.ru/bitstream/10995/23755/1/iurg-2001-20-19.pdf> (дата обращения: 20.08.2024 г.)
11. Насипов И.С. Древнетюркский пласт диалектной лексики мензелинского говора татарского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 1994. – 178 с.
12. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву ‘Б’ / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1978. – 349 с.
13. Севортян Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘Ж’, ‘Ж’, ‘Й’. – М., 1989. – 291 с.
14. Татар теленәң зур диалектологик сүзлегә / төз. Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хәйретдинова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.

КУЗНЕЦК СӨЙЛӘШЕ (Пенза өлкәсе татарлары сөйләшен өйрәнү тарихына карата)

М.Р. Булатова

ТР ФА Г. Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Статья посвящена истории формирования татар Пензенской области и истории изучения их лингвистических особенностей. Она написана на основе конкретных материалов, собранных автором во время комплексной экспедиции, проведенной в 2019 г. Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана по татарским деревням Неверкинско-Кузнецкого и Сосновоборского районов Пензенской области РФ.

Ключевые слова: диалектология, татары Пензенской области, западный диалект татарского языка, кузнецкий говор, комплексная экспедиция.

The article is devoted to the history of the formation of the Tatars of the Penza region and the history of the study of their linguistic features. It is written on the basis of specific materials collected by the author during a comprehensive expedition conducted in 2019 by the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of Tatarstan to the Tatar villages of the Neverkinskaya, Kuznetskaya and Sosnovoborsky districts of the Penza region of the Russian Federation.

Key words: dialectology, Tatars of the Penza region, western dialect of the Tatar language, kuznetsk subdialect, complex expedition.

Пенза өлкәсе Россия Федерациясенең Европа өлешенең көньяк-көнчыгышында, Идел буенда урнашкан. Мәйданы 43,3 мең км². Үзәге – Пенза шәһәре. 2010 елның статистик мәгълүматлары буенча татарлар саны 86431 кеше тәшкил итә. Алар Белинск, Городище, Каменск, Кузнецк, Лопатинск, Неверкинск, Пачелмск, Сосновоборск, Спасск, Шемышейка һәм башка районнарның 50 гә якын торак пункттында яшиләр [8: 111].

2019 елның жәендә Татарстан Фәннәр академиясе Г. Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты галимнәре Булатова Миңнира Рәхим кызы (тел белгече, диалектолог), Ямалтдинов Ильмир Ильдар улы (фольклорчы), Галимова Эльмира Мөнир кызы (музыка белгече), Шкляева Людмила Михайловна (сәнгать белгече), Айгөл Әхмәтова (археограф) тарафыннан Пенза өлкәсенең Неверкинск, Кузнецк һәм Сосновоборск районнарындагы 20 татар авылына комплекслы экспедиция уздырыла; тел, халык авыз иҗаты, сәнгать, музыка, археография, эпиграфика өлкәсенә караган материаллар тупланыла.

М.Р. Булатова (мәкалә авторы) санап узылган районнарда яшәүче татарларның жирле сөйләше, лексикасы, шуның белән бәйле рәвештә халыкның көнкүреше, йолалары, гореф-гадәтләре турында мәгълүмат туплый; жыелган материалларны фонетик, грамматик һәм лексик яктан тикшерә, мәкаләләре басыла [3 һ. б.]. Бу авыллардагы сөйләш татар теле көнбатыш, ягъни мишәр диалектының ч-лаштыручы төркеменә караган кузнецк сөйләше дип атала.

Г. Ибраһимов исем. ТәһСИ галимнәре Пенза өлкәсе татарларын өйрәнүне 2021–2022 елларда да дәвам итәләр. 2021 елда Городище, Лопатино, Шемышейка, Исса һәм Лунино районнарында А.Ә. Бәдртдинова [1], 2022 елда

Каменский, Пачелмский, Вадинский һәм Спасский районнарында Ә.К. Булатова татар халкының тел үзенчәлекләрен тикшерәләр.

Тарихка килгәндә, көнбатыш (мишәр) диалекты вәкилләренең иң борынгы яшәгән җире булып Цна һәм Мокша елгалары бассейннары санала [6: 4]. XVI–XIX гасырларда Рус дәүләте тарафыннан аларны бу урыннардан башта көнчыгышка, аннан соң көньяк һәм көньяк-көнчыгыш юнәлешләрендә күчереп утырту барган. Бу күчеш Рус дәүләтенең чикләрен күрше күчмә халыкларның һөҗүмәннән саклау өчен, хөкүмәт тарафыннан ныгытмалы саклану сызыклары, яна крепостьләр төзү белән бәйлә. Рус дәүләтенең чикләре киңәя барган саен, әлеге саклану сызыкларының урыннары да күчә барган. Галимнәр фарзлавынча, Пенза төбәгенә татар-мишәрләр 300–400 еллар элек Төмәннән (Темников шәһәре һәм районы – хәзерге Мордовиядә) һәм Сембер губернасыннан күчеп утырганнар [9: 42].

Татар-мишәрләрнең күп өлеше Пенза, Түбән Новгород, Саратов, Самара, Ульяновск өлкәләрендә һәм Башкортстан, Татарстан, Мордовия Чувашстан республикаларында яши. Бер өлеше Әстерхан, Волгоград, Оренбург, Рязань, Ставрополь, Тамбов өлкәләрендә; шулай ук Себер, Урта Азия, Балтыйк буе республикаларында, Мәскәү, Санкт-Петербург һ. б. территорияләрдә дә көн күрә.

Россиянең төрле губерналарынан чыккан татар-мишәрләр, шул исәптән, Пенза татарлары, Казан татарлары белән берлектә, төрле сөйләш формалашуда зур роль уйнаганнар. Мәсәлән, хәзерге Башкортстан территориясенә көнбатыш (мишәр) диалект вәкилләре XVI гасыр ахырында (1586 елда) Уфа шәһәре төзелә башлауга бәйлә рәвештә күчереләләр, төбәкнең көньяк-көнбатыш районнары территориясенә XVII–XVIII гасырларда Пенза, Сембер, Тамбов губерналарынан үзирекле рәвештә яки хөкүмәт рөхсәте белән дә күчеп утыралар: шулай итеп байкыбаш, стәрлетамак сөйләшләр формалаша. Алар авыллар булып, төркем-төркем урнашалар һәм көнбатыш диалектның специфик үзенчәлекләрен төрле дәрәҗәдә саклап киләләр; кайбер авыл, районнарда шактый нык сакланган [2: 88; 7].

Көнбатыш диалект вәкилләренең тарихы, теле галимнәрне күптән кызыксындыра башлый. XIX гасыр ахыры XX гасыр башларында А.Г. Бессонов, Г.Н. Әхмәров, Н.И. Золотницкий, В.А. Казаринов, Н.Ф. Катанов, Е.А. Малов, С.Е. Малов һ. б. галимнәрнең татар-мишәрләрнең сөйләм теленә азмы-күпме кагылышлы хезмәтләре дөнья күрә.

XX гасырның икенче яртысыннан башлап СССР ФАнең Тел, әдәбият һәм тарих (хәзер – сәнгать) институты тел белгечләре татар диалектларын, шул исәптән көнбатыш диалектны, өйрәнүгә ныклап керешә. Диалектологлар Н.Б. Борханова, Л.Т. Мәхмүтова, Г.К. Якупова, Д.Б. Рамазанова, Л.Ш. Арсланов, Ф.С. Баязитова, Ф.Ю. Юсупов, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хәйретдинова һ. б. татарлар гомер иткән төрле төбәкләргә экспедицияләр уздыралар һәм милләт-тәшләребезнең тарихына, тел үзенчәлекләренә, матди-рухи мәдәниятенә кагылышлы фәнни мәкаләләр, җыентыклар, китаптар бастырып чыгаралар.

Хәзерге көндә татар диалектологиясендә көнбатыш диалектка караган 19 сөйләш билгеләнгән. Һәр сөйләш махсус экспедицияләр оештырылып, татар теленең диалектологик атласын төзү программасы нигезендә лингвистик география методы белән өйрәнелә: беренчеләрдән булып, мәсәлән, ләмбрә, темников сөйләшләрен Н.Б. Борханова, хвалын, байкыбаш сөйләшләрен – Л.Т. Мәхмүтова, стәрлетамак сөйләшен – Д.Б. Рамазанова, чүпрәле, волгоград

сөйләшләрән – Л.Ш. Арсланов, шарлык сөйләшән – З.Р. Садыкова ача һәм тасвирлый.

Диалектологлар тарафыннан татар халкының бөтен сөйләшләрән туплаган, аларның фонетик, грамматик һәм өлешчә лексик үзенчәлекләрен тасвирлаган ике томлы «Татар халык сөйләшләр» (2008) дип аталган зур хезмәт барлыкка килә. Татар теленең көнбатыш диалектына караган сөйләшләр китапның икенче томында урын ала.

XXI гасыр башында (2009 елдан) ТФ академиясенең Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының элеккеге директоры К.М. Миңнуллин инициативасы белән милләттәшләрәбез көн күргән төбәкләргә комплекслы рәвештә экспедицияләр оештырыла башлый. Мөһим юл белән эш алып барганда, төрле белгечләр тарафыннан татарларның тел үзенчәлекләре, халык авыз ижаты үрнәкләре, йола-гадәتلәре, музыкасы, йорт-каралты бизәкләре, эпиграфик һәм археографик мирасы берьюлы өйрәнелә. Көнбатыш диалект вәкилләре яшәгән өлкәләргә дә фәнни сәфәр уздырыла һәм аларның нәтижәләре «фәнни экспедицияләр хәзинәсеннән» сериясеннән булган «Милли-мәдәни мирасыбыз» дигән коллектив китапта дөнья күрә бара. Татарстан Республикасының Чүпрәле районы, Башкортстан Республикасының Стәрлебаш районы, Түбән Новгород, Оренбург, Ульяновск өлкәләре татарларына багышланган китапларда диалектологлар Д.Б. Рамазанова, Ф.С. Баязитова, М.Р. Булатованың мәкаләләре дә урын алган. Галимнәр анда көнбатыш диалектның чүпрәле, стәрлетамак, сергач, шарлык, хвалын, карсун, мэләкәс сөйләшләрәнең өйрәнелү тарихын, тулы фонетик, морфологик, өлешчә лексик характеристика, халык традицияләрен яктырткан сөйләү үрнәкләрен бирәләр.

Пенза өлкәсенең Городище, Шемышейка, Сосновоборск, Пачелмск, Кузнецк, Неверкинск, Беднодемьянск, Белинск, Каменск һәм Лопатинск районнарында татар теле көнбатыш (мишәр) диалектының кузнецк сөйләше таралган.

Кузнецк сөйләшән беренче тапкыр диалектолог Л.Т. Мәхмүтова өйрәнә. 1978 елда галимәнең кузнецк һәм көнбатыш диалектның башка сөйләшләрә турындагы зур күләмле «Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект татарского языка)» исемле китабы басылып чыга. Китапта көнбатыш диалектның фонетикасы, морфологиясе татар әдәби теле һәм башка төрки телләр белән чагыштырып тасвирлана.

1979–1985 елларда тел белгечләре Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретдинова да Пенза өлкәсенә махсус диалектологик экспедицияләр уздыралар, материал туплыйлар. Нәтижәдә, кузнецк, шул исәптән темников, сөйләшләрә баетыла. Бу төбәк татарларының тарихы, тормыш-көнкүреше, гореф-гадәتلәре, этнографиясе, аларга хас сөйләш-тел үзенчәлекләре галимнәрнең фәнни, фәнни-популяр мәкалә һәм китапларында чагылыш таба. Мәсәлән, алар татар диалектологиясенең житди казанышларын тәшкил иткән «Урта Идел һәм Урал төбәге татар халык сөйләшләрә атласы» (1989), «Татар теленең зур диалектологик сүзлегә» (2009), «Татар халык сөйләшләр» (ике китапта, 2008), тулыландырылган һәм эшкәртелгән «Татар халык сөйләшләрә атласы» (2015); шулай ук «Татар диалектларынан сөйләү үрнәкләр» (Д.Б. Рамазанова, 2011), «Татар-мишәр рухи мирасы: гайлә-көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор» (Ф.С. Баязитова, 2003), «Мордовия Республикасы һәм Пенза өлкәсе татарлары: диалектология һәм халык ижаты материаллары» (Э.Х. Кадилова һ. б., 2015) кебек хезмәтләрдә дә урын алган.

Шулай итеп, Пенза өлкәсе татарларының тарихы, аларның сөйләш үзенчәлекләре төрле елларда галимнәребез тарафыннан өйрәнелгән, анализланган. Татар әдәби теленең үсешендә көнбатыш (мишәр) диалекты сөйләшләренең, шул исәптән кузнецк сөйләшенең дә, мөһим урын алып торугы билгеләнгән.

ӘДӘБИЯТ

1. Бәдртдинова А.Ә. Татар теле кузнецк сөйләшенең фонетик үзенчәлекләре (Пенза өлкәсенә 2021 елгы экспедиция нәтижәләре буенча) // Фәнни Татарстан. – 2024. – № 2 (42). – С. 44–47.

2. Булатова М.Р. Татар теле көнбатыш диалектының стәрлетамак сөйләше // Национально-культурное наследие: Татары Башкортостана. Стерлибаш = Милли-мәдәни мирасыбыз: Башкортстан татарлары. Стәрлебаш. 1 часть. 2-ое изд. (Сер. «Фәнни экспедицияләр хәзинәсенән»). – Казань, 2021. – С. 87–130.

3. Булатова М.Р. Именные части речи в кузнецком говоре татарского языка (на материале научной экспедиции) // Татарское языкознание в контексте Евразийской гуманитарной науки: материалы IV Международной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во Казан. унта, 2024. – С. 26–31.

4. Булатова А.К., Хусаинова А.Я. Мордовские заимствования в лямбирском говоре татарского языка (на материале научной экспедиции) // Казанская наука. – 2023. – № 9. – С. 145–147.

5. Кадилова Э.Х., Галиуллина Г.Р., Сәйфулина Ф.С., Юсупова Ә.Ш. Мордовия Республикасы һәм Пенза өлкәсе татарлары: диалектология һәм халык авыз ижаты материаллары. – Казан, 2015. – 313 б.

6. Махмутова Л.Т. Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области (по материалам экспедиций 1958–1960 гг.) // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 2. – Казань, 1962. – С. 125–162.

7. Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западного Башкортостана. 2-ое изд. – Казань: ИЯЛИ, 2021. – 208 с.

8. Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации: справочник / отв. ред.: Л.М. Айнутдинова, Б.Л. Хамидуллин. – Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2016. – 336 с.

9. Татар халык сөйләшләре: ике китапта / Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретдинова һ. б. – Казан: Мәгариф, 2008. – II кит. – 495 б.

УДК 81'27

СОМАТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК «КОЖА» В СТРУКТУРЕ МАКРОКОНЦЕПТА РОД

Ю.В. Вайрах

*Иркутский национальный исследовательский технический университет
(Иркутск)*

В статье анализируется соматизм 'кожа' в структуре макроментального образования род. Соматизм 'кожа' раньше не рассматривался в контексте описания макроментального образования род, что определяет новизну выполненного исследования. Макроконцепт род встраивается во многие концепты русской культуры, прямо или косвенно указывая на общие ментальные семы. Макроконцепт род связан с традиционными представлениями о прошлом, предках, поколении, семье и в целом с концептами родства. В статье применяется набор методов лингвистического анализа: дескриптивный, интерпретативный, концептуальный.

Ключевые слова: кожа, кожаца, макроконцепт, род, соматический признак.

The article analyzes the somatism of the 'skin' in the structure of the macromental formation of the genus. Somatism 'skin' has not previously been considered in the context of the description of the macromental formation of the genus, which determines the

novelty of the study performed. The macroconcept of gender is embedded in many concepts of Russian culture, directly or indirectly pointing to common mental semes. The macro concept of gender is associated with traditional ideas about the past, ancestors, generation, family and, in general, with the concepts of kinship. The article uses a set of methods of linguistic analysis: descriptive, interpretative, conceptual.

Key words: skin, skin, macroconcept, genus, somatic sign.

Соматический код лингвокультуры системно описывает черты русской лингвокультуры. В нашем исследовании языковая структура макроконцепта РОД объективируется соматическими признаками. Терминологический статус терминов «соматизм», «соматический» еще уточняется и трактуется учеными по-разному. В широком значении соматизм обозначает явления, рассматриваемые в аспекте телесности. В узком значении соматизм определяется как любой значащий признак, положение или движение лица и всего тела человека (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров).

Ю.Д. Апресян относит к внешнему облику человека три составляющих: голова и ее части; тело; ноги. Среди них выделяется, например: функция физического восприятия: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, которые локализуются в органах восприятия. Самой сложной является речь [2: 42]. Лингвокультурологический потенциал соматизмов обнаруживается во взаимосвязи культуры и языка, семиотики и фольклора. В языковой картине мира закрепилось архаичное представление о телесности, потому что она становится способом объективации реальной действительности на основе бинарных оппозиций «верх / низ», «далеко / близко» и др. М.В. Пименова утверждает, что тело становится «элементом внешней природы человека (тело как часть Макрокосмоса) и элементом внутреннего мира» [10: 130].

К интерпретации понятия род в разное время обращались В.О. Ключевский, В. Соловьев, В.В. Колесов, Ю.С. Степанов, А. Вежбицкая, М.В. Пименова и др. Макроконцепт род становится объектом лингвистического описания в работах Ю.В. Вайрах 2021–2024 гг. [Вайрах 2021; 2022; 2023; 2024]. Языковую структуру макроментального образования РОД вербализуют соматические признаки: ('подбородок', 'пуповина', 'живот', 'сердце' и др.).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово 'кожа' имеет значение: «*ж. верхняя оболочка, наружная одежда животного тела; она соединена с телом мездрю и клетчаткою, покрыта извне кожей, тонким роговатым слоем, и б. м. шерстью, перьями, чешуей*» [13].

В «Словаре русского языка» А.П. Евгеньевой дается толкование соматизма 'кожа': Наружный покров тела человека и животных. [Руки] у нее стали дублеными, с коростами и ссадинами на коже. Гладков, Вольница. Кожа да кости – о крайне худом, изможденном человеке. – Какой ты ходок? Погляди на себя: кожа да кости. Умрешь, брат. Чехов, Мечты. Ни кожи ни рожи у кого (прост.) – о некрасивом, худом человеке. Девушкой меня не назовешь, нет... Хороша девушка: худая как щепка, да еще заика, ни кожи ни рожи – одни глаза. Кнорре, Каменный венок. Влезть в кожу чью см. Из кожи (вон) лезть – стараться изо всех сил. Старик лез из кожи, чтобы угодить. Мин-Сибиряк, Без особенных прав. Мороз по коже подирает (или дерет, пробегает и т. п.) [12].

В словаре синонимов приводятся синонимы слова 'кожа': юхта, лосина, шеврет, шагрень, шевро, шелуха, козлиная, кордуан, ровдуга, оропон, лайка,

кожура, оболочка, голые, скальп, пегамонд, шкура, покров, эпидерма, птерилия, сафьян, нубук, сыромять, юфта, кожица, ихтиоз, хром, велюр, пергамент, выросток, мутон, замша, пергамен, дерма, мерья, опоек, выползок, эпидермис [11].

Соматизм 'кожа' образует атрибутивное сочетание «чужая кожа» на основе оппозиции «свой – чужой»: *Пена каждый раз уходит, чужая кожа сползает.* (Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019). Эта оппозиция «своего /чужого» передается в атрибутивном сочетании «чувствовать кожей»: *Чувствуют всегда родители. Кожей чувствуют. Не в свои сани их дитятя сел.* (В.М. Шапко. Один день перед поездкой в Бирск // «Волга», 2014); *А потом, при определенной тренировке, ты вдруг начинаешь чувствовать кожей, ознобом узнавая то, что никогда раньше не видел.* (По воле художника (2004) // «Мир & Дом. City», 15.05.2004); *Вот говорят, что брат – это что-то особенное, что его кожей, что ли, чувствуешь, переживаешь за него как-то по-кровному, любишь и все в этом роде.* (Я.И. Грантс. Череп // «Волга», 2011); *Самое главное достоинство молодого поколения – в том, что они кожей чувствуют банальность и пошлость.* (Знаменитые Захаровы из одного театра // «Общая газета», 1998). В паремии «Кожа коже сноровит, свой своему, кровному» [13] соматизм 'кожа' реализует значение своего, родного, кровного, тем самым объективируется значение границ совокупности людей, находящихся в кровном родстве. Паремия «Своя кожа рубахи дороже (ближе)» [13] в значении «свой – чужой» вербализуется в контекстах НКРЯ: *Далее эгоисты телята, помня только пословицу, что своя кожа к телу ближе, не внемлют голосу общей пользы и мычат, оплакивая скорую разлуку с пестрою своею одеждою, которая достанется или на солдатские ранцы, или, что еще горче, на переплеты глупых книг.* (А.А. Бестужев-Марлинский. Испытание, 1830). *Мама! Моя кожа! Посмотри, что они делают с моей жизнью.* (А.Л. Барто. О людях и письмах. Почта одной книги (1971) // «Литературная газета». 05.05.1971).

Соматический признак 'кожа' в языковом материале указывает на «возраст» человека: *Для этой цели доктор Свифт давно держит наготове небольшой саквояж, где стопка чистой и чуткой, как кожа младенца, бумаги, связка перьев, отточенных под стрелы, чернильница с ядом и табакерка с зельем.* (Борис Телков. Вакансия доктора Свифта // «Менестрель», 2012); *Кожа младенца была коричневой, высушенной. «Почему – мне?» Пелены, укрывавшие младенческие ноги, были густого глиняного цвета.* (Елена Чижова. Лавра // «Звезда», 2002); *Ты всё равно будешь его чувствовать – кожей, глазами, носом.* (В.О. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях, 2015); *«Расползались», – шипел он, и шрамы от ожогов у него на лице розовели – нежные, как кожа ребенка после бани.* (Андрей Геласимов. Разгуляевка, 2008); *Старческая кожа была не довольно чутка к температурным изменениям.* (Н.С. Лесков. Некуда, 1864).

Цвет соматического объекта 'кожа' в языковых контекстах указывается как выделяющий кожу среди соматических объектов (синяя, красная, белая, желтая, коричневая, розовая, зеленоватая, золотистая и др.): *Шаманке-повитухе пришлось вдохнуть ей собственное дыхание, а чтобы синяя кожа покрылась румянцем, она велела деду Гальматэгину окунуть внучку в студеную волну.* (Юрий Рытхэу. Сегодня в моде пиликены, 1970–1977); *Густые черные волосы прoderнуты легкой сединой, острижены по моде – у ушей и на затылке наголо; синяя кожа сквозит, на макушке волосы торчат вихром.* (П.Н. Крас-

нов. Ложь, 1938–1939); **Красная кожа** лица переходила в желтую на шее, собиралась в складки и морщины. (Виктор Кин. Записные книжки, 1921–1937); **Красная кожа**, сморщенная рожица, бессознательные движения, но в мутных глазах уже светились искорки новой жизни. (А.И. Красницкий. Дочь Рагуила, 1913); **У тебя же чудесная белая кожа**, у тебя хорошие серые глазки, только они спрятались! (Людмила Петрушевская. Город Света // «Октябрь», 2003); **У Мадонны**, например, черты лица остаются прежние: длинный прямой нос, византийские глаза, **желтая кожа**. (А.К. Дживелегов. Начало итальянского Возрождения, 1908); **Кожа** у Матвейки **коричневая**, как подгнившая груша, и в складках её местами что-то белеет. (Ю.И. Лунин. Три века русской поэзии // «Волга», 2016); **У нее были печальные глаза и розовая кожа**. (Сергей Довлатов. Иная жизнь, 1984); **Одно плечо облутилось**, на нем чисто блестела **розовая**, новорожденная **кожа**. (И. Грекова. На испытаниях, 1967); **По сравнению с пламенеющей ветровкой рыжие Джюлькины** волосы были тусклыми, ржавыми, а **кожа** даже какой-то **зеленоватой**. (С. Галина. Ригель // «Волга», 2012); **Она невысокая и хрупкая**, у нее большие миндалевидные глаза, изогнутые в полуулыбке губы, золотистая кожа и роскошный хвост каштановых волос. (Наринэ Абгарян. Всё о Манюне, 2012). Образность цвета передается в атрибутивном сочетании «землистая кожа»: **У библиотечных служащих** были такие же опухшие, книзу удлинённые, оплывшие лица, как у половины читающих, та же дряблая, обвислая **кожа**, **землистая** с празеленью, цвета соленого огурца и серой плесени, и все они втроем делали попеременно одно и то же, шепотом разъясняли новичкам правила пользования книгами, разбирали билетки с требованиями, выдавали и принимали обратно возвращаемые книги и в промежутках трудились над составлением каких-то годовых отчетов. (Б.Л. Пастернак. Доктор Живаго, 1945–1955).

Соматический признак ‘кожа’ раскрывается в различных образах: гусь, морж, свинья, крокодил, бык, лошадь, лось, нерпа, собака, рыба, баран, тюлень, змея, олень и др.: **Я взглянула на Лалу: мне показалось, что она уже не Лала**, у нее другое лицо, много старше, прекрасное, мудрое и жестокое, я взглянула на могилу Дивы: мне показалось, что лошадиный череп скалит зубы и двигает челюстями, а **змеиная кожа** налилась телом, лоснится, вьется, отрастила голову и светит изумрудными глазами. (А.В. Амфитеатров. Жар-цвет, 1895). В образах, объективируемых соматизмом ‘кожа’, наблюдается взаимодействие соматического и анималистического кода, что обнаруживает лингвокультурные смыслы.

Соматический признак ‘кожа’ может указывать на болезнь человека, недомогание: **Ну куда ты пустишься такой, кожа да кости**, еле душа в теле? (Б.Л. Пастернак. Доктор Живаго, 1945–1955); **Изголодался, отоцал. Одна кожа да кости**. – Да, – задумчиво сказал капитан Енакиев. (В.П. Катаев. Сын полка, 1944).

Соматизм ‘кожа’ объективирует образ земли-матушки, матери всего живого, космоса, Вселенной, планеты. В языковом материале представлены метафорические сочетания «**кожа земли**»: **С точки зрения тела Земли, которое так красиво с самолета в ясную погоду, – с высоты десяти тысяч метров, когда особенно видно, что ты летишь над живым дышащим существом, – живым, вне всяких метафор, – когда видна нежная, свежая кожа Земли** всей природной гаммы цветов – от смугло-оливкового до нежно-розового, – всей доступной глазу гаммы: платанового ствола, еловой коры, ивовой корзины,

охры канадского клена, сосновых некрашенных досок, березовой мякоти, еще сыроватой на спиле, да мало ли каких цветов и оттенков еще – вполне можно предположить, что, с точки зрения Земли как таковой, данное недоразумение, *Ното сариенс*, которым она где-то неосторожно заразилась, принадлежит к разновидности плесневых грибов, к ее ужасу, неожиданно стойких. (Марина Палей. Ланч, 1999); **«кожа планеты»**: Одним из важнейших трендов здесь является создание в мировой экономике конвергентной гиперсети, которая формируется путем интеграции информационно-управляющих сетей, интеллектуальных сенсоров, датчиков и т. п.: ... *Cisco Planetary Skin* (букв. – «кожа планеты») – система планетарного мониторинга... для интеграции информации о разнородных по назначению, расположению и собственникам объектов (людей, машин, технических систем, природных объектов сетецентрическом информационном пространстве) (Е.Л. Логинов. Новые информационные технологии для контрольной деятельности в сфере государственного и муниципального управления // «Информационное общество», 2011). Связь с образом земли-матери возникает и в устойчивом сочетании «землистый цвет лица»: У него **землистый цвет лица** – человека, который всю жизнь провел в помещении, а если выходил на улицу, то прятался в тени, в сени смертной. (Анатолий Найман. Славный конец бесславных поколений, 1994); Я говорю: «А у Левы какой землистый цвет лица по сравнению с Вовой, прямо испитое лицо». (Эмма Герштейн. Лишняя любовь, 1985-2002); Он очень плохо выглядит: осунулся, постарел, землистый цвет лица и, кажется, еще поседел. (А.К. Гладков. Дневник (1937) // Гладков А.К. «Всего я и теперь не понимаю»: из дневников (1936–1940) / публ., предисл. и комм. С.В. Шумихина // Наше Наследие. 2013–2014. № 106–107, 109–111); Худые, осунувшиеся лица, особенный **землистый цвет лица**, типичный для арестанта, показывал, что живется им здесь не сладко. (В.В. Чернавин. «Записки «вредителя»», 1935); К концу операции офицеры и солдаты стали теньями: глубоко запавшие глаза, землистый цвет лица и вместо человека – сплошной комочек нервов. (Б.А. Штейфон. Кризис добровольчества, 1928); Кличку эту ему дали за **землистый цвет лица** и еще за то, что он жаден, хитер, суров и безжалостен к рабочим, выжимая из них соки не столько для обкрадываемого им хозяина, сколько для своего кармана. (А.А. Богданов. Бунт, 1926); За болезненный, **землистый цвет лица** барышни звали Горизонтова «желтомором», а за то, что он носил костюм зеленого цвета с искорками, дали ему кличку «лягушачий мор». (А.А. Богданов. Сувенирчик, 1911); У Бальмонта ужасное страдальческое лицо. Освещение придавало всем **землистый цвет лица**. Мы скоро ушли и пошли домой пешком. (М.В. Сабашникова. Бальмонт в дневниках Маргариты Сабашниковой (1903) // Бальмонт в дневниках Маргариты Сабашниковой. Публ. К. Азадовского // Вопросы литературы. – 2017. № 6); Тяжелое, удручающее впечатление производили несчастные узники в колодцах на шее и ногах... крайняя вялость мышц, **землистый цвет лица** ... – все это заставило скорее отвернуться от этой ужасной картины человеческих страданий. (М.В. Грулев. Из поездки в Маньчжурию // «Исторический вестник», 1900); Выглядит царь мрачным, похудел, **землистый цвет лица**, до сей минуты еще конфузится и совсем не находчив. (А.И. Богданович. Дневник, 1891).

Образ страха актуализируется устойчивым сочетанием «мороз по коже»: И кровь полилась ручьями. У мужика **мороз по коже** пошел. «Видел? – спросила старуха. (А. Успенский. Переподготовка, 1920–1929); Все: скрижали, да

державы, да денницы... Аж мороз по коже, ей-Богу! Раздует себе ночью самоварчик, оденет очки роговые, книжищу свою разворотит – и ну листами бури-ветры подымать! (М.И. Цветаева. Вольный проезд, 1918).

Соматическая метафора с включением соматизма 'кожа' представлена примерами, в которых обнаруживается взаимосвязь с другими соматизмами (душа, нерв): *Не пожрала ее ехидна, но облила ядом, от которого обгорела кожа души.* (В.Г. Малахеева-Мирович. Маятник жизни моей: дневник русской женщины 1930–1954, 1933); *Мне казалось, что вся моя кожа, как волосками, покрылась кончиками обнаженных нервов* (Н.Н. Шпанов. Старая тетрадь (1935–1950)).

Соматический признак 'кожа' обнаруживает прямые и переносные значения, пересекающиеся в соматическом и семейном коде. Образность соматического признака 'кожа' связывается с образами: гуся, моржа, свиньи, крокодила, быка, лошади, лося, нерпы, собаки, рыбы, барана, тюленя, змеи, оленя. Соматический признак 'кожа' в аспекте родства представляет соматический код, который является ключом к пониманию народных представлений и наивной картины мира. Анализ соматизма 'кожа' демонстрирует универсальность признака, значения которого пересекаются в соматическом, семейном и анималистическом коде культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – М., 2001.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 23.
3. Вайрах Ю.В. Алатырь как признак символического макроконцепта РОД // Актуальные проблемы формирования духовных ценностей в контексте диалога культур и языков: материалы межд. науч.-практ. конф. – Уральск: ЗКУ, 2023. – С. 95–100.
4. Вайрах Ю.В. Сопоставительный анализ мотивирующих признаков макроконцептов Род и Макошь // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2022. Т. 24. № 6 (94). – С. 686–695.
5. Вайрах Ю.В. Образно-метафорический слой макроконцепта род (на материале паремий тематической группы род – племя) / Ю.В. Вайрах // Вестник Кемеровского государственного университета, 2022. Т. 24, № 6 (94). – С. 678–685.
6. Гудков Д.Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.В. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007.
7. Мазалова Н.Е. Человек в традиционных соматических представлениях русских. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 192 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997, 1999, 2001, 2003. – 943 с.
9. Пименова М.В. Особенности структуры символического макроконцепта РОД // Вестн. Кокшетауского ун-та им. Ш. Уалиханова. Серия Филологическая. – 2021. – № 2. – С. 37–44.
10. Пименова М.В. Символический макроконцепт «род» в русской лингвокультуре // Общество, язык и культура XXI века: XXXVIII Междунар. науч. онлайн-конф. (Санкт-Петербург-Бишкек, 29–30 апреля 2021 г.). – СПб.: Ин-т иностранных языков; Бишкек: Манас, 2021. С. 37–46.
11. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / ИЛИ РАН; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 681 с.
12. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека.
13. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. – 700 с.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТОВОЙ ЛЕКСИКИ КРАСНОГО (на примере романа Юй Хуа «Братья»)

Ван Цяньцян, Р.Р. Лукманова

Уфимский университет науки и технологий (Уфа)

«Братья» – одно из самых востребованных произведений художественной литературы китайского писателя Юй Хуа. В романе точно воспроизведена истинная социальная жизнь в Китае во время Культурной революции. Роман «Братья» изобилует красочными описаниями. Чаще всего – красного цвета – они проявляют конфликт между внешним и внутренним, разницу между идеалом и реальностью. В статье проведён анализ содержательно-фактуальной и подтекстовой информации в разных контекстах в аспекте метафорических значений, что позволяет глубоко окунуться в мир исходного языка и культуры.

Ключевые слова: красный цвет, метафора, теория релевантности, китайское литературное произведение, Юй Хуа.

“The Brothers” is one of the representative novels of the Chinese writer Yu Hua. This novel faithfully reproduces the true social life in China during the Cultural Revolution. The novel is replete with colorful descriptions, especially red, to show the conflict between the outer and inner, the deviation between ideal and reality among people. Based on the principle of relevance, the analysis of content-factual and subtextual information in different contexts constitutes the purpose of this article. In terms of metaphorical meanings, to dive deeper into the world of the source language in connection with the words “red”.

Keywords: red, metaphor, relevance theory, Chinese literary novel, Yu Hua.

Одним из современных писателей, выходящего за рамки общепринятого, является Юй Хуа. При всём разнообразии и загадочности своего литературного творчества Юй Хуа прагматичен, он постоянно ищет конкретные пути реализации поставленных целей в романе, и очевидно, что метафора играет в этом очень важную роль. Метафорические особенности, присущие самому тексту, привлекли наше внимание, так как благодаря метафорическим свойствам языка мы можем понять особенности иностранного языка, а также культурные привычки, характер, менталитет жителей той или иной страны [4: 574]. Являясь важным способом познания, метафора играет важную роль в понимании и изучении вещей. Феномен метафоры рассматривается как языковое выражение когнитивных механизмов, закреплённых в языке в результате синтеза различных форм мышления, рационального и образного, на пути научной, профессиональной и познавательной деятельности и актуализированных в рамках научной профессиональной коммуникации [9: 130].

После первого прочтения романа «Братья», автор которого использует множество метафорических приёмов, есть не прояснённые, связанные с ними, вопросы, они касаются смысловой и формальной специфики метафорических конструкций. Перечитывая роман, мы пришли к выводу, что именно эпоха создает жизнь, в которой есть и страдания, и счастье, кроме того, судьба каждого человека тесно связана с эпохой. Мир в любое время сталкивается с разными вызовами. Мы не можем выбрать свою судьбу, но можем изменить свой взгляд

на её особенности. По нашему мнению, фоном всего произведения является серая эпоха – как будто на долю обычным маленьким людям выпадают страдания и горести, но пройдя через барьеры, образованные этими невзгодами, обнаруживается, что уникальная способность каждого маленького человека подобна свету в темной ночи и красному лучу в сером мире. В этот момент присутствие цвета кажется единственным, на что можно опереться, чтобы вести переговоры с социальными правами и статусами того времени.

Цветообозначения являются важной частью словарного состава языка [2: 158]. Для разных народов мира цвета имеют одинаковый или похожий визуальный эффект, который определяется человеческим восприятием и многолетним опытом, но по мере того, как жизненный опыт людей становился богаче, цвета приобретают метафорическое значение, выходящее за рамки их буквального смысла. Как один из базовых цветов китайской лингвокультуры, красный занимает очень важное место в культуре шаньдунцев, ведь Шаньдун известен также как «Земля Цилу» (в древности Шаньдун был землей Ци и Лу), которая является одним из мест зарождения китайской цивилизации, а поскольку с тогда возникло конфуцианство, можно представить, что шаньдунцы с уважением относятся к традиционной культуре, что также является одной из причин того, что Юй Хуа – выходец из провинции Шаньдун – предпочитает красный цвет. С древних времён в китайском языке существуют разные способы номинации этого цвета, например: 赤、朱、赭、丹、绛、彤、绯、殷、茜, в дополнение к 34 цветообозначениям, используемым для описания различных оттенков красного.

Цвет возникает из света, будучи объективным физическим явлением в природе, и он входит в духовный мир человека в форме психологического опыта, а развитие человеческого познания и языка невозможно отделить от восприятия и переживания внешних вещей через человеческие органы чувств. Это соответствует принципу релевантности в процессе коммуникации, который является основой теории релевантности [7: 123]. Теория релевантности существует в рамках когнитивной лингвистики и используется для объяснения рациональности существования различного коммуникативного поведения и неявного значения информации в контекстах. Таким образом, когда полученная информация достойна внимания людей, это значит, что информация релевантна.

Лексическая единица «красный» многозначна, помимо простого обозначения цвета, она (единица) расширяет своё значение за счёт жизненного опыта людей, суть метафоры состоит в том, чтобы понимать и переживать один вид вещей с точки зрения другого [4]. Это означает, что люди часто оценивают и интерпретируют два, казалось бы, несвязанных между собой предмета. Основной причиной изменения значения слова является мощная когнитивная функция метафоры, а средством, вызывающим изменения в языке, является метафора.

Метафора – это не только лингвистическое явление, это способ мышления. Методика цветowych метафор возникает, когда мы используем цвет для когнитивного анализа или объяснения других областей. Она является важным когнитивным инструментом для восприятия мира. Методика цветowych метафор была разработана в 1996 петербургским психологом Игорем Соломиным [8: 76]. Метафорическая модель (о цвете) в отношении признаков слов предполагает перенос наименования с одного класса сущностей (вещей

и признаков) на другой на основе частичного сходства их импликациональных признаков, то есть на основе аналогического сходства классов [5: 101]. Психологическое сходство является важным условием для производства цветowych метафор. Когда мы родились, и у нас появились какие-то чувства по отношению к чему-либо, всё, что было первоначально бесцветным, окрашивается в цвет, который мы считаем таковым, тем самым делая вещь более реальной, яркой и отчетливой. Таким образом, Юй Хуа часто прибегает к использованию цвета для реализации выразительной функции языковой единицы, то есть существование имплицитного значения под одной языковой единицей в разных контекстах. По мере того, как между предположением читателя целевого языка и предположением писателя/оригинала сформировалось эмоциональное взаимодействие и эстетическая оценка, достигается наилучшая релевантность между двумя языками и верно понимается значение оригинального предложения [6: 132].

В данной статье на основе теории релевантности предпринимается попытка анализа когнитивных и символических значений и метафорических эстетических ценностей красного в романе «Братья». Красный цвет является самым почитаемым в китайской культуре, это почитание возникло из поклонения солнцу и огню в древние времена. Солнце вызывает у людей чувство таинственности, поэтому красный цвет также несёт в себе некую загадочность. С древних времён красный цвет широко использовался для описания вещей, например, резиденции древних сановников назывались «Чжу Мень» (朱门), их одежда называлась «Чжу И» (朱衣). Кроме этого, «красный» также символизирует красоту, например, если у девушки яркий макияж, его называют «красным макияжем» (红妆), и красивую девушку – «красным лицом» (红颜). Имя героини романа «Линь Хун» (林红), он выбрано автором вовсе не случайно, оно объясняет то, почему все молодые люди в Лю Чжэнь одержимы ею.

Согласно легенде, красный также может сохранить от зла и бедствий, поэтому в китайском языке слово «красный» имеет метафорическое значение 'счастье' и 'удача'. При праздновании Нового года, проведении свадеб, дней рождений и других праздничных мероприятий основным цветом для украшения является красный. Красные иероглифы и красные свечи на традиционных свадьбах не только создают праздничную атмосферу, но и напоминают людям, что дни после свадьбы будут очень счастливы и благополучны. Как и тогда, когда «Сун Фаньпин увидел, что на подушках, на простыни и на одеяле был вышит большой красный иероглиф «двойное счастье» – шрам прошедшей свадьбы.» [10: 22] (宋凡平看到里屋的枕套上、床单上和被子上都绣着大红的“囍”字，这是新婚的痕迹。) [11: 25]; «Теперь Ли Лань вернула себе девичью косу и повязала на конце её две красные ленты.» [10: 41] (再婚的李兰喜气洋洋，现在她恢复了姑娘时的辫子，还在辫梢处系上了两根红绳) [11: 47]

Людей всегда привлекают сильно концентрированные цвета, а красный является таким «фокусным цветом». Яркий красный цвет может возбуждать людей, поэтому красный цвет часто используется в китайском языке для выражения смущения и радости. Например, в романе «Братья» автор часто описывает психологическое состояние героев с помощью красного цвета: «Она так и не сумела его закрыть – сорвала себе весь голос, даже глаза у неё и те от волнения покраснели.» [10: 28] (宋凡平出尽了风头，李兰把嗓子喊哑了，她激动的眼睛都红了) [11: 33]; «Ли Лань поглядела на его обнажённый

торс: увидев, как выпирают мышцы на широких плечах, она густо и горячо покраснела.» [10: 29] (宋凡平宽阔的肩膀和发达的肌肉让李兰浑身发热脸蛋通红) [11: 34].

В дополнение к вышеупомянутым выражениям радости и застенчивости, эмоциональные подъемы и спады также могут быть описаны как «красные», когда человек зол или расстроен, что в китайском языке часто выражается как «покраснеть до корней волос» (面红耳赤), «краснеть/красный как рак от гнева» (气的脸红脖子粗). Подобно тому, как в романе «Братья» Стихотплет Чжао подтрунивал над Писакой Лю, автор использует словосочетание «красный», чтобы читатель мог почувствовать степень гнева Чжао. «После этого укола мрачная физиономия Стихотплетя стала красней помидора.» [10: 303] (刘作家笑里藏刀的一番话, 把赵诗人原本铁青的脸色气得通红了) [11: 378].

Кроме того, словосочетания со словом «красный» имеют глубокое значение в истории Китая, особенно в контексте всей революционной борьбы, ведущей к основанию нового Китая, что делает красный цвет очень политизированным в китайском языке и символизирует определённый период в истории Китая [1: 367]. «Все больше людей повязывали себе на руки красные тряпицы, вешали на грудь красные значки с председателем Мао и вкладывали в нагрудный карман маленькие красные книжечки» [10: 50] (越来越多的人手臂上戴上了红袖章, 胸前戴上了毛主席的红像章, 手上举起了毛主席的红语录) [11: 58].

Но красный цвет может быть не только положительным. В одной главе «красный» символизирует справедливость и надежду, а в другой – зло, смерть и соблазн, и через эти проявляется мудрость Юй Хуа, который использует один и тот же цвет для передачи неоднозначного смысла.

Так же, как «хунвэйбины» (红卫兵), «красноповязочные» (红袖章), неоднократно упоминаемые в романе, кто жжёт, убивает и грабит во имя справедливости и нет такого зла, на которое бы они не пошли. В частности, ближе к концу первой части романа «Братья» используется много таких словосочетаний, как «красная кровь», «кроваво-красный» и «темно-красный», они широко употребляются для намёка на отчаяние и страх главного героя перед своей будущей жизнью в период Культурной революции. «Сун Фаньпин был весь в крови, даже волосы у него окрасились кровью.» [10: 66] (宋凡平满脸是血, 他头发都被血染红了) [11: 77]; «тело Сун Фаньпина тут же распрямилось, заливая землю свежей кровью, что с хлюпаньем извергалась из живота.» [10: 88] (宋凡平立刻挺直了, 腹部的鲜血呼呼地涌了出来, 染红了地上的泥土) [11: 105]. В этом традиционном обществе, похожем на клетку, идеальная женщина должна быть разумной и понимающей, не выходящей из дома, не общающейся с людьми, умеющей держаться в обществе и вкусно готовящей, но в конце истории Линь Хун решила стать куртизанкой и предпочла быть безразличной к общественному мнению людей. «Три года просвистели, Линь Хун превратила старый дом в парикмахерскую, и он засверкал неоновыми вывесками и заиграл бодрой музыкой, все девицы были одеты в экстремальные мини как новогодние фонарики и лючжэньские говорили, что там настоящий квартал красных фонарей.» [10: 401] (宋钢去世三年后, 林红开启了美发店, 整日霓虹灯闪烁, 二三十个浓妆艳抹的小姐像过年时的红灯笼, 亮闪闪的招徕顾客。我们刘镇的群众都说这是“红灯区”) [11: 498]. Здесь «красный» олицетворяет искушение, а за потрясающими пейзажами скрывается жестокая и гнилая реальность.

Человеческое восприятие цвета менялось с течением времени: сейчас значение метафоры красного находится под влиянием интернет-культуры, и в определённых контекстах активизировались другие специфические значения. Например, в современном интернет-языке, если человек находится в хорошей ситуации и имеет светлое будущее, он будет использовать слово «красный», чтобы выразить значение ‘быть популярным’ (走红). В романе «Братья» писака Лю с помощью своего ловкого оратора получает работу у Бритого Ли, и позже он становится его «красным/фаворитом» (红人).

Как палитра литературных произведений, сущность цвета состоит в том, чтобы использовать его для передачи эмоции и подсказки рационального содержания произведения, то есть использования объективного цветового слова для выявления субъективной эмоциональной окраски, достигая тем самым заражительного художественного эффекта. В литературных произведениях часто используются метафорические лирические функции для выражения внутренних чувств персонажей, и чем интенсивнее выражаются эмоции, тем больше они могут «заразить» читателя, тем более художественным является произведение [3: 575]. На основе теории релевантности тесно сочетаются культурные коннотации цвета и эмоциональные наклонности писателя/читателя.

Важно отметить, что коннотация «красный» и значение ряда производных не являются вымышленными или произвольными, а стали привычными с течением времени и основываются на фактах. Таким образом, проведённое исследование может помочь в выборе подходящих стратегий перевода и семантического анализа цветных слов в рамках переводческой практики.

Цветовая лексика отражает восприятие людьми объективного мира и воплощает определённые обычаи, традиции, образ мышления и привычки народа или общества, и изучение цветовой лексики – это окно в иную культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Цяньцян, Лукманова Р.Р. Произведения Юй Хуа и Ф.М. Достоевского в свете контрастной функциональной лингвистики // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 3 (106). – С. 366–369.
2. Дударева М. А. Семантика «красных цветов» в стихотворении Н. Рубцова «В горнице»: онтологические и культурологические аспекты // Культура и цивилизация. – 2019. – Т. 9. – № 6А. – С. 157–162.
3. И. Ван. Метафора цвета в художественном тексте Захара Прилепина // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 6 (79). – С. 574–576.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС, – 2004. – 256 с.
5. Миронова М.В. Когнитивное моделирование языковых единиц: семантика-структурные модели идиом с компонентом «Цвет» в английском языке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 29 (210). – С. 99–102.
6. Мэн Ло. Культурная адаптация при переводе в аспекте теории релевантности (на примере китайско- и русскоязычных переводов) // Вестник МГЛУ. – 2016. – 22 (761). – С. 129–140.
7. Попова Г.Е. Теория релевантности: актуальный эвристический потенциал // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019. – № 2. – С. 122–134.
8. Соломин И.Л. Использование методики цветowych метафор для диагностики структуры эмоциональных отношений школьников // Педагогическая диагностика. – 2015. – 2. – С. 75–86.
9. Тихонова И.Б. Green technology: метафора цвета в профессиональном дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2022. – Т. 24. – № 1. – С. 129–137.
10. Хуа Юй. Братья. – М.: Текст, – 2015. – 576 с.
11. 余华. 兄弟. – 北京: 北京十月文艺出版社. – 2018. – p. 521.

РУГАТЕЛЬСТВА И ПРОКЛЯТИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНВЕКТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В ТАТАРСКИХ ДРАМАТИЧЕСКИХ И КОМЕДИЙНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Д.К. Вахитова

*Казанский государственный архитектурно-строительный университет
(Казань)*

В статье анализируется функционирование ругательств и проклятий в татарской литературе первой половины XX столетия. Выявлены основные группы ругательств и цели их использования, к примеру, выражение негодования, оскорбления, отрицательного отношения, придание дополнительной выразительности и экспрессивности высказыванию. Функционирование и частотность данных лексических средств обусловлены жанром, тематикой произведений, предпочтениями автора, его художественным мастерством и т. д. Кроме того, были выявлены ругательства и проклятия, которые редко используются в речи современных литературных героев, что свидетельствует о том, что инвективные словосочетания в определенной степени носят выраженный след исторической эпохи.

Ключевые слова: татарский язык, проклятие, ругательство, литературное произведение, междометие, инвективная лексика.

The article deals with the functioning of expletives and cursing in the Tatar literature of the first half of the XX century. The main groups of expletives and the purposes of their use are identified, for example, the expression of indignation, insult, negative attitude, giving additional emphasis and expressiveness to the statement. The functioning and frequency of these lexical units are determined by the genre, subject matter of the works, the preferences of the author, his artistic skill, etc. In addition, the expletives and curses, which are rarely used in the speech of modern literary heroes, were identified. This fact demonstrates that invective phrases have a notable trace of the historical era to a certain extent.

Key words: the Tatar language, expletives, curse, literary work, interjection, invective vocabulary.

Ругательства и проклятия представляют собой значительный пласт лексической системы татарского языка. Данной теме посвящены работы многих исследователей в области татарского языкознания, к примеру, Ф.И. Тагировой [7], А.Г. Файзуллиной [8] и др. Анализируемая лексика активно используется героями в татарской художественной литературе. Анализ произведений татарской литературы первой половины XX века подтверждает наличие обширного конгломерата ругательств и проклятий.

Проведенный анализ ругательств и проклятий основан на классификации, разработанной отечественным исследователем в области инвектологии В.И. Жельвисом [4].

Обширную группу инвектив составляют названия дьявола, ада, любых «сил зла»: *шайтан* 'шайтан, дьявол', *жәң* 'черт', *иблис* 'дьявол', *пәри* 'пери', *убыр* 'упырь', *тәмуғ* 'ад' и др. С указанными силами зла часто соединяется адресат: *шайтаннан туган нәрсә* 'рожденный от дьявола', *шайтан баласы* 'дитя черта', *шайтан карчыгы* 'чертова старуха', *шайтан малай* 'мальчик –

черт', *шайтан кыз* 'девушка – черт', *шайтан токымы* 'исчадие сатаны', *шайтан ялчысы* 'слуга дьявола', *жәен / пәри баласы* 'дитя черта', *иблис баласы* 'дитя дьявола', *иблис төкергән нәрсә* 'тот, на кого дьявол плюнул', *иблис ялчысы* 'слуга сатаны' и т. п. Отметим, что среди ругательств, включающих названия «сил зла», обнаружены случаи их употребления в функции метафоры и метонимии, к примеру, *шайтанның арт аягы* 'задняя нога дьявола', *тәмуг кисәве* 'адская головешка' и др. Таким образом, инвективные метафоры и метонимии, используемые в татарских комедийных и драматических произведениях первой половины XX столетия, способствуют более полному отражению особенностей татарской культуры, взаимоотношений между людьми.

Согласно результатам анализа среди всех указанных выше «сил зла» наиболее распространенным в литературе первой половины XX века является ругательство «шайтан»: *Убырлы шайтан!* 'Чертовка проклятая!'; *Ах, шайтаннан туган нәрсәләр!* 'Ах, выродки шайтана (букв. нечто, рожденное от шайтана)!' [1: 162, 184].

Оскорбительные сочетания, включающие в себя лексему *шайтан* 'дьявол', являются полифункциональными, следовательно, могут использоваться писателями для достижения различных задач, например, для выражения негодования: *Кара син аларны, карт шайтаннарны...* 'Ты посмотри на них, старых дьяволов' [1: 179]; отрицательного отношения к какому-либо персонажу или событию: *Кая әле ул хәмсәмул фетнәләрегез, кая качтылар үзләре, шайтан ялчылары!* 'Где ваши комсомольские интриганы, куда они спрятались, наемники дьявола!' [1: 185]; для придания дополнительной экспрессивности реплике одного из героев: *Шайтан булса да! Кая шайтан алды үзегезне!* 'Да хоть черт! Куда вас черти дели!' [1: 117] и т. д. Указанные ругательства также широко применяются в функции междометного восклицания: *Ах, шайтан алгыры, кайда соң?* 'Ах, черт возьми, где же?' [1: 205]; *Дәрес, шайтан алгыры, дәрес, шәһәр алар кулында!* 'Правда, черт возьми, правда, город теперь в их руках' [2: 259].

Следующую группу составляют проклятия, которые в татарском языке используются в значительном количестве. Типичными являются выражения в значении «Будь проклят»: *Алланың (ачы) каһәре төшсен!* (букв. да достигнет наказание Аллаха); *Чукингыры!* (букв. чтоб перекрестился); *Каһәр суккыры (суксын, төшкере)!* (букв. чтоб настигло, ударило наказание) и др. Активно используются выражения, направленные на проклятие определенной части тела, как правило, на такие важные части тела, как *йөз* 'лицо', *баш* 'голова', *күз* 'глаз', *муен* 'шея', *тамак* 'горло', *тел* 'язык': *Башына кадалсын!* 'Чтоб в голову уколосось!'; *Башың беткере (бетсен)!* 'Чтоб голова пропала!'; *Йөзе кара булгыры!* 'Чтоб лицо черным стало!'; *Йөзең белән йөзтүбән каплан!* 'Чтоб ты лицом вниз перевернулся!'; *Күзләре чыксын!* 'Чтоб его глаза лопнули!'; *Муены сынсын (сынгыры)!* *Муены астына килсен (килгере)!* 'Чтоб он шею свернул!'; *Тамагына пычак кадалсын!* 'Чтоб нож вонзился в его глотку!'. Проклятие как форма выражения крайнего негодования также может проявляться в следующих эмоционально-окрашенных высказываниях: *Дәмеккере!* 'Сдохни!'; *Жәһәннамгә кадал!* 'Пропади пропадом в аду!'; *Жир йоткыры!* 'Чтоб земля проглотила!'; *Кадалсын! Кадалып бетсен!* 'Пропади пропадом! Пусть провалится!'; *Капанып киткере!* 'Чтоб перевернулся!'; *Мәтәлеп киткере!* 'Чтоб провалился!'; *Мур кыргыры!* 'Мор на вас!'; *Пычак кергере (керсен)!* 'Чтоб нож в тебя вонзился!' и т. п.

В художественной литературе первой половины XX века встречается значительное количество случаев употребления проклятий: *Йөзтүбән кадал,*

шайтан оргыры! (букв. вонзись лицом вниз, чтоб тебя ударил черт!) ‘Подохни, будь проклят!’ [1: 136]; *Тамагыңа пычак кадалсын!* ‘Чтоб нож застрял в твоём горле!’ [6: 461]; *Тфу, телең коргыры!* ‘Тьфу, чтоб язык твой отсох!’; *Каран торган арышыңны боз суксын, бердәнбер кәжәңне яшен суксын, бердәнбер карчыгыңны каһәр суксын!* ‘Чтоб град обрушился на рожь, которую ты растил, чтоб молния ударила твою козу, чтоб проклятие ударило твою старуху!’ [1: 175; 249] и др.

Особого внимания заслуживают инвективы, заключающие в себе значение проклятый: *мәлгунь, ләгыйнь, каһәр*. Однако излюбленной героями инвективой является *каһәр суккан (төшкән)*. Во всех проанализированных нами произведениях татарских писателей указанного периода данное проклятие используется как в функции оскорбления, так и в функции восклицания: *Каһәр сукканнар, бәдбәхетләр, ләгыйньнәр, мәңгелек игелек күрмәгез!* (букв. Проклятием ударенные, несчастные, проклятые, чтоб никогда добра не увидели!) ‘Проклятые, окаянные, злосчастные, чтоб вы никогда не увидели добра!’; *Каһәр сукканнар, сәгатъләрен юри алга жибәрәп куйганнар!* ‘Проклятые (букв. проклятием ударенные), специально перевели часы вперед!’ [6: 115, 184].

Ругательство *йөзе кара* (букв. черное лицо) ‘проклятый’ отличается высокой частотностью во многих произведениях первой половины XX века и используется не только с целью выражения отрицательных характеристик человеческой природы и личностных качеств как в пьесах Г. Камала, Ф. Бурнаша и др., но и в функции проклятия. К примеру, указанная функция встречается в произведениях М. Гафури: *Нахак хур иткәннәре өчен үзләренең йөзләре кара булсын!*.. ‘Пусть будут прокляты за незаслуженное унижение!’; *Йөзе кара булсын! Бәддога суксын!* ‘Чтоб был проклят (букв. чтоб лицо черным стало)! Пусть будут прокляты!’ [3: 30, 103]. Отметим, что данная инвектива, пользовавшаяся популярностью в произведениях начала XX столетия, не была обнаружена в анализируемых работах современных писателей, что возможно обусловлено сменой эпох, стилей, культурных норм.

В результате исследования функционирования проклятий и ругательств в литературе первой половины прошлого столетия было выявлено их использование в речи героев с целью создания у читателя впечатления об отсутствии вымысла в каждом из них, максимального приближения их природы, характеров, поведения к невымышленным, реальным личностям. Ни в одном рассмотренном произведении речь автора не была наделена ругательствами, что говорит о разграничении художественного и разговорного стилей. Частотность использования данной части словарного состава татарского языка также определялась жанром, к примеру, в пьесах преобладает более значительное количество инвективной лексики, что объясняется намерением писателя приблизить речь персонажей к живому, разговорному потоку.

Таким образом, функционирование ругательств и проклятий в татарской литературе первой половины XX века носит дискурсивно детерминированный характер, который выражается в количественных и качественных показателях инвективного словоупотребления, в подчинении требованиям жанра, эстетики и выразительности в художественном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурнаш Ф. Сайланма эсәрләр: ике томда. Т. 1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. – 280 б.
2. Бурнаш Ф. Яшь йөрәкләр. Пьесалар, шигърьләр, поэмалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1969. – 376 б.

3. Гафури М. Әсәрләр: дүрт томда. IV т. Совет чоры прозасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. – 496 б.
4. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. – Ярославль: ЯПГИ им. К.Д. Ушинского, 1990. – 81 с.
5. Камал Г. Әсәрләр: өч томда. Т. 1: Пьесалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. – 408 б.
6. Камал Г. Әсәрләр: өч томда. Т. 2: Пьесалар, эстрада әсәрләре, шигырьләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – 544 б.
7. Тагирова Ф.И., Вахитова Д.К. Функционирование инвективной лексики с компонентом-зоонимом в татарском и удмуртском языках // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 11. Вып. 4. – Ижевск: Изд. центр «Удмурт. ун-т», 2017. – С. 31–41.
8. Файзуллина А.Г. Татарско-русский словарь инвективной лексики. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. – 36 с.

УДК 811.512.145

XVII–VIII ГАСЫРЛАР ЯЗМА ИСТӘЛЕКЛӘРЕНДӘ ТЕКСТ ТӨЗЕЛЭШЕ: БАШЛАМ ӨЛЭШЕ

М.З. Вәлиева

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Статья посвящена рассмотрению такого структурно элемента текстов XVII–XVIII веков, как зачин. Дается краткая характеристика зачинам произведений XVII–XVIII вв., указывается их основные особенности. На фактическом материале доказано, что зачин текста раскрывает содержание произведения, указывает на то, какая информация будет представлена, также готовит читателя к восприятию смысла основного текста.

Ключевые слова: письменный источник, старотатарский письменный литературный язык, структура текста, зачин.

The article is devoted to the consideration of such a structural element of texts of the 17th – 18th centuries as the beginning. A brief description of the beginnings of works of the 17th – 18th centuries is given, their main features are indicated. Based on factual material, it is proven that the beginning of the text reveals the content of the work, indicates what information will be presented, and also prepares the reader to perceive the meaning of the main text.

Key words: Written sources, Old Tatar written literary language, text structure, beginning.

Матур әдәбият әсәрләрендә, шул исәптән язма истәлекләрдә бер генә тел берәмлеге аерым яшәми. Һәрбер сүз башка лексемалар, грамматик чаралар, тел-сурәтләнү чаралары белән үрелеп барганда, тыгыз мөнәсәптә булганда гына әсәр чын поэтик яңгыраш ала, шул очракта ул мәгълүмат житкерү генә түгел, ә укучының күңеленә тәэсир итү вазифасын да башкара. Бу жәһәттән, синтаксис тармагына карый торган тел чараларының, шул исәптән текст төзелешенә, синтаксик бөтенгә хас композицион өлешләрнең вакыйгаларны билгеле бер эзлеклектә тасвирлауда, сөйләмне тәэсирле, эмоциональ итүдә зур мөмкинлекләргә ия булуын искәртәргә кирәк.

XVII–XVIII йөз әсәрләренең дә ритмикасы, аһәңлеге, күңелгә ятышлы булуы синтаксик чараларның урынлы кулланылышы, жөмлөләрнең төзелеше, бер-берсенә бәйләнеше белән дә аңлатыла. Гомумән, әдип яисә шагыйрь яратып кулланган синтаксик чараларны барламыйча теге яки бу чорның, язучы-

ның аңа гына хас стиле, синтаксик үзенчөлөклөре турында сүз алып бару мөмкин түгөл. Язма текстның төзелешен тикшергәндә, синтаксик үзенчөлөклөрөн барлаганда, эсәрнең башлам, төп һәм төгәлләү-бетем өлөшлөрөннән торуы игътибарга алына. Башлам – эсәрнең беренче жөмлөсө, кайчак абзацы. Ул – әдәби эсәрнең билгеле бер мәгънәви, интонацион ачкычы. Башлам хикәялөүнең бөтен барышын билгели, интонацияне алдан сиземлөргә мөмкинлек бирә, бөтен хикәялөү шул башламга нигезлөнөп алып барыла [4: 104–105]. Аннары эсәрнең башлам өлөше язучының алда тасвирланачак вакыйгаларга үз мөнәсәбәтен белдерү ягыннан да эсәрнең әһәмиятле өлөше булып тора [5: 182]. Әмма XVII–XVIII гасыр әдәби эсәрлөрөнөң башлам өлөше бүгенге көнгә кадәр аерым алып өйрәнелмәгән актуаль тармак булып тора. Шуларны күздә тотып, әлеге язмада шул чор чөчмә эсәрлөре текстларының, аерым алып әйткәндә Хисаметдин Мөслиминөң «Тәварихе Болгария», билгесез автор тарафыннан ижат ителгән «Дәфтәре Чыңгызнамә», «Мәжмуг әль-хикәят» эсәрлөрөнөң башлам өлөшлөрөнә кыскача күзәтү ясауны максат итәбез.

XVII–XVIII йөзнең чөчмә текстлары башлам өлөшененөң төрлө булуы, анда кулланылган жөмлөлөр стилистик кулланылышы, катлаулылыгы ягыннан аерылып тора. Хисаметдин Мөслиминөң «Тәварихе Болгария» эсәре, шул чорның байтак кына язма истәлеклөрөнә хас булганча, Аллаһы Тәгаләгә рәхмәтләр уку, аның яраннарына, илчәсә Мөхәммәд пәйгамбөргә мактау һәм сәламнәр ирештерүне үз эченә алган традицион жөмлө белән башланып китә: *Әлхәмдү лилләһи раббил-галәмин вәссаләтү вәс-сәлам галә рәсүлиһи Мөхәммәд вә алиһи вә сахбиһи әжмәгийн* [3: 7]. Аннары текст гарәп-фарсы алынмаларына, тиндәш кисәклөргә бай булган шактый жәенкә жөмлө белән бәян итә: *Әмма бәгъдү, бу фәкыйрел-хәкыйрь, калилел бидагатъ вә касирел-бәталәт, Хисаметдин бине Шәрәфетдин әл-Болгари әйдер ки, хадисатә шөһүрә румиянең бәйәнләре вә хәвадис жүрлары китабе мәлхәмәдә бәйән улынды* [3: 7]. Китерелгән өзектән аңлашылганча, биредә автор фәкыйрь, мескен, кәсебе аз, ялкаулыгы күп дип, үзенә юмор катыш бәя бирә, Аурупа хәллөре турында «Мәлхәмә»китабында язуын искәртә. Алга таба Хисаметдин Мөслими әлеге китапны язуюның максаты, булачак эчтәләгә белән тәфсилләп таныштыра, гарәпчә ай атамаларын, йолдыз исемнәрән аңлатуны ният итүен дә искәртә: *Шәмди шөһүрә гарәбиянең исемләрене вә вәжһе тәсмияләрене, сәгъид вә нәхесләрене мөстәкыйлән бәйән әйләмәк лязим улды. Вә дәхи кәвакибе сәбганең сәгъид вә нәхесләрене бәйән әйләмәк мөхим улында вә дәхи бу китабә язмак лязим улында»* [3: 7]. Шулай ук автор сәхабәләр, шәехләр турында сөйлөүне, аларның кай жирлөрдә күмелүе хакында мәгълүмат бирүне дә үзенөң изгә бурычы булуын искәртеп яза. Биредә дә дини эчтәлектөгә гарәп-фарсы алынмаларының, тиндәш кисәклөрөнөң киң кулланылуы күренә: *Безнең Шәһри Болгарның мөселман улдыгы заманында сахабәи кирам ризванә Аллаһы Тәгалә галәйһим әжмәгийнән тәгълим вә тәхсыйл идән табигыйн вә табигатъләрне бәйән итмәк, вә анлардан соңра әүлияи гыйзам вә мәшаихы кирам бу дийарда кемләрдәр, анларны бәйән әйләмәк газыйм улында* [3: 7].

Шулай итеп, Хисаметдин Мөслими үзе турында, моңа кадәр язылган китабы һәм бу китапта нинди күренешләрне, кайсы изгә затларны тасвир итөргә жыенуы хакында кыска гына мәгълүмат биргәннән соң, салмак, эпик интонация белән әлеге жыентыкның нинди өлөшлөрдән торуын бәян итә: *Бу китаб икә мәкалә үзренә тәмам улынды: әммәкаләтел-үлә фи гаҗсаибел-мәхлукат, вәл-мәкаләтес-сания фи мәкамадет-табигыйн вәт-табигатъ* [3: 7]. Өзектән

күрөнгөнчө, жөмлө тулысынча гарәп-фарсы алынмаларыннан гына тора дисәк тә дөрөс булып. Шулай ук әлеге чор язма истәлекләрәнә хас булганча, әсәрнең язылу вакыты, урыны хакында мәгълүмат биргән жөмлө дә шушы башлам өлешендә урын ала: *Бу китаб тәмәм улынды Ташибилге карьясендә Шәһри Болгарның чурәсендә, тарих һижрәтнең тугыз йөз илле сигездә галлямәи Тәфтазани заманында ирде* [3: 7].

Шул рәвешчә, «Тәварихе Болгария» әсәрнең башлам өлеше, шул чор әсәрләрәнә хас булганча, Аллаһы Тәгаләгә рәхмәт уку белән башланып китүе, тәфсилләп хикәяләнүе, сәнгати детальләргә бай булуы белән аерылып тора. Шулай ук башлам өлешендә тиндәш кисәкләр һәм тиндәш жөмлөләрнең күплеген, аның гарәп-фарсы алынмалары белән катлауландырылуын да искәртми мөмкин түгел. Әлеге язма истәлекнең башлам өлеше тулы бер синтаксик бөтеннән тора дисәк тә дөрөс булып. Автор биредә шактый күп мәгълүмат бирүе белән әлеге башлам өлешен алга таба тасвир ителәчәк вакыйгаларның мәгънәви үзәге итәргә омтыла һәм укучыны да шуңа эзерли кебек. Бу шулай ук язма чыганакның жанры белән дә бәйлә. Башлам өлешенә шулай күләмле, бай мәгълүматлы булуына, тулы язылуына Мөслиме әсәрнең әдәби истәлек булудан бигрәк, публицистика тартым жанрда иҗат ителүе дә йогынты ясамый калмагандыр.

Галимнәр тарафыннан язылу вакыты XVII гасыр ахырларында дип карала торган икенче бер күләмле әсәр – «Дәфтәре Чыңгызнамә»нең башлам өлеше «Тәварихе Болгария»дән нык аерыла. Биредә «Тәварихе Болгария» әсәрәнә хас булган Аллаһы Тәгаләгә мактау ирештерү, авторның үзе хакында мәгълүмат бирү, алда бәян ителәчәк бүлекләр хакында сөйләү һ. б. кебек өлешләрнең берсе дә юк. Әсәр дастаннарга, әдәби әсәрләргә хас булганча гадәти жөмлө белән башланып китә: *Хәзрәте Нух пәйгамбәр галәйһиссәламнең дүрт углы, тәкый дүрт кызы вар иде* [1: 69]. Әмма шушы гади жөмлө укучыны үз артыннан ияртеп кереп китә. Кем ул Нух?, Кемнәр аның балалары? Ни булган алар белән? кебек сораулар белән укучы кызыксынып укый башлый. Алдагы жөмлөдә автор Нухның балалары белән таныштыра: *Бере Хам вә бере Сам, бере Кәңган, дүртенчесе Йәфәс иде. Тәкый олуг кызының аты Рәжәб иде, икенчесенең аты Зәхәб ирде, өченчесе Рәүхәт ирде, дүртенчесенең аты Рәхәт ирде* [1: 69]. Шул рәвешчә, әсәрнең башлам өлешендә гади, әмма ялгызлык исемнәрдән торган тиндәш кисәкләр белән жәенкеләндерелгән жөмлөләр тезелеп китә. Аларда автор Нухның балаларының гына түгел, балаларының нәсел-нәсәпләре хакында да бәян итә. Ялгызлык исемнәрдән торган әлеге жөмлөләр поэтик яктан караганда коры язылган, алар укучыны шактый ялыктыра. Әмма эчтәлек ягыннан күп мәгълүмат биргәнлектән, төгәл, кыска булганлыктан, алар жиңел, җайлы укыла.

XVIII гасыр язма истәлеге дип санала һәм матур әдәбият үрнәге буларак карала торган «Мәжмуг әль-хикәят» әсәрнең башлам өлешенә килгәндә, ул шул чордагы башка язма истәлекләрдән аерылып тора. Мәгълүм булганча, әлеге чыганак фарсы теленнән тәржемә ителгән һәм ул аерым хикәятләрдән гыйбарәт. Әлеге хикәятләрдә кешеләрне әхлакый яктан тәрбияләү, начарлыктан саклау, гадел булу, авыр хәлдә калганда бер-берең ярдәмләшеп яшәү идеяләре алга сөрелә. Хикәятләр романтик рухта язылган, анда тасвирлана торган вакыйгалар фантастик элементлар белән үрелеп барганлыктан, алар күпмедер дәрәжәдә әкиятне дә хәтерләтә. Шуңа күрә әлеге хикәятләрнең башлам өлеше дә үзенчәлекле. Алар әкиятләргә хас булганча, билгеле бер калыпка салынган охшаш жөмлөләр белән башланып китә. Мәсәлән, «Ике елан» хикәя-

тенең башлам өлеше төрле хәбәрләр һәм әсәрләр сөйләүчеләр баян итәләр дип башланып китә: *Равиане әхбар вә накыйлане асярлар мондаг кәлтәрәб торырлар: шәһәре Кирманда бер падишаһ бар ирде. Аңа ходевәндәи галәм бер угыл биреп ирде, гаҗәеп зирәк вә гакыйль вә кямил. Бер көн падишаһзада мәел сахра кылды* [2: 504]. Өзектән күренгәнчә, башлам өлеше чагыштырмача жыйнак, фикере сөреше яхшы аңлашыла торган жөмлөләр белән тасвир ителә. «Хикәят» дип кенә аталган хикәядә дә нәкъ шундый ук башлам белән очрашабыз диярлек: *Равиане әхбар вә накыйлане асярь мондаг баян кылыб торырлар кем, үткән заманда бер падишаһның бер углы бар ирде, бисияр гакыйль, зирәк вә заһит вә мәкьбуле халаекь* [2: 512]. Башлам өлешендәге жөмлөләрнең кире тәртиптә төзелүе, төп геройга хас сыйфатларның жөмлә ахырында килүе, бер яктан, шул чорның язма теленә хас үзенчәлекләрнең берсе булып тора. Икенче яктан, автор укучының игътибарын персонажның уңай герой булуына жәлеп итәргә теләп, шуңа басым ясый, укучыны шул герой белән булачак ниндидер гадәттән тыш вакыйгаларны кабул итәргә әзерли.

Китерелгән мисаллардан күренгәнчә, XVII–XVIII гасыр чәчмә әсәрләренең башлам өлеше зур осталык белән иҗат ителгән. Аларга интонацион яктан салмаклык, эпиклык, фикер тыгызлыгы хас. Башламнар, бер яктан, укучыны алдагы вакыйгаларны кабул итәргә әзерләсә, билгеле бер хисси дулкын белән әсәр эченә алып керсә, икенчедән, алда тасвирланачак вакыйгаларга язучының мөнәсәбәтен дә чагылдыра. Әлеге композицион өлешнең төрле жөмлөләрдән, тасвирлау-сурәтләү чараларыннан торыуы да XVII–XVIII гасыр әдипләренең иҗади стилин, әдәби осталыгын күзалларга мөмкинлек бирә.

ӘДӘБИЯТ

1. Дәфтәре Чыңгызнамә // Мирастан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. – Б. 37–96.
2. Мәжмүгъ әл-хикәят // Борынгы татар әдәбияты. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. – Б. 503–522.
3. Мөслими Тәварихы Болгария / басмага әзерләүче С. Гыйләжетдинов. – Казан: Иман, 1999. – 100 б.
4. Сафиуллина Ф.С. Текст төзелеше. – Казан: Казан ун-ты нәшр., «Хәтер», 1993. – 263 б.
5. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – М.: Высш. шк., 1973. – 212 с.

УДК 811.512.157

ПРОГРАММА КОНКОРДАНСЕР (на материале якутского языка)

Н.И. Винокурова
ИГИИПМНС СО РАН (Якутск)

В статье представлено описание новой программы-конкордансера «Text Commander», разработанной и протестированной на материале якутского языка с учетом его агглютинативного строя. Рассматриваются возможности программы по поиску контекстов употребления слов, словосочетаний и морфем с помощью регулярных выражений. Описаны особенности программы, такие как учет законов сингармонизма и изменение окончаний слов в зависимости от инфлекционной парадигмы. Показаны примеры использования программы для поиска фразеологизмов и устойчивых выражений. Программа «Text Commander» может использоваться для анализа текстов не только на тюркских, но и на других

языках. Она не требует от пользователя знания синтаксиса регулярных выражений благодаря встроенным шаблонам.

Ключевые слова: конкордансер, конкорданс, лингвистический анализ, тюркские языки, якутский язык.

The article presents a description of the new concordance program “Text Commander”, developed and tested on the material of the Yakut language taking into account its agglutinative structure. The possibilities of the program for searching contexts of use of words, phrases and morphemes using regular expressions are considered. The program features are described, such as taking into account the laws of vowel harmony and changing the endings of words depending on the inflectional paradigm. Examples of using the program to search for phraseological units and stable expressions are shown. The program “Text Commander” can be used to analyze texts not only in Turkic, but also in other languages. It does not require the user to know the syntax of regular expressions due to the built-in templates.

Key words: concordancer, concordance, linguistic analysis, Turkic languages, Yakut language.

В последнее время в российской лингвистике наблюдается увеличение использования программ-конкордансеров для автоматического создания конкорданса – списка всех контекстов, где слово или словосочетание встречается в анализируемом тексте. В настоящее время существует несколько программ, которые выполняют контекстный поиск на базе различных языков программирования [2; 3; 4; 5 и др.]. При поиске на eLIBRARY.ru по запросу «конкордансер» выдается значительно меньше результатов, чем по запросу «конкорданс» – 32 и 349 (по состоянию на 09.09.2024). В данной статье представлена новая программа-конкордансер «Text Commander», специально созданная для тюркских языков с учетом их агглютинативных особенностей.

Интерфейс программы состоит из трех боковых окон слева и основного окна, как показано на рис. 1. В программу можно загрузить корпус из одного текста или множества текстовых файлов. Отдельно загружаются один или несколько списков слов, словосочетаний или морфем, контекстный поиск которых предполагается. Также можно осуществлять поиск только по одному поисковому выражению, а не списку.

Рис. 1

В основном окне можно переключаться между тремя панелями, в которых представлены отчеты по результатам поиска:

1) краткий статистический отчет по словоупотреблениям, упорядоченным по частотности (см. рис. 2);

2) отчет по найденным словоформам: генерируются списки частотности слов и все словоформы поисковых выражений (см. рис. 3);

3) отчет по контекстному поиску (см. рис. 4). Третье окно выдает списки примеров употребления поисковых выражений в минимальном контексте, само искомое слово выделяется ярким цветовым наполнением, как показано внизу.

На рисунке 2 представлены результаты поиска 26 глаголов из лексико-семантической группы «Интеллектуальная деятельность. Глаголы восприятия» [1: 166–167]. На рисунках 3 и 4 представлены результаты поиска 138 фразеологических единиц. Все результаты поиска сохраняются в отдельную папку.

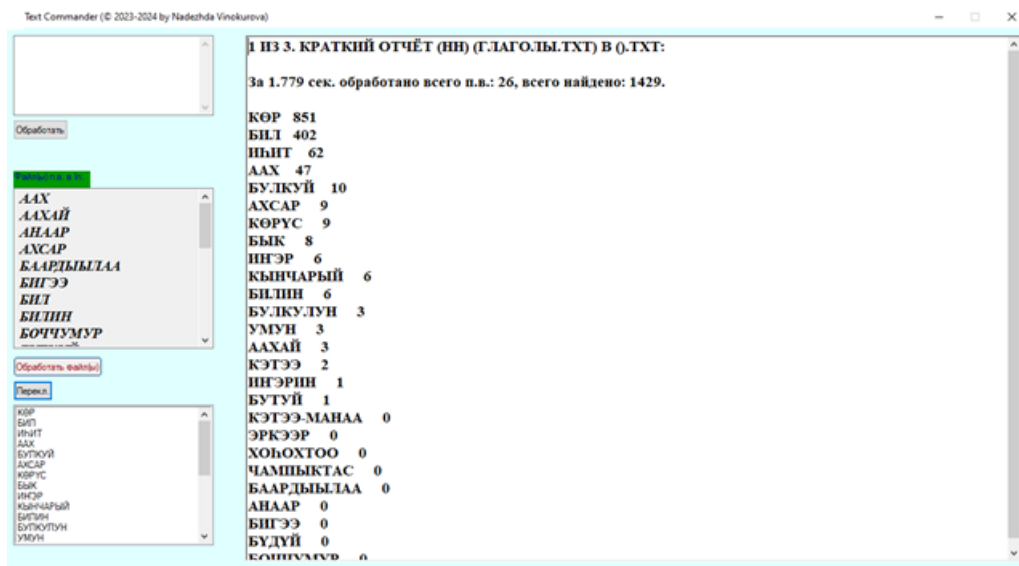

Рис. 2

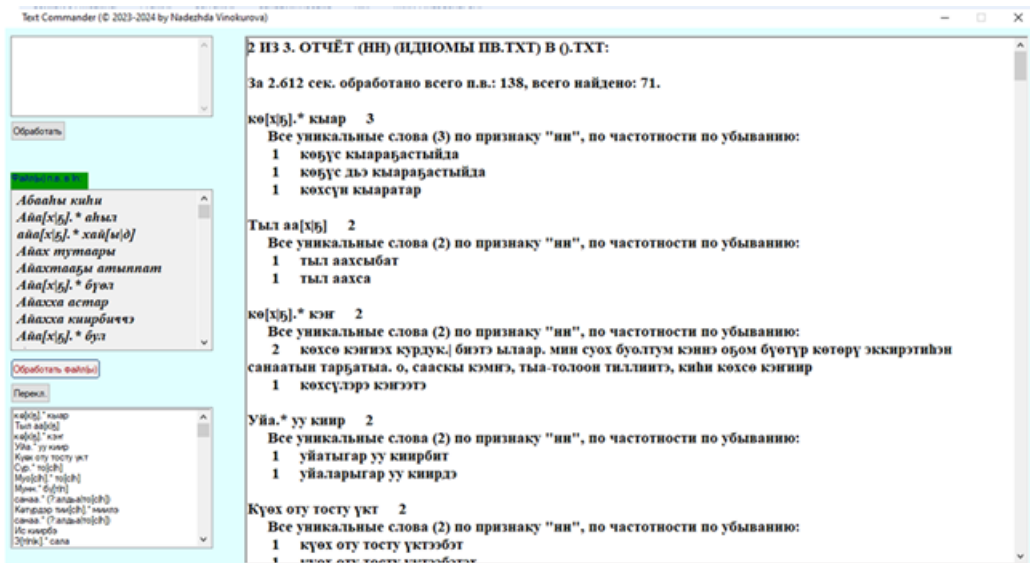

Рис. 3

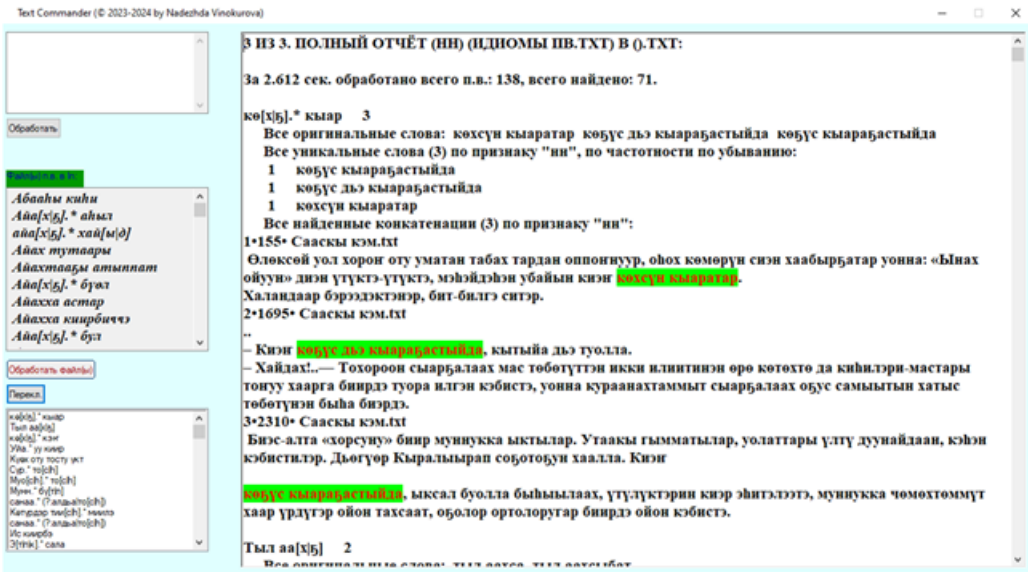

Рис. 4

В левой боковой панели находятся три окна. Второе, среднее окно показывает список загруженных поисковых элементов – морфем, словили словосочетаний. В третьем нижнем окне отображается список из второго окна, отсортированный по результатам поиска. Можно выбрать любой элемент из третьего списка и отобразить в основном окне результаты поиска только по этому элементу, как в рисунке 5. В верхнем окне можно производить дополнительный поиск по любому производному слову или сочетанию слов, не входящему в загруженный список поисковых выражений, однако результаты этого поиска не будут автоматически сохраняться папку. Чтобы сохранить результаты поиска по верхнему окну, можно скопировать их в буфер обмена или выбрать опцию сохранить в виде отдельного файла в формате Rich Text Format.

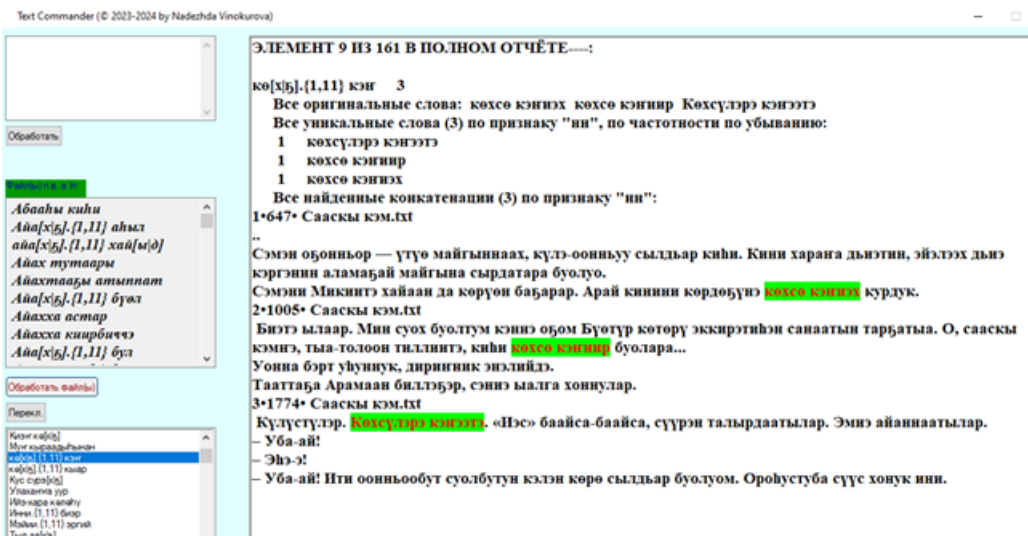

Рис. 5

Поскольку в тюркских языках каждый суффикс видоизменяется в соответствии с законами сингармонизма, то необходимо обеспечить нахождение каждого алломорфа. Также окончания слов меняются внутри инфлекционной парадигмы, например, якут. *хан* ‘ловить’ - *ханта* – *хабар*; *иһит* ‘посуда’ – *иһиттэн* – *иһиппэр* – *иһиккит*. Поэтому поисковые запросы оформляются с помощью специального языка регулярных выражений. Так, список слов из тематической группы ‘Посуда’ [1: 41–44) будет выглядеть следующим образом: *айа[x|ɟ]*, *иһи[t|k|p]*, *атыһа[x|ɟ]*, *бағарча[x|ɟ]*, *бадьаа*, *бадьыыр*, *болчу[k|ɣ]*, *бордуонньу[k|ɣ]*, *быһа[x|ɟ]*, *күө[c|h]*, *мэһэмээ[n|ŋ|m]*, *таһылҕа[n|ŋ|m]* и т. д.

В Text Commander-е также возможен поиск словосочетаний. Это особо актуально для обнаружения фразеологизмов и устойчивых выражений. Пример оформления идиом выглядит следующим образом: *Айа[x|ɟ].{1,11}* бүүл; *Билэр күөл.{1,11}* балы[k|ɣ]; *Көтүрдэр тии[c|h].{1,11}* миилэ.

Для тюркских языков характерны такие стилистические приемы, как аллитерация и ассонанс. Программа позволяет подсчитать количество слов с повторами гласных и согласных. Также возможен поиск сложных морфологических конструкций, состоящих из двух частей – суффикса и отдельного слова. Именно данный пример показан на рисунке 6, где показан поиск деепричастного суффикса с последующим вспомогательным глаголом.

Рис. 6

Хотя Text Commander был создан в самом начале с учетом особенностей тюркских языков, он может использоваться для других языков, поскольку внутри программы используется Юникод. Для использования программы знание синтаксиса регулярных выражений не требуется, и поиск может осуществляться несколькими запросами с помощью встроенных шаблонов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сахалы-нууччалы бөлөбүнэн наардыр тылдыт: аат тыл, туохтуур = Якутско-русский тематический словарь: имя существительное, глагол / сост.: Н.И. Винокурова, Н.И. Данилова, Н.Н. Ефремов, И.Б. Иванова, Е.М. Самсонова, Н.А. Сивцева, В.И. Харабаева. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2023. – 388 с.
2. AntConc – Laurence Anthony’s AntConc. Электронный ресурс. – URL: <http://www.laurenceanthony.net/software/antconc> (дата обращения: 09.09.2024).
3. Concordance. Электронный ресурс. – URL: <http://www.concordancesoftware.co.uk/> (дата обращения: 09.09.2024).
4. Simple Concordance Program. Электронный ресурс. – URL: <https://www.textworld.com/scp/> (дата обращения: 09.09.2024).
5. TextSTAT3 – Simple Text Analyse Tool. Электронный ресурс. – URL: <https://neon.niederlandistik.fu-berlin.de/textstat/> (дата обращения: 09.09.2024).

УДК 811.512.145

РАЗВИТИЕ ЗООЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В 40-е гг. XX в. (на материале татарского языка)

О.Н. Галимова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье выявлена специфика развития зоологической терминологии татарского языка в 40-е гг. XX в. Представлена динамика отдельных терминов. Определены особенности употребления терминов-синонимов. Рассмотрены новые названия животных. Установлено, что 40-е гг. являются периодом небольших изменений в образовании и функционировании терминов, а также трансформаций, вызванных учётом семантики названий животных.

Ключевые слова: зоологическая терминология, динамика термина, диахронический аспект, учебник зоологии, синонимия терминов.

The article revealed the specifics of the zoological terminology development of the Tatar language in the 40s. XX century. The dynamics of individual terms is presented. Features of the use of synonymous terms have been identified. New animal names considered. It has been established that the 40s. are the period of small changes in the formation and functioning of terms, as well as transformations caused by taking into account the semantics of animal names.

Key words: zoological terminology, term dynamics, diachronic aspect, zoology textbook, synonymy of terms.

При изучении терминологии 40-х гг. XX в. необходимо учитывать важные экстралингвистические факторы, к которым относится Указ Президиума Верховного Совета Татарской АССР от 5 мая 1939 г. «О переводе татарской письменности с латинизированного алфавита на алфавит на основе русской графики». Новый алфавит имел важное значение в овладении интернациональными, международными терминами [13: 79]. Исследователи отраслевых терминологий говорят о тенденции русификации специальных терминологий в рассматриваемый период [5: 15]. Существенную роль оказала и Великая Отечественная война [7: 183]. Например, медицинская терминология 40-х гг. «отражала особенности военных лет и послевоенного времени» [20: 10]. В об-

ласти химической терминологии терминотворчество также характеризуются некоторым спадом [4: 10]. Стоит также отметить плодотворную работу терминологической комиссии, которая в 1943 году принимает государственный документ «Татар әдәби теле терминологиясендә төп принциплар» («Основные принципы терминологии татарского литературного языка») и «Практические указания-инструкции для работы над терминологией татарского литературного языка» [7: 183]. В этот период выходят в свет словари политэкономических, математических, физических и геофизических терминов. Так как в 40-е гг. терминологические словари по биологии и сельскому хозяйству, где фиксируются названия животных, не были изданы¹, для выявления специфики развития зоологической терминологии важно обратиться к учебникам зоологии. В этот период в школах обучались по учебникам, написанным профессором М.Я. Цузмером. Исследование проведено на материале, извлечённом из учебников зоологии 1941, 1945, 1947 гг. (более 600 единиц в каждом учебнике) [17; 18; 19]. Переводчиком учебников является Н.Х. Байкиев. В целях выявления изменений в составе терминологии к анализу привлечены учебник зоологии 1939 года, автором которого является также М.Я. Цузмер, в переводе Н.Х. Байкиева (668 единиц) [15], терминологические словари [8; 10], «Русско-татарский словарь» [9] и учебники предыдущих лет [21]. Таким образом, термины исследуются не только в синхронии, но и в диахронии. Для уточнения особенностей употребления терминов были использованы учебники зоологии на русском языке [14; 16].

Известно, что изменения в области терминологии той или иной науки в пределах школьной программы, как правило, связаны с изменением содержания учебника, вводом новой информации. Из предисловий учебников зоологии 40-х гг. становится ясно, что они не претерпели существенные трансформации в плане содержания. Но в каждом издании отмечается работа над специальными терминами, в том числе подбор эквивалентов переводчиком [15: 2]. Для определения особенностей развития терминологии 40-х гг., представляется важным выявить, охарактеризовать изменения в составе терминологии и объяснить, чем они вызваны. Как показывает анализ, доля новых терминов небольшая. Они появились в результате конкретизации семантики некоторых терминов. Например, данные переводчиком *үрмәкорт*² ‘личинка’ и *шуйшмакорт* ‘гусеница’ [17: 84, 85] образованы от многозначного слова *корт*, среди значений которого «червь», «пчела», «личинка», «гусеница» [12: 613]. Так как лексема *корт* в тексте употребляется многократно в разных значениях, автор предлагает новые термины. Рассматриваемые слова не зафиксированы в ранее вышедших терминологических словарях, в учебнике 1939 года функционируют термины *корт* и *гусеница* и в качестве синонима к последнему – слово *уыл* ‘детва пчёл’ [15: 78, 79]. В последующие годы в значениях «личинка» и «гусеница» также частотны термины *корт* и *гусеница*: *ялган гусеница* ‘ложногусеница’ [17: 102], *жымеш күбәләгенең гусеницасы* ‘гусеница плодовой гусеницы’ [19: 47], *диңгез йолдызының корты* ‘личинка морской звезды’ [17: 121]. Предложенные термины не становятся членами терминосистемы, так как полисемантическое слово *корт*, употребляемое долгие годы носителями языка, сохранило рассматриваемые значения и в терминологии. Русизм *гусеница* (*күбәләк корты*)

¹ В труде Ф.Фасеева имеются сведения о составленном но не изданном словаре биологических терминов [13: 79].

² В терминах сохранена орфография источников..

представлен также в «Русско-татарском словаре сельскохозяйственных терминов» (1939) [8: 34], но в «Русско-татарском словаре» (1941) даны его татарские эквиваленты *корт, күбәләк корты, шаушавык* [9: 298].

Причины изменений в системе инсектонимов можно объяснить, если рассмотреть названия насекомых отряда пухоеды в паре. Так в учебниках 30-х гг. функционировали термины *үрдәк мамык кояры* ‘утиный пухоед’ и *эт мамык кояры* ‘собачий власоед’ [15: 87]. В 40-е гг. наблюдается расхождение в родовых компонентах: *үрдәк мамык кояры* ‘утиный пухоед’, *эт йон кояры* ‘собачий власоед’ [17: 93]. Динамика опорного компонента была связана с семантикой термина в целом и учетом некоторых лексикографических данных. Однако, как показывает анализ материала, в 30-е и в начале 40-х гг. определяющий компонент в названиях пухоедов (*мамык кояр, йон кояр*) не был дифференцирован: в значении «пухоед» зафиксирован инсектоним *йонашар* [10: 86; 9: 277], в значении «власоед» – *чәчкояр, йонкояр* [10: 20; 8: 23]. Функционирующие в учебнике термины говорят об образовании собственных названий отдельных видов.

Изменение в паре *зур чикерткә* ‘кобылка’ [15: 82] – *көр чикерткә* ‘кобылка’ [19:85] мы также относим к семантическим. Названия видов саранчовых образованы с родовым компонентом *чикерткә*, все инсектологические значения которого представлены в «Этимологическом словаре татарского языка» Р. Ахметьянова: «стрекоза»; «сверчок»; «саранча»; «кобылка» [1: 435]. В «Русско-татарском словаре сельскохозяйственных терминов» (1939) одним из переводов инсектонима *саранача* на татарский язык является *чикерткә* [8: 128]. В литературе кобылки описываются как «большие кузнечики» [2: 270], «насекомые с коренастым телом» [3]. Определяющий компонент во втором названии стал более конкретным, указывая не просто на размер, а полноту насекомого. Однако в словарях 30-40-х гг. термины не зафиксированы. Лексикографами представлены ихтионимы *кобылка* [10: 43], *кобылка, көбәлә* ‘кобылка’ [8: 58; 9: 254].

Употребляемая в учебнике 1939 г. калька с русского *көзге чәнчәвек* ‘жигалка осенняя’ [15: 94] позднее заменяется термином *чәнчәвек чебен* ‘жигалка осенняя’ [17: 100; 18: 96], образованным по традиционной в зоологической терминологии модели определяющий компонент + родовой компонент. Термин функционировал ещё в учебниках 30-х гг. [21: 179]. Поэтому, на наш взгляд, изменения были продиктованы и практикой использования терминов в текстах. В словарях представлены синонимы с тем же родовым компонентом: *чаккыч чебен* [10: 34; 8: 41], *көзге чебен, чагар чебен* [9: 165].

Наблюдается замена названия речной рыбы с клейкой чешуей *җилемле балык* [15: 124] на *көмештән-балык / көмештән* ‘уклейка’ [17: 143; 19: 130, 139]. Второе название рыба получила из-за серебристого отлива чешуи. В терминологических словарях 30-х гг. термин не представлен. А в «Русско-татарском словаре» (1941) остается ихтионим *җилемле балык* [9: 61].

В учебнике 1939 года в значении «ночная птица с неброским серовато-бурым оперением коротким клювом и с очень большим «лягушачьим» разрезом рта» функционирует орнитоним *эңер күгәрчене* ‘козодой’ [15: 174]. Позднее происходит замена родового компонента: *эңеркош* ‘козодой’ [17: 188]. Но внешнее сходство козодоев и голубей лишь в их коротких ногах [6]. Возможно, поэтому переводчик выбрал орнитоним с родовым компонентом, расположенным на ступень выше в родовидовой иерархии. Стоит отметить, что в словарях

татарского языка зафиксирован термин *төн күгәрчене* ‘козодой’ [10: 43; 9: 255]. В основе номинации лежит признак «период активной деятельности», так как козодой пробуждается с приходом темноты и появляется в сумерках вблизи стада [6].

Полагаем, что замена определяющего компонента в термине *чәчәк чебене* ‘цветочница’ [15: 94] вызвана семантическими трансформациями, а объясняется, возможно, наличием в языке слова *чәчәкче* ‘цветочница’ (*чәчәкче чебен* ‘цветочница’) [17: 100; 18: 96].

Вместо названия инфузорий с воронкообразным, расширенным на переднем конце телом *кәпишәчел* ‘трубач’ [15: 25] в рассматриваемый период предлагается новый термин, образованный от того же корня с суффиксом *-ле* (*кәпишәле* ‘трубач’) [17: 27]. Модели *сущ. + -чыл/-чел* и *сущ. + -лы/-ле* имеют одинаковое значение: «формой или внешнего вида, выраженного основой» [11: 387, 383]. Возможно, термин был изменен по аналогии *тараклы* ‘гребнёвка’ [15: 39], т. е. переводчик стремился употреблять образованные по одним и тем же моделям названия животных, входящих в определенную классификационную группу. Позднее термин начинает функционировать без суффиксов (*кәпишә* ‘трубач’ [18: 24]). Таким образом, динамику термина в 30–40-х гг. можно представить следующим образом: *кәпишәчел* → *кәпишәле* → *кәпишә* ‘трубач’.

Ихтионим *кара сыртлы сельдь* ‘сельдь-черноспинка’ [15: 126] также разбивается за счет выпадения суффикса: *кара сыртлы сельдь* → *кара сырт-сельдь* ‘сельдь-черноспинка’ [17: 137; 19: 132].

Как известно, для зоологической терминологии характерна синонимия терминов. Например, в учебниках 30-х гг. функционируют следующие названия современного отряда подкласса первозверей: *клоакалы имезүчеләр* ‘клоачные млекопитающие’ / *бер юллы имезүчеләр* ‘однопроходные млекопитающие’ / *күкәй салучы имезүчеләр* ‘яйцекладущие млекопитающие’ / *бер юллылар* ‘однопроходные’ / *күкәй салучылар* ‘яйцекладущие’; отряда рыб с наружными жаберными щелями: *ярык саңаклылар* ‘щележаберные’ / *ярык саңаклы балыклар* ‘щележаберные рыбы’ / *селяхияләр* ‘селахии’ [15: 210, 212, 128]. В учебниках 40-х гг. синонимия сохраняется. Обращает на себя внимание употребление некоторых ихтионимов и орнитонимов: татарские термины приводятся как синонимы иноязычных терминов, при этом частотностью функционирования характеризуются заимствования: *треска* / *тәрәч* [15: 124; 17: 135], *стерлядь* / *чөгә* [15: 129; 17: 140], *ала балык* / *форель* [19: 132], *налим* / *жумба* [15: 125], *налим* / *шамбы* [17: 136], *сельдь* / *жүләр (юләр) балык* [15: 126, 17: 137]. Об активности заимствований говорят также названия видов рыб (*сельдь – гади сельдь* ‘сельдь обыкновенная’, *Астрахань сельде* ‘сельдь астраханская’ [17: 143]). Переводчиком указаны особенности стилистического употребления ихтионима *сельдь*: *сельдь (жүләр балык)* – в соленом виде, в повседневном употреблении – *селёдка* [15: 131]. Однако данное обстоятельство не является свидетельством того, что татарские названия не были известны. Термины широко представлены в словарях 30–40-х гг. (см. табл.). На наш взгляд, это явление – отражение русификации терминологии. Подтверждением развития терминологии в данном направлении в 40-е гг. является появление в текстах русских эквивалентов отдельных названий: *акбалык* ‘белуга’ [15: 126] – *белуга* / *акбалык* [17: 137], *тәвәкош* ‘страус’ [17: 191] – *тәвәкош* / *страус* [18: 182].

Динамика терминов в 30–40-е гг. XX в.

Термины (русские эквиваленты)	Словари и учебники				
	Табигать һәм биология тс, 1935	Русча-татарча авыл хужалыгы тс, 1939	Цузмер. Зоология, 1939	Цузмер. Зоология, 1941	РТС 1941
белуга	белуга	–	акбалык	белуга (акбалык)	белуга, кырпы балыгы
налим	шамбы	шамбы, жумба	налим (жумба)	налим (шамбы)	жумба, шамбы
пеликан	пеликан	–	пеликан (баба кош)	баба кош (пеликан)	пеликан, баба кошы
сельдь	жүләр балык	–	сельдь (жүләр балык)	сельдь (жүләр балык)	сельдь
стерлядь	чөгә, стер- лядь	стерлядь	стерлядь (чөгә)	стерлядь (чөгә)	чөгә, стерлядь
треска	тәрәч	тәрәч	треска (тәрәч)	треска (тәрәч)	тәрәч балыгы
форель	форель, ала балык	форель, ала балык	форель балыгы	форель балыгы	форель, ала балык

С другой стороны, происходит смена доминант в таких парах как *голотурияләр* ‘голотурии’ / *диңгез кыярлары* ‘морские огурцы’ [15: 109], *пеликан* / *баба кошы* [15: 179] и *анодонта (беззубка)* [15: 54]; *диңгез кыярлары* ‘морские огурцы’ / *голотурияләр* ‘голотурии’ [17: 118; 19: 118], *баба кошы* / *пеликан* [17: 194; 19: 192] и *беззубка* / *анодонта* [17: 58]. Анализ употребления рассматриваемых пар в учебниках 30-х годов показывает, что авторы отдавали предпочтение не заимствованиям. Например, в учебнике зоологии Ф. Юсупова названия беспозвоночных животных продолговатой формы без выступающих шипов представлены именно в том порядке: *диңгез кыярлары* ‘морские огурцы’ / *голотурияләр* ‘голотурии’ [21: 34]. Среди перечисленных синонимов лишь одну пару образуют русизм и латинизм: *беззубка* / *анодонта*. В учебниках М.Я. Цузмера, написанных на русском языке, заимствование из латинского не употребляется [14, 16]. Но в 30-х гг. в татарских учебниках зоологии даются два термина: *анодонта (беззубка)* [21: 59]. В биологическом терминологическом словаре (1935) представлен термин *анодонта* [10: 13], в «Русско-татарском словаре» (1941) – *анодонта, бака кашыгы* [9: 32]. Таким образом, употребление латинизма можно объяснить фиксацией его в известных источниках в качестве эквивалента русского термина *беззубка*.

В целом, развитие зоологической терминологии 40-х гг. носит эволюционный характер. Новые названия малочисленны, не все из них становятся элементами терминосистемы. Изменения в терминах, как правило, связаны с конкретизацией их семантики. Замена суффиксов и формирование более кратких вариантов являются попытками систематизации терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: 2 томда. Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – Т. 2. – 567 б.
2. Биологиядән русча-татарча аңлатмалы сүзлек / ред.: Ф.Г. Ситдиқов, Р.К. Зәкиев. – Казан: Мәгариф, 1998. – 655 б.

3. Голубокрылая кобылка. URL: <https://nature-mordovia.ru/fotografii/kobylka-golubokrylaya-oedipoda-caerulea.html> (дата обращения: 25.08.2024).
4. Закиева З.Р. Химическая терминология в современном татарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2011. – 24 с.
5. Калгановва Г.Ф. Функционирование татарского языка в финансово-экономической сфере (с конца XIX века по настоящее время): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2006. – 22 с.
6. Козодои. Большая российская энциклопедия 2004–2017. – URL: <https://old.bigenc.ru/biology/text/2078919> (дата обращения: 25.08.2024).
7. Лексикология татарского языка: в 3-х т. – Казань: ИЯЛИ, 2022. Т. 2. – 392 с.
8. Русча-татарча авыл хужалыгы терминнары сүзлеге. – Казан: Татгосиздат, 1939. – 176 б.
9. Русча-татарча сүзлек / төз.: Г. Нугайбик, Ф. Әмирхан, М. Корбан, С. Фәйзуллин. – Казан: Татгосиздат, 1941. – 750 б.
10. Табигать һәм биология терминнары сүзлеге / ред. М. Корбан. – Казан, 1935. – 123 б.
11. Татар грамматикасы: өч томда. – М.: Инсан; Казан: Фикер, 1998. – Т. 1. – 512 б.
12. Татарско-русский словарь: в 2-х т. – Казань: Магариф, 2007. Т. 2. – 726 б.
13. Фасеев Ф.С. Татар телендә терминология нигезләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1969. – 200 б.
14. Цузмер М.Я. Зоология: учеб. для 6–7 кл. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1938. – 240 с.
15. Цузмер М.Я. Зоология: тулы булмаган урта һәм урта мәкт. 6–7 кл. өчен д-лек / тәрж. Х.Н. Байкиев. – Казан: Татгосиздат, 1939. – 256 б.
16. Цузмер М.Я. Зоология: учеб-к для 6–7 кл. неполной средней школы: – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1940. – 240 с.
17. Цузмер М.Я. Зоология: тулы булмаган урта һәм урта мәкт. 6–7 кл. өчен д-лек / тәрж. Х.Н. Байкиев. – Казан: Татгосиздат, 1941. – 279 б.
18. Цузмер М. Я. Зоология: жидееллык һәм урта мәкт. 6–7 кл. өчен д-лек / тәрж. Х.Н. Байкиев. – Казан: Татгосиздат, 1945. – 255 б.
19. Цузмер М.Я. Зоология: жидееллык һәм урта мәкт. 6–7 кл. өчен д-лек / тәрж.: Х.Н. Байкиев. – Казан: Татгосиздат, 1947. – 264 б.
20. Шамсутдинова Р.Р. Медицинская терминология в татарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2011. – 21 с.
21. Юсупов Ф. Зоология дәреслеге. 2 бүлек Умырткасыз хайваннар. – Казан: Татиздат, 1930. – 212 б.

УДК 811.512.145

ТАТАР ТЕЛЕНЕҢ ОРФОГРАФИК НОРМАЛАРЫ ҺӘМ АНТРОПОНИМИК ВАРИАНТЛЫЛЫК

Г.Р. Галиуллина

Казан федераль университеты (Казан)

*Мәкалә «Туган телләр һәм мәдәниятләр өлкәсендә стратегик тикшеренүләр»
(ФПСР-2/24) фәнни-мәгариф үзәк эшчәнлеге кысасында әзерләнде*

Статья посвящена проблемам вариативности татарских личных имен. В работе рассматриваются внутриязыковые варианты личных имен и причины их возникновения. В результате исследования мы пришли к выводу, что в татарской антропонимии данная проблема связана как с внутриязыковыми, так и экстралингвистическими факторами. Отклонение от орфографических норм татарского языка приводит к распространению личных имен, несвойственных антропонимикону татарского народа. В настоящее время предпринимаются попытки унификации татарских личных имен, что позволяет выработать единые орфографические нормы в данной области.

Ключевые слова: татарский язык, ономастика, антропонимия, орфография, транслитерация, вариативность.

The article is devoted to the problems of variation in Tatar personal names. The paper considers intralinguistic variants of personal names and the reasons for their occurrence. As a result of the study, we have come to the conclusion that in Tatar anthroponymy this problem is connected with both intralinguistic and extralinguistic factors. Deviation from the orthographic norms of the Tatar language leads to the spread of personal names that are not typical of the anthroponymy of the Tatar people. At present, attempts are being made to unify Tatar personal names, which makes it possible to develop unified orthographic norms in this area.

Key words: Tatar language, onomastics, anthroponymy, orthography, transliteration, variation.

Язма телнең төп кануны булып орфографик кагыйдэләр санала. Орфография нормалары язма телне кулланучылар тарафыннан һичшиксез үтәлергә һәм сакланырга тиеш булса да, хәзерге татар телендә кабул ителгән дәрәҗә язу кагыйдәләреннән читләшү күренеше таралыш таба. Бу бигрәк тә матбугат битләрендә күзәтелә. Татар телендә чыга торган газета һәм журналларда бер үк сүзнең яисә кеше исемнең төрлечә язылыш вариантын еш очратырга мөмкин. Гомумән алганда, вариантлылык, аеруча фонетик вариантлылык, тел системасының төп үзенчәлеге санала һәм ул тел катламнарының барысы өчен дә хас күренеш.

Әлеге проблеманың нигезе XX гасырның 20 елларына барып тоташа һәм хәзерге вакытта ул ахырга кадәр хәл ителмәгән мәсьәләләрдән саналып килә. Басылып чыккан татар кеше исемнәре сүзлекләрендә яки бу өлкәгә караган белемлекләрдә исемнәр төрлечә язылган, алар орфографик яктан тотрыксыз. Шунысын да билгеләп үтәргә кирәк, татар тел белемдә антропонимиконның бу ягына багышланган махсус хезмәтләр күп түгел. Алар арасында Г.Ф. Саттаров [5–7], Х.Ф. Исхакова [4], Г.Р. Галиуллина [1–3] хезмәтләре игътибарга лаек. Шулай ук 2006 елда чыккан һәм паспорт-виза хезмәте, загс һәм төрле дүрләт структуралары хезмәткәрләре өчен гамәли кулланма буларак эшләнгән «Татарча-русча кеше исемнәре һәм фамилияләре сүзлеге» булуын да күрсәтергә кирәк. Бу сүзлектә беренче тапкыр милли традицияләр һәм үзенчәлекләр нигезендә антропонимик берәмлекләргә фәнни аңлату һәм унификацияләү күзлегеннән яңадан карау омтылышы ясалды [9].

Татар ономастикасына багышланган «Татар лексикологиясе» монографик хезмәтнең өченче томында шулай ук татар исемнәре һәм фамилияләренең орфографиясе һәм аларны транслитерацияләү проблемалары карала [8].

Аталганнарда кала, Татарстан Республикасы Министрлар Кабинетының гражданлык хәле актларын теркәү идарәсе сайтында антропонимик берәмлекләргә татарча-русча сүзлеге урын ала [10]. Соңгы елларда ономастолог галимнәр тарафыннан ТӘҺСИ житәкчелегендә эшләнгән әлеге сүзлектә фамилияләр, исем һәм отчестволарның норматив вариантлары бирелгән. Әмма, шуңа да карамастан, татар кеше исемнәренең орфографиясе мәсьәләсе актуаль булып кала бирә.

Әлеге мәкалә кысаларында без татар кеше исемнәре өлкәсендә күзәтелгән вариантлылыкка тукталырбыз. Эш барышында чагыштырма-тарихи, тасвирлама методлар, диахроник һәм синхроник анализ алымнары кулланылды.

Исемнәргә төрле фонетик вариантларда кулланылуы телнең үсеш-үзгәреш кануннары белән һәм аерым сәбәпләр аркасында барлыкка килгән очраклылык белән аңлатыла. Исемнәргә фонетик вариантлары төрки-татар антропонимиясе тарихында электән күзәтелә, әмма аның катлаулы проблемага әверелүе исемнәргә бердәм нормага китерү мәсьәләсе килеп тугач башланды.

Исемнәрнең төрле фонетик вариантларда яшәеше хаклымы, әллә алар билгеле бер формада канунлашырга тиешме дигән сорау хәзерге татар телендә ахыргача хәл ителмәгән. Беренче карашка бик жиңел тоелса да, антропонимик системаның үз үсеш кануннарын истән чыгармаска кирәк. Татар кеше исемнәре электән килгән традицияләргә нигезләнеп барлыкка килгән һәм аерым кешеләр тарафыннан уйлап табылган исемнәр хисабына байый. Уйлап табылган исемнәрнең фонетик төзелеше еш кына тел традицияләренә туры килми, аларда телдә моңарчы күзәтелмәгән авазлар чиратлашуы булырга мөмкин.

Исемнәрнең нинди вариантлары куллануны аңлатуга керешкәнче, аларны барлыкка китергән ике сәбәпкә тукталуны кирәк саныйбыз. Төрлелек барлыкка килүнең беренче сәбәбе язу (графика) үзенчәлеге белән бәйле булса, икенчесе исә исем ясау сәнгате белән бәйле.

Исемнәр өлкәсендә күзәтелгән төрлелекнең табигатен без язма чыганаclarга таянып тикшерәбез. Татар халкының үткәннән бәйле төп язма чыганаclar мең елдан артык вакыт аралыгында татар халкының рухи, мәдәни кыйммәтләрен, тарихын чагылдырган гарәп язуында сакланган. Гарәп язуының үзенчәлекләре татар галимнәре М.З. Зәкиев, Х.Р. Курбатов, М.И. Мәхмүтов, В.Х. Хаков, Ф.М. Хисамова, Ж.Г. Зәйнуллин, Р.Т. Сәфәров һ. б. хезмәтләрендә чагылыш таба. Галимнәр төрле чорларда татар теленә үтәп кергән гарәп һәм фарсы алынмаларының язылышындагы төрлелек турында әйтәләр.

Мондый төрлелек кеше исемнәрендә бигрәк тә еш күзәтелә. Әйтелешләре ягыннан алынма исемнәр татар теленң дәрәс әйтелеш (орфоэпик) нормаларына буйсынсалар да, язылышларында гарәп теле үзенчәлекләре саклана бирә. Мәсәлән, *Мөхәммәд~Мөхәммәт, Мәхмүд~Мәхмүт, Рәкыя~Ракыя~Рокыя, Рәбига~Рабига*.

Билгеле булганча, бер телдән икенче телгә үтәп кергәндә, лексик берәмлекләр кабул итүче телнең кануннарына яраклашалар. Әмма кеше исемнәре системасында бу үзенчәлек өлешчә генә саклана. Элегрәк чорларда, туган баланың исемен теркәгәндә, дин әһелләренең бер өлеше исемнең гарәп телендәге язылышын сакласалар, икенчеләре исә исемнең татар телендәге яңгырашын исәпкә алып язганнар. Нәтижәдә алынма исемнәрнең төрле вариантта кулланылуы тарала башлый. Мисал өчен, татар теленң орфографик нормалары буенча, сүз ахырында яңгырау тартыклар саңгыраулаша. Әмма еш кына, субъектив факторларга бәйле, бу канун сакланмый.

Октябрь инкыйлабыннан соң, татар исемнәре системасында рус, европа, яна татар исемнәре кулланыла башлагач, исемнәрнең вариантлашуы тагын да арта. Татарларда балага исем сайлаганда кызык бер үзенчәлек күзәтелә: ата-ана бала исеменең оригиналь, башкалардан аерылып торуын, сирәк кулланылган исем булуын тели. Шуңа бәйле традицион исемнәрнең берәр авазын яисә ижеген алыштырып, яна исем, дәрәсрәге, исем варианты ясыйлар. Нәтижәдә телдә мәгънәләре белән традицион исемнәргә охшаш, әмма язылышы үзгә булган яна берәмлекләр барлыкка килә: *Илишат~Элишат, Илнар~Элнар, Әмир~Эмир, Илзилә~Элзилә, Илдар~Элдар* һәм башкалар. Татар исемнәре өлкәсенә караган кагыйдәләр буенча, бу исемнәрнең беренче вариантлары норматив санала.

Тикшеренүләр барышында без гарәп һәм фарсы чыгышлы исемнәрдә күзәтелгән фонетик вариантлылык төре телебезгә соңрак үтәп кергән рус һәм европа исемнәренә дә таралуын, шул рәвешле бүгенге көндә фонетик вариантлылык күренеше антропонимик системаның барлык катламнарына таралган, һәм сузыклар, һәм тартыклар өлкәсендә күзәтелгән үзенчәлек булуын ачыккладык.

Вокаль (сузык) вариантлар татар теле өчен чагыштырмача яңа күренеш. Бу төр вариантларда, нигездә, сузык авазларның калын һәм нечкә парлары чиратлаша, мәсәлән, *Гадия~Гәдия, Алина~Әлина, Фаиз~Фәиз, Ранил~Рәнил* һ. б.

Шулай ук о~у чиратлашуы да шактый таралыш тапкан, мәсәлән, *Розалия~Рузалия, София~Суфия, Розана~Рузана*.

Консонант (тартык) вариантларга килгәндә, аларны борынгыдан килгән күренеш дияр идек. Без аларның татар телендә беренчел булуларын һәм борынгы төрки телдән килүләрен ассызыкыйбыз. Моңы дәлилләр өчен борынгы төрки-татар чыгышлы исемнәргә мөрәжәгать итү житә: *Уразгилде~Уразкилде, Туйкилде~Туйгилде, Буранкол~Бурангол* һәм башкалар. Гарәп һәм фарсы компонентлары белән катнаш исемнәрдә дә бу үзенчәлек чагыла: *Азнакол~Азнакол, Аллакол~Аллагол, Асылхужа~Асылгужа*. Гарәп һәм фарсы антропонимнары татар теленә күпләп үтеп керә башлагач, тартыкларның вариантлашуы тагын да көчәя, чөнки тартыкларның күпләге ягыннан аерылып торган гарәп графикасы татар теленә аерым фонемалар гына түгел, бәлки гарәп теленә кайбер фонетик үзенчәлекләре дә алып килә.

Без тартыкларның яңгыраулыкта һәм саңгыраулыкта чиратлашуы нәтижәсендә барлыкка килгән берничә вариантка тукталырга булдык.

д~т авазларының чиратлашуы татар исемнәр системасында күптәннән килә һәм киң таралган төрләрнең берсе санала. Әлеге төр чиратлашуны гарәп графикасында язылган истәлекләрдә, мәчет кенәгәләрендә теркәлгән *Рафид~Рафит, Хәмид~Хәмит, Фуад~Фуат, Габделхәмид~Габделхәмит, Әхмәд~Әхмәт, Фәхрәддин~Фәхрәтдин, Мәхмүд~Мәхмүт, Фәрхад~Фәрхат, Хәршид~Хәршит* кебек исемнәрдә очратабыз. XX гасырның 40 нчы елларыннан әлеге чиратлашу белән бәйле исемнәр язылышында берәз тотрыклылык күзәтелә, ягъни бу төр исемнәр язылышы татар теленә фонетик закончалыгына буйсына: *Фәрит, Рәшит, Мидхәт, Муллахәт, Рәфкәт, Ришат*. Соңгы елларда исә тагын төрлелек күзәтелә башлады. Бу рухи тормышыбызда диннең роле арту, дини эдәбият таралу, гарәп графикасында язылган борынгы язма истәлекләрнең вакытлы матбугат битләрендә урын алуы белән бәйле. Шулай ук ата-аналарның исем сайлауга бәйле оригинальлеккә омтылышын да онытмаска кирәк. Бүгенге татар антропонимиясендә *Морад~Морат, Мөхәммәт~Мөхәммәд, Максат~Максад, Заһит~Заһид* кебек вариантлар еш күзәтелә. Аеруча соңгы еллардагы исемлектә моңа шактый мисал табарга була, мәсәлән, 2021 елда ир балаларга кушылган исемнәр арасында түбәндәгеләрне очратабыз: *Габделхәмид, Азад, Әхмәд, Морад, Жәвид, Зәид, Илзад* һ. б. Әлеге төр чиратлашу хәтта рус һәм европа исемнәренә язылышына да таралды. Мисал өчен *Эдуард~Эдуарт, Эдвард~Эдварт; Фердинанд~Фердинант* кебек исемнәргә китереп була.

Татар телендә, аеруча диалектларда, г~х~к чиратлашуы киң таралган. Мәсәлән, *игътибар-ихтибар, хатын-катын, вакыт – вахыт, кадәр – хадәр*. Әмма күмәкләк сүзләрдә күзәтелә торган бу үзенчәлек эдәби телгә үтеп кермәгән, ә кеше исемнәрендәге әлеге чиратлашу исә эдәби язылышта да күзәтелә: *Мәгърузә~Мәхрузә, Мәргүбә~Мәрхүбә, Имангол~Иманкол, Шәфика~Шәфига, Мәгъсут~Мәхсут~Мәкъсут, Әскаль~Әсгать*. Татар исемнәре сүзлекләрендә бу вариантлар мөстәкыйль исемнәр буларак теркәлгән. Бүгенге көндә исә бу төр чиратлашу беркадәр пассив санала.

Диалект һәм сөйләшләр татар эдәби теленә баетуда төп чыганаclarның берсе булып торалар, әмма эдәби телгә үтеп кергән диалект сүзләре, эдәби әйтеш һәм язылыш нормаларына буйсынып, диалекталь үзенчәлекләрен югал-

талар. Күмәклек диалект сүзлөрөннән аермалы буларак, антропонимнар, әдәби телгә үтеп кәргәннән соң да, фонетик үзенчәлекләрен югалтмыйча, әдәби телдәге әйтелеш һәм язылышка буйсынган вариантлары белән янәшә кулланылалар, мәсәлән, *Йосып~Йосыф; Фатыйма~Хатыйма; Рамазан~Рамадан, Рәдинә~Рәзинә*.

Соңгы елларда диалект лексикасының әдәби телгә үтеп керүе үзен шактый сиздерә башлады. Исемнәр өлкәсендә татар теленң көнбатыш диалекты тәэсире аеруча сизелә. Мәсәлән, татар әдәби телендә сүз башында [Җ] фонемасының төшөп калуы күзәтелми, бу бары тик диалектларга хас үзенчәлек. Бүгенге көндә исә, күмәклек сүзләрдән аермалы буларак, исемнәрдә бу төр фонетик үзгәреш әдәби телдә дә активлашты. Көнбатыш диалект тәэсирендә бүгенге кеше исемнәре системасында *Габбас~Аббас~Абас, Габдулла~Абдулла, Габделгали~Абделгали, Гали~Али, Гаяз~Аяз, Газиз~Азиз, Газизә~Азизә, Гадил~Адил, Гадел~Адел, Гадилә~Адилә, Галия~Алия, Гамилә~Амилә, Гайшә~Айшә, Гомәр~Үмәр, Галимас~Алимас* кебек исемнәрнең популярлашуы үзен бик сиздерә. Югарыда күрсәтелгән исемнәр гражданлык актлары теркәү оешмаларынан алган материалларда рәсми исем буларак теркәлгән. Сөйләм телендә һәм диалектларда кулланылган исем вариантлары моның белән генә чикләнми, биредә без бары тик әдәби телгә үтеп кәргән очракларны гына карадык.

Рәсми документларда теркәлгән әлеге исемнәр татар антропонимик системасының тел үзенчәлеген генә билгеләп калмый, бәлки гомумәдәби тел кануннарының, бигрәк тә аның орфографик кануннарының, үзгәрүенә китерерлек бер шарт буларак та каралырга хаклы. Безнең карашыбызча, телнең аерым бер катламында, безнең очракта кеше исемнәре катламында, барган үзгәреш әкрәләп башка өлкәләргә дә таралырга һәм әдәби телнең әйтелеш һәм язылыш кагыйдәләренә тәэсир итәргә мөмкин. Исемнәрнең төрле вариантта кулланылуы татар халкының милли үзенчәлеген, индивидуальлеген, яңалыкка, исем ясауга омтылышын чагылдырса да, бу процессның агышы тәртипкә салынырга тиеш. Кеше исемнәренә язылыш кагыйдәләрен билгеләү, төрле вариантлар арасынан киң таралганын сайлап алып, рәсми вариант буларак тәкъдим итү исем язылышындагы төрлелекне, төгәлсезлекләренә бетерергә булышчак.

ӘДӘБИЯТ

1. Галиуллина Г.Р. Проблемы орфографии современных татарских личных имен // Ономастика Поволжья: материалы XX международной научной конференции, Элиста, 5–7 октября 2022 года / сост. и ред.: Н.А. Кичикова, В.И. Супрун; Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. – С. 70–72.
2. Галиуллина Г.Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 349 с.
3. Галиуллина Г. Татар гаиләсенң рухи кыйммәтләре: татар исемнәре. – Istanbul: KESIT, 2020. – 158 б.
4. Исхакова Х.Ф. Сопоставительная грамматика татарских и русских собственных имен. – М.: Наука, 2000. – 109 с.
5. Саттаров Г.Ф. Исемен матур, кемнәр куйган? – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 256 б.
6. Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре ни сөйли? – Казан: Раннур, 1998. – 487 б.
7. Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре: аңлатмалы сүзлек. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. – 551 б.
8. Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ. Т. III. 1 кис., 2017. – 536 б.
9. Татарско-русский словарь личных имен и фамилий / Татарча-русча кеше исемнәре һәм фамилияләр сүзлеге). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – 480 с.
10. Татарско-русский словарь личных имен, отчеств // URL: https://zags.tatarstan.ru/file/pub/pub_3570177.pdf. (мөрәҗәгать итү вакыты: 30.08.2024).

ТАТАР ҺӘМ ИНГЛИЗ ТЕЛЕ ДӘРЕСЛӘРЕН УЗДЫРУНЫҢ ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

А.Н. Гарипова

Идел бue дәүләт физик культура, спорт һәм туризм университеты (Казан)

Статья представляет собой описание особенностей и эффективности проведения интегрированного урока на татарском и английском языках. Предлагается методика проведения такого рода занятий и анализ того, насколько успешно они проводятся. На интегрированном уроке происходит синтез знаний, формируется умение переносить знания из одной отрасли в другую. Это в свою очередь стимулирует аналитическую деятельность учащихся, развивает потребность в системном подходе к объекту познания, формирует умение анализировать и сравнивать сложные процессы и явления объективной действительности.

Ключевые слова: культура, интегрированные уроки, государственный язык, метод, английский язык, татарский язык.

The article describes the features and effectiveness of an integrated lesson in Tatar and English. A methodology for conducting such classes and an analysis of how successfully they are conducted is proposed. In an integrated lesson, knowledge is synthesized, and the ability to transfer knowledge from one industry to another is formed. This, in turn, stimulates the analytical activity of students, develops the need for a systematic approach to the object of knowledge, forms the ability to analyze and compare complex processes and phenomena of objective reality.

Key words: culture, integrated lessons, state language, method, English, Tatar language.

Соңғы дистә елларда Татарстан Республикасы тормышында яңа социаль-икътисадый һәм мәдәни үзгәрешләр булды. Бу белем бирүдә чагылыш тапмый кала алмый. Республика мәгариф системасында «чит тел» фәнәнә шактый урын бирелгән, аның функцияләре сизелерлек киңәя. Чит тел тулысынча аралашу чарасы буларак, заманча дөнья мәдәниятләре һәм цивилизацияләре диалогында аралашу коралы буларак таныла башлады.

Шул ук вакытта барлыкка килгән проблемалар укытучыларны берләшергә һәм аларны хәл итү юлларын бергәләп, глобаль, интеграцияле рәвештә эзләргә мәжбүр итә. Интеграция дөньяга бербөтен караш формалаштыруга, күренешләр һәм процессларның асыл үзара бәйләнешен аңлауга ярдәм итә. Белем бирүдә интеграцияле якин килүне куллану идеясе, төрле предметлардан алынган мәгълүматтан файдаланып, вакыйгаларны, күренешләрне бөтенләй яңача аңлап, тирән һәм күпкырлы белемнәр алу зарурлыгынан туды [3: 43].

Хәзерге этапта чит телләргә өйрәтү системасының үзгәрүе демократик тенденцияләрнең үсеше белән характерлана, аларның нигезендә бертөрлелектән баш тарту, чит телләрне өйрәнүнең яңа формаларын һәм мөмкинлекләрен эзләү, уку материалларының вариативлыгы ята. Мәктәптә һәм югары белем бирү оешмаларында чит телләргә өйрәтүнең максаты – укучыларда башка мәдәниятләр һәм традицияләр вәкилләре белән тигез хокуклы диалогка керергә, мәдәниятара коммуникациянең төрле өлкәләрендә һәм ситуацияләрендә катнашырга, цивилизация үсешенең заманча дөньякүләм процессларына иялә-

шергә мөмкинлек бирүче чит телләрдә аралашу сәләтен формалаштыру. Татарстанда ике дәүләт теле булган шартларда, инглиз һәм татар телләре укытучыларының уртақ эше бик нәтижәле. Мондый хезмәттәшлекнең мөмкинлекләре: татар телен өйрәнүнең абруен күтәрү; инглиз һәм татар телләре укытучылары тәҗрибәсен үзара баегу; татар телен укытуның кирәкле дидактик һәм методик дәрәжәсен тәэмин итү.

Уңышлы дәрес үткәрү жентекләп уйланылган һәм нәтижәле планлаштыруга бәйле. Димәк, интеграцияләнгән дәрес үткәргәндә, төрле дисциплиналар укытучылары тарафыннан бергәләп планлаштырганда гамәлләр, эш формалары һәм башка барлык нәрсәләр турында жентекләп фикер алышу үткәргәргә кирәк [2: 272].

Ике телдә укытуның уртақ эш формалары булырга мөмкин: теоретик һәм практик мәсьәләләр буенча лекцияләр, консультацияләр, ачык дәресләр, дәресләргә уртақ анализ һәм үз-үзеңне анализлау, лабораторияләр белән танышу һәм тел укытучысы лабораториясен төзү тәҗрибәсен тапшыру, интеграцияләнгән дәресләр һәм дәрестән тыш формалар үткәрү [1]. Инглиз һәм татар теле укытучылары арасында хезмәттәшлекнең иң актив һәм нәтижәле формаларының берсе – интеграцияләнгән дәресләр, чөнки алар: рус телле укучыларның татар телен өйрәнүгә һәм татар балаларының әдәби һәм сөйләм телен тулырак үзләштерүенә танып белү кызыксынуын сизелерлек күтәрәләр; киләчәктә балалар очраша ала торган реаль тормыш ситуацияләрен проектларга мөмкинлек бирәләр (инглиз һәм татар телләрен берьюлы куллану планында); икетеллелек шартларында фикерләүне активлаштыралар; укучыларның ижади активлыгын үстерәләр, фантазияне уяталар; лингвистик фикерләүне һәм белемне үстерәләр, төрле системаларга керүче ике телне чагыштырырга мөмкинлек бирәләр; укытучылар һәм укучылар арасында тыгыз хезмәттәшлек итү мөмкинлеге бирә, соңгыларын дәреснең үзен булдыруга җәлеп итә; чит тел дәресен тулысынча коммуникатив итәләр. Интеграцияләнгән дәресләрнең формалары төрле булырга мөмкин, стандарт булмаган формалар мондый төр дәресләрнең максатына ирешү өчен күбрәк мөмкинлекләр бирә: дәрес-матбугат конференциясе, дәрес-сәяхәт, дәрес-тренинг, дәрес-ярыш, дәрес-экскурсия, дәрес-диспут, дәрес-интервью һ. б. [1]. Интеграцияләнгән дәресләрнең тәкъдим ителә торган темалары: Укучы һәм аның даирәсе. Гаилә. Университет. Спорт. Сәламәт яшәү рәвеше. Дәрес туклану кагыйдәләре. Лондон, Нью-Йорк, Казан һ. б. истәлекле урыннар. Шәһәрдә. Безнең йорт. Яраткан язучылар. Татар һәм инглиз халыкларының бәйрәмнәре һәм традицияләре. Музыка һәм сәнгать. Сәяхәт итү.

Күнегүләреннән, эш режимнарының, ситуацияләреннән, методларның жентекләп уйланылган системасы әлегә төр дәреснең нәтижәлеге өчен кирәкле шарт булып тора. Алар һичшиксез кабатлау-беркетү һәм ижади куллану блогын үз эченә алырга тиеш. Интеграцияләнгән дәресләрдә иң нәтижәле була алган биремнәрнең кайбер мисаллары. Инглиз һәм татар сүзләре һәм сүзтөзмәләреннән тәңгәллеген табыгыз: *Бик зур рәхмәт – Thank you very much; Ничек барырга икәннен эйтмәссезме? – Could you tell me the way?*

Инглиз һәм татар теле дәресләреннән интеграцияләнгән формасы иң перспективалыларның берсе булып тора, чөнки ул һәрдаим яңа формаларны, методларны эзләргә, аларны үстерергә һәм баетырга мөмкинлек бирә, бу исә, гомумән алганда, укучыларның ижади активлыгын үстерүгә һәм татар һәм инглиз теленә өйрәтүнең нәтижәлеге күтәрүгә хезмәт итә.

Әлеге интеграциялэнгән форма дәресләрне уздыру өчен укучыларны ике командага бүлеп төрле формада дәресләр уздырырга була: бер командага инглиз телендә репликалар, икенчеләренә татарча җавап репликалары бирелә. Әлеге форма нигезендә язуны татар телендә тыңлап аңлау, аның эчтәлеген инглиз телендә аңлауны тикшерү башкарыла. Икенче дәрес формасы итеп тылмач уенын кулланырга була. Инглиз сүзләрен, кыска диалогик һәм монологик әйтәлмәләрне телдән тәржемә итү башкарыла. Нәтижәдә ситуатив диалоглар төзелә. Шулай ук интервью, мини матбугат конференциясе формасында уздырылган дәресләр отышлы була.

Безнең тәҗрибәдән чыгып, интеграцияле дәресләр үткәрүнең түбәндәге өстенлекләрен билгеләп үтәсебез килә:

– укучыларның дәрескә кызыксынуы арта, чөнки бу төрлелекне кертә, һәм материалны төрле перспективалардан үзләштерү мөмкинлеге барлыкка килә;

– мондый төр дәрес барышында укучылар чагыштыру, анализ, гомумиләштерү һәм нәтиҗәләр ярдәмендә кечкенә ачышлар һәм табышлар ясыйлар. Бу, ниндидер мәгънәдә, фәнни эшчәнлек. Шулай итеп, укучылар үзләренең фәнни-тикшеренү күнекмәләрен үстерәләр;

– укытучының үзенең иҗади потенциалын ачу мөмкинлеге бар, бу аның педагогик осталыгының яңа дәрәҗәсә генә түгел, ә сыйныфка карата уңай үзгәрешләр кертү дә һ. б.

Татар һәм инглиз телендә әлеге төр дәресләр алып бару укытучыларын бердәм максат берләштерә – алар телгә өйрәтә һәм үз алдына уртак бурычлар куя:

1. Укучыларның социомәдәни белемнәрен арттыру (бу илнең телен генә түгел, менталитетын, яшәү рәвешен, мәдәниятен дә өйрәнү).

2. Укучыларда башкаларга карата толерант мөнәсәбәт формалаштыру.

3. Академик белемнәрне үстерү, укучыларны гомер буе укытуга әзерләү.

Әлеге төр дәресләрне уздыру методикасы, алымнары ярдәмендә укучыларны төрле мәдәни һәм фәнни чараларга әзерләргә була. Мәсәлән, Халыклар бердәмлеге көне, Нәүрүз – Язны каршылау бәйрәме, күренекле язучыларның туган көне уңаеннан шигъри бәйрәмнәр уздыру. Фәнни чараларга килгәндә, фәнни темаларга мәкаләләр язу, экспериментлар уздыру, татар-инглиз телендә яклау, сорауларга җавап бирү.

«Илләр буйлап сәяхәт» темасы буенча татар теле дәресен инглиз теле дәресе белән берләштереп үткәрү вариантын тәкъдим итәбез. Әлеге ачык дәрестә укучылар үз шәһәрләренең истәлекле урыннары, ял итү һәм күңел ачу урыннары турында яза һәм сөйли алачак. Әлеге дәрес чит ил туристларын горф-гадәтләр, жирле көнкүреш, милли ашлар белән таныштыру идеясенә корылган. Эш формасы-төркемле, анда укучылар инглиз һәм татар телләрендә иркен сөйләшү, сөйләм үрнәкләрен куллану, командада эшләү сәләтләренә карап өч төркемгә бүленәләр. Шулай ук эш формасы да рольле, чөнки беренче төркемгә инглиз телендә сөйләшергә сәләтле өч укучы керә, чөнки алар тәржемәчеләр сыйфатында чыгыш ясыйлар. Икенче төркемдә шулай ук өч укучы эшли, ләкин Англиядән туристлар сыйфатында. Туристларның бурычы-әлеге ил турында мөмкин кадәр күбрәк мәгълүмат алу һәм грамматик яктан дәрес төзелгән сораулар бирү. Әлеге урын буенча мәгълүматны өченче төркем укучылары бирә, ягъни гид-экскурсоводлар ил турында татар телендә тулаем мәгълүмат бирә. Төркемнәргә бүлү укытучыларның үзләре тарафыннан башкарыла, чөнки алар әлеге аудиториядә үз фәннәрен укыту тәҗрибәсенә ни-

гезләнэләр. Димәк, укытуда дифференциацияле якын килү тормышка ашырыла, чөнки укучылар биремнәрне сәләтләренә карап үтиләр.

Дәрес башында укытучылар репликалар төзү өчен таяныч сүзлек бирәләр. Татар теле укытучысы бу эшне татар телендә алып бара, һәм инглиз теле укытучысы инглиз телендә вариантлар тәкъдим итә: Рәхим итегез! – Welcome! Без танышуга шат! – We are glad/happy to meet you!; милли ашлар – national cuisine; горөф-гадәт һәм бәйрәмнәр – traditions and holidays; тарихи урыннар – historical places; азык-төлек һәм киём – food and clothes; сәүдә-күңел ачу үзәге – trade and entertainment center; медицина – medicine.

Укучыларга чыгыш әзерләү өчен 20 минут вакыт бирелә. Төркемнәр үз презентацияләре өчен мәгълүмат эзләү өчен ноутбукларга керә ала. Гидлар танышу өчен материал әзерли, тәржемәчеләр шулай ук интернетта ил буенча материалларны карый, чит ил туристлары шулай ук интернеттагы мәкаләләрне карый һәм сораулар бирергә әзерләнә. Татар теле укытучысы гидлар төркеменә дәрес материал сайларга ярдәм итә. Бу вакытта инглиз теле укытучысы туристлар төркеменә сорауларны дәрес төзүгә ярдәм итә, шулай ук тәржемәчеләр төркеменә ярдәм итә. Чыгыш вакытында укучылар процесска актив жәлеп ителә, аларның кызыксынуы арта. Һәр укучы чыннан да үз роленә ияләшә, үз фикерләрен жикерә ала. Тәржемәчеләр төркеменә зур йөкләнеш һәм кыенлык туры килә, чөнки ике яклы синхрон тәржемә ясау кыенлаша.

Әлеге дәрес түбәндәге факторларны истә тотып, укучылар өчен дә, укытучылар өчен дә файдалы һәм нәтижәле була: укучылар татар телендә дә, инглиз телендә дә сүзлек запасын тулыландыра ала; раслау һәм сорау жөмлөләр төзү кагыйдәләрен кабатлый. Укытучылар икеләтә ярдәм күрсәтеп уңайлы психологик мохит тудыра; бер дәрестә татар теленә дә, инглиз теленә дә грамматик кагыйдәләрен кабатлый һәм беркетә ала. Шулай итеп, материал нәтижәләрәк үзләштерелә; укытучылар үз укучыларын икенче яктан, аларның башка телне белү дәрәжәсен күрә һәм бәяли ала.

Тулаем алганда даими үзгәрәп торучы дөньяда һәм мәгариф дөньясында педагоглар бу үзгәрешләренә кабул итәргә һәм кулланырга өлгерү өчен барысын да эшлиләр. Әлеге дәрес кечкенә фрагмент булса да, укучыларда милләт-пәрвәрлек тойгысы үсешенә нәтижәле ярдәм була дип ышанып әйтә алабыз. Укучылар мәдәнияте һәм менталитеты безнекеннән аерылып торган чит ил кешеләре белән аралашу тактикасына иярә. Фикер алышу барышында гидлар төркеме кунакларда ил турында гына түгел, ә кешеләр турында да яхшы тәәсир калдырсын өчен барысын да эшли, ягъни аларда үз илләренә, мәдәниятләренә, көнкүрешенә, горөф-гадәтләренә карата мөхәббәт һәм горурлык хисе аеруча ачык күренә башлый, үз-үзләрен тотышларында, аралашуларында, фикерләрендә һ. б. ниндидер аермаларны сизгәндә дә, алар моңа толерантлык белән карарга тырышалар, чөнки алар моның мәдәни төрлелек икәннән аңыйлар.

ӘДӘБИЯТ

1. Азимов Ә.Г. Словарь методических терминов: теория и практика преподавания / Ә.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – СПб.: Златоуст, 1999. – 472 с.
2. Лингвистические основы преподавания языка / отв. ред. Н.А. Баскаков. – М.: Наука, 1983. – 272 с.
3. Образование и диалог культур: традиции и современность: Всерос. науч.-практ. конф. (10 декабря 2021 г.) / отв. ред.: Н.М. Асратян, Ә.Р. Ганиев, А.Г. Мухаметшин. – Набережные Челны: Изд-во ФГБОУ ВО «НГПУ», 2021. – 336 с. Текст: электронный.

ТУГАН (ТАТАР) ТЕЛНЕ ҺӘМ ӘДӘБИЯТНЫ УКЫТУДА «МӘГЪРИФӘТ» МЕДИАПЛАТФОРМАСЫНЫҢ ЦИФРЛЫ КОНТЕНТЫН КУЛЛАНУ

Л.М. Гиниятуллина, Г.Н. Мөхәрләмова

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Цифровизация является неотъемлемой частью современного образования. Учителя родного (татарского) языка и литературы стараются сделать процесс обучения более интересным и эффективным, в том числе и посредством использования на своих традиционных уроках новых мультимедийных технологий. Сегодня наряду с достаточно широким спектром предлагаемых цифровых учебных материалов по родному (татарскому) языку и литературе в учебном и воспитательном процессах учителями, обучающимися и их родителями успешно используется медиаплатформа «Мәгърифәт».

Ключевые слова: цифровизация образования, цифровой контент, медиаплатформа, онлайн-формат, федеральные государственные образовательные стандарты, национальное образование, антология татарской детской литературы.

Digitalization is an integral part of modern education. Teachers of the native (Tatar) language and literature are trying to make the learning process more interesting and effective, including through the use of new multimedia technologies in their traditional lessons. Today, along with a fairly wide range of digital educational materials offered in native (Tatar) The media platform “Magrifat” is successfully used by teachers, schoolchildren and their parents in the educational and educational process.

Key words: digitalization of education, digital content, media platform, online format, federal state educational standards, national education, an anthology of Tatar children’s literature.

Бүген уку-укыту процессының тулылыгын һәм нәтижәлелеген тәмин итеп белем бирүне цифрлаштыру киң таралыш ала. Мәгариф өлкәсенә караган төп норматив документлар (273-ФЗ номерлы «Россия Федерациясендә мәгариф турында» Федераль закон [5], башлангыч, төп, урта белем бирүнең федераль дүләт белем бирү стандарты [6; 7; 8]) мәгариф оешмаларында мәгълүмат-белем бирү мохите булдырырга һәм уку-укыту барышында электрон белем бирү ресурсларын кулланып эшлэргә киңәш итэ. Цифрлы технологиялэр бүген укучыларга мәгълүматны һәм белемнэрне нэтижэле житкерү коралы; уку материалларын булдыру коралы; укытуның нэтижэле ысулы коралы; яна белем бирү мохите – үсешне тэмин итүче һәм технологик мохитне тэзү чарасы буларак карала [1: 4].

Бүген укытучылар, үз дэреслэрэндэ цифрлы чаралар – электрон белем бирү ресурсларын (видеодэреслэр, электрон белем бирү платформалары һ. б.) куллану нэтижэсендэ белем бирү эчтэлеген тэмин итэлэр. Туган тел һәм әдәбият дэреслэрэндэ кулланыла торган төрледән төрле медиаматериаллар, практика күрсэткәнчэ, дэресне жанландырырга ярдэм итэ, укучыларда уку предметын үзләштерүгэ кызыксыну уята, аларның танып белү һәм мөстэкыйль эшчэнлеген активлаштыра [3: 115]. Материалны мөстэкыйль өйрэнүне һәм үзләштерүне күздэ тоткан цифрлаштыру белемне читтэн торып алу мөмкинлеген бирэ [10]. Шунысын да әйтергэ кирэк, цифрлаштырылган заманда белем

бирүне проектлау юнәлешендә дидактиканың яңа төре е-дидактика (цифрлы дидактика) билгеләнде [11].

Цифрлы контент дигәндә цифрлы жайланмаларда куллану өчен махсус каналлар аша электрон рәвештә таратыла торган материаллар жыелмасын күздә тотабыз. Бүген мәктәпләр билгеле бер дәрәжәдә әлеге жайланмалар белән тәэмин ителгән. Укучылар компьютерлардан, смартфоннардан, планшетлардан һәм ноутбуклардан мөстәкыйль рәвештә файдалана беләләр. Болар барысы да белем бирү процессында катнашучыларга белем бирү контентыннан киң файдалану мөмкинлегенә бирә һәм дөньяның теләсә кайсы ноктасыннан белем бирү платформаларында белән жиңел эшләү мөмкинлеген бирә.

Биредә укыту кызыклы һәм мавыктыргыч кына түгел, ә нәтижәле дә булсын өчен, дәрәс эчтәлегенә нинди цифрлы контент өстәргә дигән сорау туа. Укытучы, барыннан да элек, укучыларның яшь үзенчәлекләрен, аларның кызыксынуларын һәм ихтияжларын исәпкә алып, цифрлы контентны укытуның максатлары һәм бурычларына туры китереп сайларга, цифрлы контентта бирелгән мәгълүматның дәрәслеген һәм актуальлеген һәм аның этика һәм закон нормаларына туры килүен тикшереп кирәклеген истә тотарга тиеш. Цифрлы контент белән эшләүнең төрле формаларын һәм ысулларын куллану (карау, тыңлау, уку, комментарийлар бирү, үз медиаконтентны булдыру һ. б.) укучыларда федераль дәүләт белем бирү стандартларында каралган бик күп мөһим универсаль уку гамәлләрен формалаштырырга мөмкинлек бирә. Барыннан да элек, мондый укыту укучыларда мөстәкыйль эшчәнлек белән бәйле универсаль уку гамәлләрен формалаштыруга ярдәм итә [2: 209]. Укытучы шулай ук укучыларның уңышларын һәм алар белән эшләгәндә килеп туган кыенлыкларны ачыклап, цифрлы контент белән эшләү барышында нәтижәләр буенча кире элемент һәм рефлексия оештырырга, шулай ук укучыларның алга таба үзлегеннән белем алу буенча кирәкле киңәшләр бирергә тиеш. Әлеге факторларны исәпкә алып эшләгәндә цифрлы контент файдага булачак, уку процессының куркынычсызлыгын һәм нәтижәлелеген тәэмин итәчәк.

Билгеле булганча, хәзерге цифрлы контентның төп төрләре булып текст, графика, анимация, видео һәм аудиоматериаллар тора. Болар барысы да укытучылар, балалар һәм аларның эти-әниләре өчен мәгълүмати ресурс – Татарстан Республикасы Г. Ибраһимов исемеңдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтында эшләнгән «Мәгърифәт» медиаплатформасында да бар.

«Мәгърифәт» медиаплатформасы – татар телен туган тел буларак һәм туган телдә (татар телендә) әдәбият укытуга, татар балалар әдәбиятына багышланган проект. Ул татар теле һәм әдәбиятыннан телекоммуникация чаралары ярдәмендә белем бирү характерындагы мәгълүмати ресурсларны тәкъдим итү, татар телен, әдәбиятын, мәдәниятен өйрәнүчеләргә, бу өлкә белән кызыксынуучыларга, шул ук вакытта мәктәптә татар телен укытучыларга, тәрбиячеләргә, мәктәпкәчә яшьтәге балаларга, мәктәп укучыларына һәм ата-аналарга мәгълүмати һәм методик ярдәм күрсәтүне күздә тотта [4].

Платформада татар теле һәм әдәбиятыннан норматив документлар, укыту-методик комплектлары, методик ярдәмлекләр, уку-укыту өчен өстәмә материаллар, балалар өчен язылган, балалар тормышы турында сөйләгән эсәрләргә туплаган татар балалар әдәбияты антологиясе һ. б. белән танышырга була.

Ресурсның аерым бер өлешен сүзлекләргә, белемләргә үз эченә алган материаллар тәшкил итә.

Шулай итеп, «Мәгърифәт» медиаплатформасы Татарстанда һәм аннан чит-тә яшәүчеләр укучылар, укучылар һәм аларның эти-әниләре өчен бик файдалы ресурс булчак.

Медиаплатформа үз эченә берничә блокны ала. Шуларның берсе – «Милли мәгариф» блогы – татар телендә укуту һәм тәрбияләү системасы, Татарстан Республикасында һәм Россиянең башка төбәкләрендә «Туган тел (татар теле)», «Туган телдә (татар телендә) әдәби уку», «Туган телдә (татар телендә) әдәбият» предметларын укутуга багышланган материаллар тупланмасы. Биредә белем бирү оешмаларында туган тел (татар теле) һәм әдәбиятын уку-укуту барышында кулланыла торган норматив документлар, үрнәк белем бирү программалары, үрнәк эш программалары, укуту-методик комплектлары, методик эсбаплар, видеодәресләр, медиаматериаллар тәкъдим ителә. Алар укучыларның үсеш баскычлары белән бәйлә, ягъни мәктәпкчә, башлангыч, төп һәм урта гомуми белем бирү этапларына бүленә.

Шәхес үсешендә мөһим факторларның берсе булып укучыларның уку грамоталылыгын формалаштыру санала. Уку грамоталылыгы – кешенең язма текстларны аңлау һәм куллану, алар турында уйлану һәм үз максатларга ирешү, белемнәрне һәм мөмкинлекләрне киңәйтү, жәмгыять тормышында катнашу өчен китап укуга сәләте ул [9: 9]. Уку грамоталылыгын формалаштыру, беренче чиратта, уку күнекмәсенә, аерым алганда, матур әдәбият укуга бәйлә.

Бүгенге көндә яшьләрдә әдәбиятка карата игътибарның нык кимүе күзәтелә. Моның сәбәпләре гомумән әдәбият предметының ижтимагый статусы шактый түбән булуында гына түгел, ә бәлки үсеп килүче буынның үз тормыш ориентирларын билгеләүдәге үзгәрешләрдә чагылыш таба. Шуңа күрә хәзерге яшьләргә классик әдәбиятның кирәге шуның кадәр генә, чөнки аның ориентирлары хәзерге тормыш кыйммәтләреннән нык аерыла. Шуңа күрә тел-әдәбият укучысы алдында авыр һәм әһәмиятле бурыч тора: укучыга әдәбият искермәчәген, югалмый торган кыйммәтләргә ия булуын аңлату. Баланы әдәби китаплар укырга кызыксындырасы гына кала. Балада уку күнекмәсе бала чактан ук балалар китапларын уку барышында формалашырга тиеш. Әлеге фактны исәпкә алып, «Мәгърифәт» медиаплатформасында «Татар балалар әдәбияты антологиясе» дигән тагын бер шактый файдалы һәм мәгълүмати блок эшләнде. Бу бүлектә балалар өчен язылган, балалар тормышы турында сөйләгән эсәрләр туплана. Моннан тыш биредә язучыларның биографияләре, әдипләрнең балалар өчен басылып чыккан китапларының исемлеге, аларның ижатына багышланган мәкаләләр тәкъдим ителә. Язучылар, шагыйрьләрнең тормышы һәм ижаты, аерым эсәрләре турында Интернет челтәрендә урнаштырылган аудио-һәм видеоматериаллар, өстәмә мәгълүматлар урын ала. Шулай ук ресурста өстәмә материаллар да бар. Биредә әдәби китапларны һәм язучылар турында материалларны онлайн-форматта уку, аларны теләсә кайсы вакытта һәм теләсә кайсы урында карау өчен йөкләп алу мөмкинлеге бирелә. Шулай ук тәкъдим ителә торган материалның системага салынган булуын, аны тиз эзләп табу мөмкинлеген дә билгеләп үтәргә кирәк.

Шулай итеп, цифрлы контентны дәрестә һәм дәрестән тыш эшчәнлектә, шул исәптән туган (татар) теле һәм әдәбияты дәресләрендә куллану укучыларның танып белү һәм ижади сәләтләрен үстерү мөмкинлеген бирә, аларның фикерләвен, күзаллауларын, хәтерен һәм игътибарын активлаштыра, укучыларның дөньяга карашын һәм культура дәрәжәсен киңәйтә, аларны төрле мәгъ-

лүмат чыганаclarы белән таныштыра, укучыларның өйрәнелә торган предметны өйрәнүгә кызыксынуын арттыра.

ӘДӘБИЯТ

1. Геворкян А.Р. Цифровые технологии обучения в учебном процессе школы // Цифровая образовательная среда: инновации и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 24–25 февраля 2022 г. – СПб.: Международные образовательные проекты, 2022. – С. 4–8. – Текст электронный. – URL: <https://xtern.ru/upload/iblock/2d3/2d3acb502feb6b56912d6d3fab8fe655.pdf> (дата обращения: 13.08.2024).

2. Мөхәрләмова Г.Н. Туган тел һәм әдәбиятны дистанцион укуы шартларында укучыларда танып белү универсаль уку гамәлләрен формалаштыру үзгәчлекләре // Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток Запад [Электронный ресурс]: материалы Междунар. науч.-практ. онлайн-конф. (Казань, 22–25 октября 2020 г.) / под ред. Ф.С. Сайфулиной. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. – С. 206–209.

3. Мухарлямова Г.Н., Гиниятуллина Л.М. Диджитализация процесса обучения родному (татарскому) языку литературе // Вестник НЦ БЖД. – Казань, 2023. – № 4 (58). – С. 113–118.

4. О проекте. – Электронный текст. – URL: <https://magrifat.antat.ru> (дата обращения: 20.08.2024).

5. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). – М., 2012. – 193 с.

6. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. – М.: Просвещение, 2021. – 57 с.

7. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. – М.: Просвещение, 2021. – 124 с.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования. – М.: Просвещение, 2021. – 60 с.

9. Формирование читательской грамотности обучающихся в условиях реализации обновленных ФГОС ООО. Учебно-методическое пособие / авт.-сост.: Н.Г. Масюкова, С.А. Мамасьян, В.А. Колесников, А.Г. Кунникова. – Ставрополь: СКИРО ПК и ПРО, 2022. – 60 с.

10. Aydarova S.H. Models of media education in teaching tatar language / S.H. Aydarova, L.M. Giniyatullina, R.K. Sagdieva, D.H. Husnutdinov, R.H. Mirzagitov, F.I. Gabidullina // Espacios. – 2017. – Т. 38. – № 60. – p. 6.

11. D'Angelo G. From Didactics to E-Didactics-Paradigms, Models and Techniques for e-Learning. – Naples: Liguori editore. – 2007. – 404 p.

УДК 82

РОК-ПОЭЗИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНСТАНТЫ В СВЕТЕ ТЕЗАУРУСНОГО ПОДХОДА

А.В. Григорьева

*Российский государственный гидрометеорологический университет
(Санкт-Петербург)*

В статье рассматривается возможность изучения феномена рок-поэзии в парадигме междисциплинарности. Тезаурусный подход в современной гуманитаристике позволяет исследовать концепты и концептосферы, которые образуют тезаурусы. Материалом для исследования стали произведения русских и татарских рок-поэтов: А. Башлачев, Я. Дягилева, Е. Летова, Г. Сукачев, Д. Вагаповой и К. Кулясова. Метод способствует масштабированию знания в междисциплинарном исследовании, открывая семантику рок-поэзии через культурные константы разных национальностей России. Эстетика рок-поэзии русских и татарских авторов характеризуется через аксиологическое ядро концепта «свой – чужой – чуждый».

Ключевые слова: тезаурусный подход, рок-поэзия, аксиологическое ядро.

The article considers the possibility of studying the phenomenon of rock poetry in the paradigm of interdisciplinarity. The thesaurus approach in modern humanities allows us to explore concepts and conceptual spheres that form thesauri. The material for the study was the works of Russian and Tatar rock poets: A. Bashlachev, Y. Diaghileva, E. Letova, G. Sukachev, D. Vagapova and K. Kulyasova. The method contributes to the scaling of knowledge in interdisciplinary research, revealing the semantics of rock poetry through the cultural constants of different nationalities of Russia. The aesthetics of rock poetry by Russian and Tatar authors is characterized through the axiological core of the concept “one’s own – someone else’s – alien”.

Key words: thesaurus approach, rock poetry, axiological core.

Вопрос изучения рок-поэзии как синтетического искусства, состоящего из вербального компонента, музыкального и, так называемого, «перфомативного» элемента, по-прежнему дискуссионен. Стоит отметить, что анализ песенной формы не нов для литературоведения, подобные работы существуют на материале произведений В.С. Высоцкого [5: 116]. Более того, появление текстов рок-произведений в печатном варианте стало переломным моментом в изучении феномена рок-поэзии, и позволило говорить о рок-поэзии как о самостоятельной жанровой форме, сочетающей в себе совокупность отличительных черт, характерных для русских рок-произведений. Акцентуация на «суверетности» специфики именно рок-произведений основывается на особенностях национального колорита становления и развития рок-поэзии. Заимствованная первоначально из западной культуры рок-поэзия постепенно трансформировалась под воздействием национальных особенностей, культуры, а, главное, под влиянием обстоятельств социально-политической и исторической этимологии [2].

Включенность в рок-поэзии в базисную литературоведческую практику позволяет использовать актуальные методы и подходы. Применительно к рок-поэзии актуальны традиционные методы: биографический, психоаналитический, формальный, структурный, культурно-исторический, сравнительный, сравнительно-исторический, социологический, метод мифопоэтического анализа, метод интертекстуального анализа, метод литературной герменевтики с особым вниманием к рецептивной эстетике. Однако особый интерес представляет использование тезаурусного подхода в исследовании русской рок-поэзии.

Примечателен тот факт, что рок-произведения являются не только фактом культуры определённого народа (скорее даже определённого круга лиц, предпочитающих жанр именно этой музыки) в определённую эпоху, рассвет которой приходится на 60-е – 90-е годы XX века, но и обладает более широким социальным спектром, который выходит далеко за пределы узко понимаемой субкультурной жизни [2].

Тезаурус – центральное понятие подхода, обладает большим количеством значений, однако за основу будет принято то, что частотно употребляется в информатике, а именно, полный синтезированный набор данных о какой-либо области знания, позволяющий человеку и вычислительной машине в ней ориентироваться. Безусловно, культура в широком смысле этого слова не может быть осознана в полном объёме, тезаурус представляется в данном случае как систематизированный свод представлений о той части культуры, которая может быть освоена субъектом и образно воплощена на основе субъективной картины мира [7: 308]. Тезаурусность – обращение исключительно к материалу, кото-

рый важен для человека (темы, идеи, проблемы, конфликты). Свойственная рок-поэзии символичность становится отражением только части информации, которая благодаря системе символов имеет свойство дополняться в сознании реципиента. Интерпретация рок-произведения обусловлена многоликостью символа. Литература в принципе – это целый ряд письменных текстов, имеющих эстетическую ценность, которые могут быть частью искусства, с точки зрения отражения в них конкретно-чувственного, образного способа освоения мира [5: 15]. Именно эта черта рок-произведений позволяет рассматривать их с точки зрения тезаурусного подхода.

Важным для тезаурусного подхода является понятие «суггестивность» – способность воздействовать не только на сознание реципиента, но и на его подсознание. Именно эта особенность прослеживается в ряде текстов рок-поэтов. Применительно к тезаурусному подходу в исследовании рок-поэзии стоит отметить условность – замещение действительности системой признанных художественных соответствий (иносказание). Для русской рок-поэзии характерна и иммортальность – стремление к длительному сохранению произведения. Рок-поэзию, как часть литературы, можно назвать медиатором, связующим звеном между автором и реципиентом, благодаря словесной форме, способом освоения действительности. Это свойство литературы передается и многим синтетическим жанрам и видам искусства: театр, опера, песня. В качестве специфической черты рок-поэзии становится способность передавать умственную деятельность человека в призме национального, социального, исторического воззрения и мышления. Примером может служить творчество А. Башлачева, Я. Дягилевой, Е. Летова, Д. Вагаповой и многих других. Реализация функции сохранения аутентичности связана с концептами на уровне слова, собственно-авторские концептами, а также оперирование идеями через высказывания, художественными средствами, позволяющим переносить информацию за счет метафор, эпитетов, сравнений, используемых в текстах рок-произведений.

Всякое художественное мышление жанрово. Жанр – наиболее общее средство реализации принципа условности в искусстве, более того, диалогичность автора с читателем вне времени рождает интертекстуальность. Вопрос жанра по-прежнему актуален для русской рок-поэзии, поэтому рассмотрение феномена с точки зрения тезаурусного подхода позволяет приблизиться к научному обоснованию принадлежности рок-поэзии к тому или иному жанру, или же выделить ее в свой собственный жанр.

В пределах изучения рок-поэзии сосредоточено значительное число культурных констант, выступающих ориентиром в диалоге культур. Важно помнить о том, что рок-культура носит диалогичный характер, и зачастую, несмотря на значительный корпус исследований, воспринимается «низкой культурой» в противовес «высокой культуре», нашедшей, в частности, свое отражение в литературе «элитарной». Интересной мыслью представляется включенность компонентов рок-произведений в культурный контекст эпохи, а также в многообразии форм художественной и научной деятельности: рок-произведения используются в современном кинематографе, интерпретируются, личности рок-поэтов привлекают внимание широкой аудитории, их жизни экранизируются, музыкальный компонент включается в ряд театральных постановок. Можно с уверенностью говорить, что рок-поэзия укрепилась как одна из констант многонациональной культуры России, среди носителей которой разные,

порой слабо сочетающиеся культурные коды. По аналогии с понятием «концептосфера», разработанным Д.С. Лихачевым в рамках когнитивной лингвистики, широкая палитра тематизмов рок-поэзии отражает совокупность концептов нации, включающих их потенции, расширяя семантическую сферу. В «концептосфере» реализуется культурное достояние народа [4: 5].

Ценностные приоритеты носителя знания, в данном случае рок-поэта, играют особую роль при тезаурусном анализе. Концепт, то есть аксиологическое ядро, притягивает схожие смыслы, и отталкивает иные, что формирует смысловое гнездо. «Взаимопритяжение» и «взаимоотталкивание» связи знаний в тезаурусе ложится в основу смысловых гнезд. Ценностное отношение распределяет знание в соответствии с иерархическим признаком, в основе которого лежит дихотомическое различие «своего» и «чужого». Концентричность вокруг субъекта показывает степень приближенности к нему. Более того, границы ценностного и «антиценностного» маркируются как «чуждое» и проявляется в форме критики через иронию и обличение. Тройственный союз «свой – чужой – чуждый» формируется постепенно по мере социализации и формирования социальной идентичности субъекта познания. Именно эта мысль и дает возможность посмотреть на рок-поэзию во всем ее многообразии под углом тезаурусного подхода. Понятие «свой» в рок-поэзии второй половины XX века вплоть до начала XXI основывается на обусловленности тематики произведений социальным контекстом возникновения данного феномена. «Своим» на обобщенно-тематическом уровне становится социальная несправедливость, несвобода, ограничения и тотальное давление на широкие общественные массы, протестный характер мировоззрения поколений. Бунтарский дух и несогласие выливается в экзистенциальные размышления в текстах произведений рок-авторов, становится ключевой идеей представителей рок-поэзии.

Минорность и обреченность на фоне несогласия становится частым лейтмотивом произведений: Егор Летов «Так закалялась сталь» («Историю вершили закаленным клинком, / Историю крушили закаленным клинком, / Историю кололи закаленным штыком, / Виновную историю пустили в расход!») [8: 65]. Острый социальный контекст подчеркивает включенность рок-поэтов в русскую литературу на уровне гражданской лирики, продолжая традицию обличения власти и несправедливости. Данная сверхидея находит продолжение в рок-тексте И. Сукачева: «Лишь только упадет на город нежный / Судьбой окрашенный вечерний небосклон, / Я выхожу из дома и с надеждой / Иду туда, где тысячи ворон / Кружат под мрачным небом т полями, / Когда-то хлеб дававшим, и где/ стоят столбы погостными крестами, / предупреждая о моей судьбе. / Я там сажусь на грязный снег и замираю. / Сажу и слушаю до полного темна. / И снова внемлю, как под снегом умирает/ Великая Несчастливая Страна» [9: 95].

В тексте произведения Дмитрия Ревякина «Сибирский марш» актуализируется мысль тотального краха в масштабах страны («Наша мать – Сибирь, а Урал нам отец / Здесь зубами скрипят, когда мёдом льёт льстец, / Дёсны кровоточат, в пыль истерлись клыки / Гнев лишает сна затхлых берлог / Мы точим штыки / Нам пресытило тлеть, затрещали горбы / Мы готовы гореть, скулы сводит: / «В дыбы!») / В ваших силах умелой рукой пламя сбить / Но когда умрут наши костры, вас станет знобить / Породнил нас январь, ритуал был не нов / Слышишь, брат, мы простились, чтоб свидеться вновь / Мы пытаемся

встать, не мешайте нам встать / Высосали из нас столько лет / Пришло время – отдать» [5: 155]. Подобное ощущение предначертанности и неизбежности часто встречается в текстах рок-авторов, создавая концепт борьбы.

Концепт общности, совместного преодоления, начало нового пути, перерождения характерен для более поздней плеяды рок-поэтов, выраженный через местоимение «мы» зачастую маркирует общность воззрения. Текст произведения рок-поэтессы родом из Казани Диляры Вагаповой «Нулевой километр» иллюстрирует стремление лирического рок-героя быть причастным к новому, иному, рождает мотив надежды на будущее, выстроенное по новым правилам: «Этой мой нулевой километр! / Начинаю отсчет от Казани... / Мы построим Китайскую стену здесь! / Камень за камнем, камень за камнем» [10]. Несмотря на нигилизм, рок-авторы все же стремятся к энтропии, стремясь найти альтернативные пространства, утопические и метафорические, но созидательные. «Анимация» – известный рок-коллектив из Татарстана, в свою очередь становится продолжателем идеи обличения «системы» принуждения, симулятивных ценностей. В тексте произведения «Родина», автором которого является К. Кулясов, взгляд лирического героя критический, объективный: «Я люблю свою Родину! Вроде бы / Я полжизни рабом на заводе был / И штаны носил прямо на скелет / А теперь меня это не торкает» [11]. Ироническая экспрессия вписывает текст произведения «Спички» в социальный контекст и ощущение общности: «Наверно, это правда, что в начале было слово / Но есть ли разница, когда в нем толку никакого? / Я повторяю тебе снова и снова / «Только не делай ничего плохого! // Хей, возьми мою мокрые спички / Мою холодную воду / Мои дурные привычки / Большую свободу» [11]. Диалогичная форма акцентирует включенность лирического героя в концепт единения.

«Чужим» изначально было творчество западных рок-авторов, однако попав на русскую почву был запущен традиционный процесс культурной ассимиляции, оттолкнувшись от попыток культурно-лингвистической адаптации, сохранив общий надрывный посыл рок-музыки, русская рок-культура развивалась по собственным правилам и канонам, где доминирующим элементом синтетического искусства выступил вербальный компонент. Произведения социально-критического и эмоционально-моралистического содержания таких исполнителей как Боб Дилан, Джим Моррисон с середины 60-х годов проходят генерацию с русскими рок-поэтами, рождая синтез заимствованных музыкальных и поэтических форм с существующей национальной традицией. Происходит процесс коллаборации понятий «свой» и «чужой». Рок-музыка, наполняемая идеями свободы от регламентирующего давления, оказывается вписана в социальный контекст.

«Чуждым» в контексте рок-поэзии становится все то, что противоречит устоявшемуся мировосприятию рок-авторов, а именно смирение, отказ от борьбы, принятие навязанных моделей. Рок-поэзия носит острую побудительную, вовлекающую интенцию. Культурные константы рок-поэзии определяют мировидение рок-поэтов, однако вовсе не исчерпываются исключительно причастностью к субкультуре, эстетика рок-поэзии основывается на противопоставленности «чуждого» и «своего», абстрагируясь от индивидуально-авторских особенностей. Абстрактный реципиент рок-поэзии – это единомышленник, соратник, соответственно, любая позиция, противопоставленная позиции лирического рок-героя, будет воспринята «чуждой», неприемлемой. Язык маркирован резкой, броской анормативностью, зачастую подчеркивается

банальность формы, отвергнутой «высокой» литературой, что вполне может быть обусловлено страхом оказаться на одной линии с мейнстримом, «массовой» культурой поп-музыки.

Формула тезаурусного подхода «свой – чужой – чуждый» ярко иллюстрируется через местоименный ряд «мы – вы – они»: Я. Дягилева «Мы по колёно» («Мы под прицелом тысяч ваших фраз, / А вы за стенкой, рухнувшей на нас... / Они на куче рук, сердец и глаз, / А я по горло в них, и в вас, и в нас...»). Привязка к конкретной лексеме условно, то есть концепты «свой» и «чуждый» могут мыть выражены через контекстуальную бинарную оппозицию «мы» / «вы»: А. Башлачев «Некому березу заломати» («Через пень колоду сдавали / Да окно решеткой крестили. / Вы для нас подковы ковали / Мы большую цену платили») [8: 295].

Пространство контркультуры формирует идейные константы возврата к естеству, свободы от регламентации, малоцентризм в противовес общепринятому логоцентризму. Антипатичные по своей сути константы одиночества и единения особым образом создают подтекст «коллективного» эскапизма.

Таким образом, тезаурусный подход позволяет выстроить систему концептуальной триады «свой – чужой – чуждый», что, во многом, детерминирует жанровую принадлежность рок-поэзии, которая не определена до сих пор. Наряду с традиционными методами анализа литературных произведений, тезаурусный подход, при более детализированной его актуализации, позволит подойти вплотную в жанровой дефиниции рок-поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайдин Б.Н. Вечные образы в системе констант культуры // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 2. – С. 224–230.
2. Доманский Ю.В. Русская рок поэзия: текст и контекст. – М.: Intrada – Изд-во Кулагиной, 2010.
3. Ильинский И.М. Прошлое в Настоящем: Избранное. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 2011. – 840 с.
4. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 1993. – № 1. – С. 3–9.
5. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания: науч. монография. – М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. – 784 с.; Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира: науч. монография. – М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2013. – 640 с.
6. Луков Вл.А. История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 5-е изд., стер. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 512 с.
7. Луков Вл. А. Концепция тезаурусных сфер // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 1. – С. 307–326.
8. Поэты русского рока: Е. Летов, Д. Ревякин, Я. Дягилева, К. Рябинов, В. Кузьмин, Н. Кунцевич. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 528 с.
9. Поэты русского рока: И. Сукачев, С. Шнуров, В. Степанцов, А. Иванов, Д. Спирин, А. Лаэртский, А. Никонов, «Бригадный подряд». – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 656с.
10. Савельева В.В. Художественный текст и художественный мир. – Алматы: ТОО «Дайк-Пресс», 1996. – 192 с.
11. Электронный ресурс. – URL: <https://genius.com/Animaciya-matches-lyrics> (дата обращения: 20.08.2024).
12. Электронный ресурс. – URL: <https://pesni.guru/text/диляра-вагапова-нулевой-километр?ysclid=m0wstp7bdz237150098> (дата обращения: 20.08.2024).

XX ГАСЫР БАШЫ ПУБЛИЦИСТИКАСЫНДА ТАТАР ТЕЛЕ ПРОБЛЕМАСЫ

Т.Ш. Гыйлазев

Казан федераль университеты (Казан)

В татарской публицистике начала XX века проблема татарского языка является актуальной темой. Она затрагивается в работах таких ведущих публицистов, как Г. Исхаки, Г. Ибрагимов, Дж. Валиди, Ф. Амирхан и др. Статья посвящена анализу их публицистических работ в культурно-историческом контексте начала XX века. В ней рассматривается статус татарского языка, вопросы его функционирования и развития.

Ключевые слова: татарский язык, статус языка, функционирование языка, Гаяз Исхаки, Галимджан Ибрагимов, Джамал Валиди, возрождение.

In Tatar journalism of the early 20th century, the problem of the Tatar language is a topical issue. It is touched upon in the works of such leading publicists as G. Iskhaki, G. Ibragimov, J. Walidi, F. Amirkhan and others. The article is devoted to the analysis of their journalistic works in the cultural and historical context of the early 20th century. It examines the status of the Tatar language, issues of its functioning and development.

Key words: Tatar language, status of the language, functioning of the language, Gayaz Iskhaki, Galimdzhan Ibragimov, Jamal Walidi, revival.

XX гасыр башында ижатның бер төре булган публицистика, синкретик әдәбияттан аерылып, мөстәкыйль үсеш сукмагына чыга һәм тиз арада ижтимагый-рухи яңарыш кичергән татар тормышының актуаль проблемаларын күтәрә башлый. Гасырларга сузылган көрәш нәтижәсендә барлыкка килгән татар вакытлы матбугаты бу процессны тагын да нәтижәле итә. Татар мәдәниятенә һәр өлкәсендә актив катнашкан Ф. Әмирхан, Г. Исхакый, Г. Ибраһимов, Г. Камал һәм башкалар принципаль һәм үткен публицистлар булып танылалар. Аларның язмаларында, милли чынбарлыкның мөһим проблемалары белән беррәттән, тел, төрки телләр, татар теле һәм әдәбияты мәсьәләләре дә яктыртыла. Бер төркем галимнәр хезмәтләрендә ул филологик аспектта өйрәнелсә, публицистикада исә тел ижтимагый-тарихи күренеш буларак тикшерелә.

Билгеле булганча, 1910 еллар татар матбугатында төрки телләрнең, шул исәптән татар теленең дә үзбилгеләнү хокукы мәсьәләсе тирәсендә бәхәсләр тагын да көчәеп китә һәм төрле карашлар барлыкка килә. Фикер алышуда әдәбиятчы, тарихчы галимнәр дә, филологлар да, фәлсәфәчеләр дә, публицистлар да катнаша. Бу уңайдан Г. Ибраһимов матбугат битләрендә күпсанлы мәкаләләр белән чыгыш ясый. Бәхәстә телнең үзбилгеләнү хокукы, һәр төрки телнең, шул исәптән татар теленең дә табигый юл белән мөстәкыйль үсеше мәсьәләсе үзәктә тора.

Г. Ибраһимовның «Телләре башка булса да, күнелләре бер (Матбугатта казакъ яшьләре тарафыннан кузгатылган тел мәсьәләсе мөнәсәбәте белән)» (1916) аналитик язмасы дөнья күрә. Мәкалә авторы болай дип яза: «Дөнъяның төрле жиренә таркалып, төрле хөкүмәтләр астына кереп, төрле хәят белән бер-берсеннән ерак яшәргә мәжбүр булган менә шул халыкларны бер тел, бер әдәбият астына жыярга, яки һәр жирнең үзенә бер бер әдәбияты булу

мәжбүриятен икърар итэргәме дигән бер мәсьәлә күп еллардан бирле мөзакәрә кылына» [3: 114]. Бу актуаль проблемага мөнәсәбәттә ике төрле агым барлыкка килә: 1) төрки халыкларны берләштереп, төрек теле исемендә «гомуми вә әдәби бер лисан» тудыру. Бу агым башында Исмәгыйль бәк Гаспралы тора; 2) «“төрөк” дигән киң исем астына кергән халыкның» табигый үсеше нигезендә, үз телен һәм әдәбиятын булдыру. Галим мәсьәләне ижтимагый, географик, икътисади, сәяси, рухи шартлар һәм һәр халыкның тарихи үсеше белән тыгыз бәйләнештә карый. «Монда иң элек шуны хәтергә алыяк. һичбер халыкның авызына һичбер вакытта, аның табигый теләген тартып алып, үзең теләгән яңа бер тел куяр хәл юк. Әдәби тел һичбер вакыт ясалмый. Ул халыкның үз рухындагы мәгънәне нинди тел белән әйтергә теләвеннән килеп чыга» [3: 117].

Мәкаләдә ул казакъ әдәбияты һәм теле тирәсендә булган бәхәскә дә туктала. «Галия» мәдрәсәсендәгә шәкертләр арасындагысы Н. Исәнбәт истәлекләрендә теркәлеп калган. Бу истәлекне фәнни әйләнешкә М. Хәбетдинова, А. Машаковалар Н. Исәнбәттән түбәндәгә фактны китерәләр: «Бер заман Өфедә “Галия” мәдрәсәсендә әдәбият түгәрәге алып барган Шәехзадә Бабич татарча “Парлак” журналы чыгара. Казакъ шәкертләре дә калышмый, алар казакъча «Садак» журналы чыгаралар. Бер-ике татар шәкертенең моңа эчә поша: “Галия” татар мәдрәсәсе, монда нигә казакъча чыгарыла?» дип, тавыш күтәрәләр. Милли мәсьәлә куба. Шунда тел-әдәбият укытучысы Галимжан Ибраһимов шәкертләргә зур залга жыя. Казакъ әдәби хәрәкәтенең хокукын яклап, ул житди доклад ясый. Бу докладында ул акын Кунанбаевлары, Сейфуллин, Дулатовлары кебек язучылары, үз телендә уку китаплары, газета-журналлары булган казакъ әдәбиятының инде тормыш факты булуын, аны күрмәмешкә салышу яки төрки халыкларны бер генә тел астына тупларга хыялланы ахмаклык икәннен исбат итә. Шәкертләр Г. Ибраһимов фикеренә кушылып, казакъ кардәшләрен тәбрик итәләр. (1913)» [6: 41].

Г. Ибраһимов казакъ халкын «татар теле вә әдәбияты» астына кергү фикерен яклаган аерым милләт зыялыларын бу мәсьәләдә ялгыш адымнардан, берьяклы гамәлләрдән сакланырга чакыра. «Бөтен казакъ зыялысын татарлаштырыңыз, аларны татарча язарга күндерез, бу, бәлки, мөмкин дә булыр. Ләкин бу хәл озакка бара алмас; бундый ясалмалылык вакытлыча яши алып, әмма ахырдан барып, хәят үзенекен кылып, ясалган буа жимерелер, су үзенә табигый агымына төшәр» [3: 118–119]. Бу караш бүгенге вазгыятьтә тагын да актуальрәк яңгырый.

Г. Ибраһимов мәсьәләне мәдәни-тарихи жирлектә, табигый үсештә карап, Анатулыда «госманлы», Кавказда – «азәрбайҗан», Төркестанда – «чыгтай», Татарстанда «татар телләре» майдан алды дигән нәтижә ясый. Мәкалә авторы татар теленең формалашуын мәгърифәтче, киңкырлы галим Каюм Насыри эшчәнлегә, тарихчы Ш. Мәржани карашлары белән бәйләп карый. «Килеп чыга Каюм Насыри. Ул «татар теле» дигән яңа бер сүз чыгара. Шулар яңа телне рәсми рәвештә майданга куеп, аның имлясын, сарыф вә нәхүен яза. Башка эсәрләре белән моңа хөрмәтле бер урын бирергә тырыша. Мәржани чыгып «татар» сүзеннән качуның ахмаклык икәннен исбат кыла. Чыга «Хисаметдин менла»лар вә башкалар. Шулар тарихи зәминдә бер әдәбият туа» [3: 116]. Г. Ибраһимов казанлы, мишәр, башкорт, алатыр, касыйм, нугай, төмән, типтәр диалектларында сөйләшкән кабиләләргә татар әдәби телендә иҗат итүен күздә тотта. Мөстәкыйль үсеш юлына чыккан әдәбиятларны ул, культура-тарих мәктәбенең символикасына мөрәҗәгать итеп, «төрөк агычыннан аерылган бо-

таклар...» дип атый. Кайчандыр бер хяят, бер язмыш, бер куэт астында булган халыкларның «бер тамырдан чыккан биш-алты агач икәнән дәлилли һәм төрки халыкларны таркалудан кисәтә: «Бу халыкларның телләре, әдәбиятлары башка булса да, күнелләре бер булачак. Бер тамырдан таралып, биш агач рәвешендә үскән ул әдәбиятлар, жирле туфракка жирле һава белән сугарылсалар да, югары менгән саен, алар тагы бер-беренә якыная баралар» [3: 120].

Н. Исәнбәт татар һәм казакъ телләрендәге кулъязма әдәби журналлар тирәсендә туган конфликтлы ситуацияне чишүдә Г. Ибраһимовның уңай ролен күрсәтеп, галимнең «Аң» журналының 1916 елгы 5 санында басылган «Телләре башка булса да, күнелләре бер» мәкаләсенә уңай бәя бирә: «Аның бу мәкаләсе аерым игътибарга лаек. Г. Ибраһимов анда ул чордагы төрки телләрдәге әдәбиятның биш тармаклы бер агач булып үсүен әйтә. Алар: госманлы, азәрбәйжан, татар, үзбәк, казакъ әдәбиятлары. Аларның бер-берсенә йогынтысы хакында сүз булырга мөмкин, ләкин алар һәрберсе берәр мөстәкыйль әдәбият, ди. Бу мәкаләдә безнең өчен хәзер бигрәк тә әһәмиятлесе шул әйбер: Г. Ибраһимов, казакъ тел-әдәбиятын яклап кына калмый, бәлки ул әдәбиятның үзенчә гүзәллегенә игътибар итә һәм аңа югары бәя биреп, безне аларның шундый уңышлы якларыннан өйрәнергә чакыра. Бу, әлбәттә, заманына күрә революцион дип әйтерлек һәм яңа сүз» [6: 41].

Татар теле, аның милләт яшәешендәге урыны, аның вазифасы проблемасы Ж. Вәлиди хезмәтләрендә ижтимагый-тарихи, функциональ аспектта тикшерелә. Гыйльми трактат шәкелендәге «Милләт вә миллият» (1914) хезмәтендә, «Татар әдәбиятының барышы» (1912) монографиясендәге «Тел», «Тел вә әдәбиятның жәмгыяте бәшәриядәге мәүкыйгы (урыны)», «Шигырь вә шагыйрьләремез», «Акмулла» бүлекләрендә һәм публицистик мәкаләләрендә бу житди проблемага аеруча әһәмият бирелә һәм алар фәнни нигезгә салынып шәрехләнә. Ж. Вәлиди «Милләт вә миллият» хезмәтендә «тел, дин, кан, ганганә (традиция) һәм ватан берлеген» мәнфәгатъләре, ихтыяжлары белән аерылып торган инсаннарны бер милләт хәлендә оештырып торучы жепләр, баулар төсендә карый» [1: 45]. Алар арасыннан телне милләтләрне бер-берсеннән аерып торучы төп нигез буларак беренче урынга куя.

Аерым төрки телләренң үсеш-үгәреше мәсьәләсенә мөнәсәбәттә үзгә карашлары булса да, төреклек һәм татарлык агымнары көрәшенә күренекле галим Ж. Вәлиди Г. Ибраһимов белән бер фикердә тора. «Кавем вә кабиләме арасында (Гайнән)» (1912) мәкаләсендә ул болай ди: «Үткән ел “Шура” журналының тышында бер “Татар угылы” белән “Төрөк угылы” бу тугрыда байтак эрләштеләр вә үзләреннән бернәрсә чыгара алмасалар да, рәхмәт, бу тугрыда эсаслы вә бик көтелә торган бер мәкаләнең язылуына сәбәп булдылар. Яшь язучыларымыздан Галимжан әфәнде бер-берсенә аңламыйча сугышып ята торган ике кешене аерган кебек – боларның дөгъвасыны фасыл кылып бирде» [1: 196]. Иң беренче нәүбәттә, бу ике галимне проблеманы аңлау һәм бәяләү принциплары берләштерә. Алар икесе дә телне, шул исәптән татар телен дә милли тәңгәллекне билгеләүче төп нигезләренң берсе дип карыйлар. Икесе дә проблеманы культура-тарих мәктәбе кануннары ноктасыннан тикшерәләр. Аларның фәнни концепцияләре үзәгендә матур әдәбият белән бергә телне дә ижтимагый-тарихи процесс белән бәйләнештә өйрәнү идеясе ята. Мәдәни күренешне мохит (тирәлек) һәм заман (вакыт) белән сәбәпле бәйләнештә карыйлар [2: 206–207]: «...телләр дә башка табигый нәрсәләр кеби, тәкямеле кануниягә (законнарның камилләшүе) ияреп тәрәккый иткәннәр. Инсанның тормышы вә

хиссияте бик түбән вә бәсыйт (гади) булган заманнарда, аның теле дә шулай ук бәсыйт вә бик түбән дәрәжәдә булган. Буның шулай булачагы билгеле. Без бу көндә дә милләтләрене аларның әхвале ижтимагыяләре, мәдәниятләре вә хиссиятләре мөнәсиб (туры килү) күрәбез» [1: 102].

Күренекле прозаик, драматург һәм сәясәтче Гаяз Исхакыйның татар публицистикасы тарихында үз урыны бар. Исхакый, милли мәдәниятнең төрле тармакларының иң алгы рәтләрендә булып, XX гасыр башында татар халкының рухи һәм мәдәни күтәрелешенә зур көч куя.

1910 елларда татар әдәби-тәнкыйди, ижтимагый, фәлсәфи фикерендә театр сәнгате, милли музыка, милли мәгариф проблемалары төрле яссылыкта тикшерелә башлый. Милли драматургия төрендә нәтижәле иҗаты белән сәхнә сәнгатенең күтәрелешендә зур роль уйнаган Г. Исхакый театр тәнкыйтен формалаштыруга һәм үстерүгә дә көч куя. Сәхнә сәнгатенең, милли мәгарифнең актуаль проблемалары белән тыгыз бәйләнештә публицист татар теле, аның чисталыгы, яшәеше мәсьәләләренә дә кагылып уза. Г. Исхакый аларга, ижтимагый-милли яссылыктан килеп, татар халкының алгарышын, мәдәни күтәрелешен тәэмин итүче, милләтне юкка чыгудан саклап калучы чара буларак карый. Г. Ибраһимов, Ж. Вәлиди мәкаләләрендә тел, татар теле проблемасы гомумтеоретик планда шәрехләнсә, Г. Исхакыйда аның гамәли ягы тикшерелә.

Тел, татар теле проблемасына Г. Исхакый матбугатта басылган тәүге мәкаләләренең берсе – «[Тел]» дигән язмасында мөнәсәбәт белдерә. Ул 1905 елда «Нур» газетасында дөнья күргән. «Нур»ның 4 нче номерында «Мәкәржәдә» мәкаләсендә тел мәсьәләсе өстән-өстән генә булса да мәйданга куелмыштыр. Бу проблема бүгенге көндә, минемчә, бик зур һәм кирәкле эштер. Халкымызның киләчегенең ничек булачагына мәсьәләнең алай вә болай хөкем ителүенең күп катышы булачактыр» [4: 15]. Г. Исхакый төрек, рус язучыларының бу юлда ясаган ачы тәҗрибәләреннән мисаллар китерә дә әдәби телне «Истанбул талчугыннан эзләмәенчә, Казан татарларынан, Алтавыл мишәрләреннән, Уфа башкортларынан, Оренбург кыргызларынан» эзләргә чакыра. Татар теленең, әдәбиятының халыкка файдалылык, милләткә хезмәт ноктасыннан якын килеп болай дип яза. «Шуның өчен мин әдәби телне үз телемез, димен, үземез сөйли торган телдә язарга тиеш димен һәм язамын. Минем мәсләгемдә язылган китаплар һәрвакыт халык арасында күп таралып, күп укылачак вә халыкка күп файда китерәчәктер» [4: 17].

«Мөгаллим вә мөгаллимәләремезнең бу көнге вазифалары нәрсә?» (1914) исемле мәкаләсе 1913 елның 23 декабреннән 1914 елның 4 гыйнварына кадәр Петербургта укытучыларның Беренче Бөтенроссия съезды узу уңае белән язылган. Анда Гайсә Еникеев мөселман мәктәпләрендә һәм мәдрәсәләрендә белем-тәрбия эшләренең торышы турындагы чыгышы белән катнаша. Мәкаләдә мәктәпләрдә һәм мәдрәсәләрдә уку-укыту программаларын, белем бирү юлларын һәм методларын яңарту проблемасы куела.

Аңлы, укымышлы татар эзерләүгә укыту теле, андагы тәрбия, җырлар, көйләр – һәммәсе шуңарга хезмәт итәргә тиеш дигән карашта тора Г. Исхакый. Шушы тезиска нисбәтле белем бирү йортларында укыту теле – татар теле булырга тиеш дигән проблема күтәрелә: «Русиянең төрле тарафына таралган халкымыз төрле шивәдә сөйләшәләр, Нижгород, Пенза мишәрләре хәтта сөйләшә генә түгел, әллә ни татарчага охшаганрак иттереп акырышалар гына. Мәктәп, кайда булса да, шул төрле төстә сөйли толрган таркау халыкны бер телдә, бер шивәдә сөйләшәргә өйрәтәргә тиештер. Шуның өчен мөгаллимә, мөгаллим,

үзе кем булса булсын, сыйныфта мотлак әдәби телемез – Казан шивәсендә сөйләргә вә Казан шивәсендә укытырга тиеш.<...> Мәктәп балаларга әдәби телне өйрәтә алмаса, димәк, ул үзенен иң зур бурычыны үти алмаган була» [4: 232].

Авторның татар телен саклау, гаиләдә балага туган телне өйрәтү проблемасына да карашы кызыклы. Аның карашынча, ир-атлар күп вакыт юлда булганлыктан, аларның теле, хезмәт урыны һәм аралашу даирәсенә карап, төрле диалекталь, алынма сүзләргә ия. Гаяз Исхакый фикеренчә, «хатыннар өйдә торганга, хатыннар искедән килә торган әбиләрнең хикәяләренең колактан-колакка ишетеп килгәнә, алар иске байлыкны саф көенчә саклый алалар, саклайлар» [4: 233]. Димәк, гаилә жылысын һәм учагын, милли традицияләренә саклаучы хатын-кызларга балаларны тәрбияләү, аларга бай матур татар телен өйрәтү вазифасы йөкләнә.

Татар теле сафлыгы проблемасы Г. Исхакыйның мәктәпләр-мәрәсәләр, рухани идарә, имам-мөәзиннәр хәле, әдәбият, матбугат, музыка, театр мәсьәләләрен тагын да әтрафлырак яктырткан «Кизүдәгә мәсьәләләремез» (1915) макаләсендә күтәрелә. Автор мишәр диалектының телгә начар тәэсир итүен янә бер тапкыр кабатлый: «Шул көйләр, жырлар берлә бергә акрын гына тел кителә башлаган. Аның китекләре, сыныклары урынына рус сүзләре кергән, аларның тәләффызлары (әйтелешләре), әйтелүләре татар авызына килеп йитмәгәнә... татар теленен үзенә масус булган көен, аһәнкесен бозган» [5: 74–75].

Аерым хезмәтләрдә милләт буларак сакланып калу юллары, күпмәдәниятле Россиядә татар теленен хокукы, башка телләр белән тигезлеге проблемасы дүләтнең ижтимагый-сәяси, хокукый контекстында карала. Алар бүгенге көндә бик актуаль яңгырый. «Рус кануны, рус хөкеме астында гына түгел, бәлки аның өстенә рус мәдәнияте, рус икътисады, рус әдәбияты хөкеме астындамыз» [1: 73], – дип яза Ж. Вәлиди. Руслыкның ике хакимияте астында гомер кичергән татар халкына милли тәңгәллекне саклап калу өчен, «бер генә юл кала». «Мәмләкәт кануны мөсагадә (мөмкинлек биргән) иткән кадәр милли, ижтимагый вә гомрани (мәдәният, культура) хәрәкәтләр, тәшәббесләргә (эшкә керешү, инициатива) башлап, үз-үземезгә эшләү, үз-үземезгә тәрәккый иттерү» [1: 74–75]. Күренә ки, макалә авторы милләт буларак сакланып калуның үзбездән, бу юлда файдалы гамәлләребездән, милләтнең һәр әгъзасыннан торучы ассызыкый.

Ә Г. Исхакыйның «[Халык театры съездында мөхтәрәм Гаяз әфәнде тарафыннан бирелгән доклад]ы «Сүз» газетасының 1916 елгы 14 гыйнвар (10 нчы) санында басылган. Мәгълүм булганча, Мәскәү шәһәрәндә 1915 елның 27 декабрәнән алып 1916 елның 5 гыйнварына кадәр халык театрларының съезды була. Анда рус халкы театры хезмәтчәннәрәнән тыш, башка милләтләрнең дә театр хезмәтчәннәре (театр эшлекләләре, милли татарның оештыруга көч куйган зыялылар), жәмгысә 400 гә якын вәкил чакырылган. Докладта татар театрының авыр һәм катлаулы тарихы бәян ителә. Йомгакта татар театрының бер мәдәни милләт театры дәрәжәсенә житүенен «бөтен Русиядәгә хокукый үзгәрешләргә баглы» булуын әйтелә. Г. Исхакый мөнбәрдән, мөһим сәяси, ижтимагый хокуклар белән беррәттән, «татар теленә Русиядәгә бөтен телләр берлә бер хак биреләп, татар теленен бөтен кысынкылыклардан хөр ителүен» бик кыю рәвештә таләп итеп чыга [5: 122].

Димәк, XX гасыр башы ижтимагый-социаль публицистикасында бүген дә актуальлеген югалтмаган милли тел, аның үзбилгеләнү хокукы, үсеше, статусы, татар теленен сафлыгы кебек проблемалары күтәрелә. Алар милли

мәдәният, мәгариф, матбугат, тарих, дин проблемалары белән тыгыз бәйләнештә Россия иҗтимагый-сәясәти контекстында яктыртыла.

ӘДӘБИЯТ

1. Вәлиди Жамал: әдәби һәм тарихи-документаль жьентык / төз.: Диләрә Абдуллина, Жәүдәт Миңнуллин. – Казан: Жыен, 2010. – 624 б.
2. Гилазов Т.Ш. Вклад Джамала Валиди в историю литературной мысли у татар // Филология и культура. Philology and Culture. – 2015. – № 4 (42). – С. 206–210.
3. Ибраһимов Г.Г. Телләре башка булса да, күнелләре бер // Галимжан Ибраһимов. Әсәрләр. Академик басма. 15 томда. 7 т.: Әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр (1915–1916). – Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. – Б. 114–120.
4. Исхакый Г. Әсәрләр: унбиш томда. 6 т.: Публицистика һәм әдәби тәнкыйть мәкаләләре (1902–1914). – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 447 б.
5. Исхакый Г. Әсәрләр: унбиш томда. 7 т.: Публицистика (1915–1916). – Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. – 336 б.
6. Машакова А.К, Хәбәтдинова М.М. Татар мәдәниятендә Мәгъжан Жомабәев ижаты реңепциясе // Татарика. TATARICA. – 2015. – № 2 (15). – Б. 28–47.

УДК 81-26

СИНОНИМЫ В ПОЖЕЛАНИЯХ ТАТАРСКОГО РЕЧЕВОГО АКТА

Э.Н. Денмухаметова

Казанский федеральный университет (Казань)

В работе изучаются лексические единицы, составляющие синонимичные пары в пожеланиях татарской речи. В рамках прагматического подхода в изучении таких лексических единиц рассматриваются как лингвистические, так и экстралингвистические параметры речевых действий, анализируемых как инструмент социального воздействия на собеседника. Пожелание в татарском языке помимо клишированных формул, позволяет создавать индивидуализированные речевые акты, с применением различных средств выразительности. Таким образом появляются разные варианты, синонимичные формы выражения одного пожелания в разных текстах. Данное исследование ставит задачи выявления активности синонимичных единиц в составе пожеланий и их вариативности в литературном языке и устной речи.

Ключевые слова: речевой акт, татарская речь, татарский язык, синонимия, пожелания.

The paper studies lexical units that make up synonymous pairs in wishes in Tatar speech. Within the framework of the pragmatic approach to the study of such lexical units, both linguistic and extralinguistic parameters of speech acts are considered, analyzed as a tool of social influence on the interlocutor. A wish in the Tatar language, in addition to cliched formulas, allows for the creation of individualized speech acts using various means of expression. Thus, different variants and synonymous forms of expression of one wish appear in different texts. This study sets the task of identifying the activity of synonymous units in the composition of wishes and their variability in literary language and oral speech.

Key words: speech act, Tatar speech, Tatar language, synonymy, wishes.

Каждая культура имеет своеобразный речевой этикет. Это правила и принципы, которые способствуют эффективной коммуникации. Ведь люди издревне

выражали друг другу свои искренние пожелания по разному поводу. Пожелания использовались в текстах поздравлений, высказывались в общественных и политических диалогах (встречах), были актуальны как в мирное время, так и военной обстановке. Вступая в общение, собеседники не только обменивались информацией, но и выражали различное отношение друг к другу. Ведь в высказывании, адресованному партнеру по коммуникации, говорящий способен передать так любовь, дружелюбие, так и неприязнь. В том числе разные оттенки такого отношения: от подчеркнутого уважения до демонстративного неуважения.

Индивидуализированные речевые акты в татарских пожеланиях применяют различные средства выразительности, о чем свидетельствуют разные формы передачи их в текстах поздравлений, которые очень актуальны как в социальных сетях (существует большое количество отдельных сайтов, предоставляются услуги написания поздравлений конкретному лицу с «уникальными» пожеланиями), так и в СМИ, ТВ, также издаются отдельные книги – текстов пожеланий, даже многие поэты и писатели ведут свои блоги поздравлений и пожеланий.

Актуальность исследования объясняется задачами выявления активности синонимичных единиц в составе пожеланий и их вариативности в литературном языке и устной речи.

Лексический состав татарского языка, как и любого тюркского языка, богат на слова синонимы, которые появились по разным причинам, в том числе благодаря тонкому чутью народа той или иной ситуации и для передачи смысловых оттенков лексических единиц и их сочетаний. Некоторые из них имеются и в родственных языках, но большинство различаются, так как полностью понятны лишь тому менталитету народа, в чьей речи они появились. Благодаря этим лексическим единицам можно достичь апогея выразительности речи, выразить тонкий намек, не обижая собеседника, и отомстить, не причиняя вреда и т. д. Синонимические отношения единиц татарского языка являются одним из интересных объектов исследования как для лингвистов, филологов, так и для социологов, психологов и этнографов. Вопросы лексической синонимии в теоретическом и практическом плане уже рассматривались в многочисленных трудах отечественных и зарубежных исследователей. В них исследуются как общие вопросы развития языковой системы и описываются частные формы обогащения того или иного языка, изучаются изменения в лексическом фонде того или иного языка исходя из экстралингвистических и интералингвистических факторов речи, даются лингвокультурные и социокультурные характеристики лексическому составу языка в связи с вышеуказанными причинами. Формы речевого этикета татарского языка также изучены и в историко-лингвистическом аспекте [1; 9], и в сравнительном и сопоставительном плане [2; 8], и в лингвокультурологическом аспекте [4] и др. Несмотря на многочисленные труды, область исследований и синонимов, и речевых актов не исчерпана. В данной работе синонимы рассматриваются как лексические единицы, выражающие пожелания и определяющие тончайшие оттенки татарской речи, и ведь лексическая синонимия в татарской речи на примере пожеланий исследуется впервые.

Объектом данного исследования выступают лексические единицы, зафиксированные в текстах пожеланий на татарском языке. Предмет исследования – синонимические связи между лексем литературного языка и их вариативностью в устной речи.

Цель работы – выявление особенностей слов синонимов в определении перформативной парадигмы речевого акта «пожелания» в татарском языке.

Исходя из поставленной цели, сформулированы следующие задачи работы: дать определение и характеристику речевому акту «пожелание» и узнать основные свойства отличающие его от других единиц речевого этикета; рассмотреть доминантные особенности коммуникативного поведения, реализующие речевой акт пожелания, в тюркской культуре; выявить семантические особенности лексических единиц, используемых в разных контекстах пожеланий; рассмотреть особенности вариативности устойчивых выражений с семантикой пожелания, определить возможности взаимозаменяемости таких синонимов в потоке речи.

Источником исследования является словарь синонимов татарского языка [7], сборник текстов и сайтов поздравлений и пожеланий [3; 5; 6], так же фактический материал исследования взят из Национального корпуса татарского языка «Туган тел» [<http://litcorpus.antat.ru/index.htm>] и Корпуса татарской художественной литературы [<http://litcorpus.antat.ru/index.htm>].

В рамках исследования в основном применялся описательный метод. Для определения хронологии и последовательности языковых процессов использовался сравнительно-исторический метод. Для анализа частотности и регулярности словоупотребления лексических единиц применен статистический метод. Также методологическую базу исследования составляют: подход, определяющий единство деятельности и сознания; аксиологический, культурологический, герменевтический подходы, позволяющие интерпретировать лексико-семантические особенности лексической синонимии в татарской речи.

Пожелания относятся к экспрессивным речевым актам, т.к. их объединяет единая выполняемая ими функция выражения отношения говорящего к определенной ситуации или поведению адресата в соответствии с нормами, принятыми в данном обществе. В полной мере выполняют эту функцию и пожелания, целью которых является выражение чувств и отношения говорящего с намерением вызвать чаще всего положительную реакцию адресата. Таким образом пожелание как действие, связанное с реакцией на поведение людей и предназначенное выражать межличностные отношения, принадлежит к классу экспрессивов. Прежде чем дать определение речевому акту пожелания и определить круг высказываний, реализующих данный речевой акт, имеет смысл обособить речевой акт пожелания от акта поздравления, так как эти речевые действия чаще всего сопутствуют друг другу. В некоторых ситуациях пожелания в татарском языке соответствуют поздравлениям в русском или в других языках. Например, поздравления на Новый год, День рождения. Но существуют и такие варианты как «*Наүрүз мөбәрәк булсын / Пусть будет благословенным Навруз!*; *Жомга мөбәрәк булсын! / Пусть будет благословенным пятница!*» Данные высказывания являются косвенным речевым актом поздравления, хотя обладают первичной иллокутивной силой пожеланий. Несмотря на то, что две эти языковые единицы используются преимущественно как поздравления, функционировать они могут в обоих качествах: выступает в качестве пожелания после выражения поздравления.

Таким образом, речевой акт поздравления – это вежливое речевое действия, которое реализуется говорящим с целью выразить свою радость по поводу настоящего события, соответствующего интересам адресата.

В ходе исследования было проанализировано примерно 3400 высказываний на татарском языке. Выявлено, что разница между пожеланиями и поздравлениями лежит во временной референции. Несмотря на то, что повод для их реализации может быть одним и тем же, относятся они к разным аспектам данного события. Высказывая пожелание, говорящий выражает надежду на благополучие в жизни адресата в будущем, поздравлением же говорящий дает понять адресату, что он радуется вместе с ним по поводу настоящего приятного события. Выражаемую говорящим в обоих случаях симпатию можно охарактеризовать при поздравлениях как «радость вместе с адресатом» и при пожеланиях как выражение надежды говорящего. Таким образом, речевой акт пожелания – это речевое действие, которое реализуется говорящим с целью выразить надежду на определенное положение дел в жизни адресата в будущем с тем, чтобы проинформировать его об оценке говорящим свойств или действий адресата или ситуации в целом.

Древние народы много веков назад считали, что мысль материальна. Считалось, что слова обладают таинственной магической силой, способной оказывать влияние на судьбу человека. Эти воззрения находят отражение в возникновении различного рода речевых формул проклятий и благопожеланий, представляющих собой жанры ритуальной речи, не утратившие своей силы у многих современных народов. Поэтому, тюркские народы верят, что слова проклятия или оброненные в сердцах негативные пожелания влекут за собой болезни, различные беды и даже смерть. И напротив, слова доброго пожелания и благословения привлекают по отношению к тому, кому они адресованы, счастье и благополучие.

Отношение к слову на ранней стадии развития тюркского общества было таким же трепетным, как и к любому окружающему его предмету, всему живому вокруг. Согласно представлениям древних тюрков, с правой стороны человека стоит добрый ангел, а с левой – злой. По этой причине, вставая с постели, обуваясь или снимая обувь, следовало начинать с правой ноги, в противном случае человека ожидали неудачи. Под влиянием этих воззрений слово правый у татар, как и у многих тюрков, получило значение всего позитивного, справедливого. У тюркских народов слово уң (правый) является синонимом удачи, успеха в предстоящих делах: *уң ягың белән тор* / вставай с правой ноги; *уң аягыңны ки* / обувайся с правой ноги; *уң аяктан чык* / выходи с правой ноги; *уң кул белән ал* / бери правой рукой; *юлың уң булсын* / удачи в пути; *эшләрегез уң булсын* / да сопутствует вам удача в делах.

С развитием общественного сознания слово сохраняет свойства психологического воздействия на человеческое сознание, обнаруживая незримое сходство с магией слова в древности. Слова добрых пожеланий, благословения, пожеланий здоровья направлены на привлечение в адрес получателя счастья, успеха в делах, благополучия и используются в наши дни преимущественно в силу языковой традиции. К ним относятся следующие выражения – синонимы: провожая человека в дальний путь, желать ему благополучие: *хәерле сәгатәтә булсын* / в добрый час – *юлың уң булсын* / в добрый путь; *ак юллар* / белого пути – *юлыңа ак жәймә* / белой тропинки тебе.

Можно услышать такие пожелания как, пожелания-поздравления, тосты, пожелания-предписания, благословения. Хотя высказанные пожелания в основном выражаются в честь кого-либо или по какому-либо случаю, событию, существуют клише формы, используемые в готовом виде. В составе таких

форм встречаются и фразеологические единицы. Например, *авызыңа бал да май / твоими устами да мед пить; йомшак сүз // яхшы сүз – жылы сүз – доброе слово; тәмле төшләр – татлы төшләр / приятных снеговений; тыныч йокы – спокойной ночи и другие.*

Так как татары являются в основном проповедниками Ислама, в их речи, в том числе и пожеланиях, часто встречаются такие синонимы как *ак / белый, пакь / чистый, керсез / чистый*. Например, желают *ак бәхетләр / белого счастья; пакь күңел / чистой души; керсез мәхәббәт / чистой любви и др.*

Выявлено, что существует несколько основных ситуаций применения стандартных клишированных пожеланий в татарском языке. Например, по тематической линейке существуют следующие предпосылки пожеланий, где ярко видны синонимичные варианты.

Воспитанность говорящих ярко проявляется в поздравлении. Слово *котлыйм / поздравляю* часто опускается, как и в русском языке: *бәйрәм белән / с праздником; Яңа ел белән / С Новым годом; туган көнең белән / С днем рождения; Жңңү көне белән / С Днем Победы.*

При рождении ребенка поздравление сопровождается следующими пожеланиями: *озын гомерле булсын / пусть будет долголетним; тауфигы белән тусын / пусть родится порядочным; мөбәрәк булсын / пусть будет величавым.*

Поздравления с обновкой также сопровождаются пожеланиями типа *котлы / пусть будет счастливым/благополучным; жылы тәнеңдә тузсын / пусть износится на твоём теплом теле; өстеңдә мал булсын / пусть будет одежда с добавлениями; рахәтен күрергә язсын / пусть придется испытать удовольствие; игелеге белән булсын / пусть будет с добротой, с добром и др.*

При поздравлении имеются и слова синонимы, выражающие степень добрых пожеланий: *чын күңелдән тәбрик итәм (котлыйм) / от чистой души поздравляю; чын йөрәктән тәбрик итәм / от чистого сердца поздравляю.*

Добрые пожелания всегда имеют место в разговоре. При виде обедающих обычно говорят: *тәмле булсын / пусть будет вкусным; ашларыгыз (чәйләрегез) тәмле булсын / пусть будет вкусной ваша еда (чай).*

Если кто-то начинает первый работу, то ему говорят: *кулың әңиңел булсын / пусть будет легкой твоя рука; кул-аягың әңиңел булсын / пусть будут легкими твои рука-нога; при виде работающих иногда говорят Аллаһ куәт бирсен / пусть Аллах даст силы; Алла ярдәм бирсен / пусть Аллах даст помощи; куәтегез күп булсын / пусть вашей силы будет много; эшләр уңсын / пусть дела будут удачными; начало самой работы сопровождается синонимичными выражениями типа Аллаһка тапшырдык / передали Аллаху; тапшырдык / передали; хәерле сәгатьтә / в добрый час; пожелание долголетия выражаются синонимичными репликами: йөз яшә / живи сто; мең яшә / живи тысячу; күп яшә / живи много; озын гомерле бул / будь долголетним и др.*

Известно и то, что выражая надежду на будущее исполнение пожелания, говорящий при этом не побуждает адресата к какому-либо действию и не берет на себя ответственность за его осуществление.

В исследуемом материале были выявлены как синонимичные отношения среди фразеологизмов с разными компонентами, так и среди устойчивых выражений, где изменен (добавлен, опущен) лишь один компонент. Например, *ихтирам күрсәт // хөрмәт ит // ригая кыл // кадер күрсәт – окажи уважение*, где меняется компоненты, однако семантика полностью сохраняется. В примерах *истә тот – запомни // истә сакла – оставь в памяти // истә калдыр – сохрани*

в памяти, где меняется глагольный компонент фразеологизма, а значение также полностью сохраняется.

Пожелания в конкретных ситуациях речевого общения реализуются в дискурсе, который характеризуется адресованностью, контекстностью и динамикой, т. е. является сложным коммуникативным событием, находящемся в непосредственной зависимости от ряда экстралингвистических факторов – установок, целей, личностных и социальных характеристик интерактантов, ситуативного контекста.

Дискурс характеризуется определенной структурой, сегменты которой могут варьироваться в зависимости от внешних или внутренних модификаторов. Особые различия проявляются в структурах устного и письменного дискурсов, что обуславливается их характеристиками. Устный дискурс обладает большей спонтанностью, в случае письменного дискурса у коммуниканта больше времени на обдумывание стратегии достижения цели, поэтому основное различие между устным и письменным дискурсом лежит в их структуре.

Примеры татарского устного дискурса были рассмотрены на примерах диалога в художественных произведениях. Зафиксированные примеры показали, что синонимичные лексические единицы во время диалога приобретают дополнительные оттенки семантики, которые не зафиксированы в словарях. Например, *илһам чыганагы* – источник вдохновения. В диалогах можно встретить следующие вариации: *илһам коесы* – ключ вдохновения // *зиһен тулылыгы* – полнота мысли // *илһамлану* – вдохновляться // *илһам чыганагы* – источник вдохновения. Это объясняет широту использования лексем и их зависимость от контекста.

Проведенное исследование позволило выявить основные особенности лексических единиц с семантикой пожелания, входящих в состав активной лексики современной татарской речи. Исследование и наблюдение синонимических связей между этими лексемами позволили сформулировать следующие выводы:

1. Несмотря на общетюркское начало, в зависимости от экстралингвистических и интералингвистических факторов каждый язык меняется и вступает в разные взаимоотношения с другими, поэтому в появлении синонимичных отношений между лексемами, выражающих пожелания, имеют места лексемы с разных языков, даже целые устойчивые выражения со компонентами иноязычной лексики.

2. Основную массу синонимов в пожеланиях татарского языка, все же составляет общетюркская лексика с разными оттенками семантики, где отражается национальная специфика, ментальные особенности татар.

3. Речевое поведение на татарском языке обуславливается опытом индивида, который зависит от исторического и культурного контекстов и формируется моральными, социальными нормами, а также находится под влиянием особенностей национальной культуры. Традиция желать кому-либо что-либо со временем претерпевают большие изменения, однако основные клише в пожеланиях сохраняются, и они выражаются разными лексическими единицами-синонимами.

Таким образом, синонимическая система татарского языка, как одного из тюркских языков развивается и меняется, которая отражается как в устной, так и в письменной речи. Об этом мы можем утверждать и относительно лексического фонда, зафиксированного в словарях и корпусах татарского языка.

Общетюркский лексический фонд, как единая система является относительно устойчивой, но новшества в общественной, социальной жизни, прогрессивные технологии вносят свои коррективы и в эту систему. Поэтому появления новых синонимов не должно никого удивлять, а должно помочь умело выбирать стилистически верные варианты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Замалетдинов Р.Р. Татарская культура в языковом отражении. – М.: ВЛАДОС; Казань: Магариф, 2004. – 239 с.
2. Котлау һәм тәбрикләүләр. – Казан: Иһлас, 2009. – 248 б.
3. Саттаров Г. Ф. Татар телендә шәхескә олылап эндәшү сүزلәре. // Татарстан. – 1993. – № 12. – Б. 48–50.
4. Султанов Ф.Ф. Некоторые особенности коммуникативного поведения татар и башкир // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 101–111.
5. Татарча котлаулар. – URL: <https://protatar.ru/pozdravleniya-muzhchine-na-tatarskom-yazyke/> (дата обращения 05.08.2024)
6. Татарча теләкләр. – URL: <https://wpoz.ru/pozhelaniya-na-tatarskom-yazyke/> (дата обращения: 01.09.2024)
7. Ханбикова Ш., Сафиуллина Ф. Синонимнар сүзлеге. – Казан: Хәтер, 1999. – 256 б.
8. Хисамова Л.А. Некоторые особенности речевой коммуникации в современном английском и татарском языках // Вестн. ЧГУ. – 2010. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-rechevoy-kommunikatsii-v-sovremennom-angliyskom-i-tatarskom-yazykah> (дата обращения: 09.08.2024).
9. Шайхиева Г.М. Коммуникативно-прагматические особенности обращений в татарском речевом этикете // Вестн. ТГГПУ. – 2013. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativno-pragmaticcheskie-osobennosti-obrascheniy-v-tatarskom-rechevom-etikete> (дата обращения: 09.08.2024).

УДК 811.512.145

RUSYA'DAKI USUL-İ CEDİD MEKTEPLERİNDE OKUTULMAK ÜZERE HAZIRLANAN ARAP HARFLI ELİFBALAR ÜZERİNE

Filoloji Uzmanı Celâl GÖRGEÇ

(Manavgat, Türkiye)

Prof. Dr. Birsal ORUÇ ASLAN,

Balıkesir Üniversitesi, Necatibey Eğitim Fakültesi Balıkesir Üniversitesi

(Balıkesir, Türkiye)

Эта статья посвящена анализу подготовленного педагогом Наджибом Думави для обучения в татарских и башкирских джадидских мектебах азбуки, напечатанной в 1911 году в Оренбурге в типографиях Каримова, Хусаинова под названием «Наша школа – Часть 1», и букваря, подготовленного также педагогом и писателем Г. Биктави и изданного в 1915 году в Оренбурге издателем Хусаиновым под названием «Татарская школа». Были затронуты такие вопросы, как используемый метод и содержание этих букварей, написанных с новаторских позиций, в то время, как в период обучения в медресе, система алфавитов преподавалась только с ориентацией на чтение Священного Корана, а также было рассмотрено, обнаруживаются ли параллели с образовательной реформой, начатой в Османской империи в период Танзимата. Кроме того, была представлена информация о звуковом методе, применяемом при подготовке этих книг, а также были затронуты научные исследования по этой теме и даны необходимые ком-

ментарии в заключительной части об используемых методах. Также в этом исследовании уделено внимание реформе образования, проведенной до перехода на латиницу, и влиянию букварей, подготовленных на арабском алфавите в соответствии с этой реформой, на повышение уровня грамотности.

Ключевые слова: татарские буквари, джадидский метод, звуковой метод, татарский язык, башкирский язык.

This paper examines a book prepared by the teacher Necip Dumavi and published in Orenburg in 1911 in the Kerimof, Höseynof and Şürekâsı Printing House under the title 'Béznéñ Mektep 1-nçi Cöz Elifba'. It considers the book to be taught in the Tatar and Bashkir schools with Usul-i Cedid education and the inaugural publication of the Elifba, authored by G. Biktavi, a distinguished pedagogue and writer, and released in Orenburg in 1915 by Höseyén Höseynof Library, is presented. As indicated on the book's cover, N. Dumavi's work was developed in accordance with the most recent methodologies of usul-i maddiye, employing a systematic and accessible approach. Biktavi's work is an illustrated Turkish (Törkî=Turkic) alphabet prepared in accordance with the usul-i savtiye method. At the beginning of the XXth century, a cultural renaissance commenced in the Turkic world, which had a profound impact on educational methodologies and techniques. While the alphabet system was previously taught for the purpose of reading the Holy Qur'an during the madrasah period, these two works were written with an innovative understanding. This paper also addresses the content of these alphabets and the methodology employed. Furthermore, it examines whether these alphabets are aligned with the educational reform initiated by Tanzimat in the Ottoman Empire. Furthermore, details are provided regarding the 'usul-i meddiye' and 'usul-i savtiye' methodologies employed in the production of these texts, and a comprehensive review of the existing literature on the subject is undertaken. The conclusion section offers insights into the methodologies employed in the works under examination. This study also underscores the impact of the educational reform that preceded the transition to the Latin alphabet, as well as the influence of the elifbas developed in alignment with this reform, on the growth of literacy rates.

Key words: Tatar Alphabets, Usul-i Cedid, Usul-i Meddiye, Usul-i Savtiye, Tatar, Bashkir.

GİRİŞ

Bu çalışmada, 1911 yılında Dumavi tarafından hazırlanarak "*Béznéñ Mektep 1-nçi Cöz Elifba*" adıyla yayımlanan, Usul-i Cedid'le eğitim veren Tatar ve Başkırt okullarında kullanılmak üzere tasarlanmış kitap ile 1915 yılında pedagog G. Biktavi tarafından hazırlanan ve "*Tatar Mektebi*" adıyla basılan elifbanın birinci kitabı ele alınmıştır. Bu kitaplar, dönemin eğitim reformları çerçevesinde önemli birer pedagoji örneği olarak değerlendirilmektedir.

Bilindiği üzere, XIX. yüzyılın sonu ve XX. yüzyılın başı Rusya'nın emperyalist aşamaya girişi ve işçi sınıfının ortaya çıkışına işaret etmektedir. Bu durum, Tatarlar arasında nitelikli işçi ve laik eğitilmiş aydınların (kâtipler, muhasebeciler, avukatlar, mühendisler, öğretmenler) yetiştirilmesi sorununu ciddi bir şekilde ortaya çıkarmıştır. 1905-1907 Devrimi süreçleri, bu ihtiyacı yoğunlaştırmıştır. Ayrıca XIX. yüzyılın sonlarına gelindiğinde medrese eğitiminde de kalite zayıflamış, dini ve bilimi kişisel çıkarlarına alet etmek isteyen insanların elinde dini yanlış anlatan ve anlatan, bilime ve sanata önem vermeyen bir nesil yetişmeye başlamıştır. Tatarlar arasında çağdaş eğitim kurumlarının faaliyetlerinde Tatar dilinde öğretim, Rus dili de dâhil olmak üzere, genel eğitim disiplinlerinin incelenmesini ve bir dizi başka girişimi içeren eğitimin içeriğini değiştirme eğilimi oluşmuş, bütün bunlar standart eğitim program-

larının ortaya çıkmasına yol açmıştır. Bunun sonucunda XIX. yüzyılın ilk yarısının son on yılında medreselerdeki bu kokuşmuş anlayışa tepki olarak Usul-i Cedid adı verilen yeni bir eğitim anlayışı Türk-İslâm dünyasında yayılmaya başlamış; öncülüğünü İsmail Gaspıralı, Şihabeddin Mercani gibi isimler yapmıştır.

Tatar aydınlarının önde gelen temsilcilerinin isteklerini yansıtan ders kitapları, tavsiyeler, makaleler yazılmıştır. Ders kitaplarının çoğu öğretmenler tarafından derlenmiştir. Alfabenin ıslahı üzerine ilk fikir Kayyum Nasırî tarafından ortaya atılmış ve “Enmuzec” adlı eserinde özellikle ünlülerdeki yanlış okumaları giderecek önerilerde bulunulmuştur: a (ا), e (إ), u (و), ü (ؤ), o (و), ö (ؤ), ı-é (أ), i (إ), ıy-iy (ى). Örneğin; arba (أربا), eteç (أتچ), ét (أت), ıngıraşmaq (أنكراشماق), urman (أورمان), ürdek (أوردك), orlıq (أورلوق), öç (ؤچ), kilmiy (كلمى), sıylağan (سبلاغان). Fakat Kayyum Nasırî'nin bu fikirleri başkaları tarafından da kendisi tarafından da uygulamaya konulmamıştır [1: 43]. Gabdulla Tukay 1909'da “*Yaņa Kıyraet*” adlı bir ders kitabı derleyip yayımlamıştır. 1910 yılında bu eser güncellenerek tekrar basılmıştır. Yine bu yıllarda demokratik düşünceye sahip Tatar aydınları tarafından duyurulan en iyi ders kitabı yarışması da rol oynamış, Tatar okulunun hemen hemen her sınıfı ve her kademesi için kılavuzlar yayınlanmıştır. Bu ders kitapları, sanatsal düzeyi şu anda bile eleştirilemeyecek resimlerle donatılmıştır. Yazarların birbirlerini tekrarlamamaları, aksine birbirlerini tamamlamaları ilginçtir. İkinci olarak bu alandaki yayıncılık faaliyetinin coğrafyası da dikkat çekmektedir: Kazan, Ufa, Orenburg, Aşrahan, hatta St. Petersburg çok sayıda matbaasının bulunmasıyla önemli merkezlerdir. Ayrıca bu yerlerin çoğu, Türklerin önemli kültür merkezleridir. XIX. yüzyılın sonu ve XX. yüzyılın başı Tatar mekteplerinde ve medreselerinde millî edebiyatın öğretilmesinin şekillendiği ve kademeli olarak iyileştirildiği bir dönem olarak düşünülmelidir. Tatarlar arasında okul konusuna büyük önem verilmiştir. Her ne kadar mektep ve medreselerle ilgili özel çalışmalar yapılmamış olsa da zaman zaman okul meselesine değinmeyen gazete ve dergi de yoktur. Tatar süreli yayınlarının sayfalarında, öğretim yöntemleri, tüm ilköğretim okulları için benimsenmesi gereken programlar, mektepler, birleşik yazımın benimsenmesi vb. hakkında tüm tartışmalar yerini bulmuş, okul sayısının daha objektif bir şekilde ele alınması için “Mugallım” (Ekim 1913'ten beri Orenburg'da) gibi özel dergiler yayınlanmaya başlamıştır [2]. Bu, millî farkındalığın gelişmesiyle yakından ilgili bir süreçtir. S. İsmagilova'nın bildirdiğine göre XIX. yüzyılın sonu ve XX. yüzyılın başlarında Tatar dili ve edebiyatına ilişkin 104 eser yayımlanmıştır. Bu eserlerin listesi için bkz.: [3: 89–92].

1. Usul-i Cedid ve Usul-i Savtiye

XIX. yüzyılın ikinci yarısı ile XX. yüzyılın başlarında Türk dünyasına damgasını vuran Usul-i Cedid, “yeni yöntem” anlamına gelmektedir. Osmanlı Devleti'nde Tanzimat Dönemi ile birlikte eğitim alanında önemli reformlar yapılmaya başlanmıştır. Bireysel öğretim modelinden toplu öğretime geçilmesi, alfabe öğretiminde harf ve seslerin tek tek hecelenmesine dayanan usul-i teheccinin yerini, harf ve kelimeleri seslerine göre okumayı amaçlayan usul-i savtiye yönteminin alması, ders programlarının güncellenmesi ve ders araç gereçlerinin kullanımının artması bu değişimlerin başlıca örneklerindedir. Alfabe öğretimindeki bu yenilik, Osmanlı eğitim sisteminde “*Usul-i Cedid*” veya “*Usul-i Cedide*” adıyla anılmıştır ve geleneksel eğitim anlayışına bir alternatif olarak ortaya çıkmıştır. Usul-i Cedid'in temel amacı, öğrencilere daha kısa sürede ve daha etkili bir eğitim sunmaktır. 1872 yılından itibaren açılan iptidaiye mekteplerinde bu yöntem daha yoğun olarak uygulanmaya başlamıştır. XIX. yüzyılın ikinci yarısında İstanbul'da ortaya çıkan bu hareket, kısa sürede Rusya Türkleri arasında da bir reform hareketi olarak kabul

görmüştür. XX. yüzyılın başlarında Rus Çarlığının Japonya'ya yenilmesi, Rusya genelinde özgürlükçü ve devrimci hareketleri tetiklemiştir. Bu gelişmelere paralel olarak Kırım Türkleri de ulusal-devrimci bir hareket başlatmış ve kendilerine “*Yaş Tatarlar*” adını vermişlerdir. Yaş Tatarlar hareketi, halkın aydınlatılması, okullarda Usul-i Cedit'in yaygınlaştırılması, halk eğitiminin geliştirilmesi ve Çarlık hükûmetine karşı bir direniş gücünün oluşturulması gibi hedeflere odaklanmıştır. Bununla birlikte, genel olarak Rusya Türkleri arasında özellikle pozitif bilimlerin ve millî kültürün gelişimini amaçlayan oluşumlar ortaya çıkmış ve bu hareketin savunucuları “*Ceditçiler*” olarak adlandırılmıştır. Rusya Türkleri arasında bu hareketin öncüsü, Tercüman gazetesinin sahibi Gaspıralı İsmail Bey olmuştur. İsmail Gaspıralı tarafından 1884 yılında Bahçesaray'da açılan Kaytaş Ağa mahalle mektebiyle Rusya Türklerinde yeni metot üzere ulusal eğitim başlar. Pedagoji gibi önemli bir bilim aracılığıyla Kırım'da ve Rusya Müslümanlarında ulusal eğitimin ilerlemesinde ilk çığırını açan yine İsmail Gaspıralı'nın “*Tercüman*”ı olmuştur. Gaspıralı tarafından 1884'de Usul-i Cedit okullarında okutulmak üzere “*Hoca-i Sıbyan*” adlı kitap yayımlanmıştır. Ayrıca eğitime ilişkin görüşlerini “*Rehber-i Muallimîn yaki Muallimlere Yoldaş*” eserinde belirtmiştir. Kırım Tatar aydınlanmasının öncülerinden Hasan Sabri Ayvazov da “*Usûl-i Tedrîs ve Ta'lîm-Terbiye*” adında bir eser kaleme almıştır [4].

XIX. yüzyılın sonlarına kadar Rusya'daki Müslümanlar arasında ilköğretim, geleneksel yöntemlerle yürütölmekteydi. Şehirlerde medreselerin, köylerde ise camilerin yanında bulunan mekteplerin sorumluluğunda olan bu eğitim sistemi, yalnızca okuma-yazma ve temel dini bilgilerle sınırlıydı. Öğrencilere Kur'an'dan bazı sureler ezberletiliyor ve eğitim bu çerçevede tutuluyordu. Usul-i Kadim olarak adlandırılan bu sistemin artık çağın gereklerini karşılamaması Usul-i Cedit'in yayılmasının en önemli nedeni olmuştur. Gaspıralı İsmail, öncelikli olarak Kırım'daki Türkleri ve Müslümanları geri kalmışlıktan kurtarmak amacıyla, ilkokullarda ve medreselerde uygulanan eski, zor ve etkisiz öğretim yöntemlerinin terk edilmesi gerektiğine inanmaktaydı. Bunun yerine, daha yeni ve çağdaş öğretim yöntemlerinin getirilmesi gerektiğini savunuyordu. Her ne kadar Usul-i Cedit kavramı, öncelikle eğitimde yapılması planlanan reformları ifade etse de bu yenilikleri yalnızca okuma-yazma öğretimiyle sınırlamak doğru olmaz. Gaspıralı, toplumda da genel bir modernleşme ve gelişim hedeflemekteydi [5: 365–367].

Usul-i Cedit'de en önemli metotların başında usul-i savtiye (fonetik metot) gelir. Ceditçiler, okuma yazma öğretiminin ana dil olan Türkçeden başlanması gerektiğini savunmuşlardır. Onlara göre, başarılı bir okuma yazma eğitimi için öncelikle hece değil, harf öğretimi yapılmalıdır. Eski sistemde olduğu gibi alfabeyi bir bütün halinde öğretmek yerine, harfler adım adım öğretilmelidir. Örneğin, ilk olarak *elif*, *be*, *te* ve *nun* harfleri tanıtılmalı, okunuşları öğrenildikten sonra hemen yazmaya geçilmelidir. Yazma pratiği, alfabeyi akılda tutmayı kolaylaştıracaktır. Ayrıca, bu harflerin Arap alfabesindeki başta, ortada ve sonda yazılış biçimleri öğretilmelidir. Harfler tam anlamıyla kavrandıktan sonra, yalnızca bu harflerden oluşan basit kelimeler, örneğin *ab*, *ba*, *baba*, *at*, *ata* gibi, kelimeler okunup yazılmaya başlanmalıdır. Savtî yöntemle gerçekleştirilen okuma yazma öğretimi sayesinde, kırk gün gibi kısa bir süre içinde öğrencilerin okumayı öğrenmesi sağlanıyordu. Bu yöntem, sık tekrarlarla desteklendiği için öğrenilen bilgilerin kalıcı hâle getirilmesi ve unutulmasının önlenmesi amaçlanıyordu [6: 19-20]. Gaspıralı'ya göre okuma yazma öğretimi, düzensiz ve yöntemsiz olan geleneksel “heceleme” yöntemiyle değil, yeni elifba kitaplarında yer alan usul-i savtiye veya usul-i meddiye yöntemleriyle başlatılmalıdır.

Bu sayede, öğrenciler kolayca okuma öğrenme yoluna yönlendirilecektir. 1915'te Ufa'da yapılan Müslüman Mekteplerinde okutulacak olan dersliklerle ilgili toplantıda "usul-i savtiye" konusuna da değinilmiş, savunuların yanında gereksiz görenler de olmuştur [7: 57]. Bu yöntem, diğer Türk halklarında da tatbik edilmiştir. Ahmet Baytursınulı'nın ilk "*Alfabe*"si 1912–1925 yılları arasında yedi kez basılmıştır. Bu baskıların her birinde "*usul-i savtiye yoluyla tertip edilen Kazakça alfabe*" ifadesine yer verilmiştir. Usul-i savtiye, seslere dayalı okuma yazma öğretme yöntemidir ve Baytursınulı, bu yöntemi diğer halkların yöntemlerini dikkatle inceledikten sonra Kazak diline uygun bulup seçmiştir. Ahmet Baytursınulı, usul-i savtiyenin en önemli ilkelerini üç ana başlık altında toplamıştır: Birincisi, çocuklara çeşitli seslerin olduğunu öğretmektir. İkincisi, çocukların bildiği kelimeler üzerinden bu seslerin ayırt edilmesini sağlamaktır. Üçüncüsü, ayrı ayrı sesleri birleştirip kelimeleri söyleme pratiği yapmaktır. Baytursınulı, çocuklara harfleri tanıtmadan önce bu aşamaların tamamlanmasının önemli olduğunu vurgular [8: 66–67].

2. Yazarlar ve Eserleri Hakkında

2.1. Necip Dumavi

Necip Dumavi (Necip Sibgatulla ulı Tahtamışev), 19 Mayıs 1883'te Kazan ilinin Çiştöpol bölgesi (şimdiki Tataristan Cumhuriyeti'nin Aksubay bölgesi) Novo Duma köyünde bir molla ailesinde doğdu. Yedi yaşında köy mektebinde okumaya başlayan Dumavi, 1894 yılında babası tarafından Kazan'da yeni açılan Gabdulla Apanayev medresesine verildi. On dokuz yaşındaki Dumavi, 1902'de medreseden mezun olduktan sonra Kazan'daki Öğretmen Okulu'na girmenin hayalini kurmuş, ancak maddi sıkıntılar nedeniyle gidememiştir. İki yıl boyunca Kazak bozkırlarında çocuklara öğretmenlik yapan Dumavi, o yıllarda (1902–1904) edebî yaratımla ilgilenmeye başladı. İlk şiirlerinde Kazak halkının sözlü yaratıcılık çalışmalarından çok etkilenen şairde Akmula'nın şiirlerinin yankıları görülmektedir. Dumavi, Kazak bozkırlarından memleketine döndükten sonra öğretmenlik mesleğini önce Çiştöpol'da (1904–1905) sürdürmüş, ardından Urallar'a giderek Kızıl fabrikasında çalışan Tatar işçilerin çocukları için 1908–1908 yılları arasında açılan okula gitmiştir. Bubi medresesinde ders verirken 1911'de tutuklandı ve dokuz buçuk ay Sarapul hapishanesindeki siyasi tutukluların bulunduğu hücrede kaldı. Birinci Dünya Savaşı sırasında N. Dumavi askere alındı (1916) ve Avusturya cephesine gönderildi, ancak alay kâtabi görevlerini yerine getirdiği için çatışmalara doğrudan katılmamıştır. Şubat ve Ekim 1917 olaylarıyla Çiştöpol'da tanıştı, 1917'den 1921'e kadar Çiştöpol'daki okullarda öğretmen yetiştirme kurslarında öğretmenlik yaptı ve Maarif Nezareti'nde müfettiş olarak çalıştı. Volga bölgesinde kıtlığın şiddetli olduğu yıllarda açlığa yardım komitelerinin örgütlenmesi ve beslenme istasyonlarının açılması için büyük çaba sarf etmiştir. 1921'de Sovyet hükümeti tarafından açıklanan NEP'in (Yeni Ekonomi Politikası) bir sonucu olarak, yirmili yılların ortalarında memleketini tamamen terk etti, önce Dağıstan'daki bir pedagojik teknik okulda öğretmen olarak çalıştı ve ardından tüm ailesini Orta Asya'ya götürdü. 1927'den 1933'e kadar Semerkant bölgesindeki çeşitli eğitim ve kültür kurumlarında çalıştı, Semerkant Pedagoji Enstitüsü'nde dersler verdi, çeviri işleriyle uğraştı. Genç yaşta akciğer hastalığı ve romatizma hastası olan N. Dumavi, 5 Mayıs 1933'te Semerkand'a çok da uzak olmayan Bulungur hastanesinde elli yaşına gelmeden vefat etmiştir. Necip Dumavi, çeşitli türlerde zengin bir edebiyat mirası bırakmış bir yazardır. Şair, düzyazı yazarı, yayıncı, edebiyat eleştirmeni ve çevirmendir. Ders kitapları ile öğretme ve öğrenmeye ilişkin kitaplar kaleme almıştır [9: 480–484].

2.1.1. Bézneġ Mektep “Bizim Okul”

Uzun yıllar öğretmenlik yapan ve tecrübelerine istinaden Muallim N. Dumavi tarafından “Bézneġ Mektep” üst başlığıyla hazırlanan “Elifba”, Usul-i Meddiye’nin en çağdaş yöntemlerine uygun bir şekilde kolay ve dereceli olarak tertip edilmiştir. 1911’de Orenburg’da “Kerimof, Höseynof ve Şürekası”nın matbaasında basılmış ve fiyatı 12 tiyén (kuruş) olarak belirtilmiştir. Eser, 64 sayfadan oluşmaktadır ve birinci sınıfa başlayan öğrenciler için hazırlanmıştır. Esere Ufa’da bulunan Ahmet Zaki Validi Ulusal Kütüphanesi’nden erişilmiştir. N. Dumavi tarafından ikinci sınıflar için de okuma kitapları hazırlanmıştır. İncelediğimiz eserde kolaydan zora yöntemi uygulanmıştır. Aşağıda da görüleceği üzere, ilk olarak elif harfinden başlanarak ikişerli, üçerli ve dörderli birleştirmeler yapılmıştır. Arap harflerinin çoğunun başta, ortada ve sonda yazımları değiştiği için böyle bir sisteme ihtiyaç duyulmuştur.

ا آ آ – آ آ – آ – ا ا
تا آتا – آتا – تاتا – تا
یا – یایا – تایا – یاتا

Görsel 1: Dumavi’nin eserinin 1. sayfasından

آشاغانی – بوشاغانی – بالاغانی – بااغانانی
اوتالامی – بوتالامی – قویالامی – قوشالامی

Görsel 2: Dumavi’nin eserinin 12. sayfasından

Arap harflerinde kimi zaman yazımları birbirine benzeyen be, ye, te (ب، ی، ت) gibi harfler birlikte öğretilmiştir (s. 14). Eserin 17. sayfasında te (ت) harfine başlanmış ve şöyle bir dipnot düşülmüştür: Harfleri tek başına gösterilirken harfin başına zammeli hemze ve üzerlerine sükûn (cezm) verilmiştir. Her halükârda harflerin bağımsız şekillerini okumayı öğretmek, öğretmenin yeteneğine bağlıdır. 19. sayfada nun ve mim (ن، م) harfleri, 20. sayfada çe ve gayn (چ، غ) harfleri, 21. sayfada kaf ve lam (ق، ل) harfleri, 22. sayfada sin ve şın (س، ش) harfleri gösterilmiştir. Harfleri ikişerli öğretmek, Usul-i Cedid yöntemlerindedir ve okumayı öğrenmeyi kolaylaştırdığı düşünülmektedir. 23. sayfada “İkinci Fasil” adı verilen bölüm, ra (ر) harfiyle başlar. Sonra sırasıyla ze, dal, vav, sad, tı, fe, kef, gef, sağır gef (ڤ), cim, hı, he ve pe (ه، و، پ) harfleri verilerek 36. sayfada ikinci bölümün tekrarına ilişkin alıştırmalar verilir. Bölüm sonlarında yapılan tekrar yine yeni eğitim metodunun bir getirisidir. 37. sayfada üçüncü bölüm başlamaktadır. Bölümün başında baştaki harflerin med ve hâ-yi resmiyeli¹ sesleriyle eklenip yazmak suretiyle okunacağı

¹ Hâ-i resmiye, yazılıştta var olan ancak okunuştta olmayan (ه) harfidir. Hâ-i resmiye kendisinden sonraki harfe bitişmez. Türkçe sözcüklerin sonunda çoğu zaman “e”, bazen de “a” sesi vermek için yazılır. Arapça sözcüklerin sonunda okunmayan (ه) harfi, Osmanlı Türkçesinde hâ-i resmiye ile yazılmıştır.

bildirilmiştir. Eserin 45. sayfasında üçüncü bölümün tekrarı verilmiştir. 46. sayfada harflerin sonda yazılmasını konu edinen dördüncü bölüm bulunmaktadır. 51. sayfada başlayan beşinci bölümde ise harflerin ortada yazılması gösterilmiştir. 55. sayfada verilmeye başlanan sözler hareket gösteren fiillerdir. Bu kısımda Osmanlı ve / veya Kırım Tatar etkisini gösterir. Çünkü maştar eki olarak *mak/mek* kullanılmıştır: *bél-mek, yazmak* gibi. Ayrıca zamanlara göre fiil çekimleri de gösterilmiştir: *béle, béleler; yaza, yazalar; bélem, yazam, yazamaz; béleséñ, béleséz; béldé, béldéler, béldém, béldék, béldéñ, béldéñéz*, gibi. 57. sayfadan itibaren organ, parmak ve kıyafet adları, ev eşyaları, okul içindeki eşyalar, hayvanlar, sebzeler ve bitkiler, akrabalık adları, sayılar gibi daha çok temel söz varlığına dönük leksikolojik unsurlar işlenmiştir.

2.2. G. Biktavi

Her ne kadar Tatar-Başkırt halk eğitiminin önemli öncülerinden biri olsa da G. Biktavi hakkında bilgiler oldukça sınırlıdır. Eğitimci ve yazar olduğu bilinmektedir. Usul-i Cedid mektepleri için matematik kitapları yazmıştır. Ayrıca okuma-yazma öğretimiyle de uğraşmış ve 1915 yılında “*Tatar mektebé 1 – Resémlé törki elifba*” adlı 62 sayfalık kitabı yayımlanmıştır.

2.2.1. Tatar Mektebé

Bu eser, Muallim G. Biktavi tarafından “Tatar Mektebé” üst başlığıyla yazılmış usul-i savtiye üzere tertip edilmiş resimli bir elifba kitabıdır. Höseyén Höseynof Kötöphanesi tarafından 1915 yılında Orenburg’da basılmıştır ve 62 sayfadan oluşan kitabın fiyatı 20 tiyén (kuruş) olarak belirlenmiştir. Kitabın kapağında eserin bir Törkî (Turkic) alfabesi olduğu özellikle belirtilmiştir. Eser, bir mukaddime ile başlamaktadır. Mukaddimedede mealen şöyle denilmektedir: “*Şimdiye kadar bizim matbuat âlemimizde usul-i savtiye üzere düzenlenmiş elifbalarımız çok değildir. Her yeni işin hatasız olmadığı gibi, bizim bu elifbalarımızda da geniş kusurlar vardır. Bu kusurların en önemlileri şunlardır: 1. Sözlerimizdeki medli seslerin her birisine harflerimizin yetmemesi, 2. Elifba düzenleyenlerimizin birbirine dayanmaması. Anılan seslerin her birine kendi işaretlerini koyup imlamızı çoğaltmaktadırlar. (Usul-i savtiye elifbalarının kusurları usul-i meddiye elifbalarına nispeten (usul-i meddiye elifbaları için) anlaşılmasın. Burada usul-i meddiye elifbaları hakkında bir söz söylemeyeceğim. Çünkü onlar şimdi ömürlerinin son günlerini sürüyorlar diye düşünüyorum.)*

Ben anılan iki kusuru, özellikle ikincisini kaştan bu elifbamda Muhiddin Efendi'nin “Tatar Elifba”ındaki işaretlerini aldım. Benim alfabemde alınan ses işaretleri (harfler) şunlardır:

(۲) ئە ە ۵ — ۵ ئەتەج.	(۱) آ ا آ — آرا، آما.
(۳) اف ف ۶ — افس، توزو.	(۳) او و و — اوراق، زور، نول.
(۶) اۇ و ۶ — اۇچ آغاچ، سۇت.	(۵) اۇ و ۶ — اۇزاق، اۇزۇن، قۇش.
(۸) ائ ئ ۸ — ائ، كىلدئ، كشى.	(۷) اپ ي ۷ — ایش، جیز، كۆرى.
	(۹) ائ ئ ۹ — اۇراق، قالدئ، چالغئ.

Bu sesli harflerin hepsi de yazılır. Lakin (ئ) ile (ى) söz ortalarında mecburiyet sebebiyle yazılmamaktadır. Türkî sözlerimiz için ihtiyaç yoktur. Belki Arapça sözlere mahsus olan tı ile sad harflerini elifbama dâhil etmedim, fakat qaldı, qozı gibi sözlerin sonlarındaki sesler, söz ortalarında gelince onların yerine şimdiye kadar işaret koymadığım için şöyle sözleri yanlış okutulmaması amacıyla tı ve sad harflerini kullandım. Mesela: turma, saq, tay, say, gibi.

Şimdiye kadar muhterem öğretmen efendilerin usul-i talimden haberdar olduklarına inanarak elifbamin özelliklerini göstereceğine eminim. Kusurlarını göstere-

cekler ise, memnuniyetle kabul edip, elifbaman ikinci baskısında onları düzeltceğini içtenlikle belirtirim.

Muallim G. Biktavi''

Resimlerle bezenen eserde sırasıyla 45 başlıkta şu harfler ve örnekleri açıklanmıştır: elif, ze, şın, sin, kaf, mim, lam, vav (u), nun, te, çe, ce, vav (ü), pe, vav (o), gayn, vav (ö), hı, vav (av), sağır gef (η), y (i), y, b, y (-i), kef, y (ı), gef, he (e), dal, é, e, i, ü, sad, he, fe, tı, ayn, ha, zı, dad, zel, se, je, v-w. Eserde Tatarcanın kendine has harflerini açık olarak göstermek için farklı işaretler kullanılmıştır. Böylelikle o, ö, u, ü gibi, Arap alfabesinde aynı şekilde gösterilen harfler ayırt edilmiştir. Yanlış okuma ve öğrenmelerin önüne geçilmeye çalışıldığı anlaşılmaktadır. Farklı işaretlenen harfler şöyledir: u (او، و، و)، ü (أو، و، و)، o (أو، و، و)، ö (أو، و، و)، av-va (او، و، و)، sağır gef-η (ك، ك)، i (اي، ي)، -i (ئ، ي)، ı (ئ، ي)، g (گ، گ)، -e (ئه، ه)، é (ء=أ)، Rusçadan alıntı sözlerde v-w (ؤ، و).

Eserin pek çok yerinde ilgili harften sonra okuma metinlerine yer verildiği görülmektedir. Ancak bu metinler öğretilmeyen harfleri de içerdiğinden pedagojik açıdan uygun değildir. 53. sayfadan itibaren yazma alıştırmalarına da yer verilmiştir. Hatta ilk soruda, öğrencilerden sözcüklerin sonlarını değiştirerek tekrar yazmaları istenmiştir. Bu bölümde öğrencilerin isim ve fiil çekimlerini yapmaları istense de bu alıştırmalar öğrenci düzeyine uygun değildir.

Eserin iç kapağı ile son iki sayfası yayınevinin kendi reklamlarına ayrılmıştır.

Görsel 3: Biktavi'nin eserinin 4. sayfasından

Sonuç

Bu çalışmada, ilk mekteplerde okutulmak üzere usul-i cedid ilkelerinden olan usul-i meddiye ve usul-i savtiye kurallarına uygun olarak hazırlanan iki alfabe kitabını tanıtmaya çalıştık. Tarih boyunca ulusların kullandığı alfabeler de dilleri kadar önemli olmuştur. Türklerin de tarih boyunca pek çok değişik alfabe kullandığını bilmekteyiz. Bunlardan en uzun süre kullanılanı Arap harflerine dayalı alfabe olmuştur ve bu alfabe ile yazılan eserlerin okunuş zorluğu, bazı sözcüklerin karıştırılma tehlikesi gibi sorunlar hep tartışıla gelmiştir. Özellikle XIX. yüzyılın son çeyreğiyle XX. yüzyılın başlarında Türk dünyasında alfabe tartışmaları ivme kazanmış; kimileri mevcut alfabeyi iyileştirme yolunu savunmuş, kimileri de Latin harflerinin kabulünün gerekliliğine dikkat çekmiştir. 1926 Bakü Kurultayı ile Türk dünyasında

peyderpey Latin harflerine geçiş süreci başlamıştır. 1911 ve 1915 yıllarında kaleme alınan bu eserlerin mekteplerde okutulacak son Arap harfli alfabeler olduğu görülmektedir ki, G. Biktavi de özellikle usul-i meddiye yöntemi için böyle söylemiştir.

Bu çalışmanın amacı usul-i cedit okullarında okutulmak üzere hazırlanmış olan iki önemli eseri tanıtmak, bugüne kadar yapılan alfabe çalışmalarına katkıda bulunmak olmuştur. Usul-i cedit, usul-i meddiye ve usul-i savtiye ile ilgili çalışmalara ek olarak yaptığımız bu araştırma bizzat örneklem yoluyla oluşturulduğu için ayrı bir önem taşımaktadır. İncelenen eserler de dönemin iki önemli ismi tarafından yazıldığı için önemlidir ve bu eserlerin de alfabe çalışmaları yapanlar tarafından bilinmesi gerekmektedir.

КАЙНАКÇA

1. Курбатов Х.Р. Татар теленен алфавит һәм орфография тарихы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. – 139 б.
2. Бакирова А.М. Татарское просвещение в Оренбургской губернии в конце XIX – первой четверти XX вв. Basılmamış Adaylık Tezi. – Orenburg. 2004.
3. Исмагилова С. Школьные учебники – духовная ценность народа (из истории учебников по татарской литературе) // Советская Тюркология. – 1990. – № 3. – С. 81–92.
4. Görgeç C. Hasan Sabri Ayvazof'un Usûl-i Tedrîs ve Ta'lîm-Terbiye Adlı Eseri ve Pedagojik Açından Değerlendirilmesi // Türklük Bilimi Araştırmaları (TÜBAR).– 2018. – № 44. – S. 79–106. URL: <https://doi.org/10.17133/tubar.382380> (дата обращения: 5.09.2024 г.)
5. İme G. Türk Çağdaşlaşma Sürecinde İsmail Gaspıralı Önderliğinde Başlatılan Usul-ü Cedit Hareketinin Rolü // Tarih Araştırmaları Dergisi, № 41(72), 2022. – S. 363–378. URL: <https://doi.org/10.35239/tariharastirmalari.924336> (дата обращения: 5.09.2024 г.)
6. Soyucok M. Usûl-i Cedit'te Okuma Yazma Öğretimi // Milli Kültür Araştırmaları Dergisi. – 2019. – № 3 (1). –S. 15–22.
7. Курбатов Х.Р. Татар теленен алфавит һәм орфография тарихы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. – 139 б.
8. Mamırbek G.M. Ahmet Baytursınoğlu'nun Önerdiği "Usûl-i Savtiye" Yöntemi. (Çevirenler: Ufuk Tuzman – Esra Yavuz Acar) // Kardeş Kalemler. – 2022. – № 189. – S. 66–67 .
9. Даутов Р.Н., Рахмани Р.Ф. Әдипләребез: биобиблиографик белешмәлек. 2 томда. – Т. I. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – Б. 480–484 б.

УДК 811.13

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛЕКСИК ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

И.О. Дильманов

Нукуский государственный педагогический институт (Нукус)

Общественно-политическая лексика тюркских языков всегда была хронологическим маркером перемен в истории тюркоязычных народов, оставаясь относительно устойчивой в стабильные периоды политической жизни и претерпевая значительные изменения в периоды социальных потрясений.

Ключевые слова: тюркские языки, общественно-политическая лексика, термин, языковые процессы.

The socio-political vocabulary of the Turkic languages has always been a chronological marker of changes in the history of the Turkic-speaking peoples, remaining relatively stable during stable periods of political life and undergoing significant changes during periods of social upheaval.

Key words: Turkic languages, socio-political vocabulary, term, language processes.

В общественно-политической лексике тюркских языков нашли свое отражение как политические и общественные преобразования в тюркоязычных странах, так и собственно тюркские (имеются в виду депортация узбеки, казахи, туркмены, каракалпаки, киргизы в 40-50-е гг. или попытки создания и независимого государства в конце 90-х гг. прошлого столетия). Устойчивый интерес к лингво- и социокультурным аспектам языковых процессов в различных лексических подсистемах младописьменных тюркских языков обуславливает актуальность исследования общественно-политической лексики тюркоязычных народов как особой языковой подсистемы, отражающей политическую и общественную жизнь этих народов.

Исследуется природа общественно-политической лексики как особой лексической подсистемы, дается характеристика ее состава и основных направлений анализа. Развитие общественно-политической лексики находится в неразрывной связи с возникновением новых общественных отношений и политических институтов. Поэтому общественно-политическая лексика (далее ОПЛ) предстает как лексическая подсистема, в которой получают вербальное воплощение те явления и понятия мировоззренчески-философской, политической, социальной, экономической сфер жизни общества, которые на определенное время становятся социально значимыми и активно обсуждаются политическими и общественными деятелями и СМИ. Такая тематическая неоднородность позволяет включать в состав ОПЛ элементы различных терминологических систем. Социально-политические преобразования общества влекут за собой включение в состав ОПЛ не только политической, но и экономической, правовой, военной и религиозной лексики.

Область функционирования ОПЛ – средства массовой информации (периодическая печать, радио, телевидение, Интернет) и публичные выступления политиков и общественных деятелей. Представляя собой незамкнутую систему наименований, характеризующих общепонятностью и активным взаимопроникновением ее единиц и общелитературной лексики, в зависимости от политической, идеологической позиции адресанта эта лексика содержит различную идеологически ориентированную оценку, которая эксплицитно реализуется в речи. Таким образом, характерными чертами ОПЛ являются:

- отражение политической деятельности государства, политических и общественных объединений, институтов власти, актуальных событий экономического, военного, социального характера в различные исторические периоды;
- большой объем и широкое распространение ОПЛ в средствах массовой информации и публицистике;
- динамичность, чуткое реагирование на социально-политические изменения в обществе;
- устойчивость в стабильные периоды общественной жизни и подверженность кардинальным изменениям в периоды социальных потрясений;
- общепонятность;
- идеологизированность;
- полисемантическую и экспрессивность, позволяющие отражать идеологически ориентированную и эмоциональную оценку говорящего.

Общественно-политическая лексика обычно анализируют по количественным, словообразовательным, семантическим параметрам, по степени открытости/закрытости лексико-семантических групп общественно политической лексики и соотношению исконной и заимствованной лексики в ее составе.

Тематическая классификация подразделяет общественно-политическая лексика тюркских литературных языков на следующие группы:

– политическая лексика, например: Парламент Республики Узбекистан – парламент Туркменской республики и др.;

– экономическая лексика, например: частый предприниматель – частный предприниматель, рыночные отношения, приватизация; хозрасчет и др.;

– правовая лексика, например: машар бен суьдахой – мировые судьи, Верховный Суд, Арбитражный Суд и др.;

– военная лексика, например: блиндаж – блиндаж, превентивные удары, бойцы спецназа и др.;

– религиозная лексика, например: шариат, религиозная община, шариатский судья и др.

Основные этапы развития общественно-политической лексики тюркских литературных языков дается краткая характеристика этих языков и периодизация формирования общественно-политической лексики тюркских языков на основе исторических событий в жизни тюркоязычных народов. Узбекский, казахский, туркменский, киргизский, каракалпакский языки являются родственными, при этом каждый имеет самостоятельную письменность. Оба языка объединяют под названием «тюркские».

Несмотря на существенные фонетические, морфологические и отчасти лексические расхождения между тюркскими языками, каракалпаки, казахи, узбеки, киргизы хорошо понимают друг друга.

Сближение тюркских разговорных языков сопровождается как проникновением некоторых особенностей узбекский, каракалпакский, казахский, туркменский нивелировкой многих особенностей обоих разговорных языков.

В истории развития тюркских литературных языков, и общественно-политической лексики в их составе, выделяются два главных периода: дореволюционный (до 1917 г.) и послереволюционный. Соответственно, послереволюционный период делится на следующие этапы:

– первый этап: 1917 – начало 1940-х гг.

– второй этап: 1944–1957 гг.

– третий этап: 1957–1990 гг.

– четвертый этап: с 1991 г. по настоящее время.

Дореволюционный период (до 1917 г.) охватывает значительный этап в истории тюркских языков. Общественно-политическая лексика того времени была обусловлена соответствующей общественной средой и служила для удовлетворения потребностей людей в общении. На ранней стадии развития доля иноязычных заимствований была незначительной, язык развивался в основном за счет внутренних ресурсов. Примером ОПЛ того времени могут служить слова *совет старейшин, кровная месть, человек, объявленный вне закона, помощь всей общины нуждающимся, старшина (административная должность), законодатель, старейшина*. Общественно-политическая лексика тюркских языков пополнялась и благодаря расширению политических, экономических и культурных связей с другими тюркоязычными народами.

Появились заимствования из арабского (*дунё – мир; зикир – религиозные песнопения; шариат* и др.); из тюркских языков (*ахча – деньги; қалға – крепость* и др.); из иранских языков (*туьма – десять рублей; дари – шелковая материя* и др.).

Заемствования этого периода подвергались значительным фонетическим изменениям. Этот период можно назвать периодом зарождения общественно-политической лексики тюркских языков, когда был заложен фундамент того пласта лексики, который отражал общественно-политические процессы, происходящие в обществе.

Послереволюционный период охватывает несколько этапов, каждый из которых имел огромное значение для становления вайнахских языков, развивающихся, как и любой другой язык, в неразрывной связи с развитием общества.

Первый этап (1917 г. – начало 1940-х гг.) включает в себя время революций в России и создание советского государства вплоть до начала 40-х годов XX в. На данном этапе выполнялись следующие задачи: создание письменностей, орфографии; открытие школ на родных языках; разработка терминологии; издание учебных пособий; расширение общественных функций литературных языков. Создание своей национальной письменности, периодической печати, школы, литературы на родном языке имело огромное значение для быстрой ликвидации неграмотности, повышения политического, экономического и культурного уровня чечено-ингушского народа.

Вайнахско-русские этнические и языковые контакты сопровождались развитием двуязычия. Интенсивный характер взаимоотношений, развитие письменности на русской графической основе, повышение уровня грамотности и овладение русским языком легли в основу билингвизма. Основной состав лексических единиц, пополнивших ОПЛ, – это слова, заимствованные из русского языка (*совет, собраны, суд, кулак*) или через него (*революци, агитаци, документ, лотерей, комиссар*). Незначительность изменений заимствованных слов по сравнению с предыдущим периодом объясняется как наличием письменности и литературного языка, так и растущим двуязычием вайнахских народов. Наряду с заимствованиями использовались и внутренние языковые ресурсы для отражения в языке новых понятий и явлений (*Иедал – власть, лакхера суд – верховный суд, планови бахам – плановое хозяйство, гиулакхлелархо – делопроизводитель*).

На **втором этапе** (1944–1957 гг.) работа по широкомасштабному изучению различных аспектов тюркских языков была полностью остановлена в связи с депортацией чечено-ингушского народа и ликвидацией тюркоязычных народов 1944 году. Прерванное депортацией изучение и развитие тюркских литературных языков возобновилось в конце 50-х годов, когда была восстановлены Союзных республик.

Третий этап (1957–1990 гг.) в жизни вайнахских языков делится на доперестроечный и перестроечный этапы и начинается с восстановления союзных республик в 1957. В 60–80-е годы возобновилось научное изучение языков, фольклора, истории тюркоязычных народов.

Развитие сельского хозяйства, промышленности, культуры, науки способствовали массовому проникновению советизмов и интернационализмов в тюркские языки.

Пополнение общественно-политической лексики тюркских языков новыми словами и выражениями в доперестроечный период осуществлялось двумя путями:

- 1) за счет усвоения из русского языка готовых слов и словосочетаний;
- 2) за счет использования лексических и словообразовательных средств родного языка. Все русские и интернациональные термины, состоящие из

отдельных цельнооформленных слов и передающие понятия, которые отсутствовали в тюркоязычных языках, делятся на цельнооформленные и составные.

1. Цельнооформленные существительные:

а) полностью сохранившие в именительном падеже единственного числа структуру, характерную для русского языка: *Совет, съезд, актив, ячейка* и др.;

б) вошедшие в чеченский и ингушский языки с усечением части окончания: *сессия, правление, конференция, декларация*. Вступая в сочетания как с заимствованиями, так и с исконными словами.

2. Составные термины:

а) все компоненты этой группы слов являются заимствованиями: *Советски Союз (Советский Союз), советски органиш (органы советской власти)*;

б) составные слова, где к основам заимствованных существительных присоединяются формообразовательные аффиксы чеченского и ингушского языков: *коммунизмат принципат (принципы коммунизма), колхозан правлени (правление колхоза)*;

в) составные слова, состоящие из исконных и заимствованных слов: в чеченском языке – *СССР-н Лакхара Суд (Верховный Суд СССР)*, в ингушском языке – *СССР-а Лакхера Суд (Верховный Суд СССР)*. Широкомасштабные преобразования в жизни нашей страны произошли в середине 80-х гг.: наступил период перестройки и гласности, который принес с собой не только новые веяния в области господствующей идеологии и в экономике, но и явную смену культурных ориентиров. Период этот был достаточно недолгим и завершился в 1991г. распадом СССР, изменением политического и экономического строя в России. ОПЛ как чеченского, так и ингушского языков чутко реагировала на происходящие в стране перемены.

Перестройка советского государства привела к значительному обновлению общественно-политической лексики вайнахских языков. Результатом смены идеологий был переход в разряд историзмов слов, обозначавших советские реалии (*совет, колхоз, социалистический пятилетний план*).

Некоторые лексические единицы в составе ОПЛ появились путем идеологизации одного из значений. Например, слово «*хийнцина юхадяхиоттор*» (чеч.) I «хийца юхадар» (инг.) означало «*перестройка, реорганизация, восстановление*». Под влиянием изменений в обществе появилось новое идеологизированное значение «*реорганизация общества, его политического, экономического и социального устройства*». Возвращаются в активный запас ОПЛ историзмы и слова, потерявшие свою былую негативную окраску.

Четвертый этап начинается с распада СССР в 1991г. и разделения стран независимых государств.

Как и остальные этапы развития общественно-политической лексики тюркских языков, он неразрывно связан с общественно-политической жизнью независимых стран, в частности после распада Союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гладкова Е.Л. Пути развития общественно-политической лексики современного персидского языка – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 316 с.
2. Йазди А. Словарь политических терминов. – Тегеран, 1994. – 178 с.
3. Конституции стран независимых (на тюркских языках). – 2004. – 112 с.
4. Ошеева Ю.В. Политическая лексика и фразеология русского языка: 1995–2000 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2004. – 21 с.

МНОГОТОМНАЯ ТАТАРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ОТ КНИЖНОЙ ВЕРСИИ К ОНЛАЙН ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Р.Г. Закиева

*Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова АН РТ
(Казань)*

В статье описан опыт становления татарской онлайн энциклопедии. Tatarica разрабатывается с целью распространения достоверной информации об истории, языке, литературе, культуре татарского народа и других народов, проживающих на территории Республики Татарстан и за ее пределами.

Ключевые слова: татарский народ, энциклопедистика, многотомная татарская энциклопедия, онлайн энциклопедия, Tatarica.

The article describes the experience of the formation of the Tatar online encyclopedia. Tatarica is being developed in order to disseminate reliable information about the history, language, literature, culture of the Tatar people and other peoples living on the territory of the Republic of Tatarstan and beyond.

Key words: the Tatar people, Encyclopedistics, multi-volume Tatar encyclopedia, the online encyclopedia, Tatarica.

В 1994 году, на базе отдела Татарской энциклопедии при Президиуме Академии наук Республики Татарстан был образован Институт Татарской энциклопедии (с 2014 г. Институт Татарской энциклопедии и регионоведения, с 2024 г. Институт Татарской энциклопедии и регионоведения имени М. Хасанова). Институт на протяжении многих лет продолжает оставаться ведущим центром по изучению и сохранению истории, культуры и традиций татарского народа, а издания, разработанные коллективом института, составляют основу современной татарской энциклопедистики.

Главным проектом института является многотомная «Татарская энциклопедия» на русском и татарском языках в шести томах [1]. «Татарская энциклопедия» представляет собой системный труд, содержащий комплексный свод знаний о явлениях, событиях, персонах, связанных с Республикой Татарстан и татарским народом с древнейших времен и до наших дней. Она включает статьи об известных ученых, исследователях, деятелях культуры и искусства, здравоохранения, образования, религиозных, общественных, политических деятелях и др. В «Татарской энциклопедии» нашли отражение сведения не только о гражданах Татарстана, но и о знаменитых татарах, проживающих за пределами республики, представлены сведения о коренных народах Республики Татарстан.

Важно отметить, что работа над энциклопедией не прекращается, и коллектив института продолжает совершенствовать и актуализировать ее содержание, учитывая изменения и события, происходящие в современном мире.

Тома «Татарской энциклопедии» были изданы ограниченным тиражом. Ими были обеспечены школьные и массовые библиотеки, и только малая часть поступила в свободную продажу и сегодня их просто не найти, за исключением последних томов. Энциклопедическая информация оказалась труднодоступной для аудитории читателей. Но была и основная проблема – это потеря актуальности информации. А переиздание существующей энциклопедии не приближало к решению проблемы. Таким образом зародилась идея создания уникальной в своем роде татарской онлайн энциклопедии.

Перед инициаторами стояла задача создать полноценный онлайн ресурс, доступный каждому пользователю интернета. Разработка проекта «Онлайн энциклопедия Tatarica» осуществляется Институтом татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук РТ в рамках государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа», утвержденной постановлением Кабинета Министров РТ № 785 от 21 октября 2013 г. с изменениями, внесенными Постановлением Кабинета Министров РТ № 926 от 30 ноября 2017 г. Из названия становится ясно, что речь идет о «Татарской энциклопедии».

Разработчиками онлайн энциклопедии определены минимально необходимые условия, при выполнении которых сетевой энциклопедический ресурс может быть назван онлайн энциклопедией:

- технология онлайн среды;
- свободный доступ к контенту;
- объективность публикуемой информации;
- периодическое обновление контента [2: 107].

В качестве методологических основ для проекта послужили принципы доступности и актуализации, объективности, многомерности и принцип технической готовности портала к изменениям.

Ресурс доступен на всех электронных устройствах, адаптирован для мобильных телефонов, предоставляющих пользователю информацию в любом месте в любое время, т. е. по принципу «Здесь и сейчас».

Онлайн энциклопедия по сравнению с печатной версией имеет ряд преимуществ: отсутствуют ограничения по количеству и размеру статей, объему фотографий, видео-, аудиофайлов. Пользователю предоставляется неограниченный доступ к информации, имеется возможность актуализации статей, копирования, сохранения и импортирования информации. Если тома «Татарской энциклопедии» первоначально печатались на русском, потом – только на татарском языке, то онлайн энциклопедия разрабатывается по другому принципу: программное обеспечение портала Tatarica выполнено таким образом, что статьи на татарском и русском языках на портал загружаются одновременно.

Источниковой базой онлайн энциклопедии служат статьи многотомной Татарской энциклопедии, прошедшие оценку на их объективность, вся информация, опубликованная на портале Tatarica является научной и достоверной. Практически каждая статья включает десятки страниц материалов архивных документов, научных монографий и статей. Энциклопедические статьи в онлайн энциклопедии Tatarica сопровождаются контекстными фотографиями и изображениями, аудиозаписями и видеоматериалами. Благодаря этому пользователи рассматривают портал Tatarica как надежный источник данных, а это является важным фактором для сайта справочной информации.

Таким образом, создание татарской онлайн энциклопедии стало значительным шагом в сохранении и развитии татарской культуры и языка. Этот проект объединил усилия множества людей, стремящихся обеспечить доступ к качественной и проверенной информации. В будущем татарская онлайн энциклопедия имеет потенциал стать еще более значимым источником знаний, способствующим развитию научного и культурного обмена между разными поколениями и народами.

За несколько лет работы над проектом удалось достичь немалых результатов, работа над проектом продолжается, и многое еще предстоит сделать.

В дальнейшем функционал энциклопедии будет расширяться, содержание энциклопедических статей будет актуализироваться по мере необходимости. Институт создает огромное количество историко-культурного, научно-образовательного контента на татарском и русском языках, делая его доступным и привлекательным для пользователей онлайн энциклопедии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002–2014. – Т. 1–6; Татар энциклопедиясе. – Казан: ТР ФА. Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты).
2. Ялалов Ф.Г. Научно-методологическая концепция онлайн-энциклопедии Tatarica 2.0. Монография / Ф.Г. Ялалов, И.А. Гилязов. – Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2018. – 132 с.

УДК 81'27

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ МАТЕРИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПРАЗДНИЧНОМ ДИСКУРСЕ

В.М. Иваненко

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(Санкт-Петербург)*

Статья посвящена образу матери, складывающемуся в сознании немецкоговорящих языковых личностей с рождения и развивающемуся на протяжении всей жизни человека. Исследование направлено на выявление ключевых метафорических моделей, которые используются носителями немецкой лингвокультуры в связи с празднованием Дня Матери. Языковым материалом послужили 122 текста жанров «поздравление», «пожелание» и «благодарность».

Ключевые слова: лингвокультура, метафора, метафорическая модель, метафорический образ, образ матери, праздничный дискурс, праздник.

The article is devoted to the image of the mother, which takes shape in the minds of German-speaking linguistic individuals from birth and develops throughout a person's life. With the help of metaphors, as the main tool for a person's cognition of not only the material part of the world, but also the sensory one, it becomes possible to highlight the key metaphorical models formed in the minds of German speakers with the help of metaphors of festive discourse (Mother's Day). The language material was 122 texts of the genres "congratulations", "wishes" and "gratitude".

Keywords: linguoculturology, metaphor, metaphorical model, metaphorical image, mother image, festive discourse, celebration.

В каждой лингвокультуре образ матери закладывается с рождения и развивается, живет не только в человеке, но и в языке. Образ матери, как и любого другого человека, играющего столь важную роль в жизни каждого ребенка, является лабильным, зависит от социума, культуры и языка. Что касается последнего, то наиболее репрезентативным является образ матери, конструируемый метафорами в рамках праздничного дискурса, а именно – в рамках праздника, посвященного матерям – Дня Матери (Muttertag), приходящегося на 12 мая. В качестве языкового материала было отобрано 122 текста жанров «поздравление», «пожелание» и «благодарность», источниками которых являются немецкоязычные онлайн-ресурсы.

Сутью любого праздника, согласно Р. Кайуа, является его сакральность, обращение к иному миру, словно человек отрывается от повседневной жизни [1: 220]. В соответствии с этим, как праздничный день отличается от других, так и речь во время праздника аккумулирует в себе наиболее яркие, ключевые смыслы, представления, и образы. Таким образом, выделяется и праздничный дискурс, понимаемый Ю. А. Эмер как «особый тип речевой ритуальной групповой деятельности, в которой текстовый континуум предстает как эстетически обработанный и детерминированный социокультурной ситуацией» [2: 53]. В рамках праздничного дискурса реализуется ряд свойственных ему жанров, например, *воспоминания, благодарности, извинения, поздравления, пожелания, тост*, где ключевыми жанрами являются последние три [2: 64]. Таким же образом, как праздник выделяется среди других дней, а вместе с ним и речь, выделяется и метафора в ней, так как, например, в понимании М. Блэка метафорическое использование выражения проявляется в его использовании, отличном от его обычного или прямого смысла [3: 279]. Кроме этого, метафоры относятся к абстрактной чувственной сфере [4: 166]. Это означает, что сами они создаются на уровне чувств и для их выражения, а также способствуют упорядочиванию и структурированию выражаемого абстрактного, за счет чего и формируются метафорические образы.

В рассматриваемых жанрах *благодарность, поздравление, пожелание* образ матери немецкоязычного праздничного дискурса конструируется благодаря *антропоморфной, предметной, пространственной и духовной* метафорам. Реализуясь посредством вышеперечисленных метафор и соответствующих им лингвокультурных кодов, образ матери можно представить при помощи полевой структуры (рис. 1), где ядром является мать, а наиболее приближенными к ядерной части являются метафорические осмысления матери как целого мира, ангела и Бога, что представляет собой **духовную** метафору.

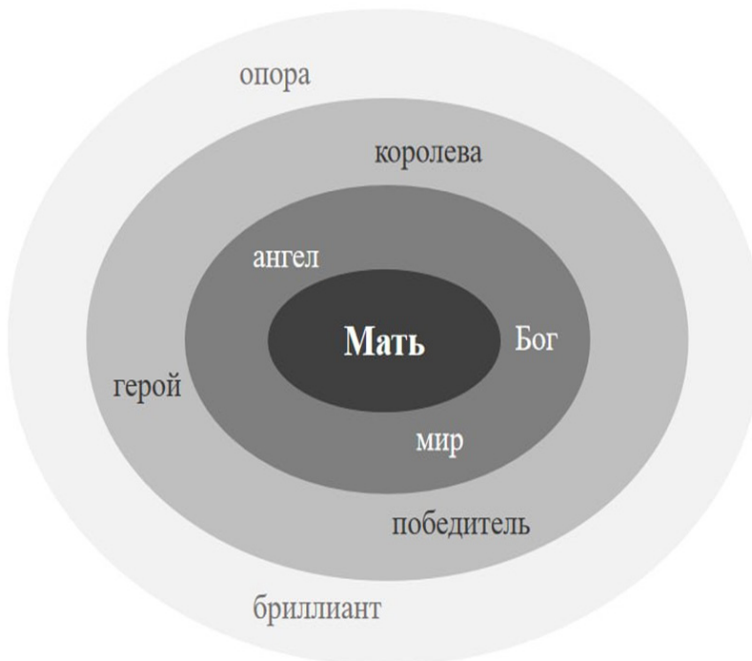

Рис. 1. Метафорическое моделирование образа матери

Изначально онтологичный духовный код, пронизывающий бытие, формирует ментальность, обуславливая не только поведение и деятельность людей, но и их отношение к окружающим. Образное представление матери в сознании носителей немецкого языка как божественного и священного указывает на ее ценность, выделение среди других людей. И, можно сказать, на вознесение над всеми, на ее положение в центре мира, на человека, с которого начинается мир.

Например, мать, разделяя общее пространство с ребенком, имеет четкое расположение рядом с ним, а именно «за ним»: «*Mein Leben ist schön, weil Du hinter mir stehst*». Такое положение в пространстве относительно человека, тем более ребенка, отсылает к *Ангелам(-хранителям)*, посланным Богом для поддержки, помощи, указания верного пути и т. д.

Зачастую мать приравнивается к целому *миру*, который является Богом, следовательно, она вездесуща, а ее дух пронизывает все существующее вокруг: «*Liebe Mama, Du bist einfach alles für uns!*»; «*liebevoll verfasse ich daher diese Zeilen für Dich, / weil Du einfach alles bist für mich!*». Напрямую обозначается сотворение богом матери, так же, как и мира: «*Weil Gott nicht überall sein konnte, schuf er die Mutter!*» – данный фрагмент поздравления указывает также на метафорическое переосмысление матери как самого *Бога*, так как его необходимо «заменять» – *Weil Gott nicht überall sein konnte*.

Помимо этого, мать обладает собственным внутренним миром, в который встраивается душа, наполняющая это пространство, но она обретает собственные размеры, грани, на которые указывает фразеологизм: «*Du bist einfach wunderschön bis ins Mark / Mama, alles Liebe zu Deinem Muttertag!*». Таким же образом во внутренний мир матери встраиваются и такие категории как *любовь, забота, вдохновение*: «*Für das was du für mich getan, / stets voller Liebe, Sorge und Elan*». Данные категории, хоть и подразумевают определенные действия в реальности, но являются абстрактными, «наполняющими» сущность матери как человека. Следует вывод, что мать, имеющая душу с собственной глубиной, наполненная любовью, заботой и аналогичными категориями, понимается как микрокосм, что возвышает ее среди других людей. Понимание матери как отдельной вселенной указывает также на ее индивидуальность.

Неоднократно упоминается и жертва матери, которую она приносит ради своих детей, в соответствии с чем она метафорически переосмысливается как *Бог*, забравший все грехи человечества и принесший себя в жертву ради спасения людей: «*...und die Mutter opfert sich, / mich gesund zu pflegen*»; «*Frohen Muttertag an die Frau, die alles für mich opfert*».

Более отдаленно от ядра в полевой структуре располагаются номинации матери как королевы, героя и победителя, реализующиеся с помощью антропоморфной метафоры, соответствующей антропоморфному коду лингвокультуры, подразделяющемуся на *индивидуальный*, включающий в себя все то, что связано с самой языковой личностью, и *социальный*, соотносящийся, например, с интерперсональными метафорами и метафорами занятий.

Исходя из языкового материала, *быть матерью* понимается как *работа*, зачастую не из легких: «*Ja, Muttersein ist ein wahrer Vollzeitjob*»; помимо этого у матери есть обязанности, которые именно благодаря прилагательному *mütterlich* становятся специфичными именно для нее и для ее деятельности, как и в любой профессии на любой должности: «*Du hast alle mütterlichen Aufgaben stets souverän, ausdauernd, liebevoll und humorvoll gemeistert!*».

На профессию также указывает и «повышение», желаемое ребенком для матери: «...am ehrenwerten Muttertag, / *gebührt dir höchster Rang*».

Помимо этого, матери приписывается главенствующая роль, в которой она понимается как *королева*, например, через механизм метафорического переноса из области-цели в область-источник: «Мама, du bist meine Königin». На статус королевы указывает и обозначение праздника адресантом: «Es ist ein heute ein großer Tag dir zu Ehren»; «Mutter, / es ist ein Tag dir zu Ehren...». Такое понимание матери в сознании носителей немецкого языка подразумевает власть в ее руках и неприкосновенность, что вновь возвышает ее среди других людей.

Со статусом королевы тесно связан героизм и самоотверженность, поэтому, в сознании немецкоговорящих языковых личностей, мать понимается как *герой*: «Du bist meine Heldin...»; а также и как *победитель*, что имплицитно указывает на выделение матери среди остальных, обозначение ее как «лучшей»: «...du bist für mich ein wahrer Sieger...». Понимание матери героем и победителем указывает на выделение матери среди остальных путем обозначения ее как «лучшей».

Образ матери формируется и через разнообразные предметные метафоры, связанные как с областью природного предметного мира, так и предметного мира, созданного руками человека. Мать представляется в сознании немецкоговорящих языковых личностей как *поддержка / опора*, что свидетельствует о понимании матери как единственной надежной опоры для ребенка: «Deshalb sage ich danke, dass auf dich immer Verlass ist»; «Мама, du bist mein Fels in der Brandung». Как в первом, так и во втором приведенных примерах предметная метафора относится к натурфактурам. Существительное *Fels* обозначает созданную природой скалистую возвышенность, в то время как во втором поздравлении присутствует фразеологическое единство *auf dich ist immer Verlass*, имплицитно выражающее понимание матери как опоры, созданной природой, а не человеком; посланной свыше. Но зачастую мать осмысливается через артефакты, например, как *бриллиант*: «Du bist der Diamant in meinem Leben, Мама»; «Für mich bist du ein Diamant, / hell leuchtend wie ein Stern...»; как *якорь*: «Eine Mutter ist der Anker, der uns in stürmischen Zeiten festhält»; как *подарок*: «Du bist das beste Geschenk, das mir das Leben je gemacht hat»; как *ориентир*, помогающий не потерять верный путь: «Ohne dich wüssten wir nicht, wo wir bloß im Leben stehen würden»; как *выигрыш / приз*: «...damit habe ich wohl mehr als einen 6er im Lotto gewonnen, / nämlich die großartigste Mutter der Welt...».

Таким образом, образ матери в немецкоязычном праздничном дискурсе конструируется благодаря следующим метафорам, являющимся имманентными соответствующим кодам лингвокультуры: антропоморфному, предметному и духовному кодам. Реализуясь посредством вышеперечисленных метафор и соответствующих им лингвокультурных кодов, образ матери можно представить посредством следующих метафорических моделей, соединяющих понятийные сферы (рис. 1): *мать* → *Бог*, *мать* → *якорь*, *мать* → *герой*, *мать* → *Ангел (-хранитель)*, *мать* → *победитель*, *мать* → *бриллиант*, *мать* → *приз / выигрыш*, *мать* → *мир*, *мать* → *ориентир*, *мать* → *работа*, *мать* → *подарок*, *мать* → *королева*, *мать* → *поддержка / опора*.

Кроме этого, в моделировании образа матери путем пространственной метафоры участвуют две понятийные сферы – сфера *внешнего* и *внутреннего* мира, на основании чего можно утверждать, что *мать* не является социаль-

ным статусом, приобретаемым в процессе жизни с появлением ребенка. Она осмысливается как сам мир, имея свой собственный внутренний. Таким образом, мать для представителей немецкой лингвокультуры является единственным человеком, иначе говоря, спутником всей жизни, на которого можно надеяться и полагаться в любой ситуации. Следует сказать, что образ матери, складывающийся в сознании немецкоговорящих языковых личностей, носит не только антропоцентрический характер, благодаря чему мать принимает главенствующие социальные роли, такие как, например, «королева», но и богоцентрический характер, за счет которого мать выделяется не только среди остальных людей, но и возвышается как единое начало всего над миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М.: ОГИ, 2003. – 296 с.
2. Эмер Ю.А. Праздничный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 4 (16). – С. 53–68.
3. Black M. Metaphor // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. – Vol. 55 (1954–1955). – P. 273–294.
4. Schmitt R. Metaphernanalyse und helfende Interaktion // Psychomed. Zeitschrift für Psychologie und Medizin. – Heft 3, 12. Jahrgang. – München: Reinhardt-Verlag, 2000. – S. 165–170.

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. Spruch und Wunsch. – URL: <https://spruch-und-wunsch.de/gruesse-zum-muttertag.html> (дата обращения: 28.03.2024).
2. SMSMICH. – URL: <https://www.smsmich.de/sprueche/Muttertag/index.shtml> (дата обращения: 28.03.2024).
3. Finestwords. – URL: <https://finestwords.de/muttertagsgruesse/> (дата обращения: 28.03.2024).
4. Deingedicht. – URL: <https://www.deingedicht.de/persoенliche-lieder/muttertagslieder> (дата обращения: 28.03.2024).
5. Fruеhlingsmensch. – URL: <https://fruehlingsmensch.de/kostenlose-glueckwuensche-zum-muttertag/> (дата обращения: 28.03.2024).

УДК 811.512.211

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ МОЛОДЕЖИ САХА (на материале контент-анализа эссе студентов)

Н.И. Иванова

ИГИиПМНС СО РАН (Якутск)

В этносоциолингвистических исследованиях посредством количественных методов устанавливается статистическая модель, которая выделяет его сущностное начало среди прочих, при этом применение методов триангуляции целесообразно для получения экспланаторного, объяснительного характера изучения объекта в совокупности его причинно-следственных взаимосвязей, позволяющих репрезентировать широкий диапазон качественных признаков. Контент-анализ на материале эссе студентов, написанных в 2014 и 2022 гг. на тему «Я как языковая личность», представил продуктивный метод извлечения «качественной» информации; выявил в исследуемый период положительную динамику набора мотивов молодежной аудитории, категоризирующих этноязыковую идентичность

(этноязыковую самоидентификацию, языковую компетенцию; установки и проблемы в применении языков).

Ключевые слова: контент-анализ, триангуляция, репрезентация, этноязыковая идентичность, молодежь саха.

In ethnosociolinguistic research, through quantitative methods, a statistical model is established that distinguishes its essential principle among others, while the use of triangulation methods is advisable to obtain an explanatory, explanatory nature of the study of an object in the totality of its cause-and-effect relationships, allowing to represent a wide range of qualitative features. Content analysis based on student essays written in 2014 and 2022. on the topic “I as a linguistic personality”, presented a productive method for extracting “qualitative” information; revealed during the period under study the positive dynamics of a set of motives of the youth audience that categorize ethnolinguistic identity (ethnolinguistic self-identification, linguistic competence; attitudes and problems in the use of languages).

Key words: content analysis, triangulation, representation, ethnolinguistic identity, Sakha youth.

Потребность в этносоциолингвистических подходах к исследованиям отношений язык – общество – этнос или язык – этническое общество возникла в российском полиэтническом пространстве как результат естественного стремления людей установить специфику языковых особенностей своей этнической общности, выявить ее ресурсы и потенциал в восстановлении языка, сохранении этнической идентичности. Цель статьи состоит в установлении актуальных смыслов содержания этноязыковой идентичности молодежи в условиях меняющейся реальности, оценки готовности молодежи к современным вызовам и угрозам.

Эмпирическую базу контент-исследования составляют количественные и качественные эмпирические данные. Для количественного блока использованы итоги опроса молодежи (N=240), проведенного в г. Якутске в 2021 г. «Качественный» блок состоит из текстов эссе – языковой самопрезентации студентов саха юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, написанных на тему «Я как языковая личность»¹. Из всего массива эссе отобраны и подверглись контент-анализу 36 текстов, написанных студентами-билингвами в 2014 и 2022 гг. Функция данного материала – категоризирующая, интерпретативная, анализируется прежде всего в контексте проблем билингвизма, позволяющем репрезентировать этноязыковую самоидентификацию, языковую компетенцию, проблемы применения языков и т. д.

Анализ нашего материала, представляющий динамику 2007, 2014, 2021 гг. в г. Якутске среди всей совокупности опрошенных и молодежи от 16 до 25 лет, показал изменения показателей этноязыковой самоидентификации у взрослых и молодых саха. Так, последний опрос выявил стабильность прямой этнической идентичности всей совокупности опрошенных саха и рост этнической идентичности у молодежи, показатели молодежи в 2021 г. приблизились к общим показателям. Данные мотивы встречаются в текстах эссе, выполненных в 2022 г. чаще, чем в написанных в 2014 г., сочинения студентов-будущих юристов сопряжены с чувством тревоги за судьбу родного языка. Одна-

¹ Тексты эссе любезно предоставлены доцентом кафедры общего языкознания и риторики филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, кандидатом филологических наук Т.А. Бердниковой.

ко, современная социокультурная ситуация, характеризующаяся динамичным распространением дву- и многоязычия, создает предпосылки для развития двойственной языковой идентификации – 12,2 % у всей совокупности и 15 % у молодежи. Данные тенденции нашли выражение в языковой самопрезентации студентов, выполненных как в 2014, так и в 2022 гг.: в них отразились и мотивы устойчивой языковой самоидентификации с различными вариантами языковой компетенции на родном языке: *«практически с 5 лет я привыкла автоматически погружаться и в якутский, и в русский языки. Но несмотря на это, родным языком считаю якутский, потому что до уровня “в совершенстве владею русским языком” как до небес. В то же время сказать, что “мой якутский совершенен” тоже не могу»* (С4-2014); *«...не могу сказать про свой родной язык. Не то, чтобы я знала свой родной язык и могла свободно говорить на нем, я просто понимаю, о чем говорят, но не могу ответить. Понимать и не говорить, наверное, странно, скажете вы. Но здесь нет ничего странного, ведь когда человек учится говорить на иностранном языке (а родной язык для меня как иностранный), ведь с детства учили говорить только на русском»* (С6-2014).

Ответы на вопрос опроса (2021 г.) «Согласны ли Вы с утверждением, что переход на другой язык означает утрату национальности?» выявил среди молодежи саха менее выраженную детерминированность этническим языком: не согласны 57,5 % молодежи саха, согласны 24,6 %, затруднились ответить 17,9 % респондентов. Предпосылки данного терпимого отношения были отмечены еще в опросе 2007 г. – на вопрос «Как Вы относитесь к людям своей национальности, не владеющим родным языком?» положительно ответили 39,4 % саха преимущественно в возрасте 26–35 лет, в том числе их количество на селе составило 32,1 %, в улусных центрах – 29,6 %. Обусловленность подобного отношения объективными реалиями указывает на значительную трансформацию в этноязыковых процессах: *«Может быть, это и выглядит странным, что якут по национальности не знает родного языка, но (в свое оправдание) я рос в русскоязычной семье, мои друзья разговаривали на русском, в школе преподавали на русском и, наверное, самым решающим фактором стало то, что у меня нет родственников в улусах, и в первый раз я поехал в деревню на лето только в 14 лет – в плане изучения языка те 3 месяца прошли не очень успешно»* (С12-2014); *«Так, на моей малой родине – Республике Саха (Якутия) говорят на якутском, но моим родным языком является русский язык. На этом языке разговаривает моя семья и разговаривали мои предки, хотя всю жизнь жили здесь»* (С8-2014).

Мы расцениваем данные явления как расширение круга социальной терпимости, обусловленных распространением культурной глобализации. Таким образом, динамика наших опросов отражает современный этноязыковой диссонанс: с одной стороны, наблюдаем усиление проявления этноцентризма у молодежи саха, с другой стороны – проявление фрагментации этноязыковой идентичности, что находит подтверждение и в других региональных исследованиях. Свободное владение этническим языком отражает некоторое повышение в сравнении с 2014 г. (77,2 %) и означает 79,6 %, но значительно ниже итогов 2007 г. (84,9 %). Однако наряду с ростом свободного владения продолжается умеренное распространение пассивных навыков владения этническим языком. Значительная часть молодежи (79,6 %), заявившая о свободном владении этническим языком, на самом деле представляет сообщество с функ-

ционально ограниченным якутским языком. Затрудняются в продуцировании якутского языка в публичных выступлениях, в дискурсе на профессиональные темы, но достаточно уверенно владеют разговорной формой, что массово подтверждается и в эссе студентов.

В опросе 2021 г. приблизительно 70 % всех опрошенных в г. Якутске связывают образ современного успешного человека с владением 3 языками – «нужно знать хорошо якутский и русский языки, и один международный язык». Установки в изучении языков и их использовании в повседневной жизни у молодежи направлены в основном на английский (30 %), на «якутский, русский и иностранный (европейский) языки» (15 %) и наблюдается весьма немассовый интерес к изучению этнического якутского языка (12 %). Данные тенденции показал и контент-анализ эссе, выполненных как в 2014, так и в 2022 г.: *«Также мне, как впрочем, наверное, многим другим людям, очень интересен английский язык, потому что, 1) легок в изучении, по крайней мере, по сравнению с другими языками, 2) приятное звучание слов, и, 3) не лишним будет сказать, что английский язык уже давно приобрел статус международного, глобального языка. Уровень владения данным языком, я определил бы как продвинуто-бытовой, т. е. достаточно, чтобы читать и понимать какие-либо статьи, книги, песни, без переводчика, а также адекватное владение разговорной речью, но недостаточно, чтобы с ходу понимать быструю, обремененную какими-то сложными оборотами, научными терминами, речь. Хотел бы отметить, что я постоянно развиваю уровень владения английским языком, к примеру, помимо изучения норм и правил, чтения книг и т. д. т. п., смотрю фильмы с русской озвучкой и английскими субтитрами, или наоборот, также, кроме письменной речи, практикую и устную речь тоже, ведь, для быстрого, качественного и эффективного овладения языком, важно не столько изучать, зубрить правила соответствующего языка, а сколько непосредственно практиковаться, общаться, очень важен эмпирический опыт»* (С14-2014); *«Мне очень нравится английский язык, им я владею не так хорошо, но я очень стараюсь его изучить. В настоящее время английский язык является самым популярным и распространенным языком в мире. Для этого есть много причин. Во-первых, он стал действительно важным в таких областях как туризм, бизнес, медицина, образование, информационные технологии, юриспруденция и т. д. Во-вторых, английский язык мелодичен и практичен в изучении. Помимо этого, знание английского языка открывает безграничные возможности в развитии карьеры и в обучении»* (С18-2022).

Таким образом, приходится признать многообразие экстралингвистических факторов, способствующих каналам усвоения неэтнического языка.

Осознание проблем родного языка является основным маркером этнической идентичности, символизирующим общность человека с родным (этническим) языком, историей, культурой, традициями. Молодежь наравне со всей этнической общностью оценивает современные языковые реалии – в 2021 г. оценку «с тревогой» выставили 56,8 % всех опрошенных и 51,2 % молодежи.

Утрата языковой компетенции в родном языке, свободного им владения в школьный период не раз упоминаются в эссе студентов: *«Степень владения якутским – ниже среднего, навыки утеряны в процессе обучения в русскоязычной школе. Могу писать и читать, но не понимаю многих слов. Родной язык использую только дома с родными и редко – с якутоговорящими друзьями»* (С7-2015); *«... в силу того, что мое владение якутским языком не развивалось*

в период обучения в школе, он у меня остался только на разговорном уровне» (С5-2014); «Вообще сейчас наш язык пропадает, как по мне это из-за того, что не во всех школах учат и углубленно изучают. И даже в интернете почти ничего нет. Как бы печально ни звучало, сегодняшняя молодежь не особо общается на якутском или вообще не понимает, так как все смотрят с малых лет гаджеты» (С24-2022). Молодежь достаточно четко осознает причины снижения к родному (этническому) языку, в сочинениях прослеживаются мотивы сохранения языка посредством его полноценного функционирования в семейном общении и образовательной сфере.

В Якутии в последнее время (2022 г.) доля родителей, отказывающихся от родного (этнического) языка в качестве компонента образования, значительно снижается. Большинство родителей (33,3 %) выбрали полилингвальную трехкомпонентную модель школы – с углубленным изучением иностранных (европейских, восточных) языков, где образовательный процесс ведется на русском языке и преподается якутский язык как предмет.

Между тем снижение языковой компетенции молодежи имеет все предпосылки к дальнейшему ее снижению у последующих поколений с ограниченным компонентом родного языка в образовании вследствие изменяющихся экстралингвистических условий, а именно глобализации – распространением глобального английского языка и массовой интернетизации, кибернетизации. Исследование детей саха дошкольного возраста в 2021 г. выявило негативные изменения в речевом поведении: в сельской местности до 7% детей дошкольного возраста в повседневном общении используют лишь русский язык, что по сравнению с городскими детьми имеет не столь массовый характер, но представляет собой новое, отрицательно воспринимаемое всей этнической общностью явление. При этом доля детей, свободно владеющих родным языком, составляет всего 34% [1]. Языковой сдвиг, трансформация речевого поведения детей дошкольного возраста, проживающих в гомогенной якутоязычной сельской речевой среде, отражает существенные проблемы в воспроизводстве этнического языка. Нами данная ситуация оценивается как масштабная предкризисная, имеющая распространение, как в городском, так и в сельском социуме, точнее – в тех населенных пунктах, где устойчиво работает интернет.

В контексте последних лингвополитических установок в сфере образования, регламентирующих изучение государственных языков республик РФ, включая русский язык, по выбору обучающихся и родителей несовершеннолетних обучающихся [2], молодым респондентам в 2021 г. было предложено выбрать оптимальные для них модели изучения или обучения на родном (этническом) языке для детей саха. Наиболее приемлемый вариант для большинства молодежи от 16 до 25 лет составил ответ «Якутский язык должен обязательно изучаться всеми учащимися в равном объеме с русским языком»; варианты «Якутский язык должен изучаться только по желанию, независимо от национальности учащегося» и «Якутский язык должны обязательно изучать якуты, а другие национальности – по желанию» выбрали по 22% молодых респондентов. Интенции молодежи по сохранению родного (этнического) языка очевидны, как и убеждение, что изучение государственного якутского языка всеми обучающимися в той или иной степени, безусловно, является интеграционным фактором в гетерогенных сообществах региона.

Безусловно, указанные выше установки, обусловлены мотивами тревоги за будущее родного языка, и они встречаются в эссе, выполненных в 2022 г.

значительно чаще, чем в 2014 г.: «Якутский язык – язык, на котором говорили наши предки, язык, на котором будут говорить наши потомки. Родной язык – самое ценное богатство народа. Именно поэтому его нужно беречь и уважать. Для меня язык означает связь со своими корнями. На нем разговаривает моя семья, мои друзья. Это часть моей жизни. Это был язык моих предков. Мне не хочется забыть их культуру, так как тогда я потеряю часть самой себя и то, что связывает меня с Родиной» (С20-2022); «В заключение хочу сказать, что якутский язык я люблю больше, он хоть и не популярный, но он такой богатый язык, который согревает твою душу» (С5-2022); «Для меня родной язык является моей неотъемлемой частью, историей меня и моей семьи, моего народа. Благодаря ему я ощущаю себя частью чего-то общего, большего чем я сам. Родной язык – одна из важнейших частей самобытности какой-либо народности напрямую связана с его историей, культурой, особенностями. Именно поэтому я хочу улучшить свой уровень владения якутским языком, и, возможно, впоследствии передать его своим будущим детям» (С3-2022).

Контент-анализ эссе студентов выявил весь спектр проблем этноязыковой идентичности, в том числе языковой компетенции, функционирования языков в молодежной среде. Так, сочинения, выполненные в 2014 г., по тематическому содержанию можно подразделить на 4 группы: 1) мотив прямой языковой самоидентификации; 2) мотив повышения русской и якутской языковых компетенций, 3) незнание, утрата родного языка; 4) сильная мотивация на изучение английского языка.

В работах, выполненных в 2022 г., наблюдается их существенное расширение: 1) мотив прямой языковой самоидентификации; 2) двойная языковая идентификация как реалия сегодняшних дней; 3) мотив «отлучения» от родного языка; 4) мотив величия родного языка; 5) мотив тревоги за судьбу языка, его воспроизводство; 6) рассуждения об опасности исчезновения языков; 7) мотив осознания нужности родного языка; 8) мотивы билингвизма, полилингвизма; 9) мотив приоритета иностранных языков; 10) мотив приоритета русского языка; 11) мотивы отчуждения, дистанцированности от этнического языка; 12) мотив необходимости повышения русской и якутской языковых компетенций.

Применение контент-анализа выявило сущность и своеобразие этноязыковой идентичности молодежи, мотивы включенности/невключенности в этноязыковые процессы. При этом результатом, значимым для последующих социолингвистических исследований, явилось получение латентной информации – откровения студентов, содержащие разнообразные эмоции, оценки, отношения, восприятие ими языков, которые декодируют нюансы их отношения к тем или иным проблемам в сфере использования языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Н.И., Никитина В.Н., Филиппова А.Г. Социолингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования: истоки начинающегося кризиса // Научный диалог. – 2021. № 10. – С. 65-84. <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/3272/1764> (дата обращения: 07.04.2023).

2. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ // Система «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

ИССЛЕДОВАНИЕ МИКРО- И МАКРОТЕКСТА ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

М.М. Исламова

Университета им. Жумабека Ташенева (Шымкент)

За внешней формой языка – мысль, составляющая суть высказывания. Следовательно, предмет семантики – исследование структуры мысли. Каждый из периодов развития лингвистики, доминирование тех или иных подходов (структурализм, когнитивизм) вносит свой вклад в развитие человеческого представления об одной из самых больших тайн – языке и вербализации мысли. Проблемы языка и мышления, усвоения, осознания и обработки языковых знаков решаются в современной лингвистике с позиций когнитивизма, предполагающего известную степень допущений, что, прежде всего, связано с самим предметом исследования – ментальными процессами и их языковой экспликацией.

Ключевые слова: макро текст, микро текст, язык-мысль.

Behind the external form of language is thought, which is the essence of the statement. Consequently, the subject of semantics is the study of the structure of thought. Each of the periods of development of linguistics, the dominance of certain approaches (structuralism, cognitivism) contributes to the development of human understanding of one of the greatest mysteries – language and verbalization of thought. The problems of language and thinking, assimilation, awareness and processing of linguistic signs are solved in modern linguistics from the standpoint of cognitivism, which presupposes a certain degree of assumptions, which, first of all, is associated with the subject of the study itself – mental processes and their linguistic explication.

Keywords: macro text, micro text, language-thought.

Одним из подходов в поиске предельных составляющих человеческой мысли, высказанной словом, может стать – первая часть сложных слов, обозначающих процессы, происходящие на атомно-молекулярном уровне) исследование лексических единиц. Его цель – выявить те мельчайшие частицы смысла, которые в ряде случаев остаются за пределами традиционного компонентного анализа слова, однако их существование – факт, который выражается в особых ощущениях и импульсах, генерируемых данным словом, сочетанием данных слов, декодируемых через микро- или макротекст. Оговорим, что исследование актуально при исследовании особого уровня, там, где традиционные операции разложения семной структуры не вскрывают механизмов, обеспечивающих «расширение» смысловых возможностей слова.

Смысла, по всей видимости, структурируют «семантическую сеть», понимаемую как модель памяти. Идея семантической сети была разработана исследователями в области искусственного интеллекта, в дальнейшем она была развита в работах даже зарубежных лингвистов. В упрощенном виде семантическая сеть представляет собой совокупность точек, каждая из которых мыслится как узел; сцепление узлов – представление некоего понятия. Понятие в современной лингвистике трактуется как когнитивная категория, а система понятий – есть «форма выражения и сообщения наших мыслей, форма анализа действительности» [7: 159]. От понятия отграничивается концепт: понятия осмысливаются, концепты – переживаются [5: 123–149]. Подчеркиваем,

отграничивается, но не противопоставляется. Именно в своей совокупности, как рациональная и эмоциональная стороны одного явления, они удерживают в человеческой памяти объективные и субъективные представления о мире, выстраивая в сознании отдельного индивида его личностную систему ценностей и ориентиров в окружающей действительности. Наша интерпретация увиденного, услышанного, прочитанного базируется на культурных концептах, на узловых точках семантических сетей. Анализ семантических сетей на «микрохиргическом» уровне может быть также дополнен наномасштабным исследованием тюркоязычных источников.

Предметом нашего интереса является интерпретация текста. В упрощенном виде его можно сформулировать в вопросе: *О чем говорит адресант?* Ответ на него легко найти на линейном уровне текста. Но мы, задавая этот вопрос, не имеем ввиду предмет дискурса, а подразумеваем нечто, что «говорящий хотел, чтобы слушающий воссоздал в данный момент развертывания дискурса». Мы переносим ее в ситуацию «пишущий – читающий» и анализируем посредством исследования художественного текста, заостряя внимание на механизме, провоцирующем генерацию в слове смыслов глубинных, не всегда объяснимых с позиций классических методов анализа значений слова. Эти глубинные значимости избыточны для узуса.

Микротекст – это любой отрывок литературного произведения, который может быть охарактеризован с точки зрения внутренней завершенности. Макротекст – это совокупность текстов определенного автора, объединенных общим эстетико-философским содержанием, вплоть до целого корпуса текстов данного автора. Интертекст – «совокупность всех возможных интерпретаций аллюзий и параллелей, имплицитно содержащихся в данном тексте» [4: 564].

Полагаем, что «отмеченность» некоторых слов, а порой и всего микротекста, объясняется допущением, что помимо сем, поддающихся анализу на уровне компонентного исследования структуры лексического значения слова, в коннотации слова можно выделить мельчайшие частицы смыслов, заряженные очень мощной энергетикой, способной «вытолкнуть» данный смысл из глубинных пластов нашего подсознания и архепамяти. Эти мельчайшие смыслы-атомы находятся в постоянной диффузии и обладают способностью к сцеплению с другими, масштабно себе подобными, микроэлементами смысла. Это ведет к трансформации в смысловой структуре слова. В ней происходит процесс, напоминающий химическую реакцию, результатом которой может стать «выброс» на поверхность нового/неожиданного смысла-символа.

Смысл, создаваемый за счет движения в коннотации слова мельчайших энергетически заряженных частиц смысла, может создать при константе значения, зафиксированного посредством компонентного анализа, новое созначение. Это будет еще одна ипостась слова, возможно, элитарная.

Гиперсмысл слова можно представить как многоярусную абстракцию, в которой слово задано в совокупности своих ЛСВ; к этой системе подсоединяется модуль/модули – как некая общность понятия и отходящих от него образов, ассоциаций, коннотаций. Эта система диффузна и пластична. Мельчайшие частицы смысла не могут быть расшифрованными, если не произойдет известного совпадения целого ряда условий. Прежде всего, это – потребность автора «перезагрузить» слово, исходя из творческой задачи, ощущение автором пластики слова и почти интуитивной уверенности в способности данного семиотического знака «выдержать» нагрузку, иногда опираясь синтагматически,

а в некоторых случаях – на весь семантический крой текста. Но как бы изоциренно ни была сплетена семантическая сеть, она будет абсурдом, если ее невозможно расплести и найти искомое – смысл. Значит, для гиперсмысла нужны двое: адресант и адресат, автор и собеседник, которому ведома игра автора, он ощущает приглашение к ней и включается в процесс, который есть движение в гиперсмысловом пространстве текста и самих слов [6: 198–234].

За внешней формой языка – мысль, составляющая суть высказывания. Следовательно, предмет семантики – исследование структуры мысли. Каждый из периодов развития лингвистики, доминирование тех или иных подходов (структурализм, когнитивизм) вносит свой вклад в развитие человеческого представления об одной из самых больших тайн – языке и вербализации мысли. Проблемы языка и мышления, усвоения, осознания и обработки языковых знаков решаются в современной лингвистике с позиций когнитивизма, предполагающего известную степень допущений, что, прежде всего, связано с самим предметом исследования – ментальными процессами и их языковой экспликацией [1: 197].

Нами проанализированы тексты современных узбекских прозаиков. В текстах определены микро-, и макро семантические поля экстралингвистических и внутритекстовых структур. Особенно проанализированы тексты видного узбекского прозаика Уткира Хашимова, Ш. Холмирзаева и др. [3].

Одним из подходов в поиске предельных составляющих человеческой мысли, высказанной словом, может стать наномасштабное – первая часть сложных слов, обозначающих процессы, происходящие на атомно-молекулярном уровне) исследование лексических единиц. Его цель – выявить те мельчайшие частицы смысла, которые в ряде случаев остаются за пределами традиционного компонентного анализа слова, однако их существование – факт, который выражается в особых ощущениях и импульсах, генерируемых данным словом, сочетанием данных слов, декодируемых через микро- или макротекст. Оговорим, что наномасштабное исследование актуально при исследовании особого уровня, там, где традиционные операции разложения семной структуры не вскрывают механизмов, обеспечивающих «расширение» смысловых возможностей слова.

Наночастицы смысла, по всей видимости, структурируют «семантическую сеть», понимаемую как модель памяти. Идея семантической сети была разработана исследователями в области искусственного интеллекта, в дальнейшем она была развита в работах Ю. Черняка, Скэгга и других зарубежных лингвистов. В упрощенном виде семантическая сеть представляет собой совокупность точек, каждая из которых мыслится как узел; сцепление узлов – представление некоего понятия. Понятие в современной лингвистике трактуется как когнитивная категория, а система понятий – есть «форма выражения и сообщения наших мыслей, форма анализа действительности» [7: 159]. От понятия отграничивается концепт: понятия осмысливаются, концепты – переживаются [5: 187].

Подчеркиваем, отграничивается, но не противопоставляется. Именно в своей совокупности, как рациональная и эмоциональная стороны одного явления, они удерживают в человеческой памяти объективные и субъективные представления о мире, выстраивая в сознании отдельного индивида его личностную систему ценностей и ориентиров в окружающей действительности [6: 49–81]. Наша интерпретация увиденного, услышанного, прочитанного ба-

зируется на культурных концептах, на узловых точках семантических сетей. Анализ семантических сетей на «микрохимическом» уровне может быть также дополнен наномасштабным исследованием.

Предметом нашего интереса является интерпретация текста. В упрощенном виде его можно сформулировать в вопросе: *О чем говорит адресант?* Ответ на него легко найти на линейном уровне текста. Но мы, задавая этот вопрос, не имеем ввиду предмет дискурса, а подразумеваем нечто, что «говорящий хотел, чтобы слушающий воссоздал в данный момент развертывания дискурса». Шаумиян рассматривает таким образом ситуацию «слушающий – говорящий» и далее развивает ее через понятие «сцена». Мы переносим ее в ситуацию «пишущий – читающий» и анализируем посредством наномасштабного исследования художественного текста, заостряя внимание на механизме, провоцирующем генерацию в слове смыслов глубинных, не всегда объяснимых с позиций классических методов анализа значений слова. Эти глубинные значимости избыточны для узуса.

Микротекст – это любой отрывок литературного произведения, который может быть характеризован с точки зрения внутренней завершенности. Макротекст – это совокупность текстов определенного автора, объединенных общим эстетико-философским содержанием, вплоть до целого корпуса текстов данного автора. Интертекст – «совокупность всех возможных интерпретаций аллюзий и параллелей, имплицитно содержащихся в данном тексте» [2: 564].

Читая литературное произведение, любой читатель встречает слова, «несущие дополнительную смысловую нагрузку, окруженные особым коннотативным ореолом и нередко получающие символическую функцию. Чем объяснить их отмеченность? Причина могут быть самые разные. Их часто видят в сохранившихся в подсознательном слое психики архетипах, в архаических схемах мифологического мышления [5: 165] в культурах или библейских ассоциациях, ритуале или обряде – концептосфере, семиосфере, в личном опыте автора, иногда в самом звучании или совокупности слов» [5: 525].

Полагаем, что «отмеченность» некоторых слов, а порой и всего микротекста, объясняется допущением, что помимо сем, поддающихся анализу на уровне компонентного исследования структуры лексического значения слова, в коннотации слова можно выделить мельчайшие частицы смыслов, заряженные очень мощной энергетикой, способной «вытолкнуть» данный смысл из глубинных пластов нашего подсознания и архепамяти. Эти мельчайшие смыслы-атомы находятся в постоянной диффузии и обладают способностью к сцеплению с другими, масштабно себе подобными, микроэлементами смысла. Эта ведет к трансформации в смысловой структуре слова. В ней происходит процесс, напоминающий химическую реакцию, результатом которой может стать «выброс» на поверхность нового/неожиданного смысла – символа.

Смысл, создаваемый за счет движения в коннотации слова мельчайших энергетически заряженных частиц смысла, может создать при константе значения, зафиксированного посредством компонентного анализа, новое сознание. Это будет еще одна ипостась слова, возможно, элитарная.

Гиперсмысл слова можно представить как многоярусную абстракцию, в которой слово задано в совокупности своих ЛСВ; к этой системе подсоединяется модуль/модули – как некая общность понятия и отходящих от него образов, ассоциаций, коннотаций. Эта система диффузна и пластична. Мельчайшие частицы смысла не могут быть расшифрованными, если не произойдет

известного совпадения целого ряда условий. Прежде всего, это – потребность автора «перезагрузить» слова, исходя из творческой задачи, ощущение автором пластики слова и почти интуитивной уверенности в способности данного семиотического знака «выдержать» нагрузку, иногда опираясь синтагматически, а в некоторых случаях – на весь семантический крой текста. Но как бы изошренно ни была сплетена семантическая сеть, она будет абсурдом, если ее невозможно расплести и найти искомое – смысл.

Значит, для гиперсмысла нужны двое: адресант и адресат, автор и собеседник, которому введома игра автора, он ощущает приглашение к ней и включается в процессе, который есть движение в гиперсмысловом пространстве текста и самих слов [4: 200].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Символика уединения и единения в текстах Достоевского // Язык и культура. Факты и ценности. – М., 2001.
2. Бродский И. Письма римскому другу. – СПб., 2000.
3. Проза У. Хашимова, Ш. Холмирзаева и др.
4. Семиотика. – М., 2001. – 200 с.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – 2. изд., испр. и доп. – М.: Акад. проект, 2001. – 989 с.
6. Топоров В.Н. Миф, ритуал, символ, образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс, 1995. – 467 с.
7. Шаумян С. О понятии языкового знака// Язык и культура. Факты и ценности. – М.: 2001.

УДК 81

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ XXI ВВ.: ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ДАРВИША

Ф.Г. Исмаилова

Болгарская исламская академия (Казань)

Статья посвящена особенностям отражения ряда произведений М. Дарвиша с точки зрения такого нового направления в лингвистике как рефлексивная лингвистика, особенностями передачи образа «родины» в произведении М. Дарвиша, в частности в его произведении «Луна не распалась на куски» из сборника «Дневник обычного горя».

Для данного исследования был использован экспериментальный метод. Как пример нерелексивности на лексическом уровне рассматривали термин «родина» в рассказе из сборника «Дневник обыкновенного горя» – «Луна не упала в колодец».

Ключевые слова: Махмуд Дарвиш, рефлексивная лингвистика, сопоставительный анализа, рефлексивности/нерелексивности слов, сопоставительное языкознание.

The article is devoted to the peculiarities of reflecting a number of M. Darwish's works from the point of view of such a new direction in linguistics as reflexive linguistics, the peculiarities of conveying the image of "homeland" in M. Darwish's works, in particular, in his work "The moon did not fall to pieces" from the collection "Diary of an Ordinary Grief").

From the point of view of such a direction of linguistics as – reflexive linguistics when considering the works of M. Darwish the research was carried out, revealing the understanding of the meaning of the linguistic unit by the representative word homeland and land.

As an example of non-reflexivity at the lexical level we considered the term “homeland” in the story from the collection “Diary of an Ordinary Grief” – “The moon did not fall into the well”.

Key words: Mahmoud Darwish, Palestinian poet, reflexive linguistics, comparative analysis, reflexive/non-reflexive words, comparative linguistics, moral values, new linguistic directions.

В общем плане лингвокультурология определяется как комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании. Лингвокультурология – лингвистическая дисциплина, важной составляющей которой является лингвистика (шире – филология как наука, изучающая тексты).

Одним из направлений в лингвокультурологии можно (с определенной долей условности) считать логико-лингвистическое или концептологическое. Исследуются понятия, общие для научных теорий и обыденного сознания. Они актуальны для каждого человека, в них присутствуют личностные и социальные, национально специфичные и общечеловеческие моменты. Они подвергаются не только логико-языковому, но и лингвокультуроведческому анализу, поскольку употребляются в разных контекстах и дискурсах – обыденном, политическом, художественном, научном. В модель описания культурных концептов входят: 1) атрибуты, указывающие на их принадлежность к концептуальному полю; 2) определения, обусловленные системой ценностей; 3) указания на функции в жизни человека.

В соответствии с принципом экспланаторности («объяснительности») современная наука переходит от констатации и описания фактов к их объяснению. В этом смысле прогрессу лингвокультурологии будет способствовать объяснительная сила когнитивных методов, которые в сочетании с дискурсивным подходом позволят выявить глубинно-семантическую структуру и функциональное многообразие языковых единиц как знаков культуры. Еще Н. Винер подчеркивал удивительную способность человеческого разума работать с нечеткими, расплывчатыми понятиями, извлекая из них новое знание.

Статья посвящена особенностям отражения ряда его произведений с точки зрения такого нового направления в лингвистике как рефлексивная лингвистика, особенностями передачи образа «родины» в произведении М. Дарвиша, в частности сборника его произведений «Дневник обыкновенного горя».

Прежде чем говорить о рефлексивности в лингвистике необходимо в целом кратко рассмотреть глобальный процесс появления различных лингвистических направлений.

Современная лингвистика легко интегрируется с другими науками [1: 18].

Появление новых лингвистических направлений связано со стремлением объяснить язык как глобальное средство коммуникации, всесторонне описать его во всех его проявлениях [1: 18].

В настоящее время усилиями лингвистов сложился определенный образ языка [2: 134].

В данной статье хотелось бы рассмотреть такое лингвистическое направление как рефлексивная лингвистика [9: 74].

Наиболее ярко рефлексивность/нерефлексивность слов видна на материале ассоциативных словарей, когда на слово-стимул приводится список слов реакций, отражающих наиболее частые семантические связи данных слов [9: 78].

Обратимся к данным Словаря ассоциативных норм русского языка под редакцией А.А. Леонтьева. Рассмотрим список ассоциаций, приведенных (данных) на слово земля.

Как пример можно взять слова «земля». В словаре ассоциативных норм русского языка под редакцией А.А. Леонтьева приведен список ассоциаций. Наиболее часто земля ассоциируется с прилагательным «родная» и существительными «матушка» и «родина».

Также как пример нерефлексивной на лексическом уровне можно рассмотреть термин «родина». К сожалению, многие исследования, посвященные творчеству Дарвишу, рассматривают его творчество с политической точки зрения, забывая о лингвистической составляющей его произведения. Сборник произведений М. Дарвиша «Дневник обыкновенного горя» содержит ряд рассказов, каждый из которых написан в своей индивидуальной манере, но всех их объединяет тема родины.

Махмуд Дарвиш (1941–2008) – известный палестинский поэт и писатель. Большую часть жизни Дарвиш прожил в эмиграции.

Рассмотрим ряд его рассказов из сборника «Дневник обыкновенного горя» на предмет употребления терминов и выражений с точки зрения языковой рефлексии.

Как пример рефлексивности/нерефлексивности на лексическом уровне мы рассматривали термин «родина» в рассказе из сборника «Дневник обыкновенного горя» – «Луна не упала в колодец». Рассказ написан в форме диалога. Между внуком и дедом. Дедушка, находясь в изгнании, страдает по утраченной родной земле родине. Чувство тоски никак не выражено в прямом смысле, однако использованы ассоциативные образы, метафоры, отражающие тоску по родине.

Приведем ряд ассоциативных образов с использованием лексемы «родина». В нижеприведенных примерах автор М. Дарвиш использовал термин «родина» в различных значениях.

Родная страна, отечество:

1. Когда я натыкаюсь на камешки, похожие на мое сердце, я превращаю их раскаленными пальцами в слова, которые связывают меня с далекой родиной [14: 5].

2. Возможно, только благодаря нашему высокому мнению о ней что наша родина справедлива и прекрасна. Мы тоскуем не по пустоши, а по раю [14: 7].

Отчий дом, место рождения человека:

3. Друг моего отца, живший в Бейруте, не преувеличивал, когда говорил, что не преувеличивал, когда говорил, что чувствует запах лимонных деревьев в Яффо, когда они цветут по сезону. когда они цветут в сезон. Потом он умер [14: 9].

Взаимоотношения между человеком, гражданином и обществом:

1. Я имею в виду, что палестинцы не могут смотреть на свою родину с точки зрения потерянного рая, как арабы оглядываются на Андалусию или как верующие с нетерпением ждут своей награды в раю [14: 11].

2. То, что завоеватели должны размножаться себя на чужой земле, не гарантирует им права называть ее родиной. Но когда народ естественным

образом размножается на своей родине – это и есть преемственность нации и источник ее легитимности. [14: 14].

3. И мы не понимали, что наше физическое присутствие на родине означает отсутствие в глазах закона, который быстро ввели завоеватели [14: 16].

4. Идея родине, казалось, не нуждалась ни в интеллектуальных усилиях, ни в мобилизации общины, ни в планировании. Дом, фруктовый сад и плуг не были оружием. И призыв оставаться на месте, похоже, не был частью битвы [14: 19].

5. Израильтяне использовали этот уход как предлог для того, чтобы заявить, что у нас нет привязанности к родине и поэтому мы не привязаны к родине и поэтому не достойны ее, если мы можем так легко ее покинуть [14: 20].

6. Беженцев проклинают на родине и за ее пределами [14: 20].

Место появления объекта или явления:

1. Эротический танец, который Средиземное море исполняет с талией горы Кармель, заканчивается рождением Галилейского моря. Это моя родина [14: 8].

2. Принадлежность к земле и родине не приносит никаких результатов.

Термин «родина» в рассказе М. Дарвиша «Луна не упала в колодец» был употреблен автором 11 раз. В значении родная страна, Отечество 2 раза, место рождения 1 раз, в значении место происхождения, возникновения объекта 2 раза, в значении: модель отношений между обществом и человеком 6 раз. Конечно не всегда однозначно можно определить к какой группе модно отнести употребления термина «родина», так как в целом все произведения М. Дарвиша объединены единой темой – темой Родины, Отчизны, темой угнетения своего народа.

Также приведем ряд ассоциативных образов с использованием лексемы «земля». Термин «земля» был употреблен автором в рассказе 14 раз и всегда в значении родной земли, родины.

1. Он понял, что наш отъезд был ошибкой. Он увидел, что его отсутствие на земле стало изгнанием, и принялся заменять надежды, возлагаемые на [арабские] армии, на необходимость вернуть свою принадлежность к земле через свое фактическое присутствие на ней [14: 16].

2. Мы не знали, что нам предстоит обменять статус беженца в Ливане на статус беженца у себя дома, на родной земле [14: 17].

3. Мучения, которыми наполнено мое отношение к освященной и запретной земле, превращается в потенциал для отторжения. Меня привело к нему огромное рожковое дерево, с которого много лет назад я начал поиски своей матери и кусочков своего сердца, которые были пропитанные дождем и тоской [14: 16].

4. Уход из деревень был способом спасти тело от смерти, при этом без соответствующего осознания того, что означает уход с земли [14: 18].

5. После случившегося он стал «присутствующим» и проводил дни в канцелярии военного губернатора в ожидании разрешения на поездку в Акко без всякой другой причины, кроме как для того, чтобы взглянуть на свою землю из окна автобуса [14: 21].

6. Дед не переставал жить надеждой и переехал в другую деревню поближе к своей земле [14: 22].

7. Однажды летом он обошел закон, арендовав у еврейского торговца сезонный урожай арбузов, выращенных на его земле [14: 23].

8. Таким образом, у владельца земли появилась возможность покупать то, что производила его земля [14: 23].

9. У деда было мало опыта в коммерции, и он потерял деньги на этой сделке, но зато получил возможность проводить много часов на своем старом поле [14: 24].

10. Однажды на солнышке он объяснил мне историю этой земли, которую невозможно отличить от его кожи. Дедушка привязанность к национальной идентичности, воплощенной в его собственности на землю и его желание вернуть свою связь с ней – разорванную законом, но все еще эмоционально и исторически – были сильнее, чем неожиданное страдание, которое он испытал от того, что его лишили этой земли [14: 25].

11. После конфискации земля стала источником страданий, а также основой личного и национального достоинства [14: 26].

12. Основой личного и национального достоинства. Выбрав достоинство, он умер на месте преступления и своих пыток: «Я не продам им свою землю, даже если умру от голода». Он оставил это понимание земли в наследство моему отцу, которому пришлось гораздо труднее [14: 27].

13. Друзья уговаривали его продать землю, чтобы облегчить свое непосильное бремя, но он всегда отказывался: «Я не продам не продам, даже если умру в этой каменоломне» [14: 27].

14. Их ожидание было негативным, ибо для них земля означала конкретные участки земли, сады и собственность, которая защищала их достоинство и средства к существованию. Но для моего поколения она означает – в дополнение к этому – поле для борьбы и будущее [14: 27].

При анализе произведений М. Дарвиша был использован метод сплошной выборки.

«Земля» может употребляться в разных значениях в частности земля – как почва и земля как родина, отечество. Сделать такой вывод мы можем, проанализировав ряд произведений произведениях М. Дарвиша, т. е. «земля» с точки зрения рефлексии в лингвистики является рефлексивным словом.

«Родина» также является также рефлексивным словом, так ему приписывается несколько значений. Родина это – родная сторона отечество, родина, как государство – модель отношений между индивидом и обществом, между гражданином и государством, между личностью и централизованной идеологической системой.

Однако важно отметить, что ядром концепта «родина» является слова «отечество», которое как раз с позиции лингвистики является не рефлексивным, так как ему соответствует одно значение.

Итак, делая краткий вывод можно сказать, что существуют два различных понятия, такое как языковая рефлексия, т. е. осознание человеком того, как он использует язык в различных коммуникативных ситуациях, и лингвистическая, когда объектом рефлексии становится сама наука о языке. В лингвистических теориях, концепциях и дискуссиях, в терминологическом аппарате лингвистики в значительной степени отражается как официальная картина мира, так и противопоставленная [11: 32].

В работах палестинского писателя М. Дарвиша образ «родины» можно рассмотреть с разных точек зрения и как образ родной земли без употребления самой лексемы «родина» и с лингвистической как собирательное ядро всего что касается концепта «родина».

ЛИТЕРАТУРА.

1. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
2. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.
3. Демьянков В.З. Семантические роли и образы языка // Язык о языке. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 193–271.
4. Демьянков В.З. Термин парадигма в обыденном языке и в лингвистике, Парадигмы научного знания в современной лингвистике. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 15–40.
5. Демьянков В.З. Парадигма в лингвистике и теории языка // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 27–37.
6. Карпов В.А. Язык как система. – Минск, 1992. – 368 с.
7. Лекомцев Ю. К. Введение в формальную лингвистику. – М., 1983. – 268 с.
8. Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка: [сборник статей] / под ред. А.А. Леонтьева; Институт русского языка им. А.С. Пушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 192 с.
9. Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии. – М., 1974. – 232 с.
10. Трошина Н.Н. Культура языка и языковая рефлексия: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; редкол.: А.М. Кузнецов (отв. ред.) и др. – М., 2010. – 62 с.
11. Шайкенова Л.М. Рефлексивная лингвистика. – Алматы: Казак университет. 2009. – 200 с.
12. Velilaeva L.R. Comparative analysis of the USA and Scotland's artistic images in the poetic texts of the Scottish poets-emigrants in the USA in the XIXth century // Russian Journal of Social Sciences and Humanities. – 2021. – Vol. 15. – No. 4. – P. 76–78.
13. Дарвиш. А'арас (араб.). – Рамалла, Филастын: Муассаса Махмуд Дарвиш. – Аль-Ахлия ли-н-нашр ва т-тавзия, Дар-ан-нашир, 2014. – 98 с.
14. يوميات الحزن العادي محمود درويش, الطبعة الخامسة : كانون لثاني ليناير 2009 ص.122.
15. Muhawi I. Journal of an ordinary grief / translated [from the Arabic] by Ibrahim Muhawi. – 1st ed. – 2010. – P. 157.

УДК 812.09

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ В «ДИВАНИ ЛУГАТ АТ-ТУРК» МАХМУДА КАШГАРИ

Г.Р. Ишанкулова

Навоийский государственный горно-технологический университет (Навои)

Данная научная статья посвящена исследованию лексико-семантических групп глаголов, собранных в книге лексикографа и филолога Махмуда Кашгари «Дивани лугат ат-турк». В частности анализируются ЛСГ глаголов движения, говорения, действия, состояния, мышления и качества, изображения и звукоподражания. Семантические особенности глаголов «Словаря» соотносятся с глаголами современного узбекского языка.

Ключевые слова: «Словарь тюркских языков», «Диван лугат аттурки», тюркские народы, тюркский язык, фонетика, грамматика, морфология, лексико-семантические группы, глагол, семантика.

This scientific article is devoted to the study of lexicosemantic groups of verbs collected in the book of lexicographer and philologist Mahmud Kashgari “Divan lugat at-Turki”. In particular, lexico-grammatical groups of verbs of movement, speaking, action, state, thinking and quality, image and onomatopoeia are analyzed. The semantic features of the verbs of the “Dictionary” correlate with the verbs of the modern Uzbek language.

Key words: “The dictionary of Turkic languages”, “Divan lugat at-Turki”, Turkic peoples, Turkic language, phonetics, grammar, morphology, lexico-semantic groups, verb, semantics.

«Словарь тюркских языков» («Дивани лугат ат-турк») Махмуда Кашгари – первый универсальный словарь в истории тюркских народов, охватывающий все элементы диалектологических, толковых, этнографических, историко-этимологических словарей, а его автор Махмуд ибн ал-Хусейн ибн Мухаммед Кашгари является одним из великих деятелей культуры раннего Средневековья в Центральной Азии.

Махмуд Кашгари известен как основоположник научной тюркологии, великий ученый-энциклопедист. Хорошо разбирающийся во многих науках Махмуд Кашгари исследовал язык, культуру, этнографию, фольклорные мотивы, географию и историю тюркских народов.

Чтобы показать богатство, значимость и разнообразие тюркского языка, «Дивани лугат ат-турк» был написан на арабском языке, считающийся в то время языком религии и науки на всем Ближнем и Среднем Востоке. Это словарь, в котором ученый объясняет значение тюркских слов на арабском языке. Арабские пояснения даны более 7500 тюркскими словам и выражениям. До этого периода в мировой истории никто не изучал языки в сравнительном аспекте языков.

Поэтому в истории мировой науки и культуры данный труд приобрел большое значение как один из первых образцов такого рода работ сравнительной типологии. Словарь охватывает как литературный язык, так и основные тюркские диалекты, а соотношение литературного языка и диалектных элементов в нем составляет в среднем 10–12 слов литературного языка на одно диалектное слово, т. е. особое значение отдается общетюркскому литературному языку. Эта ситуация является веским доказательством того, насколько распространенным и сильным был тюркский литературный язык в то время в этом регионе.

В тюркском ареале великий труд М. Кашгари («Словарь»), созданный в XI веке, с самого начала заинтересовал учёных-тюркологов и мировых ученых. Очень мало написано научных статей и работ об этом труде. Что касается изучения непосредственно глагольных лексем в языке «Дивана», то они до сих пор не подверглись специальному изучению. Отдельные его вопросы были изучены в трудах таких российских востоковедов, тюркологов, как А.М. Щербак, Б.А. Серебrenников, Д.М. Насилов.

В узбекском языкознании тоже нет достоверного полного исследования глагольных лексем «Дивана». Вопросы, касающиеся глаголов затрагивались лишь попутно или фрагментарно.

Лексико-семантические группы глаголов «Словаря» тоже недостаточно исследованы. Все это обуславливает актуальность настоящего исследования. Для создания своей книги ученый собирал материал в течении многих лет. Он странствовал по городам и сёлам туркменов, огузов, чигилов, ягманов, кыргызов, кочевал по их пастбищам, изучал различные диалекты и говоры, сравнивая с литературным языком и собрал чрезвычайно богатый материал для своего словаря. Махмуд Кашгари сообщает: «Я уделял им столько внимания, что языки тюркских, туркменских, огузских, чигильских, ягма и кыргызских племен стали мне очень близки.

Замысел «Дивана» свидетельствует о великой любви автора к родной культуре и языку, гордости за них. Российский языковед, историк-арабист, специалист по арабским рукописям В.И. Беляев пишет о произведении М. Кашгари: «Мы должны дать этому произведению очень высокую оценку, потому что оно написано не по книгам, а на основе личного наблюдения живого материала» [1: 179].

Исследуемый словарь состоит из двух частей – предисловия и словаря. Последовательность слов в словаре основана на принципах, разработанных арабской лексикографией: сначала идут двухбуквенные слова, затем 125 трех-, четырех-, пяти- и т. п. В области морфологии автор, по традиции того времени, делит группы слов на три части речи: глагол, имя существительное, союз. Очень часты употребления в словаре глаголов [3: 56–109]. Объединив глаголы «Словаря» по смыслу, нами выделено следующие лексико-семантические группы:

I. Глаголы движения (харакат фельлари). Они обозначают в основном перемещение. Например:

- 1) бардї – идти, пойти, ol ewkã bardı – он (она) пошел (пошла) домой и в другие места [2: 210];
- 2) araladı – проходить между двумя предметами [2: 127];
- 3) kezdi – странствовать, ol yerig kezdi – он странствовал по земле [2: 211];
- 4) uçdı – лететь, полететь, quş uçdı – птица полетела [2: 80];
- 5) qaşıştı – убежать, olar bir-birdin qaşıştı – они убежали друг от друга [2: 234].

II. Глаголы говорения (нутк фельлари). Они обозначают различные процессы речевой деятельности человека. Например:

- 1) aytı – спросить, попросить, ol meñã söz aytı – он просит у меня слова [2: 97];
- 2) arqadı – проклинать, ol arı qarğgadı, arqadı – он проклинал его, оскорблял его, говорил плохие вещи [2: 118];
- 3) alqaşdı – аплодировать, ol meniñ birlä alqış alqaşdı – он хвалил, аплодировал мне [2: 104];

III. Глаголы, обозначающие действие (холатни ифодаловчи фельлар). Это наиболее часто встречающийся в «Словаре» тип глаголов. Например:

- 1) içdi – пить, er suw içdi – есть человек пил воду [2: 80];
- 2) biçdi – резать, er et biçdi – человек порезал мясо [2: 209];
- 3) açdı – открыть, qaruğ açdı – открывать дверь [2: 80];
- 4) kördi – увидеть, ol meni kördi – он меня увидел [2: 211];
- 5) qaqtı – осторожноенько побить, anı başra qaqtı – он осторожно побил его по голове [2: 299];
- 6) yazdı – написать, ol bitig yazdı – он написал письмо [2: 344];
- 7) taturdum – покормить, men añar aş taturdum – я покормила его пловом [2: 228];
- 8) quçuşdı – обняться, ol meniñ birlä quçuşdı – он обнялся со мной [2: 234];
- 9) berdi – дать, ol meñã yarmaq berdi – он дал мне монеты (деньги) и другие вещи [2: 386];
- 10) soruşladı – жарить, ol tarığ soruşladı – он пожарил пшеничный колос, чтобы поесть [2: 436];
- 11) kökladı – завязать, ol egär kökladı – он завязал седельный ремень [2: 425].

IV. Глаголы состояния, качества и мышления (холат, сифат ва тафаккур феъллари). Главная особенность этих глаголов с точки зрения их семантики – они имеют значение настоящего времени.

1) *bušti-tarindi* – расстроится, испытывать тоску, *er išta buštitarindi* – человек расстроился на работе [2: 251];

2) *uyattı* – стесняться, *ol mendin uyattı* – он постеснялся меня [2: 97].

V. Глаголы звукоподражания (товушга таклид феъллар). Это глаголы, которые своим звуковым составом воспроизводят издаваемые человеком, животными, или предметами звуков.

Например: *baqirdı* – рычать, реветь (о животных), *tewäy baqirdı* – верблюд рычит [2: 388] и др.

Конечно, Кашгари в «Дивани лугат ат-турк» не рассматривал лексико-семантические группы глаголов. Но он осмысливал семантику глаголов через употребление их в текстах. Благодаря разделению глаголов на лексико-семантические группы можно увидеть, что в XI веке наиболее употребительными из них были глаголы действия. Очень редко встречаются в «Словаре» глаголы мышления.

Лексические значения многих глаголов изменились. Например, значение глагола «*sağindi*» в «Словаре» – «думал», «желал». В современном узбекском языке этот глагол не является синонимом глаголов «думать», «размышлять». Глагол «*sog`indi*» современного литературного языка сменил семантику исконную «размышлять о чем-то» на «тосковать».

Подводя итоги, можно сделать вывод, что с точки зрения теории и истории глагола глаголы тюркской средневековой эпохи сыграли значительную роль в развитии современных тюркских языков, в том числе узбекского. Современные языки, входящие в тюркскую семью языков, в том числе и узбекский, являются продолжением древнетюркского языка. Поэтому труд Махмуда Кашгари «Дивани лугат ат-турк» является ценным источником при исследовании языков тюркских народов в средние века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 607 с.
2. Кашгарий Махмуд. Девону лугати-т-турк (Туркий сўзлар девони) – Тошкент: Гафур Гулом номидаги нашриёт, 2017. – 483 с.
3. Кононов А.Н. Изучение «Дивану лугатит-Турк» Махмуда Кашгарского в СССР // Советская тюркология. –1973. – № 1. – С. 3–9.

УДК 811.161

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ РУССКОГО И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВ

З.К. Ишкильдина

СФ Уфимского университета науки и технологий (Стерлитамак)

В статье в сопоставительном плане дано краткое описание словообразовательной системы разноструктурных языков. На материале русского и башкирского языков устанавливаются сходства и различия в функционировании основных способов словообразования.

Ключевые слова: сопоставительное языкознание, русский язык, башкирский язык, словообразование, способы словообразования.

The article gives a brief comparative description of the word-formation system of differently structured languages. Based on the material of the Russian and Bashkir languages, similarities and differences in the functioning of the main methods of word formation are established.

Key words: comparative linguistics, Russian language, Bashkir language, word formation, methods of word formation.

Языковое пространство Республики Башкортостан, как и других республик в составе Российской Федерации, характеризуется наличием ярко выраженного билингвизма и отчасти полилингвизма.

Актуальность сопоставительного изучения языков обусловлена лингвистическими и экстралингвистическими факторами, влияющими на функционирование языка в социуме. Под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов многие прежние словообразовательные типы активизируются, а некоторые словообразовательные типы наоборот утрачивают свою продуктивность, формируются новые словообразовательные модели.

Словообразовательные системы русского и башкирского языков характеризуются большой разветвленностью способов и разнообразием средств их выражения. В данных языках представлены все основные способы словообразования: лексико-семантический, фонологический (фонетический), морфологический (морфемный), сложение, аббревиация, лексико-грамматический (конверсия), лексико-синтаксический (сращение). Это объясняется типологической близостью сопоставляемых языков. Однако, кроме типологических сходств, связанных с общезыковыми универсалиями, наблюдаются и различия, исходящие из флективности русского и агглютинативности башкирского языков. С этим связано функционирование, а также уровень продуктивности и сферы распространения того или иного способа словообразования и его разновидностей [1].

Рассмотрим каждый из вышеназванных способов в отдельности.

Лексико-семантический способ.

Некоторые слова, функционирующие в языке, с истечением времени приобретают дополнительные лексические значения, сохраняя при этом полностью свой прежний фонемный состав и морфемное строение, в результате мы получаем новое слово, образованное лексико-семантическим способом. Этот способ развивается на базе полисемии и омонимии. Он получил одинаково широкое распространение как в русском, так и в башкирском языках. В основном лексико-семантическим преобразованиям подвергаются имена существительные, имена прилагательные, глаголы: а) *мир* 'вселенная' – *мир* 'состояние без войн'; *завод* 'приспособление в механизме' – *завод* 'промышленное предприятие' – в русском языке; *ай* 'луна' – *ай* 'месяц, единица измерения времени'; *юл* 'путь, дорога' – *юл* 'способ, средство' – в башкирском языке; б) *красный* (название цвета) – *красный* (красивый), *тяжелый* (имеющий большой вес) – *тяжелый* (затруднительный, суровый, горестный) – в русском языке; *коро вакыт* 'сухое время года' – *коро һауыт* 'пустая посуда', *моңһоз тауыш* 'немелодичный голос' – *моңһоз кеше* 'беспечный человек' – в башкирском языке; в) *красить* 'покрывать краской' – *красить* 'украшать'; *защитить* 'охранять' – *защитить* 'отстоять перед критикой' – в русском языке; *акла-* 'белить' – *акла-* 'оправдать'; *баҫ-* 'ступать' – *баҫ-* 'печатать' – в башкирском языке [2].

Фонологический (фонетический) способ.

В процессе исторического развития языка отдельные слова получают новые лексические значения в результате изменения фонемного строения или перемещения ударения; при этом прежняя морфемная структура сохраняется. Образование новых лексических единиц путем различных фонологических преобразований можно назвать фонологическим способом. Фонологическое словообразование развито шире и имеет больше разновидностей в башкирском языке, чем в русском. Так, в башкирском языке наблюдаются следующие фонологические процессы, приводящие к изменению лексического значения слова: а) чередование гласных и согласных фонем: *йак*- 'мазать' – *йок*- 'приставать, заражать'; *һур*- 'вынимать' – *һуз*- 'вытягивать'; б) палатализация слов: *һалмак* 'медленный' – *һалмак* 'увесистый'; *суку*- 'клевать', *суке*- 'ковать, отбивать'; в) выпадение фонем: *ғамал* 'действие' – *амал* 'способ, приём'; *хәзер* 'теперь' – *әзер* 'готовый'; г) перемещение ударения: *барлык* 'наличие' – *барлык* 'все'; *яңы* 'новый' – *яңы* 'только что'; *физик* 'физик' – *физик* 'физический'[2].

Фонологический способ относится к диахроническому словообразованию и в современном башкирском языке является непродуктивным, встречается среди небольшой группы имен существительных, прилагательных и глаголов.

В русском языке большинство слов, возникших в результате фонологических преобразований, также относится в основном к знаменательным частям речи: а) *ружье* – *оружие*, *двор*- *дверь*, *грудь* – *гряда*; б) *читать* – *чить*, *сесть* – *сидеть*; в) *главный* – *головной* и др.

Морфологический (морфемный) способ.

В обоих сопоставляемых языках данный способ занимает основополагающее место как по значимости, так и по продуктивности. В башкирском языке представлены из числа аффиксальных способов в основном суффиксация, частично префиксация, а также словосложение.

При аффиксации новое слово образуется путем присоединения к производящей основе словообразующего суффикса, например: *йэй* 'лето' – *йэйге* 'летний', *тоз* 'соль' – *тозло* 'соленый', *кунак* 'гость' – *кунаксыл* 'гостеприимный' и т. д.

В башкирском языке, кроме собственно башкирских аффиксов, употребляются и суффиксы иноязычного происхождения, а именно, заимствования из арабского, персидского, русского и западноевропейских языков: а) арабские: *нәшер* 'издание' – *нәширият* 'издательство', *һәләк* 'гибель' – *һәләкәт* 'катастрофа', *донъя* 'мир' – *донъяуи* 'светский', *рух* 'дух' – *рухани* 'духовный'; б) персидские: *сауза* 'торговля' – *саузәгәр* 'торговец', *хезмәт* 'работа, труд' – *хезмәткәр* 'работник, сотрудник', *эш* 'деятельность' – *эшмәкәр* 'деятель'; в) русские: *Усман* – *Усманов*, *Муса* – *Мусин*, *Заһир* – *Заһирович*, *Сафа* – *Сафич*; г) западноевропейские: *-ал*: *театрал*, *провинциал*, *профессионал*; *-ант*: *музыкант*, *стипендиант*, *практикант* и др. [2].

В башкирском языке своих префиксов нет. Поэтому способ префиксации наблюдается лишь в новообразованиях, возникших при участии иноязычных префиксов. Таково, например, происхождение следующих слов: а) *тараф* 'сторона' – *битараф* 'равнодушный; стоящий в стороне от чего-либо', *хисап* 'счет' – *бихисап* 'очень много; не имеющий определенного счета', *һак* 'правый' – *наһак* 'несправедливый' (суффиксы из персидского языка); б) *инфратауыш* 'инфразвук', *архиреакцион* 'архиреакционный', *ультрақысқа* 'ультракороткий' и т. д. (суффиксы из европейских языков) [2].

В отличие от башкирского языка, в русском языке морфологический способ имеет свою разветвленную микросистему, что проявляется в её многочисленных разновидностях. Так, различаются простая и смешанная (комбинированная) аффиксация, безаффиксный способ (нулевая аффиксация). К простой аффиксации относятся префиксальный, суффиксальный, постфиксальный способы, к смешанной – префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный способы, аффиксация + сложение, сложение + аффиксация.

Одним из наиболее продуктивных способов в словообразовательных системах русского и башкирского языков выступает сложение. Оно имеет четыре разновидности: а) сложение основ, б) сложение (или спаривание) слов, в) сложение с аффиксацией и г) повтор (редупликация) [2].

В результате сложения производящих основ образуются слова-сращения, в башкирском языке их называют *берекмә кушма һүзәр*. В башкирском языке при сложении основ между ними никаких соединительных элементов не употребляется, они присоединяются друг к другу в чистом виде, если не иметь в виду всякие морфонологические явления. Этот способ охватывает почти все части речи, но особую активность проявляют имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия: а) *акһакал* ‘старейшина’, *сүмесбаиш* ‘головастик’; б) *үзаллы* ‘самостоятельный’, *эскерле* ‘зловредный’; в) *олгаиш-* ‘возвышаться’, *аманатлан-* ‘приобрести дурную славу’; г) *бөгөн* ‘сегодня’ [2].

В результате сложения (или спаривания) в одно целое отдельных слов образуется новое сложное слово, которое в башкирском языке именуется парным словом (парлы һүз): *аиш-һыу* ‘пища, еда’, *агас-таиш* ‘строительный материал’, *кәкрә-бөкрә* ‘весь искривленный’, *тәмле-татлы* ‘вкусный’, *бәрелен-һугылып* ‘болтаться’, *килен-китеп* ‘наведываться’, *ары-бире* ‘туда-сюда’, *ара-тирә* ‘изредка’.

Сложение с аффиксацией наблюдается в обоих сопоставляемых языках, однако в русском языке оно имеет больше разновидностей и распространено шире: а) сложение + префиксация: *оплодотворить*, *умиротворить*, б) сложение + суффиксация: *машиностроитель*, *орденоносец*, *ясновидец*; в) сложение + префиксация + суффиксация: *вполоборота*, *вполголоса*, *втридорога* [3].

В башкирском языке с помощью сложения в сочетании с аффиксацией образуются небольшие группы слов: а) имена существительные: *альянкыс* ‘фартук, передник’, *бозваткыс* ‘ледокол’, *башваткыс* ‘головоломка’; б) имена прилагательные: *аталы-әсәле* ‘имеющий родителей’, *аң-белемле* ‘грамотный, образованный’, *ел-ямгырлы* ‘непогожий, дождливый’; в) глаголы: *һау-буллаиш-* ‘попрощаться’, *якишатлан-* ‘угождать’, *кузалла-* ‘представлять’.

Редупликация как способ образования слов имеет место в системе словообразования башкирского языка. При этом способе образуются слова-повторы (кабатлаулы һүзәр). Редупликатом служит, как правило, морфонологически измененный вариант полнозначного слова, т. е. первого компонента. Например, таким способом образованы а) имена существительные: *тамыр-томор* ‘коренья’, *әбей-һәбей* ‘старушки’, *таиш-маиш* ‘камни’; б) имена прилагательные: *сокорло-сакырлы* ‘ухабиственный’, *иске-мошко* ‘старый, изношенный’; наречия: *мизгел-мизгел* ‘временами’, *алмаиш-тилмәш* ‘впережку’, *кабалаң-карһалаң* ‘второпях’ [2].

Аббревиация получает все большее распространение в словообразовательной системе как башкирского, так и русского языков. Следует отметить,

что в составе аббревиатур, употребляющихся в башкирском языке, кроме собственно башкирских, (например, *БЙИ – башкорт йәштәре иттифагы* ‘союз башкирской молодежи’), имеется большое количество калек (*райүзәк* ‘рай-центр’, *радиоташырыу* ‘радиопередача’, *драмтүңәрәк* ‘драмкружок’) и заимствований из русского языка (*лавсан, колхоз, профком, совхоз*).

Лексико-грамматический способ (конверсия) является универсальным в системах словообразования почти всех частей речи (кроме подражательных слов) в обоих сопоставляемых нами языках. Это подтверждают следующие примеры на конверсию из указанных языков. а) субстантивация (в башкирском языке исемләшеү): *гостиная, мороженое, столовая; һалкын кыш* ‘холодная зима’ – *һалкын* ‘холод’, *языгусы кеше* ‘пишущий человек’ – *языгусы* ‘писатель’; б) адъективация (в башкирском языке сифатлашыу): *закрытая дверь, наступающий год, трескучий мороз; кызыу* ‘накаляться’ – *кызыу вақыт* ‘горячая пора’, *узган* ‘прошедший’ – *узган йыл* ‘прошедший год’; в) нумерализация (в башкирском языке һанлашыу): *сирек* ‘четверть’, *тиштә* ‘десяток’, *ярты/ярым* ‘половина’; г) прономинализация (в башкирском языке алмашлашыу): *данная (эта) справка удостоверяет, целый (весь) день мы были в лесу; кеше* ‘человек’ – *һиңә кеше килгән* ‘к тебе кто-то пришел’; *берәү* ‘один’ – *һине берәү сақыра* ‘тебя кто-то зовет’; д) вербализация (в башкирском языке кылымлашыу): *марш* (идите), *тишиши* (не шумите); *ләм-мим* (названия арабских букв *л* и *м*) – *өндәшмә* ‘молчать’ *хуш* перс. ‘прекрасный, хороший’ – *якшылык теләйем* ‘желаю всего хорошего’; е) адвербиализация (в башкирском языке рәүешләшеү): *иртә* ‘утро’ – *иртә килде* ‘рано пришел’, *бер* ‘один’ – *бер килмәне* ‘ни разу не пришел’; *ночь, бегом, весной*; ж) интеръективация (в башкирском языке ымылклашыу): *господи! боже мой! пли! (пали), черт возьми! то-то! полно!; атакай!* ‘папочка!’, *кара һин уны!* ‘смотри-ка ты на него!’.

Лексико-синтаксический способ особенно продуктивным является в башкирском языке. В результате лексико-синтаксического словообразования устойчивые словосочетания и некоторые предложения лексикализуются и начинают восприниматься как сложные слова, обозначающие различные социально-бытовые, научно-технические, общественно-политические термины, личные имена и географические названия. При этом устойчивые словосочетания сохраняют свое прежнее фонемно-морфемное строение и представляют собой сложное составное слово (теркәлмә кушма һүз).

В башкирском языке этим способом образуются сложные слова, относящиеся в основном к разряду имен существительных, прилагательных, числительных, местоимений, глаголов, наречий, а также междометий, например: *ер еләге* ‘земляника’, *мук еләге* ‘клюква’; *киң яурынлы* ‘широкоплечий’, *кот оскос* ‘ужасный’; *егерме бер* ‘двадцать один’, *туғыз йөз* ‘девятьсот’; *бына бында* ‘вот здесь’, *һәр кем* ‘каждый, всякий’; *азат ит-* ‘освободить’, *байрам ит-* ‘праздновать’, *күңел ас-* ‘веселиться’; *бер юлы* ‘сразу’, *йөз түбән* ‘навзничь’, *ялан аяк* ‘босиком’; *бына һиңә мә* ‘вот тебе на’, *кара һин уны* ‘смотри-ка ты на него’ и т. д.

Лексико-синтаксический способ в русском языке (некоторые языковеды, в том числе А.Н. Тихонов, называют этот способ сращением), в отличие от башкирского языка, участвует лишь в образовании слитных сложных слов, относящихся к прилагательным (*быстрорастворимый, высокоурожайный, многообещающий*), числительным (*пятнадцать, двести, триста*), наречиям (*сегодня, тотчас*), служебным частям речи (*если, ибо*).

На основании вышеизложенного мы можем сделать выводы следующего характера:

В русском и башкирском языках представлены все основные способы словообразования, присущие для тюркской и славянской семьи языков, что объясняется их типологической близостью.

Однако продуктивность и сфера распространения того или иного способа словообразования и его разновидностей в сопоставляемых языках имеют свои особенности и различия, которые исходят из флективности русского и агглютинативности башкирского языков.

В силу этого в русском языке основополагающим и высокопродуктивным является морфологический (морфемный) способ со всеми его разновидностями, а в башкирском языке наиболее продуктивными выступают такие способы, как суффиксация, основосложение и лексико-синтаксический.

В обоих сопоставляемых языках проявляют одинаковую активность аббревиация и лексико-грамматический способ, менее активными являются фонологический (фонетический) и лексико-семантический способы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ишбаев К.Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование. – Уфа: Гилем, 2000. – 247 с.
2. Ишбаев К.Ф., Абдуллина Г.Р., Ишкильдина З.К. Башкорт теленең морфемикаһы, һуҙьяһалышы һәм морфонологияһы. – Өфө: Гилем, 2006. – 178 б.
3. Ишкильдина З.К. Сопоставительное словообразование русского и башкирского языков. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – 140 с.

УДК 811.512.145

XV–XVI ГАСЫР ИСКЕ ТАТАР ЯЗМА ИСТӘЛЕКЛӘРЕНДӘ ФИГЫЛЬ СҮЗ ТӨРКЕМЕНЕҢ СТИЛИСТИК ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

Э.Х. Кадирова

ТР ФА Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Исследование отдельных частей речи с точки зрения стилистики помогает глубоко вникнуть в особенности этих категорий, определить их потенциальные стилистические возможности, выявить их различные нюансы значений. Целью статьи является описание стилистических особенностей форм глагола в старотатарских письменных памятниках XV–XVI веков.

Ключевые слова: татарский язык, старотатарский язык, письменные памятники, глагол, стилистика.

The study of individual parts of speech from the point of view of stylistics helps to deeply delve into the features of these categories, determine their potential stylistic possibilities, and reveal their various nuances of meaning. The purpose of the article is to describe the stylistic features of verb forms in Old Tatar written monuments of the 15th – 16th centuries.

Key words: Tatar language, Old Tatar language, written monuments, verb, stylistics.

Фигыльләр – телебезнең тотрыклы төркеме. Алынма, ягъни башка телләрден кәргән фигыльләр, башка сүз төркемнәре белән чагыштырганда азрак.

Борынгы төрки телдән үк килгән фигыльләр гасырлар дәвамында яшәүләрен дәвам итәләр. Мөхәммәдьяр поэзиясендә фигыльләр актив кулланыла. Безнең уйлавыбызча, аның әсәрләренә, вакыт аермасына карамастан, бүгенге укучыга аңларга шактый жинел булуы шуна бәйле: *Күрдә, бақти, нанын (хужса) таныды*: «Муны сәңа кем бирде?» – *тиб сүзләде* [3: 81]; *Теләде ул қамчы алуб ормага, Элкин кәсеб, әуендин һәм сормага* [3: 81]; *Солтан әйдүр*: «Қаныңа кермә, йегет! *Белмәз ирсәң, үлдүрүрем, сүзүм ишет!*» [2: 57].

Телнең бер үк төрле яисә функциональ якин формаларын файдалануның ешлығы – бу стилистиканың үзенчәлекнең алыштыргысыз сыйфаты. XV–XVI гасыр язма истәлекләрендә бер төрле фигыль формаларын даими куллану еш күзәтелә.

Хәзерге татар тел белемендә үткән заман хикәя фигыльнең -ды, -ган синетик формалары, -а (-ый) иде, -ган иде, -а (-ый) торган иде аналитик формалары норма буларак карала [6: 116–132].

Хикәя фигыльнең -ды/-де формасы барлык текстларда да актив, әмма кулланылу ешлығы төрле текстларда төрлечә. Заманның парадигматик мәгънәсе – сөйләү моментыннан алда, бер тапкыр булган, категорик (= билгеле) үткән заман эш-хәлләрне белдерү [6: 119]. «Кыз хикәяте» әсәрендә ул гаять еш кулланыла: *Бақды, күрдә йегет қаршыдан қызы, Әйтде*: «Хуш кәлдең, әй таң йолдызы» [2: 75]; *Чөн сабах улды, йәнә торды үрә. Кәлде. Дәстүр алды. Керде ичрә* [2: 67]; *Дәстүр улды – керде йегет эчәрү, Ул қыз кәлде тәхтенә кәчде кәрү* [2: 61]; *Йегет киде тунлары, бенде атына, Бонлары керде солтан катына* [2: 52]; *Йақын кәлде йегеткә, орды сәлям, «Галәйкә» – алды йегет, сөйләде калям* [2: 52] мисалларыннан күренгәнчә, -ды кушымчалы билгеле үткән заман хикәя фигыльләренә автор берсе артыннан берсе башкарыла торган процессларны белдереп килгәндә, текстларда билгеле бер сөйләм агышын тудыру өчен файдалана. Шул ук очракка башка истәлекләрдән мисаллар: *Койуга салды йеб Заһид ул заман, Бичин әүвәл йабышуб чықды рәуан. / Икенчидә йәнә салды йебне һәман, Чермашыб чықды йебенгә кем йылан* [3: 68]; *Исәр көз йилләре чыкды нәбати ут бәки йакды Кемин тупрагә пыракды кеми суда рәван улды* [7: 283]; *Андан соң ул балык авызыны йабды, кырык көнгә тикрү вә һич тәгам ймады, су эчмәде, жәфете берлә сахәбәт кылмады* [5: 33]. Әлегә әсәрдә *Ул йегет торды йирендән. Сөйенә. Кәлде йәнә ул қарыйчуқ өйенә* бәете бар [2: 61]. Бер-бер артлы башкарыла торган процессларны белдерә торган фигыльләр тезелеп киткән, әмма сөенү фигыле өенә сүзенә рифма буларак, -ә кушымчасы алган. «Кыз хикәяте»ендә персонажның уйларын бирүдә -ә кушымчалы хәзерге заман хикәя фигыльләр тезелеп килә: *Күңлүме ала, бәне дәлү кыла. Дәлү улан мәсьәлә качан белә* [2: 58].

Мөхәммәдьяр ике яки берничә кеше жанвар арасындагы әңгәмәне корганда билгеле үткән заман -ды формасын куллана: *Бичин әйде*: «Фәлан атлыг тагда мән, Барсаң аңа, ул таг эчендә багда мән». / *Каплан әйде*: «Мән (дә) һәм ул тигрәдә Бер биркәдә булурмән, и кәдхода...» / *Йылан әйде*: «Бу ил хисарында мән, Анда барсақ, тапук қоллуқ иткәймән». / *Зәргәр әйде*: «Мән тәқи ул илдәмән, Сораб килсәқ, жәннә қорбан иткәймән». / *Бер-берендән кем гозер кулуштиләр, һәрбере үз йуларына төштиләр* [3: 68].

«Сиражел кулүб» әсәрендә дә әлегә форма кулланыла:

Сөләйман г.с. әйде: Дөнья таләбе торыр.

Барчадин ачыграк нә торыр?

Сөләйман г.с. әйде: Дәрвишлек, фәкыйрьлек торыр.

Камуг нэрсэдэ явузрак нэ торыр?
Сөлэйман г.с. айде: Гаурэт торыр [5: 81].

«Кыз хикэяте»ндэ бу форма белэн беррэтгэн, -ур/-үр, -йур, -ар/-эр кушымчасы да килэ: *Падишаһ айдур: «Исергярдем, йегет, Нэ делэрсэн, имди бәһасен айт?!» / Йегет айдур: «Хужа бәһасенә – ат, Карыйа – тунлар кэрәк, әй хуш нәһад» [2: 51].* -ур кушымчасы Матур әдәбиятта, гадәттә, үткәндә булган фактларның турыдан-туры халык күз алдында яки укучы күз алдында башкарылган кебек күрсәтү өчен -ур кушымчалы хәзерге-киләчәк заман формасының кулланылышы стилистик алым булып тора. Мондый күренеш халык аваз ижаты әсәрләрендә, бигрәк тә әкиятләрдә урын ала.

Казан ханлыгы чоры язма истәлекләрендә, бигрәк тә Мөхәммәдьяр, Өмми Камал, Колшәрифләр ижатларында боезык фигыльгә еш мөрәжәгать ителәр. Моны әлеге шагыйрьләрнең суфый шагыйрьләр булуы белән аңлатырга буладыр: *Әй карендәшләр эгәр габидләр исә тапуңыз Әмма сүй илаһи кунак ул мәгъбүдәңезә тапуңыз / Тапуңыз коллугыңыз гайринә батыйль гаур хакының Чүнкә аның капусындан үзгә йукдур капуңыз / Капыңыз бер хак нәсыйхәт ишдәчәк тиз дутуң Жәһед илә шәйтән душман капуларын йапыңыз / Йапыңыз бөнийадыңыз бу күпер үзрә фанидур Кичең андан хакә качың һиммәт атын чапыңыз / Чапыңыз тәүбә кылычи берлә нәфесең буйунни Зирә йукдур андан артук йапушачак сапыңыз / Сапуңызә душман йулдан дуст элинә керүңез Андан артугә димең кем без голям тапуңыз / Тапуңыз имди һәман нәфсани хазый тәрк идең / Бу Камал Өмми бәки гаҗиз дөгелсә тапуңыз [7: 367].* Өзектән күренгәнчә, кайбер урыннарда автор, карендәшләргә мөрәжәгать итсә дә, фигыльне берлек санда бирә. Мәсәлән, *Йапыңыз, бөнийадыңыз бу күпер үзрә фанидур, / Кичең, андан хакә качың, һиммәт атын чапыңыз [7: 367]* мисалында йап+ыңыз, чап+ыңыз күплек сан формалары белән беррэтгән, кич+ең, кач+ың берлек сан кушымчалары да килә. Бу шигырь таләбенә туры китерү өчен кулланыла.

«Сиражел кулүб» әсәрендә -гыл һәм -ың кушымчалары икенче зат берлек санны белдереп килә: *белең вә агах булуң [5: 2]; белгел вә агах булгыл [5: 4].* Автор алар арасында аерма күрми [4: 166], чөнки ул икенче зат күплек санны -ыңлар кушымчасы белән бирә.

Әгәр ул (2 нче зат берлек сан һәм күплек сандагы алмашлык) өстәлсә, боезык фигыль белдергән таләп яисә үтенеч йомшара төшә: *Әйде: «И ахмақлар сез, орушман, / Бер данке өчен ата-ана сүгүшмәң» [3: 85]; Йармөхәммәд, сүзне тугры сүзләгел, / Игри тартыб, укны тугры кизләгел. / Сүз эчендә сән йөзүмни ақ қыл, / Сүзләрем(и) ил күңлигә йомшақ қыл [3: 84].*

Сыйфат фигыльләрнең стилистик функцияләре төрле. Аларны шагыйрьләр күренешләрне, әйберләрне сурәтләүдә, кешенең холкын бирүдә, кешеләрнең сыйфатын ачыклауда файдалана. Мөхәммәдьяр ижатында -ган/-гән һәм -мыш/ -меш кушымчалы сыйфат фигыльләр арасында беренчесе актив. Аның поэзиясендә -ган кушымчалы сыйфат фигыльләрнең эпитетлар буларак актив кулланылышы күзәтелә. *Синә язган эш, укыган кеше, айган сүз, сабыр кылган кеше һәм башка мисаллар бар: Ул зағифә һәм сабыр тунын киеб, Хужа сәңә йазган эши будур тиб [3: 76]; Укуган гақил кешеләр аңлагай, Бу зәғиф бичарә қолына танлагай [3: 223].* Аның поэмаларында исемләшкән сыйфат фигыльләр шактый урын алып тора: *Уқыганга, бетигәнә, илаһи, Мөбарәк қыл бу гәнжә падишаһи [3: 228]; Хәқ тәгалә ул гибадәтдин өлүш Рузи қылгай гадел қылганга үкүш [3: 177]; Ир атанганга мөрүүәт һәм кәрәк, Фалим вә гамигә фөтүүәт*

кәрәк [3: 66]. Мәсәлән, *Һәр ки тотды телне – қотулды ул, Телни тотмаган уш тотулды ул* [3: 207] бәетендә сыйфат фигыльнең исемләшүен кыскалыкка омытыу, кабатлаудан качу белән аңлатырга мөмкин. Өмми Камал ижатында -мыш/-меш, -ан/-ән формалы сыйфат фигыльләр шундый ук стилистик функция үтиләр: *Йакмыш кән бу дәнһайи шул зәһәр зәмһарир Тирйәк ирүшиде җанынә йазың тимари күр* [7: 278]; *Шу сәйзәт илә сусамыш хәстә күңелле Кәл аб тәүбә хәссанә суари күр* [7: 279]; *Йашарән йашайан сулар кучалур Дүзилән бузулур әл хәкме лилляһ* [7: 279]; *Камал Өмми қунан күчәр йырагь әйт кем иген чәчәр Бетән сулар килән кичәр нитә кем бустан улды* [7: 279]. Әй мөршид һади нолә *Без азмышы уңдан сула* [7: 388] шигъри юлларында азмыш сыйфат фигыле исемләшә һәм без алмашлыгын аныклап килә.

Казан ханлығы чоры язма текстларында кушма фигыльләр уңышлы кулланыла. Алар арасында тезмә фигыльләр аеруча актив. Бу төр фигыльләр кылу, итү, булу ярдәмче фигыльләре белән ясала. Мөхәммәдъяр поэмаларында алар һәр өчөсә дә еш очрый: *Ғадел бабыни бу дәм бәйан итеб, Шаһи ғаләм гәдел сүзен йад итеб* [3: 176]; *Хәк тәғалә ул ғибадәтдин өлүш, Рузи қылғай ғадел қылғанға үкүш* [3: 177]; *Кем сәхауәт берлә булур ир сәғид, Ул сәғадәт даимән булур мәзид./ Қайу ир кем дәнһада булса сәхи, Хашиа булмас ахирәтдә дузәхи* [3: 183]. *Төхфәләрең чүнкә шаһә гарыз ула Сүчләреңи гафу идүб рәхмәт кыйла* [3: 313]; *Фида булсун бу бәнем бакый гомрим Иренләр сөхбәтинең бер дәмминә* [3: 313]. Казан ханлығында чорында Өмми Камал әсәрләре, Максудиниң «Могжизнамә», Мөхәммәдъяр поэмалары, башка чор истәлекләре кебек үк, гарәп-фарсы алынмалары белән туендырылган аристократ төркидә ижат ителә [1: 184]. Бу әсәрләрең тел тукумасының яртысыннан күбесен гарәп вә фарсы алынмалары тәшкил итә. Фигыльләр ясалышында да, нигездә, гарәп һәм фарсы сүзләре белән югарыда билгеләнгән ярдәмче фигыльләр килгән очрак актив.

«Сиражел-колүб» истәлегендә фигыльнең стилистик кулланылышына мисаллар байтак. Мәсәлән, хәл фигыльнең бер үк формасын кабатлау аңа эш-хәлнең интензивлыгы, дәвамлылыгы, кабатлануы мәгънә төсмере өсти. Автор бу очракта бер-берсә белән синоним булган *кабару*, *шешү* фигыльләрен хәл фигыль формасында янәшә куя: *Ул сәғать эчендә ул мәлгунь кәндүсен олуг күреб... диб кабарыб, шешәб әйде ирсә, түкәлләр атларындин төшүб, Фәргунь ләгыйнгә сәҗдә кылу башладылар* [5: 35]. Бу урында хәтта эш-хәлне арттыру төсмере дә салына.

Күр фигыле -а/-и формасын алган фигыль янында килә һәм кушма фигыль ясый. Ул ялынуны, процессның үтәлуенән сакланьрга кушуны белдерә: *Җиһад әкбәрә касдың вар исә әй дәрвиш Һәмишә нәфсең илә кыйла күр газа вә каттал* [5: 373].

Хәзерге татар әдәби телендә кушма хәбәрләр сөйләмдә бик еш кулланылалар һәм аңа аерым жанлылык бирәләр. Дәрәжә-ысул мәгънәләрен белдерүдә ярдәмче фигыльләр катнашалар. Дәрәжә-ысул категориясенә мәгънәләре шактый күп. Алар – процессның башлану дәрәжәсен һәм ысулын; процессның ике чик (башлану һәм тәмамлану) арасында үтәлу дәрәжәсен һәм ысулын; процессның тәмамлану дәрәжәсен һәм ысулын белдерү очраklары [6: 264]. Казан ханлығы чоры язма әдәби телендә алар санаулы гына. Процессның башлану дәрәжәсә һәм ысулы төрле формадагы фигыльләр янында ярдәмче фигыльләр килү юлы белән белдерелә. «Сиражел-колүб» әсәрендә ул башла- фигыле белән килә: *Әй пәрвәрдигяр кодрәтең берлә мәне монлар арасында хаваз кылмагыл*

диб, зарилык кылды ирсэ, тәңре тәбәрәк вә тәгаләнең кодрәте берлә ул сәгәт эчендә ул тагның ташы **инчиклайу башлады**, хатун углан тугурур дик **ыңрашу башлады**, бер тәвә чыкарды ... [5: 36]; Каю йиргә кем тикде ирсэ, **көйдерә башлады**, болыт күкрәйүр тик күкрәйү йур **йава башлады**, һәйбәтләр **хәрәкәтләр кыла башлады**. Эчендә нә кем таишлар кисәкләре бар ирсэ, тәкый чүб-чар бар ирсэ, **йота башлады** [5: 42]; Андин соң Муса пәйгамбәр г.с. карендәше Харун г.с. мәгъриб таба **бара башладылар** [5: 43]; Астундин боларны ут **көйдерә башлагай** [5: 16]. Андый мисалларны тагын китерергә була. Өмми Камал ижатында башла- ярдәмче фигыле белән берничә мисал теркәлгән: Тарәбдән **үтмәгә башлайә** кушлари дәрхаль **Һәм ака каму әрмагы су сүт бал** [7: 347]; **Йарыб ары кыйл рийа вә шәмгәдан күңлемези Һәр нәфесдә кем дилемез зикерәң әйди башлар** [7: 396]; **Йәнә нәсим саба башлады исер хуш хуш**. Хәбәр вирүр кә ирүшдә бәһар мәүсим уш [7: 273].

«Сиражел-колүб» истәлегендә кал ярдәмче фигыле эш-хәрәкәт процессының дәвамчанлыгын күрсәтә: **Бер анча мөэминләр сират үзә бер көн, бер төн калгайлар, тәкый бер анчалары бер айча калгайлар, тәкый бер анчалары бер йылча калгайлар, тәкый бер анчалары йөз йылча калгайлар, тәкый аркун-аркун кичкәйләр. Ул кем ирсә барчадин соң калгайлар йегерме биш мең йыл сират үзә кәчә калгайлар** [5: 16]. Бу очракта кал фигыле текстта төп фигыль буларак кабатланып кулланыла да аналитик фигыль составына күчә. Бу - фикернең үтемлелеген тагын да көчәйтә. Өзектә III зат күплек сандагы хикәя фигыль калгайлар икенче урындагы исемләшкән сыйфат фигыль калгайлар белән омоформа төзүен дә әйтеп китәргә кирәк. Шундый ук мисаллар бу чорның башка истәлекләрендә дә очрый: **Һәм йәтим булуб калан мәгъсуми үчүн Атадан вә анадан мәхрүми чүн** [7: 323].

Төр ярдәмче фигыле, -ып/-п һәм -а/-и формасын алган фигыльләр янында килеп, процессының үзгәрешсез дәвам итүен белдерә [6: 266]. Өмми Камал геройның ниятләү процессы дәвамлы булуын телдәге әлегә үзенчәлек аша бирә: **Сәңә нә милек мал вә нә сим зәр каласы Чүн жәнә касд идә дорур кафаңда газраил** [7: 268]. Икенче мисалда да төп фигыль белдергән процессының дәвамлылыгы белдерелә: **Качуб сыкындукъ йирдә улыб дорур һәргяһә Әжәл шу кем сәләре кем качар пәнаһә дүшәр** [7: 273]. Бу очракка мисал «Сиражел-колүб» истәлегендә дә урын ала: **Тәмуғга төшәр хәлдә илкә берлә сират сеңерендә йабышуб торгайлар** [5: 16].

Мөхәммәдьяр ижатында «Төхфәи мәрдан» поэмасында кит- ярдәмче фигыле төп фигыль белән бирелгән процессының бик тиз тәмамлануын белдереп килә: **Үлтүрүб аларны гаси булдылар, Атасы йеренә качыб китдиләр** [3: 94]. Мондый очракка мисал Өмми Камалда да урын ала: **Бу йүлда вар дилим пәрдә нә кыйлалум кә безләрдә Кәчүб китмәгә ул фәрдә кани тагәт мәжәл ирмәз** [7: 360].

Ярдәмче фигыльләр төрле модаль мәгънәләр белдерә. Өмми Камал ижатында күр фигыле боеру, үтенүне белдерүдә катнаша: **Дирәлигеңдә сурачидан курка күр Гүр ичендә күрүб әүдәң сатмадин** [7: 298]; **Чүнкә дөнһия бер дингездүр ки дирең Йүз кырагана чыка күр батмадин** [7: 298].

Матур әдәбият стилиндә башка стильләрдән үзгә буларак, бер зур булмаган өзектә берьюлы фигыльнең өч (хәзерге, үткән һәм киләчәк) заман формаларын, хәтта һәр заманның төрле формаларын да файдалану очрый. Бу сәнгәт стилинең үзенчәлегә дип күрсәтергә мөмкин, чөнки фәнни, рәсми стильләрдә андый төрлелек аларның экстралингвистик үзенчәлекләренә бәйле рөхсәт ителми. Фигыль заманнарының мондый төрлелегә әдәби текстның хикәяләү һәм

сурәтләү функцияләрен тормышка ашырырга ярдәм итә, әйтелгәннәрне төрле төсмерләр һәм модаль мәгънәләр белән тулыландыра. Өмми Камал ижатыннан мисал: *Гафләт илә кәчде гомрим аһ вә аһ / Сачем ак йүзим кара ишем гөнаһ / Йул җиттек үлүм йакын мәнзил ирак / Кярбан кәтди кани азуқ йарак / Жәрөм гыйсыйан бу Камал Өммидә чук / Ул кырк әрмәгандан бери йук / Гаҗез гайб сәһү нисыйан хата / Йуклык иксәклик гарыз зәркә рийа / Камулар илтәчәк анда әрмәган / Тәхфәм уш бунлар дурур бәнем һәман Әй бези йукдан вар идән йарадан / Сән күтәр бу пәрдаләри арадан / Чүнкә бирдүң рәйкяндан безә җан / Рәхмәтеңне дәхи рузи ит райкян / Без кимиз кем сәңа ляикъ әрмәган / Илтәүз чүн бинәвайиз натәван [7: 341]. Мондый очраklar Мөхәммәдьяр поэмаларында, «Кыз хикәяте»ндә дә күзәтелә: *Жәуабын табты, күр йарны, Безбаз, / Ачыгындин дәм оруб, агзын ачмаз. / Кәндү фиглендин үзе шәрмәндә булды, / Мәгәр уш ул, Чынбил зирәк, қотулды. / Сабыр берлә эш эшләсә, булур шад / Хушнәуага қылды күб ингам гөшад. / Әйтте: «Мәндин улгыл имди (сән) азад, / Сәңа захмәт тикүрмәсүн адәми зад. / Жәһан халқы аның тик табгай морад, / Сабыр берлә булур һәр эшдин гөшад». / Йәнә Чынбилгә бу сәраб, таҗә бирде, / Хәзинә ачтуруб (һәм) әхраҗә бәрде [3: 53]; Йөгет әйдүр: «Мәслихәт-дүр». *Торыр. / Ул карыйчык эвенә кәлде. Керер [2: 74].***

Шул рәвешле, XV–XVI гасыр иске татар язма истәлекләре текстларында фигыльләренң төп сүзлек фонды зур һәм алар аралашуда, текст оештыруда әһәмияте белән аерылып тора.

ӘДӘБИЯТ

1. Бәширова И.Б. Иске татар теленең кулланылышына гарәп вә фарсы теленең тәәсире // Минбар. Исламские исследования. – 2015. – Т. 8. – №1. – С. 174–185.
2. Кыз хикәяте / төз.-авт. Мәрданов Р.Ф. – Казан: Милли китап, 2012. – 184 б.
3. Мөхәммәдьяр. Нуры содур. Поэмалар, шигырь. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. – 336 б.
4. Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. / АН СССР. Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1989. – 281 с.
5. Сираҗел-колүб. – Казань: Типография Т-го Дома Братъевъ Каримовыхъ, 1903. – 93 б.
6. Татар грамматикасы: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев. – Тулыландырылган 2 нче басма. – Казань: ТӘҺСИ, 2016. – Т. II. – 432 б.
7. Фатхтдинов Ф.К. Өмми Камал китабы. – Казань: ИЯЛИ, 2022. – 648 с.

УДК 812.09

ЗАГОЛОВОК В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (прагматический аспект)

К.Н. Кадьров

Навоийский инновационный университет (Навои)

Язык современных средств массовой информации все более тяготеет к реализации средств вторичной номинации как форме языковой игры. Неожиданное соположение лексических единиц дает окказиональное значение, одновременно высвечивая в референте новые ракурсы смысла, призванные заострить внимание читателя, удерживая его в необходимом автору семантическом пространстве.

Ключевые слова: прагматический аспект, заголовок СМИ, вторичная номинация.

The language of modern mass media increasingly gravitates towards the implementation of means. Secondary nomination as a form of language game – an unexpected

juxtaposition of lexical units gives occasional meaning. At the same time highlighting new angles of meaning in the referent. It is intended to focus the reader's attention, keeping it in the semantic space necessary for the author.

Key words: pragmatic aspect, media title, secondary nomination.

Чаще всего читатель выбирает понравившуюся ему статью по яркому, эффектному, красочно оформленному заголовку. Как отмечает Э.А. Лазарева: «Заголовок является первым сигналом, побуждающим нас читать материал или отложить газету в сторону» [5: 3].

Заголовки помогают читателю ориентироваться в обширном газетном материале, дают возможность судить о наиболее важных и интересных статьях, информациях. Заголовок – это своего рода вывеска, и чем она красочнее, тем больше гарантии, что материал будет прочитан.

Стратегии интерпретации смысла газетных заголовков британских медиа-текстов» указывает: «Заголовок – это выделенный графически потенциально свернутый знак текста, выраженный вербальными и невербальными средствами языка, обладающий относительной автосемантической, являющийся абсолютно начальным, единым для всего текста элементом, который именуется и/или характеризует текст, прогнозирует содержание, интерпретирует текст, сообщая ему дополнительные смыслы» [1].

Традиционно газетный заголовок является объектом лингвистических исследований. Аспектами изучения заголовка занимаются различные науки: филология, журналистика, социология, стилистика и т. д. Изучение заголовка строится с опорой на различные исследования указывается, что газетный заголовок подвергается исследованию с точки зрения его структуры, синтаксической природы, функционального развития, семантики, стиля, проявления закона экономии языковых средств [1].

Из этого следует, что заголовок СМИ рассматривается и изучается с разных сторон, аспектов, точек зрения. В первую очередь выясняется зависимость его формы и смыслового содержания, наполненности. Форма и структура заголовка СМИ варьируется. Название газетной статьи может вводиться единичным заголовком, но могут также присутствовать дополнительные, вспомогательные элементы.

Газетный заголовок называет и характеризует назначение основных элементов, которые дополняют заголовок, предшествующий тексту статьи. Наиболее часто встречаются: «шапка», собственно заголовок, подзаголовок и рубрика. В этом случае мы говорим о заголовочном комплексе, что заголовочный комплекс позволяет не перегружать заголовок, а сосредоточить внимание на выполнении им контактной функции, переложив информативную функцию на дополнительные компоненты.

Широко применяемый вид газетного заголовка, именуемый «шапкой» применяется для группы однородных по теме материалов, набирается крупным шрифтом на всю ширину подборки (две-три и более колонок, часто на всю страницу и даже полностью на разворот (две страницы)). Основное назначение «шапки» – «привлечь внимание читателя к подборке материалов на актуальную тему, броско и сжато выразить общий смысл этих материалов.

Таким образом, удачное расположение, комбинация основных и вспомогательных элементов помогает читателю быстро ориентироваться в материале и облегчает чтение.

Заголовок – хроника. Такой заголовок сообщает о самой главной информации, заключенной в тексте последующей статьи. По мнению ряда ученых, современная фаза функционирования языка характеризуется тенденцией к отступлению от языковых норм. Сами же языковые нормы отличаются известной размытостью границ и вариативностью. Речь становится более персонифицированной, экспрессивной, метафоричной [4]. Этот процесс можно отнести к числу синхроничных языковых универсалий. Как утверждал Б.Л. Уорф, «принятые нормы употребления слов определяют некоторые формы мышления и поведения», и поэтому лингвистические формулы, которые в данном языковом социуме обозначают соответствующую ситуацию, являются ключом к объяснению и соответствующих поступков людей [8: 185–187].

Очевидно, что язык современных средств массовой информации все более тяготеет к реализации средств вторичной номинации как форме языковой игры – неожиданное соположение лексических единиц дает окказиональное значение, одновременно высвечивая в референте новые ракурсы смысла, что призвано заострить внимание читателя, удерживая его в необходимом автору семантическом пространстве.

СМИ воздействует на личности человека. Нами проанализированы республиканские прессы Узбекистана, а также местные публицистические органы Навоийской области на узбекском и казахском языках.

Человеческая цивилизация становится все более «информативно-центричной». Неукоснительно расширяющееся поле информации, а также модернизация современных СМИ делают проблему языкового манипулирования сознанием личности все более актуальной как для специалистов, занимающихся вопросами социологии, политологии, философии, так и для лингвистов. Лингвистический ракурс проблемы предполагает выявление закономерностей и определенных механизмов в процессах восприятия информации, заложенной в конкретном тексте, а также прогнозирование воздействия данной информации на адресата.

Возможность прогнозирования воздействия базируется на данности: текст выстраивается по определенным языковым законам – лексико-семантическим, риторическим, грамматическим. При этом текст может быть носителем не только лексикализованных, эксплицитных смыслов, но и имплицитных, отсылая адресата к его интертекстуальной памяти и активизируя не только языковые, но и концептуальные связи в ментальном лексиконе реципиента.

Данная проблема находит отражение и в процессе поиска оптимальных новейших технологий в области методики преподавания иностранных языков. Как известно, основной задачей методики преподавания любого иностранного языка на современном этапе является формирование вторичной языковой личности, готовой к профессиональному и межкультурному диалогу. Печатные средства массовой информации могут содержать информацию, необходимую для успешной профессиональной деятельности.

Современный деловой человек должен уметь оперативно выбирать нужную информацию из общего потока. Одним из ориентиров для него может стать заголовок статьи, который аккумулируя основной смысл статьи, призван привлечь и удержать внимание читателя. Между тем, информация, «зашифрованная» с изначальным нарушением языковой нормы – достаточно распространенное явление в современных печатных средствах массовой информации. Ее декодирование может представлять известную сложность и для носителя

данного языкового сознания, но несомненно, что для формирующейся вторичной языковой личности эта форма вербальной коммуникации – одна из наиболее трудоемких.

Адресант, автор, предлагает своеобразную языковую игру – он заведомо усложняет путь к смыслу. При этом ментальная процедура поиска сигнификативного значения закодированного понятия удлиняется: логические векторы, которые должны направить мысль адресата могут быть даны в заголовке имплицитно, и для того, чтобы коммуникативный акт состоялся, получатель информации затрачивает больше усилий по адекватному восприятию текста.

Совершенно очевидно, что декодирование информации представленных заголовков требует определенных интертекстуальных знаний, которые синтезируют семантическую и культурную память. С позиций когнитивной лингвистики признается, что при этом в ментальности индивида активизируются когнитивные схемы, подобные фрейму (гештальту, скрипту, сценарию) для установления того прототипического элемента, который должен стать ключом, вскрывающим языковой код. Существенно, что выведенное значение будет актуально именно при данном соположении языковых единиц, которые реализуются в конкретном речевом акте и в конкретных обстоятельствах.

С какой целью из арсенала, который предлагает ему язык, автор выбирает наиболее сложный вариант номинации? Выше мы отметили, закодированная таким образом информация удлиняет связь с сигнификатом. Следовательно, ее декодирование требует и «удлиненного» процесса декодирования, при этом увеличивается и время нахождения читателя в заданном семантическом пространстве, а значит, увеличивается и время воздействия информации. Авторская интенция – воздействие на читателя – приобретает дополнительный временной отрезок, во время которого происходят две ментальные процедуры: поиск читателем адекватного семантического значения и реализация авторской интенции. Данный вывод делается на основе идей, сформулированных представителем Оксфордской школы Дж. Остином в его «Теории речевых актов». Отталкиваясь от принятого в лингвистике положения о том, что основным признаком речевого акта считается признак целенаправленности, где цель определяется как намерение говорящего произвести определенное воздействие на адресата, что именно цель речевого акта выступает параметром необходимости для понимания и интерпретации действий и явлений, Дж. Остин впервые привлек внимание к тому, что высказывание может представлять собой не только сообщение информации, но и совершение многих других действий [6]. Полагаем, что воздействие на читателя может рассматриваться в этом ряду.

Еще в 1969 году американский логик Дж. Серль ввел в научный обиход понятие иллокутивного воздействия: «значение создается намерением говорящего произвести иллокутивный эффект на слушающего, заставив его признать свое намерение, вызвать именно данный эффект» [7; 9].

В новейшей лингвистике речевой акт рассматривается как «...квант речи, соединяющий единичное намерение («иллокуцию»), заверченный минимальный отрезок речи и достигаемый результат» [3: 224]. Следовательно, при обращении автора к различным средствам вторичной номинации: тропам, риторическим фигурам, аллюзии – может увеличиваться и иллокутивная сила высказывания, выраженного в форме заголовка. Например: «Молоко убежало» (под этим заголовком в статье из газеты «Труд» рассказывается об уменьшении количества молока на прилавках российских магазинов). В русском языковом

сознании «молоко убежало» означает, что оно, сильно вскипев, переливается из кастрюли. К этому значению добавляется и эмоциональная оценка факта: «хозяйка не уследила за молоком, оно от нее убежало (как живое)».

Поэтому в Большом Толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова с пометой «разг.» фиксируется: «Убежать. 4. Вытечь; иссякнуть (о жидкости)». Однако ЛСВ1 глагола «убежать» содержит сему «быстро», а ЛСВ2 – сему «тайком» [2].

Компонентный и контекстуальный анализ дают следующее значение: «по не известным (тайным) причинам быстро исчезнуть». Соответственно: молоко очень неожиданно и быстро по не понятным причинам исчезло с прилавков российских магазинов. Читатель программируется на то, что в факте исчезновения молока с прилавков есть много неясного. В другом заголовке автор удерживает читателя в нужном ему семантическом пространстве заголовком, который требует интертекстуального знания: «Области и граду» (газета «Smart money»). В статье рассказывается о предстоящем объединении Москвы и Подмосковья. Название статьи восходит к латинскому «Urbi et orbi», буквально: городу и миру. Эти словами начинаются послания Римского Папы, т. е. ко всеобщему сведению. В заголовке статьи сохраняется значение «город», к которому вместо второго компонента высказывания «миру», добавляется неожиданное «область». В результате семантической транспозиции активизируется как прямое, так и переносное значение, поэтому выводимо следующее окказиональное значение: «информация в статье: 1) для всеобщего сведения; 2) информации для города (Москва) и мира (Подмосковье)».

Аналогичные процессы прослеживаются и в коротких рекламных текстах. Лексема «заправский» в словаре БТС под редакцией С.А. Кузнецова дается с пометой «разг.»: «такой, каким следует быть; настоящий, истинный». А лексема «заправка» дана с отсылкой к глаголу «заправить»: «Заправить 3. Приготовить к действию, использованию (механизм, прибор и т. п.), наполнив чем-л.» [2].

В средствах массовой информации реализуется не только информативная функция речевого акта. Заголовок, рассмотренный в качестве коммуникативной единицы, верифицирует идею Дж. Остина о коммуникативном акте как событии, в котором определенными вербальными средствами осуществляется воздействие на адресата. Задача текста заголовка печатного СМИ – оптимально подобранными языковыми средствами получить максимальный иллюкутивный эффект. Следовательно, воздействие на читателя, как и иллюкутивная сила этого воздействия, может быть рассмотрено как одна из целей речевого акта «автор – читатель», где коммуникативное обстоятельство – печатное средство массовой информации, а форма – заголовок.

Очевидно, что сегодняшняя конкуренция в сфере массовой информации стимулирует авторов к поиску именно нестандартных способов привлечения читательского внимания. Адекватное понимание является инструментом декодирования языкового выражения, позволяющее избежать коммуникативной «неудачи» в процессе расшифровки заданного смысла, и именно поэтому обозначенная здесь проблема становится актуальной для специалистов различных областей научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова Ю.А. Стратегии интерпретации смысла газетных заголовков британских медиа-текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2008. – 26 с. – URL: <http://cheloveknauka.com/strategii-interpretatsii-smysla-gazetnyh-zagolokov-britanskih-media-tekstov>.

2. Большой толковый словарь русского языка (БТС) / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2002.
3. Демьянков В.З. Теория речевых актов в контексте современной зарубежной лингвистической литературы (обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17.
4. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. – СПб., 1998.
5. Лазарева Э.А. Заголовок в газете. – Свердловск, 1989. – 96 с.
6. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. М., 1986.
7. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М., 1986.
8. Уорф Б. Л. // Герд А. С. Введение в этнолингвистику. – СПб., 2006.
9. Searle J. R. Speech acts: an essay in the philosophy of language. – Cambridge, 1969.

УДК 811.512.145*373

Н. ФЭТТАХНЫҢ «ИТЕЛ СУЫ АКА ТОРУР» РОМАНЫНДА ФРАЗЕОЛОГИЗМНАР

Р.Б. Камаева

Казан федераль университетының Алабуга институты (Алабуга)

Роман «Итиль-река течет» – увлекательный исторический роман татарского классика, мастера исторической прозы Нурихана Фаттаха о событиях в Поволжье, предшествовавших объединению племен в единое Булгарское государство и принятию ислама в годы правления Алмыш-хана. Автор романа один из тех писателей, которые, обращая внимание на язык литературного произведения, бережно используют его возможности. В этой статье рассматриваются фразеологические единицы, использованные в художественном тексте как средства языковой выразительности.

Ключевые слова: фразеологические единицы, историческая проза, Нурихан Фаттах, татарский писатель, национальные особенности.

The Novel “Itil suy aka torur” is a fascinating historical novel by the Tatar classic, master of historical prose Nurikhan Fattah about the events in the Volga region that preceded the unification of tribes and tribes into a single Bulgarian state and the adoption of Islam during the reign of Almysh Khan. N. Fattah was considered one of those writers who carefully used his opportunities, paying special attention to the language a literary work. This article examines phraseological expressions used as a means of expressing thought in a pictorial, artistic, expressive way. Their composition and groups are being clarified.

Key words: phraseological units, historical prose, Nurikhan Fattah, Tatar writer, national peculiarities.

Нурихан Фэттах үз халкының үткәнен һәм бүгенгесен тирәнтен өйрәнәп, төрле гасырларда яшәгән төрки-татар халкының тарихын, аның проблемаларын бүгенге заман белән янәшә куеп, халкыбызның яшәешен бербөтен итеп күрсәтүгә ирешкән һәм шуның белән укучының күңелен яулап алган язучы. Чынбарлыкның, тарихның катлаулы якларын, кешеләр арасындагы төрле мөнәсәбәتلәрне сәнгать камиллегенә җиткереп яктырта белү сәләтенә ия булган, кабатланмас стильдә иҗат иткән талантлы язучының эшчәнлеге күпкырлы. Ул – галим, философ, этнограф, публицист та һәм болар барысы да аның әдәби эшчәнлеге белән бәйләнә.

Нурихан Фэттахның «Ител суы ака торур» романында вакыйга моннан бер мең еллар элек Болгарда рәсми рәвештә мөселман дине кабул ителгән чорда бара. Болгарларның феодаль катлавы Идел, Чулман, Агыйдел буйларында яшәүче күпсанлы кабиләләрне берәм-берәм үзләренә буйсындырып, бер үзәккә туплый һәм шактый көчле дәүләт төзүгә ирешә. «Ител суы ака торур» романында Болгар иле тормышындагы шул киеренке, катлаулы чор тасвирлана. Автор үзе романга сүз башында болай дип яза: «Татар халкының бай тарихы бар. Дингездән бер тамчы су алган кебек, менә шул бай тарихтан мин дүрт-биш елны аерып алдым. Дүр-биш ел тарих өчен генә түгел, аерым кеше гомере өчен дә бик аз вакыт. Ләкин мин алган дүрт-биш елның әһәмияте татар тарихы өчен чиксез зур» [2: 5].

Әдип лирик-эмоциональ бизәкләрне оста куллана, психологик ассоциацияләргә мөрәжәгать итә, тарихи фактларны, чорга караган документларны эсәренә сюжет тукумасына жайлап кына кертәп жибәрә. Шул ук вакытта автор халык авыз ижаты байлыкларынан киң һәм урынлы файдалана белә, тылсым, ырымнар күп урынны алып тора. Гомумән, Нурихан Фэттах әдәби эсәренә теленә бик игътибар итеп, аның мөмкинлекләреннән сак кулланган язучылардан санала.

Автор борынгы бабаларыбызның тормыш-көн күрешен, шөгыйль-кәсепләрен, йолаларын, горейф-гадәтләрен, яу күренешләрен, ырулар арасындагы мөнәсәбәт бәйләнешләрен жанлы итеп сурәтли, телнең барлык чараларынан, сүзлек байлыгынан һәм грамматик формаларынан мөмкин кадәр тулы файдалана.

Фразеологик берәмлекләр язучы телендә мөһим төзү материалы буларак кулланылалар. Алар билгеле бер мәгънә үзенчәлегенә ия. Фразеологизм – ул, асылда, бербөтен мәгънә белдерүче, чынбарлыктагы күренешләренә тәэсирле, сурәтле һәм сәнгатьле итеп чагылдыручы, семантик һәм синтаксик яктан таркалмый торган тотрыклы сүз тәзмәсе [3: 154].

Фразеологик әйтәлмәләр әдәби эсәр тукумасында фикерне сурәтле, бизәкле, тәэсирле итеп белдерү өчен файдаланылалар. Фразеологизмнарда халыкның тормыш тәҗрибәсе, фикер йөртүе, милли үзенчәлекләре чагылыш таба.

Н. Фэттахның «Ител суы ака торур» романында төрле компонентлы фразеологизмнар кулланылган. 1. Ике компонентлы фразеологизмнар: *ис китү, эч пошу, бил бөгү, баш кату, баш вату, тел тидерү, колак салу, кырт кисү, кот алыну, күңел ачу, күңел тулу, күңел эрү, таң калу, кот алыну, күз буу, йөз чөерү, авыз итү, тишек авыз, ач күз, бөек күңел*. 2. Өч компонентлы фразеологизмнар: *канат астына жыю, кулыннан көч китү, аягы жиргә тимәү, ачуыннан шартлый язү, күз алдынан китмәү, күңеленән бөрешеп калу, күңелләрен ачып салу, күз ачып йомганчы, кан йотып яшәү, теш үтмәслек койма, коры таякка терәү*. 3. Дүрт компонентлы фразеологизмнар: *жир йөзеннән себереп ташлау, караңгы йөзе яктырып китү, таң алды йокысына чуму, авызыннан ана сөте кипмәгән, аяк астында тузан булу, күңелен икеләнү корты кимерү, күз ачып йомган арада, жиде кат тирене тунау, авызыннан утлар чәчеп тузыну*.

Фразеологик әйтәлмәләрнең компонентлары арасына сүзләр өстәп, аларны жәнкеләндерү, ике яки берничә фразеологизмны берләштерү (кантаминация) алымы да еш очрый. Мәсәлән: *изге эшкә тел тидереп тору, күңел яраларына учлап тоз салу, йөрәге өзәлеп төшкән кебек булу; күкрәгемдә утлы куздай дөрләп янган йөрәгем, кайгылы зур башын көчкә күтәрәп утыру, ургып акканкан бозга әйләнү, сүзне аяк астына салып таптау; күңелнең нечкә кылларын аяк астына салып таптау*.

Тикшеренүләр күрсәткәнчә, язучы тарафыннан ике, өч һәм аннан да күбрәк фразеологизмнарны берләштереп куллану очраklары да бар. Мәсәлән: *бугазына килеп тыгылган күз яшен тыярга көче житмәү, күңелендәге иң нечкә кылларын аяк астына салып таптау*.

Романнан жыйнап алынган фразеологизмнарны компонентларының составына карап берничә төркемгә бүлүргә мөмкин.

1. Сыйфат + исем моделе. Мондый фразеологизмнарның беренче өлеше художестволы аергыч булганлыктан, алар нигездә эпитет булып китәләр. Мәсәлән: *каты күңел, канатлы күңел, ак юл, тишек авыз, ач күз, очлы күз карашы, озын колак, башсыз жегет, коры сүз, кайгылы йөз, караңгы йөз, бөек күңел, кара тир, буш кул* һ. б.

– Чабып өзәкләр! – диде ата кеше, кабатлап, *караңгы йөз* белән [2: 80]. Аның еракка төбәлгән *ач күзләренә* Чулман буе гына түгел, Хазары-ние белән, диңгезләре белән бөтен Идел буе, далалар күренә башлады [2: 150]. Боларның барысы да *коры сүз* генә булып калмасын өчен, Болгар ханына битек язылды [2: 295]. – *Ак юл* сиңа, Тотыш би, – диде Тәңкә [2: 317]. Шуна күрә дә алар *кара тиргә батып, телләрен салындырып*, бөтен жирдән аны эзләделәр [2:349].

2. Исем + исем моделе. Андый фразеологизмнар составындагы кисәкләр бер-берсе белән тыгыз бәйләнеп бер төшенчә белдерәләр, аерым-аерым мөстәкыйль мәгънәгә дә ия булып торалар. Мәсәлән: *бавыр ите, йөрәк мае, күңел күзе, тел ачкычы, үлем түшигә, үлем тырнагы, кан үче, көнчелек корты, шайтан уты, түземлек мичкәләре, жир чите, жир корты, үлем тырнагы* һ. б.

– Углым, *бавыр итем, йөрәк маем!* Бар орыш! [2: 93]. Инде каядыр *жир читенә* аркыш жибәрүнең дә... беркемгә дә кирәге юк иде [2: 103]. Мин аны *үлем тырнагыннан тартып алдым* [2: 135]. ... ак ташлардан өеп мендерелгән очлы багана, үз аяк астындагы *жир кортларының* кайгысына, жылау-сыктавына өз генә дә исе китмичә... басып тик торды [2: 202].

3. Исем + фигыль моделе. Мәсәлән: *күзләр сүнеп калу, күздән кичерү, баш тарту, телсез-өнсез калу, күңел булу, күңел ачу, күңел эрү, күңел тулу, уй йөртү, колак кагу, күз буу, тамак ялгау, кайгы басу, баш салынып төшү, баш вату, аяк тартмау* һ. б.

Йолдыз-кашка янадан элекке төсенә керде, бары тик аның *күзләре генә сүнеп калган иде* [2: 29]. Акбүре ыруы болгарларга каршы чыгудан *баш тартты* [2: 50]. Утташ кам, үзен күргәч кешеләрнең *телсез-өнсез калуларына* да, балаларның жылауларына да исе китмичә, киресенчә, үзеннән куркуларына *күңеле булып*, эре генә баруында булды [2: 9]. Ул башкачарак *уй йөртте* [2: 154]. – Тотыш! – диде Торымтай, *күңеле тулып* [2: 223]. Кичә менә Бәкәчтән *колак кактык* [2: 252]. Алмыш ханга никтер *аяк тартмый* [2: 308].

4. Фигыль + исем моделе. Мәсәлән: *ару-талу белмәс йөрәк, каткан күңел, өтәләнгән кеше, каткан күңел, янган күңел, тибрәнгән күңел, кабынып киткән ярсу, буталган уйлар-теләкләр* һ. б.

Катлаулы, четрекле эштә аңа ныклы кул да, яхшы, тиз уйлы торган баш та, *ару-талу белмәс йөрәк* тә кирәк иде [2: 18]. ...бер үк теләк белән *янган*, бер үк тойгылар белән *тибрәнгән күңелләр* генә торып калды. Көйчеләр кырыс кешеләрнең *каткан күңелләрен* шулай кузгатып алдылар да туктап калдылар [2: 116]. Бик азга гына *кабынып киткән ярсу* шундук юкка чыкты [2: 342]. ... ул эле үзенең *буталган уйларын-теләкләрен* жайга да сала алмаган иде [2: 342]. Нишләптер үсми калган кыска гына буйлы, аксак, *өтәләнгән кеше* артыннан Тотыш, кылычын жайлап тоткан килеш, сак кына атлап тышка чыкты [2: 342].

Тикшерелә торган фразеологизмнар арасында кешенең халәтен белдерүче сүзләр күпчелекне тәшкил итә. Бу фразеологик берәмлекләр кешенең эчке психологик халәтен белдерәләр. Язучы аларны геройларга характерлы сыйфатларны ачу, әдәби образны тулы итеп тудыру өчен куллана. Әдәби геройларның үз-үзләрен тотышын, хисләрен фразеологизмнар аша биру укучыга образларның эчке халәтен тирәнрәк аңларга ярдәм итә.

ӘДӘБИЯТ

1. Камаева Р.Б. Матур әдәбият тәржемәсе: уку-укыту ярдәмлеге. – Казан: РИЦ «Школа», 2015. – 136 б.
2. Фәттахов Н.С. Ител суы ака торур: Тарихи роман. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – 398 б.
3. Хаков В.Х. Татар әдәби теле (Стилистика). – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. – 303 б.

УДК 81'27

ЦЕННОСТНАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОБЪЕКТ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В.И. Карасик

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва)

Важной характеристикой языковой картины мира является ее ценностное содержание, которое может быть объективно установлено с помощью специальных лингвистических методов исследования. Этнокультурная специфика ценности может быть выявлена посредством картирования соответствующих лексических и фразеологических групп, сопоставления ценностных суждений, вытекающих из стереотипов поведения, зафиксированных в значениях слов, устойчивых выражений, прецедентных текстов. Ценностная картина мира проявляется в аксиогенных текстах – коммуникативных феноменах, назначением которых является передача смыслов, фиксирующих определенные нормы и традиции поведения. При межъязыковом сопоставлении ценностных картин мира обнаруживается, что различие между представлением тех или иных концептов выражается большей частью не в наличии или отсутствии определенных признаков, а в частотности этих признаков и их специфической комбинаторике.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, ценностная картина мира, аксиогенный текст, лингвокультурология, концепт.

An important characteristic of the linguistic picture of the world is its value content, which can be objectively established with the help of special linguistic methods of research. The ethnocultural specificity of value can be revealed by mapping the relevant lexical and phraseological groups, comparing value judgments derived from stereotypes of behavior, fixed in the meanings of words, stable expressions, precedent texts. The value picture of the world is manifested in axiogenic texts – communicative phenomena, the purpose of which is to convey meanings that fix certain norms and traditions of behavior. The interlingual comparison of value worldviews reveals that the difference between the representation of certain concepts is mostly expressed not in the presence or absence of certain attributes, but in the frequency of these attributes and their specific combinatorics.

Key words: axiological linguistics, value picture of the world, axiogenic text, linguoculturology, concept.

В структуре языковой личности особое место принадлежит ценностям – наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения. Ценности лежат в основе оценки, тех предпочтений, которые человек делает, характеризуя предметы, качества, события. Представляется оправданным разделить ценности на внешние и внутренние, имея в виду, что между внешними, социально-обусловленными, и внутренними, персонально-обусловленными ценностями нет четко очерченной границы.

Лингвистическая классификация ценностей может быть построена на различных основаниях. Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие. В этом случае наступает отождествление ценности и актуальности явления (наименований профессий и болезней явно больше, чем наименований видов помощи и предательства).

Принимая во внимание потребности человека, конфликт между благом для себя и благом для другого (различие между утилитарными и моральными ценностями), а также рациональный и иррациональный характер переживания и понимания ценностей, предлагаем шкалу утилитарных и моральных ценностей, имеющую продолжение в область витальных потребностей человека (субутилитарные ценности), с одной стороны, и в область установок, выступающих в качестве аксиом поведения и оценки (суперморальные ценности), с другой стороны.

В качестве попытки комплексного осмысления ценностей в языке можно предложить модель ценностной картины мира. Мы исходим из того, что наряду с языковой картиной мира (в качестве ее аспекта) объективно выделяется ценностная картина мира в языке. Здесь уместно разграничить, по меньшей мере, этнокультурный и социокультурный планы, применительно к различным видам оценочных отношений, например, отношение к старшим и младшим, детям, женщинам и мужчинам, к животным, к собственности, к здоровью и болезням, к смерти, к состязаниям и играм, к труду и подвигу, к чуду и обыденности, к приватности, к жилищу, к земле и небу, к явлениям природы, ко времени и пространству. Такой материал прослеживается в этнографических, социологических, литературоведческих, лингвистических исследованиях [4; 15; 16; 17]. При изучении ценностной картины мира в языке мы исходим из следующих положений:

1) ценностная картина мира в языке включает общечеловеческую и специфическую части, при этом специфическая часть этой картины сводится к различной номинативной плотности объектов, различной оценочной квалификации объектов, различной комбинаторике ценностей;

2) ценностная картина мира в языке реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами;

3) между оценочными суждениями наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, в результате чего можно установить ценностные парадигмы соответствующей культуры (например, из определенного типа отношения к старшим и младшим можно вывести тип отношения к собственности, к состязанию, к приватности и т. д.);

4) в ценностной картине мира существуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых

и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке.

Изучение ценностных доминант в языке представляется важной задачей для лингвистики, поскольку это позволяет понять принципы языкового освоения мира человеком. Вместе с тем следует заметить, что исследователь культурных доминант сталкивается с опасностью упрощенного, схематического и тенденциозного освещения установленных корреляций, поэтому обоснование методики исследования и принципов интерпретации полученных данных приобретает первостепенную значимость.

Методика изучения ценностных доминант в языке базируется на понятии «концепт». В повседневном научном общении весьма часто термин «концепт» используется как синоним термина «понятие», но, как подчеркивает В.З. Демьянков, о понятиях люди договариваются, в то время как концепты принимаются как данные [5]. Весьма убедительной представляется когнитивное, психологическое понимание концепта как заместителя понятия в индивидуальном и коллективном сознании носителей языка, эта позиция, обоснованная Д.С. Лихачевым [9], позволяет учесть богатство ассоциаций и смысловых переносов (вплоть до ошибочной интерпретации), установить роль творцов языка, измерить зазор между значением и концептом этого значения в сознании отдельных людей и человеческих коллективов. Концепт значительно шире, чем лексическое значение, закрепленное в словаре. Интегративное понимание концепта предложено С.Х. Ляпиным [10]. В таком ракурсе концепт рассматривается как многомерное культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме. Здесь на первый план выдвигается идея многомерности концепта, выделения в нем как рационального, так и эмоционального, как абстрактного, так и конкретного компонентов. Концепты являются первичными культурными образованиями, транслируемыми в различные сферы бытия человека, в частности, в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство) и преимущественно деятельностного (обыденная жизнь) освоения мира. В этом плане представляется целесообразным противопоставлять 1) объективное потенциальное содержание или концепт, 2) содержательный минимум, который обычно представлен в словарной дефиниции и который является актуализацией концепта, всегда частичной и субъективной по отношению к смысловому потенциалу (известно, что каждый словарь есть отражение субъективной авторской трактовки объективного содержания слов), 3) конкретизацию содержательного минимума, проявляющуюся в нескольких направлениях: а) тематизация, которая зависит от опыта человека: чем образованнее носитель языка, тем ближе тематизатор в сознании человека к содержательному минимуму в идеальном сознании образцового носителя языка; б) прагматизация, включающая статусно-ролевые, ситуативные, этноспецифические смысловые уточнения.

Изучение лингвокультурных концептов стало одним из наиболее активно развивающихся направлений современной лингвистики. Их моделирование в целом распадается на три исследовательские парадигмы. Первая парадигма предложена Ю.С. Степановым в его известной монографии, представляющей собой опыт составления словаря культуры [13]. Вторая парадигма представлена множеством конкретных описаний отдельных концептов, как в сопоставительном плане при сравнении разных культур, так и в описательном варианте

вне сопоставлений [1; 2; 3; 7; 11; 12; 14; 16]. Одной из моделей описания концептов при таком подходе является характеристика их понятийного, образного и ценностного содержания [6]. Для описания понятийного содержания концепта анализируются данные словарей и справочников, образное содержание устанавливается на основании анализа объяснительных контекстов, раскрывающих значение и смысл вербализуемого концепта, и путем опроса информантов, ценностное содержание раскрывается в виде ориентиров поведения, заложенных в семантике соответствующего смыслового образования. Третья парадигма формируется как ситуативное уточнение содержания лингвокультурных концептов, как их дискурсивно-сенситивное описание [8]. Эти три парадигмы изучения лингвокультурных концептов можно суммировать в виде модели, концентрически включающей три круга: внутренний круг образует содержательный минимум концепта, его ядерный смысл, который вербализуется в определениях, описаниях и предписаниях поведения; первый внешний круг представляет собой дискурсивное уточнение этого концепта в различных коммуникативных ситуациях; второй внешний круг – это личностное осмысление концепта, уточнение либо изменение его исходного и дискурсивного смысла.

Методика изучения культурных доминант в языке представляет собой систему исследовательских процедур, направленных на освещение различных сторон концептов, а именно смыслового потенциала соответствующих концептов в данной культуре. Собственно лингвистическое исследование культурных доминант осуществляется в виде наблюдения и эксперимента (сплошная выборка лексических и фразеологических единиц, а также прецедентных текстов из словарей, сборников пословиц и афоризмов, текстов художественной литературы, газет и т. д., с одной стороны, и интервьюирование носителей языка, разработка анкет, включающих различные оценочные суждения, связанные с определенными предметными областями, с другой стороны). Лингвистическое изучение культурных концептов неизбежно должно быть дополнено данными других дисциплин – культурологии, истории, психологии, этнографии.

Ценности, зафиксированные в содержании концептов, проявляются в аксиогенных текстах – коммуникативных феноменах, назначением которых является передача смыслов, фиксирующих определенные нормы и традиции поведения. Это мифы, легенды, сказки, пословицы, притчи, шутки, а также личные повествования, в которых отражены различные типизируемые обстоятельства, получающие оценочную квалификацию.

Приведем в качестве примера некоторые характеристики концепта «интеллект». Содержательный минимум этого концепта выражается как «обладающий (высокой / ограниченной) способностью думать и понимать». Эта способность конкретизируется в следующих направлениях: 1) умный от природы, 2) умный вследствие приобретенного образования и опыта, 3) благоразумный, 4) остроумный, 5) хитрый, 6) патологически глупый, 7) тупой, 8) ведущий себя глупо. Фрейм интеллектуального качества человека строится как образ сосредоточенного, понимающего либо непонимающего человеческого лица. В качестве единиц изучения взяты прилагательные со значением «умный / глупый»: *clever, alert, apt, bright, intelligent, quick-witted, wise, prudent, judicious, sagacious, sensible, reasonable, shrewd, smart, sharp, keen, witty, acute, sly, cunning, tricky, wily, foxy, crafty, artful, crazy, mad, cranky, silly, insane, lunatic, stupid, dull, dense, crass, petty, dumb, unintelligent, foolish, infatuated, wild, ill-advised, unreasonable, naive, irrational, ludicrous, ridiculous; klug, aufgeweckt,*

geweckt, hell, intelligent, weise, vernünftig, einsichtsvoll, besonnen, nüchtern, verständig, schafsinnig, geistreich, witzig, schlau, verschmitzt, pfiffig и др. Умный человек способен быстро соображать, легко обучаться, делать верные выводы, видеть суть, руководствоваться здравым смыслом, вести себя осторожно и расчетливо, быть практичным, проявлять чуткость и понимание, остроумие и находчивость; он может обманывать и лицемерить, вести себя беспринципно и коварно, прикрываясь дипломатичностью и показной доброжелательностью. Среди людей, неспособных соображать, по данным словарных дефиниций, выделяются умалишенные (прежде всего – опасные для окружающих), люди, к которым относятся с презрением, и люди, ведущие себя глупо (наивно, нелепо, дурашливо).

Оценка интеллекта вариативно представлена в различных аксиогенных текстах. Часто приводятся пословицы и поговорки. Например:

Дурная голова ногам покою не дает. У соседа ума не займешь. Умному – намек, глупому – дубина. Intelligence is in the head, not in the age. Never let your education interfere with your intelligence. A fool and his money are soon parted. Fools rush in where angels fear to tread. The older a fool, the worse he is. Alt genug und doch nicht klug. Am vielen Lachen erkennt man den Narren. Dummheit und Stolz wachsen auf einem Holz. Narren wachsen unbegossen.

Этнокультурная специфика интеллектуальной оценки на материале английского и немецкого языков наблюдается в результативности умственной деятельности (актуальным для англичан является признак быстроты соображения, для немцев же это – не самый важный признак ума). Английское благоразумие ассоциируется с трезвым расчетом и практичностью (без эмоций), в то время как немцы связывают способность здраво мыслить с чуткостью и пониманием. Остроумие и проницательность в английских прилагательных связаны с хитростью и ловкостью, в немецкой лексике – с весельем и желанием пошутить. В английском языке хитрость включает дипломатичность, в немецком языке такая ассоциация не подтвердилась. В немецком языке больше слов со значением патологически глупого поведения, чем в английском; следовательно, для немцев неумное поведение в большей мере ассоциируется с патологией. Английский стереотип поведения предписывает строго контролировать свои эмоции. Характерным является слово *infatuated – filled with a strong unreasonable feeling of love for someone* (LDCE) – поглупевший от любви. Ни в немецком, ни в русском языках такого слова нет. Анализ прилагательных с классификационным признаком «нелепый» позволяет сделать вывод, что для англичан глупый значит смешной, вызывающий смех. Смех в таком случае оскорбителен. Для немцев смешно то, что остроумно подмечено, что характеризуется проницательностью, глубиной ума, живостью мысли. Для англичан смешно то, что нелепо, глуповато. Иначе говоря, в английской культуре смеются над кем-либо, в немецкой – по причине чего-либо.

Резюмирую.

Важной характеристикой языковой картины мира является ее ценностное содержание, которое может быть объективно установлено с помощью специальных лингвистических методов исследования. Этнокультурная специфика ценности может быть выявлена посредством картирования соответствующих лексических и фразеологических групп, сопоставления ценностных суждений, вытекающих из стереотипов поведения, зафиксированных в значениях слов, устойчивых выражений, прецедентных текстов. При межъязыковом

сопоставлении ценностных картин мира обнаруживается, что различие между представлением тех или иных концептов выражается большей частью не в наличии или отсутствии определенных признаков, а в частотности этих признаков и их специфической комбинаторике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
2. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005–2011. – Т. 1–8.
3. Воркачев С.Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: монография. – Волгоград: Парадигма, 2014. – 331 с.
4. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М.: Прогресс, 1995. – 480 с.
5. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. – № 1. – С. 35–47.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.
8. Куссе Х. Культуроведческая лингвистика: пер. с нем. – М.: Гнозис, 2022. – 536 с.
9. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Т. 52. 1993. – № 1. – С. 3–9.
10. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1. – Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1997. – С. 11–35.
11. Пименова М.В. Концепт *сердце*: Образ. Понятие. Символ: монография. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с.
12. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
14. Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып. 1 / науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 8–20.
15. Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). – Архангельск: Изд-во Помор. пед. ун-та, 1993. – 223 с.
16. Токарев Г.В. Человек: стереотипы русской лингвокультуры: монография. – Тула: С-Принт, 2013. – 92 с.
17. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. – М.: Радикс, 1994. – 190 с.
18. Hsu F.L.K. The Study of Literate Civilizations. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1969. – 123 p.

УДК 81'33:81'373.43

ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЗЕРКАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ НЕОЛОГИИ

В.В. Катермина

Кубанский государственный университет (Краснодар)

Статья посвящена рассмотрению геронтологического дискурса на материале англоязычных неологизмов. В тексте проводится анализ новых слов, отражающих ценностные характеристики англоязычного геронтологического дискурса. В статье подчеркивается, что набор ценностных концептов определяет прагматический аспект создания новой лексики, которая получает свою форму благодаря

сочетанию аксиологических и когнитивных установок. Проведенный анализ позволил выявить влияние новой лексики англоязычного геронтологического дискурса на общественное мнение создателей данного вида дискурса при помощи определенных дискурсивных практик, свойственных данному институту.

Ключевые слова: геронтология, неология, дискурс, аксиология, семантика, культура.

The article is devoted to the consideration of gerontological discourse based on the material of English neologisms. The text analyzes new words that reflect axiological characteristics of English gerontological discourse. The article emphasizes that a set of axiological concepts determines the pragmatic aspect of creating new vocabulary which receives its form through a combination of axiological and cognitive attitudes. The analysis made it possible to identify the influence of the new vocabulary of English gerontological discourse on the public opinion of the creators of this type of discourse with the help of certain discursive practices characteristic of this institution.

Key words: gerontology, neology, discourse, axiology, semantics, culture.

Массовое постарение населения является актуальной проблемой современности, требующей полноценного осмысления и нахождения путей ее преодоления. Этот вызов времени может стать как неразрешимой трудностью в развитии общества, так и новой возможностью в его эволюционировании. Одним из конструктивных ресурсов для преодоления наличных обстоятельств видится формирование единого геронтологического знания, которое, с одной стороны, может послужить основой для построения эффективной государственной политики в отношении пожилых людей, а с другой – может способствовать созданию комплексной системы управления процессом старения [7: 101]. На современном этапе развития научного знания эта возможность во многом еще не была реализована в силу различных факторов, например таких, как разобщенность наук, исследующих старение, также по причине многомерности феномена старения и разной степени изученности его сторон (биологической, хронологической, психологической, социальной, лингвистической), вследствие осознания реляционной природы социальной и психологической сторон процесса старения, а также некоторых других причин [8].

Исследование возрастных категорий как концептуальных (понятийных) категорий и их вербализации в сопоставляемых языках осуществляется современными лингвистами в рамках не только лингвокультурологического, но и когнитивного подходов к языку, в связи с чем одной из актуальных проблем этих направлений становится задача выявления национально-культурных (специфических черт) и универсальных черт в языковом проявлении культурного концепта «возраст (возрастные категории)» в разных сопоставляемых языках. В рамках антропоцентрической парадигмы язык изучается в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его духовным миром. Одной из проблем характеристики картины мира является определение соотношения универсального и вариативного в структуре и содержании понятий [9: 155].

Результаты познания человеком окружающего мира варьируются в зависимости от возраста. На каждом конкретном этапе геронтологической профессии происходит коррекция индивидуального знания о мире, реорганизация его структуры. Следовательно, личностная картина мира говорящего является динамическим образованием, меняющимся вместе с возрастными преобразованиями [2: 6].

Такая социально-историческая категория лексики, как неологизмы, давно находится в фокусе внимания лингвистов, исследующих динамические процессы в языке и речи. Для раскрытия сущности процесса неологизации во всей его сложности требуются разнообразные методологические инструменты, позволяющие описать неологизмы с морфолого-деривационной, лексико-семантической, прагматической, стилистической, лингвокультурологической и когнитивно-дискурсивной точек зрения [10: 54].

Исследованием неологизмов занимались такие ученые, как С.И. Алаторцева [1], В.А. Голец [3], Е.И. Голованова [4], В.В. Катермина, С.Х. Липириди [5], И.С. Криворучко [6] и др. Большое количество работ по данной тематике лишь подтверждает важность, актуальность и востребованность данных знаний для современной науки.

Новые слова наиболее полно отображают адаптацию социума к изменению условий его существования, становясь средством творческого восприятия реальности. Неологизмы входят в категорию слов, обладающих наибольшей языковой активностью, отраженной в их экспрессивном характере и аксиологическом плане. Само создание новых слов является актом придания ценности отражаемым ими объектам, введением их в пространство социального значения. Изучение ценностной специфики неологизмов позволяет увидеть способы включения тех или иных явлений в ценностное поле языка путем их номинации и категоризации [5].

Материалом исследования послужили следующие электронные лексикографические источники: Cambridge Dictionaries Online Blog [11] и Urban Dictionary [12].

Эйджизм (*agism – discrimination against individuals or groups on the basis of their age*) – это вид дискриминации, основанный на определенных стереотипах и предрассудках о возрасте. Эйджизм подразумевает негативное восприятие пожилых людей и включает все проявления – от равнодушия к их потребностям до избегания контакта с ними. Например, людям старшего поколения сложно найти работу – наглядным примером может служить неологизм *granny track – to sideline older women in the workplace [отодвинуть пожилых женщин на рабочем месте на второй план]*).

Анализ материала позволил выявить шкалу возрастной лексики, выраженную как непосредственно **в числах** (*quintastic – informal a very glamorous and youthful (usually celebrity) fifty-year old; Alpha Boomer – a well-off British or American person aged approximately 55 to 65; the Elastic Generation – the group of women aged between 50 and 70 who are well off and have a broad range of interests, seen by the advertising industry as consumers who are likely to spend a lot of money on products, travel etc.*), так и в таких семах, как **older – старше, middle-age – средний возраст, elderly – пожилой** с преобладанием семы **middle-age** (*woopies – informal well-off older people; full nest syndrome – the stress suffered by middle-aged people who share their homes with grown-up children who cannot afford to move out and infirm, aged parents who they care for; silver splitter – someone who divorces or separates from his/her partner in late middle age; MAMIL – a middle-aged man who is a devotee of cycling or some other sport that requires or encourages the wearing of Lycra; last-time buyer – a middle-aged person looking to downsize to a more modestly sized property; midult – someone, especially a woman, in the middle stage of adulthood who has interests more associated with those of younger people; perennial – a middle-aged woman whose behaviour, interests and attitudes are*

traditionally thought to be those of younger women; superager – an elderly person who exhibits little cognitive decline; grey tsunami – the high number of elderly people in the world in the 21st century, caused by people living longer and by the “baby boomer” generation now reaching old age).

Также сема, указывающая на возраст, может быть выражена имплицитно, например, лексемами **retired, retirement age – ушедший на пенсию, пенсионный возраст** (*grandlord – A retired person who rents a room or property; grey gapper – a person of retirement age who takes a year out of their normal life to go travelling; silver striver – someone who continues to work after they have passed the typical retirement age).*

Указание на возраст может быть продемонстрировано и образно, при помощи колоративов **siver – серебряный** и **grey – серый** [контекстуально оба колоратива воспринимаются как «седой»] (*silvfluencer – a middle-aged or elderly person who encourages people to buy items such as clothing and make-up by recommending them on social media, and is paid by companies to do so; silver exodus – a trend in the employment market beginning in 2021 that has seen a much larger number of older people than usual stop working; grey gapper – a person of retirement age who takes a year out of their normal life to go travelling; grey tsunami – the high number of elderly people in the world in the 21st century, caused by people living longer and by the “baby boomer” generation now reaching old age).*

Также отметим гендерный компонент в анализируемых единицах: в материале представлена как нейтральная лексема **people – люди** (*woopies – informal well-off older people; grey tsunami – the high number of elderly people in the world in the 21st century, caused by people living longer and by the “baby boomer” generation now reaching old age*), так и **man – мужчина** и **woman – женщина** с количественным преобладанием последней (*gran-lit – literature that appeals to older women; MAMIL – a middle-aged man who is a devotee of cycling or some other sport that requires or encourages the wearing of Lycra; MAWIL – a middle-aged woman in Lycra; midult – someone, especially a woman, in the middle stage of adulthood who has interests more associated with those of younger people; perennial – a middle-aged woman whose behaviour, interests and attitudes are traditionally thought to be those of younger women).*

Помимо семы, указывающей на гендер, мы также выделили следующие семы, которые, на наш взгляд, могут «показать» портрет пожилого человека в английской неологии:

– **богатство, слава [glamorous – гламурный; well-off – богатый]** (*quintastic – informal a very glamorous and youthful (usually celebrity) fifty-year old; Alpha Boomer – a well-off British or American person aged approximately 55 to 65; woopies plural noun INFORMAL well-off older people*);

– **хобби [cycling – езда на велосипеде; travelling – путешествие; interests – интересы]** (*MAMIL – a middle-aged man who is a devotee of cycling or some other sport that requires or encourages the wearing of Lycra; MAWIL – a middle-aged woman in Lycra; grey gapper – a person of retirement age who takes a year out of their normal life to go travelling; the Elastic Generation – the group of women aged between 50 and 70 who are well off and have a broad range of interests, seen by the advertising industry as consumers who are likely to spend a lot of money on products, travel etc.*) [отметим, что в последнем неологизме данная группа является целевой аудиторией для рекламной индустрии];

– **одежда** [*stylishly* – стильно; *simple elegant style* – простой элегантный стиль] (*Queenager* – a woman of middle age or older who leads a busy life, dresses stylishly and enjoys having fun; *coastal grandmother* – a way of dressing that is inspired by the typical **simple, elegant style** of rich, older women who live by the sea on the east coast of the United States);

– **семейное положение** [*to divorce* – разводиться; *to marry* – жениться] (*silver splitter* – someone who **divorces or separates from his/her partner in late middle age**; *silver splicer* – INFORMAL a person who **marries in later life**).

Языковая актуализация оценки возрастных преобразований непосредственно связана с ментально-психическими процессами и с уровнем интеллектуального развития индивидуума. Возрастное развитие всегда рассматривается говорящим как свидетельство развития ментальной деятельности индивидуума-объекта оценки, как знак его будущей способности продуцировать собственные оценочные высказывания [2: 11].

Так, например, некоторые неологизмы содержат семы «интерес к жизни» и «отсутствие когнитивного упадка»: *down-ageing* – the practice of **pretending that you are younger than you are**; *quintastic* – informal a very glamorous and **youthful** (usually celebrity) fifty-year old; *midult* – someone, especially a woman, in the middle stage of adulthood who has **interests more associated with those of younger people**; *perennial* – a middle-aged woman whose behaviour, interests and attitudes are traditionally thought to be those **of younger women**; *superager* – an elderly person who exhibits **little cognitive decline**.

Выделим неологизм *unretirement* – the act of **going back to work after you have retired** – желание и возможность работать даже уже после достижения пенсионного возраста.

Это связано, по нашему мнению, с политикой государства, учитывающей интересы данного вида населения.

Важность данного вида дискурса в жизни англоязычного общества можно прокомментировать появлением следующих неологизмов:

– **номинации врачей и ученых, занимающихся проблемами пожилых людей** (*geriatrician* – a doctor who is trained to meet the special health issues of **older people** [врач, обученный решать особые проблемы со здоровьем пожилых людей]; *life extensionist* – someone who tries to **find ways of making people live longer to the point when they become immortal** [тот, кто пытается найти способы продлить жизнь людей до такой степени, что они станут бессмертными]);

– действия, направленные на создание препаратов или косметических процедур, замедляющих процессы старения (*youth transplant* – a way of **making people age more slowly by injecting them with chemicals that are the same as those found in the bodies of young people** [способ заставить людей стареть медленнее, вводя им химические вещества, такие же, как те, которые содержатся в телах молодых людей]; *prejuvenation* – the act or process of **using cosmetic procedures on someone who is still young to prevent them from looking older later** [действие или процесс применения косметических процедур для молодых людей, чтобы они не выглядели старше в будущем];

– **положительное отношение к пожилым людям в обществе** (*blue zone thinking* – a way of treating old people **that sees them as an important part of society and encourages them to remain healthy and active** [способ обращения с пожилыми людьми, который рассматривает их как важную часть общества и поощряет их оставаться здоровыми и активными]; *graternity leave* – a period in

which someone is granted *paid time off work* in order to look after their newborn grandchild [период, в течение которого кому-либо предоставляется оплачиваемый отпуск для ухода за новорожденным внуком]).

Безусловно, в обществе существуют и проблемы социального плана. Так, жилищные проблемы вызывают стресс, от которого страдают люди среднего возраста, живущие в своих домах со взрослыми детьми, которые не могут позволить себе переехать, и немощными пожилыми родителями, о которых они заботятся (*full nest syndrome – the stress suffered by middle-aged people who share their homes with grown-up children who cannot afford to move out and infirm, aged parents who they care for*); также возможен вариант, когда бабушка и дедушка проживают в одном доме с внуком, или внук проживает в одном доме с бабушкой и дедушкой (*grand-mate – a grandparent who shares a home with a grandchild, or a grandchild who shares a home with a grandparent*); нехватка денег вынуждает человека средних лет переехать в собственность более скромных размеров (*last-time buyer – a middle-aged person looking to downsize to a more modestly sized property*).

Итак, неологизмы англоязычного геронтологического дискурса отражают реалии современного общества, становятся индикатором радикального изменения картины мира. Смысловое содержание номинаций отображает ценностные установки участников дискурса. Анализ неологизмов позволяет говорить об определенной образно-эстетической заряженности геронтологических неологизмов в англоязычном дискурсе, об их несомненной значимости в структуре создаваемых ими образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алаторцева С.И. Русская неология и неография: Современное состояние и перспективы. – СПб., 1998. – 217 с.
2. Бахмет О.В. Языковая актуализация оценки геронтологических преобразований личности (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2006. – 24 с.
3. Голец В.А. Прагматика актуализации собственно неологизмов в современной англоязычной молодежной прессе // Глобальный научный потенциал. – 2014. – № 2 (35). – С. 55–57.
4. Голованова Е. И. Новые названия лиц по профессии и должности в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 27 (382). – Филологические науки. – Вып. 98. – С. 60–64.
5. Катермина В.В., Липириды С.Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса. – Краснодар, 2021. – 230 с.
6. Криворучко И.С. Антиценностные категории англоязычных неологизмов деловой дискурсивной сферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 1242–1247.
7. Пашина Л.А. Конституирование геронтолингвистической парадигмы знания и ее современные перспективы // Вестник Томского государственного университета. – Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 59. – С. 101–111.
8. Пашина Л.А. Сложности формирования единого геронтологического знания // KANT. – 2020. – № 4 (34). – С. 291–296.
9. Попова Н.В., Воропаева В.А. Геронтологические парадигмы в английской и русской лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики – Тамбов: Грамота, 2017. – № 4(70): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 154–156.
10. Устинова Т.В. Функциональность и лингвокреативный потенциал англоязычных неологизмов (на примере лексики, относящейся к сфере неполитических общественных отношений) // Вопросы современной лингвистики. – 2024. – № 2. – С. 52–63.
11. Cambridge Dictionaries Online [Electronic resource]. – URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (дата обращения: 02.07.2024).
12. Urban Dictionary [Electronic resource]. – URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 02.07.2024).

ГЛАГОЛЫ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В КОРПУСЕ РАССКАЗОВ ОБ ИГРАХ НА МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

М.А. Ключева

*Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
им. В.М. Васильева (Йошкар-Ола)*

В статье рассматривается глагольная лексика в определенном корпусе текстов на марийском языке с описаниями народных подвижных игр (материал книги А.Е. Китикова «Марий калык модыш» = Марийские народные игры, 1990). Выявлено 100 самых частотных глагольных лемм в этих текстах. По справочным научным источникам установлена их этимология. В данный стослов входят 17 глаголов, заимствованных в марийский язык из чувашского, и 7 – из татарского. Дана их лексико-семантическая характеристика. По своей семантике, это преимущественно глаголы ментального действия, эмоциональной и интеллектуальной рефлексии, что говорит о значительном культурно-гуманитарном влиянии тюркского мира на финно-угорский (марийский).

Ключевые слова: глаголы, марийская игровая лексика, финно-угорские языки, тюркские языки Поволжья, языковые контакты, этимология.

The article deals with the verb vocabulary in a specific corpus of texts in the Mari language, which describe folk outdoor games. The material for this study is taken from the book “Mari Folk Games” by A.E. Kitikov, published in 1990. 100 of the most frequent verb lemmas in this corpus were identified, and their etymologies were established using scientific reference sources. These 100 words include 17 that were borrowed from Chuvash and 7 that were borrowed from Tatar. The lexical and semantic characteristics of these verbs were made. According to their meanings, they are mainly verbs of mental activity, emotional and intellectual reflection. This indicates a significant cultural and humanitarian influence from the Turkic-speaking world on the Finno-Ugric people, such as the Mari.

Key words: verbs, Mari game vocabulary, Finno-Ugric languages, Turkic languages of the Volga region, language contacts, etymology.

В данной статье представлена часть результатов нашего исследования глагольной лексики в текстах с описаниями народных игр на марийском языке. Система глаголов в этих текстах является своего рода вербальным отражением структуры игрового действия. Таким образом, текстологическое исследование становится инструментом анализа этнографического материала (народных игр). Ранее на материале книги А.Е. Китикова «Марий калык модыш» («Марийские народные игры») [5] на платформе Лингводок (Институт системного программирования РАН) был составлен корпус текстов с рассказами о марийских играх [7] и выявлены самые частотные глаголы в нем (не менее 5 словоупотреблений в корпусе) [6]. Этот материал представляет литературный марийский язык (лугово-восточный). Теперь же, основываясь на фундаментальных справочных источниках, таких как этимологические словари К. Редди [16], Г. Березки [12], М. Рясенена [14; 15], М.Р. Федотова [10; 11], Р.Г. Ахметьянова [1; 2], И.С. Исанбаева [8; 9], В.И. Вершинина [3; 4] и др., установлена их этимология. Оказалось, что основную долю в этом списке самых частотных глаголов в текстах с описаниями игр составили глаголы финно-угорского про-

исхождения (53 из 100 глагольных лемм¹), а также собственно марийские слова² (22 из 100 лемм). Заимствованные глаголы составили лишь четверть от общего объема рассмотренных глагольных лемм, в том числе только один глагол с основой русского происхождения (*шотлалташ* ‘считаться’ от основы *шот* ‘счет’) [8: 95]³ и 24 глагола – тюркского. Из чувашского языка заимствовано 17 глагольных лемм, а из татарского – 7.

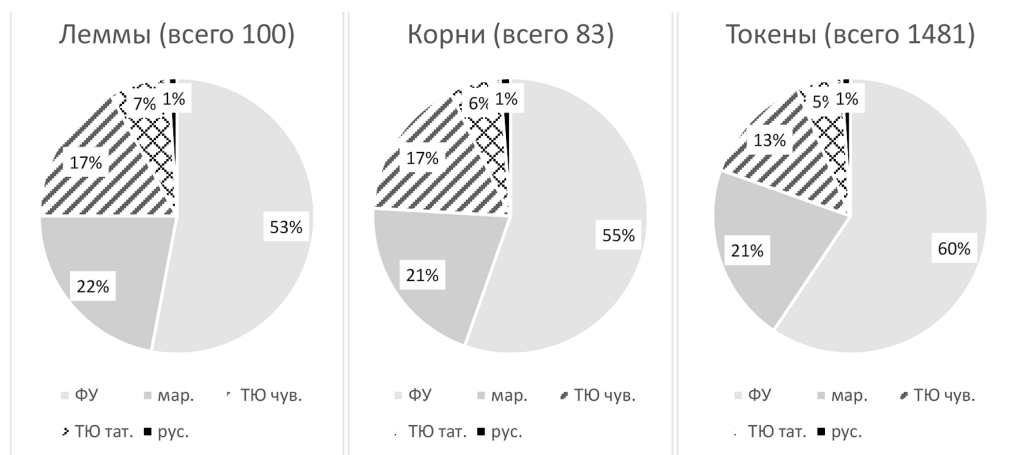
Цель данной статьи – обстоятельно представить именно тюркские заимствования, входящие в топ-100 самых частотных глаголов в марийских текстах с описаниями игр: соотнести их частотность в леммах, корнях и токенах, а также дать лексико-семантическую характеристику. Основные результаты представлены в нижеследующих таблицах и диаграммах.

Таблица 1. Соотношение исконной лексики и заимствований в стослове самых частотных глаголов в корпусе марийских текстов с описаниями народных игр (в леммах, корнях и токенах)

	Леммы	Корни	Токены
ФУ	52	45	864
мар.	23	18	321
ТЮ чув.	17	14	196
ТЮ тат.	7	5	79
рус.	1	1	15
Всего	100	83	1475

Те же данные из таблицы 1 представлены в виде диаграмм с указанием долей лексики разного происхождения в процентах.

Диаграмма 1. Соотношение исконной лексики и заимствований в стослове самых частотных глаголов в корпусе марийских текстов с описаниями народных игр (в леммах, корнях и токенах)

¹ Лемма – это основная форма слова, причем однокоренные слова, например, *палаш* ‘знать’ и *палемдаш* ‘отмечать’, мы рассматриваем как различные леммы.

² Собственно марийскими условно называем слова, которые не входят в базы финно-угорской лексики, такие как [16; 12], но и к заимствованиям тоже не относятся (по имеющимся данным).

³ При этом для марийского слова не исключено чувашское посредство: ср. мар. *шотлаш* ‘считать’ и чув. *шутла* ‘то же’.

Как видим, в токенах доля заимствований ниже, чем в леммах и корнях, тогда как доля исконной финно-угорской лексики – наоборот, в токенах особенно высока (59% в токенах vs 52% в леммах).

Таблица 2. Тюркские заимствования в топ-100 самых частотных глагольных лемм в марийских текстах с описаниями игр

	Verb (глагол)	Fr ¹	Et (этимол.)	Ref (ссылка)
1	йӱраташ ‘любить’	8	чув.	[14: 137]
2	каласаш ‘сказать’	7	чув.	[14: 140]
3	келшаш ‘нравиться, соглашаться’	16	тат.	[15: 36]
4	кычыралаш ‘крикнуть, позвать’	13	чув.	[10: 266]
5	ойлаш ‘говорить, сказать’	21	чув.	[14: 158]
6	ойыраш ‘отделять; выбирать’	13	чув.	[14: 159]
7	палаш ‘знать’	13	чув.	[14: 174]
8	палемдаш ‘отмечать’	5	чув.	< палаш [14: 174]
9	пералташ ‘постучать’	12	чув.	< пераш [10: 414]
10	пераш ‘ударять’	22	чув.	[10: 414]
11	полшаш ‘помогать’	10	чув.	[14: 180]
12	пытараш ‘закончить’	9	тат.	< пыташ [15: 53]
13	пыташ ‘кончатся’	12	тат.	[15: 53]
14	савырнаш ‘поворачиваться’	17	чув.	[14: 186]
15	сеналташ ‘побеждаться’	7	чув.	< сенаш [14: 190]
16	сенаш ‘побеждать’	21	чув.	[14: 190]
17	тавалташ ‘топнуть’	5	чув.	[11: 172]
18	тарванаш ‘сдвигаться с места’	8	чув.	[14: 219]
19	тыршаш ‘стараться, пытаться’	13	тат.	[15: 69]
20	уташ ‘быть лишним’	9	чув.	[14: 237]
21	шекланаш ‘наблюдать, следить’	10	тат.	[15: 63]
22	шӱкедылаш ‘толкать’	5	чув.	[11: 40]
23	эрташ ‘проводить, проживать’	9	тат.	< эрташ [15: 26]
24	эрташ ‘проходить’	10	тат.	[15: 26]
	total (всего)	275		

Рассмотрим семантику частотных глаголов в рассказах об играх, заимствованных в марийский из тюркских языков. Больше всего среди них **глаголов ментального действия**, выражающих интеллектуальную и эмоциональную рефлексию и коммуникацию: *йӱраташ* ‘любить’ (< чув.), *келшаш* ‘нравиться, соглашаться’ (< тат.), *ойыраш* ‘отделять, выбирать’ (< чув.), *палаш* ‘знать’ и

¹ В данном столбце – Fr (англ. frequency) – указывается частотность форм глагольной леммы в рассмотренном корпусе текстов с описаниями игр (число токенов на лемму). Всего в данном корпусе на основе книги А.Е. Китикова содержится порядка 6217 токенов (слов всех частей речи).

палемдаш ‘отмечать’ (< чув.), *полишаш* ‘помогать’ (< чув.), *сенаш* ‘побеждать’ и *сеналташ* ‘побеждаться’ (< чув.), *тыришаш* ‘стараться, пытаться’ (< тат.), *уташ* ‘быть лишним’ (< чув.), *шекланташ* ‘наблюдать, следить’ (< тат.). К данной группе примыкают также слова, отражающие рефлексии над временем и временными явлениями (все из татарского): *пыташ* ‘кончатся’, *пытарааш* ‘закончить’, *эрташ* ‘проходить’, *эртарааш* ‘проводить, проживать’. Остальные глаголы (все из чувашского) имеют также следующую семантику, более связанную уже с собственно активными игровыми действиями:

– глаголы звукоизвлечения: *каласаш* ‘сказать’, *кычкыралаш* ‘крикнуть, позвать’, *ойлаш* ‘говорить, сказать, рассказывать’, *пералташ* ‘постучать’;

– глаголы контактного воздействия на противника: *пераш* ‘ударять’¹, *шўкедылаш* ‘толкать’;

– нетривиального движения: *савырнаш* ‘поворачиваться’, *тавалташ* ‘топнуть’, *тарванаш* ‘сдвигаться с места’.

Выводы

1) Заимствования занимают относительно невысокую долю в общем объеме частотной глагольной лексики в рассказах с описаниями игр (от 19% в токенах до 25% в леммах). Этот результат подтверждает известный лингвистический факт: имена заимствуются значительно легче и активнее, чем глаголы [13: 61].

2) Практически вся заимствованная глагольная лексика в рассмотренном материале – из чувашского и татарского языков, причем чувашские заимствования существенно преобладают. Единственное слово с русской основой (*шотлалташ* ‘считаться’) могло прийти в марийский язык через чувашское посредство, ср. мар. *шотлаш* ‘считать’ и чув. *шутла* ‘считать’.

3) Лексико-семантическая характеристика заимствованных глаголов говорит о значительном в истории Поволжья интеллектуальном и культурно-гуманитарном влиянии тюркского мира на финно-угорский (марийский).

СОКРАЩЕНИЯ

vs – против; мар. – марийский; рус. – русский; ср. – сравните; тат. – татарский; ТЮ – тюркские языки; ФУ – лексика финно-угорского происхождения (прауральский, прафинно-угорский, прафинно-пермский и прафинно-волжский лексические слои); чув. – чувашский; эти-мол. – этимология.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге = Этимологический словарь татарского языка. В 2 т. Т. 1. – Казань: Магариф – Вақыт, 2015. – 543 с.

2. Ахметьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге = Этимологический словарь татарского языка. В 2 т. Т. 2. – Казань: Магариф – Вақыт, 2015. – 576 с.

3. Вершинин В.И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь): в 2 т. Т. 1. – Йошкар-Ола: Стринг, 2017. – 346 с.

4. Вершинин В.И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь). В 2 т. Т. 2. – Йошкар-Ола: Стринг, 2018. – С. 347–741.

5. Китиков А.Е. Марий калык модыш (=Марийские народные игры). – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1990. – 60 с.

6. Ключева М.А. Корпусное исследование глагольной лексики в марийских народных играх: частотность, ключевость // Финно-угроведение. – 2024. – № 65 (1). – С. 21–51.

¹ В ряде диалектов восточного наречия марийского языка (в частности, у пермских суксунских мари) вместо чувашизма *пераш* ‘ударять’ использует татаризм *бараш* (*вараш*) ‘то же’.

7. Ключева М.А. Марийский корпус. Подкорпус «Марийские народные игры» // Lingvodoc: электронный ресурс. – URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3421/5/perspective/3421/8/view> (дата обращения: 26.08.2024).

8. Исанбаев Н.И. Исанбаев. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Словарь татарских и башкирских заимствований. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. – 208 с.

9. Исанбаев Н.И. Русские лексические заимствования дореволюционного периода в марийском языке: словарь-справочник. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. – 97 с.

10. Федотов М.Р. Федотов. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 1. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. – 470 с.

11. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 2. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. – 509 с.

12. Bereczki G. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz. – Weisbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. – XXIX + 332 s.

13. Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook, edited by Martin Haspelmath & Uri Tadmor. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2009. – 1081 p.

14. Räsänen M. Die tschuvassischen Lehnwörter im Tscheremissischen (SUST XLVIII). – Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1920. – XVI + 276 s.

15. Räsänen M. Die Tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen (SUST L). – Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1923. – 98 s.

16. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. – XLVIII + 905 s.

УДК 81

ТРАНСЪЯЗЫКОВОЙ ОНОМАСТИКОН В СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСКУЛЬТУРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ю.Н. Кондракова

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Москва)

Г.Т. Гаринова

Московский городской педагогический университет (Москва)

В статье исследуется феномен транскультурной литературы, сформированной в ситуации транскulturации и трансформации нарративного языка в би(поли)литературных художественных произведениях с выраженным трансъязычием. В последнее время мы все чаще уходим от использования понятия русскоязычный писатель в отношении «двуязычных писателей», использующих нарратив одного языка (русского, в нашем случае) с трансгрессией в него элементов другого языка. Трансъязыковые модификации очень разнообразны, продуцируют различные варианты полиязычия и транскulturации. Позиционируемое авторами понятие «транскультурная литература» позволяет систематизировать все многообразие оттенков такого лингво-литературного феномена.

Ключевые слова: ономастикон, оним, транскультурная литература, трансъязыковой текст, билингвизм, языковая трансгрессия.

The article examines the phenomenon of transcultural literature formed in the situation of transculturation and transformation of the narrative language in bi(poly)literary works of art with pronounced translingualism. Recently, we have increasingly moved away from using the concept of a Russian-language writer in relation to “bilingual writers” who use the narrative of one language (Russian, in our case) with the transgression of elements of another language into it. Translingual modifications are very diverse, producing various variants of polylingualism and transculturation. The concept of “transcultural literature” positioned by the authors allows us to systematize all the variety of shades of such a linguo-literary phenomenon.

Key words: onomasticon, onym, transcultural literature, translingual text, bilingualism, linguistic transgression.

В постсоветских реалиях развития современной языковой и литературной социокультурной ситуации появляется все больше явлений, связанных с активными процессами транслингвизма и транскультурации в национальных языках и литературах, маргинализированных в ситуации би- и полилингвизма. Это приводит к необходимости парадигмального изучения лингво-литературных творческих феноменов в более широком меж(транс)культурном контексте, включающем в себя как процессы трансгрессии языков, так и транскультурации литератур. Ученые все активнее выдвигают тезис о необходимости новых подходов к изучению проблем и перспектив транслингвальных и транскультурных процессов и актуализируют важность исследования именно национальных литератур в парадигме трансязыковой текст в транскультурной ситуации [9]. Полилитературные авторы, как правило, полилингвальны и могут использовать несколько языков и продуцировать в художественном тексте трансязыковые элементы. Для современных филологических исследований это положение особенно важно, поскольку позволяет объяснить генезис и суть таких актуальных процессов в системе трансязыковых художественных текстов, как транскультуральность, транслингвизм, эритажность, транслитературность и т. д.

Одной из важнейших идентификационных проблемных зон в современном литературоведении становится творчество *полидомных* писателей, сопряженных по национальным, лингвальным и иным характеристикам с инонациональными «межлитературными общностями». В результате процессов естественной транскультурации, обусловленной их полилингвальностью и полилитературностью (*термин Д. Дюришина*), эти писатели создают особую модель национального «материнского» мира через условно «чужой» язык (как правило, для них это «второй родной»), обретающий статус ментальной идентичности. Транскультурный эстезис, с выходом на коррелирующие, но не тождественные явления транслингвизма, полилитературности, мультикультурализма, определен целью представить ту или иную национальную картину мира через художественную миромодель. Но главным становится вопрос – в системе какого языка. Так на постсоветском пространстве образовалось целое поколение писателей, образно репрезентирующих материнскую национально-культурную картину мира средствами нематеринского, но вторичного «родного» русского языка. Иногда их условно обозначают как «русскоязычные» писатели. Они отличаются литературной полидомностью внутри парадигмы «русская литература и литературы народов Российской Федерации», поскольку по языку текстового нарратива соотносятся с национальной русской литературой (язык произведения + принадлежность общему русскому (*российскому*) литературному процессу) и региональной/областной национальной литературной общности по константе «художественная картина мира»¹, во многом генетически соотносимой с диахронными традициями национальной мифологии и фольклора.

¹ Так, например, писатели Гузель Яхина и Салават Юзеев одновременно соотносятся с русской литературой (пишут произведения на русском языке) и с татарской литературой, поскольку в ряде произведений представляют ярко выраженные транскультурные художественные картины мира с акцентом на национальной татарской мифопоэтике.

Однако казус в том, что этим же термином часто обозначают и писателей с русским «материнским» языком, русских по происхождению, но пишущих русский текст в чужом иноэтнонациональном пространстве. Сегодня наиболее активно используется другой идентификационный термин «транскультурный писатель», акцентирующий в качестве эстетической доминанты не языковой признак, а генетический миромоделирующий код, сопряженный с материнской национальной культурой. Как правило, основным способом становления эстетической системы такой литературы становится мифопоэтика.

В современном российском литературном процессе очень активно представлены писатели, которые в результате различных форм транскультурации, маркированной полилингвальностью и полилитературностью, создают такую «новую сферу» литературного текста, в котором прослеживается соприсутствие сразу нескольких сознаний-идентичностей авторского Я. Геополитическая разомкнутость современного мира, активизация процессов миграции создают интенцию для художественного позиционирования транссемиотики таких образов, которые имеют и конкретную национальную символическую специфику. (Э)миграционные процессы не просто усиливают встраивание одной культуры в другую, но и интерферируют культуру коренного населения и эмигрантов второго и последующих поколений (уже родившихся в «чужой» стране, но воспринимающих ее как «свою родную») в некое новое образование. Например, появляется такое понятие как «эритажный язык». Произведения, созданные на этом языке, будут нести в себе принцип художественной транскультурации. Ученые считают, что «в этом случае можно говорить о несколько вынужденном контакте разных культур в рамках определенного географического пространства, который может вести как к позитивному и конструктивному диалогу между культурами, так и к неприятию друг друга, и, как следствие, конфликтам» [2].

Рассмотрим несколько транскультурных художественных произведений, в которых трансязыковые процессы являются концептуальными маркерами творческого би(поли)лингвизма и полидомности.

Транскультурация ономастикона

Ономастикон художественного произведения, на наш взгляд, является одним из самых распространенных способов языковой транскультурации. Встраивание национальных онимов (имен, названий топонимов и т. д.) в инонациональный языковой нарратив художественного текста формирует особое билингвальное семиотико-семантическое поле, позволяющее говорить о транскультурности и/или транслингвизме (в той или иной степени). В художественном тексте аналитическая интерпретация напрямую будет зависеть от подобного ономастического билингвизма, позволяющего в семантику языка нарратива коннотировать этносемантику национально-культурных онимов.

Так, в ономастиконе романа *«Не перебивай мертвых» Салавата Юзеева*, писателя татарского происхождения, но пишущего на русском языке, принципиально акцентируются татарские онимы, особенно в системе имен персонажей. Юзеев практически во всех своих текстах проектирует национальную миромодель татарского этноса на основе народного мифологического этоса, но средствами русского языка. Поэтому именно ономастика и трансязыковые элементы позволяют усилить национальный компонент этой миромодели.

Мифопоэтика гетерогенна только в системе «блуждающих сюжетов» и «вечных тем». Во всех случаях со-присутствие двух языков, русского и татарского, прослеживается на уровне включения татарских лексем в структуру русского лингвотекста. Исследователь В. Кабакчи для описания подобных ситуаций с доминированием определенного языка вводит понятие «вторичной культурной ориентации» и говорит о необходимости его использования «в качестве вторичного средства описания родной культуры» [4: 70]. Творчество Юзеева очень показательно и в плане особой формы мультикультурализма, в основе которого, по мнению М. Тлостановой, лежит желание того или иного этноса сохранить свои традиции и особенности в рамках одной культуры [7]. В романе «Не перебивай мертвых» [12] писатель выстраивает апофатическую поэтику миромоделирования национального татарского мира через отрицание его закрытости, через признание его пограничности с русским миром в едином историософском пространстве, в первую очередь в контексте новых форматов общей государственности XX века. В решении этой задачи писатель использует стратегии коррелирования нарративного русского языка и определенные татарские лексемы (при помощи процессов калькирования, в том числе). Герои с татарскими именами – Сарман Биги, Вафа-бабай, Минлебай Атнагулов, мулла Гильметдин, Фатима и Халил – выполняют функцию образов-идеологов, каждый несет определенную миромоделирующую функцию.

Вся история татарского народа первой половины XX века: потрясения времен революции, гражданской войны и первых лет советской власти – показана глазами *эмигранта* Сармана Биги. Именно поэтому его рождение потрясло его самого – он представлен в романе как личностное воплощение исторического XX века и метафизического сознания своего народа, «забывшего» место родовой силы. Он есть личностное воплощение памяти рода, его хранителя и Мессии. Двойное имя важно для понимания не только функциональной роли героя, но и его психологической характеристики. Например, первое имя *Сарман* имеет несколько этнических коннотаций индийского, персидского и тюркского происхождения. Татарское имя *Сарман* может быть семантически связано с первым слогом *сар*, который соотносится с древнемонгольским переводом *лунный*. Этот словообразовательный конструкт сохраняется у казанских и крещеных татар в фамилии Сарманов. Если предположить, что слог *ман* может быть связан с древнемонгольской лексемой *мандав* (*взошла*), то Сарман интерпретируется как «взошедшая луна». Совершенно очевидно, что эта семантика не случайна, так как важнейшим национальным топосом в романе является деревня Луна как символ татарской родовой миромодели. Особая роль отведена герою, хранящему память, способному к возвращению и сохранению национальной истории. Вся эта семантика связана с мессианскими задачами, которые в восточной традиции присущи не Спасителю-мессии, а Богатырю (Батыру)-Защитнику. Писатель использует не только фонетическое звучание имени *Биги* для передачи национального статуса героя, но и свойственную для татарского варианта имени тюркского происхождения этносемантику. Так, татарское имя *Биги* означает «герой, богатырь». Подобные коннотации сохранились в лексикографии казанских татар и у татар-мишарей в фамилии Бигиев.

Каждое татарское имя в романе имеет множество версий происхождения и значений, их этносемантика встраивает в описываемую советскую модель жизни татарского народа исконно национальные смыслы, которые были

забыты и потеряны в процессе пресловутой идеологии ассимиляции, различных процессов (э)миграции.

В этом плане можно отметить роман русского писателя *Петра Алешковского* «*Рыба. История одной миграции*», репрезентирующий национальную, ментальную, языковую транскulturацию как принцип построения художественной модели «миграционного» бытия. Писатель выстраивает судьбу особого типа героя – «культурного метиса» (В. Вельш [14: 1018]) – Веры как фрактальную проекцию внешней миграции русского человека (в локусах «Таджикистан» – «Россия») во внутреннюю эмиграцию (в системе экзистенциалов «свой» – «другой-чужой»), синтез которых и есть способ сакрализации героя и мира распавшейся советской империи. Писателя можно отнести к транскультурной литературной традиции в силу наличия в ряде произведений, в частности представленного романа, ярко выраженного транснационального мышления, проявляющегося в гибридной системе смысловых *трансязыковых элементов* из разных этнических культурных систем. Художественная модель мира характеризуется симбиотическими образами, структурированными на основе поликультурных кодов русской, таджикской (шире – *восточной*) и даже эстонской (*старик Юка и его колокол*) традиций, в том числе и религиозно-философских. В эстетике романа подобная миромоделирующая транскulturация проявлена на уровне «гибридного языка» (основу составляет русская лингвокультура с элементами тюркской (*среднеазиатской*) лексики, экзотизмов) и «гибридной метафорики» (мультикультурные архетипы, интернациональные метафоры, полисемантические образы). Например, очевидно не только особое маргинальное сознание Веры (она может быть также обозначена как (э)мигрант), но и особый язык, гибридность которого строилась по принципу полиязыковой трансмиссии русского языка и иноязычной лексики. Конфликтное языковое сознание проецировало и внутреннее пограничье. Ощущение в себе инаковости сопровождало Веру в чужой стране, но впоследствии стало основой для невозможности и в этнической среде русских стать своей. Эта инаковость становится отличительной чертой «культурного метиса». Важную роль играет соединение имени Вера, данного при рождении, и «клички-имени» Рыба, которой ее стали называть после страшной ситуации изнасилования, приведшего к немоте в определенных состояниях. Оба онима принципиально важны в понимании экзистенциальной судьбы Веры и ее мессианской задачи (обозначенной семиотикой Рыбы).

Одним из самых распространенных мифов, связанных с семантикой рыб, является христианский ономастикон. Имеющий греческие корни акроним «ихтис», в переводе обозначающий «рыба», являясь тайным религиозным символом, со времен становления христианства ассоциируется с именем Иисуса Христа. Глубокий смысл скрывается в том, что «ихтис» в своем исконном начертании выглядящий как «ΙΧΘΥΣ», является древним акронимом, в котором кратко определяется имя Спасителя и первохристианская вероисповедная формула. Каждая ее буква есть не что иное, как первая литера греческих слов – Ἰησοῦς Χριστός, Θεοῦ Υἱός, Σωτήρ, в переложении на русский язык обозначающие – Иисус Христос Божий Сын Спаситель. Древний акроним (монограмма) имени Иисуса Христа состоит из начальных букв слов: ИХТИС (ΙΧΘΥΣ) – Ἰησοῦς Χριστός, Θεοῦ Υἱός, Σωτήρ (Иисус Христос Божий Сын Спаситель) и графически изображается в виде иконки рыбы – . Таким образом, в этой аббревиатуре в краткой форме выражается

исповедание христианской веры. Новый Завет связывает символику рыбы с проповедью учеников Христа, из которых многие были рыбаками. Иисус Христос называет своих учеников «ловцами человеков» (Мф. 4: 19, Мк. 1: 17), а Царствие Небесное уподобляет «неводу, закинутому в море и захватившего рыб всякого рода» (Мф. 13: 47). Смысл мира – вера в Христа. В «Православной энциклопедии» отмечено, что понимание семиотики знака *ихтис* в христологическом контексте возникло в IV в., когда были истолкованы пророчества эритрейской сивиллы, входящие в состав восьмой книги «Сивилльских оракулов». Именно в ней начальные буквы греческого текста стихов 217–250 составляют акrostих «Ихтис», о котором блаженный Августин в работе «О граде Божием» писал: «Под именем рыбы таинственно разумеется Иисус Христос, потому что в бездне настоящей смертности, как бы в глубине вод, Он мог оставаться живым, то есть безгрешным» [5].

Таким образом, трансязыковая семантика усложненного имени «Вера-рыба» в контексте пересекающихся этносемантик еврейской лингвокультуры и русской культуры дает расширенную художественную интерпретацию, позволяющую понять авторскую концепцию. Смысл мира – вера в человека, в обретении Любви к нему. Через эту веру (квинтэссенцию православия) спасается и Вера, спасая *других*, но не *чужих* людей.

Интересные трансязыковые коннотации наблюдаются в ономастике романа «Мбобо» Хамида Исмаилова, писателя узбекского происхождения, пишущего в том числе на русском. Иногда писатель использует принцип трансязыковой игры с национальными онимами, выстраивая в ее процессе выходы в мультилингвокультурную область интерпретации. Исследователь У. Бахтикиреева отмечает, что «языковые изменения в результате контакта языков не ограничиваются грамматикой, лексикой, стилем и дискурсом. Они выходят за пределы данных уровней системы языка и затрагивают литературное творчество представителей разных культур» [1: 94–95]. Культурная метатекстуальность ярко проявилась уже в заглавии романа «Мбобо» – некоем транскультурном ономастике, соотносимом с писательской принадлежностью к узбекской, русской и западноевропейской литературным общностям. Ономастикон романного заглавия построен как система текста и интертекста, где все уровни романа взаимосвязаны через ключевые концепты онимов *Москва* и *Мбобо*. Важно совпадение первых букв «М», подчеркивающих вербальное (то есть языковое «русское») родство матери и сына. Оно обрывается со смертью героини, однако связь остается: она – в языковом геноме *genius loci*, который для Мбобо сакрален.

Имя собственное *Москва* в значении *мать Мбобо* встраивает в архитектуру ономастического кода главного героя важнейший знак русской картины мира – его главный *genius loci*. Смерть Москвы-матери символизирует эпоху распада «вавилонского» полиязыкового советского государства, в котором Москва была матерью всех «городов русских», но и нерусских тоже (национальных локусов-сынов), по имперской логике «усыновленных». Так, оним Мбобо в своем семантическом значении соотносится с распадающимся советским миром «братских народов», с семантикой *неукорененности*, потери главного – знания и памяти о семье, о корнях своего личного рода.

Включаясь в процесс семантической игры, получаем в процессе трансформаций-перевертышей «*семантически усложненный хиазм*» (Э.М. Береговская) имени главного героя Мбобо: *Бобом* – узбекское слово, в переводе означающее

мой предок рода. Парадокс – именно его-то у «нагулянного сына Москвы» нет. Перепрочитывая хиазм заглавного онима, имя «Мбобо» можно разбить на две части – М-бобо, смысловой коррелят русского онима «дед М». Префикс «бобо» в узбекских именах собственных может таить и пожелание *чтоб был похож на деда* (глубже – предков, Праотца), *чтоб был такой же, как и они, чтоб не опозорил их доброго имени*. Получается, имя героя можно рассматривать и в значении *быть похожим на М* – отец героя неизвестен, значит на мать – Москву (Мару, Марусю).

«Алфавитная» заглавная ономастика

В художественной литературе алфавит (*принятый порядок расположения букв в азбуке; система символов, используемая для записи и организации слов и звуков в письменном виде*) является не только символической основой для национального языка, но и в ряде случаев организует традицию «алфавитной» заглавной ономастики. Например, главы в романе-антиутопии «Кысь» Т. Толстой номинированы *буквами старославянского алфавита*, которые концептуализируют образно-лингвистическую композицию «мироподобной» архитектоники романа, отражающей ценностно-национальные координаты русского бытия. В повести-притче «Глиняные буквы, плывущие яблоки» С. Афлатуни буквы-образы обеспечивают «мироприемлющее начало» национального мироздания, которое определяется «уважительно-бережным отношением к живым человеческим душам, к тем феноменам национального бытия, которые обладают неоспоримой ценностью...» [8: 7]. *Глиняные буквы мусульманского алфавита*, кодирующие древнюю национальную семантику в ономастиконе, становятся образом изломанного современной историей национального миробытия. Мифостратегия «буквенной» архитектоники текста – моделирование распавшегося «тайного», «подпольного», «андеграундного» бытия – выстраивается в повести Сигизмунда Кржижановского «Клуб убийц букв». Герои-авторы, скрывающиеся за бессмысленными буквенными масками – Зез, Дяж, Тюд, Хиц, Шог, Фэв, Пар, организуют некое тайное сообщество, играющее культурными кодами и через их разрушение эсхатологических антиценностей этого мира сотворяющее новые миры-смыслы. Авторы ненаписанных произведений и есть рассказчики, «убийцы замыслов».

Но совершенно новую художественную концепцию «алфавитная» заглавная ономастика позиционирует в трансязыковом (русско-еврейском) тексте *Владимира Друка*, в его поэтической книге «*Алеф-Бет. Формы, числа, номинации*». Критики отмечают, что «эта книга стоит особняком в двух традициях сразу: и в русской поэтической традиции, и в еврейской религиозной, – принадлежит им обеим одновременно, продолжая и развивая обе. Скорее всего, для настоящего, полного восприятия книги необходимо прочтение ее двойным взглядом, изнутри обеих традиций. Второй составляющей – религиозной – у моего взгляда, к сожалению, нет, но я представляю себе, что, во всяком случае, смысловое поле русской словесности “Алеф-Бет” расширяет существенно: он включая в него то, чего в ней до сих пор не было – по крайней мере, в ее центральных областях, в областях высокой поэзии. <...> особенность же “Алеф-Бета” – в том, что с еврейской мистикой здесь соединяется именно русское слово, что для этого последнего весьма необычно. И второе, на что тут нужно обратить внимание, – оно соединяется с нею не как с “чужим” или

с “другим”, без экзотизации, без, прости господи, этнографичности: оно включает ее в себя как опыт универсального» [6].

Книга Друка, московского поэта, с 1994 г. живущего в США, представляет собой поэтическую версию древнейшего еврейского алфавита. В еврейской традиции 22 буквы алфавита – это «энергетические каналы или “атомы” не только языка, но всего бытия; наш мир был не только создан с помощью этих магических букв, но и живет по законам их сочетаний. Каждая буква имеет имя, форму, числовое значение и многомерную матрицу смысловых аспектов (номинаций). <...> Погружаясь в них, мы возвращаемся к моменту, когда еще «ничего не было». Книга следует традициям алфавитной архитектуры духовной и светской поэзии – от Библии и Псалмов, азбучных молитв и алфавитных стихов до попыток поэтов разгадать тайные значения и скрытые свойства букв (В. Хлебников, А. Рембо и другие)» [3: 4].

Каждая буква в еврейской графической конфигурации в транслингвальных экспериментах с языком Друка обозначает отдельную часть (главу, раздел), эмблематически выполняя функцию «кирпичика/знака» той «семантической вселенной», которая представлена содержательно на русском языке. Но суть трансязыковой поэтики книги заключена в репрезентации таким способом каббалистической интерпретации букв еврейского алфавита. Более того, исследователь И. Кукулин считает, что книга создает «новый способ понимания Каббалы и в целом иудейской традиции, которого прежде в русской литературе не существовало» [6]. Записанные в особой технике «ктав стам» еврейские буквы в книге «Алеф-Бет» приобретают особый сакральный смысл, так как эта форма письма используется для переписывания священной Торы в определенных обрядовых ситуациях.

הי (ХЕЙ)

язык был един и речь ясна
и мысль была одна... [3: 37].

Смысловые составляющие самих русских текстов стихов книги Друка основаны на интерпретации той части каббалистического учения, зародившегося в раннем Средневековье, которое утверждает идею миромоделирующей божественной функции букв еврейского алфавита, с помощью которых Бог и сотворил мир. Это буквы Божественного огня (Исаак Слепой), и Друк обыгрывает это священное откровение в 21 главе-букве Шин:

שיי (ШИН)

1. ничего не меняется
2. все может измениться
3. все меняется [не меняя сути]
сидящему у огня:
черные угли
скрывают тайну
есть черное пламя букв
есть белое пламя букв
есть тонкое пламя над белым пламенем
и есть еще одно пламя
ждушему благословения... [3: 101].

Называя главу конкретной буквой еврейского алфавита и наполняя ее русскими словами и буквами каббалистической семантики, поэт разрушает ожидаемую метафорику и выводит семиотику стихотворения на уровень образа прямого названия – буквы Божественного огня. Такой трансязыковой подход, по мнению И. Кукуя, привел к тому, что автор становится «едва ли не первым значительным русским поэтом, который стремится последовательно работать с традицией именно Каббалы, а не каббализма» [3: 11].

Транслингвистические игры

В романе «Южная Мангазея» Киора Янева, другого транскультурного писателя, пишущего на русском и живущего в Германии, транслингвистические игры соотносятся с принципами интер- и гипертекста. Киор Янев использует и определенные билингвальные схемы, которые мы обозначили бы как бифонные – транслитерацию и транскрипцию. Так, языковая «национальная» составляющая важнейшего русского родового образа «дом» транслитерирована в романе через транслингвизм «двойной модальности» (русская кириллица и латинский алфавит) в лексему «kvarтира». Фонетическое разрушение основного культурного маркера русской национальной традиции усиливает образ «кириллического» распада дома как знака «укорененности». «Kvarтира», символически соотносимая с моделью неродового заимствованного «иногo» жизненного мира, центрирует авторское «эмиграционное» сознание через биязыковую нарративную, обнаруживаемую и в ономастиконе романа. Например, русско-тюркская транслитерация лексемы «орыс» (в некоторых случаях – *урыс*) (в переводе с тюркских языков – русский), поддержана бинальным онимом имени героини «Клара Айгуль», функционирующим как раз как семиотический знак «Незнакомки из Сены» (*рассмотренный ниже в тексте*) или древнегреческой Галатеи¹, не раз упоминаемой в тексте романа как «ретранслируемый в русской литературе конструкт» [10: 511] мифотрадиции: «Клара Агуль уже пробовала однажды, но тогда скорый с орусами опоздал и вместо него пошел солдатский товарняк...» [13: 17]. Трансязыковая метафоризация фиксируется писателем также в системе идиоматического билингвизма – «С его помощью Ян и купил в валютном баре гостиницы “Орленок” джин с тоником для своей Inconnue de la Seine» (14); «Анхен, выпив белены и присев в дунайскую тину, выдавливая выкидыш, Inconnue de Danube, в холодную реку, текущую на восток» [3: 20].

Первая франкофонная идиома «Inconnue de la Seine» значима не прямой переводческой семантикой в значении «Неизвестная река Сена» (дословный перевод с французского), а идиоматикой образа «Незнакомка из Сены», интерпретируемого не столько в соответствии с реальной историей о посмертной маске с лица красавицы-утопленницы, сколько в интертекстуальной системе образа «экзистенциальной пустоты» в стихотворении В. Набокова «L'inconnue de la Seine», 1934 год, Берлин.

Трансязыковая игра построена на допущении в тексте романа ошибки – пропуск французского артикля *L'*, меняющий в русском варианте морфологию,

¹ Интертекстуальное и референциальное смысловое поле может быть расширено за счет ряда одноименных произведений – новелла Мигеля Сервантеса «Галатеея» (1585 г.), комедия Джона Лили «Галатеея» (1588 г.) и других, а также московский журнал «Галатеея», который издавал С.Е. Раич в 1829–1830 гг. и 1839–1840 гг., и немой фильм Жоржа Мельеса «Пигмалион и Галатеея» (Франция, 1898 г., премьера состоялась в 1903 г.).

что переводит значение «незнакомка» в «неизвестную». Именно это значение акцентировано писателем во второй франкофонной идиоме «Inconnue de Danube», декодируемой за счет ассоциативной тропологиики *выкидыш* – *Inconnue de Danube* при помощи использования посредника-историсофемы «Неизвестный Дунай». Французская идиома-оним «Inconnue de Danube» связана с историей о существовании неизвестной родины руссов «Дунайская Русь». Так, Киор Янев через транслингвистические приемы вводит в роман контекстуально альтернативную историю древних русов, живших на этих землях.

Лексико-семантические игры Киора Янева лежат в плоскости трансязыковых стратегий и помогают создавать неожиданные референциальные интерпретационные контексты. Так, на уровне игровых стратегий транслингвизма и транскультуральности Киор Янев конструирует транскультурную модель неклассического «мира как текста», в которой каждое слово есть код культурного смысла.

Таким образом, транскультурный подход, актуализированный «процессом включенности национальных культурных полей в единую динамическую макросистему мирового культурного пространства» [11: 113], позволяет снять большинство противоречий в идентификации «национальности» литературного этноса, этоса, отдельного писателя и собственно произведения. Понимание транскультурной литературы как историко-культурного феномена дает возможность находить ее проявления в совершенно неожиданных авторских художественных моделях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтикиреева У.М. Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1 (45). – С. 94–95.
2. Дарзаманова Р.З. Многополярный образ мира в публицистических и литературных произведениях Хуго Лечера: монография. Казань: КНИТУ, 2016. URL: https://bstudy.net/807813/iskusstvo/inter_multi_transkulturnost_osnovnoe_trebovanie_sovremennosti_obekt_issledovaniya_poslednih_desyat (дата обращения: 16.01.2023).
3. Друк В. Алеф-Бет. Формы, числа, номинации. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 112 с.
4. Кабакчи В.В. Литератор между двух языков и двух культур // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2(50). – С. 74–79.
5. Почему рыба является символом Иисуса Христа? // Православие.Ru. URL: <https://pravoslavie.ru/7028.html> (дата обращения: 12.01.2020).
6. Там есть и твоя буква (Ольга Балла, Kyiv Daily) URL: https://www.nlobooks.ru/books/khudozhestvennaya_seriya/19981/review/20354/ (дата обращения: 14.08.2024).
7. Глостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литературы США конца XX века. – М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. – 400 с.
8. Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. – М.: Гнозис, 2005. – 429 с.
9. Хансен Джули. Как понимать трансязыковой текст: русские имена, культурные аллюзии и игра слов в романе «Жизнь Суханова в сновидениях» Ольги Грушиной // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – С. 58–69.
10. Шафранская Э.Ф. Армянский текст: дети Иова // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 511–520.
11. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т. Сравнительное литературоведение. Современные тенденции русской литературной компаративистики. – Владимир: Владимир. гос. ун-т им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2022. – 125 с.
12. Юзеев С. Не перебивай мертвых: Сб.. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. – 226 с.
13. Янев К. Южная Мангазея: романы. – СПб.: Jaromír Hladík press, 2020. – 320 с.
14. *Welsch W.* Transkulturalität // Migration und kultureller Wandel. – Institut für Auslandsbeziehungen, 45. Jg. 1995/1 Vj. – Stuttgart, 1995. – P. 1015–1020.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Н.В. Кондратьева

ИИЯЛ УдМ ФИЦ УрО РАН (Ижевск)

Основной целью данной статьи является выявление структурно-семантических особенностей сравнительных конструкций удмуртского языка, содержащих в качестве стандарта сравнения лексемы с ярко выраженной гендерной семантикой. На основе анализа эмпирического материала выделяются 4 группы компаративных конструкций, содержащих в своей структуре лексемы *ныл* 'девочка' ~ *нылаш* 'девушка' ~ *нылмурт* (*ныльёсмурт*) 'женщина' ~ *кышномурт* 'женщина' или *пи* 'мальчик' ~ *пияш* 'мальчик, пацан' ~ *пиосмурт* 'мужчина' ~ *воргорон* 'мужчина': а) сравнительные конструкции, выражающие внешние характеристики объекта сравнения; б) сравнительные конструкции, выражающие особенности голосового спектра человека; в) сравнительные конструкции, выражающие особенности стиля, манеры ношения одежды, аксессуаров; г) сравнительные конструкции, репрезентирующие особенности поведения человека. Материалы исследования позволяют заключить, что сравнительные конструкции являются не только результатом познания и сопоставления предметов и явлений окружающей действительности, но могут отражать аксиологические аспекты мироустройства, содержать стереотипные представления о нормах поведения в обществе.

Ключевые слова: удмуртский язык, финно-угорские языки, сравнительные конструкции, гендерный аспект.

The main purpose of the paper is to identify the structural and semantic features of comparative constructions of Udmurt containing lexemes with obvious gender semantics as a standard of comparison. Based on the analysis of empirical material, four groups of comparative constructions with lexemes *nyl* 'girl' ~ *nylash* 'girl' ~ *nylmurt* (*nylyosmurt*) 'woman' ~ *kysnomurt* 'woman' or *pi* 'boy' ~ *piash* 'boy, kid' ~ *piosmurt* 'man' ~ *vorgoron* 'man' are distinguished: a) comparative constructions expressing the external characteristics of the object of comparison; b) comparative constructions expressing the features of the human voice spectrum; c) comparative constructions expressing the features of style, manner of wearing clothes, accessories; d) comparative constructions representing the features of human behavior. The research materials allow us to conclude that comparative constructions are not only the result of cognition and comparison of objects and phenomena of the surrounding reality, they can also reflect axiological aspects of the world order and contain stereotypical ideas about the norms of behavior in society.

Key words: Udmurt language, Finno-Ugric languages, comparative constructions, gender aspect.

Сравнение представляет собой один из эффективных способов познания окружающего мира и человека. Его лингвистической репрезентацией являются сравнительные конструкции, традиционно рассматриваемые как синтаксические структуры, в которых «предмет, признак или ситуация Р (объект сравнения – то, что сравнивается) описывается не сам по себе, а в отношении к некоторому предмету, признаку или ситуации Q (стандарт сравнения – то, с чем сравнивается). Критерием сопоставления является некоторый признак

Z (признак сравнения – то, по чему сравнивается), принимающий значение V (значение признака сравнения)» [3: 134].

В системе современного удмуртского языка сравнительные конструкции образуются при помощи маркеров *кадь* ‘как’ и *сямен* ‘как’, позволяющих вводить в исследуемые структуры стандарт сравнения, т. е. элемент, с которым сравнивается некоторый предмет, явление или действие. При этом дистрибуция лексемы *кадь* может быть связана как с именными, так и глагольными формами (*нылаш сяська кадь чебер* ‘девушка красива как цветок’ ~ *тюрагай кадь чебер кырзаны* ‘букв. петь красиво как жаворонок’. Маркер *сямен*, как правило, тяготеет к вербальным единицам (*ничу нылли сямен вогыське* ‘упрямится как маленький ребенок’).

Сравнительные конструкции являются не только результатом познания и сопоставления предметов и явлений окружающей действительности, но и могут отражать аксиологические аспекты мироустройства, содержать стереотипные представления о нормах поведения в обществе и др. [6]. Отдельный интерес представляет исследование гендерных предпочтений при выборе стратегии создания сравнительных конструкций [1: 5]. Учитывая вышесказанное, основной целью данной статьи является выявление структурно-семантических особенностей сравнительных конструкций удмуртского языка, содержащих в качестве стандарта сравнения лексемы с ярко выраженной гендерной семантикой. К таким единицам можно отнести следующие оппозиционные пары (значения приводятся по электронному словарю Национального корпуса удмуртского языка (<https://udmcorpus.udman.ru/dictionary>)):

а) *ныл* (1. девочка, девушка; *бызем* ~ замужняя; *бызёно* ~ девушка на выданье; девушка-невеста; *бызьымтэ* ~ незамужняя; *варгас* ~ старая дева; 2. дочь; 3. невеста) – *ни* (1. сын; 2. мальчик, парень; 3. детёныш);

б) *нылаш* (девочка) – *пияш* (1. мальчик; 2. парень, паренёк);

в) *нылмурт* (*ныльёсмурт*) (девушка) – *пиосмурт* (1. мужчина; 2. муж, супруг);

г) *кышномурт* (1. женщина; 2. жена) – *воргорон* (1. мужчина; взрослый человек, зрелый человек; 2. мужик прост.).

Важно подчеркнуть, что последние две оппозиции структурируются на основе дистрибуции сравнительных конструкций, поскольку в разговорной практике представленные единицы могут употребляться и в парах: *нылмурт* – *воргорон*; *кышномурт* – *воргорон*.

Эмпирической базой исследования послужили материалы, представленные в Национальном корпусе удмуртского языка [4], где собраны тексты художественно-публицистического характера. Основными методами исследования стали описательный, метод контекстуального анализа и метод сплошной выборки.

Проведенное исследование позволило выделить следующие группы сравнительных конструкций, в которых в качестве стандарта сравнения используются лексические единицы с ярко выраженной гендерной семантикой.

1. Сравнительные конструкции, выражающие внешние характеристики объекта сравнения.

В качестве значения признака сравнения здесь могут выступать:

а) особенности фигуры человека. Чаще всего актуализируется или коренастый тип мужчины; или мужчина с широкими плечами: *Гриша паськыт паськыт пельпумъсыныз туж провор, тып-тып воргорон кадь адске* [4]. ‘Своими

широкими плечами Гриша похож на проворного, коренастого мужчину»; *Пыриз со корка – нырысь мон ой но тодма, агай сокем будэм, пельпумъёсыз паськытэсь адзисько. Ну, чылкак мййы воргорон кадь!* [4]. 'Вошёл он в дом; поначалу я даже его не узнал: старший брат так подрос, его плечи стали широкими. Ну, настоящий взрослый мужчина!'

Для сравнительных конструкций со стандартом сравнения *нылаш / нылкышно / кышномурт* 'девушка, женщина' актуально, с одной стороны, создание образа *егит нылкышно кадь веськрес* 'стройна как молодая девушка', с другой – *зызы кышномурт кадь* 'букв. как худая баба, в знач. болтливая', например, *Асьтэос ке зызы кышномурт сямен супыльтйськоды, тйлесытыд кылдэс ожыт вакчиятоно луоз* [4]. 'букв. Сами как худая баба болтаете, нужно укоротить ваши языки';

б) характерные признаки отдельных частей тела. Так, типично «женски-ми» объектами становятся глаза или губы: *Берло дыре мугорын но зёкомыныгес кутскиз, ангесыз кык полэс луэм. Нош синъёсыз нылмуртлэн кадь сэзесь но шулдыресь* [4]. 'В последнее время она поправилась, появился второй подбородок. А глаза такие же светлые и веселые, как у девушки'; *Окыльна ачиз но өз шоды, синъёсыз дас тямыс аресъем нылмуртлэн кадь кильтро луизы* [4]. 'Акулина сама не поняла, как ее глаза заиграли как у восемнадцатилетней девушки'; – *Пукселэ, Иван Иванович, зигарды өвёл кадь, шёдске, – нылмуртлэн кадь чыжыт ымдуръёсыз капчи выро* [4]. '– Присаживайтесь, Иван Иванович, чувствуется, что сил еще не набрались, – [его] яркие как у девушки губы (букв.) бодро артикулируют'.

Типично «мужским» образом сравнения, как показывают материалы Национального корпуса удмуртского языка, являются ладони. Ладонь должна быть широкой, а рукопожатие – крепким: *Кыыз тани бадзъм, пиосмуртлэн кадь паськыт. Чиньыосыз вакчиесь, зёкесь, чак-чакесь* [4]. '[Её] ладони широкие, как у мужчины. Пальцы короткие и пухлые, шершавые'; *Киосыд тынад настоящей пиосмуртлэн кадь* [4]. 'Твои руки как у настоящего мужчины'; *Пиосмуртлэн кадь таза киосаз мар ке кужымез вань кадь* [4]. 'В широких как у мужчины ладонях чувствуется сила'. Интересно отметить, что был также зафиксирован пример, когда в качестве объекта сравнения предлагался образ мужских бровей: *Ымнырыз кузялэс, синкашъёсыз пиосмуртлэн кадь паськытэсь* [4]. '[Ее] лицо продолговато, брови широкие, как у мужчины.'

2. Сравнительные конструкции, выражающие особенности голоса человека.

Интересно отметить, что среди исследуемой группы сравнительных конструкций отдельное место отводится характеристике диапазона звуков, производимых человеком. При этом «мужским» голосом является высокий голос, а «женским» – низкий: *Чужапайлэн куараез пиосмуртлэн кадь боз-боз* [4]. 'Голос маминей сестры как у мужчины басистый'; *Пересь кышномурт кунэрскиз но пиосмуртлэн кадь зёк куараен вераз* [4]. 'Старушка посмотрела исподлобья и низким, как у мужчины, голосом промолвила'; *Бакайлэн – нылкышно куара кадь векчи. Вөзаз пукисезлэн – пиосмуртлэн кадь зёк* [4]. 'У Бакая голос высокий, как у женщины. А у человека, сидящего рядом с ним, – голос низкий, как у мужчины'

3. Сравнительные конструкции, выражающие особенности стиля, манеры ношения одежды, аксессуаров. В качестве основных признаков здесь выступают:

а) особенности прически:

Нюлэскын ужаса но нылмурт ӧз ӗышкиськылы, сокем медаз люкеты шуыса, бызем кышномурт сямен, йырсиэз йыр котыраз биняллыз гинэ [4]. ‘Даже трудясь в лесу, девушка не стриглась; чтобы [волосы] не очень мешали, она укладывала их вокруг головы, как замужние женщины’. <...> *йырси пунэтъ-ёссэ, кышномурт сямен, ваче думыллыз но кышетэныз эсик-эсик керттӗз* [4]. ‘[Она] уложила косички вокруг головы, как женщина, и плотно завязала платок на голове’.

Ср. *Та дырозь пиосмурт сямен нуллэм вакчи йырсиэз кузь лэзиз* [4]. ‘(букв.) Она отрастила волосы, которые до сих пор носила короткими, как у мужчин’; *Йырсиез пилэн кадь* [4]. ‘Волосы [у нее] как у пацана’;

б) предметы гардероба:

Кузь чуко курень шальэз со мӗйы кышномурт сямен керттэм – кымыс азяз ик уськытэм [4]. ‘Коричневую шаль с длинными кисточками она завязала как старые женщины – прикрыв лоб’; *Зуч кышномурт сямен, юбкаен но кофтаен дӗйсяськем Намерова* [4]. ‘Как русские женщины, Намерова надела юбку и кофту’. Ср.: *Куртка вылын горд букваос но суред: пичи кион, шакал. Огшоры городын улӗсь пи кадь* [4]. ‘На куртке красные буквы и рисунок: волк, шакал. [Выглядел] как обыкновенный букв. живущий в городе (в знач. городской) парень’;

в) аксессуары: *Нылмуртлэн кадь, солэн мылаяз / Авесен чилекъя чыртывесь* [4] ‘Как у девушки, у нее [луны] на груди / серебром поблескивают мониста’.

4. Сравнительные конструкции, выражающие особенности поведения человека.

Данная группа сравнительных конструкций является наиболее многочисленной. В них ярко отражаются стереотипные представления о женских и мужских видах деятельности. Как отмечает А.В. Кирилина, гендерные стереотипы представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке. Гендерная стереотипизация фиксируется в языке, тесно связана с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения [2: 98].

Так, традиционно *женскими* становятся такие модели поведения как:

а) скромность: *Зйбыт, востэм маке, нылмурт сямен гордэктылэ* [4]. ‘Он тихий, скромный, краснеет, как девушка’; *Нылмурт кадь ӗыжсектыса сипыртӗз пиез* [4]. ‘Как девушка покраснев, промолвил ее сын’;

б) эмоциональность (в т.ч. плаксивость): *Урак Иван, кышномурт сямен, зар-зар, куараен бӧрдӗз* (М. Лямин). ‘Урак Иван плакал навзрыд, громко’; *Эркын [вальёс] пыласько дун-чылкыт омырын, / Пинал нылъёсмурт кадь паймо котьмалы* [4]. ‘[Кони] резвятся на свободе, / Словно молодые девушки, удивляются всему’; *Туннэ куазь перияськем кышномурт кадь* [4]. ‘Сегодня погода как разбушевавшаяся женщина’;

в) непостоянство, переменчивость настроения: *Сӗзӗыл куазь чебер нывл кадь – нуналаз сизьым пол вошъя мылкыдэз* [4]. ‘Осенняя погода словно девушка-красавица: семь раз за день меняет настроение’;

г) выполнение домашних дел: *Игнатей гур котырын кышномурт кадь мар но со каремьяськыса берга* [4]. ‘Игнатий крутится, как женщина, у печи, делая вид, что чем-то занят’.

Мужскими становятся такие модели поведения как:

а) самоуверенность: *Класс азе, пиосмурт сямен, йыг-йыг вамышьяса потйіз* [4]. ‘[Он] вышел к доске, уверенно шагая, как мужчина’;

б) проворность: *Аня олокызыы-мар уробое пиосмурт сямен тэтчиз, тэль-буго пумын Лёвалэн улошоезлэн саураз васькытйіз* [4]. ‘Аня резво запрыгнула в телегу, ударила вожжами по бокам лошади Лёвы’;

в) сила: *Со вие Лизка <...> пызен мешокез зйрак! пельпумаз пиосмурт сямен сэралтйіз но дыртыса кенсысь потйіз* [4]. ‘В это время Лизка <...> резко, как мужчина, перекинула за спину мешок с мукой и быстро вышла из амбара’;

г) неторопливость: *Соловьёв Иван туж лякыт адями вылэм: вераське мййы воргорон сямен дыртытэк, уродэн ваземзэ уд кылы, валантэмзэ, атай сямен, зйб-зйб валэктэ* [4]. ‘Соловьёв Иван оказался очень вежливым человеком: разговаривает неспеша, как мужчина в возрасте, от него не услышать грубых слов, если что-то не понимаешь, все растолкует, как отец’;

д) особый способ рукопожатий: *Пиосмурт сямен, Мироновлы кизэ сётйіз Петрова* [4]. ‘Петрова протянула руку Миронову, как мужчина’;

е) употребление спиртных напитков: *Пиосмурт сямен, со сюмекез кияз кутйіз, чушкась вуэ ымдурьёссэ веттылйіз, пичильтык, оло, ымаз но сюриз* [4]. ‘Как мужчина, [она] взяла в руки рюмку, окропила губы жгучим напитком, а может содержимое попало даже в рот’; *9-тйй Май но 3-тйй сентябрь понна! – Пиосмурт сямен, быдэсак кымалтыса юиз со* [4]. ‘За 9 Мая и 3 сентября! – [Валя] залпом, как мужчина, выпила все содержимое’;

ж) умение плевать: *Пиосмурт сямен сязьиськиз Васи* [4]. ‘Как мужчина плюнул Вася’

На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в системе современного удмуртского языка имеются определенные стратегии создания сравнительных конструкций, содержащих в своей структуре лексические единицы с ярко выраженными гендерными характеристиками. Подобные конструкции не только отражают когнитивные процессы, связанные с сопоставлением предметов и явлений окружающей действительности, но и могут репрезентировать аксиологические аспекты мироустройства, раскрывают стереотипные представления о нормах поведения в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войченко В.М. Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре // Вестник Волгоград. гос. ун-та. – Сер. 2. – 2009. – № 1. – С. 64–68.
2. Кирилина А. Гендерные стереотипы в языке // Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой; Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация XXI век, 2002. – С. 98.
3. Князев Ю.П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. – М.: Языки русской культуры. – 2007. – 213 с.
4. НКUYA – Национальный корпус удмуртского языка. – URL: <https://udmcorpus.udman.ru/dictionary> (дата обращения: 30.08.2024).
5. Левина Е.А. Сравнения в немецких радиотекстах: семантика, структура, функции: дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2006. – 169 с.
6. Полевая И.В. Гендерные стереотипы и их реализация в российском аналитическом телевизионном дискурсе (на материале ток-шоу «Диалог» и «В фокусе» телеканала РБК-ТВ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 21 с.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАЛЕНДАРНОГО И СЕЗОННОГО ДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ В ЭВЕНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Р.П. Кузьмина

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера Сибирского отделения РАН (Якутск)*

Статья посвящена изучению календарного и сезонного времени в лингвокультуре эвенов. Традиционный хозяйственный годовой цикл эвенов формировался под влиянием географических и природно-климатических условий. В настоящее время у всех локальных групп эвенов, занимающихся оленеводством, можно наблюдать частичное сохранение ведения хозяйствования по древнему хозяйственному календарю. Тундренные эвены, которые помимо оленеводства также занимаются рыболовством, придерживаются промыслового календаря, который соотносится с православным календарём. Одним из наиболее хорошо сохранившихся являются номинации месяцев, производных от наименований частей человеческого тела. **Ключевые слова:** языковая картина мира, календарь, времена года, лингвокультура, мировосприятие, номинация.

The article is devoted to the study of calendar and seasonal time in the linguaculture of the Evens. The traditional economic annual cycle of the Evens was formed under the influence of geographical and natural-climatic conditions. At present, all local groups of the Evens engaged in reindeer herding can be observed to have partially preserved the management of the ancient economic calendar. The tundra Evens, who in addition to reindeer herding are also engaged in fishing, adhere to the fishing calendar, which is related to the Orthodox calendar. One of the best preserved are the nominations of the months, derived from the names of parts of the human body.

Keywords: linguistic picture of the world, calendar, seasons, linguaculture, worldview, nomination.

Материалом исследования послужили различные лексикографические и этнографические работы: «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (1975), «Эвенско-русский словарь» В.И. Цинциус, Л.Д. Ришес (1957), «Русско-эвенский словарь» В. И. Цинциус, Л.Д. Ришес (1952), «Эвенско-русский словарь» В.А. Роббека, М.Е. Роббек (2004). Также в качестве дополнительного материала привлечены и иные работы по эвенскому языку и другим тунгусо-маньчжурским языкам: «Материалы по ламутскому языку» В.Г. Богораза (1931), «Путешествие на Север и Восток Сибири» А.Ф. Миддендорфа (1878), «Времяисчисление у тунгусо-маньчжурских народов» Т.И. Петрова (1937), «Язык эвенов Якутии» В.Д. Лебедева (1978), «Орочонский язык: материалы корпусного исследования звучащей речи орочонов КНР» (2018), «Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ» Е.А. Данилова (1991).

В эвенском языке со значением 'год' используется лексическая единица *ануан* и ее фонетические варианты, зафиксированные в говорах – *ануанì* Алл, М, Ск, Т, *ануънì* Алл, М, Т, *аннонì* ~ *ануонì* Ск, *áнан* К-О, *ауна* Арм [10]. В охотском диалекте слово *ануан* применяется также с дефиницией 'погода'.

В языковой картине мира эвенов с дефиницией 'месяц' отмечены три лексем. Наиболее распространенным в эвенских говорах является лексическая

единица *бяг~ бяв*, функционирующая с лексическим значением ‘месяц (единица времяисчисления); луна; лунная ночь’ и имеющая параллели во всех языках тунгусо-маньчжурской группы. В восточных говорах зафиксирована лексема *аткикан*, в говорах западного наречия и в арманском диалекте – *илāн*, употребляющаяся также со значением ‘луна’ [10], аналогичная лексема выявлена в ороchonском языке – *илāн* ‘свет’ [6].

Согласно исследованиям, «Деление времени внутри года к концу XIX в. имело два варианта, отражавших совершенно различные принципы времяисчисления – счет времени по частям человеческого тела и по природно-хозяйственному принципу. Счет по частям тела впервые был зафиксирован у охотской группы эвенов во второй половине XVIII в. экспедицией А.Ф. Миддендорфа, а позже был подробно описан у анадырских эвенов В.Г. Богоразом» [3: 127; 5; 1]. Данная система счета носит восходяще-нисходящий характер, год в ней начинается в июне-июле и делится на двенадцать месяцев. По этому поводу Т.И. Петрова отмечает, что такая система времяобозначения ставит ламутов в несколько изолированном положении и приводит пример из лекций Л.Я. Штернберга: «В Египте древние астрономы, не имевшие никаких обсерваторий и которым приходилось днем наблюдать созвездия, прибегали к следующему остроумному способу. Два астронома становились друг против друга, один с северной стороны, другой с южной, и каждый держал над головой пальмовый лист, который в середине имел узенькую щель, и каждый из них смотрел в щелочку на щелку пальмового листа своего низави, ища таким образом меридиан того созвездия, которое они хотели наблюдать в данный момент. При наблюдении замечали, что следующая часть зодиака приходится ниже лба по направлению правого глаза, а тому, который смотрел с другой стороны, приходилось противоположная часть зодиака против правого глаза, потому что, по мере того, как мы спускаемся по зодиаку, точка наблюдения спускается ниже по телу наблюдателя, переходя постепенно к локтю, голени, ноге и т. д. Таким образом каждая часть зодиака ассоциировалась с той или другой частью тела» [7: 97–98]. По свидетельству В.Г. Богоразы, «Счет ведется по суставам рук, слева направо, начиная от середины суставов – места соприкосновения сложных суставов пальцев рук (июню-июль) и восходит к голове, потом по правой руке, спускаясь вниз обратно к середине суставов» [1; 7: 83]:

1. *háya* – середина суставов
2. *čórdakič* – суставы пальцев (левой руки)
3. *únmu* – тыльная поверхность (левой руки)
4. *bilan* – запястье (левой руки)
5. *уёčan* – локоть (левой руки)
6. *mir* – плечо (левой руки)
7. *háya* – темя
8. *mir* – плечо (правой руки)
9. *уёčan* – локоть (правой руки)
10. *bilan* – запястье (правой руки)
11. *únmu* – тыльная поверхность (правой руки)
12. *čórdakič* – суставы пальцев (правой руки) [1; 7: 83]:

По материалам экспедиции А. Миддендорфа у охотских эвенов отмечены следующие названия месяцев: *me miro* (плечо); *me ičan* (локоть); *bilān* (запястье, сустав кисти); *bukru* (задний); *orokto* (травя); *gorbiāgan*, насчет данного названия месяца Т.И. Петрова, исследуя материалы, собранные А. Мид-

дендорфом в обработке Шифнера, пишет: «(по созвучию сходно выражение «gerbi ekin?» – какое название). Можно предположить, что тунгусы при расспросах Миддендорфа переговаривались между собой, как называется (gerbi ekin) июнь, и это выражение попало в название месяца» [7: 86]; oldromorin; irkin; bilän – сустав кисти (сочленение кисти с предплечьем); iſan – локоть; miſo – плечо; sonpaſa – головной сустав (сочленение головы с шейным позвонком) [7: 86].

В настоящее время в разговорном дискурсе эвенов наиболее применяемым является календарь, зафиксированный в большинстве двуязычных словарях эвенского языка, в котором номинации месяцев производны от наименований частей человеческого тела: июль – дюгани хэе ‘макушка лета’, август – ойчири чордакич ‘подымающиеся суставы пальцев’, сентябрь – ойчири унма ‘подымающаяся тыльная часть руки’, октябрь – ойчири билэн ‘подымающееся запястье’, ноябрь – ойчири ечэн ‘подымающийся локоть’, декабрь – ойчири мир ‘подымающееся плечо’, январь – тугэни хэе ‘макушка зимы’, февраль – эври мир ‘спускающееся плечо’, март – эври ечэн (спускающийся локоть), апрель – эври билэн ‘спускающееся запястье’, май – эври унма ‘спускающаяся тыльная поверхность кисти руки’, июнь – эври чордакич ‘спускающиеся суставы пальцев’ [10; 11; 9; 12; 13].

Кроме данных названий в диалектной языковой картине мира представлены и другие названия месяцев по частям человеческого тела: февраль – ечэн беган И ‘месяц локтя’, мирэн У-Я ‘плечо (его)’, март – ичэн У-Я ‘локоть’, апрель – эври билэн беган И ‘месяц спускающегося запястья’, май – унма беган И ‘месяц тыльной поверхности руки’, дулокон хаер дялонни У-Я ‘среднего пальца сустава (коленного)’, июнь – чимчэнни дялонни У-Я ‘сустав мизинца’, август – хаерэн делонни У-Я ‘сустав пальца’, сентябрь – илон дялон У-Я ‘месяц сустава (коленного)’, октябрь – ойчири билэн беган И ‘месяц подымающегося запястья’, билен У-Я ‘запястье’, ноябрь – ойчири ечэн беган И ‘месяц подымающегося локтя’, ичэн У-Я ‘локоть’ [9].

В говорах зафиксированы номинации месяцев, репрезентирующие ассоциативные признаки сезонов года, например: июнь – кулин бяган И ‘месяц комарья’, кулин иланни Л ‘месяц комарья’, июль – хайта беган И ‘месяц сухой травы’, хумтычан иланни, хумни иланни Л ‘месяц мошкары’ [9].

В двух говорах определены наименования месяцев с прямым значением: август – болони беган И ‘месяц осени’, болони иланни Л ‘месяц осени’ [9].

У тундренных эвенов отмечен календарь, учитывающий не только их повседневную жизнь, но и особенности промысла. Этот календарь соотносится с христианским календарём: 14 января – Васильев день. Наступают сильные холода; 19 января – Крещение Господне. Появление солнца, конец полярной ночи; 12 февраля – Встречинев. Зима и лето встречаются. Отпадает один рог у Быка холода; 14 марта – Евдокиев день. Последняя дата подледного лова; 7 апреля – Благовещение. Прилетают снегири, канюки, полярные черные орлы. Выходит из берлоги медведь. Начинаются дни без ночей; 23 апреля – Начало весенне-летнего цикла. Начало отела харгинской породы оленей; 6 мая – Егорьев день. Прилетают гуси, лебеди, вороны. Массовый отел оленей эвенской породы; 22 мая – Весенний Никола. Прилетают кряковые утки, пливунчики, чайки и поморники; 3 июня – День царя Константина и его матери Алены. Прилетают водоплавающие птицы; 12 июня – День мученицы Феодосии. Начало рыбной ловли на открытой воде. Начало отела дикого оленя;

26 июня – День святого Трофиллия. Начинается период комаров, гон медведей. Гнездятся все водоплавающие птицы, олени стада кочуют к морю; 12 июля – День апостолов Петра и Павла. Прекращается массовый ход омуля. Линяет шерсть у оленей; 21 июля – Прокопьев день. Начало массового хода чира. Олени полностью линяют [с. 88].

Выделенный у эвенов природно-хозяйственный принцип времяисчисления считается древнейшим, демонстрирующий «факт давнего освоения эвенскими севера Сибири и Дальнего Востока» [3: 126–127]. Наименования сезонов и подсезонов в этой системе производны от основных хозяйственных занятий эвенов и от климатических условий, характерных для той или иной местности. По данному принципу счет времени начинался в последней декаде августа-сентября и кроме четырех основных сезонов, выделялись еще два переходных: *мөнтэлсэ* ‘ранняя осень, бабье лето’ (последняя декада августа и конец сентября); *болани* ~ *болони* ‘предзимье, поздняя осень’ (вторая половина октября до конца ноября); *тугэни* ‘зима’ (совпадал с декабрем-январем и началом февраля (первая декада); *нэлкэ, нэлкэни* ‘ранняя весна’ (февраль-март); *нэгэни, нэгэни* ‘поздняя весна’ (апрель-май); *дюгани* ‘лето’ (июнь-июль) [8; 3].

В фольклорной картине мира эвенов весьма интересным является формула, отражающая определение сезонов года эпическим героем, находящимся в пути. Например, герои в нимканах по намерзанию инея на ресницах узнают о наступлении зимы, а по таянию инея на ресницах – о наступлении лета: *Мэ-унун хэтыкыньдыдымнин мэдыкын тээрин иаһылын авыльча, оуытын-да өнүһүлчэ. «Эрэк иадук ньэкрын»-гөөникэн тэмийныкын ньууритын һиинуриды бөһкы ооча. Дьубыниду хэтыкыһнидьур тубыни оодуунан эчэл хаар. Тарав ньууридылкакэнь оһыһыньчэ* [4: 124]. ‘Мэнгун бежала, бежала и на бегу заметила, что оба глаза у нее распухли и из носа кровь пошла. «Отчего это случилось?» – подумала она и пощупала свои волосы, а они все покрылись инеем /от ее дыхания на морозе/ и обратились в лед. Побежали они летом и на бегу не заметили, как наступила зима. Обледелый комок вместе с волосами выдернула Мэунун’ [4: 140]; *Иркэнмэл нгэннэн-дэ-нгэннэн, нгэннэн-дэ-нгэннэн, хо:в гору нгэннэн. Хоривкаи хингурилин тугэни о:диван ха:н, хоривкаи у:нилин д’угани о:диван ха:н. Тачикан гору, тачикан тэгэм нгэннэн* [2: 37]. ‘Иркэнмэл идет и идет, идет и идет, очень долго шел. По намерзанию инея на ресницах о наступлении зимы узнает, по таянию инея на ресницах о становлении лета узнает. Так долго, так далеко идет» [2: 15].

Таким образом, в эвенской лингвокультуре на основе лексикографических и этнографических источников выявлены календари, номинирующие времяисчисление по частям человеческого тела и также наименования месяцев, объективирующие ассоциации носителей языка природно-хозяйственный принцип времяисчисления, считающийся древнейшим. В фольклорном дискурсе выделена формула, выражающая сезоны года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богораз В. Г. Материалы по ламутскому языку// Тунгусский сборник, I, 1930.
2. Данилов Е.А. Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ. (На русском и эвенском языках). – Якутск: Розовая чайка, 1991. – 48 с.
3. История и культура эвенов / В.Л. Туголуков, В.А. Тураев, Б.А. Спезаковский, Н.В. Кочешков и др. – СПб.: Наука, 1997. – 180 с.
4. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. – Л.: Наука, 1978. – 207 с.
5. Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. 2. Отд. 6: Коренные жители Сибири (Окончание всего сочинения). – СПб., 1878.

6. Орочонский язык: материалы корпусного исследования звучащей речи орочонов КНР / Морозова О.Н., Булатова Н.Я., Андросова С.В., Гибалин В.С., Процукович Е.А., Иванашко Ю.П. – Благовещенск: Изд-во «ИПК Одеон», 2018. – 108 с.
7. Петрова Т.И. Времяисчисление у тунгусо-маньчжурских народов // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936): сб. ст. – М.-Л. – 1937. – 382 с.
8. Попова У.Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1017–1977 гг. – М.: Наука, 1981. – 303 с.
9. РЭС, 1952 – Цинциус В.И., Ришес Л.Д. Русско-эвенский словарь. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. – 777 с.
10. ССТМЯ, 1975 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В.И. Цинциус. – Л.: Наука, 1975. – Т. 1. А–Н. – 672 с.
11. ССТМЯ, 1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В.И. Цинциус – Л.: Наука, 1977. – Т. 2. О–Э. – 992 с.
12. ЭРС, 1957 – Эвенско-русский словарь / В.И. Цинциус, Л.Д. Ришес. –Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР. Ленинградское отделение, 1957. – 276 с.
13. ЭРС, 2004 – Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2004. – 356 с.

УДК 81`112

КОЛ ГАЛИНЕЦ «КЫЙССАЙ ЙОСЫФ» ЭСЭРЕНДЭ АЛМАШЛЫК СУЗ ТӨРКЕМЕНЕЦ СТИЛИСТИК ТӨСМЕРЛӘРЕ

Х.Х. Кузьмина, Г.К. Иадиева

Казан федераль университеты (Казан)

Стилистические исследования языка художественной литературы основаны главным образом на определении средств изображения – тропов и стилистических фигур. При этом также важно определить стилистические возможности отдельных групп слов. В этом отношении роль местоимений в стилизации произведения в татарском языкознании практически не изучена. В данной статье исследуются стилистические возможности местоимений, использованных в поэме XIII века «Кысса-и Йусуф». Местоимения играют важную роль в формировании стилистической окраски данного произведения. Их задача – на основе противопоставления и повторения создать образ, сделать его ярким и выразительным.

Ключевые слова: стилистика, местоимение, историко-стилистический анализ, «Кысса-и Йусуф».

Stylistic studies of the language of fiction are based mainly on the definition of the means of representation – tropes and stylistic figures. At the same time, it is also important to determine the stylistic possibilities of individual groups of words. In this regard, the role of pronouns in the stylization of a work in Tatar linguistics has not been practically studied. This article explores the stylistic possibilities of pronouns used in the XIII century poem “Kissa-i Yusuf”. Pronouns play an important role in shaping the stylistic coloring of this work. The task of pronouns is to create an image based on juxtaposition and repetition, to make it vivid and expressive.

Key words: stylistics, pronoun, historical and stylistic analysis, «Kissa-i Yusuf».

Стиль – шактый киң һәм күп мәгънәле төшенчә. Сәнгатьле сөйләм стилистикасы – матур әдәбият эсәрләренен сөйләм үзенчәлекләрен, әдәби юнәлеш үзенчәлеген һәм әдипләрнең язу стильләрен тикшерә торган стилистика. Матур

эдәбият эсәрләренең стилистикасын тарихи аспектта тикшерү төрле метод һәм ысуллар ярдәмендә башкарыла. Шулар арасында дескриптив, интерпретацион, стилистик, тарихи-чагыштырмалы, тарихи-мәдәни, функциональ анализ методлары һ. б. күрсәтергә мөмкин [1: 75]. XIII гасыр язма истәлеге булган «Кыйссаи Йосыф» эсәрендәге алмашлык сүз төркеменең үзенчәлекләрен билгеләү өчен стилистик, интерпретацион һәм тарихи-чагыштырмалы методлар кулланылды.

Матур эдәбият эсәрләренең тел тукумасына караган стилистик эзләнүләр, нигездә, сурәтләү чараларын – тропларны һәм стилистик фигураларны билгеләүгә нигезләнә. Шулар ук вакытта, аерым сүз төркемнәренең стилистик мөмкинлеген ачыклау да әһәмиятле. Алмашлыкларның стиль ясаудагы роле татар теле белемендә өйрәнелмәгән диарлек. Әлеге мәкаләдә XIII гасыр истәлеге булган «Кыйссаи Йосыф» поэмасында кулланылган алмашлыкларның стилистик үзенчәлекләре ачыклана. Алмашлыклар «Кыйссаи Йосыф» эсәренең стилистик тукумасын барлыкка китерүдә әһәмиятле роль уйныйлар.

Эсәрдә берлек сандагы беренче зат алмашлыгы ике шәкелдә – *бән* һәм *мән* шәкелләрендә кулланыла. Бу алмашлыкның стилистик төсмерләр белән баеылуы, нигездә, аңа логик басым төшүе белән бәйле. Мәсәлән, Йосыф үзенең аяныч хәле турында агаларына түбәндәгечә сөйлә (мисалларда строфа саны күрсәтелә):

Йусуф әйдүр: Бәңа қасд қылдыңызму, / мәлгун Иблис дастанына уйдыңызму, / бәнүм датлу жаныма тойдыңызму, / қардәшлекни кәсдиңиз мәнән имди? [2: 81] Бу юларда *бәңа/бәнүм/мәнән* алмашлыклары төп логик басымны үзләренә ала һәм интонацион буын хасил итәләр.

Бу күн өлсәм, қаны бәңа кәфен кәрәк, / имди бәңа кәфен олсун ушбу көңләк?!» юлларында да *бән* алмашлыгы кабатланып килеп, игътибарны үзәнә жәлеп итә.

«Кыйссаи Йосыф» эсәрендә алмашлыклар өлкәсендә иң еш кулланылган стилистик алым – ул кабатлау алымы. Беренче һәм икенче зат алмашлыклары бик еш кабатланып киләләр. Мәсәлән, *Анлар сәни сатдылар кәм йармақға, / диләкләри – байық сәнән айрылмақға, / лаиқ дәгүл анлара сән вармақға, – / хөрмәтиң сәниң биздән артық имди* [2: 227]; *Йусуф әйдүр: «Разый олдым, тур, варалум, / икиләмиз бутханәйә биз кирәлүм, / санәм халин-әхуалин биз сура-лум, – / биз көрәлүм, нитә жәуаб бирә имди»* [2: 295].

Кол Гали «Кыйссаи Йосыф» эсәренең бетем өлешендә *сән* алмашлыгы ярдәмендә Аллахка мөрәжәгать итә: *Үмид дутар бу мөзһиб сән мәүлийә, / сән кәрим, сән рәхим, сән вәлийә, / рәхмәт қыйлғыл, рәхим қыйл Қул Фәлийә / қай-гулу нәфсем мөфәррих қыйлғыл имди* [2: 1007]. Әлеге юлларда шагыйрьнең *сән мәүлийә, сән кәрим, сән рәхим, сән вәлийә* дип кабатлау алымы нигезендә Аллахка булган чиксез хөрмәте һәм яратуы чагыла.

Каршы кую интонациясе белән әйтелгән очракта исә беренче һәм икенче зат алмашлыклары стилистик яктан сурәтләү чарасы вазифасын үзләрен ала: *Анлар әйдүр: «Бу сөзни бәңа аймағыл, / әйә Йусуф, сән биздән рәхим уммағыл* [2: 118]. Шулар ук вакытта алмашлык ярдәмендә антонимимягә нигезләнгән сурәтләү алымнары барлыкка килергә мөмкин: *Диләр исәң, сән буйурғыл – бән варайын* [2: 163]. Бу мисалда *сән* һәм *бән* алмашлыклары нигезендә антитеза барлыкка килә.

Алмашлыкларның сурәт ясау мөмкинлегенә шактый зур. Туры мәгънәдә килгән очракта да, алмашлык ярдәмендә сурәт күзаллана: *Бәйән билгил: сән –*

бәниң, бән – сәниңвән, / бәндән үзгә һич кемсәни сән булмаң, / бәним гишқым хатериңдән сән салумаң – / бәндән үзгә һич кимсәгә бақмаң имди! [2: 378] Әлеге юлларда *бән* алмашлыгының 5 тапқыр, *сән* алмашлыгының 4 тапқыр кабатланып килүе һәм *бән-сән* антонимиясе барлыкка килүе нигезендә укучы аңында вәгъдәләшкән гашыйклар образы гәүдәләнә.

Кол Гали алмашлыкларны бер строфа эчендә күп тапқырлар кабатлаудан баш тартмый: бу аның үзенә генә хас булган каләм осталыгы: *Йусуф әйдүр: Йа Зөләйха, бәни көргил, / байық Мисыр газизие бәнвән – билгил, / әгәр бәни эстәр ирсәң, Мисра калгил, – бәни Мисыр ичрә болгыл имди* [2: 383].

Бәнвән, сәниңвән алмашлыклары составында *-вән* хәбәрлек категориясе кушымчасы (*ул, үз чиратында, шулай ук алмашлыктан ясалган*) кулланылуын күрәбез. Еш кына зат алмашлыгы фигыльләрдәге зат-сан кушымчасы рәвешендә кулланыла, бу үзенчәлек хәзерге татар теле өчен дә хас: *Мисыр ичрә падишаһ олисәрсән, / Зөләйхайә рәкде никях идисәрсән, / Зөләйха сәнең ола, сән – аның сән – / хуш мөкәррәм падишаһ олгыл имди!*» [2: 546].

Хәзерге татар телендә хәбәрлек кушымчасының функциясе югалган, ул кулланылмый, әмма стилистик яктан исемнәргә ялганып килергә мөмкин (*баламын, ирмен* формалары). Алмашлыклар исә бу кушымчаны үзләренә алмый. «Кыйссаи Йосыф» әсәре өчен дә алмашлыкларга ялганып килгән хәбәрлек кушымчасы искергән тел күренеше булырга мөмкин.

Алмашлыклар нигезендә каршы кую алымы шактый еш очрый: *Сизләр аны мәслихәт көрәр ирсә, / бән өлүб, морад хасил олур ирсә, / бәнем әгәр йүз биң әңаным олур исә, / жүмләсини сизгә фида қылдым имди!* [2: 93]. Агалары Йосыфны саткан фажигале ситуациядә *сизләр – бән* каршылыгын куллану отышлы: нәтижәдә каһарман сөйләмендә агаларының берсенә күңелен йомшата алырлык сүз-сурәт барлыкка килә.

Алмашлыкларда стилистик вазифа үти торган тагы бер форма – *-лар* күплек сан кушымчасы. «Сүзләрдә икеләтә күплекне белдерү – классик төрки тел өчен хас күренеш. Тантаналы югары стильдә нэзакәтлелек, хөрмәт итү билгесе йөзеннән мондый формалар киң урын алган», – дип яза Вахит Хаков [Хаков, 2003, б. 44]. Автор укучыга хөрмәт күрсәтеп, *сезләр* дип эндәшә: *Андан соңра бир ир құбмыш гилем кяни, / аның бирлә мөзәййән бу ислам дини, / заһир-гәйән билүрмүсиз сизләр аны, / Сабит оғлы Ноғман аңа дирләр имди* [2: 10].

Шуны әйтергә кирәк: Кол Гали үзенә персонажларына тискәре мөнәсәбәтен белдергәндә, *сезләр* һәм *сез* формаларын аралаштырып куллана: *Йусуф әйдүр: «Ики нәүбәт кәлдиңиз сиз, / сизләр бәндән тәлим тимар болдыңыз сиз, / һәм туз-этмәк бизим әүдә йидиңиз сиз, / “Йағқуб нәби углымыз!” дирсиз имди»* [2: 888]; *Сиз оласыз – атаңызы ағлатдыңыз, / алдайүбән кичик оғлын һәм алдыңыз, / күл дәйүбән, азад икән, сиз сатдыңыз, – / хәрәм бәһа йидиңиз сизләр имди!*» [2: 888] һ. б. Әлеге юлларда Йосыфның агаларына ачулануы тасвирлана, һәм ул мондый халәттә, әлбәттә, агаларын хөрмәтләү турында уйламый, шуңа күрә аның сөйләмә ышандыргыч, бары интонация түбән төшкән очракта, ахырда гына ул *сизләр* формасын куллана. Ә Йағъкуб сөйләмендә үзенә начарлык эшләгән улларына карата да хөрмәтләү кушымчасы кулланыла: *Йағқуб әйдүр: Сизләрниң морадыңыз, / Йосыфый сизләр бәндән диләдиңиз* [2: 155]

Алмашлыкларда шулай ук *без – сез* антиномиясе дә очрый: *әйдүр: “Бизим қулуымыз қачмыш иди, / аны, байық, сиз алмышсыз!» – дирләр имди* [2: 194]; *халиқлыға, разиқлыға лаиқ дорыр, / сизни, бизни ол йаратды, билиң имди!* [2: 282].

Әсәрдә барлық алмашлықлар да стилистик вазифа үтәми. Мәсәлән, *кәндү/кәнди* һәм *өз билгеләү алмашлықларының стилистик вазифасы ачык түгел*, нигездә, бу алмашлықлар морфологик мәгънә кысаларында кулланыла: *кәндиңизи дилдән-көздән һәм саклаңыз* [2: 796]; *өзүң сән пәйгәмбәрсән, бил хәкыйқәт* [2: 976] һ. б.

Жыно алмашлықларынан *жүмлә, қамуғ/қаму, барча, һәр* алмашлықларының да стилистик функциясе функциясе ачык билгеләнми: *жүмләнәиз бир қапудан кирмәйәсиз* [2: 796]; *жүмләсиндән халиқ разый олсун имди* [2: 976]; *қәрдәшләриң жүмләси қыйла хезмәт* [2: 26]; *жүмләсиниң хатеринә гәссә йағды* [2: 34]; *аның сидқы қамулардан артуқ имди* [2: 3]; *қамуларый Йусуфә чуқ йалуарды* [2: 39]; *қамуларый қәсд қылдылар бәңа имди!* [2: 85]; *Қамуларый уибу сөзә инандылар* [2: 283] һ. б.

Аерым очрақларда сорау алмашлықларының кабатланып килүләрендә стилистик төсмерләр чагыла. *Йусуф әйтүр: «Йа әграби, нә дәйүрсән, / қандан кәлдиң, қанчару кидәйүрсән, / би-гәнаһе бу тәүәни нә урарсән, / қандан кәлдиң, хәбәриң нә, айғыл имди?»* [2: 616]. Әлегә өзектә сорау алмашлықлары *нә* (нәрсә), *қандан* (кайдан), *қанчару* (кая) икешәр тапқыр кабатланып килеп, төп логик басымны үзләренә алалар.

Сорау һәм икенче зат алмашлықлары кабатланып килеп, текстта аерым үзенчәлекле сорау интонациясе булдыра ала: *«Ким сән, кимниң оғулы сән?» – дәйүр имди* [2: 840].

Гәурәт әйдүр: «Йағқубый нә сурарсән, / тиз йүрүрсән, қандан кәлдүң, нә дәйүрсән» [2: 945] юлларында *нә* (сурарсән), *қандан* (кәлдүң), *нә* (дәйүрсән) тезмәләрендә *нә, қандан, нә* алмашлықлары шулай ук үзенчәлекле ритм барлықка китерәләр.

Логик басымның сорау алмашлықларына төшүен түбәндәге юлларда да күрергә мөмкин: *Йусуф әйдүр: «Ол ирәнләр қандан кәлүр, / сурдуңызму, анлар мунда нә эстәйүр?»* [2: 758]. Стрoфаның ике юлында да басым төшкән сүзләр – *қандан* (кәлүр), *нә* (эстәйүр) алмашлықлары, шул рәвешле, алар текстның интонациясен тулыландыра һәм мәгънәне көчәйтә. Гомумән, әсәрдә -му/-мү, -мы/-ме сорау кисәкчәсе нигезендә ясалған сорау интонациясе сорау алмашлығы ярдәмендә тулылана: *Көрдүңүзмү – бәнүм рәнжүм аслы қандан* [2: 571]. Әлегә мисалда сорау алмашлығы инверсия ясалуга да нигез булып тора.

Әсәрдә сорау алмашлықларының *нишә/нәтә* формасы да очрый: *«Нишә буйлә бу халә дөшдүң имди?»* [2: 843]; *Йусуф әйди: «Ол атларый нишә қойдүң, / ол атларый қоймага нәчүк рәуа көрдүң?!»* [2: 855]. Аерым очрақларда бу алмашлықлар бер үк строфада алмашып киләләр: *Йусуф әйдүр: Қардәшләрим, үмидләрим, / Нәтә буйлә қылурсыз, газизләрим, / нишә буйлә идәрсиз, уйаларим, / Мән сизләрә нә сөч қылдым дәйүр имди* [2: 773].

Әсәрдә кулланылған *бу* һәм *ул* күрсәтү алмашлықларының функциональ кыры шактый киң. Стилистик яктан алар кабатлау алымын барлықка китерә: *Йа гәзиз, бу сөзи ишит бәндән, / ки аңлағыл, бу әсрариң аслы қандан, / мәғлум ола бу ши Йусуф қамисиндән, / арт итәки йыртық кимсә сүчсүз имди!* [2: 559]; *Йусуф әйдүр: «Ол дүши уйлә олмамышы, / йәнә ол дүши тәэвили кәлмәмиши, / ол Мисырның падишаһы олмамышы, / ол ахуальдән билүрмүсиз сизләр имди?»* [2: 571]. Шуны да искәртү әһәмиятле: әлегә кабатлаулар сюжет сызызыгының әһәмиятле урыннарында мәгънәне көчәйтү өчен кулланылалар.

Шул рәвешле, алмашлықлар «Кыйссаи Йосыф» әсәренең стилистик туқымасын барлықка китерүдә әһәмиятле роль уйныйлар. Әсәрдә кулланылған

алмашлыкларның стилистик вазифасы – каршы кую һәм кабатлау нигезендә сурәт барлыкка китерү, аны тәэсирле итү.

ӘДӘБИЯТ

1. Жеребило Т.В. Методы исследования в филологии: Словарь-справочник. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2013. – 197 с.

2. Кол Гали. Кыйссаи Йосыф / төп текстны (транскрипцияне) эзерләүче, кереш мәкаләне, искәртмә һәм аңлатмаларны, кулъязмаларның тасвирамасын ясаучы филол. фән. канд. Ф.С. Фәсиев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. – 542 б.

УДК 81'347.78.034

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА

(на материале перевода повести Ч.Т. Айтматова
«Материнское поле»)

Д.М. Кыдыралиева

Кыргызско-Российский Славянский Университет (Бишкек)

Статья посвящена концептуальному анализу для достижения адекватности передачи концепта «мать». Проводится сравнительно-сопоставительный анализ исходного текста и переводного текста по произведению Ч.Т. Айтматова «Материнское поле».

Ключевые слова: адекватность, концепт «мать», концептуальный анализ, экспрессивность, перевод, сравнительно-сопоставительный анализ.

The article is devoted to conceptual analysis used to achieve the adequacy in translation of the concept of “mother”. The author carries out a comparative analysis of the source text and the translated text on the work of Ch. T. Aitmatov “Mother Earth”.

Key words: adequacy, concept “mother”, conceptual analysis, expressivity, translation, comparative – contrastive analysis.

Современные исследователи процесса перевода и переводческих действий как когнитивного процесса все больше склоняются к мысли, что необходимо анализировать специфику *концептосферы* авторов, и даже всего литературного произведения. Важное значение придается формированию и способам репрезентации индивидуальных авторских концептов в художественных текстах [см. 5]; структурной организации концепта в национальной концептосфере [см. 4 и др.].

В последнее десятилетие произошло бурное развитие исследований различных концептов в англо-американской и европейской когнитивной лингвистике, результаты которых используются для дальнейших сравнительно-сопоставительных исследований разноструктурных языков, проблем перевода. Так, например, при оценке качества художественного перевода предлагается говорить не об адекватности / эквивалентности, например, отдельной метафоры, а об адекватном переводе целого *художественного концепта*. Поэтому некоторые исследователи предлагают оценивать перевод в категориях когнитивной лингвистики [см. 7].

Задача адекватного художественного перевода состоит не только в том, чтобы вызвать у читателя интеллектуальную и эмоциональную реакцию на передаваемое сообщение, и, соответственно, выразить интенции автора, но и в передаче особенностей объективной картины мира и субъективной картины видения автора. В связи с этим предлагается в процессе перевода больше ориентироваться не на наиболее эквивалентный перевод концептообразующих составляющих, а на адекватный перевод определенного *концепта*.

Адекватность рассматривается уже как сохранение сверхинформативности оригинала, выраженная набором ядерных и периферийных признаков художественного концепта, необходимым для передачи объективной и субъективной информации оригинала в переводе. Проблемы адекватной передачи заложенной информации больше относятся к вопросам восприятия культурно значимых элементов реципиентами той культуры, на который ориентирован перевод (например, восприятие переведенных произведений Ч. Айтматова).

Концепт является многомерным ментальным образованием с лингвокультурной спецификой [2]. Концепт возникает не непосредственно из значения слова, а является результатом соединения словарного значения слова с личным и народным опытом человека, то есть отражающий культурно-исторический опыт народа и особенности его мировосприятия [8: 39–42, 43–60].

Лингвокультурологический аспект перевода отражается именно в передаче особенностей национально-специфических характеристик концептов как ментальных образований в качестве компонентов обширных концептосфер. Концептосферы составляют разнообразные сферы и в совокупности создают концептосферу национального языка [6: 280–287]. В концепте актуализируется языковая ментальная сущность, «как бы сгустки культурной среды в сознании человека» [10: 42], содержательная составляющая знака – понятие, выражающее знания о мире человека той или иной культуры, национальной принадлежности и определенной эпохи. В сложной структуре концепта культурообразующий компонент формируется этимологией (исходная форма слова), переживанием сжатой до основных признаков содержания истории, появившимися современными ассоциациями (эмоции и образы), оценкой, которые сопровождают их вербальную форму [9: 104–115].

В рамках когнитивного подхода обращение к языку как *к системе концептов* расширяет границы подходов к переводу. Анализ художественного текста с концептуальной точки зрения имеет уже достаточно прочную традицию в отечественной лингвистике [3: 13–18].

В процессе перевода два концептуальных мира (автора и переводчика) взаимодействуют и, поэтому использование концептуального анализа позволяет определить степень такого взаимодействия, т. е. определить, как адекватно передана концептосфера художественного произведения в переводах.

Универсальные знания и взгляд автора могут быть схожи или наоборот быть различны. Поэтому концепты, которые сохранены исторической памятью народа и являются когнитивно и практически значимыми в сознании автора для развития сюжета, не могут обладать одним определением и описанием, так как возможны множество личностных смыслов по закону порождения и восприятия текста.

Предлагаются следующие способы концептуального анализа художественного текста [3]:

- 1) выделение предтекстовых пресуппозиций (время создания, имя автора, роль эпитафия и пр.);
- 2) анализ семантики заглавия и его семантического радиуса в тексте;
- 3) проведение психолингвистического эксперимента с целью выявления набора ключевых слов текста;
- 4) выявление повторяющихся слов, сопряженных парадигматически и синтагматически с ключевыми словами; и определение ключевого слова текста, репрезента концепта;
- 5) анализ лексического состава текста, выделение слов одной тематической области;
- 6) описание концептосферы текста, предусматривающее обобщение всех контекстов, в которых употребляются ключевые слова – носители концептуального смысла, с целью выявления характерных свойств концепта: его атрибутов, предикатов, ассоциаций;
- 7) моделирование структуры концептосферы, выделение в ней ядра (базовой когнитивно-пропозиционной структуры), приядерной зоны (основных лексических репрезентаций), ближайшей периферии (образных ассоциаций) и дальнейшей периферии (субъектно-модальных смыслов) [ук. соч.].

Концептуальный анализ любого оригинального текста дает возможность глубже понять мироощущение, мысль, психологию всего народа в целом и определенного человека. Для выявления базового концепта, описания концептуального пространства рекомендуется определить набор ключевых слов текста (слова-репрезентанты концептов). С точки зрения Н.В. Александрович (2016), для адекватного перевода произведения следует сделать:

- 1) выделить слова-репрезентанты концептов в оригинале;
- 2) определить характер их взаимодействия в тексте;
- 3) рассмотреть возможные способы их перевода.

Приемлемая ситуация для перевода возникает не тогда, когда содержание и смысл сходятся, а в том, когда содержание, вносимое автором в исходный текст, приемлемо согласуется с извлекаемой переводчиком семантической информацией. Исходный текст, воспринимаемый переводчиком, никогда не будет наполнен для него тем смыслом, который вкладывал в него автор. Так как каждая культура имеет свою систему социальных стереотипов, образов и когнитивных схем в своей основе, а за каждым вербальным знаком стоит фрагмент образа мира конкретной культуры.

В процессе перевода два концептуальных мира (автора и переводчика) взаимодействуют и, поэтому применение концептуального анализа дает возможность установить степень такого взаимодействия, иначе говоря, определить, насколько адекватно передана концептосфера художественного произведения в переводах. Считается, что без анализа концептуального пространства и концептосферы переводимого текста невозможна интерпретация произведения, близкая авторской. Художественное произведение отражает индивидуально-авторский мир – частный вариант концептуализации мира.

Анализ выявляет набор ключевых слов и для адекватного перевода необходимо сделать: 1) выделить слова-репрезентанты концепта в оригинале; 2) выявить характер взаимодействия; 3) выявить все возможные способы перевода.

Применение концептуального анализа, возможно, установит степень такого взаимодействия, и даст возможность определить, насколько адекватно передана концептосфера художественного произведения в переводах.

Об адекватности перевода можно говорить лишь тогда, если достигается точность передачи мыслительных образов, стоящих за языковыми знаками, означаемые языковыми знаками, или иначе, концептов, отраженных в оригинальном художественном произведении. Теоретическое осмысление и переводческий анализ концептов в художественном переводе привели к выводу, что знаковая природа культурного концепта закреплена за определенными вербальными средствами реализации, совокупность которых составляет план выражения имени концепта.

Образные составляющие имени концепта в исходном языке, имеющие национально-специфическую характеристику и ценностные смыслы, – подвергаются в переводе значительным преобразованиям, достигающим, например, в концепте «Мать» 52%, в то время как дословный перевод составляет 45%.

Концептуальному анализу подверглось раннее произведение Ч. Айтматова «Материнское поле» (1967) перевод Джеймса Риордан в 1989 году. Концептуальный перевод показал, что такой большой разрыв передачи лексико-семантических составляющих концепта с исходного языка на переводящий язык, обусловлен, возможно, различиями концептуальной структуры, существующей как на языковом уровне, так и на уровне мыслительных концептов.

Адекватный перевод может быть успешным в случае использования концептуального анализа как метода исследования, что позволяет переводчику передать значения концепта из одного языка на другой в виде межкультурной трансформации, уменьшая тем самым переводческие потери, которые сопровождают переводчика в процессе его работы над иноязычным художественным текстом. В результате использования концептуального анализа имени концепта переводчиком удалось смоделировать структуру языкового сознания автора в виде концептосферы исходного языка и соответственно, подобрать адекватные ресурсы для его перевода. В переводе концепта «Мать» из произведений Ч. Айтматова прием дословного перевода составляет менее половины (45%), в большинстве случаев используются переводческие трансформации (опущение, добавление, дословный перевод, антонимический перевод и целостное преобразование), позволяющие использовать различные эквивалентные отношения, приводящие к адекватному переводу с сохранением концептуальной модели и замысла автора в тексте перевода.

Концепт «Мать» в произведениях Чингиза Айтматова – это идеальное сочетание любви, благородства, нежности, очарования, а также забота о близких. В произведении «Материнское поле» у концепта «Мать» наиболее запоминающимися моментами оказались названия, связанные с разумом и красотой женщины, которые собирают основу данного концепта и указывают о наиболее важных для кыргызского народа качествах, присущих женщине. При этом женственность связана не со слабостью, а с силой, стойкостью, твердостью, терпением, приверженностью (в первую очередь материнскою), а также разумом и красотой.

В произведении можно наблюдать разные способы выражения концепта «мать», которые передаются различными способами в тексте ПЯ:

1) Приближенный перевод выделяемой единицы, так как предоставленный тип перевода не предполагает точной передачи языковой формы языка и в тоже время раскрывает адекватное содержание оригинала.

(1) *Вот она останавливается и долго смотрит вокруг потускневшими, старыми глазами* [11: 117]. *She has stopped and gazes about with the dull eyes of old age* [12: 3].

(2) Но хотя никогда не носила я шелкового платья, выросла **приметной девушкой** [11: 119–120]. *Yet though I never had a silk dress, I grew into an attractive girl* [12: 5].

(3) Для матери все дети равны, всех одинаково носишь под сердцем, и все же Маселбека я вроде больше любила, гордилась им [11: 126]. *A mother loves all her children, she carries all of them in her heart, and yet, I think I loved Maselbek more than the others* [12: 10].

2) Лексические замены.

(1) – Садись, Толгонай. Не стой, **ноги-то у тебя большие** [11: 119]. – *Sit down, Tolgonai. Don't stand there, your legs are tired* [12: 4].

(2) **Чудная была я, ей-богу** [11:120]. *I certainly was a funny girl* [12: 5].

(3) **И работа спорилась в моих руках, я всегда любила работать** [11: 125]. *I was a good worker, I always liked to work* [12: 10].

(4) Тогда я была **быстроногой косматой девчушкой** [11: 119]. *I was a fleet-footed young girl with flying hair then* [12: 4].

3) Добавление.

– Здравствуй, Толгонай. Ты пришла? **И еще постарела. Совсем седая. С посошком** [11: 117]. – *Hello, Tolgonai. So you've come? You've got much older. Your hair is white. And you carry a staff* [12: 3].

4) Дословный перевод.

(1) На что я считалась **быстрой жницей**, а всегда отставала от него [11: 120]. *Though they said I was a fast reaper, I could never keep up with him* [12: 5].

(2) – Эй, солнце, смотри, вот моя **жена!** Смотри, какая она у меня! [11: 123] – *Hey, Sun! Look, here's my wife! See what a wife I have!* [12: 7].

(3) Трактор уходил все дальше и дальше, а я стояла **обессиленная** и смотрела вслед [11: 125]. *The tractor receded farther and farther away, but I just stood there helplessly, following it with my eyes* [12: 9].

(4) То была самая лучшая пора моего **материнства** [11: 125]. *Those were the best years of my motherhood* [12: 10].

(5) Может, оттого, что втайне я всегда мечтала **о дочери**, хотелось мне иметь дочку свою [11: 126]. *I had always secretly dreamed of a daughter of my own* [12: 10].

(6) **Все, что видели глаза мои, все, что я слышала и ощущала**, – все, казалось мне, создано для меня, для моего счастья, и все, казалось мне, полно **необыкновенной красоты и радости** [11: 129]. – *Everything my eyes saw, everything I heard and felt, everything, I thought, was created for me, for my happiness, and everything, I thought, was brimming over with such beauty and joy* [12: 12].

(7) – Да, **мать земля**, поневоле станешь такой. Если бы только я одна была – ведь не осталось ни одной семьи, ни одного человека, не схваченного за горло войной [11: 153]. – *Yes, Mother-Earth, life can change a person like that. It was not I alone. There is not a single family, not a single person whom war has not seized by the throat* [12: 12].

(8) Для матери все дети равны, всех одинаково носишь под сердцем [11: 126]. *All children are equal to a mother; you carry them all in your heart without distinction* [12: 10].

5) Приём целостного преобразования.

(1) **Эх, мать, мать...** Не подумала я в тот час, куда же проезжает мой сын, в какую сторону [11: 147]. – *Mother is always a mother ... I did not stop to think then which way my son was heading* [12: 28].

б) Транслитерация.

(1) *В эту минуту раздался рядом крик: – Мама-а-а! Алима-а-ан!* [11: 152] – *And then someone shouted: – “Мама-а-а! Alima-a-an!”* [12: 32]

Итак, в ядро концепта «*мать*» входит обращение к матери, наиболее часто употребляемое «мама». Также в структуру ядра входит сам образ матери, заботливой, нежной, сочувствующей своим детям, поддерживающей их, гордящейся за них и способной в любой момент прийти на помощь. К земле также обращаются как к матери, потому что земля – мать-кормилица.

Как можно наблюдать, концепт «*Мать*» в произведении «Материнское поле» имеет индивидуально-авторскую специфику, и является воплощением чистоты, беспорочности, невинности, верности, надёжности и преданности.

Специфика перевода не предполагает дословный перевод языковых единиц. И это необходимо помнить, чтобы в дальнейшем не сталкиваться с проблемами межъязыковой коммуникации. Таким образом, концепты не должны быть переведены дословно, а лишь определены или описаны, так как важно при переводе сохранить концептуализацию и ту экспрессивно-эстетическую нагрузку, которую они несут, в художественных текстах. Это и является главными определяемыми лексемами, что и является важной особенностью при концептуальном переводе художественного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрович Н.В. Концептосфера художественного произведения и средства ее активации в переводе (на материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и его переводов на русский язык). – М.: ФЛИНТА, 2016. – 182 с.
2. Воркачев С.Г. *Studia selecta*: избранные работы по теории лингвокультурного концепта: монография. – Волгоград: Парадигма, 2013. – 167 с.
3. Казарин Ю.В. Лингвистический анализ текста: учебное пособие для академического бакалавриата / под науч. ред. Л.Г. Бабенко. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2019; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 132 с.
4. Киреева Д.М. Метафорическое переосмысление концептосферы *head* / голова в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2010. – 28 с.
5. Клебанов Н.Г. Формирование и способы репрезентации индивидуально-авторских концептов в англоязычных прозаических текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2005. – 24 с.
6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – С. 280–287.
7. Мальцева И.Г. Адекватность перевода цветowych концептов Г. Тракля на русский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 23 с.
8. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 180 с.
9. Мишланова С.Л., Пермякова Т.М., Шляхова Л.Ю. Трансформации культурных ценностей при переводе мультимодальных произведений (на материале текстов песен из мультипликационного фильма) // Вестник Пермского университета. 2013. Российская и зарубежная филология. – Вып. 4 (24). – С. 104–115.
10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – С. 42–67.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ АНАЛИЗА:

11. Айтматов Ч. Т. Повести и рассказы: однотомник. – Фрунзе: Молодая гвардия, 1970. – 620 с.
12. Aitmatov Ch. T. *Mother Earth*. – URL: <http://www.arvindguptatoys.com/arvindgupta/aitmatov-motherearth.pdf>

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ (на материале удмуртского языка)

И.А. Леконцева

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (Ижевск)

В статье рассматривается семантическая классификация безличных предложений. Проводится структурно-семантический анализ безличных предложений удмуртского языка, обозначающих психофизиологическое состояние человека. Выделяются четыре группы безличных предложений со значением «состояние человека». Приводятся примеры из текстов художественных произведений удмуртских авторов.

Ключевые слова: удмуртский язык, синтаксис, безличные предложения, категория состояния.

The article considers the semantic classification of impersonal sentences. The structural and semantic analysis of impersonal sentences of the Udmurt language denoting the psychophysiological state of a person is carried out. There are four groups of impersonal sentences with the meaning “human condition”. Examples from the texts of artistic works by Udmurt authors are given.

Key words: Udmurt language, syntax, impersonal sentences, status category.

Безличные предложения, будучи разнообразными по своей семантике в системе односоставных предложений, вызывают особый интерес у лингвистов и представляют собой один из самых сложных и заслуживающих внимания аспектов изучения синтаксиса.

Безличным называют односоставное предложение, главным членом которого является сказуемое. А.В. Петров рассматривает безличное предложение как основной способ выражения категории безличности, главной характеристикой которой является отсутствие субъекта, т. е. бессубъектность. На семантическом уровне бессубъектность определяется независимым от деятеля или носителя действием или состоянием [8: 16].

В традициях русского языкознания принято выделять четыре семантические группы безличных предложений: 1) сферу стихийных явлений природы; 2) сферу стихийных явлений организма; 3) сферу модальности; 4) сферу наличия, существования [10: 273]. В удмуртском языке выделяются близкие семантические группы: 1) физические и психологические чувства, ощущения; 2) явления природы; 3) необходимость, долженствование действия; 4) состояние, существование [2: 199].

Русский лингвист А.В. Петров утверждает, что семантически безличные предложения можно разделить на две большие группы: бессубъектные и субъектные, т. к. в последних субъект косвенно представлен в предложении. Основываясь на структуру и семантику предложений, ученый выделяет следующие группы безличных конструкций: 1) бессубъектные; 2) локативно-субъектные; 3) дативно-субъектные; 4) объектно-субъектные; 5) инструментально-субъектные; 6) неопределенно-субъектные; 7) безлично-результативные; 8) инструментально-тематические; 9) безлично-генитивные; 10) безлично-модальные; 11) безлично-оценочные; 12) контактно-относительные [8: 21].

В русском языке предложения, обозначающие психическое и физическое состояние человека, относятся, по мнению А.В. Петрова, к локативно-субъектным, дативно-субъектным, объектно-субъектным и инструментально-субъектным конструкциям безличных предложений [8: 74].

Основной целью данной статьи является структурно-семантический анализ безличных предложений удмуртского языка, обозначающих психофизиологическое состояние человека. Материалом исследования послужили примеры из текстов художественных произведений следующих удмуртских авторов: Г.Д. Красильникова, Р.Г. Валишина, С.А. Самсонова, Г.К. Перевощикова, Г.У. Медведева.

Опираясь на представленную А.В. Петровым структурно-семантическую классификацию, безличные предложения в удмуртском языке, обозначающие психофизические чувства, состояния человека, можно разделить на следующие группы:

1. Безличные предложения, в которых состояние обозначено действием, происходящим на месте определенных частей организма человека. При этом состояние может быть связано как с физическими, так и с психологическими ощущениями.

Предложения данного типа А.В. Петров относит к локативно-субъектным, так как в качестве главного элемента в данных предложениях выступает локатив, т. е. место концентрации чувств и ощущений человека [8: 32].

Сюда можно отнести следующие примеры предложений: *Берло солэн йыраз шуккиз: шайкоросэз кузове пуктыны юрттоно ук...* (Р. Валишин) ‘Позже в ее голову ударило: гроб в кузов погрузить же помочь нужно...’; *Роман ачиз но пумит өвёл вылэм – өжытак коть, оло, сюлмаз гомась, йырзэ поромытись тылжэуэз басыласал, а то, кин тодэ, шёдтэк кылид ке, чылкак онгратыса, пушкад тэрытэк, педпала но туджытскоз* (Г. Перевощиков). ‘Роман и сам был не против – хоть немного, возможно, в сердце пылающее, головокружительное пламя утихло, а то, кто знает, если ошибешься, вовсе до потери сознания, внутри не уместившись, и наружу выльется’; *Соку гинэ Хохлаковлэн йыраз чилектэ кадь: чапак со жытэ верам кыльёссэ сцена вылын но вера ук!* (Р. Валишин) ‘Только тогда в голове у Хохлакова будто разразилось: точно в тот вечер сказанные слова и на сцене же говорит!’; *Машалэн соку йыраз но ёз лыкты, малы нырысь урокысен ик быдэс кыльёсыз лыдзон бордысен кутскизы* (Р. Валишин) ‘Маше тогда и в голову не пришло, почему с первого же урока [они] начали с чтения целых слов’.

2. Предложения, в которых состояние человека обусловлено внешними обстоятельствами. Ощущения связаны с какими-либо душевными внутренними переживаниями, психическим состоянием, эмоциональной нагрузкой, физическим состоянием организма в связи с окружающей обстановкой.

Состояние выражается общим самочувствием, самоощущением субъекта, который обычно косвенно выражен существительным в дательном падеже. Предложения такого типа в русском языкознании принято называть дативно-субъектными [8: 36].

К данной группе можно отнести следующие примеры на удмуртском языке, в которых существительное в дательном падеже вбирает в себя субъектное значение. Среди них предложения, обозначающие психологическое состояние: *Чидантэм мёзмыт луиз солы* (Г. Медведев) ‘Невыносимо тоскливо стало ему’; *Соин ик, та сярись малтаса, Романды мёзмылэсгес луиз* (Г. Перевощи-

ков) ‘Поэтому, думая об этом, Роману скучновато стало’; – *Да-а, тистуосыдлэн шуба шуныт, – котыр учкемъяз мӧзмыт потыны кутскиз Гришалы* (С. Самсонов) ‘– Да-а, у деревьев твоих шуба теплая, – вокруг оглядываясь, грустно начало казаться Грише’. Предложения, отражающие физическое состояние: *Миколайлы пӧсь луиз* (Г. Медведев) ‘Миколаю жарко стало’; *Секыт ик вал уго анаезлы* (С. Самсонов) ‘Тяжко же было маме’; *Чукна пал мыным туж кезьыт луиз* (Р. Валишин) ‘К утру мне очень холодно стало.

Однако встречаются примеры, в которых косвенный субъект в предложениях отсутствует. К ним относятся следующие предложения, выражающие психологическое состояние: *Ой, ой вал соку мӧзмыт* (С. Самсонов) ‘Нет, не было тогда грустно’; *Соку ик котыр кышкыт луиз* (Г. Красильников) ‘Тогда же вокруг страшно стало’; *Мукетьёсыз но со съӧры уиськыны тыршо – возьыт ук мӧйы адямилэсь бере кыльыны* (Г. Красильников) ‘И другие за ней угнаться пытаются – стыдно же позади пожилого человека оставаться’. Предложения, выражающие физическое состояние: *Секытгес ке но луиз, книгалэсь ӧз люкиськы ни* (С. Самсонов) ‘Хоть и сложновато стало, с книгой не различалась уже’; *Мар таёе пӧсь кариськиз?* (Г. Красильников) ‘Что ж так жарко стало?’; *Шоканы ик жӧокыт* (Г. Красильников) ‘Аж дышать тяжело’; *Соос пырем бере корка пушкын соку ик жӧокыт луиз кадъ* (Г. Красильников) ‘После их прихода в доме тогда же тесно будто стало’.

3. Предложения, обозначающие действия, направленные на определенный объект, на конкретного человека, на процессы и части человека. Действия связаны с некой внешней силой, самопроизвольными процессами, которые оказывают определенное воздействие на внутренние ощущения субъекта, на его восприятие окружающей действительности.

Такие предложения определяются как субъектно-объектные, так как объект в них выражен в винительном падеже и косвенно отражает в себе субъектное значение [7: 273].

К таким предложениям относятся следующие примеры: *Табере со шукиськем интыез чӧгъя, кыска* (Г. Архипов) ‘Теперь то ушибленное место колет, тянет’; *Ой, кыёе татчы сюлэмес кыске вал!* (Р. Валишин) ‘Ой, как сюда наше сердце тянуло!’; *Пыдъёссэ но, пересьёс сямен, кжык-кжык гинэ кыска* (Р. Валишин) ‘И ноги, как у стариков, кжык-кжык только сводило’; *Ульчаын кезьыт, бамез чепылля, куддыръя синтэм-пельтэм жоба, нош татын возж куаръёс, льӧль чебер сясыкаос* (Р. Валишин) ‘На улице холодно, щеки щиплет, иногда сильно метет, но здесь зеленые листья, красивые розовые цветы’.

4. Инструментально-субъектные предложения, выделяемые А. В. Петровым, в русском языке передают психофизическое состояние человека, посредством выражения как объекта действия, так и орудия, воздействующего на объект [8: 62]. К таким предложениям ученый относит следующий пример: *Пусть как-нибудь – и тоской сжимало сердце*. Объектом в данном случае является *сердце*, а орудием, воздействующим на объект выступает *тоска*. На удмуртский язык данное предложение можно перевести следующим образом: ‘Ӧвӧлтэм маке – но мӧзмонэн пачкатэ сюлэмзэ’. В удмуртском языке предложения такого типа встречаются крайне редко, так как орудие чаще всего выражается в именительном падеже и в предложении является подлежащим, например: *Мӧзмыт кыржан сюлэмез позыртэ* (В. Ар-Серги) ‘Грустная песня сердце сжимает’. При такой структуре предложение теряет свою безличность.

Таким образом, безличные предложения, выражающие физическое, психофизиологическое состояние человека, в удмуртском языке можно разделить на следующие группы: 1) предложения, выражающие состояние, концентрирующееся на определенной части организма (локативно-субъектные); 2) предложения, обозначающие общее состояние (дативно-субъектные); 3) предложения, выражающие действия, направленные на определенный объект (объектно-субъектные); 4) предложения, выражающие состояние через объект и субъект, воздействующий на объект (инструментально-субъектные). Все виды предложений характеризуют как психологическое, так и физическое состояние человека. Наиболее употребительными в удмуртском языке являются предложения второго типа, так как связаны они с повсеместным состоянием человека, не концентрируясь на конкретных объектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валишин Р.Г. Тодметъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 312 с.
2. Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения / Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете министров Удмуртской АССР; под. ред. В.И. Алатырева. – Ижевск: Удмуртия, 1970. – 246 с.
3. Красильников Г.Д. Огшоры нунал. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1953. – 87 с.
4. Медведев Г.С. Лёзя бесмен. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 709 с.
5. Национальный корпус удмуртского языка: сайт. – URL: <https://udmcorpus.udman.ru/> (дата обращения: 12.08.2024)
6. Перевошиков Г.К. Гужем лымы. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 261 с.
7. Петров А.В. Объектно-субъектные безличные предложения, выражающие состояние человека // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: сб. материалов Всерос. конф., посвящ. 115-летию со дня рождения проф. И.А. Фигуровского. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. – С. 273–279.
8. Петров А.В. Система безличных предложений в современном русском языке: учеб. пособие. – Москва: ФЛИНТА, 2014. – 162 с.
9. Самсонов С.А. Лъёмпу сяськая. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1961. – 201 с.
10. Степанов Ю.С. Личности-безличности категория // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 272–273.

УДК 811.512.145

КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПРИЧАСТИЙ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Г.Ф. Лутфуллина

Казанский государственный энергетический университет (Казань)

В статье рассматриваются особенности перевода причастия будущего времени татарского языка, определяющего темпоральный рисунок высказывания на русском языке. Целью данной статьи является определение особенностей машинного перевода причастия татарского языка на русский язык. Практический материал представляют собой фразы из Письменного корпуса татарского языка. Научная новизна исследования состоит в определении вариантов перевода причастия будущего времени на русский язык с татарского языка. В результате проведенного исследования было установлено, что причастие будущего времени татарского языка чаще переводится придаточным предложением времени, чем эквивалентным причастием на русском языке. Задача исследования – дать количественную и

качественную характеристику основных тенденций в переводе причастия будущего времени на *-асы/-эсе (-ыйсы/-исе)*.

Ключевые слова: причастия, татарский язык, перевод, темпоральный контекст.

The article examines the features of translating the future participle of the Tatar language, which determines the temporal pattern of a statement in Russian. The purpose of this article is to determine the features of machine translation of the Tatar participle into Russian. The practical material is phrases from the Written Corpus of the Tatar Language. The scientific novelty of the study consists in determining the options for translating the future participle into Russian from the Tatar language. As a result of the study, it was found that the future participle of the Tatar language is more often translated by a subordinate clause of time than by an equivalent participle in Russian.

Key words: participles, Tatar language, translation, temporal context.

Введение. Причастия традиционно являются ядерными средствами выражения таксисных значений, то есть служат для репрезентации сопровождающих ситуаций. Проблемы перевода причастий является одной из центральных при воссоздании темпорального контекста высказывания. Целью данной статьи является определение особенностей машинного перевода причастия татарского языка на русский язык.

Актуальность определяется значимостью вопросов перевода и проблемой адекватности передачи значений темпорального контекста. Эмпирическим материалом выступают примеры из Письменного корпуса татарского языка (corpus.tatar).

Теоретической базой исследования послужили труды татарских ученых, а именно М.М. Аглиуллина [1]; Г.Ф. Лутфуллиной, И.В. Марзоевой, Г.З. Гилязиевой, И.П. Назаровой, Д.А. Демидкиной [2]; Б.К. Миннуллиной [3], Р.К. Сагдиевой, Д. Х. Хуснутдинова, И. К. Сибгатуллиной [4]; Ф.М. Хисамовой [5]; А.А. Юлдашева [6], Ф.Ф. Гилемшина, Г.Р. Галиуллиной [7].

Использованный в работе метод семантического анализа позволил выявить специфику формирования и репрезентации темпоральной семантики при переводе.

Обсуждение и результаты. В современном татарском языке выделяется шесть форм причастий:

1 форма прошедшего плана на *-ган/-гэн (-кан/-кэн)* *кычкырган бала – кричавший ребенок;*

2 формы настоящего плана на *-учы/-үче* *кайтучы кунак – приезжающий кунак* и на *-а торган / -э торган (-ый торган / -и торган)* *биш торган кыз – танцующая девушка;*

3 формы будущего плана на *-ыр/-ер, -р (-ар/-эр)* *кайтыр кунак – гость, который приезжает;* на *-ачак/-эчэк (-ячак/-ячэк)* *узачак гомер – жизнь, которая пройдет;* на *-асы/-эсе (-ыйсы/-исе)* *уятасы хисләр – чувства, которые будут порождены.*

Сложности возникают с переводом причастий будущего времени, так как зачастую приходится прибегать к помощи модальных глаголов в русском языке для передачи оттенков категоричности, присутствующих в семантике данных форм. Если граммемы будущего времени татарского языка подразделяются в соответствии со степенью определенности – Будущее определенное с высокой степенью категоричности и Будущее неопределенное, включающее значение возможности. В значениях причастий будущего времени данные

оттенки также присутствуют, что и приводит к использованию модальных глаголов в русском языке.

Из Письменного корпуса татарского языка были отобраны 20 примеров с причастием *ашасы* и проанализированы результаты машинного перевода. Данный метод был использован ввиду отсутствия параллельного корпуса татарского языка с наличием готовых вариантов перевода татарских фраз на английский или русский язык. В дальнейших исследованиях планируется создание начального параллельного корпуса с татарским и английским языками.

В Письменном корпусе татарского языка выявлено 122 причастия *ашасы*, однако не все соответствуют глаголу *ашарга / кушать*, а являются омонимичными формами глагола *ашырга / взлетать, возноситься* (1) – (2).

(1)... күккә *ашасы* килми иде (Аяз Гыйләжев. Балта кем кулында?: роман. 2008).

(2) Күкләргә *ашасы*, шашасы килә! (Илдар Юзеев. Сайланма әсәрләр. 5 томда. 4 т.: Шигырьләр, хикәяләр, сәхнә әсәрләре. 2002).

Далее помеху или так называемый “шум” создавала омонимичная форма имени действия *ашау* в составе глагольно-именного комплекса *ашасы килә – хочется кушать* (3).

(3) ...хыялларның азмы *чынга ашасы*?! (Роберт Әхмәтжан. Таш аргамак: Шигырьләр, поэмалар, балладалар. 2005).

Омонимичной также является форма в составе глагольно-адъективного комплекса *хыялга ашарга* (4).

(4) Каймак *ашасы* бик килә... (Галиәсгар Камал. Әсәрләр. Өч томда. 2 т.: Пьесалар, эстрада әсәрләре, шигырьләр. 2010).

Большинство примеров выражали желание съесть что-либо конкретное (4).

Примеров функционирования в темпоральном значении для причастия *ашасы* не обнаружено. Даже если попытаться передать значение данного причастия на русский язык, то это вызывает некоторые трудности: *ашасы алма – яблоко, которое (нужно, должно быть) будет съедено*. Данный оборот речи не свойственен русскому языку, а только передает буквальное значение причастия в виде придаточного предложения с предикатом в форме будущего времени и страдательного залога.

Причастие будущего времени на -асы/-әсе (-ыйсы/-исе) несет семантику футуральности, то есть отнесенности в будущее, а также семантику или страдательного залога, то есть действие производится на чем-либо, или активного залога, например, *кайтасы кеше*. Следующее причастие будущего времени *язасы*, ставшее предметом анализа, было более частотным с количеством токенов в Письменном корпусе татарского языка, равным 2631.

При анализе 100 примеров были выявлены аналогичные проблемы с помехами – обилие омонимичных форм. Однако нам удалось выявить 20 примеров из 100 с реализацией функции причастия, то есть 20% процентов употребления данной формы приходится на причастия будущего времени. Все примеры были переведены на русский язык с помощью онлайн переводчика: Русско-татарский переводчик – TatSoft. Переводчик (translate.tatar).

Результаты переводов были проверены нами на правильность и выявлены как ошибки машинного перевода, так и наиболее частотные правильные варианты.

(5) ... мөгаен, аның *язасы сүзләре* бик күп булгандыр... / ...наверное, у него было много слов, которые он написал... (Габдрахман Әпсәлә-

мов. Сайланма эсэрләр: 5 томда. 4 т.: Балалар өчен шигырләр, хикәяләр. 2002).

(6) Миргазиян ашыга, *язасы темалар* аңа тынгылык бирми / Миргазиян торопится, *темы, которые ему нужно писать*, не дают покоя. (Гөлфия Гайнуллина. 1960–1980 еллар татар прозасы тарихы (II кисәк) 2012).

(7) *Язасы сүзләр* байтак. / *Много слов, которые нужно написать*. (Дамир Гыйсметдин. Атта да, тәртәдә дә...: юмористик хикәяләр, шигырләр, жырлар, юльязмалар, уйланулар 2007).

(8) *Язасы мәкаләгә* исемне ни дип куярга икән? / Как назвать статью, которую *нужно написать*? (Ләбиб Лерон. Кояшны кочкан малай: Шигырләр, жырлар, әкиятләр, мээәкиятләр, шигъри әкиятләр, әкият-пьесалар 2004).

(9) ... бер генә *язасы шигыр* / Одно стихотворение ??? (Илдар Юзеев: истәлекләр, әңгәмәләр, шигырләр 2008).

(10) ... *язасы кәгазьләрен* язды. / ... *писал бумагу*. (Искәндәр Сиражи. Бер утыру – бер гомер: кыйсса, бәяннар, хикәяләр 2009).

(11) Гайре нә язаем, хатны озын яза белмәймен, *язасы сүзләр* / Пишу, не умею писать длинных писем, *пишу слова* (Каюм Насыри. Сайланма эсэрләр. 4 томда. 3 т. 2006).

Анализ переводов в целом показал, что использование машинным переводчиком придаточных предложений позволяет получить адекватный перевод (5) – (8). В составе данных придаточных предложений предикаты встречаются иногда в форме прошедшего времени (5), однако в большинстве случаев отмечается употребление модального слова *нужно* в сочетании с инфинитивом (6) – (8). В остальных случаях предложение или не переводится (9), или переводится личной формой глагола в прошедшем (10) или настоящем времени (11). Во всех случаях не передается семантика будущего времени, свойственная причастию татарского языка.

Корректный перевод данного причастия на русский язык представляется нам следующим: *язасы хат – письмо, которое (нужно, должно быть) будет написано*. Использование страдательного залога сохраняет семантику актанта-экспериансера, а форма будущего времени соответствует темпоральному значению причастия.

Для глаголов активного залога перевод не представляет трудностей *кайтасы кеше – человек, который придет*, хотя также используется придаточное предложение.

Перспектива дальнейших исследований представляется нам в сопоставительном изучении переводов художественных произведений татарских писателей, выполненных на русский язык профессиональными переводчиками, для верификации полученных вариантов перевода.

Выводы. При машинном переводе на русский язык татарских причастий будущего плана на -асы/-әсе (-ыйсы/-исе) сохраняется как правило лишь сема активного / пассивного залога, значение следования не передается. Наиболее частотным вариантом является перевод придаточным предложением с модальным глаголом долженствования. Вариантов перевода причастием русского языка не выявлено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аглиуллин М. М. Особенности перевода причастий с татарского на русский язык // Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы, истории и религии: IX Международная тюркологическая конференция. – 2018 – С. 247–249.

2. Лутфуллина Г.Ф., Марзоева И.В., Гилязиева Г.З., Назарова И.П., Демидкина Д.А. Современные направления сопоставительных исследований темпоральности // Современный ученый. – 2024. – № 1. – С. 185–192.
3. Миннуллин Б.К. Формы функционирования причастия прошедшего времени в текстах татарской периодической печати начала XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. – № 11. – С. 147–150.
4. Сагдиева Р.К., Хуснутдинов Д.Х., Сибгатуллина И.К. Сравнительный анализ причастия татарского и турецкого языков // Liberal Arts in Russia. – 2018. – Vol. 7. No. 5. – С. 123–127.
5. Хисамова Ф.М. Татар теле морфологиясе. – Казан: Магариф, 2006. – 122 с.
6. Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. – М.: Просвещение, 1977. – 134 с.
7. Gilemshin F. F., Galiullina G.R. Past participle in kyssa Tatar texts of the late XIX – early XX centuries 2022 Электронный ресурс. URL: https://www.researchgate.net/publication/358037061_Past_participle_in_kyssa_Tatar_texts_of_the_late_XIX_-_early_XX_centuries.

УДК 811.35

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОВРЕМЕННУЮ ЯЗЫКОВУЮ СИТУАЦИЮ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Д.М. Магомедов

ИЯЛИ имени Г. Цадасы ДФИЦ РАН (Махачкала)

В настоящее время миграционные процессы, интенсивно происходящие в Дагестане, оказывают влияние на разные аспекты жизни, в том числе на языки. В последние десятилетия произошли значительные изменения в характере миграций населения. В горных районах и на равнине это привело к существенным переменам в этнокультурной жизни переселенцев. В равнинной части региона население увеличилось, в то время как численность жителей горных районов сократилась.

Отрыв части населения от своих национальных корней, деформация этнического самосознания и потеря родного языка стали следствием невозможной утраты духовных ценностей.

Ключевые слова: миграционный процесс, дагестанские языки, культура, билингвизм, русский язык.

Currently, migration processes, which are intensively taking place in Dagestan, have an impact on various aspects of life, including languages. In recent decades, there have been significant changes in the nature of population migrations. In mountainous areas and on the plains, this led to significant changes in the ethnocultural life of the settlers. In the lowland part of the region, the population has increased, while the number of inhabitants of mountainous areas has decreased.

The separation of a part of the population from their national roots, the deformation of ethnic identity and the loss of their native language were the result of an irreparable loss of spiritual values.

Key words: migration process, Dagestan languages, culture, bilingualism, Russian language.

В Дагестане за последние десятилетия значительно изменился этнокультурный облик из-за миграционных потоков, которые начали оказывать существенное влияние на этническую структуру населения, начиная еще с середины

прошлого века. Миграции привнесли большие изменения в социально-экономическую ситуацию региона, хотя общая этносоциальная динамика в Дагестане сохраняет относительную стабильность как в прошлом, так и в настоящее время.

Первоначально переселенцы, как правило, обосновывались в жарких степных районах на равнине, где сталкивались с недостаточно освоенными в хозяйственном плане территориями. Вследствие тяжелых климатических условий равнинных областей и сложностей адаптации некоторые горцы временами возвращались обратно.

С первого дня старшее поколение горцев, сильно привязанных к своей исторической родине, не хотело переселяться на равнину. После переезда они не могли привыкнуть к новым, нередко не подходящим для них природно-климатическим условиям, к менее чистому воздуху и худшему качеству питьевой воды. Процесс бытовой и хозяйственной адаптации у горцев протекал очень сложно.

Ментальность горцев, привязанность к родине предков и привычному образу жизни, тормозило их переселение на равнину, в то время как современные социально-экономические, культурные условия соблазняли их к миграции. Обусловленный рядом причин, включая малоземелье горных районов, суровые природно-географические условия, отсутствие элементарных современных социальных условий и бездорожье, способствовал этому процессу.

Миграционные потоки в Дагестане демонстрировали разнообразие и неорганизованность. Регулярно занимаясь отходничеством, лакцы первыми из дагестанцев начали покидать свою историческую родину. К концу XX века переселение горцев на равнины стало гораздо обширнее, чем планировалось, и охватило все больше жителей региона [6: 79].

Мигранты, попадая на равнину, сталкивались с новой этнической средой, что приводило к постепенным изменениям в их этнокультурном облике уже в течение одного поколения. Локально-специфические черты культуры исчезали, сфера влияния родного языка сужалась, наблюдалась деформация этнического самосознания и традиционной культуры, а бытовая культура существенно снижалась.

Например, в результате перемещения на равнину, андо-цезские народности потеряли контакт с аварской языковой и этнокультурной средой, которую они сохраняли в горах веками. Теперь на равнине русский язык занял место аварского языка, который сегодня оказался не востребованным для представителей андо-цезских народностей.

После переселения горцев Дагестана на равнину, произошли значительные изменения в их этнической и культурной сфере, что существенно повлияло на этнодемографическую обстановку как в горах, так и на равнине. Изменения привели к разрушению давних культурных традиций и уклада жизни горцев, что привело к значительным изменениям в горской культуре. Были утрачены духовные ценности, произошло отрыв части населения от своих национальных корней, забвение родного языка и искажение этнической самоидентификации. Единственное, что остается связующим звеном для некоторых горцев с их этносом, – это осознание своих корней, хранящееся в памяти.

Этнический состав равнинных районов кардинально изменился после расселения горцев на них. Почти все районы на равнине стали многонациональными. Численность населения в горах резко уменьшилась, а на равнине возросла, в результате чего произошла активная деэтнизация как горцев, так и

равнинного населения. Горцы пережили значительные перемены в своей культуре из-за этнокультурных изменений, затрагивающих все сферы их жизни. Миграция привела к перестройке этнического и культурного облика горцев, влияя на их образ жизни. Особенно сильно изменилась языковая ситуация.

На протяжении веков дагестанцы активно взаимодействовали друг с другом, в результате чего сложились механизмы, способные обеспечить единую самоорганизацию и саморегуляцию. Они в какой-то мере компенсируют государственные пробелы в этой сфере. Миграция оказывает влияние на различные аспекты общественной жизни. Всегда существовало взаимодействие между различными народами и группами населения. А.В. Головнев отмечает, что «долгие века с момента эпохального «разделения труда» кочевники и оседлые сосуществовали в небесконфликтном, но устойчивом этногенезе» [1: 161].

В Дагестане миграционные процессы раскрывают новые аспекты социолингвистической ситуации, предоставляя дополнительную информацию для анализа.

Современные миграционные потоки требуют срочных мер от властей, так как эти процессы принимают катастрофические формы, требуя неординарного, щепетильного отношения и особых подходов к их изучению, восприятию и разрешению.

Множество факторов побуждают людей к перемещениям, однако ключевые мотивы связаны с улучшением жизненных условий, поисками новых возможностей в карьере, стремлением к образованию, изменениями в семейной жизни и так далее.

Миграционный процесс с гор на равнину становится все более распространенным среди различных этносов, как крупных, так и небольших. Особенно уязвимыми в этом отношении являются дагестанские языки, которые оказываются под угрозой исчезновения. По данным исследований, до 92 % учащихся в школах Махачкалы не владеют дагестанскими языками [4: 51]. Этот факт несет в себе серьезные и тревожные последствия, требующие серьезного внимания и экстренных действий.

Особую тревогу вызывают бесписьменные языки Дагестана, которые функционируют только в устной форме. История и культура носителей бесписьменных языков могут быть утрачены из-за отсутствия письменных памятников [7: 105].

Современная языковая ситуация в Дагестане такова, что письменные и бесписьменные языки стремительно вытесняются русским языком в образовании, на телевидении и в повседневном общении. В будущем такая тенденция может привести к радикальным изменениям в этнокультурной жизни дагестанцев. До тех пор, пока языки Дагестана не займут достойное место в области культуры, образования и науки, их государственный статус останется лишь формальным.

В результате стихийной миграции с гор на равнину произошло смешение районов и народов, что привело к потере родных языков. Однако необходимо отметить, что русский язык играет ключевую роль в городах как язык межнационального общения, в то время как родные языки постепенно теряют там свои функции. За последние десятилетия из-за неорганизованной миграции дагестанские языки стали второстепенными. Следует признать необходимость сохранения русского языка в качестве языка общения, но также важно придать дагестанским языкам статус официальных государственных языков.

Для сохранения дагестанских языков необходимо создать условия для проживания в горных районах. Без поддержки в развитии инфраструктуры, создании рабочих мест и проведении газа, в течение 50–100 лет мы рискуем потерять дагестанские языки. Опасность для этих языков сохранится, если носители языка не будут проживать компактно. Создание и обеспечение необходимых условий для горцев является ключевым вопросом в свете миграционных изменений. Такая политика приведет к росту экономики и сельского хозяйства в горных районах, что в свою очередь будет способствовать качественной реализации мер по организационной, учебно-методической и финансовой поддержке сельских школ. Этот шаг, по нашему мнению, будет способствовать максимальному упорядочиванию миграционной политики в регионе и постепенной регенерации дагестанских языков, что приведет к расширению сфер их применения.

Постоянное увеличение миграционных потоков с гор на равнину, особенно в города, свидетельствует о постоянной динамике и подвижности этого процесса, что, к сожалению, до сих пор не прекращается.

Для сохранения дагестанских языков в городах можно использовать метод создания национальных школ. Предположим, что в одном районе города открывается даргинская школа, в другом – аварская, а также другие школы, базирующиеся на национальных языках народов Дагестана. Важно, чтобы в каждом городе была хотя бы одна национальная школа. Патриоты родного языка будут отправлять своих детей именно туда, даже если школа будет находиться в другом конце города.

В современном дагестанском обществе влияние миграционного процесса негативно отражается также и на уровне владения русским языком. Русский язык в Дагестане играет ключевую роль в межнациональном общении, а также в сферах науки, образования, культуры и средствах массовой информации. В Дагестане русский язык сохраняет свою доминирующую роль на протяжении длительного исторического периода как основное средство общения, как между этническими группами, так и внутри них. Он является языком межнационального общения, однако в своем современном виде «дагестанский русский язык» представляет собой гибридный язык, отличный от норм русского литературного языка. Местные жители говорят на «дагестанском» или «махачкалинском» русском языке, который имеет свои особенности и отличия от стандартного русского языка.

Происходящие в Дагестане миграционные и демографические процессы не сужают сферу использования русского языка. Знание русского языка подразумевает понимание литературы, фольклора, традиций, песен и танцев русского народа в совершенстве. К сожалению, в «дагестанском русском языке» много штампов, искаженных слов и неправильного произношения [5: 188].

Сегодня мы обращаем мало внимания на то, что происходит с нашими языками, не задумываемся над тем, что человек, не владеющий родным языком, теряет связь со своим этносом, с происхождением, культурой и обычаями, что в определенной степени делает его уязвимым. Необходимо бескорыстно служить родному языку, так же, как и своему народу.

В современном Дагестане слились разнообразные культуры и многочисленные языки, образуя уникальное многообразие: здесь представлены 18 бесписьменных и 14 письменных языков [7: 18].

Сегодня мы замечаем, что в дагестанском обществе значительно повысился интерес к духовному наследию наших народов, их истории и богатой культуре.

Понимание важности своего исторического прошлого и культуры своего народа имеет ключевое значение для духовного развития человека. Без знания о жизни предков, об их героическом прошлом невозможно воспитать подрастающее поколение.

До сих пор молодежь продолжает стремительно переезжать из сел в города, и это явление невозможно остановить из-за обстоятельств экономического и социального характера, в результате чего рискуем потерять значительную часть нашего народа, лишив их доступа к своему родному языку, что вызывает беспокойство и тревогу.

Массовая миграция может привести ко многим негативным последствиям. Под воздействием миграционных процессов происходят изменения в этническом составе, социальной структуре и локализация населения, что может привести к глобальным языковым трансформациям, к культурным и социальным кризисам, включая потерю национальной идентичности. На сегодняшний день дагестанские языки находятся в зоне повышенного риска, и пока остается неясным, какие последствия их ждут в результате миграционных процессов [2: 206].

Сегодня необходимо стремиться к более взвешенному подходу в реализации языковой политики. Этот подход должен направляться на сохранение русского языка в качестве мощного инструмента для общения между народами, образования, культурного обогащения и карьерного роста. Также одновременно важно постепенно расширять возможности использования дагестанских языков и укреплять их авторитет.

Современная языковая ситуация в Дагестане вызывает серьезную тревогу. Сферы влияния родных языков сокращаются из года в год. В образовательной сфере недостаточно используются дагестанские языки, что является опасной тенденцией. Отсутствие нормативных актов по использованию родных языков в дошкольных учреждениях вызывает беспокойство. Следует закрепить законодательно обязательное изучение родного языка на всех факультетах вузов Республики Дагестан. Необходимо ввести ЕГЭ по родным языкам для выпускников дагестанских школ. По инициативе национально-культурных обществ можно также создать детские сады и другие образовательные учреждения, функционирующих на родном языке. К сожалению, до сих пор нет глубоких, системных исследований анализа языковой ситуации в регионе как в диахронном аспекте, так и синхронном [3: 60].

Важно сделать предмет родного языка и литературы одним из ключевых в школе, как в городской, так и в сельской местности. Для успешного решения этой задачи необходимо принятие «Закона о языках народов Дагестана». Следует также обязательно ввести ЕГЭ по родному языку и литературе.

Таким образом, со второй половины XX столетия Дагестан оказался втянут в обширные миграционные потоки, которые негативно сказываются на развитии местных языков. Массовая миграция в регионе ухудшает языковую обстановку и мешает сохранению национальных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). – Екатеринбург, 2009. – 496 с.
2. Магомедов Д.М. Актуальные проблемы функционирования дагестанских языков // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Материалы II Международной научной конференции (г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). – Элиста, 2016. – С. 205–206.

3. Магомедов Д.М. Языковая жизнь полиэтнического Дагестана: взаимодействие русского и дагестанских языков // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов. Труды X Всерос. съезда востоковедов, посвящ. 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана (Уфа, 7–10 октября 2015 г.). – Кн. 2. – Уфа, 2015. – С. 59–61.

4. Магомедов М.И. Гуманитарный Дагестан: язык, образование, культура. Махачкала, 2013. – 558 с.

5. Магомедов М.И. Проблемы билингвального образования в Республике Дагестан // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: материалы X Международной научно-практической конференции. – Казань: Отечество, 2019. – С. 187–190.

6. Современные миграционные процессы на Северном Кавказе: проблемы интеграции и повышения уровня толерантности: Материалы регион. науч.-практ. конф. (29–30 мая 2007 г.) / под общ. ред. Ю.Г. Ефимова и В.М. Вабелина. – Ставрополь: СГАУ, 2002. – 200 с.

7. Языки Дагестана. – Махачкала, 2000. – 552 с.

УДК 811.35

ДВУЯЗЫЧИЕ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

М.И. Магомедов

*Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
(Махачкала)*

В Дагестане одной из актуальнейших проблем языковой политики становится учет языковых интересов разнообразных этнических сообществ, где каждый язык имеет свои проблемные области и требует различной поддержки. Положение дагестанских и русских языков определяет языковую ситуацию в регионе, где дагестанские языки уступают русскому по социальному статусу, сферам применения и другим аспектам. При этом приоритеты языковой политики для этих языков различаются. Назрела необходимость принятия Закона «О языках народов Дагестана».

Ключевые слова: двуязычие, дагестанские языки, русские языки, глобализация, миграция, культура.

In Dagestan, one of the most pressing issues of language policy is taking into account the language interests of various ethnic communities, where each language has its own problem areas and requires different support. The position of the Dagestani and Russian languages determines the language situation in the region, where the Dagestani languages are inferior to Russian in social status, areas of application and other aspects. At the same time, the priorities of language policy for these languages differ. There is a pressing need to adopt the Law “On the Languages of the Peoples of Dagestan”.

Keywords: bilingualism, Dagestani languages, Russian languages, globalization, migration, culture.

Двуязычие (билингвизм) является одним из самых значимых языковых и культурных феноменов современного поликультурного общества. В многонациональном Дагестане функционируют 14 литературных языков, таких как аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, русский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский, чеченский. Наряду с ними, здесь также используются 18 бесписьменных

языков [5: 17–19]. Русский язык в Дагестане является не только языком межнационального общения, а также ключевым элементом образования, науки, культуры и политики в регионе.

Дагестан является уникальным полиэтническим регионом, отличающимся от других субъектов Российской Федерации. Здесь нет доминирующего этноса и языка государствообразующего народа. Дагестанские языки активно используются в повседневном общении, в образовании, в средствах массовой информации и т. д. Внутрисемейное общение и решение повседневных проблем в данном регионе также осуществляется на дагестанских языках, что отражает уникальные культурные особенности этого региона.

Дагестанцы отличаются своим идентификационным признаком, который заключается в принадлежности к дагестанскому народу и российской нации. Признание русского языка как средства межнационального общения имеет огромное значение не только в социокультурном и политическом контексте, но и как фактор формирования интеллектуального и образовательного облика дагестанца и россиянина, а также их взаимоотношений [3: 35–39].

Советские языковые концепции опирались на устаревшие представления о равенстве и свободе языкового разнообразия у народов, о полной гармонии в языковой сфере в многонациональном обществе, а языковая политика не учитывала уровень национального самосознания различных этнических групп. В рамках социолингвистических исследований по вопросам двуязычия и многоязычия учитывались только объективные факторы национально-языкового развития, такие как степень многонациональности в производстве, национальный состав населения, распределение жителей различных этнических групп, уровень функционального развития языка и другие. При этом не учитывались субъективные факторы, такие как национальное самосознание, место языка в иерархии национальных ценностей и этническая самоидентификация личности и т. д.

Русский язык широко используется дагестанцами для общения не только в своей республике, но и за ее пределами, в других регионах России и стран СНГ. Более шестисот тысяч представителей народов Дагестана живут постоянно в различных городах за пределами своей родины, что делает это явление важным и заслуживающим внимания. С каждым годом число дагестанцев, чья трудовая деятельность требует выездов за пределы республики, увеличивается. Необходимо отметить также растущую тенденцию поступления молодых людей из Дагестана в учебные заведения столицы и других крупных городов России. Эта группа дагестанцев, на практике, понимает важность владения русским языком на высоком уровне для успешной адаптации и профессионального роста в русскоязычной среде [1: 168–169].

В Дагестане формируется национально-русское двуязычие как принцип языковой жизни полиэтнического региона. Русский язык в Дагестане получил свой современный функциональный статус в результате исторических изменений, которые сделали его ключевым инструментом взаимодействия между различными народами региона. Национально-русское двуязычие, базирующееся на свободном выборе каждой личности, является основным принципом языковой жизни многонационального народа Дагестана.

В прошлом на арабском языке общались разнорациональные представители мусульманского духовенства, а в хозяйственно-деловой сфере использовались азербайджанский и кумыкский языки. Межэтническая комму-

никация носителей аваро-андо-цезских языков осуществлялась на аварском языке.

С середины прошлого века в Дагестане началась активная поддержка национальной культуры и языка, что привело к возникновению массового двуязычия среди населения. Открытие высших учебных заведений, техникумов и курсов специалистов в различных областях стало важным этапом в развитии образования и культуры региона. В 1938 году было принято решение перевести письменность народов Дагестана на кириллицу, что способствовало более глубокому взаимодействию между языковыми сообществами. Началось также преподавание на русском языке в старших классах [2: 60].

Все больше и больше людей в Дагестане становились носителями русского языка из-за изменяющихся обстоятельств. Они выбирают русский язык в качестве родного, хотя считают свой этнический язык родным. Однако это вызывает беспокойство у некоторых ученых-языковедов, которые считают, что это может привести к утрате языкового многообразия этноса. В результате, круг людей, не владеющих своим родным языком, продолжает расти.

В условиях широкого национально-русского двуязычия русский язык будет все более цениться и приобретать высокий социальный статус. Примеры демонстрируют, что уровень литературной грамотности у выпускников сельских школ существенно возрос за последние годы. На фоне этого следует отметить, что письменная грамотность современной молодежи оставляет желать лучшего, особенно у студентов вузов, которые ранее учились в сельских школах. Уровень культуры русской речи у жителей Дагестана также оставляет желать лучшего.

В Дагестане национально-русское двуязычие считается наиболее популярным и перспективным. Развитие национальных языков как членов билингвизма зависит от увеличения влияния русского языка в обществе и интереса общественности к его совершенному владению.

Под воздействием русского языка дагестанские языки, как компоненты двуязычия, испытывают позитивное воздействие. Это естественное и закономерное явление, которое неизбежно происходит в условиях функционирования языков.

В Дагестане уровень преподавания дагестанских языков в университетах оставляет желать лучшего, что свидетельствует о общем упадке их состояния в регионе. Не во всех городских школах предоставляется возможность изучать национальные языки. Некоторые учебные заведения совсем не затрагивают эту тему. А в тех, где предусмотрено обучение, далеко не все ученики участвуют в процессе изучения своего родного языка. Не все городские дети интересуются этим, многим не требуется практическое владение языком, и не все понимают ценность своего родного языка в культурном плане. Многие дагестанцы потеряли связь с родным языком из-за широкого распространения одностороннего национально-русского двуязычия, что привело к отчуждению от родного языка.

Русский язык является ключевым инструментом взаимодействия между различными нациями в Дагестане, обеспечивая коммуникацию как в учебных заведениях, так и в рабочих коллективах. Его широко используют в повседневной жизни городов и поселков, способствуя межнациональному объединению.

В Дагестане сегодня наблюдается недостаточное внимание к языковой политике, что приводит к неравному статусу русского и дагестанских языков.

Стремительное сокращение использования дагестанских языков в важных сферах жизни, таких как образование, местное самоуправление и т. д., привело к утрате престижа и владения этими языками большей частью населения. Это отразилось также на использовании дагестанских языков в сфере художественной литературы, науки, повседневного общения и т. д.

Поступательная тенденция к вытеснению дагестанских языков русским отчетливо отражается в результатах социологических исследований. Вероятность полного исчезновения дагестанских языков из всех сфер общественной жизни, включая бытовую среду, и их полной замены русским языком в перспективе исторического развития становится все более явной при сохранении текущей динамики и темпов этого процесса.

Процесс утраты родного языка имеет глубокие последствия для культуры и мировоззрения народа, приводя к разрушению идентичности и дезинтеграции этноса. Культурная и языковая ассимиляция в Дагестане привела к появлению большого количества людей с маргинальной этнокультурной принадлежностью, что углубляет тенденцию их культурного и социального упадка. Критическая масса индивидов с маргинальным этническим самосознанием продолжает увеличиваться, что усиливает процесс деградации этноса.

В Дагестане происходит удивительное явление – все больше и больше людей переходят на русский язык. Работодатели предпочитают кандидатов с хорошим знанием русского языка. Этот процесс неумолимо распространяется на все уголки республики, включая отдаленные горные селения. Все чаще можно услышать, как дети уже с младенчества говорят на русском языке, даже общаясь со взрослыми. Неудивительно, что на уроках родного языка приходится использовать русский, чтобы донести информацию до учеников. Встречаются факты, когда родители отказываются от учебы на родном языке в школах и ставят в приоритет предметы, необходимые для сдачи ЕГЭ. Это привело к снижению статуса родных языков в обществе. Этот процесс становится все более необратимым, и за последние годы он только усилился.

В современном мире дети, начиная с самого раннего возраста, погружены в цифровое пространство благодаря смартфонам. Они увлечены играми, тик-токами, мультфильмами и другими развлечениями, которые предоставляет им технология. Этот факт, в дополнение к влиянию интернета, телевидения и компьютеризации, является одной из причин исчезновения языков. Поколение, выросшее в такой среде, не проявляет интереса к сохранению своего родного языка, что приводит к прерыванию преемственности языковых знаний между поколениями.

С целью изменения устоявшихся представлений о дагестанских языках как к недостаточно развитым и ненужным в жизни, необходимо принятия соответствующих мер, способствующих преломлению инерции языкового поведения и сознания.

Преодоление стереотипа в языковом сознании и поведении представляет собой значительный вызов, особенно если у людей уже сложилось предрешенное мнение о низком статусе дагестанских языков. Для того чтобы изменить настоящее положение, необходимо предпринять шаги, направленные на улучшение функциональности дагестанских языков, повышение их общественного статуса и стимулирование интереса к изучению. Этот процесс предполагает достижение гармонии в межэтнических взаимоотношениях, включая

более тесное взаимодействие и взаимопонимание между культурными и языковыми традициями проживающих вместе этнических групп.

Язык – это не только средство общения, но и ключ к пониманию мира, обогащающий нашу культурную сферу. Способность передавать мысли и чувства через язык делает его важным элементом социального взаимодействия. Кроме того, язык является идентификационным знаком, символом нашего происхождения и коллективного опыта. Взаимосвязь между индивидуумом и его языком укрепляет чувство принадлежности к определенной культуре и нации, что формирует нашу личностную и культурную самооценку.

На современном этапе в Республике Дагестан языковая политика не соответствует требованиям сложных проблем, которые возникают в связи с проблемой сохранения и развития дагестанских языков и формированием устойчивой языковой среды для народов региона.

Для эффективной реализации языковой политики предлагаем следующие меры.

1) Внедрить поэтапно дагестанские языки в дошкольное и начальное образование как основной язык обучения, согласно утвержденной «Концепции национального образования».

2) Принять «Закон о языках народов Дагестана», который станет основой для языковой политики в республике.

3) Для обеспечения эффективного функционирования дагестанских языков в государственных и муниципальных органах власти необходимо разработать соответствующие подзаконные акты. Также нужно определить сроки введения этих актов в действие, подготовить специальный терминологический аппарат и провести обучение кадров.

4) Для повышения качества использования дагестанских языков необходимо увеличить объем часов и улучшить качество их преподавания.

Изменение общественных и производственных функций дагестанских языков привело к сдвигу в использовании языков в повседневном общении, где дагестанские языки уступили место русскому языку. Сейчас половина жителей Дагестана использует русский язык чаще и легче, делая его основным средством общения, в то время как этнические языки стали вторичными. Русский язык стал не только средством межнационального общения, но и основным средством внутринационального общения [4: 35].

Необходимо отметить, что в жизни дагестанцев билингвизм играет огромную роль. Его сложный и противоречивый характер, состоящий из лингвистических, социологических, психологических, культурно-исторических и политических аспектов, полностью проявился в Дагестане. Большие достижения дагестанцев в формировании современного общества с высоким уровнем образования, науки и культуры являются результатом использования русского языка в процессе восприятия отечественных и мировых цивилизационных достижений. Однако двуязычие также сопряжено с серьезными негативными последствиями: дисбаланс языков привел к тому, что дагестанцы сталкиваются с угрозой языковой утраты, при этом дагестанские языки не имеют возможности полностью раскрыть свой внутренний потенциал из-за объективных обстоятельств.

В городской среде Дагестана сложилась уникальная субкультура – дагестанская, восточная, русская и западная культуры соединились в массовую культуру. Этот симбиоз приводит к изменениям в традиционной культуре и

разрушению традиционного сознания. Сокращение использования родного языка также способствует этому процессу, что приводит к потере этнической идентичности и не способствует ее адаптации к современным условиям жизни.

На каком-то этапе дагестанцы могут столкнуться с потерей этнических корней, если сегодня не предпримем соответствующие меры по сохранению своей национальной культуры и языков.

Необходимо создать в Дагестане такую языковую политику, в которой дагестанские и русский языки выполняли бы сбалансированные функции. Это должно обеспечить динамичное развитие обоих языков и обеспечить дагестанцам доступ к современным достижениям мировой цивилизации, при этом гарантируя баланс между функциями языков.

В Республике Дагестан отмечается недостаточное внимание к языковому строительству, что является серьезным препятствием для возрождения дагестанских языков и установления сбалансированной языковой ситуации. Языковая политика, реализуемая в регионе, к сожалению, не соответствует сложности проблем, с которыми сталкиваются его народы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Магомедов Д.М. Периодизация истории функционирования русского языка в Республике Дагестан // Международная конференция «Русско-испанские сопоставительные исследования: теоретические и методические аспекты». Гранада, 7–9 сентября 2011 г. – Granada, 2011. – С. 165–169.

2. Магомедов Д.М. Языковая жизнь полиэтнического Дагестана: взаимодействие русского и дагестанских языков // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов. Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвящ. 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана (Уфа, 7–10 октября 2015 г.). – Кн. 2. – Уфа, 2015. – С. 59–61.

3. Магомедов М.И. Русский язык в многоязычном Дагестане. – М.: Наука, 2010. – 182 с.

4. Магомедов М.И. Особенности детского билингвизма в Дагестане // Научный мир. – Махачкала, 2014. – № 4 (29). – С. 34–37.

5. Языки Дагестана. – Махачкала, 2000. – 552 с.

УДК 811.512.145

ПРИЧАСТИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

И.М. Макаров

Казанский федеральный университет (Казань)

Г.Ф. Лутфуллина

Казанский государственный энергетический университет (Казань)

В статье рассматриваются возможности корпусов татарского языка при анализе грамматических форм. Целью данной статьи является определение как количественных, так и качественных данных причастий будущего времени, получаемых благодаря использованию корпусов татарского языка. Практический материал представляют собой корпусы татарского языка и их данные. Научная новизна исследования состоит в верификации данных различных корпусов татарского языка и установлении корреляции их данных для причастий будущего времени. В результате проведенного исследования было установлено, что при исследовании татарских причастий будущего плана важно использование преимуществ всех корпусов, но с оценкой данных по их объему. Если проводить сопоставительное

исследование, то нужно помнить о равнозначности объемов корпусов или вводить коэффициент соотношения.

Ключевые слова: причастия, татарский язык, корпус татарского языка, корпусная лингвистика.

The article examines the capabilities of Tatar language corpora in the analysis of grammatical forms. The purpose of this article is to determine both quantitative and qualitative data on future participles obtained through the use of Tatar language corpora. The practical material is represented by Tatar language corpora and their data. The scientific novelty of the study consists in verifying the data of various Tatar language corpora and establishing the correlation of their data for future participles. As a result of the conducted research it was established that when studying Tatar participles of the future plan it is important to use the advantages of all corpora, but with an assessment of the data by their volume. If a comparative study is conducted, then it is necessary to remember the equivalence of the volumes of the corpora or introduce a ratio coefficient.

Key words: participles, Tatar language, Tatar language corpus, corpus linguistics.

Корпусные исследования открывают новые возможности для анализа функционирования языка и позволяют верифицировать даже устоявшиеся представления. История развития языковых корпусов в татарском языке начинается с первого корпуса литературных текстов.

Теоретической базой исследования послужили труды таких татарских ученых, как Р.А. Гильмуллина, О.А. Невзорова, Б.Э. Хакимов [2], Р.А. Гильмуллин [1], Г.Ф. Лутфуллина, И.В. Марзоева, Г.З. Гилязиева, И.П. Назарова, Д.А. Демидкина [3], Д.Ш. Сулейманов, А.Р. Гатиатуллин [4], Б.Э. Хакимов, Р.А. Гильмуллин [5]

Задача исследования – дать количественную и качественную характеристику результатов корпусного исследования причастий будущего времени.

Использованный в работе метод корпусного анализа позволили сопоставить данные частотность функционирования и рассмотреть вопросы их корреляции.

В 2019 году существовало 3 корпуса татарского языка:

Tatar National Corpus (26 000 000) (дата обращения 01.02.2019), Tatar National Corpus. Татарский национальный корпус «Туган тел» [Электронный ресурс]. URL: http://webcorpora.net/TatarCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 26.04.2019).

Туган тел (182 000 000) (дата обращения 01.02.2019), Национальный корпус татарского языка «Туган тел» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.http://tugantel.tatar/search> (дата обращения: 26.04.2019).

Письменный корпус татарского языка (112 000 000) (дата обращения 05.06.2019). Письменный корпус татарского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.corpus.tatar/> (дата обращения: 26.04.2019).

Рассмотрение количественных данных частотности позволяет получить общую картину функционирования татарского языка. Использование лингвистических корпусов и владение методикой подсчета частотности делает языковой анализ доступным и предоставляет надежные данные, несмотря на различия в количественном весе корпусов.

Данные по татарскому языку в исследованиях 2019 года было целесообразным представлять исходя из 3 корпусов ввиду необходимости обеспечения

их достоверности. При корпусном анализе грамматических явлений данные языковых корпусов полностью отвечают поставленным задачам, о чем свидетельствуют кандидатские диссертации А.А. Абдрахмановой (2015) и Л.К. Кадыровой (2014), Г.З. Гилязиевой (2019), выполненные с использованием методов корпусной лингвистики на материале татарского языка.

Корпусная лингвистика татарского языка находится на стадии дальнейшего развития, хотя часто вызывает недоверие со стороны ряда языковедов. Важной задачей представляется демонстрация валидности как количественных данных, так и самого метода корпусного анализа, для татарского языкознания в целом. Методы корпусной лингвистики обладают рядом несомненных достоинств: 1) валидны на международном уровне; 2) наглядны по количеству приведенных примеров; 3) подкреплены статистическими данными; 4) легко верифицируемы, так как все данные можно перепроверить и все примеры можно найти по ссылкам.

На данный момент существуют 2 основных корпуса татарского языка – Туган тел и Письменный корпус татарского языка.

Отличие данных ТГ и ПКТЯ заключается в следующем:

1) абсолютные показатели частотности по двум корпусам количественно различаются, что логически объясняется различием их объемов;

2) относительные показатели по частотности словосочетаний совпадают – индекс соотношения везде получается одинаковым, например, отношение примеров 6:6 в ТГ соответствует отношению примеров 12:12 в ПКТЯ (хотя он количественно объемнее);

3) абсолютные показатели частотности словосочетаний также совпадают на 40 %, например, если представлено 1 вхождение в корпусе ТГ, то аналогичное значение можно найти и в корпусе ПКТЯ.

Два последних факта еще раз подтверждают достоверность данных для татарского языка, равно как свидетельствуют в пользу компьютерных методов анализа. Достоверность количественных данных обеспечивается как соблюдением количественной равнозначности корпусов, так и использованием формулы нормализации значений при количественной неравнозначности корпусов.

Наиболее представительным на современном этапе нам представляется Письменный корпус татарского языка, удобный для проведения исследований по функционированию как лексических единиц, так и грамматических форм.

– Корпус татарской художественной литературы (<https://litcorpus.antat.ru/index.html>)

– Корпусы татарского языка в Leipzig Corpora Collection (https://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=tat_web_2018)

– Корпусы татарского языка в проекте Sketch Engine (<https://www.sketchengine.eu/tatar-corpus-from-the-web/>)

Первые два корпуса, заявленные на сайте ПКТЯ, были задействованы в работе, тогда как последний оказался не таким удобным инструментом. Актуальность определяется необходимостью разработки методики использования лингвистических корпусов в исследовании татарского языка.

В современном татарском языке выделяется 3 формы будущего плана на -ыр/-ер, -р (-ар/-эр); на -ачак/-эчэк (-ячак/-ячэк); на -асы/-эсе (-ыйсы/-исе).

Для анализа были взяты причастия *языр, язачак, язасы*. В каждом корпусе были зафиксированы количественные показатели частотности (см. табл. 1).

миллион) = (кол-во лексических единиц: кол-во лексем в тексте или объем корпуса) × 1000000.

После причастий указано количество вхождений в лингвистическом корпусе ПКТЯ *языр* – 246, *язачак* – 1300, *язасы* – 2631. Объем корпуса = 620 000 000. Расчет частотности:

<i>языр</i> – 246:	246: 620 000 000*1000 000= 0,396
<i>язачак</i> – 1300:	1300: 620 000 000*1000000= 2,096
<i>язасы</i> – 2631:	2631: 620 000 000*1000000= 4,243

Распределение причастий по частотности в показателях с учетом нормализации *языр* (0,396), *язачак* (2,096), *язасы* (4,243) совпадает с ранее рассчитанным коэффициентом соотношения.

Перспектива дальнейших исследований представляется нам в разработке дальнейших методик расчета корпусных данных.

При исследовании татарских причастий будущего плана важно использование преимуществ всех корпусов, но с оценкой данных по их объему. Если проводить сопоставительное исследование, то нужно помнить о равнозначности объемов корпусов или вводить коэффициент соотношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гильмуллин Р.А. Разработка файла морфотактических правил для глагольных групп татарского языка // Проблемы сохранения языка и культуры в условиях глобализации: материалы VII Междунар. Симпозиума «Языковые контакты Поволжья» / науч. ред. И.А. Гилязов. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – С. 222–226.

2. Гильмуллин Р.А., Невзорова О.А., Хакимов Б.Э. Корпус татарских текстов: проблема репрезентативности // Тр. Междунар. конф. «Корпусная лингвистика – 2011». 27–29 июня 2011 г., Санкт-Петербург. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2011. – С. 125–130.

3. Лутфуллина Г.Ф., Марзоева И.В., Гилязиева Г.З., Назарова И.П., Демидкина Д.А. Современные направления сопоставительных исследований темпоральности // Современный ученый. – 2024. – № 1. – С. 185–192.

4. Сулейманов Д.Ш., Гатиатуллин А.Р. Структурно-функциональная компьютерная модель татарских морфем. – Казань: Фэн, 2003. – 220 с.

5. Хакимов Б.Э., Гильмуллин Р.А. К разработке системы параметров морфологической разметки для электронного корпуса татарских текстов // Труды Казанской школы-семинара по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2008. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – С. 24–29.

УДК 812.112

МЕТАФОРИЗАЦИИ АНТРОМОРФНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Х.Т. Маманиёзов

*Нарнайский филиал Самаркандского государственного педагогического
института иностранных языков (Пайарык)*

В статье исследуются языковые единицы антропоморфов. Антропоморфные единицы антропонимического переноса используются в топонимических источниках для объяснения обозначенных объектов. Метафора в данных статьях исследуется как топонимические объекты, то есть их языковые особенности. Впервые исследуются метафора в онимике, источниках, то есть в топонимике и антропоморфах. Антропоморфизм – уподобление человеку, наделение человеческими психиче-

скими свойствами предметов и явлений неживой природы, небесных тел, животных, мифических существ.

Ключевые слова: антропоморфы, картина мира, метафора, архетипы, часть и целое субъекта, метафорический перенос, мифология.

In given articles materials antropomorphs language units are investigated. antropomorphne units asmetoforics carrying over are used in toponimics sources for an explanation of designated objects. Metaphor is investigated in given articles as toponymic objects, i.e. and their linguistic features. For the first time are investigated a metaphor in onymics, sources, i.e. in toponimics and antropomorphs. Anthropomorphism is the assimilation of humans, the endowment of human mental properties to objects and phenomena of inanimate nature, celestial bodies, animals, and mythical creatures. Naive-dogmatic philosophy represents the original form of a worldview and is expressed in endowing inanimate objects with the ability to act, live and die, experience experiences, etc.

Key words: antropomorphs, a world picture, a metaphor, archetypes, a part and whole a subject, metaphorical carrying over, mythology.

В семантике естественных языков запечатлена, в основном, та картина мира, которая была доступна человеческому сознанию во время формирования грамматического строя языка и его древнейших лексических пластов. По определению А.А. Реформатского «...при метафорическом переносе значения меняется вещь, но понятие нацело не меняется: при всех метафорических изменениях какой-нибудь признак первоначального понятия остается; так, в случае со словом гнездо прямое значение» [4: 45].

О.С. Ахманова в словаре лингвистических терминов дает о типах метафоризации другое определение: «...троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т. п. [1: 231–232].

В википедии определены следующие модификации о антропоморфизмах: «...Антропоморфизм), уподобление человеку, наделение человеческими психическими свойствами предметов и явлений неживой природы, небесных тел, животных, мифических существ. Наивно-догматический А. представляет собой первоначальную форму мировоззрения и выражается в наделении неодушевленных предметов способностью действовать, жить и умирать, испытывать переживания и т. д. (земля спит, небо хмурится и т. п.) [3].

Мифопоэтические представления древнего человека основывались на архетипических смысловых структурах, составлявших «коллективное бессознательное» социума. Вполне вероятно, что архетипы имеют врожденный и общечеловеческий характер. Вот почему в семантических структурах самых разных языков так много схожего. Ярким примером антропоморфного видения мира могут служить обозначения частей рельефа: в самых разных языках соответствующие названия восходят к названиям частей тела человека, ср. горный хребет, устье и рукав реки, подошва и подножие горы, губа, «название морских далеко вдающихся в сушу заливов и бухт на севере» (Например, Обская губа, Онежская губа), бровка «край канавы, кювета или обочины дороги», жерло (родственно слову горло) вулкана, обочина (от бок), нос (обозначение мыса в географических названиях на севере Евразии, например, Канин нос); ср. также географические названия: Лысая Гора, Морское Око – озеро в Татрах; гребень горы и хребет; рот, уста; устье (реки); вход (в гавань, пещеру, шахту); ступня, нога; основание, опора, подножие, подошва; рука – рукав реки; глаз,

око; устье шахты; шея; перешеек, коса, узкий пролив; Голова; мыс; исток реки; вершина горы; спина; гребень (волны, холма); горло, глотка; узкий проход, узкое отверстие, жерло вулкана; бровь; выступ скалы, кромка уступа, бровка.

Метафорический строй мифологии надолго закреплял и делал более частым, продуктивным древний способ осознания действительности человеком: на основе образного видения предметов и естественной свободы переносно – образного употребления слов. В итоге складывались, во-первых, универсальные модели семантического развития слов (метафора, метонимия, синекдоха и т. п.) и, во-вторых, одинаковое или сходное смысловое наполнение образных структур мышления. Так, в разных языках наблюдается метафорическое или метонимическое уподобление молодости и любви весне и цветению, смерти – сну или покою, битвы – пиру или жатве, неба – шатру или крыше, речи – течению реки, ума – голове, речи – гортани или горлу, начала – семени или корню, знания или разума – свету, книги – засеянному полю, наставника – сеятелю, поэта – пророку и т. д. Ср. также распространенные в разных языках зооморфные символы мифопоэтического происхождения: змея как символ мудрости или коварства, волк – свирепости, ягненок – кротости, лиса – хитрости или мудрости, пчелы и муравьи – трудолюбия и т. д.

Многие топонимические термины метафоричны. Как известно, метафора основана на сходстве, его признаки весьма разнообразны. «Перенос наименования при метафоре основан на сходстве вещей по цвету, форме, характеру движения и т. п. Н.И. Толстой пишет: «Географическая терминология связана с лексиконом, а более широком плане и в смысловом отношении с другими терминологическими сферами, в первую очередь с названиями частей тела, посуды, частей ткацкого станка (ткачества), построек и их частей, погоды и в меньшей степени с другими сферами...» [6: 34–63]. Приведем примеры терминов – метафор: купол, куполок – «небольшой, круглый островок леса, выделяющийся среди болот» в Костромской области; котел – «яма, глубокое место у прибрежных вод». В Мезенском заливе Белого моря котел – «место якорной стоянки судов», в других местах – «углубления, нередко занятые озерами». Славянскому «котел» точно соответствует тюркский метафорический термин «казан» в близких значениях, давший немало топонимов в разных странах. Вспомним хотя бы Казанджик в Туркмении, Казанбулак в Азербайджане, казанлык в Болгарии, Казанабад в Иране. В груз. Кваби – «котел», но и «пещера».

Другие примеры. Криница – «источник, ключ, яма, наполненная водой, топкое болото» и т. д., что сравнимо со славянскими «кринна, кринка, криница» – «чаша, миска, мера зерна, стопка, масленка». Окно – «открытая вода в болоте, озеро, прорубь во льду на реке, озере». Гряды – «вытянутая небольшая возвышенность, кряж, грива, каменистая коса в русле реки, твердая почва на лугах и болотах», что сравнимо с грядой – «перекладиной в виде бруса, жерди, деревянной перекладины в избе, полки» [5].

Среди метафорических терминов первое место по частоте употребления в разных языках и по территориальному распространению принадлежит терминам, образованным переносом значений со слов, обозначающих части тела человека и животных. Кажется, не осталось подобных слов, которые таким образом не использовались бы для оформления народной географической лексики. В этот процесс оказались вовлеченными слова, указывающие на внутренние органы: сердце, кишка, легкое, мозг. Однако наиболее часто в разных

языках употребляются: голова, глаз, нос, рот, локоть, колено, плечо, шея, грива, рог, спина, ребро и другие слова, семантика которых связана с наружными частями человека и животных. В целом данную категорию народной географической терминологии можно назвать анатомической. Для иллюстрации этого тезиса составлены два списка таких терминов с указанием их географического содержания для русского и некоторых восточных языков. Легко понять, что приводимые списки далеко не исчерпывают всего богатства метафор, а только показывают типичные примеры. Списки составлены в алфавитном порядке [4: 116].

Приведенные здесь списки, дополненные примерами из классических и западноевропейских языков, позволяют утверждать, что в большинстве случаев метафоры возникают по одним и тем же, жестко повторяющимся ассоциациям, независимо от языка. В этом сказывается одна из существенных универсалий народной географической терминологии.

Для доказательства высказанных положений построено восемь терминологических рядов, которые специально составлены так, чтобы слова, их составляющие, относились к разным языкам, в том числе не связанным между собой морфологически или генеалогически [2: 78–104].

Ряд первый – спина латин. *Dorsum* – «спина», но и «хребет, возвышенность»; др. греч. *gaxis* – «спина», но и «хребет» (ср.: *gaxia* – «скалистый берег, береговая скала, прибой»); англ. *back* – «спина» но и «гребень холма» и *chine* – «спинной хребет животного», но и «горная гряда»; болг. *грѣб* – «спина», но и «гребень горы, холма»; казах. и уйгур. *арка* – «спина», но и «возвышенность, горный хребет»; турец. *sirt* – «спина», но и «горный хребет, гребень горы, вытянутая возвышенность»; лакск. *Барх* – «спина», но и «горный хребет»; монг. *нуруу* – «спинной хребет», но и «горный хребет, горная цепь» и *сэр* – «позвонок, позвоночный хребет», но и «холм, гряда»; рус. *спинной хребет*, но и «горный хребет»; литов. *курга*, латыш *kuogre*, *kouga* – «спина, горб», но и «возвышенность, курган»; литов. *kaubre* – «горб, спина», но и «холм, бугор, небольшая гора» и *gubrys* – «спина, загривок», но и «возвышенность, горка, холм, вершина, гребень»; фин. *Selka* – «спина», но и «хребет» [5].

Ряд второй – глаз: араб. *Айн*, *эйн* – «глаз», но и «родник, источник; перс чешм, чешме – «глаз», но и «источник ручей»; турк. и азерб. *гѣз* – «глаз», но и «источнику, ручей, иногда речка»; рус. «глаз», а *глазовина* – «открытая водная поверхность на заросшем болоте, окно открытой воды среди болота, глубокая лужа»; арм. *Акн* – «глаз», но и «родник, ключ» [5].

Ряд третий – рот: монг. *ам* – «рот», но и «ущелье, пад, проход в горах»; тюрк. *агыз*, *ауз* – «рот», но и «проход в горах»; эвенк. *анга* – «пасть», но и «ущелье»; рус. *уста* – «рот, губы», но и «устье, место слияния двух рек или впадения реки в озеро или море»; болг. *уста* – «рот, пасть, губы», но и «вход в пещеру» и *устие* – «теснина, узкий проход между горами». Есть также чешские, польские и словацкие соответствия. Осет. *ком* – «рот», но и «устье реки, порт, проход в горах». Из западноевропейских языков параллели: франц., *bouche* – «рот», но и «устье, узкие проливы»; англ. *mouth* – «рот», но и «устье реки». Из классических языков лат. *os* – «рот, дыра, вход, отверстие», но и «устье реки» [5].

Ряд четвертый – нос: рус. *нос*, на севере России и «мыс, коса»; болг. *нос* – «мыс» тюрк. *мурун*, *бурун* – «нос», но и «мыс, окончание гряды, плечо горы»; сюда же относится тюрк. *тумшук* – «клюв, конец носа, морда животного», но и «мыс, утес»; монг. *хошу* – «нос, клюв», но и «мыс, плечо

хребта»; хамар – «нос, рыло», но и «мыс, отрог горы, ее выступ»; манс.ньол отвечает той же семантике; кит. цзуй – «нос, клюв», но и «мыс»; чукоп. екаак – «нос», но и «мыс». Из западноевропейских параллелей вспомним: франц. nez – «нос», но и «острый мыс»; англ. nose – «нос», но и «скалистый мыс»; лат. nasus – «нос», но и «мыс, коса»; швед. nas – «мыс, часть суши между озером и впадающей в него рекой» [5].

Ряд пятый – рог: рус. рог – «рог», но и много других орфографических значений: «острая, зубообразная вершина, пик, мыс, коса, горный отрог, овраг, отвершек балки» [5].

Ряд шестой – горло: рус. горло – «горло», но и «ход, устье реки, морской пролив, проран, прорва, проток» [5].

Ряд седьмой – голова: рус. голова – «голова», но и «начало реки, исток, вершина» [5].

Ряд восьмой – грива: рус. «грива», но и «горная низкая гряда, возвышенность, удлинённая гора». Термины-метафоры строятся в однотипные ряды, в которых четко прослеживается универсальная способность превращения слов, обозначающих части тела человека и животных, в географические термины, обладающие преимущественно геоморфологической и гидрографической семантикой. Наличие лексем со значением части тела человека и животных в географической терминологии – глобальная топонимическая закономерность [5].

Глаз – 1) Птичий глаз – разновидность клена; ценная порода древесины, применяемая для изготовления мебели;

2) Тигровой глаз – блестящий минерал золотисто – бурого или синевато-желтого цвета (употребляется как декоративный камень для изготовления мозаики, украшений);

3) Вороний глаз – ядовитое травянистое растение сем. лилейных дающий одиночный плод – черную ягоду на конце стебля;

4) Вооруженным глазам – посредством оптического прибора [5].

Грива (ы) – 1. Длинные волосы на шее некоторых животных Лошадиная грива. Львиная грива – густые длинные волосы человека.

2. Продолговатая возвышенность, гряда с пологими склонами, поросшая лесом // Наносная прибережная гряда, продолговатая отмель.

Вода сбыла оставя кое-где мокрые следы и небольшие гривы наносной земли с черноземных полей [4].

Прорыв ветра понес нас на гриву, то есть на ту отмель, которая обозначала бережные русла реки. (Семенов-Тянь-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань) [5].

Таким образом нами исследованы антропоморфность метафорического переноса имеет очень четкий характер в семантической структуре исследуемого языка. Конвенциональность любого лексико-семантического лингвистического процесса свое значение уточняет в контексте текста. Даже в этом плане имеет синтагматический характер лингвистики исследуемого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969. – 608 с.
2. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). – Киев, 1972. – 209 с.
3. Википедия с сайта интернета. www.edu.
4. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М., 1960. – 275 с.
5. Словарь русских народных говоров. – М., 1972. – 355 с.
6. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. – М., 1969. – 262 с.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТЕРМИНАЛИЗАЦИИ: ЯЗЫКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ

Надир Мамедли

Национальная Академия Наук Азербайджана (Баку)

Язык следует изучать как систему. Под интерьером подразумеваются все эффекты, которые происходят в социально-экономическом, политическом и культурном развитии общества. Вот здесь и возникает проблема «Язык и общество», поскольку язык находится в тесном контакте с внутренней реальностью. Межъязыковые взаимодействия: а) в структурном плане: взаимодействия внутри языка и между его системами (фонетические, морфологические, синтаксические, лексико-семантические); б) на функциональном плане: взаимное влияние различных сторон языка (национального языка, художественной литературы, диалекта, живой речи, жаргона). К «иностранным» относятся те, кто не принадлежит к системному, речевому и речевому деятельностному сообществу. Если не считать абстрактной системы «внешних» отношений, а точнее, речи и речевой деятельности, все обстоит иначе. Язык есть нечто такое, что есть у каждого, и в то же время общее для всех, вне воли тех, кому он принадлежит. В речи нет ничего коллективного: ее проявление индивидуально и непосредственно.

Ключевые слова: язык и общество, языковые отношения, взаимодействие языков.

Language should be studied as a system. The interior implies all the effects that occur in the socio-economic, political and cultural development of society. This is where the problem of “Language and society” arises, since language is in close contact with the internal reality. Interlingual interactions: a) in the structural plane: interactions within the language and between its systems (phonetic, morphological, syntactic, lexical-semantic); b) in the functional plane: mutual influence of various aspects of the language (national language, fiction, dialect, living speech, jargon). “Foreign” are those who do not belong to the systemic, speech and speech activity community. If we do not consider the abstract system of “external” relations, or more precisely, speech and speech activity, everything is different. Language is something that everyone has, and at the same time is common to all, outside the will of those to whom it belongs. There is nothing collective in speech: its manifestation is individual and immediate.

Key words: language and society, language relations, interaction of languages.

Функция развития языка как средства общения напрямую связана с возникновением культуры на социально-политической основе. Если подойти к языку с точки зрения «сложного процесса языковых отношений», а не закрытого, то мы проведем методологически правильное исследование.

Традицию изучения языковых отношений заложили В.А. Богородицкий, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, Э.Д. Поливанова. В основе первоначальных исследований лежит проблема скрещивания или смешения языковых элементов. В этих обозначениях рассматриваются необходимые условия, создающие языковые отношения, обсуждается билингвизм, то, что человек практически владеет несколькими языками. Однако в более поздних исследованиях выделяются термины «билингвизм» и «коммуникация». Дело в том, что эти понятия носят различный характер, поскольку языковые связи возникают не только в условиях билингвизма. Также, Прежде всего, использование одним

и тем же человеком нескольких языков может быть активным и пассивным; во-вторых, регулярное использование того или иного языка допустимо только в ситуациях двуязычия, а не языкового контакта. Понятие «языковые отношения» включает индивидуальные и социальные, случайные и закономерные критерии. По мнению О.С. Ахмановой, языковые отношения возникают в результате того, что группы людей, говорящие на разных языках, в особых географических, исторических и социальных условиях вступают в контакт со своими языками, что приводит к необходимости языкового общения.

Таким образом, «языковые отношения» – это процесс межъязыковых отношений, основанный на единстве перманентно-индивидуальных и перманентно-социальных языковых фактов.

Языковые отношения изучались с различных панлингвистических позиций, критериев и других методов. Из них следует особо отметить типологический метод. Этот метод основан на типологическом тождестве, совпадении функций языковых элементов, принадлежащих к разным языковым системам. Типология отличается от сравнительно-исторического метода синхронностью исследования. Типологический подход не ограничен в принципе, а универсален по сравнению с генетическим и ареальным подходом, выявляющим особые закономерности в языках, являющиеся результатом родства и исторической связи. Типологические исследования могут иметь разные эффекты, применяя их к слоям языковой структуры. Следует отметить, что из-за системности возможности типологии в лексике ограничены. Итак, речь идет о зависимой мотивации слов в разных языках, словотворчестве и закономерностях системного расположения лексико-семантических групп.

Языковые явления универсальны. Языковые универсалии как объект типологического исследования принято разделять на 5 типов: фонологические, грамматические, лексические, семантические и символические. На первый план выдвигаются универсальные особенности языков, особенно выразительность и смысловая способность, сходство заимствованных элементов в них.

Проблемы и методы сравнительно-типологического анализа актуальны как для генетически родственных, так и для разных языков. Разнообразие генетических и структурных связей производных терминов или слов сделало их объектом исследования.

Как мы уже упоминали выше, языковые отношения изучаются лингвогеографическими методами. Сделав метод изоглосс абсолютным в лингвистической географии, сходные заимствованные элементы разного генеалогического состава представляются как слова, принадлежащие одному и тому же языку. В свое время Альбер Сеш, Жозеф Вандриес, Шарль Балли, Антуан Майе писали об этом, что тесные культурные связи европейских народов приводят к возникновению у них общей психологии, которая проявляется в проявлении особого европейского стиля в язык; стилистическое сходство заметно в языках дальнего происхождения, что нельзя объяснить иначе, как влиянием сходных условий общественной жизни. «Только определенная изоглосса когда-либо сообщает нам о каких-либо звуковых изменениях, аналогичных семантическим изменениям или культурных заимствованиях; но изоглосса не указывает точно, где и когда произошло это изменение... Было бы очень наивной ошибкой принимать изоглоссы за определение границ простых языковых изменений. Результаты лингвистической географии дают информацию о лингвистических приобретениях».

Родственные и неродственные языки участвуют в изучении языковых отношений по историко-географическому принципу. В этом случае на первый план выдвигается реальность сосуществования разных генетических носителей языка: «Два языка живут бок о бок на одной территории и сосуществуют, не смешиваясь». Языковое общение – активный, творческий и социальный процесс.

«Языки не всегда смешиваются; их взаимное существование в провинции не исключает возможности относительного территориального деления». Историко-географическая реальность касается и носителей тюркских языков. В историческом процессе они контактировали с арабоязычными, персидскими и русскоязычными. Поэтому этот принцип является одним из основных критериев, если не единственным, при изучении заимствованных слов и терминов.

Языковые отношения изучаются на основе социологических принципов. Язык не может быть изолирован от социальных условий, т. е. является социальным фактом – социальные условия определяют языковые отношения. Поэтому языковые отношения определяются не физиологическими и психологическими причинами, а изменениями в структуре общества. Однако здесь не следует упускать из виду психологию социальных групп. В этом смысле следует отметить четыре основных фактора, стимулирующих языковые отношения:

Экономический фактор (этот фактор играет решающую роль в определении степени отношений).

Политический фактор (этот фактор играет важную роль только в определенных обстоятельствах).

Религиозный фактор.

Фактор влияния (например, персидский язык когда-то был официальным государственным языком в Азербайджане по требованию времени).

Исследование языковых отношений на основе социолингвистических критериев привело в 30-х годах прошлого века к возникновению новой проблемы – проблемы «язык и общество».

Социально-историческое развитие общества создает общность мышления, что, в свою очередь, создает общность языка. Например, греческая наука и философия, средневековая схоластика, современная экспериментальная наука сформировали общее мышление – независимо от нашего желания, слово берется не по звукам, которые оно выражает в иностранном языке, а берется смысл. Существующие определенные соответствия в разных языках содержатся не в общечеловеческих качествах, а в исторических традициях. Все языки мира имеют определенные сходства и различия. Эти различия также проявляются внутри языка. Например, заимствование происходит не только между двумя языками, но и внутри одного языка, т. е. литературный язык заимствует слова из национального языка, диалекты, диалекты заимствуют из литературного языка. Еще один аспект. В начале века в азербайджанской терминологии и словотворчестве преобладала тенденция пуризма. Эта линия была особенно направлена против арабских и персидских слов в нашем языке. После установления Советской власти целью было сместить направление азербайджанского национального языка с Востока на Запад – в сторону русского языка.

Как уже говорилось выше, направление пуризма достигло строгого соблюдения языковых норм и приблизило литературный язык к просторечному. Тенденции и модели пуризма не были приняты так сильно, как в Баку, скажем, во всем Азербайджане. Местами важную роль играли местные субстраты. Даже

внутри языка единицы пуризма выборочно переносятся на литературный язык. «Итак, в одноязычной стране:

1. Поскольку не существует абсолютной неподвижности языка, предполагаемый язык через определенный период времени уже не будет прежним.

2. Эволюция не будет происходить одинаково на всей территории, она будет меняться в зависимости от места. До сих пор не было случая, чтобы язык менялся одинаково где-либо в районе его распространения».

Те, кто живет в социальных условиях, определяют языковые новации и стабилизацию их дальнейшего развития. «Основное предположение в области социолингвистики состоит в том, что два процесса действуют как функция динамических отношений между языком и социальным фактором». Развитие социальных функций языка, в свою очередь, происходит по линии экономического, политического и культурного развития общества. Социологические критерии играют важную роль во взаимоотношениях с русским языком, особенно на современном этапе нашего языка, и с английским языком после заключения нефтяной сделки века.

Психологические причины, такие как фактор языковых отношений, не отрицаются. Психический мир не может развиваться изолированно от социального мира. Правда, языковые отношения имеют место в человеческом общении, но психологизма здесь совершенно нет. Языковые явления основаны не на психологической социологии, а на коллективной психологии. В языковых отношениях на линии язык-речь-мысль четко сходятся основная форма и мыслительное содержание иностранного слова. Моделирование иностранных единиц в области психологических понятий уменьшает их различие между единицами национальной языковой системы. Акустическое произношение иностранного слова похоже на произношение национальных звуков; уже фонемы теряют свою специфику как психологический образ звука, процесс общения создается в психике говорящих.

В свое время один из представителей школы социологической лингвистики Антуан Майе отрицал психологические причины в языковых отношениях. По его мнению, языковые отношения определяются не какими-либо физиологическими или психологическими причинами, а изменениями в структуре общества и социальных условиях.

Некоторые явления в языке могут быть индивидуально-психологическими, но они становятся атрибутами и особенными, если объективно принадлежат только языку в целом. Языковые отношения основаны на общих и универсальных свойствах языков.

Конечно, языковые отношения не могут ограничиваться только этими критериями, это более широкое понятие. В любом случае каждая из приведенных выше сведений о языковых отношениях позволяет определить развитие азербайджанского языка в любой период времени.

При наблюдении за процессом языковых отношений можно выявить сходные и разные признаки, характеризующие систему усвоения иноязычия, положение этих языковых фактов, структурные закономерности этих языков в азербайджанском языке – изоморфизм и алломорфизм, наличие или отсутствие специфических системных отношений. Системный анализ позволяет выделить случайные заимствованные элементы, единицы, поскольку в этих исследованиях рассматривается распределение фактов языковой структуры, инвариантов, микросистем заимствований, дополняющих друг друга или находящихся

в противоположных позициях. В языковых отношениях, принимая за эталон наш национальный язык, исследования ведутся в двух направлениях – от «формы к содержанию» и «от содержания к форме».

Проблема взаимного влияния языков нашла отражение в трудах лингвистов-гигантов, таких как Бодуэн де Куртенэ, Шухардт, Поль, Сепир, Марр, Шерба в конце XIX — начале XX века. В результате языковых отношений происходит взаимодействие между языками. Термин взаимодействие языков несет в себе два понятия: взаимодействие языков вообще и влияние языковых элементов на внутреннюю структуру языка.

По мнению Ю.Д. Дешериева, взаимодействие языков означает влияние двух и более языков, а также их диалектов, заимствование слов и языковых фактов из разных языков, а также результат взаимодействия языков в разные периоды.

При взаимодействии двух языков один язык может не влиять на другой; однако остается возможность практического воздействия на их связи, структурные единицы и элементы в речевой деятельности при взаимодействии.

Концепция взаимодействия проявляется как во внутреннем, так и во внешнем аспектах. Под внутренними подразумеваются внутренние структурные воздействия, то есть как между элементами системы (фонетическими, морфологическими, синтаксическими, лексическими), так и между различными системами языка, представляющими целостную систему.

Внешний эффект требует некоторого пояснения. Наличие иностранного слова означает, что оно влияет на звено цепи по отношению к языковой системе. По мнению Фердинанда де Соссюра, все, что относится к иностранному языку, но не входит в систему, не различает иноязычное и иноязычное неязыковое. Произношение является экстралингвистическим фактором. Экстралингвистические факторы не влияют на языковую систему, т. е. не изменяют ее систему; поскольку они не являются определяющими факторами, то и не могут оказывать давления на механизм и структуру языка.

По мнению предшественника Фердинанда де Соссюра Уильяма Дуайта Уитни, внешняя звуковая форма постоянно влияет на внутреннюю форму языка, и это влияние увеличивает значение звуковой формы. В свою очередь, материальные формы, ассоциации, законы и традиции языка влияют на «идеи» и моделируют их в соответствии с духом языка.

Изучение развития языков в процессе взаимодействия осуществляется в 3 аспектах: 1) внутрилингвистическом, 2) межъязыковом, 3) экстралингвистическом (или экстралингвистическом).

С точки зрения проблемы языковых отношений интерес представляют межъязыковые и межъязыковые взаимодействия.

1. Внутриязыковые взаимодействия включают существующие процессы между системами и элементами системы в структурном плане. Как китайские, так и слова лексико-семантической системы, грамматические формы морфологической системы и т. д. взаимодействие можно наблюдать.

2. В развитии языка имеет место и внутриязыковое взаимодействие на функциональном уровне: его интенсивность и значение среди разных аспектов и стилей языка зависят от общего культурного уровня носителей языка.

Не менее важно взаимодействие литературного языка и диалекта, сленга и сленга. Азербайджанский литературный язык постоянно взаимодействует с диалектами.

3. Взаимодействие стилей происходит более активно в общем процессе развития языка. Взаимодействие стилей – это передача свойственного одному явлению в другой. Наименование элементов от одного стиля к другому на разных исторических этапах различается как количественно, так и качественно.

Внутриязыковые взаимодействия – это исторический процесс. Оно находится в постоянном контакте с экстралингвистическими и экстралингвистическими влияниями как структурно, так и функционально. Причины развития языка можно изучить, рассматривая все аспекты взаимодействия.

Все влияния, происходящие в социально-экономическом, политическом и культурном развитии общества, относятся к внутренним. Вот здесь и возникает проблема «Язык и общество», поскольку язык находится в тесном контакте с внутренней реальностью. Внешнее – это развитие мышления, вообще абстрактного мышления; и отсюда возникает проблема языка и мышления. Следовательно, внешние взаимодействия объясняются не психологическими факторами, а привычками произношения и слуха.

Различные позиции по этим вопросам можно охарактеризовать следующим образом:

1. Крайнее положение: а) главными являются внутренние факторы, «внешние» факторы не заслуживают внимания; б) являются основными внешними факторами, т. е. влиянием окружающих языков на язык.

2. Общая позиция – язык требует как внутренних, так и внешних факторов.

3. Нигилистическая позиция – следует использовать только национальность, внешние факторы вообще не должны учитываться.

Заметим, что, как и любой процесс, взаимодействие внутренних и внешних факторов – понятие историческое, к нему следует подходить в определенном хронологическом порядке.

УДК 811.512.133

ЗАИМСТВОВАНИЕ СЛОВ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Низамиддин Махмудов

Институт узбекского языка, литературы и фольклора

АН Республики Узбекистан (Ташкент)

В процессе формирования и развития языковой картины мира особое место занимает лексический ярус языковой системы. Каждый конкретный язык, в первую очередь, со своей лексикой проявляет собственную языковую картину мира, которой свойственно национальное своеобразие. Наблюдаются в языках, в основном, два типа заимствования слов из иностранного языка: 1) заимствуется понятие и его название (слово) или заимствуется понятие, а его название выбирается из ресурсов заимствующего языка; 2) заимствуется только слово. В результате первого типа заимствования расширяется концептуальная картина мира, естественно, обогащается и языковая картина мира в заимствующем языке. Можно сказать, что первый тип заимствования слов имеет объективные основы, а второй тип больше связан с определенными субъективными причинами.

Ключевые слова: языковая картина мира, антропоцентричность, заимствование, слово, обогащение языка, концептосфера.

The lexical level of the language system plays a crucial role in process of the formation and development of a linguistic picture of the world. Each specific language, first of all, presents its own unique linguistic picture of the world through its vocabulary, reflecting its national distinctiveness. There are two main types of loanwords from another language: 1) borrowing both the concept and its name or borrowing a concept and selecting its name from the resource of borrowing language; 2) borrowing only the word itself. The first type of loanwords expands the conceptual picture of the world, as well as, enriches the linguistic picture of the world in the borrowing language. It should be noted that the first type of borrowing words has objective reasons, while the second type is more associated with subjective motives.

Key words: linguistic picture of the world, anthropocentrism, borrowing, word, enrichment of language, conceptual sphere.

Человек, создает картину мира в виде целостной системы, открываемых им элементов, как результат бесконечных процессов, называемых познанием мира. Картина мира, создаваемая в сознании человека, естественно, не является вполне устойчивой, неизменной структурой, она меняется и совершенствуется в связи с развитием мышления, развитием общества, достижениями науки и совершенствованием способов познания.

Сегодня в лингвистике, признающей антропоцентричность своей основной идеей, понятия «картина мира», особенно «языковая картина мира», занимает центральное место. В современной лингвистике термину «картина мира» некоторыми исследователями дается такое определение, что она является «определенной суммой знаний, сформированных в общественном (а также в определенной группе, индивидуальном порядке) сознании о бытии» и подчеркивается принципиально важное, значение различия двух картин мира: 1) непосредственная и 2) опосредованная картина мира [6: 4].

Согласно этой точке зрения, «непосредственная картина мира» – это картина, которая образуется в результате непосредственного познания людьми окружающего мира. Познание осуществляется как с помощью органов чувств, так и с помощью абстрактного мышления человека. Однако, в любом случае, данная картина мира не имеет «посредников» в сознании, и формируется в результате непосредственного восприятия и понимания мира. Сторонники такой точки зрения подчеркивают, что непосредственная картина мира «образуется в национальном сознании», и отмечают, что такая картина зависит от общего способа возникновения и общего метода. Подчеркивают, что согласно данному методу картина определенного бытия и могут быть разными».

Исходя из того, что такая картина мира формируется в сознании человека в результате познания мира (когниция), эти исследователи называют непосредственную картину мира «когнитивной картиной мира». Они показывают результат фиксации (выражения) концепций и стереотипов посредством системы вторичных символов, которые материализуют существующую в сознании человека когнитивную картину того же мира. В числе таких картин они включают лингвистические и художественные картины мира [6: 5– 6]. Следует также отметить, что эти исследователи являются сторонниками невербального мышления, то есть сторонниками взгляда о реализации мышления без языка [7: 20–22].

Здесь уместно высказать серьезное возражение против изложенного выше мнения. В то время, когда картина мира делится на непосредственный (первостепенный) и опосредованный (второстепенный) типы, а языковая картина

мира интерпретируется как опосредованная, т. е. второстепенная картина мира, другими словами, как косвенная картина, роль языка в формировании когнитивной картины мира сам по себе кажется полностью отрицаемым. Сами авторы оспариваемого нами мнения подчеркивают, что непосредственная картина мира «зарождается в национальном сознании». Несомненно, национальное сознание не может существовать без национального языка, что является истинной, признанной в языкознании. Большинство исследователей подчеркивают, что ограничение роли языка в познавательных процессах лишь кодированием и выражением существующих ментальных понятий, готовых концептов противоречит научной истине, что никакая форма мыслительной и психической деятельности человека не может быть реализована без языка, что только по языку можно узнать о структуре сознания [4: 8]. Естественно, что интерпретация процессов сознания и мыслительной деятельности как явлений, совершенно не связанных с языком, разрушает баланс любой научной логики. Как уместно отмечал профессор Ш.Сафаров, «на самом деле трудно представить, как происходит «невербальное мышление», потому что мысль о бытии мы можем прочесть только через языковые формы» [8: 270]. Тот факт, что одним из центральных понятий в картине мира является «концепт» и что данная картина представляет собой целую «концептосферу», состоящую из этих понятий, стал устойчивой теорией в современной науке. Однако, какой бы ментальной ни был концепт, не корректно будет его охарактеризовать как понятие, полностью свободную от языка и национально-культурных элементов. Так как «в содержании концепции отражение мировоззрения носителей языка и других национально-культурных символов неизбежно. Сила национального и своеобразия, и культуры в том, что даже содержание концептов общечеловеческого значения может иметь различные дополнительные коннотативные смысловые компоненты» [8: 279].

В масштабных идеях В.Гумбольдта и его последователей (Л. Вейсгербера, Э. Сепира, Б. Уорфа и др.), послуживших исходной основой возникновения современной антропоцентрической лингвистики, т. е. лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, которые сформировались рядом с ней, показана ни с чем не сравнимая роль языка в познании мира. Эти исследователи, основываясь на значительных семантических различиях между языками, пришли к выводу, что язык определяет мышление и познание людей, и, следовательно, их мировоззрение и целостную картину мира, возникающую в их сознании. Суть данного вывода в том, что люди, говорящие на разных языках, создают разные картины мира, своеобразно воспринимают мир [11: 151].

Конечно, у каждой нации свой национальный образ мышления. Когда знаменитый американский лингвист Бенжамин Ли Уорф выдвинул идею, что «Если бы Ньютон не говорил по-английски, не мыслил на английском, его великое открытие о вселенной было бы несколько иным», он, естественно, имел в виду своеобразный английский образ мышления, основанный на этом английском языке. «Особенность образа мышления, реализуемого посредством языка, – это уникальность видения и восприятия бытия в определенном смысле. Каждый народ видит, слышит и наслаждается по-своему. Например, возьмем название птицы «*читтак*». При названии данной птицы, узбеки основывались на движениях птицы. Эта птица движется быстро («чит-чит»), узбек первым увидел её движения, а русский человек первым увидел цвет этой птицы. Этот цвет он взял за основу названия птицы и назвал её *синицей*. Или узбек

слышит звук, издаваемый цыпленком как «джип-джип», поэтому называют его «джуджа» (жўжа – птенец). А русские называют его циплёнок, потому что они слышат это как «цип-цип». Это, конечно, очень простые примеры. На самом деле то, что каждый народ видит, слышит и воспринимает мир по-своему происходит довольно сложно» [5: 19–20].

Следует еще раз подчеркнуть, что интерпретация языковой картины мира, как результат простого отражения существующего в человеческом сознании картины мира средствами языка есть не что иное, как безрассудная банальность неопишуемой силы, как язык человека. В формировании когнитивной картины мира, в целом, в достижении конкретной цели последовательного действия, называемого познанием, нельзя закрывать глаза на строгие правила языковой системы.

Нельзя отрицать место языка в различных картинах мира, как философской, художественной, научной, и в то же время место этих картин в языке. Как справедливо отмечают исследователи, язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира, т. е., во-первых, в языковая картина мира, которая является самым глубоким пластом картины мира в сознании человека формируется в недрах языка; во-вторых, сам язык выражает и проявляет (эксплицирует) в человеке другие разновидности картины мира; таким образом, экспериментальные знания, приобретенные отдельными индивидами, становятся коллективными (народными), общественным (народным) достоянием только с помощью языка. Поэтому уместно сказать, что языковая картина мира имеет особый статус. Значит, национальный способ видения и порядок восприятия народа, прежде всего, фиксируется в языковой картине мира данного народа.

Языковая картина мира является совокупностью представлений о мире, способов понимания и разделения мира, исторически сложившихся в сознании соответствующего языкового сообщества и закрепившихся в его языке и она обычна, естественна и обязательна для всех носителей данного языка. Именно это обычность, естественность и обязательность обеспечивают продолжительность, долговечность языковой картины мира, его выживание и преемственность в языковом сообществе (народе, нации) между историческими периодами, перехода её из поколения в поколение.

Несомненно, стоит отметить, что в создании и отражении языковой картины мира особое место занимает словарное богатство языка, то есть его лексический (-фразеологический) пласт. О.А. Корнилов убедительно обосновал тот факт, что каждый конкретный язык со своим лексическим запасом демонстрирует свою языковую картину мира, обладающую национальным своеобразием. Можно прямо сказать, что в формировании языковой картины мира словарный запас языка, в том числе термины, а также фразеологические выражения имеют особое место, что является одним из правил, признанных в современной антропологической лингвистике [2: 75–291].

Также давно известна та истина, что нет на земле языка, который был бы совершенно чистым и не заимствовал бы слово или термин из другого языка. В разные периоды исторического развития, как закономерный результат разного уровня отношений между разными, далекими и близкими народами, один из языков этих народов в той или иной степени влиял на другой, от одного перешло не много, не мало, определенное количество слов к другому, и конечно известно, что эти процессы происходили естественно-добровольно, а порою

принудительно, под давлением. Отношение лингвистов, филологов и вообще интеллигенции к этим процессам никогда не было совершенно одинаковым. Если некоторые специалисты данное явление оценивают как положительный процесс, который служит обогащению языка, некоторые характеризуют это совершенно вредным явлением, который вредит чистоте языка. В этом случае больше всего проявляется радикализм, что является последствием игнорирования вопроса нормы заимствования иноязычных слов, объективных факторов и принципов естественного развития языка.

Сегодня в Узбекистане действует закон «О государственном языке», который гарантирует статус узбекского языка как государственного и защищает этот язык от всех угроз.

Во многих странах мира предпринимаются серьезные усилия по сохранению чистоты языков. Недаром основное направление предпринимаемых усилий сосредоточено на ограничении заимствования иноязычных слов законодательным путем. Например, в Израиле действует закон, запрещающий использование иноязычных заимствований в литературном иврите, который был разработан академией языка иврит при правительстве. Также законодательство во Франции не допускает использования лексики, заимствованной из английского языка в рекламно-торговых продукциях [3: 58]. Таких примеров не мало.

Следует признать, что заимствование слов из другого языка оказывает существенное влияние на языковую картину мира заимствующего языка. С разумной целью не нарушить существующий баланс в языковой картине мира на том или ином языке пытаться ставить барьер иноязычным заимствованиям было бы неправильно. Ибо такая попытка нецелесообразна особенно в сегодняшнее напряженное время, так называемую эпоху глобализации, которая не реагирует на пространство и расстояние.

Иноязычные слова, выражающие понятия, связанные с современной передовой наукой, техникой, технологиями, в частности, английские слова (американского варианта) сегодня стремительно входят во многие языки мира. Даже у сегодняшних японцев, которые очень бдительно относятся к влиянию других языков, 99% компьютерной терминологии заимствовано из английского [12: 69].

Естественно, что уровень знания человека (народа) о мире, картина мира в его воображении, совокупность знаний не стоит на одном месте, непрерывно развиваются, в результате чего в рамках данной картины появляются новые понятия и концепты. Иными словами, обогащается картина мира, то есть «концептосфера». Как справедливо заметил профессор Ш.Сафаров, «конечно, концептосфера не является статичным явлением, ее территория постоянно расширяется, поскольку потребности и возможности человека в восприятии действительности растут, увеличивается объем ее запаса концептов, более сложным становится ее содержание. Индивидуальные концептосферы, в свою очередь, становятся основой формирования концептосферы отдельных социальных групп – обществ, этносов и, наконец, наций. Содержание концепта, занявшего место в области национальной концептосферы, расширится, оно станет единицей национально-культурной ценности.

Такой концепт в концептосфере определенного народа, то есть в национальной картине мира, иначе говоря, какое-либо понятие может переходить в национальную картину другого народа. Это, разумеется, произойдет в ре-

зультате того или иного уровня потребности. Например, невозможно найти народ или нацию, которая бы не знала специального устройства, обеспечивающего голосовую связь на расстоянии, которое было изобретено сто пятьдесят лет тому назад и это устройство проникло во все уголки мира, куда-то гораздо раньше, а куда-то – относительно позже. Во времена своего изобретения, это устройство, называвшееся *телефоном*, сегодня называется тем же именем (точно или в определенных фонетических вариантах) практически на всех языках мира, включая узбекский. Такое иностранное название заимствовано во многие языки мира по мере потребности людей к данному предмету.

Такое заимствование является объективной необходимостью и суть его заключается в заимствовании понятий и концептов из иностранных картин мира. Естественно, что в результате этого концептуальная картина мира в языке, который заимствует новые слова расширяется [9: 80]. Разумеется, подобные заимствования существенно влияют на языковую картину мира, то есть восполняют пробелы (лакуны) в данной картине [13], точнее, соответственно обогащается языковая картина и заимствующего языка. Следует вспомнить, что большинство слов (терминов), относящихся к компьютерным технологиям, в узбекском языке являются иноязычными заимствованиями (из английского, русского языков) и признать, что это вполне закономерно, так как заимствование слова происходит вместе с заимствованием понятия. Это – первый тип заимствования иноязычных слов, и носители заимствующих языков ревностно не смотрят на это (хотя есть и такие, кто считает заимствование любого иностранного слова неуместным для родного языка). Как справедливо отмечал проф. Б.А. Серебренников, усвоение в форме «понятие + слово» является способом, который сталкивается с наименьшим социальным сопротивлением, поскольку на нем расширяются и концептосфера усвоенного языка, и языковая картина мира, и возникает симметрия между ними [9: 80].

Когда заимствуется иностранное понятие, может быть выбрано для данного понятия слово из языка, с которого оно заимствуется или может быть образовано новое слово (калька), не заимствуя иностранное слово, которое выражает данное понятие. Например, когда заимствовалось русское понятие «предприниматель», для ее названия было выбрано узбекское слово *тадбиркор*, и это слово вошло в действующий словарь узбекского языка. Или при заимствовании понятия «сотовая связь», это русское словосочетание было заимствовано путем калькирования на узбекский язык, то есть в узбекском языке была образована номинативная единица как «сотовая связь». Конечно, и при такой форме усвоения понятия наряду с концептуальной картиной мира обогащается языковая картина мира в языке, который заимствует, то есть конкретное слово языка, который заимствует слово приобретает новое значение или появляется новая единица.

Для обозначения понятия, существующего в заимствующем языке, заимствование слова из другого языка является еще одним особым, вторым типом заимствования слова. Например, в узбекской национально-культурной картине мира существует понятие «создатель какого-либо произведения, изобретения и т. п.», и это понятие издавна выражалось словом «муаллиф» (автор), однако под определенным субъективным обязательством было заимствовано в узбекский язык слово «автор», выражающее данное понятие на иностранном языке (сегодня в узбекском языке восстановлено «устаревшее» слово *муаллиф*, и

слово *автор* практически вышло из употребления). При этом типе заимствования слова не происходит изменения концептуальной картины мира в сознании носителей принимающего языка, изменение затрагивает только языковую картину мира в принимающем языке. Такое положение определяет суть принципиального различия между этими двумя типами заимствования слов. Следует также отметить, что в английской лингвистической терминологии эти два вида заимствования часто называются разными терминами, а именно: совместное заимствование понятия и слова, которое представляет данное понятие – «borrowing», заимствование слова из другого языка для выражения существующего «собственное» понятие – «loaning» [9: 81]. Ясно, если реальной и конечной целью первого типа является заимствование нового понятия, тогда как реальной и конечной целью второго типа является заимствование только иностранного слова. К тому же нельзя не заметить, что первый тип заимствования слов имеет объективные основы, а второй тип больше связан с определенными субъективными причинами.

Следует особо отметить, что первый тип заимствования слова становится важным фактором переполнения концептуальной картины мира и, следовательно, приводит к развитию языковой лексики. Например, в последние годы узбекская борьба заняла достойное место в ряду мировых видов спорта, и вошла в концептуальную картину разных народов мира как специфическое понятие, и таким образом узбекское слово *борьба* (вместе с такими словами, которые связаны с термином *кураш* и уже превратились в термины, как *ян-баш*, «*халол*», *чала*, *гирром*, *дакки*, *тухта*) обосновалось в языковой картине мира разных языков, и конечно же, обогатилась лексика других народов. Или же в узбекском языке понятия, выражаемые русскими словами *квас* и *сутка*, не назывались отдельным словом, поскольку эти понятия не существовали в картине узбекского национально-культурного мира. Данные понятия и обозначающие их слова были заимствованы в узбекский язык, и естественным образом обогатили концептуальный и языковую картину узбеков.

Естественно, что национальное возрождение народа в период серьезных перемен в истории общества приобретает особую силу и скорость. В такие времена среди проблем национальной духовности, культуры и просвещения особое внимание уделяется языку и чистоте его словарного запаса, что такая ситуация является абсолютно приемлемой. Однако в большинстве случаев такие действия отклоняются от таких правильных направлений, как умеренность, беспристрастность, и впадают в радикализм, что связано с неумением правильно оценивать закономерности, заложенные в природе языка, и неумением адекватно определять соотношение внутренних и внешних факторов, обеспечивающих его лексическое развитие. Достаточно это проиллюстрировать парой примеров из нашей недавней истории. Такие слова, как *институт*, *аэропорт*, *архив*, *стадион*, *газета*, *журнал*, *факультет*, которые были ассимилированы в наш язык вместе с соответствующим понятием и стали нашими собственными словами. И попытки выводить эти слова из обихода под «клеймом» иноязычными элементами и вместо них пытаться ввести такие якобы узбекские слова, как *олийгох*, *тайёрагох*, *хужжатасровхона*, *уйингох*, *рўзнома*, *мажалла* (*ойнома*, *ойбитик*), *куллиёт*, в язык не было необходимостью и такие «реформы» остались вне языка. Как справедливо отметил известный узбекский академик А. Хаджиев, «подобная попытка не принесет узбекскому языку и его пользователям ничего, кроме вреда» [10: 13].

Сегодня в независимом Узбекистане стремительно развиваются духовные, образовательные и экономические реформы. Также систематически совершенствуется словарный запас узбекского языка благодаря сформированной беспристрастной языковой политике. Факты в развитии лексики и терминологии узбекского языка в период независимости показывают, что довольно широко распространен первый тип заимствования слов. К первому типу иноязычного заимствования относятся следующие слова и термины, относящиеся к общественно-политическим, культурно-просветительским, экономическим и передовым техническим отраслям: *брифинг, брокер, бартер, лизинг, бизнес, обмен, грант, биржа, грант, дивиденд, дефицит, профицит, инвестиция, инвестор, маркетинг, интернет, онлайн, компьютер, принтер, сервер, файл, сайт, веб-сайт, винчестер, рейтинг, флешка, имидж, лицей, колледж, гимназия, бакалавр, магистр, тест, грант, мультимедиа, модернизация, диверсификация, диагностика* и т. д. Подобные иноязычные заимствования свободно используются не только в рамках соответствующих сфер, но и в речи широкой публики.

Следует также отметить, что с ростом общего уровня развития общества в гармонии с подъемом науки и технологий в мире, а также с систематизацией и укреплением отношений, связей между странами в различных областях, значительно сократится негативное отношение членов общества к иностранным заимствованиям на их родном языке.

В заключении можно подчеркнуть, что сегодня в лексике и терминологии узбекского языка в период независимости первый тип заимствования слов получил размах и стал активным, а второй тип заимствования стал значительно пассивным. И следует признать, что данное положение является одним из своеобразных принципов развития лексики и терминологии узбекского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. Зачем японцам гайрайго? / http://ru-jp.org/yaponovedy_alpatov_01r.htm
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: МАЛП, 1999.
3. Маринова Е.В. «Вечный вопрос» о заимствованиях // Русская речь. – М., 2014. – № 2. – С. 58.
4. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2007.
5. Махмудов Н.М. Тилимизнинг тилла сандиғи. – Тошкент: Ғ. Ғулом номидаги нашриёт-матбаа ижодий уйи, 2012.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Изд. 3., перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
8. Сафаров Ш. Семантика. – Ташкент: «Ўзбекистон миллий энциклопедияси» Давлат илмий нашриёти, 2013.
9. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – М.: Наука, 1988.
10. Ҳожиев А. Термин танлаш мезонлари. – Ташкент: Фан, 1996.
11. Чесноков П.В. Картина мира в языке и речи // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 2. – Т. 1 (Гуманитарные науки).
12. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации. – М.: Флинта, 2012.
13. Шмелев А. Ложная тревога и подлинная беда // Отечественные записки. – 2005. – № 2 (23). – URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lozhnaya-trevoga-i-podlinnaya-beda>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАРЕЧИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

И.К. Мирзаев

Самаркандский государственный университет (Самарканд)

В данной статье исследуются вопросы квантативов наречий. Квантативная категория наречий не только в тюркском языке, но и в языках иной системы. Квантативная категория исследуется как синтаксические функции наречий.

Категории квантативов исследуются с синтаксической и семантической точек зрения. Данная трактовка более всего ближе к семантическим исследованиям. Исследуются грамматические и семантические категории в языках тюркского происхождения. Примеры взяты из источников, содержащих богатые контекстуальные значения.

Ключевые слова: квантативы, наречие, семантика, синтаксика, грамматика, категория, качества, обстоятельства, функция.

In given articles are investigated questions kvantativ adverbs. A kvantativ category of adverbs not only in Turkic language, and also in languages of other system. In the majority adverb researches as categories qualitative and adverbial. The kvantativnaja category is investigated as syntactic functions of adverbs.

Category kvantativs are investigated from the syntactic and semantic point of view. The given treatment most of all is closer to semantic researches. We investigate grammatical and semantic categories in languages of a Turkic origin. Examples are taken from sources which contain rich contextual values.

Key words: kvantativs, an adverb, semantics, syntactics, grammar, a category, qualities, circumstances, function.

Изучение категорий квантативности интересует исследователей с древних времен. Однако до сих пор в научной литературе не сложилось единого мнения в трактовке этого вопроса.

В частности, наречия в теоретических источниках изучаются как категории качественные и обстоятельственные. Хотя категория квантативности в наречиях исследуется как синтаксические функции наречий [3].

Академик В.В. Виноградов категории количественности (квантативности) наречий рассматривает как количественные наречия: «Одни из количественных наречий, подчеркивает он, – преимущественно те, которые обозначают степень, сочетаются с глаголами, прилагательными и наречиями, а также изредка – с существительными, имеющими оттенок качественного значения. Например: очень сильный, очень громко, очень похудел, «очень не дрянь» (Гоголь), очень не дурак; крайне мстительный, крайне встревожен; много больше, много спит, меньше жаль, меньше ленится; другая группа количественных наречий, преимущественно те, которые указывают меру или числовое выражение степени, сочетаются только с глагольными и отглагольными словами, обозначающими уменьшение, увеличение, или с прилагательными и наречиями в форме сравнительной степени. Например: вдвое больше, втрое больше, брак в производстве уменьшился вдвое, уменьшение цен вдвое и т. п.; ср.: гораздо больше, цены снизились вдвое и т. п. и, наконец, третья группа количественных, вернее, числовых наречий, преимущественно те, которые обозначают об-

стоятельство, выраженное в числах, сочетаются почти исключительно с глаголом и отглагольными существительными, например: вдвоем, впятером, надвое, натрое, по двое и т. п. раз, два, три и др.» [3: 296].

Судя по классификации количественности наречий, видно, по значениям словесного знака они имеют семантико-грамматическое звучание. Между тем эти явления в лингвистике разносистемных языков не изучаются как количественные наречия либо как квантативность наречий. Категория квантативности – очень сложный семиотический феномен. Категории количественности не только в наречиях, но даже и в других лексико-грамматических группах (или категориях) выражаются имплицитно. Их проявления эксплицитно не выражаются. В силу этого их обозначения должны рассматриваться с позиций содержательных лингвистических категорий.

Академик В.В. Виноградов дает следующие пояснения к этим грамматическим явлениям и их содержательным категориям: «...Количественные наречия образуют лишь переходный, промежуточный тип между качественными и обстоятельственными классами наречий, примыкая то к тому, то к другому. Они еще не приобрели резких признаков самостоятельного грамматического класса в системе наречий. Там же, где в количественных словах намечаются новые морфологические признаки и новые грамматические значения, они сближаются с модальными словами и должны быть рассматриваемы как смешанный, переходный тип слов, совмещающий функции наречий и модальных слов» [3].

Профессор Дж. Буранов, исследуя квантативность наречий как категорию множественности, указывает следующее: «Наречия выражают множественность либо независимо от других разрядов слов (такие наречия называются первичными), либо значение множественного числа наречия зависит от тех разрядов слов, от которых они образованы (такие наречия называются вторичными). Вторичные наречия имеют широкое распространение. Они образуются от прилагательных, числительных, существительных и т. д. [2: 226].

Он подытоживает свою мысль, подкрепляя и несколькими примерами, выражающими множественность в английском языке: *Withal* – к тому же, вдобавок; *together* – вместе, совместно; *along* – вместе с; *collectively* – совместно, коллективно; *twice* – дважды; *fourthly* – в-четвертых; *trebly* – тройне; *frequently* – часто; *numerously* – в большом количестве [3].

В тюркских языках отдельные наречия также выражают множественность, причем посредством использования корневых, производных или сложных основ.

А.Н. Кононов на материале узбекского языка выделил следующие количественные наречия: *кўп* – много, обильно; *тўла* – заполнена; *анча* – много, в большом количестве; *талай* – немало, много; *кўплашиб* – совместно, все вместе; *кўплаб* – понемногу; *бисёр* – многочисленно; *аксарият* – большей частью; *ялпичасига* – сплошь; *улгурчасига* – оптом; *бараварига* – совместно; *каторасига* – подряд; *челаклаб* – ведрами; *тонналаб* – тоннами; *хар вақт(да)*, *хар замонда* – всегда; *хар томонда* – (по)всюду; *хар тарафлама*, *хар томонлама* – в сесторонне; *хамма ерда* – всюду; *хамма ёқдан*, *хамма ердан отовсюду* и др. [5: 382–390].

В казахском языке множественность выражается с помощью наречий количества и меры, а также собирательных наречий: *онша* – столько; *сонша*, *осынша* – столько, сколько; *соншолык* – столько, настолько; *осыншалык* –

столько; соншама – столько; оншама – столь; айтарлыктай – столь; бірталай – значительно, изрядно; бѣіркындырыу, екеулеп – вдвоем; ушелеп – втроем; он-ондап – по десять; коп-копден – помногу; турліше – различно; мол – обильно; бірге – вместо, совместно; бірлесір, қосылып – совместно; коп – много и др. [7: 255–357].

В киргизском языке множественность также передается посредством наречий. Например: коп – много; турдууча – разнообразно; кошумча, кошумчалап – дополнительно; коша – вместе, совместно; бирге – вместе; ашыкча – излишне, сверх нормы; ошончалук – столько, настолько, в таком количестве; анчалык – столько, настолько; мынча, мынчалык – столько; айлап – месяцами; биротолоо – совсем и др. [4: 114–118].

В каракалпакском языке к наречиям, выражающим множественность, можно отнести слова следующего типа: коп – много; бирге, биргеликте, биргелесип – вместе, совместно; мол – обильно; косымша – дополнительно; турли, турлише – разнообразно; кебинше – большей частью, больше всего; коп-коп – много-много; аз-маз – немножко и др. [1: 217–224].

В туркменском языке к наречиям, выражающим множественность можно отнести следующие: коп – много; копланч – в большинстве случаев; артык, хас – больше; биле, билеликте, билелешиб – совместно, вместе; тиз-тиздан – часто; зыят – больше, свыше; икилеп – по два; дордлеп – вчетвером; анрык-берик – туда-сюда; чар тарапдан – отовсюду; хемме ерден – отовсюду; даш-теверекде – кругом; хемише – всегда; орен, гаты – слишком; коп вагтлап, узак вагтлаб – долго; гаитадан – вторично; ямашган – вторично; уч гайта – трижды; ики гезек – вдвое и многие др. [8: 201–235].

Наречие основательно исследовано в современных якутском, казахском, азербайджанском, узбекском, кыргызском, туркменском, татарском, уйгурском и других тюркских языках. В научных работах определено место наречия среди других частей речи, выявлены границы между наречием и другими грамматическими категориями – прилагательным, существительным, деепричастием, модальными словами и др. [4: 114–118].

Однако нуждается в более тщательной некоторые вопросы научной разработке. Почти во всех грамматиках и грамматических исследованиях, посвященных изучению строя тюркских языков, дается одна и та же повторяющаяся формулировку: «наречие есть такая грамматическая категория, которая указывает на признак или качество действия или признак признака» [8: 201–235]. В основе этого определения лежит учет синтаксической функции слов. Такое определение было предложено еще задолго до новой эры представителями древнегреческой грамматической школы. Позднее это определение наречия почти без изменения было заимствовано приверженцами александрийской грамматической школы, а еще позже получило распространение среди арабских и европейских лингвистов, в том числе и исследователей тюркских языков. Механическое распространение упомянутого определения наречия на тюркские языки привело к тому, что ученые стали относить к наречиям прилагательные, стоящие в позиции перед глаголом. Поиски слов, выражающих признак признака (а подобных слов в числе наречий в тюркских языках очень мало), привели к тому, что исследователи тюркских языков часто стали принимать за наречия, выражающие признак признака, языковые элементы, усиливающие значение признака или качества прилагательного. До настоящего времени эти элементы почти всеми лингвистами рассматриваются в качестве

наречия. А между тем, как известно, они не обладают собственным лексическим значением и поэтому скорее всего являются частицами.

Наречие в тюркских языках представляет собой морфологически установленную часть речи. Поэтому оно должно быть определено не по синтаксической функции слов, а по морфолого-семантическим признакам.

Наречие отличается от других знаменательных частей речи тем, что оно морфологически не изменяется, не называет предмета, не указывает на его форму или свойства. Перечисленные качества сближают эту категорию с незнаменательными частями речи, однако в отличие от них наречие обладает собственным лексическим значением.

Необходимо остановиться также на вопросе о возникновении наречий в тюркских языках. В лингвистической литературе все чаще высказывается предположение, что наречия в далеком прошлом отсутствовало в тюркских языках и появилось значительно позже других знаменательных частей речи. Исследователи приходят к такому заключению на основании того, во-первых, что наречия образуются на базе других частей речи, и, во-вторых, что определенная группа имен прилагательных без оформления может выражать в предложении одновременно качество или признак действия.

Еще меньшая ясность достигнута в вопросе об удвоенных формах прилагательных или существительных, выражающих в предложении признак или качество предмета и действия. Удвоенные формы прилагательного типа йахшы-йахшы, узун-узун (в азербайджанском) и т. п. в зависимости от употребления в предложении могут указывать на признак или качество предмета и действия [6: 58–68].

Примеры из азербайджанского языка: йахшы-йахшы мевалар – хорошие-хорошие фрукты; йахшы-йахша данышмађ – говорит хорошенько; узун – узун йоллар – длинные дороги; узун-узукн донышмађ – говорит без конца (долго).

Параллельное употребление такого рода сложных слов в атрибутивно-обстоятельственном и атрибутивно-определятельном значениях, на первый взгляд, дает основание отождествлять их с простыми прилагательными, которые без морфологического оформления в предложении могут указывать на качество действия. Как известно, современным языкознанием подобные слова, независимо от характера их употребления в предложении, рассматриваются в качестве прилагательных. В связи с этим, естественно возникает вопрос: куда отнести повторные формы прилагательных – к адвербиальным словам или к именам прилагательным, выступающим в функции обстоятельств?

Удвоенные формы прилагательных отличаются от простых прилагательных своеобразными грамматическими свойствами:

во-первых, они не субстантивизируются, а поэтому и не изменяются по падежам и числам;

во-вторых, они не образуют степеней прилагательного. Уже на основании этих грамматических особенностей удвоенные формы прилагательных логично считать наречиями. В тюркских языках встречаются также и другие повторы, образованные путем редуPLICATION имен существительных.

Примеры из азербайджанского языка: парча-парча – по кускам; гашығ-гашығ – по ложкам; бошгаб-бошгаб – по тарелкам. Перечисленные выше парные слова в большинстве своем могут выражать качество либо количество не только действия, но и предмета. Например: парча-парча генд – кусковой сахар; гашығ-гашығ су – вода по ложке; бошгаб-бошгаб йемак – еда по тарелке.

Однако, несмотря на эту синтаксическую особенность, данные повторы независимо от места в предложении проявляют себя как наречия. Сложные слова этого рода отличаются от простых существительных, выступающих в роли первого компонента изафета первого типа тем, что они:

1) в основном выражают способ, количество, а иногда и время совершения действия;

2) с удвоением утрачивают именные значения и не изменяются по падежам и числам;

3) не могут иметь при себе определения, т. е. выступать в роли определяемого, так как, удваиваясь, приобретают качество определителя действия (иногда предмета).

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Т. II. Часть первая. – М., 1952.
2. Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. – М.: 1983.
3. Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1972.
4. Дыйканов К., Худайбергенов С. Қырғыз тилинин морфологияси. – Фрунзе, 1957.
5. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.-Л., 1960.
6. Севортян Э.В. Из истории прилагательных в тюркских языках // Тюркологические исследования. – М.-Л., 1963. – С. 58–68.
7. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. – Алма-Ата, 1966.
8. Сравнительная грамматика русского и туркменского языков. Ч. 1. Фонетика и морфология. – Ашхабад, 1964.

УДК 812.112

О СООТНОШЕНИИ ТЕКСТОЦЕНТРИЧЕСКОГО И ЛЕКСИЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ К СЕМАНТИКЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

М.Н. Мирзаева

Навоийский государственный горно-технологический университет (Навои)

Метапредметный статус учебной дисциплины «Русский язык» определяет специфику стратегии ее преподавания: основной целью обучения русскому языку следует считать речевое развитие личности обучающегося. Коммуникативно-деятельностный подход правомерно рассматривать как идейную основу языкового образования, что обусловливается необходимостью формирования у обучающихся представления о языке как об инструменте общения.

Ключевые слова: текстоцентризм, лексоцентризм, семасиология, ономасиология, семантика.

The meta-subject status of the academic discipline “Russian Language” determines the specifics of its teaching strategy: the main goal of teaching Russian should be considered the speech development of the student’s personality. The communicative-activity approach can rightfully be considered as the ideological basis of language education, which is due to the need to form students’ understanding of language as a communication tool.

Keywords: text-centrism, lexocentrism, semasiology, onomasiology, semantics.

Соответственно, актуальной в условиях современного образования проблемой является поиск и внедрение в процесс обучения русскому языку орга-

низационных форм, которые способствовали бы речевому развитию обучающихся. Кейс-технология представляется продуктивным способом организации учебного процесса, гармонично сочетая коммуникативный аспект, стимулирование развития познавательных и регулятивных умений обучающихся и ориентацию на их самостоятельную деятельность. Кроме того, кейс-технология позволяет выстраивать процесс с учетом текстоцентрического принципа изучения русского языка: именно посредством работы с текстом обучающиеся осмысливают язык как средство решения коммуникативных задач.

Цель статьи – обоснование принципов конструирования текстоцентрического кейса как лингводидактической основы современного урока русского языка. Авторами предлагается концепция структурной организации текстоцентрического кейса, состоящего из текста, дополнительных материалов и комплекса вопросов и заданий, целью которых является интерпретация текста, активизация познавательной деятельности и речетворческое развитие обучающихся. Логика составления перечня вопросов и заданий, подбираемых учителем, основывается на распределении на блоки: подготовительный, перцептивный, внутритекстовый, контекстуальный и проектно-речетворческий. Вопросы и задания объединяются в блоки на основании общей локальной цели, достижение которой становится этапом осмысления текста и роли языковых явлений, функционирующих в нем. Предлагается также пример кейса, составленного в соответствии с обозначенной концепцией.

Глагольная лексика представлена глаголами, выражающими состояние, в ролевой структуре которых отсутствует действующий субъект, например: *be, belong, contain, exist, have, know, occur, possess, seem* и т. д. Вместе с тем преобладающий субстантивный характер предметной лексики не вызывает сомнений и обусловлен семантикой лежащего в ее основе предметного знания. Семантический анализ существительных позволил выделить в этом морфологическом классе слов целый ряд закономерностей. Так, абстрактные существительные составляют 89,9 % (498 л. е.) всех предметных существительных, или 61,0 % всей предметной лексики, например: *accuracy, advantage, analysis, impact, recognition* и т. д. Конкретные существительные представлены всего 56 л. е. (10,1 %), например: *computer, cpu, disk, machine, robot* и т. д., при этом 12 л. е. из 56 относятся к одушевленным существительным (*client, programmer, user* и т. д.). Эти данные подтверждают предположение о том, что предметная лексика английского подязыка программирования, отражающая высокоинтеллектуальную, абстрактную область человеческого знания, в большинстве своем является абстрактной.

Интересно отметить, что реализация терминологического значения у целого ряда существительных переводит их в разряд абстрактных, в то Т.Н. Хомутова 80 время как в общеупотребительном значении они относятся к разряду конкретных, например: *buffer* (область памяти, буферное запоминающее устройство – буфер, амортизатор, тормоз), *filter* (программа, обеспечивающая фильтрацию данных – фильтр), *tool* (вспомогательная программа – инструмент) и т. д. Очевидно, в английском подязыке программирования терминообразование связано с переходом конкретного значения в абстрактное по принципу функционального сходства, т. е. с процессом метафоризации.

Процесс переноса значения является весьма продуктивным в английском языке, в том числе в подязыке программирования. Об этом свидетельствует группа существительных, образованных от глаголов с помощью суффикса

-er (18 л. е., 3,2 %), которые в общеупотребительном значении обозначают конкретные средства деятельности или самих деятелей, в то время как в терминологическом значении – программы и программные средства, например: *compiler* (составитель – программа-компилятор), *developer* (разработчик – программа-разработчик), *processor* (процессорустройство – программа обработки данных) и т. д.

Среди предметной лексики выделяется группа существительных, именующих правила оперирования знаниями, методы и процедуры их получения, а также относящиеся к ним понятия, например *algebra, algorithm, method, procedure, rule* и т. д., насчитывающая 65 л. е., или 11,7 % всех предметных существительных. Отнесение такой лексики либо к предметной, либо к методологической сопряжено с определенными трудностями. Отнесение ее к предметной лексике обосновано присущим ей значением предметности, вместе с тем наличие в ее семантике «методологических» значений позволяет отнести ее и к лексике методологической.

Таким образом, приходится признать, что в силу своей многозначности данная группа слов входит в оба нечетких множества предметной и методологической лексики. Методологическое декларативное знание репрезентируется с помощью методологической лексики. Как показал наш анализ, методологическая лексика составила 49,7 % (585 л. е.) лексического минимума на 1 178 л. е. Как и предметная, методологическая лексика выявлялась методом компонентного анализа. Наличие сем «действие, деятельность, процесс, способ, оперирование, процедура, правило, отношение» и т. д. в семантической структуре единиц лексического минимума проверялось по авторитетным англо-английским и англо-русским словарям и являлось основанием для отнесения такой лексики к методологической, при условии наличия указанных сем в семантической структуре слова хотя бы в одном словаре.

Структурно-семантический анализ методологической лексики позволил выделить в ней полнозначную и неполнозначную (служебную) лексику. Полнозначная методологическая лексика представлена 497 лексическими единицами (85,0 %), именующими действия (*add, calculate, code*, Научный текст: интегральный анализ лексики 81 *compare, select, verify* и т. д.), деятельность (*adaptation, allocation, application, composition, comparison, refactoring, reduction* и т. д.), правила оперирования знаниями (*algebra, algorithm, axiom, equation, formula, lemma, rule* и т. д.), методы и процедуры их получения (*analysis, heuristics, hypothesis, logic, method, procedure, theorem* и т. д.), а также относящиеся к ним понятия (*category, class, concept, criterion, hierarchy, relation, schema, structure, system, term* и т. д.) и признаки (*actually, currently, consequently, precisely, randomly, partially* и т. д.).

Следует отметить, что выделенные семантические группы полнозначной методологической лексики представляют собой нечеткие множества, поскольку входящие в них лексемы реализуют свои значения в зависимости от контекста. Так, например, происходит с конверсионными парами *approach, class, code* и т. д., единицы которых в глагольной реализации выражают действие, а в качестве существительного – метод, результат или средство такой деятельности. Существительные, образованные от глаголов с помощью суффикса *-tion*, в одних контекстах могут реализовать значение действия, в других – предметное значение, например *construction* – построение и конструкция, *transaction* – обработка записи и сама запись файла и т. д. Как показал наш анализ, самой

представительной группой полнозначной методологической лексики является семантическая группа глагольной лексики, выражающей действия (253 л.е., или 50,9 % всей полнозначной методологической лексики), например: *distribute, execute, parameterize, use* и т. д.

Для лексикоцентрической семасиологии, семантика, содержание, значение входит в слово как его внутренняя сторона, и, поэтому, естественно, возникает вопрос о принципах и методах ее обнаружения. При этом не следует смешивать такую постановку вопроса с операционалистическими приемами, к которым очень часто фактически сводится дело.

Объектом семасиологического исследования для лексикоцентриста является слово, которое, реализуя свои значения в контекстах употребления, тем не менее рассматривается как инвариантная единица языка. Текстцентрический подход, представляющий собой часть современного формального языкознания, пришедшего на смену языкознанию структуралистическому, в чистом виде 1) не признает автономности слова и 2) ограничивает понятие контекста теми отношениями, которые можно обнаружить формальными средствами в печатном тексте. Таким образом оставляется без внимания экстралингвистический контекст. Иными словами, эти два направления могут быть охарактеризованы как собственно лингвистическое, то есть такое, которое исследует реальные факты, живое речепотребление, и абстрактно-семасиологическое, то есть такое всецело занимается построениями и гипотезами.

Исходные положения текстоцентрической лексикологии связываются с тем временем, когда развитие электронно-вычислительной техники поставило вопрос о технизации лингвистического исследования.

Имеется три способа выявления «семантического компонента», предлагаемые разными представителями текстоцентрической семасиологии, строящими свой анализ на дистрибутивно – трансформационной методике. Стремление сторонников порождающей грамматики, в течение ряд лет постулировавших форму как единственный предмет лингвистики и обходившихся «без обращения к семантике», ввести в свои построения «семантический компонент», естественно вылились в попытку найти в основе значения высказывания некие концептуальные структуры и изобразить, представить их либо в виде различных иерархий, либо с помощью других формальных средств, большей частью идущих от символики формальной логики. Такой подход, при котором семантический компонент рассматривается как нечто суммарное, определяющее значение целого высказывания, исключал интерес к значениям отдельных элементов лексических единиц как таковых.

Все более очевидный отход от языка, обращение к формальной логике, превращение лексикологии в своего рода «концептуалистику», облачающую лексические факты и явления в одежды абстрактных построений, привели к тому, что объектом изучения перестал быть язык. Его место заняли «концептуальные структуры», «оголенные мысли». При таком положении, как показали рассмотренные выше теории, обращение к лексическим единицам было неизбежно, так как без определения частных значений значения общие оказались недостаточно четкими и, что самое главное, не отвечали на вопрос о том, что действительно значит данное конкретное высказывание. Здесь исследователи натолкнулись на непреодолимую трудность. Как в рамках структурной семантики представить значения отдельных единиц? На помощь пришел компонентный анализ. Хотя ни Катц, ни Фодор, ни Макколи, ни другие не называют его

так, существо дела не меняется – они тем или другим способом записывают значение слова в виде комплекса составляющих его предельных семантических единиц.

Таким образом, оказывается, что никакой семантический анализ, включая анализ предложений, невозможен без детального раскрытия значений отдельных слов, а это, в свою очередь, невозможно без обращения к экстралингвистической реальности, потому что именно анализ экстралингвистической реальности позволяет вывести предельные семантические единицы.

Основным общим направлением современной семасиологии является поиск объективных методов обнаружения истины, то есть создание таких исследовательских процедур, которые позволили бы, наконец, поставить изучение внутренней стороны языка на вполне надежную научную основу.

Как можно видеть из изложенного выше, ни один исследователь не может пройти мимо того факта, что язык существует только в речи и через речь и никаких других форм существования не знает. Следовательно, лексика, или словарный состав языка «металл из руды», из бесчисленных реальных произведений речи. То есть относится к значениям: различные лексико-семантические варианты слова реализуются, устанавливаются, отделяются друг от друга в речи, в контексте, как правило, однозначно раскрываются только в конкретных словосочетаниях. Так, например, мы знаем, что значения слова сторона обнаруживаются только потому, что существуют такие сочетания как 1. с левой (правой, заднее и т. п.) стороны, смотреть по сторонам; 2. дальняя (чужая) сторона; 3. солнечная (теньевая) сторона улицы; 4. в стороне от жизни (борьбы); 5. лицевая (обратная) сторона; 6. сторона треугольника (квадрата) и т. п. поэтому нет никакого сомнения в том, что объективность суждений не может быть достигнута без обращения к тексту употребления соответствующих единиц. С этой точки зрения, казалось бы, нет разницы между лексическим и текстоцентрическим подходами. Однако эти не так. Разница есть и весьма существенная.

Объектом семасиологического исследования для лексического подхода является слово, которое, реализуя свои значения в контекстах употребления, тем не менее рассматривается как инвариантная единица языка. Текстоцентрический же подход, представляющий собой часть современного формального языкознания, пришедшего на смену языкознанию структуралистическому, в чистом виде 1) не признает автономности слово и 2) ограничивает понятие контекста теми отношениями, которые можно обнаружить формальными средствами в печатном тексте. Таким образом оставляется без внимания экстралингвистический контекст. Иными словами, эти два направления могут быть охарактеризованы как собственно лингвистическое, то есть такое которое исследует реальные факты, живое речупотребление, и абстрактно-семасиологическое, то есть такое, которое всецело занимается априористическими построениями и гипотезами о том, что можно мысленно представить. В этом и заключается принципиальное различие между ними.

Надо отметить, что исходные положения текстоцентрической лексикологии связываются с тем временем, когда развитие электронно-вычислительной техники поставило вопрос о технизации лингвистического исследования. Тогда возникла настоятельная потребность разработать настолько надежные приемы, чтобы их можно было легко и непосредственно подавать на механизмы. Поэтому выявление известных устойчивых внешних признаков, позволяющих применение простых, элементарных приемов, отыскание в той неопределенной

системе, какой является естественный человеческий язык, отдельных четких участков или участочков оказались весьма полезными. Однако попытка во что бы то ни стало охватить четкими формальными правилами весь язык или, хотя бы, придумать наборы правил, наподобие трансформаций, для сложнейшей семантической конфигурации слова, живой, непрерывно изменяющейся, реагирующей на изменения в общественной жизни, представляется нам нереальной. По существу, эти попытки приводят к языковедению без языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.
2. Медникова Э.М. Значения слова и методы его описания. – М., 1974.
3. Смирницкий. Лексикология английского языка. – М., 1956.
4. Улханов И.С. Отношение мотивации между глаголом и существительным со значением действия // Вопросы языкознания. 1975. – № 4. – С. 64–76.
5. Уфимцева А.А. Типы значения лексических единиц. – М., 1974

УДК 811.512.145

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ТАТАРСКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Р.Ф. Мирхаев, Б.К. Миннуллин

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
и Академии наук Республики Татарстан по проекту № 24-28-20132,
<https://rscf.ru/project/24-28-20132/>.*

В статье обсуждаются теоретические основы изучения социально-речевого портрета татарского общества второй половины XIX – начала XX века. В татарском языкознании данный вопрос ставится впервые. Его актуальность определяется все больше возрастающей в современных условиях необходимостью выявления социальных механизмов поддержания функциональной мощности национальных языков. По мнению авторов, в определенной степени они находят свое отражение в структуре указанной социолингвистической категории. В работе ими дается предварительная оценка научным разработкам ученых в области теории языковой ситуации, языковых коллективов и языковой личности в целях определения возможности их применения в исследованиях, направленных на изучение социально-речевого портрета татарского общества второй половины XIX – начала XX века.

Ключевые слова: татарский язык, диахроническая социолингвистика, социально-речевой портрет, языковая ситуация, языковой коллектив, языковая личность.

The article discusses the theoretical foundations of studying the socio-speech portrait of Tatar society in the second half of the XIX – early XX century. This is the first time this question has been raised in Tatar linguistics. Its relevance is determined by the increasingly increasing need in modern conditions to identify social mechanisms for maintaining the functional power of national languages. According to the authors, to a certain extent they are reflected in the structure of this sociolinguistic category. In their work, they give a preliminary assessment of the scientific developments of scientists in the field of the theory of language situation, language collectives and language personality in order to determine the possibility of their application in research aimed

at studying the socio-speech portrait of Tatar society in the second half of the XIX – early XX century.

Keywords: Tatar language, diachronic sociolinguistics, socio-speech portrait, language situation, language collective, language personality.

Вопрос разработки проблем теории социально-речевого портрета общества является значимым с точки зрения выявления механизмов развития национальных языков в структурном и функциональном отношениях. Актуальность последнего в свою очередь обусловлена задачами по их сохранению, которые перед учеными неизбежно ставят современные политические, экономические и культурные реалии. При этом соответствующие результаты могут дать работы, обращенные к тем периодам, в которые тот или иной язык достиг наивысшей точки своей эволюции. Для татарского языка таковым является вторая половина XIX – начало XX века. Именно этот исторический этап ученые выделяют как самый яркий в плане его развития [4: 209–201; 5: 153; 1: 4].

Функциональная развитость языка определяется прежде всего наличием его различных разновидностей [3: 236]. Именно они обеспечивают реализацию коммуникативных потребностей общества в тех или иных областях жизнедеятельности. Изучение видов языкового членения, а именно стратификационного и ситуативного, социальная обусловленность которых уже давно установлена, представляет собой одну из актуальных направлений социолингвистической науки. Оно дает широкие возможности как в описании современного состояния языка, так и в его исторических реконструкциях. Другими словами, анализ языковых дифференциаций позволяет выстроить подробную экспликацию закономерностей и фактов эволюции языка, а также детально объяснить происхождение его структурных элементов.

Далее в диахронической социолингвистике в качестве основной структуры, которая «детерминирует функционирование и развитие своего языка, социализирует, присваивает либо отвергает те или иные варианты языковой техники, как спонтанно порождаемые эволюционирующей системой данного языка, так и проникающие из других родственных и неродственных лингвем» [2: 6], определяется социалема, т. е. «языковой коллектив, в рамках которого осуществляется обмен социальной информацией, речевое взаимодействие на данном языке или диалекте» [там же]. В историческом аспекте именно общественно значимая деятельность представляющих те или иные социальные слои, группы и сообщества индивидов оказывает определенное влияние на становление и развитие внешней и внутренней структуры языка и включает механизмы его развития.

На современном этапе учеными накоплен существенный опыт по исследованию рассмотренных выше категорий. При этом имеющиеся наработки в данной области в полной мере могут составить определенную базу для изучения проблем теории социально-речевого портрета общества, которая находится еще только на начальном этапе своего становления. В нашем случае данный задел будет полезен в выработке алгоритма исследования социально-речевого портрета татарского общества второй половины XIX – начала XX века, который авторами статьи представляется как интегральная совокупность речевых навыков представителей входящих в данное общество социальных слоев, групп и сообществ, реализуемых в определенных жизненных ситуациях и обусловленных их языковыми установками. Ввиду того, что последние непо-

средственно связаны с наличием или отсутствием социально обусловленных модификаций языка и формируются в рамках их взаимодействия в процессе его реконструкции, на первый план выходит анализ языковой ситуации, которая сопутствовала указанному историческому периоду. При этом по причине невозможности наблюдения напрямую за соответствующими языковыми явлениями, в качестве источников могут быть привлечены произведения татарских писателей-просветителей, живших и творивших в рассматриваемый период. В них находят свое отражение письменные литературные нормы и традиции, которые имели место в татарском языке в то время. Кроме того, они представляют интерес с точки зрения включенности в их языковую ткань речевых особенностей представителей основных корпоративных групп татарского общества второй половины XIX – начала XX века. Также будут полезны материалы из трудов ученых, которые жили в этот период и занимались изучением современного им состояния татарского языка. По причине того, что в указанных источниках фигурируют лишь отдельные лица и персонажи, определенную актуальность приобретают вопросы реконструкции языковой личности соответствующей эпохи и переноса его параметров на коллективный уровень.

На сегодняшний день теоретические основы исследования вопросов, связанных с изучением соотношения различных языков, форм их существования и функциональных разновидностей в рамках определенных географических ареалов, политических объединений и социокультурных сообществ, то есть языковой ситуации, которая в качестве краеугольного камня социолингвистических исследований была выведена еще в 30-е годы XX века, разработаны и развиты в работах У. Лабова, Ч. Фергюсона, Дж.А. Фишман, В.А. Аврорина, Л.П. Никольского, Г.В. Степанова, Ю.Д. Дешериева, А.Д. Швейцера. Кроме того, отдельные проблемы теории языковой ситуации, касающиеся взаимодействия литературных и разговорных идиомов, затрагиваются в исследованиях по теории и истории литературных языков. Здесь следует отметить труды К. Брокельмана, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, А.Н. Кононова, Н.А. Баскакова, Г.Ф. Благовой, Э.Н. Наджиба, Э.Р. Тенишева, Ф.П. Филина, А.И. Горшкова, М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко, Э.А. Груниной, Б.А. Успенского и др.

В татарском языкознании характер языковых ситуаций, формировавшихся в татарском обществе в различные периоды, в общих чертах раскрываются в исследованиях, посвященных изучению языковых особенностей старотатарских письменных текстов различных жанров, а также истории развития письменных литературных норм татарского языка. Здесь первыми образцами данного рода работ по праву считаются труды таких тюркологов как М. Иванов, С. Кукляшев, Н.Ф. Катанов и Н.И. Ашмарин. В 20–30-е годы XX века социальные аспекты развития татарского литературного языка в своих сочинениях освещают Г. Ибрагимов, Дж. Валиди, Х. Бадиги, Г. Толымбайский. Отдельные вопросы теории языковой ситуации в контексте истории развития татарского языка, а именно взаимодействия письменной разновидности его литературного идиома и разговорных форм, затрагиваются в трудах Ф.С. Фасеева, М.З. Закиева, В.Х. Хакова, Ф.С. Хакимзянова, Я.С. Ахметгалиевой, Х.Р. Курбатова, Ф.М. Хисамовой, И.Б. Башировой и др.

Также исследованию социолингвистических проблем функционирования татарского языка в условиях сложившегося в конце XX века в Республике Татарстан татарско-русского двуязычия, в частности изучению особенностей его

бытования в городской среде и в различных общественных сферах, симметричного и асимметричного видов двуязычия, характера взаимодействия татарского и русского языков и отражения данного взаимодействия на культуре речи, возможностей расширения сфер функционирования татарского языка как государственного, использования языковой политики как инструмента регулирования языковой ситуации, посвящены работы З.А. Исхаковой, Л.К. Байрамовой, Ф.К. Сагдеевой, И.М. Низамова, Ф.М. Гараева, Н.Х. Шарыповой, Г.Ф. Калгановой, Дж.Н. Тухватуллиной и т. д.

Далее вопросы соотношения литературного и диалектного идиомов татарского языка, которые также входят в круг проблем теории языковой ситуации, затрагиваются в трудах Л.З. Заляя, Л.Т. Махмутовой, Н.Б. Бургановой, Д.Г. Ахатова, Д.Б. Рамазановой, Ф.Ю. Юсупова, Ф.С. Баязитовой, Т.Х. Хайрутдиновой, З.Р. Садыковой, Ф.С. Сафиуллиной, И.С. Насипова, Ф.Ш. Нуриевой и др.

Проблемы, относящиеся к теории социально-речевого портрета общества, а именно связанные с изучением соотношения в его структуре стратификационной и ситуативной разновидностей языковой вариативности, форм существования языка, а также различных языков; с исследованием социальных условий реализации речевой практики той или иной группы, ее соотношенности с коммуникативными сферами; с моделированием социально-речевого портрета языковой личности, выступающего в качестве обобщенного представителя того или иного сообщества, раскрыты в работах Б.А. Ларина, Й.Л. Вейсгербера, П. Фридриха, В.В. Виноградова, Г.И. Богина, А.Д. Швейцера, Ю.Н. Караулова, М.В. Панова, Л.П. Крысина, В.И. Карасика, В.П. Нерознака, Т.П. Млечко и др.

В татарском языкознании отмеченный круг проблем в определенной степени находит свое отражение в исследованиях И.А. Абдуллина, Я.С. Ахметгалеевой, Н.Б. Бургановой, З.А. Хисамиевой, Э.Х. Кадировой (Вафиной), Х.Р. Курбатова, И.Б. Башировой, А.Х. Алеевой, Р.З. Мухаметрахимовой, М.Г. Мухамадиева, Ф.Ш. Нуриевой, Х.Х. Кузьминой и др., посвященных изучению лингвостилистических особенностей произведений представителей татарской литературы различных эпох.

В целом, в основу исследований, направленных на разработку проблем теории языковой ситуации, изначально, наряду с определением ее количественных характеристик, в частности совокупности взаимодействующих в рамках определенного социума, государства или географического ареала языков и их носителей, было положено также и изучение качественных составляющих рассматриваемой категории, а именно условий функционирования языков и субъективной позиции членов социума в отношении их. В дальнейшем научные изыскания в этой области были дополнены анализом социальных статусов и функционального потенциала языков и их идиом. На этой основе были установлены классификационные признаки языковых ситуаций и определены их основные типы.

Как показывает анализ работ татарских ученых, в которых затрагиваются проблемы теории языковой ситуации, их основным объектом исследования выступает литературная форма существования татарского языка, в частности особенности его употребления в сферах художественной литературы, массовой информации, отчасти науки и делопроизводства, а также исторические и культурные предпосылки становления и развития старотатарского литературного языка. При этом изучение функционирования данного идиома в различ-

ных социальных средах и таких сферах, как хозяйственная и общественно-политическая деятельность, быт, организованное обучение, его соотношения в них с разговорными формами все еще остается одной из актуальных задач современного татарского языкознания.

По мнению авторов, в структуре социально-речевого портрета общества, основу которого составляет речевая практика представителей входящих в данное общество социальных слоев, групп и сообществ, опосредованно проявляются стратификационная и ситуативная разновидности языкового членения. При этом в качестве центрального элемента, в котором фокусируются их языковые предпочтения, выступает языковая личность, смысловые составляющие образа которой в полной мере раскрываются в речевом процессе. На этой основе для исследования социально-речевого портрета татарского общества второй половины XIX – начала XX века предлагается следующий алгоритм действий:

1) изучение языковой ситуации, сложившейся в татарском обществе в указанный синхронный период;

2) на основе анализа набора нашедших свое отражение в текстах речевых особенностей отдельных личностей и персонажей описание модельных языковых личностей типичных представителей основных корпоративных групп, имевших место в татарском обществе в указанный период, и их соотнесение с социально-речевыми портретами последних;

3) определение характера и степени соотнесенности страт татарского языка в структуре социально-речевого портрета данных сообществ в рамках сопутствующих их коммуникативной деятельности социальных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бәширова И.Б. XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле: жанр-стильләре, аерым грамматик категориялардә норма һәм вариантлылык. – Казан: ТӘҺСИ, 2008. – 340 б.

2. Диахроническая социолингвистика / В.М. Алпатов, А.Н. Баскаков, Г.К. Бенедиктов и др.; отв. ред. В.К. Журавлев. – М.: Наука, 1993. – 204 с.

3. Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова, О.С. Парфенова, Ю.В. Трушкова при участии А.Н. Биткеевой и М.А. Горячевой. – М., 2006. – 312 с.

4. Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1993. – 325 б.

5. Хаков В.Х. Тел – тарих көзгесе (Татар әдәби теленең үсеш тарихыннан). – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 295 б.

УДК 372.881.882

УКУЧЫЛАРНЫ ЯҢА БУЫН «ӘДӘБИ УКУ» ДӘРЕСЛЕКЛӘРЕННӘН ДИФФЕРЕНЦИАЛЬ ЯКЫН КИЛЕП УКЫТУ ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

Г.Н. Мөхәрләмова, Д.М. Абдуллина

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Дифференцированное обучение создает необходимые условия для усвоения знаний в едином пространстве класса или группы, где учатся дети с разным уровнем владения родным языком. Данный тип обучения дает возможность формирования у обучающихся положительных мотивов учения, сознательного отношения к учебной работе, а также стремления к более высокому уровню овладения родным языком через представление в учебниках по литературному чтению на

родном (татарском) языке основного (базисного) и дополнительного (углубленно-го) учебного и литературного материалов.

Ключевые слова: литературное чтение на родном (татарском) языке, уровень обучения, уровневая организация, уровневая дифференциация, учебно-методический комплект (УМК).

Differentiated learning creates the necessary conditions for the assimilation of knowledge in a single classroom or group space, where children with different levels of proficiency in their native language study. This type of training makes it possible for students to form positive motives for learning, a conscious attitude to academic work, as well as striving for a higher level of mastery of the native language through the presentation of basic (basic) and additional (in-depth) educational and literary materials in textbooks on literary reading in the native (Tatar) language.

Key words: literary reading in the native (Tatar) language, the level of training, tiered organization, level differentiation, educational and methodical complex.

Туган (татар) тел һәм әдәбияттан белем бирүне укучылар өчен кызыклы, мавыктыргыч һәм аңлаешлы итү заман таләбе булып тора һәм тел-әдәбият укытучылары алдына яна бурычлар куя. Хәзер белем бирүнең бердәм киңлеген формалаштыру шартларында уку-укыту эшчәнлеген оештыруда бердәм эчтәлек һәм бердәм таләпләр, белем бирү кысаларында укучылар өчен бер үк һәм сыйфатлы мөмкинлекләр белән тәмин итү, нәтижеләрне бәяләүгә бер үк таләпләр булу мөһим. Шуңа күрә вакытта, практика күрсәткәнчә, укучыларның предметтан белемнән бер үк күләмдәге эчтәлек белән чикләп кую һәрвакытта да үзен акламый, бигрәк тә бер сыйныфта телне төрле дәрәжәдә белгән укучылар шөгъльләнгәндә бу таләпләрне тормышка ашыру авырлаша. Кайбер сәбәпләр аркасында ана телен камил белгән укучылар туган телләрендә начар сөйләшә яки бөтенләй сөйләшми торган балалар белән бер сыйныфта белем алырга мөмкин булганда, бу мәсьәлә тагын да катлаулана төшә. Димәк, бу укучылар өчен дә, укытучылар өчен дә зур уңайсызлыklar тудыра. Беренчедән, алар, белем бирү процессын барлык таләпләргә туры китереп оештырырга тиешләр. Икенчедән, фәнне үзләштерү мөмкинлекләре төрле дәрәжәдә булган укучыларның ихтыяжын канәгатьләндерү мәсьәләсен дә уңай хәл итү кирәк.

Әлеге мәсьәлә укучылар тарафыннан заманча дәрәжәләрнең эчтәлеген үзләштерүенә дә кагыла. Белем бирүнең бердәм эчтәлеген тәмин иткән дәрәжә төзү телне белүләре, материалны үзләштерә алу мөмкинлекләре төрле булган укучыларда һәм аларга белем бирүче укытучыларда да кыенлыklar тудыра. Бу очракта бердәм предмет нәтижәсен тәмин итә торган сыйфатлы белем бирү шактый авырлаша. Әлеге шартларда телне белү дәрәжәсе төрле булган укучыларга белем бирү мөмкинлеген ача торган дәрәжә төзү генә мәсьәләне хәл итү мөмкинлеген тудыра. Бу очракта бер сыйныфта, бер программа һәм дәрәжә буенча укып, укучылар материалны төрле дәрәжәләрдә үзләштерә ала. Мондый дәрәжәгә уку материалын, әдәби текстларны, сорулар һәм биремнәр системасын белемнән төрле дәрәжәдәге укучылар белән эшли алырлык итеп тәкъдим итү предмет нәтижеләренә ирешүне тәмин итә. Дәрәжә материалының гомуми эчтәлеген укучыларның барлык категорияләре өчен дә бер булып кала, әмма эчтә уку материалын дифференциациясен тәмин итәргә тиешле төрлелек күздә тотыла. Шуңа күрә туган телдә белем бирү торган мәктәптә уку мөмкинлеге булмаган укучылар мөстәкыйль рәвештә яки укытучы житәкчелегәндә эшләп фән буенча үзләренә эзәрлек дәрәжәсен сизе-

лерлек күтәрү мөмкинлегенә ия була. Бу очракта сүз дифференциациялэнгән дәрәжәдәге белем бирү турында бара. Димәк, предметны үзләштерү мөмкинлеге югары булган укучылар үзләренең тел һәм әдәбияттан белемнәрен арттыруда чикләнмәчәк, мөмкинлекләрен тулысынча файдалана һәм ихтыяжларын да тулысынча канәгатьләндерә алачаклар.

Татарстан Республикасы мәгариф системасында туган тел һәм әдәбиятны укыту һәрвакыт эһәмиятле, күз уңындагы мәсьәләләрдән булды. Барыннан да элек, ул әлеге фәннәрдән белем бирү өлкәсендә барган яңарышка тәңгәл булган һәм заман таләпләренә жавап бирә торган укыту-методик комплектлары булдыруга, алар белән тәэмин итүгә кагыла. Хәзерге көнгә яңартылган федераль дөүләт белем бирү стандартларына һәм федераль белем бирү программаларына тәңгәлләштереп, гомуми белем бирү оешмаларының 1–11 сыйныфлары өчен «Туган (татар) тел» (авторлары М.М. Шәкүрова, Л.Г. Гыйниятуллина, О.Р. Хисамов) һәм «Туган телдә (татар телендә) әдәби уку», «Туган (татар) телдәге әдәбият» (авторлары Г.Н. Мөхәрләмова, Д.М. Абдуллина) предметларыннан яңа укыту-комплектлары эшлэнгән. Бу УМКларның бер өлеше Дәрәслекләренң федераль исемлегенә кертелде (алар белән Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе сайтының «Дәрәслекләр» бүлегендә танышырга мөмкин (<http://antat.ru/ru/iyli/publishing/book/uchebniki/>)).

Әдәбият дәрәсләренң укучылар сөйләмен баету, сөйләм културасын һәм коммуникатив күнекмәләрен формалаштыруның төп чыганагы булуын исәпкә алып, яңа дәрәслекләрдә укучыларда коммуникатив компетенция формалаштыру нигез итеп алына, нәтижәдә, уку материалын баян итү стилин, эш төрләрен, сорау һәм биремнәр характерын да шул билгели. Мәктәп укучыларын татар халкының традицион мәдәнияте, рухи һәм матди кыйммәтләре, әхлакый нормалары нигезләренә якынайтуны максат итеп куя. Шулай ук үзара ихтирам һәм ышаныч, бердәмлек мохите тудыру һәм саклау өчен башка милләт вәкилләренң тормышы һәм мәдәнияте белән таныштыруны күздә тоткан этномәдәни компетенциягә мөһим урын бирелә.

Әлеге кадәр кулланылышта булган дәрәслекләр белән чагыштырганда, яңа дәрәслекләренң төп аермаларының берсе – аларның белем бирүнең ике дәрәжәсен үз эченә алуында. Бу ике дәрәжәне, аңлаешлы булсын өчен, нигез (база) һәм тирәнтен өйрәнү дип атыйк. Ул татар һәм рус телләрендә белем бирүче мәгариф оешмаларында туган телне һәм әдәбиятны укыту үзенчәлекләрен аерып тамгалау гына түгел, ә укучыларның белем алуның аерым баскычында үзләштерергә тиешле предметтан белемнәре һәм компетенцияләре күләмен күрсәтергә дә мөмкинлек бирә. Тагын бер мөһим нәрсәне билгеләп үтү дә мәсьәләгә ачыклык кертер: тирәнәйтелгән дәрәжәдәге материалны укытучы аерым очракларда татар телен шактый югары дәрәжәдә белгән, әмма мәктәпләрдә, мәсәлән, рус телендә белем алучы балалар белән эшлэгәндә өстәмә рәвештә куллана ала. Альтернатив вариант буларак, бу очракта тирәнәйтелгән дәрәжә сәләтле балалар белән эшлэгәндә, аерым алганда, укучыларны олимпиадаларга эзерлэгәндә хезмәт итә ала. Шулай итеп, бу белем алучыларга туган әдәбиятны өйрәнгәндә тәкъдим ителгән уку материалын сайлау һәм куллану өчен күбрәк мөмкинлекләр ача.

Дәрәслектә ике дәрәжә өчен материал график рәвештә аерып күрсәтелә, ягъни теге яки бу уку материалының нинди дәрәжә өчен бирелүе ачык күренә. Мәсәлән, дәрәслектә тирәнтен өйрәнү өчен материал билгеле бер төс һәм кырлар буенча график сурәт белән аерып күрсәтелгән. Ике дәрәжәнең аермасы

өйрәнелә торган эсәрдән соңгы сорауларда һәм биремнәрдә дә чагылыш таба. Тирәнтен өйрәнүчеләргә эсәрләр дә күбрәк тәкъдим ителә, бер үк эсәрләр дә күләме ягыннан төрлечә бирелә. Дәреслектә алар шулай ук тиешенчә аерып күрсәтелгән.

Укучыларның текстны сәнгатьле уку һәм эчтәлеген сөйләү, укыган мәгълүматны аңлау, фикер йөртүнең логик чылбырын төзү, сәбәп-нәтижә бәйләнеше билгеләү, үз фикерләренче тулы һәм төгәл белдерә белү, парларда эшләү, кирәкле мәгълүматны чыганақлардан эзләү кебек универсаль уку гамәлләрен формалаштыруга юнәлдерелгән биремнәр, бигрәк тә нигез өлештә карала. Материалны тирәнтен үзләштерү өлешендә чагыштырмача катлаулырак, укучыларның ижади сәләтләрен ачуны, билгеле бер теоретик-әдәби төшенчәләрне аңлауны күздә тоткан сорау һәм биремнәргә өстенлек бирелә.

Башлангыч белем бирү этабында дәреслекнең барлык темалары программага кертелгән әдәби эсәрләргә бәйле рәвештә тәкъдим ителә. Теманы өйрәнү дәреслек персонажлары – татар язучыларының балалар эсәрләрендәге геройлар диалогы белән үрелеп бара. Алар ярдәмендә дәрестә укучыларның белемнәрен актуальләштерү, уку бурычларын кую һәм чишү, рефлексия этабындагы гамәлләр хәл ителә.

Дәреслек материалының эчтәлеге һәм аны бирелеше кызыклы һәм тәрбияви. Эсәрләрнең күләме чагыштырмача зур булмаганлыктан, өйрәнелә торган темага туры китереп уку өчен өстәмә материал да урнаштырыла. Ул, укучыларны тормыш ситуациясенә яқынайтып, аларда билгеле бер әхлакый сыйфатлар тәрбияли, шулай ук аларның дөньяга карашын киңәйтә. Бу, үз чиратында, әдәби материалны төрлеләндерергә ярдәм итеп, укучыларга сайлау мөмкинлеген дә тудыра, ягъни, әгәр укучы белем бирү программасы белән билгеләнгән төп материалны үзләштерергә өлгерә икән, ул, үз теләге белән, яисә укытучы кушуы буенча, тәкъдим ителә торган өстәмә уку материалына мөрәжәгать итә ала.

Әдәби тексттан соң, телне төрле дәрәжәдә белгән укучыларның ихтияжын күздә тотып, сүзлек тәкъдим ителә. Сүзлектә укучыларга аңлаешсыз, таныш булмаган сүзнен, татар телендәге синонимы бирелә. Бу – телне яхшы белүчеләргә юнәлтелгән, ә янәшәдә сүзнен рус теленә тәржемәсе телне начар белүче укучының ихтияжын исәпкә алып куелган. Ул укучыларга әдәби текстны кабул итүне һәм аңлауны җиңеләйтә.

Дәреслектә теоретик-әдәби төшенчәләр шулай ук укучыларның мөмкинлекләренә һәм укыту дәрәжәләренә карап тәкъдим ителә. Ятган өйрәнү өчен ел саен уртача 3–4 эсәр планлаштырылган. Тирәнтен өйрәнүчеләргә алар аз гына күбрәк.

Дәреслектә үтелгән материалны кабатлау төрле формаларда бирелә, бу да укыту дәрәжәсенә карап биремнәр сайлап алырга мөмкинлек тудыра. Сорауларга традицион җаваплар да, укылган эсәрләр буенча уен-квест үтү дә, кроссвордлар чишү дә, дидактик характердагы төрле әдәби уеннар да шул максатка хезмәт итә. Ребуслар, табышмаклар билгеле бер теманы өйрәнү барышында да тәкъдим ителә. Алар укучыларны дәресне эмоциональ яктан кабул итәргә әзерли, куелган уку бурычын аңларга ярдәм итә, яңа материалны өйрәнүгә этәргеч бирә.

Шулай итеп, «Әдәби уку» дәреслегенә материалы укытучыга белем бирүне дифференциаль якин килеп оештыру мөмкинлегенә тудыра, татар телен белү дәрәжәсе түбән булган укучыларның да, туган телне камил белгән укучыларның да белем алу ихтияжларын канәгатьләндерә. Бу мөмкинлегенә һәм ихтияжы булган укучыга татар әдәбиятын тирәнтен өйрәнүгә юл ача, предметка карата

кызыксынуын үстерә, уңай мотивация формалаштыра, шуның белән татар телен саклап калуға һәм үстерүгә ярдәм итә.

ӘДӘБИЯТ

1. Әдәби уку. 1 нче сыйныф: башлангыч гомуми белем бирү оешмалары өчен дәреслек (татар телен туган тел буларак өйрәнүче укучылар өчен) / Д.М. Абдуллина, Г.Н. Мөхәрләмова. – Казан: Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе нәшрияты, 2023. – 127 б.

2. Әдәби уку. 2 нче сыйныф: башлангыч гомуми белем бирү оешмалары өчен дәреслек (татар телен туган тел буларак өйрәнүче укучылар өчен) / Д.М. Абдуллина, Г.Н. Мөхәрләмова. – Казан: Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе нәшрияты, 2023. – Беренче кисәк. – 96 б.; Икенче кисәк. – 144 б.

3. Әдәби уку. 3 нче сыйныф: башлангыч гомуми белем бирү оешмалары өчен дәреслек (татар телен туган тел буларак өйрәнүче укучылар өчен) / Д.М. Абдуллина, Г.Н. Мөхәрләмова. – Казан: Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе нәшрияты, 2023. – Беренче кисәк. – 100 б.; Икенче кисәк. – 112 б.

4. Әдәби уку. 4 нче сыйныф: башлангыч гомуми белем бирү оешмалары өчен дәреслек (татар телен туган тел буларак өйрәнүче укучылар өчен) / Д.М. Абдуллина, Г.Н. Мөхәрләмова. – Казан: Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе нәшрияты, 2023. – Беренче кисәк. – 76 б.; Икенче кисәк. – 116 б.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. – М.: Просвещение, 2021. – 57 с.

6. Федеральная рабочая программа по учебному предмету «Литературное чтение на родном (татарском) языке». – М., 2023. – 18 с.

УДК 398.305

ОТРАЖЕНИЕ ЛАКАЙСКОГО ДИАЛЕКТА В ФОЛЬКЛОРНЫХ ОБРАЗЦАХ

Н.А. Назаров

Чирчикский государственный педагогический университет (Ташкент)

В данной статье исследуются некоторые аспекты лакайского диалекта и его отражение в фольклорных образцах. Проанализированы сходства в мировоззрении тюркских народов, обращено внимание на их общности. Дана классификация лакайских этнонимов и объяснено их сходство с тюркскими народами.

Ключевые слова: диалект, тюркские народы, лакайцы, культурная интеграция, мировоззрение, фольклор, этнокультура.

This article examines some aspects of the Lakai dialect and its reflection in folklore samples. Similarities in the worldview of the Turkic peoples are analyzed, attention is drawn to their communities. A classification of Lakai ethnonyms is given and their similarities with the Turkic peoples are explained.

Key words: dialect, Turkic peoples, Lakai, cultural integration, worldview, folklore, ethnoculture.

Как известно, устная речь, говор и фольклор определенного этноса или этнической группы охватившей мировоззрение, культуры, этнические традиции и ментальной особенности в их разговорном форме исследуются наряду с этнографией и в диалектологии. Устное народное творчество как составная часть мышления являясь основным компонентом этнической философии выражается в языке. Философский смысл языка выражается тем, что в нем отражается и устные истории, и духовно-нравственные и культурно-воспитательные

аспекты и идеи направляющих членов этноколлектива к созидательной жизни. Поэтому для изучения философии определенного этноса или этнической группы, необходимо уделять внимание и на лингвистическим аспектам устного народного творчества. Исходя из цели данной статьи необходимо вкратце остановиться о лакайцах.

Общеизвестно что, тюркские народы состоят из похожих друг на друга, и в то же время отличающихся своеобразными обычаями, укладом жизни народностей и этнических групп. Эти народности и этнические группы не только обеспечивают целостность, естественную красоту и дух населения суперэтноса, но и показывают разнообразности традиции в тюркском суперкультуре. Одними из таких народностей являются лакайцы, компактно проживающие в центральном и южном Таджикистане, в северном Афганистане, которые составляют одно из основных компонентов узбекской нации [8: 161].

Лакайцы достигли определенных успехов в животноводстве, и в результате вывели лошадей породы Лакайи [5: 57]. Однако, больше всех прославить народ могут лишь его храбрые сыновья, созидательное творчество таких сыновей. Так, в начале XX столетия войска лакайцев во главе с Мухаммадом Ибрагимбеком, лет десять прославляя свой народ, храбро сражались против большевиков [3: 160–168].

Своеобразные образцы прикладного искусства также служат фактором, определяющим культурный уровень народа. Мапремеч, жук чаригич, серпе, жук бети, айнахалта, богжама и другие швейные изделия обеспечивают пропаганду культуры лакайцев даже за океаном. Особенно, известны образцы этнокультуры как торлама, бостирма и шавдурак такие – национальные головные уборы лакайцев. Обычаи, традиции, неповторимый фольклор и своеобразный диалект лакайцев требуют систематических исследований.

У тюркоязычных народов Таджикистана, в частности и у лакайцев, особое внимание уделяется исторической традиции – знать своих поколений, осознавая свою принадлежность системе определенных родов. Родовое деление присутствует, в основном, народам-животноводам, позже процесс оседания активно обеспечил общие аспекты. Лакайцы состоят из крупных этнических групп, которые, в свою очередь, разделяются на поколения и звенья, иногда эти звенья состояли из ветвей.

Этнокультурное наследие и традиции лакайцев в процессе общественно-исторического развития обогащались в содержательном плане, которое отражались в этнофилософии. Следует отметить, что такие обычаи и традиции имеют как общие черты с другими тюркоязычными этносами, так и отличительные черты. Продвижение их в повседневную социокультурную жизнь и духовное мышление народа, а также сохранение наших этнических ценностей налагает также ответственность за их полную передачу следующим поколениям, что является одной из важных задач, стоящих перед нашей интеллигенцией.

История лакайцев тесно связана с прошлой социокультурной жизнью народа, и весь этот процесс приводит исследователя к истории и позволяет попутно собирать достоверную информацию. С этой точки зрения исследования, посвященные некоторым аспектам социальной и этнокультурной жизни лакайцев, особенно фольклорным примерам, необходимы для понимания идентичности и этнофилософию.

Как и у других народов, проживающих в регионе, семья считается священной крепостью и прилагаются усилия для обеспечения стабильности этой

крепости. Согласно мудрости о том, что «Родина начинается с порога», дом, порог, двор, играющие ключевую роль в духовном и материальном развитии семьи, – первая территориальная единица, являющаяся важным фактором роста и развития личности. Сила семьи рассматривается как единство народа. Здоровье народа уважаются как фактор, обеспечивающий стабильность страны. Поскольку с семьи начинается любой социокультурный процесс, семья широко отражается в этнофилософии.

В основе лакайской этнофилософии лежит народное устное творчество, которое, в свою очередь, состоит из былин, сказок, пословиц, народных песен, поговорок и сказаний. Все народные надежды, мечты и вера в будущее выражаются в образцах устного народного творчества. Огромной ответственностью тех, кто многое повидал, было донести до людей образцы фольклора и направить их на путь истинный, особенно через искусство музыкальное песенное, имеющее воспитательное значение молодых поколений путём пропаганды этнической культуры и духовности.

Как отметили, лакайская народность возникла как общественно-историческое, военно-политическое единство четырех крупных этнических групп, и в процессе исторического развития обрела свое место и статус среди народов региона. Эсенходжа, Бадрахли, Байрам и Тортуул [4: 9–12], объединившись, обеспечили процесс этнического развития лакайской народности. Эсенходжа состоит из родов курдек, нарин, аксари, узден, тучи, кулбачче, мирзагул, алмиш, малыш, кунтув, кулумбет, кармиш, муллабачче, надирбачче, яхшиликбачче, байкочкар. Бадрахли являясь самым крупным, состоит из родов каттемерген, киччимерген, кизилбай, келекей, парча, жунус. Байрам состоит из родов туртата, шакей, давет, чегене. Тортуул состоит из родов учувул, суюндук, бурндук, чал, косе, гургуре. Низшие ступени родов именовали ата, бала, небере, чебере, дубере и др., а предков – ата, чалата и т. д. В древности у лакайцев была традиция – знать семь своих предков. Смута начала прошлого века, войны с большевиками, этническая разрозненность, имевшая место в Афганистане и бывшем Союзе, а потом братоубийственная война в недавнем прошлом в Таджикистане (1992–1997 гг.) затмила данную грань национального менталитета. Но знание семи предков сохраняется среди некоторых представителей народности в качестве обязательной традиции. Все эти качества присущи и кипчакским компонентам тюркского суперэтноса.

Как мы уже отметили основные аспекты лингвофилософии заложен в устном народном творчестве. Фольклор лакайцев как у прошлом кочевом этнических групп охватывает всю историю и самобытность этой народности. Если обратить внимание то можно встретить такие пословицы и фразы которой являются частью лингвофилософия лакайцев:

Ат айналип қазигини табади, ер айналип елини табади.

Абисиним ажиним, кўрсем келер ғижиним.

Авзи жаман елди булғайди, аяғи жаман тўрди булғайди.

Аврувди жаширсаң вўлесен.

Авулдаштиң авзи сассик.

Авур табаниң қизғани жаман.

Авур таш вўрин табади.

Авчиниң кечиккениден суйин, арақхўрдиң кечиккениден куйин.

Авчиниң уч вўйи бар: милтиғим атилама-атилмайма, аптилса тийементиймейме, тийсе вўлеме-вўлмейме.

Ағайин жувук вөтирса тишлешеди, алис вөтирса кишнешеди.
 Ағайиним бир теңге, ар-намиси миң теңге.
 Ағайинниң азари бөсаям, безари бөмайди.
 Ағайинсаң ақл айт, ақл айтсаңам мақул айт.
 Адамзат бахттиң қонғанини билмейди, учқанини биледи.
 Адашқанға жулдуз айдай, ачқағанға кўже майдай.
 Адашсаң елмен адаш.
 Азаниңа емес, қазаниңа келеди.
 Айға жетмес ашинди авулдаштан аяма.
 Айғир бөғич қулунниң жағи гўшли келеди.
 Айда кегичке табақ (тамақ), күнде кегичке таяқ.
 Ат авнаған жерде тук қалар!
 Ат айналип, қазигини табади.
 Ат асаң, бөйи минан башиға қара, хатин асаң кўзи минен қашиға қара.
 Ат асаң миниб ал, хатин асаң кўриб ал.
 Ат башиға кун тувса, сувлиғиман сув ичер,
 Ер башиға кун тувса, етигимен сув кечер.
 Ат бөлатқан қулинниң, бавури жазик келеди,
 Батир бөғич жигиттиң, маңнайи жазик келеди.
 Ат егесиниң рискисини тилейди.
 Ат жигиттиң қанати!
 Ат кишнесе уйирини сағинади, ер еснесе елини сағинади.
 Ат кўрмеген ат кўрсе, чаба-чаба вўлтирер,
 Төн киймеген, төн кийсе, қаға-қаға төздирар.
 Ат сувсаса сув ичер, сувсамаса сув кечер.
 Ат тузға имтилади, жигит қизға.
 Ат хам бирде жалли, бирде жалсиз, жигит бирде малли, бирде малсиз.
 Ат уюрин сағинса, алисқа кўз тайлайди, ер елини сағинса, белбавини байлайди.
 Атиңнан айрилсаңам, егериннен айрилма.
 Атка бергисиз ғунан екен, қизға бергисиз жуван екен.
 Атлиниң rischi алтав, туе мингендики тўртўв, ешшек мингендики екев,
 пияданики бирев, жатқандики жарти.
 Атти қамчи минан ҳайдаған қуритади, жем минен ҳайдаған умутади.
 Аттиң жүгениден атлама [7: 155–168].

Все вышеперечисленные пословицы, поговорки и фразы свидетельствует о богатом устном народном творчестве лакайцев, которой отражает их лингво-философию. Пропаганда этих аспектов естественным образом обеспечивают культурной интеграции тюркоязычных народов.

Наряду с общими в культуре лакайцев имеются своеобразные черты которой необходимо изучать. До восьмидесятых годов прошлого столетия ни одну свадьбу нельзя было представить без саки или домбриста, которые используя приемы устного народного творчества пропитывал в сознание народа идеи этнического мироощущения. В последние годы из-за большого количества эстрадных групп, а также экономических сложностей свадьбы проходят, практически, можно сказать без национальных мелодий. Занятие саки не стимулируется. Эти факторы оказывают отрицательное влияние на лингвофилософской традиции.

Лакайцы, наряду с общими с тюркоязычным населением, имеют и отличительные этнические особенности. Это требует постоянного, систематического и продолжительного исследования. В частности, устная история и устная народная творчество хорошо развита среди лакайцев, аксакалы рассказывают молодым о многом. Обращение внимание на данные аспекты особенно актуально сегодня в условиях развитие этнического самосознание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдувалиев И. Лексикология современного кыргызского языка. – Бишкек: Улуу Тоолор, 2016.
2. Абдуллаев К. От Синьцзяна до Хорасана: Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. – Душанбе: Ирфон, 2009.
3. Айтматов Ч. Собрание сочинений: в семи томах. Т. 7. Статьи, выступления, эссе, диалоги. – М., 1998.
4. Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана. – Сталинабад, 1954.
5. Массон М.Е. К истории происхождения локайской лошади. Известия. – Ташкент: ФАН СССР, 1949. №15.
6. Назаров Насриддин. Мухаммад Иброхимбек Лакай. – Тошкент, ИФЕАК, 2006.
7. Назаров Насриддин. Лакайлар: этнография, лингвистика ва фольклор. – Тошкент, Тамаддун, 2010.
8. Назаров Насриддин. Лакайцы: некоторые этнические аспекты развитие // Қазақ мемлекеттілігіндегі қазақ хандығының орны: Қазақ хандығының 550 жылдығына орай откен Халықаралық ғылыми-теориялық конференция материалдарының жинағы. – Түркістан, 2016. – Б. 160–164.

УДК 81.4

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ (на материале произведений А. Матвеевой, Ф. Замалетдиновой и Дж. Харрис)

Г.Р. Насибуллова

Казанский федеральный университет (Казань)

В данной статье исследуются прецедентные феномены в художественном дискурсе современных авторов-женщин в аспекте интенциональности. Делается попытка определения основных интенций употребления прецедентных феноменов в художественном тексте. В результате исследования утверждается то, что интенциональность является дискурсообразующей категорией, прецедентные феномены выполняют различные функции. Делается сравнительный анализ художественного дискурса представителей современной русской, татарской и английской прозы.

Ключевые слова: дискурс, прецедентный феномен, стратегия, интенция, автор-женщина.

This article examines precedent phenomena in the artistic discourse of modern female authors in the aspect of intentionality. An attempt is made to determine the main intentions of the use of precedent phenomena in a literary text. As a result of the study, it is argued that intentionality is a discourse-forming category; precedent phenomena perform various functions. A comparative analysis of the artistic discourse of representatives of modern Russian, Tatar and English prose is made.

Key words: discourse, precedent phenomenon, strategy, intention, female author.

В современной литературе женская проза представляет отдельный интерес как дискурс, который имеет своеобразные стратегии и тактики. Одной из отличительной чертой женского художественного дискурса является стратегия прецедентности, которая устанавливает коммуникативные, коннотативные и прагматические связи не только между художественными текстами, но и различными дискурсами. Так происходит потому, что прецедентный феномен всегда направлен как на подчеркивание и выделение смысловых аспектов первостепенной важности в конкретном контексте, так и на распознавание и декодирование национальных и универсальных смыслов, манифестируемых в тексте в концентрированном, «свернутом» виде. Кроме того, особую значимость приобретает проблематика воздействия художественного дискурса на адресата, поскольку, по всей видимости, прецедентные феномены призваны акцентировать те или иные компоненты художественных образов и уровней художественного мира.

Задачи исследования:

- рассмотреть возможности изучения прецедентных феноменов в художественном дискурсе с использованием интенционального метода;
- описать основные виды интенций в художественном дискурсе применительно к функционированию в нем прецедентных феноменов;
- на основании определения сферы / текста-источника прецедентных феноменов в художественном дискурсе авторов-женщин изучить специфику их интенциональности.

В данном исследовании мы ставим цель выявить и описать прагматические особенности прецедентных феноменов на материале дискурса современной художественной женской русской, татарской и английской прозы, на основе этого изучить особенности интенциональности женского художественного дискурса.

Материалом для исследования мы выбрали произведения Анны Матвеевой [3], Фирузы Замалетдиновой [2] и Джоанн Харрис [8], которые являются представителями новейшей литературы и творчество которых отличается индивидуальностью, метафоричностью языка и богатством жанро-стилевого своеобразия от своих современников. Выбор этих трех авторов для сравнительного анализа обусловлен также тем, что их творчество насыщено прецедентными феноменами и близки в идейно-стилевом плане.

Прецедентный феномен в данном исследовании воспринимается как «уникальное явление, значимое для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющее сверхличный характер, то есть хорошо известное и широкому окружению данной личности» [5: 10]. В данном исследовании мы опираемся на следующую классификацию прецедентных феноменов: прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст и прецедентная ситуация [3: 10].

Прецедентные феномены являются в центре внимания научных исследований в разных аспектах: лингвокультурологическом, семантическом, коммуникативно-прагматическом, функциональном и т. д. (Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин, Ю.А. Сорокин и др.).

Современные авторы-женщины целенаправленно включают прецедентные феномены в семантическое пространство художественных текстов в связи с тем, что они подчеркивают и выделяют смысловые аспекты ценностных ориентиров в конкретном контексте, также способствуют распознаванию и деко-

дированию национальных и универсальных смыслов, которые в художественном тексте представлены в «свернутом» виде. Но все же особую роль играет возможность воздействия художественного дискурса на адресата, так как автор при помощи прецедентных феноменов ведет коммуникацию с читателем.

При помощи следующих методов исследования как описательный, контекстуальный и интертекстуальный методы, метод филологического анализа мы попытались изучить основные виды интенций в женском художественном дискурсе применительно к функционированию в нем прецедентных феноменов.

Изначально термин интенция использовался в схоластической философии, который выражает цель, намерение, направленность сознания, мышления. В современной науке наряду с философией данное понятие употребляется и в психологии как направленность сознания на реальный или воображаемый предмет. В лингвистике данное понятие связано с развитием теории речевых актов Дж. Остина.

Отдельные речевые акты создают связный текст, имеющий общую текстовую интенцию, которая проявляется в семантическом пространстве художественного текста и выражает эстетическую задачу автора. В связи с этим мы можем утверждать, что интенциональность текста является одним из важнейших параметров текстуальности наряду с такими как когезия, когерентность, информативность, диалогичность, интертекстуальность и т. д.

Дискурсная интенция является основой формирования дискурса как совокупности текстов, находящихся в сложном многоуровневом воздействии. Исходя из этого можем утверждать, что интенциональность является одной из дискурсоформирующей категорией. Художественному дискурсу свойственно интенция эстетического воздействия, так как основная функция художественного произведения – это эстетическая функция. При включении прецедентных феноменов в художественное пространство автор руководствуется интенцией, «направленной на распознавание читателем прецедентных феноменов в тексте и стимулирование ассоциативных связей мышления адресата в результате активизации фоновых знаний» [6: 161]. Фоновое знание – это «обоюдное знание участниками коммуникативного акта реалий материальной жизни, ситуативных и коннотативных реалий, стоящих за обозначающими их языковыми знаками, необходимое для адекватной и полной интерпретации порождаемых высказываний» [7].

Интенцию использования прецедентных феноменов в женском художественном дискурсе можно разделить на два вида: репрезентационная, то есть «направленность сознания на определенный объект – концепт или пропозицию» [1: 250] и коммуникативная интенция – «намерение говорящего донести до адресата свою репрезентационную интенцию и вызвать у него определенную реакцию» [там же].

Проанализировав практический материал, мы можем выделить ключевые интенции употребления прецедентных феноменов в художественном дискурсе авторов-женщин: интенция оценки и интенция характеристики события. Например, в рассказе А. Матвеевой «Под факелом» произведение, написанное главным героем Марком Платоновым, оценивается со следующим прецедентным феноменом: «Язык – сочный, как его омоним на тарелке. Ружья стреляют, персонажи уверенно шагают к финалу – и не на глиняных, не на картонных ногах» [4: 32], который отсылает читателя на известную фразу А.П. Чехова. Один прецедентный феномен может выполнять и коммуникативную и

репрезентационную функцию, что ярко проявляется в следующем примере из дискурса А. Матвеевой: «Гримм быстро опьянел, начал доставать свои работы... Мастер скорбно несет на Голгофу свои картины, одну за другой» [4: 35]. Голгофа – это холм, где, по Новому Завету, был распят Иисус Христос. В этом примере также мы видим снижение прецедентных образов, что можно назвать часто употребляемой стратегией в художественном дискурсе современных авторов-женщин.

В художественном дискурсе Ф. Замалетдиновой диалоги строятся прецедентными высказываниями, герои друг другу отвечают поговорками, пословицами: «Тик кая барсаң да, бер этәхияттер инде, туган. Хастаның баш очында әжәл утырыр, ди бит...» [2: 316] / Пер.: Везде нас ждет одно и то же, туган. Говорят, над каждым больным сидит палач. На что собеседник отвечает следующим прецедентным феноменом: «Шулай да һәркемнең тормыштан өлеше бар, аласы көмеше бар... Безгә ул көмеш эләкмәде ләса...» [2: 316] / Пер.: Всё же у каждого есть в этой жизни своя доля. Только мы остались ни с чем.

Ярким примером сплетения коммуникативной и репрезентационной интенции является следующий пример из рассказа Дж. Харрис «Надежда и Вера идут в магазин»: «If that's from Priscilla, sweetheart», she said primly, «then you're Ginger Rogers» [8: 85] / Пер.: Если это от Прицелии, то ты Джинджер Роджерс. Джинджер Роджерс – знаменитая американская актриса, певица и танцовщица. Данное прецедентное имя дает характеристику события, выражает насколько это невозможно, так как Надежда сидит в коляске, она не только танцевать, но и ходить не может.

В художественном дискурсе А. Матвеевой приоритетными сферами-источниками прецедентных феноменов являются *Устное народное творчество, История, Русская и зарубежная классическая литература, Мифология, Религия, Кинематография*. А в художественном пространстве Ф. Замалетдиновой наряду с *Устным народным творчеством* преобладают *Песни*. Автор обращается к татарским народным и авторским песням, что предает лиричность данному дискурсу. В художественном дискурсе Дж. Харрис мы наблюдаем частотное обращение к следующим сферам-источникам: *Литература, Устное народное творчество, История, Религия, Мифология*. Дж. Харрис очень часто обращается к сказкам, использует сказочных персонажей, ситуаций из сказок для оценки и характеристики героев и событий своих произведений.

В результате исследования мы можем сказать, что прецедентные феномены в художественном дискурсе современных авторов-женщин имеют различные интенции. Авторы обращаются к ним, чтобы расширить художественное семантическое пространство текста и создать ассоциативные связи в сознании читателя между различными дискурсами, тем самым воздействовать на него. Обширный ряд сфер-источников доказывает, насколько многослойны данные связи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безуглая Л.Р. Прагмалингвистическая концепция И.П. Сусова // Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. – Винница: Нова Кньга, 2009. – С. 249–260.
2. Замалетдинова Ф. Уходить, любя. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2020. 430 с. (на татарском).
3. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – М.: Филология, 1997. – С. 5–12.
4. Матвеева А. Подожди, я умру – и приду. – М.: Изд-во АСТ, 2019. – 283 с.
5. Повентяева Е.В. Прецедентное имя как феномен интертекстуальности в англоязычном художественном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2014. – 24 с.

6. Перевышина И.Р., Остапова Л.Е. Оказиональные композиты с прецедентными феноменами как средства экспликации культурно-коммуникативной информации в художественных текстах писательницы-нобелиата Эльфриды Елинек // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1 (5). Ч. 2. – С. 160–163.

7. Фоновые знания [Электронный ресурс] // Словарь социолингвистических терминов. – URL: <http://sociology.niv.ru/doc/dictionary/sociolinguistics/index.htm> (дата обращения: 27.12.2023).

8. Joanne Harris Jigs and Reels. – London, 2006. – 304 p.

УДК 811.512.145

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ФИННО-УГОРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

(на примере отдельных лексических единиц
сибирско-татарского диалекта)

И.С. Насинов

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа)

О влиянии финно-угорского этнокомпонента на формирование поволжских татар и отдельных его этнолингвистических групп отмечалось как в лингвистических, так и смежных с этой наукой классических трудах и современных исследованиях. На примере функционирования отдельных лексических единиц в восточном диалекте татарского языка показано взаимовлияние угро-финских и русского языка как возможного посредника (языка-донора) в сложных лексико-семантических процессах формирования и функционирования указанного диалекта. Предполагается, что некоторые лексические единицы могли попасть в восточный диалект через носителей среднего и западного диалектов, участие которых в формировании отдельных групп сибирских татар общеизвестно.

Новизна предпринятого исследования заключается в том, что выявленным ранее заимствованиям дан краткий социопсихолингвистический комментарий «вживания» таких единиц в систему языка-реципиента, описан этнолингвистический механизм «вживания» в татарский язык финно-угорских единиц.

Ключевые слова: говоры, диалект, донор, лексема, посредник, семантика, татарский, угро-финский, язык-донор, язык-рецептор.

The influence of the Finno-Ugric ethnic component on the formation of the Volga Tatars and its individual ethnolinguistic groups was noted in linguistic and classical works related to this science and modern research. Using the example of the functioning of individual lexical units in the eastern dialect of the Tatar language, the mutual influence of the Finno-Ugric and Russian languages is shown as a possible intermediary (donor language) in the complex lexical-semantic processes of the formation and functioning of the specified dialect. It is assumed that some lexical units could have entered the eastern dialect through speakers of the middle and western dialects, whose participation in the formation of separate groups of Siberian Tatars is well known.

The novelty of the undertaken research lies in the fact that the previously identified borrowings are given a brief socio-psycholinguistic commentary on the “incorporation” of such units into the system of the recipient language, and the ethnolinguistic mechanism of the “incorporation” of Finno-Ugric units into the Tatar language is described.

Key words: dialect, donor, lexeme, intermediary, semantics, Tatar, Finno-Ugric, language, donor tongue, receptor tongue.

Изучение особенностей взаимовлияния в исторической ретроспективе тюркских и финно-угорских языков в Приуралье и Среднем Поволжье даст возможность осветить некоторые вопросы развития и функционирования башкирского, татарского, чувашского, марийского, мордовских, удмуртского языков как в рамках волго-камского языкового союза, так и в ракурсе осмысления специфики взаимодействия алтайских и уральских языков согласно теории урало-алтайского языкового родства [4]. С опорой на различные типы языковых контактов, авторами определены основные типы татаро-финно-угорских языковых контактов Волго-Камья: прямые; устойчивые; маргинальные; неродственные; двусторонние; междиалектные; разнопрестижные.

На рубеже XIX – начала XX века пальму первенства в исследовании обозначенной проблемы держали венгерские ученые, выявившие тюркские лексические элементы в ряде восточнофинских языков (достаточно сослаться на исследования Б. Мункачи, Х. Паасонен, М. Рясянен, Ю. Вихманн и др.). Вторая половина XX столетия была ознаменована тем, что одни наши отечественные ученые-билингвы стали уточнять и обобщать научный опыт изучения по отдельным пластам заимствованной лексики (К. Редеев, А. Рона-Таш, М.Р. Федотов, Ш. Чуч); другие – выявлять предельно большее количество тюркизмов в финно-угорских языках. В последней трети XX – начале XXI столетия контактологические исследования в области финно-угроведения и тюркологии вышли на новый уровень – внимание стало сосредоточиваться на заимствованном пласте финно-угорской лексики: так, Г.В. Лукоянов и М.Р. Федотов изучают марийские заимствования в чувашском языке; И.С. Насипов, а позже и его ученики, – удмуртские, марийские и мордовские заимствования в татарском языке.

Новизна предпринятого исследования заключается в том, что дано описание этнолингвистического механизма оседания в восточном диалекте татарского языка финно-угорских заимствований: выявленным ранее лексикографическим иллюстрациям дан краткий этносоциоллингвистический комментарий постепенного «вживания» таких единиц в систему языка-реципиента.

Итогом тюркских и финно-угорских языковых контактов в Волго-Камье является образование волго-камского языкового союза – «ареальной общности тюркских (башкирского, татарского и чувашского) и финно-угорских (марийского, мордовского и удмуртского) языков, что сложилась ранее и продолжается на основе длительных и интенсивных контактов ... в волго-камско-уральском регионе» [4: 27].

Авторы в процессе исследования проблемы отвлечены от диахронических аспектов изучения языковых фактов и, соответственно, ориентируются на язык в его синхронном виде, рассмотрения лексики на уровне отдельной единицы, что позволяет придерживаться практико-ориентированного подхода

Теоретическим положением, от которого отталкиваются авторы материала для сравнения отдельных компонентов лексических систем, стало утверждение С. Кертиса о том, что сопоставительный анализ всегда предполагает наличие «особой универсальной характеристики, всеобъемлющего основания, *terrium comparationis*, который, собственно, и делает такой анализ возможным» [8: 116].

При выделении финно-угорских заимствований в словарном массиве татарского языка используются принципы этимологического анализа. Одним из критериев может быть признано также наличие таких заимствований

в тюркских языках Волго-Камья и отсутствие их в других тюркских языках. Авторы не исключают того, что некоторые лексемы могут быть наследием гипотетически родственных уральских и алтайских языков. Еще один основополагающий признак определения особенностей финно-угорских лексем в татарском языке – семантический. При генетическом разграничении финно-угорских заимствований в татарском языке к конкретным восточно-финно-угорским языкам авторы исходят из ареально-географических критериев [4: 224].

Сопоставительный метод позволит выявить особенности структуры и функционирования языков; социолингвистический – предполагает также учет национально-демографических данных того или иного языка.

В теоретическом плане предпринятое изучение обозначенных в теме единиц позволит выявить, каким образом в различных языках удовлетворяются идентичные функциональные потребности, вскрыть эквивалентность языков на их лексико-семантическом уровне, установить, как различаются функции при сходстве системных отношений, но идентичны при материальных различиях.

В практическом аспекте промежуточные результаты сопоставления единиц могут быть использованы по созданию лексикографических, дидактических и учебных пособий, по совершенствованию лексикографической базы преподавания, при разработке рекомендаций по повышению эффективности обучения неродным языкам, по регулированию этнопсихолингвистических процессов порождения и восприятия речи при владении более чем одним языком и т. п.

Урало-Поволжский регион отличается этноязыковой гетерогенностью, поэтому изучение функционирующих языков различных компактно проживающих этнических групп представляет научный интерес с точки зрения их структурного описания, социальной типологии и этнопсихолингвистики и социолингвистики.

Исследователи единодушны во мнении о малоизученности финно-угорских заимствований в восточном диалекте татарского языка. Не претендуя на полное освещение данной проблемы, авторы данной статьи ограничиваются вниманием на отдельных финно-угорских заимствованиях с этносоциолингвистической их характеристикой, позволяющей определить, каким образом значение заимствованного слова зафиксировано в сознании человека как члена определенной этногруппы. При этом подтверждается универсальность психолингвистических механизмов адаптации заимствований в лексической системе языка, а также в лексиконе человека, механизмов членения речевого континуума, поступающего извне, и прагматики.

В тюркских языках присутствует такое лексическое заимствование, как *маса*: например, в вост. диал. «конопля», в лит. *баса*, в срд. диал. *баса* «конопля (не дающая семена, мужская особь)», *ақ баса* «посконь», *қара баса*, в запд. диал. *паса* «конопля». Слово употребляется и в башкирском языке – *баҫа* «конопля, посконь», в башк. диал. *баҫау, паҫа* «посконь»; в чув. *пуса* «посконь», «мужская особь конопли», *пуса чечек* «пустоцвет (у растений)», «бесплодный цвет (липы)», «завязи яблоч, падающие до созревания», *пуса каччӑ* «холостеть», *пусана лар* – «пустить усы (об огурцах)», в узб. *буз* «посконь». По мнению исследователей, лит. *баса* восходит к мордовскому корню [6: 190]. В значениях рассматриваемой лексемы отображается результат действия в языковом

сознании фонологического ассоциативного механизма, сущность которого заключается в создании и трансформации образов по сходству, определяемых на основе функциональных признаков (в данном случае *баса* – «не дающий семян», «пустоцвет», «бесплодный», «пропадающий еще до созревания» и подобных).

Р.Г. Ахметьянов указывает на имеющиеся в тат. диал. *пәҗе, пәҗи* – «пенька, кудель», *пәче, пәце* – «пенька; конопля», тат. – *баса*, сиб. диал. – *маса*, миш. диал. – *паса* «конопля», *пучы, пуцы*, чув. – *пучй* «шнур, бечевка» характерное для татарского чередование *б ~ п ~ м*; в мар. – *поч* «аркан, бечёвка, верёвка», *пач* «кусочек холста, холстина», в удм. – *пыш, пуч, поч* «конопля, посконь», в морд.э. – *паця* «платок» предполагает от общего для тюркских и финно-угорских языков слов *пан, поч* «пасконь, конопля» [7: 161].

Фонологическая ассоциация присутствует и при характеристике слова *кәләгә*, которое в вост. диал. татарского языка обозначает «брюква»; в срд. диал. – *кал'ага, каляга, кәлигә, тычы кал'ага* «брюква». В тат. лит. в значении «брюква» употребляются *гәрәнкә, букән шалкан*; в ср. перм. – *кәлигә шалкан*, единица возводится к удм. *каляга* «брюква» [5: 174]. В русском языке *кәлига, кәлика, кәликка* в значении «брюква» воспринимаются как заимствования из эстонского языка *kaalik* («брюква»; ср. финн. *kaali* («капуста» из герм.)) [7: 167].

Лексема *миләч* в вост. диал. «рябина»; в лит. – *миләш*, диал. *мәләш, мелеш, миләйеш, милеш, миләц, мулиш, мулиш* («рябина»). В татарском языке ее литературным и общеразговорным вариантом является *миләш*, что употребляется как для обозначения кустарника, так и его плода. Для дифференциации растения и плода иногда встречается употребление *миләш ағачы* «рябиновое дерево (букв.)» и *миләш җиләге* «рябиновые ягоды (букв.)». Различаются два вида рябины – кара миләш «черноплодная рябина» и *кызыл миләш* «красная рябина». Обычно, когда говорят *миләш*, подразумевают не просто «рябину», а «красную рябину», поэтому носители языка в разговорной практике не пользуются уточняющим компонентом *кызыл*. Вероятнее всего, что это связано с тем, что в языковой картине мира рябина стойко ассоциируется с деревом с оранжево-красными ягодами, собранными в пучок. Когда речь идет о «черноплодной рябине», используется уточнение *кара* («черный») с тем, чтобы слушатель / читатель понял, что речь идет о кустарнике с плодами черного цвета с сизым налетом. По этой причине отдельные растения по своей схожести плодов и листьев с рябиной в дальнейшем получили название, в составе которых имеется слово *миләш*: *майар миләше* (чст., тарх. «бузина красная»), *мәләш уламе* (чст.), *мелиш печин* (перм.), *дикий мәләш* (м.-кар. «пижма, дикая рябина») [5: 69]. Ср. тат. *миләш чыпчыгы*; башк. *мәләш сәпсеге, мышар барқылдыгы*; чув. *пилеш каййәкё* («дрозд-рябинник» (птичка, которая питается плодами рябины)). Уточняющие элементы основываются на семантическом компоненте, привносящем в выражение соответствующую коннотацию. Последняя включает дополнительные семантические или стилистические функции, устойчиво связанные с основным значением в сознании носителей языка.

Слово *миләш* употребляется и в других тюркских языках: башк. *миләш, мәләш*, туркм. *мелеш*, алт. *пеле, ойр. беле*. В тат., башк., чув. слово восходит истоками к финно-угорским *pihlaji, *pislaja*: удм. *пальэзь*, коми. *пелысь, пелдизь, пелыш* связывает с чув. *пилеш*.; предполагается, что тат. *миләш* заимствовано из мар. *пилзе, пизле*; в морд. присутствуют *пизёл, пизыль*. Вариан-

ты *мочор*, *мыцыр* в вост. диал. («рябина»), *мышыр* («рябой»); ст. тат. *мычыр*; ср. башк. *мышар* («милэш»), *быжыр* («рябой (от оспы)») Р.Г. Ахметьянов возводит их к единому финно-угорскому источнику так же, как и *пизыл* («рябина») [7: 144]. Ассоциативный механизм функционирования заимствования *милэш* из финно-угорского языка обеспечивается обработкой фонетической системой принимающего единицу языка (иногда и с переосмыслением – см., например, переносные значения слова типа *быжыр*), а также речедетельностью говорящих, их когнитивным опытом. Психолингвистическая функция возникаемых подобным образом коннотаций сводится к передаче эмоциональных или оценочных оттенков высказывания и отображает этнокультурные традиции общества.

Учитывая динамический характер процессов заимствования и постепенной ассимиляции таких лексем, следует отметить, что степень приближенности угро-финского слова к системе заимствующего языка – восточного диалекта татарского языка – рассматривается как степень фонетического, орфографического, семантического (смыслового) и грамматического (морфологического) уподобления. Между первым и вторым типами существует промежуточное звено – фонографемные особенности освоения. Рассмотрим их на примере заимствования – *кәреш*, что в вост. диал. имеет значение «стерлядь». Появилось оно в татарском диалекте посредством русского языка из финского *harjus*. В вост. диал. слово *ләрге* («гольян») в татарских лексикографических источниках не зарегистрировано. Встречается в тевризском говоре тоболо-иртышского диалекта языка сибирских татар: *ләрге* «гольян (мелкая пресноводная рыба)». С большей долей вероятности можно говорить о заимствовании из финно-угорских языков: ср. хант. *ларег* «ерш» [2: 76]. *Муқсыл* в вост. диал. – «муксун»; ср. якут. *муксун*, тоб. *муксун*. Этимология этого слова в научной литературе не прослежена. Ихтионим *муксун* / *максун*, возможно, является заимствованием из финно-угорских языков, хотя академический словарь русского языка 1793 года указал на татарский источник – *муксун*. Словарь Д.Н. Ушакова отмечает в русском языке название рыбы в формах *максун* и *муксун* со ссылкой на татарское *муксун*. Н.К. Дмитриев относил слово к тюркизмам, требующим привлечения дополнительных материалов для установления точной этимологии, и приводил якутское *muksun*. Д.С. Сетаров полагает, что *муксун* «по всей вероятности восходит к коми-зырянскому *muksun*, ханты-мансийскому *toksun*» [2: 73]. Современные электронные словари русского языка фиксируют *муксун* как слово тюркского происхождения. Система языка-рецептора и подсистема заимствований находятся в определенных отношениях взаимосвязи. Система довлеет на подсистему, что постепенно приводит к изменению соотношений между ними. Так, русск. *мукун*, *муцун*, *максун*, *моксун* – «сибирский сиг, горбатый сиг, рыба, похожая на нелму, а ещё более на сокура или сига» – определяется как из диалектов хантыйского языка *toksən*, *toxsən*, *tuksən*, *tuksən* через якут. *muksun*, тоб. *muksun*.

Из среды билингов заимствование распространяется в различные социальные группы говорящих и в разные сферы устной и книжно-письменной речи. Устный путь заимствования, в отличие от письменного (при котором возможны транскрипция и транслитерация) предполагает, что звуковой облик в заимствующем языке более близок к звуковому образу языка-оригинала (донора). *Миши* в вост. диал. – «олень»; лит. *поши* – «лось»; диал. *мыши*, *моши*, *мошой*, *мышый* в одних говорах татарского языка несут значение «лось»,

в других – «олень». То же самое в башкирском и чувашском языках: башк. *мышы*, диал. *мышый*, *пышый*, *мышы*, *мышый*, *бышый*; чув. *пйши*. Единица *поши* считается заимствованным из финно-угорских языков: мар. *пучо*, *пўчб*, мар.г. *пучы* «олень», удм. *пужей*, манси. *пааши*, коми. *пэж* («молодой олень»). Для сравнения обратимся к др.русс. *пыжь* («молодой олень»), русск. *пыж*, *пыжик* («оленок (молодой олень)»), совр. русск. *пыжик* («тенок северного оленя в возрасте до одного месяца, а также его мех») заимствованы также из финно-угорских языков: ср. удм. *пуژهј* («северный олень»), *реж* («оленок, еще не имеющий рогов»), мар. *путса*, *пуше*, саам. *boacco*, фин. *poro* («северный олень (домашний)»), манси *pāši* («оленок»).

Привлекает внимание следующее явление: русский язык рассматривается как язык-донор, принесший в языки Сибири заимствования из якут. *бусук* «пыжик», «шкура оленя около Семенова дня (1 сентября)», *русук* «олений теленок трех-шести месяцев, не имеющий еще рогов», *бусук* «пыжик» от русск. *пыжик* «молодой северный олень, безрогий теленок; на нем мягкая пышная шерсть, тонкая мездра, и потому он идет на лучшую одежду туземцев», н.-индиг. *пыжик* «олений теленок до шести месяцев», ср. печор. *пыжик* «олений теленок не старше двух месяцев», уменьш. от ст.-русс. (XV) *пыж* «пыжик (шкура)» [1: 498].

В тюркских языках для обозначения «оленя» и «лося» употребляется и другое слово: тат., башк. *болан* – «олень», диал. – «лось», чув. *пйлан* – «олень», «лось», алт., хак. *булан*, ойр., тув., казах. *булан* – «лось». Ср. из тюрк. языков кабард. *бланэ* – «пошый», чечен. *булан* – «зубр»; мар., удм. диал. *булан*, *былан* – «олень», «лось», венг. *bőleny* – «бизон»; русск. *буланный* – «масть лошади: светло-желтый (обычно в сочетании с черным хвостом и гривой)», «о масти других животных, об оперении птиц: с желтизной разных оттенков» [7: 132]. Известно, что грамматическая и фонетическая оформленность заимствованной лексики по законам языка-реципиента обязательна для включения её в речь. При этом рассмотренные заимствования наделяются качествами, необходимыми и достаточными для её функционирования в речи.

Единица *пистер* в вост. диал. имеет значение «корзина»; в срд. диал. *печтер* – «лукошко, кузовок из лубка». В татарском языке и в его говорах зафиксированы ещё и другие фонетические и семантические варианты этого слова (*биштэр*, *печтэр*, *печтер*, *пичтэр*). Башк. диал. *бистеркэ* – «корзина, плетенная из ивы», *пистер* «плетеный сундук». Т.Х. Хайрутдинова слова *биштэр*, *печтэр*, *печтер*, *пичтэр* относит к русск. *пестерь* [5: 35–36]. В других источниках русск. *пестерь*, *пецерь*, *пехтер*, *пихтер*, *пестёрка* считаются заимствованными из исчезнувших финно-угорских языков, связанных с мар. *пöштыр*, *пешыр*, *пуштыр* – «пестерь» [например, 1: 445]. Р.Г. Ахметьянов приводит несколько других сопоставлений: персид. *bistar*, урду. *bistara (Platts)* – «полог, ковер», «заплечная ноша»; таджик. *пуштора*, *пуштара* – «заплечная ноша»; а мар. *пуштыр*, *пöштыр* – «заплечная ноша» – считает лишь результатом контаминации [7: 129]. Приблизительное копирование с незначительной звукографемной трансформацией заимствования отражает процесс метафорического осмысления действительности, поскольку в метафоре происходит соединение двух зон, двух разных областей знаний: одного предмета / явления, подлежащего восприятию, осознанию, оценке, и другого предмета / явления, известного и характеризваемого типовыми признаками. В анализируемом примере это небольшая ручная емкость, сплетенная из лубка или из прутьев (чаще из ивы),

предназначенная для сбора ягод и грибов. Функциональный признак (емкость для сбора чего-либо) остается устойчивым при изменении способа ношения плетеной *корзины* – в руках или за плечами (*пестерь*).

Татары в процессе многовекового развития на территории Урало-Поволжья вступали в интенсивные и длительные экономические и культурные взаимоотношения с угро-финнами, прежде всего с удмуртами, марийцами и мордвой, что нашло отображение в словарном составе этих языков.

В татарском литературном языке финно-угорских заимствований начитывается около трех с половиной десятков слов. В совокупности с заимствованиями в диалектах их около 300. Татарские говоры среднего диалекта интенсивнее контактировали с периферийно-южными говорами удмуртского языка: более 100 слов определяются как заимствования из удмуртского языка, большинство из которых зафиксировано в нукратовском говоре этого диалекта. Примечательно, что ни одно из этих заимствований не употребляется в татарском литературном языке.

Приведенные в качестве примеров в рамках данной публикации лексемы-заимствования имеют локальное функционирование, сферы употребления которых различны: одни слова характерны для нескольких говоров, другие – функционируя лишь в определенном регионе. Фиксация того или иного слова в словарном составе языка зависит, прежде всего, от особенностей этнолингвистического контакта отдельной группы татар с тем или иным финно-угорским народом. Предполагаем, что языковое сознание воспринимало заимствования как передачу информации о совпадающем рефлексивном опыте носителей языка. Рефлексивный акт при заимствовании может быть вызван различными параметрами усваиваемого языковой системой слова – и языковыми его характеристиками, и денотативной отнесенностью, и стандартным для речевой общности отношением к обозначаемому им явлению или факту, и другими его особенностями. На уровне семантической адаптации формируется «определенность значения, происходит дифференциация значений и их оттенков между заимствуемым словом и существующей в языке исконной лексики» [4: 35–43].

Семантическая адаптация рассмотренных финно-угорских заимствований в Среднем Поволжье и Приуралье иллюстрирует их приспособления к сложившейся системе значений языка-реципиента или трансформы в языке-доноре. Заимствования, как правило, вызваны либо необходимостью восполнить пробел в словаре, либо возможностью добавить семантический эквивалент. Тем не менее, анализ рассмотренных единиц убеждает в том, что этот процесс не всегда целенаправлен, логичен и эффективен: «случайные» заимствования могут отвергаться словарем; другим удается укорениться при семантической адаптации.

Безусловно, в восточном диалекте татарского языка присутствует целый лексический пласт финно-угорских заимствований. В научной литературе по сопоставительному языковедению указывается на то, что в среднем и западном диалектах удельный вес финно-угорских заимствований среди иноязычной татарской лексики небольшой. Эта особенность характерна и для восточного диалекта, в котором указанные языковые единицы служат не только для номинации новых предметов и явлений, экономии языковых средств, точности и экспрессивности выражения, но и для выполнения стилистических функций, добавляя в тюркские языки (через них и в русский язык) синонимы, придавая

им семантическую вариативность, в некоторых контекстах и экспрессивную окраску.

Рассмотренные в рамках статьи отдельные лексемы встречаются во всех трех диалектах татарского языка. Не исключается тот факт, что некоторые лексические единицы попали в восточный диалект через носителей среднего и западного диалектов, участие которых в формировании отдельных групп сибирских татар общеизвестно. В перспективе более детализированное и углубленное рассмотрение данного вопроса с опорой на широкий лексикографический материал даст возможность определить специфику формирования лексики восточного диалекта татарского языка.

Авторы приходят к выводу о том, что присутствие финно-угорских единиц в татарском языке определяется как лингвистическими параметрами, направленными на раскрытие механизмов адаптации, так и этносоциальными, дающими возможность показать глубину культурно-исторических контактов носителей языков. Этносоциолингвистический механизм вхождения единиц из финно-угорского языка-источника в татарский язык-реципиент идентичен в своей основе особенностям процесса заимствования в других языках, и такие единицы можно исследовать с точки зрения приведшей к ним интерференции в аспекте фонологической, грамматической и семантической адаптации в принимающем лексемы языке.

Традиционному пониманию заимствования как проникновения элементов одного языка в другой авторы предлагают объяснение ему как создания собственными средствами языка своих элементов посредством творческой имитации, приблизительного копирования или структурного моделирования.

Этносоциолингвистическая адаптация элементов из финно-угорского языка-источника в татарском языке-реципиенте являет собой процесс переноса языковой единицы, которая приживается на всех языковых уровнях. Результаты языкового воздействия можно представить условной шкалой – от полной интеграции до частичного и / или полного несовпадения языковых элементов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. – Новосибирск: Наука, 2003. – 788 с.
2. Бяतिकова О.Н. Лексика рыболовства в татарском литературном языке. – Казань: ИЯЛИ, 2005. – 160 с.
3. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
4. Насипов И.С. Языковые контакты в Волго-Камье. Удмуртские заимствования в татарском языке. – Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2013. – 258 с.
5. Хайрутдинова Т.Х. Бытовая лексика татарского языка (посуда, утварь, предметы домашнего обихода). – Казань: ИЯЛИ, 2000. – 128 с.
6. Хайрутдинова Т.Х. Народные названия растений в татарском языке. – Казань: Фикер, 2004. – 224 с.
7. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге (Краткий историко-этимологический словарь татарского языка) – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 272 б.
8. Kurtes S. Contrastive analysis at work: theoretical considerations and their practical application // *Signum: Estud. Ling. Londrina*, 2006. – № 9/11. – P. 111–140.

СИНТАКСИК ФРАЗЕОЛОГИЗМНАРНЫ ӨЙРЭНУ МӘСЪӘЛӘСЕНӘ КАРАТА

Г.Ә. Нәбиуллина

Казан федераль университеты (Казань)

Статья подготовлена в рамках НОЦ стратегических исследований в области родных языков и культур Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета.

В статье рассматривается одна из самых противоречивых проблем тюркологии, проблема синтаксических фразеологизмов, которая проявляется на уровне простого и сложного предложения. Актуальность исследования обусловлена тем, что лингвистический анализ структуры и семантики синтаксических фразеологизмов позволяет обосновать статус нечленимых предложений в синтаксической системе татарского языка и выявить структурно-семантический, грамматический, функциональные аспекты фразеологизированных предложений.

В данном исследовании дается краткий обзор работ, посвящённых исследованию синтаксической фразеологии. Научно-практические исследования по этой проблеме предполагают проведение более тщательного лингвистического анализа лексико-грамматической структуры и семантики синтаксических фразеологизмов.

Ключевые слова: синтаксис татарского языка, предложение, синтаксическая фразеология, фразеологизированные предложения.

The article examines one of the most controversial problems of Turkology, the problem of syntactic phraseological units, which manifests itself at the level of simple and complex sentences. The relevance of the research is due to the fact that the linguistic analysis of the structure and semantics of syntactic phraseological units makes it possible to substantiate the status of non-separable sentences in the syntactic system of the Tatar language and to identify the structural-semantic, grammatical, functional aspects of phraseologized sentences. This study provides a brief overview of the works devoted to the study of syntactic phraseology. Scientific and practical research on this problem involves a more thorough linguistic analysis of the lexical and grammatical structure and semantics of syntactic phraseological units.

Key words: the syntax of the Tatar language, sentence, syntactic phraseology, phraseologized sentences.

Хәзерге тел гыйлемендә синтаксик фразеологизмнарны өйрәнәп язылган күп санлы диссертацияләр, фәнни хезмәтләр бар. Алар тел гыйлемендә төрле терминнар белән атап тикшереләләр: тотрыклы төзелмәләр, синтаксик идиомалар, шаблон фразалар, фразеологияләшкән синтаксик төзелмәләр, фразеокалыплар, тотрыклы синтаксик әйләнеш, коммуникемалар. Фразеологияләшкән структур калыпларның структурно-семантик һәм функциональ үзенчәлекләре фәндә Д.Н. Шмелев, И.А. Мелкумова, Л.М. Салмина, Г.Ф. Гаврилова, В.Ф. Киприянов, М.В. Всеволодова, Г.Н. Смирнов, А.В. Величко, В.Ю. Меликян, Г.С. Пашкова, С.И. Пирунова, И.Н. Кайгородова тарафыннан өйрәнелгән.

Синтаксик фразеологизмнарны киң планда тикшерү рус галимнәре Д.Н. Шмелев һәм Н. Ю. Шведова хезмәтләреннән башлана. Д.Н. Шмелев тотрыклы калыпка нигезләнгән һәм составына грамматик вариациядә чикләнгән сүzlәр кергән структураларны фразеокалыплар дип атарга тәкъдим итә,

аларның төп үзлекләре, лексик фразеологизмнардан аермалы билгеләре тас-вирлана [38; 39]. Н.Ю. Шведова тарафыннан фразеологик конструкцияләр жанлы сөйләмгә хас күренешләр буларак тикшерелә, аларның грамматик һәм семантик үзенчәлекләре ачыклана, фразеологияләшкән синтаксик берәмлекләрнең классификациясе тәкъдим ителә, соңрак тикшеренү нәтижәләре рус теленең академик грамматикасына (РГ-1980) кертелә.

Фразеологияләшкән структур калыпларның төп билгеләре буларак идиомалылык, семантик бөтенлек, образлылык, лексик яктан таркалмау, алар арасындагы структур-семантик бәйләнеш, лексема һәм семаларның бәйләнеше һ. б. санала. А.М. Бабкин фразеологияләшкән жөмлөләрнең боларга өстәп, мәгънә бөтенлеге, сүzlәр арасындагы тотрыклы бәйләнеш, күчерелмә мәгънә, экспрессив-эмоциональ тәэсирлелек, компонентлар составы һәм грамматик мәгънә кебек билгеләрне дә күрсәтә. В.И. Кодухов фразеологик төзелешле структураларның иярченле кушма жөмлөләр арасында аеруча күп булуына игътибар итә. В.А. Белошапкова фразеологияләшкән структураларның элементлары арасында синтаксик бәйләнешләрнең ачык булмавын ассызык-лый [5: 445].

А.В. Кунин, А.Г. Назарян хезмәтләрендә фразеологик берәмлекләр функциональ яктан киң планда өйрәнелә һәм номинатив, коммуникатив төркемнәргә аерып карала. Галимнәр фикеренчә, номинатив характердагы фразеологик берәмлекләр сүз, сүзтезмә рәвешендә белдерелә, коммуникатив характердагы берәмлекләр жөмлә калыбында биреләләр.

Л.А. Пиотровская тарафыннан синтаксик фразеологизмнар прагматик яктан киң планда жентекләп тикшерелә. Т.А. Шутова экспрессив синтаксик төзелмәләр арасында фразеологияләшкән калыпларны аерып күрсәтә. С.С. Сафонова, хәзерге матбугат, әдәби текстта кулланылган экспрессив чараларны тикшереп, кушма жөмлөләрнең фразеологизмларын анализлый. И.Н. Кайгорова фразеологияләшкән жөмлөләрне синтаксик идиомалар составына кертеп карый.

Соңгы елларда В.Ю. Меликян һәм аның житәкчелегендә язылган фәнни хезмәтләрдә синтаксик фразеологизмнарны коммуникемаларның бр төре буларак тикшерүгә зур урын бирелә. Галим, синтаксик фразеологизмнарны коммуникатив предикатив берәмлекләр итеп танып, таркалмый торган синтаксис дигән яңа юнәлешкә нигез сала [2].

Һәрбер телдә, ныгып калып фразеологик берәмлеккә әйләнгән калыплар бар. Кайбер галимнәр флектив телләр белән чагыштырганда, агглютинатив телләрдә нормадан читләшкән бәйләнешләр (синтаксик фразеологизмнар) сирәгәк очравын искәртәләр, шул ук вакытта моның «татар телендә синтаксик фразеологизмнарның эле өйрәнелмәгәнлек нәтижәсе булуы да мөмкин», дип аңлаталар.

Татар грамматикасында синтаксик фразеологизмнар модальлек күренешен, сөйләм теле синтаксисын, синтаксик кабатлауларны тикшерүгә нисбәтле телгә алынып, кайбер төрләрә мисалга китерелә һәм аларга шундый билгеләмә бирелә: «Сүzlәр бәйләнешенең хәзерге нормаларына сыймый торган сүзтезмәләр һәм жөмлөләр синтаксик фразеологизм дип аталалар. Алар гадәттә тулы хәбәрлеккә ия булалар (нәрсә булса да хәбәр итәләр), ләкин үзенчәлекле эмоциональ модальлек белән характерланалар» [5: 323].

Татар галимнәре Ф.С. Сафиуллина, С. Ибраһимов, М.З. Зәкиев, Ф.Г. Галлямов хезмәтләрендә синтаксик фразеологизмнарны, аларның статусын, струк-

тур-семантик калыпларын өйрәнүгә бәйле башлангыч мәглүматлар булса да, татар телендә алар өйрәнелмәгән эле.

Ф.С. Сафиуллина сөйләм теле синтаксисын өйрәнәп язылган монографик хезмәтәндә фразеологик төзелешле структураларның күп төрле мисалларын, типларын күрсәтә. С.Ибраһимов, фразеологияләшкән кушма жөмлөләрне тикшереп, синтетик, аналитик калыплашкан мөкальләрнең күп санлы үрнәкләрен китерә. Ф. Галлямовның синтаксик кабатлауларны өйрәнүгә нисбәтле фәнни хезмәтләре дә синтаксик фразеологизмнарның аерым төрләрен күзалларга зур мөмкинлек бирә [1–5].

Татар грамматикасында синтаксик фразеологизмнарның 15 семантик төре билгеләнә:

1. Сөйләүче хәбәрлекне гадәти күренеш дип карый: *Өй өй инде. Биредә эмоциональ модальлек гадәтилек төсмерен көчәйтүгә кайтып кала.*

2. Сөйләүче хәбәрлекнең югары дәрәжәдә булуын әйтергә тели: *Менә, ич-масам, тавыш! яки Менә моны тавыш дияргә дә ярый!*

3. Сөйләүче хәбәрлекне ирония белән әйтә, аның гадәтилектән дә түбән булуына басым ясый: *Бәйрәмә бәйрәм түгел! Бәйрәм димәсәң хәтерә калыр.*

4. Сөйләүче хәбәрлекне үзенең катгый карарына кушып әйтә: *Барырга булгач барырга! Барырга тек барырга!*

5. Сөйләүче бу хәбәрлекнең башкалардан өстенрәк булуына басым ясый: *Бәләшнәң дә бәләше!*

6. Сөйләүче көтелгәннең булуына шат: *Моны кем бүләк димәс!*

7. Сөйләүче гажәпләнәп хәбәр итә: *Нинди кешеләр алар!*

8. Сөйләүче кемнеләр, нәрсәнеләр гадәттән тыш хуплый я тискәре мөнәсәбәт белдерә: *Әй, син мошеник! Егет икәнсең! Әй, бу туган дигәннәрә!*

9. Сөйләүче хәбәрлекнең вакытлы булмавына басым ясый: *Анда сөйләшү кайгысы түгел эле.*

10. Сөйләүче субъектның хәрәкәтен хупламый: *Дәшмичә торса ни була!*

11. Сөйләүче хәбәр ителгәнне дәрәс дип, бердәнбер дип таба: *Бар шатлыгы – балалар! Балалар белән шатланудан башканы белми!*

12. Сөйләүче хәбәр ителгәнне мөмкин дип санып: *Моның турында уйларга була. Ял итәр әңир табып була.*

13. Сөйләүче хәбәр ителгәнне әһәмиятсез дип таба: *Миңа соң нәрсә! Аңа соң нәрсә!? Исе китә миңа аның!*

14. Сөйләүче хәбәр ителгәнне дәрәс дип таба: *Ул белмичә кем белсен! Өйгә кайтмыйча кая кайтасың! Моннан башка кайда ял итәсең! Эштән башка нәрсә турында сөйләшәсе!*

15. Кайбер сүзләргә кире мәгънәдә кулландан сөйләүченең гажәпләнүе көчәя: *Кирәк бит шундый бәхетсезлеккә тап булырга!* [5: 323].

Фразеологияләшкән жөмлөләрдә модаль мәгънәләр шактый киң: күплек, төрлелек, логик шартлылык, килешү, инкарь итү, ризасызлык, кирәкле, максат, кирәкле, тиешлек, мәгънәсенә ия синтаксик фразеологизмнар кулланыла. Чыннан да, татар телендә синтаксик фразеологизмнарның киң планда жентекләп өйрәнелмәве нәтижәсендә, аның хосусиятләре, структур-семантик билгеләре турында мәгълүматлар бик аз.

Синтаксик фразеологизмнарда сүз формалары бер-берсе белән идиоматик рәвештә бәйләнеләр, ярдәмлек сүзләр, кисәкчеләр һәм ымлыктар гамәлдәге синтаксик кагыйдәләргә буйсынмыйча, аерым бер статуска ия булалар. Фразеологизацияләшкән жөмлөләр, гадәттә, түбәндәге сүз төркемнәре нигезендә

формалашалар: 1) бәйләкләр, бәйләк сүзләр белән, 2) кисәкчәләр белән, 3) ымлыклар, 4) сорау алмашлыклары. Бу берәмлекләр синтаксик фразеологизмны формалаштыручы таяныч сүз буларак төп рольне уйный.

Бу төркемләр, әлбәттә, шартлы, чөнки синтаксик кабатлаулар, риторик сорау жөмлөләр дә синтаксик фразеологизмнар рәтендә каралырга мөмкин. Бу турыда М.З. Зәкиев та искәртеп уза: «риторик сорау жөмлөләр дә, сорауны түгел, ә икеләнүне, хиснең күплеген белдерүче формалар буларак, синтаксик фразеологизмнар рәтеннән каралалар: *Әллә күрше авылга барыргамы?! Шатлыкмыни бу!?*» [5: 323].

Синтаксик фразеологизмнарны жөмлә ягыннан тикшерү мәсьәләсе фән-дә шактый зур бәхәсләр белән бара. Бу сорау татар тел белемендә бөтенләй ачыкланмаган. Мондый калыплашкан структураларны жөмлә кисәкләренә таркатып тикшерү бөтенләй дә акламас иде. Шул нигездә аларны таркалмый торган жөмлөләр рәтендә тикшерү максатка ярашлы. Шул ук вакытта кайбер синтаксик фразеологизмнар составында нигез компонентлар белән беррәттән жәенкеләндерә торган үзгәрүчән ирекле компонентларнын да булуын истә тот-сак, жөмләнең кайбер компонентлары грамматик яктан таркалырга да мөмкин.

Нәтижә ясап әйткәндә, синтаксик фразеологизмнар – фразеологизация процессында синтаксик берәмлекләр булып формалашкан тотрыклы тел берәм-лекләре. Структур яктан гади һәм кушма жөмлөләр арасында да фразеологи-яләшкән калыплар кулланыла. Безнеңчә, синтаксик фразеологизмнар үзгәрми торган нигез һәм үзгәрүчән ирекле лексик компонентлардан формалашкан, эмма грамматик яктан тотрыклы булган һәм семантик, модаль мөгънәләрне белдерә торган жөмлөләр буларак карала алалар.

ӘДӘБИЯТ

1. Ибрагимов С.М. Сложные предложения фразеологизированной структуры в татарском языке // Языковые уровни и их взаимодействие. – Казань, 1990. – С. 12–20.
2. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленяемого предложения: Учеб. пособие. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2004. – 340 с.
3. Набиуллина Г.А. Предложения фразеологизированной структуры с опорным компонен-том-частицей в татарском языке // ISSN 1991-5497. Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 6 (97). – С. 474–476.
4. Сафиуллина Ф. С. Синтаксис татарской разговорной речи. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 253 с.
5. Татар грамматикасы. 3 томда. 3 т.: Синтаксис / ТФА гуманитар фәннәр бүлеге; редкол.: М.З. Зәкиев (баш ред.), Ф.Ә. Ганиев, К.З. Зиннәтуллина. – М.: Инсан; Казан: Фикер, 1999.

УДК 811.512.001.5

УРТА ГАСЫР ТӨРКИ-ТАТАР ЯЗМА ИСТӘЛЕГЕ МӘХМҮД БОЛГАРИНЫҢ «НӘҤЖЕЛ-ФӘРАДИС» ӘСӘРЕНДӘ СУРӘТЛӘҮ ЧАРАСЫ БУЛАРАК ЧАГЫШТЫРУЛАР

Ф.Ш. Нуриева

Казан федераль университеты (Казан)

Сравнения, использованные в произведении Махмуда Болгари, основаны на исламское учение и на мотивы, отражающие национальный дух народа. Махмуд Болгари, используя выразительные сравнения из народной речи, передает идейно-эстетические ценности законов шариата, правила жизни. В статье

рассматриваются функции сравнительных конструкций, степень смысловой передачи в тексте произведения «Нахдж ал-Фарадис» (1358).

Ключевые слова: Махмуд Болгари, тюркский, татарский, изобразительные средства, сравнение.

The comparisons used in Mahmoud Bolgari's work are based on Islamic teachings and on motifs that reflect the national spirit of the people. Mahmud Bolgari, using expressive comparisons from folk speech, conveys the ideological and aesthetic values of Sharia law, the rules of life. The article deals with the functions of comparative constructions, the degree of semantic transmission in the text of the work 'Nahj al-Faradis'.

Key words: Mahmud Bolgari, Turkic, Tatar, pictorial means, comparison.

Поэтик сурәт сүзләр ярдәмендә ясала. Сүз осталары – язучылар, аларны үзенчә кулланып, бер күренешнең башка күренештәге нинди дә булса бәйләнешен табып, аңа шул үзенчәлекне өстәп куя. Текстта сүз – үзенчә төп мәгънәсе белән беррәтлән, бик бай һәм күпъяклы мәгънә төсмерләренә ия була. Алтын Урда чоры язучылары эсәрләре поэтик чараларның төрлелеге белән аерылып тора. Авторлар үзләренең уй-тойгыларын, әйтергә теләгән фикерен үтемле яңгыратырга омтыла. Биредә күчерелмә мәгънә белән бәйләнешле стилистик алымнар аеруча зур роль уйный. Нинди дә булса бер әйберне яки күренешне чагыштырганда, язучы бер-берсеннән ерак төшенчәләр охшашлыгына нигезләнәп, күренеш һәм предметларның охшаш һәм аермалы якларын образлы яктыртуга ирешә. Сурәтләр чарасы буларак кулланган чагыштырулар Алтын Урда чорындагы дөнъяны күзәлтә, шул вакыттагы рухи кыйммәтләр, күренешләр арасында бәйләнешләрне ачыкларга мөмкинлек бирә.

Мәхмүд Болгари Алтын Урда дәүләтендә яшәүче халыкка гомумкешелек кыйммәтләре белән сугарылган ислам дине өйрәтмәләрен таратучы булып тора. «Нәһжәл-фарадис» эсәре унышар фасылны эченә алган дүрт бүлектән торган зур күләмле, дини-дидактик характердагы чәчмә эсәр. Мәхмүд Болгари дини һәм дөнъяви мотивларга нигезләнәп, эсәрен ислам дине юлына баскан мөэмин-мөселманны Аллаһ рухына лаеклы зат итеп тәрбияләүгә юнәлдергән. Эсәрдә кулланылган чагыштырулар ислам тәғлимәтенә һәм халыкның милли рухын чагылдырган мотивларга корылган.

Мәхмүд Болгари галәмдәгә тәртипне урнаштыручы бөек Илаһи зат барлыгына, Яратучыга гына хас булган сыйфатларын халыкчан чагыштыруларга нигезләп, укучысын күңелләрен канәгатьләндерә, ышандыра торган төшенчә тудыруга ирешкән. Иман ул Аллаһка ышану. Аллаһ бу дөнъя белән идарә итүче, аның ихтиярыннан башка бернәрсә дә эшләнмәвен, Мөхәммәд галәйһи-эссәламнең пәйгамбәрлек вазифаларын үтәве, шәригатьне, барлык халыклар өчен билгеләнгән яшәү кагыйдәләрен аңлатуы укучының игътибарын жәлеп итә торган халыкчан чагыштырулар ярдәмендә күрсәтелә: *Нич ким әрсәдин қорқмағай, мәгәр Тәңридин қорқғай тәқый қойлуғ киши бүрүдин қорқғай* (11: 10); *Сизләр хайрға йаричиләр үкүш хасил қылуңсыз анлар хайрға йаричи болмазлар тип айды тәқый ул уақтың анларқа мәним сөннәтим үзә сабыр қылмақ айаларыңқа йанар көз қысмыш мәңизлиг күчәй болғай тиди* (304: 15) һ. б. Өзекләрдән күренгәнчә, Мәхмүд Болгари эсәрендә ислам дине нигезләрен укучысына житкерүдә чагыштыру алымына тормыш барышында яқын булган элементларны кертә, мәсәлә, Аллаһтан куркуны хайван асраган кешенең бүредән куркуына тиңләп чагыштыру барлыкка килгән. Шунның нәтижәсендә, ике күренештә дә саклану чарасын күрү кирәклегә анык күз алдына китерелә,

Мөхәммәд пәйгамбәрнең Аллаһы Тәгалә йөкләгән вазифасын үтәү өчен бөтен көчөн куеп тырышуы учта янган күмер кысу белән тиңләп чагыштырыла.

Аллаһы Тәгаләнең махсус миссиясен үтәүче пәйгамбәргә хас сыйфатларны сурәтлөгәндә, әсәрдә күп чагыштырулар файдаланылган. Мөхәммәд ғаләйһи әс-сәламнең пәйгамбәр булуына ихлас ышану; ул аңлаткан, өйрәткән нәрсәләрне ихлас кабул итәргә кирәклектен читләтеп әйтүне эченә алган, киңәйтелгән чагыштырулар аша ирештерә. *Пәйгамбәр ғаләйһи әс-сәлам сиринкә һичким әрсә мөтталиг болмады. Мәгәр ул миқдар ким мәсәлән бир мәшәк тулуғ сый болса тәқый ул мәшкниң ағызы бағлығ болса һичким әрсә ул мәшк ичиндә сыйны көрмәсә үләкин тышындақы үйүшлүкүни көрәрләр тәқый билүрләр ким бу мәшк ичиндә сый бар тип. Мөхәммәд Расулаллаһиның тәқый әнүәри тәқый әсрарының миқдарыңга һич ким әрсә мөтталиг болу билмәди мәгәр ул миқдар билдиләр ким пәйгамбәримүз музмир әнүәри илаһи турур тәқый мәнбағи әсрар Раббани турур (3: 9–13); Пәйгамбәр ғаләйһи әс-сәламқа бирилгән әнүәрдин зәррәси заһир болса әрди, халаиққа һич ким әрсә аны тәхәммүл қылу билмәз әрди нәтәг ким көзи зағиф ким әрсә күнгә қаршу бақмақыны тәхәммүл қылу билмәз (314: 15) һ. б.* Үрнәкләрдән күрәбез, чагыштырулар пәйгамбәрнең серенә төшенеп бетү мөмкин түгел икәнәнә төшенәргә, бәлки бик аз миқдарын (дымыннан – савытта су саклануын аңлаган кебек, күзе суқыр кояш яктысын күрә алмаган кебек һ. б.) сиземләргә генә мөмкин булуына тиңли. Берничә жөмләдән торган текстта эчтәлекнең катлаулыгы, һәр сүзнең көче, аныклагычлар кулланып тудырган сыйфатның икенче күренеш аша чагыштырылып бирүе контекстка экспрессив-образлылык бирә.

Гомумиләштереп әйткәндә, Мәхмүд Болғари кулланган чагыштырулар ислам тәғлиматында традицион булган, шулай ук жанлы сөйләм теленнән алынган күчерелмә мәгънәләргә нигезләнгән.

Жир тормышында Илаһи зат кушканча яшәп, тыелганнан тыелып, сабырлык күрсәткән, Аллаһның ризалыгын алырга тырышып яшәгән мөселманнар өчен әзерләнгән жәннәтне әдип дөнъя тормышында күз алдына да китерә алмаган рәхәтлекләр көтүен бу төрдә мөмкин булган киңәйтелгән чагыштырулар кулланып, кешеләрнең акылын-зиһенен биләрлек жәннәт сурәтен тудыруга ирешә. Әсәрдән кайбер өзекләр: *Көрәрмән Хақ Тәбәрәкә үә Тәгалә мөәммин қуллары үчүн андағ мақамлар әмәда қылмыш ким һич адәминиң көзи көрмиши йоқ тәқый қулақы ишитмиши йоқ тәқый адәминиң һәм көңлинкә түшмиши йоқ. Учтмахдин бир қамчы йолы йахшырақ турур бу дөнийаның жәмлә мүлкидин, жәмлә малы тауарыдин. Учтмахның хорларыдин бир хор йәр йүзинкә бир қата назар қылса, мәшириқдин мәғрибқа тәғи хош йызығ болғай тәқый хорларның кигән дастарларыдин бир дастарны дөнийага кәлтүрсәләр дөнийаның әуүәлидин ахырыңга тәғи нә ким мал тауар бар әрсә жәмләси аның бәһасинкә йәтмәгәй (64: 1–6).* Жәннәтнең нигъмәтләренә, ләззәтләренә игътибар иттерү өчен язучы чагыштыруның бер төре булган читләтеп әйтүне эченә алган гыйбрәтле хикәя аша оймахта көткән рәхәтлекләрнең жанлы тасвирын тудыруга ирешкән.

Укучыларын бу дөнъя тормышында қылынган барлык гамәлләр өчен жавап бирергә туры киләчәген, дөнъялықта Аллаһ әмер иткән гамәлләрне генә эшләргә, тыйган нәрсәләрдән тыелып яшәргә тиешлеген, артык малдан проказа авыруыннан качу белән, гомернең тизлеген капка аша үтүгә, дөнъялыкны сөенә сабий баланың әнисен яратуына тиңли: *Әй өммәтим, дөнийаның артуқларыдин качың нәтәг ким жүзам гилләтидин качмыш мәңизлиг аның үчүн*

ким дөһияның *Хақ Тәгалә хәзрәтиндә сиңәк қанатынча хөрмәти болса әрди, кәфрләркә бир ичим сыў бирмәгәй әрди тип айды* (390: 15–16); *Бу дөһияны бир сарай болдум ким ики қапуғы бар, бир қапуғдин кирдим тәқый бир қапуғдин чықтым* (394: 7); *Йә Рухуллаһ Хақ Тәгалә йәгрәнмишни биз сәўдүк бу дөһияны андағ қатығ сәўдик ким оглан анасын сәўмиш мәңизлик. Қачан ким оглан анасы огланға қаршу кәлсә ул оглан фәрах қылуғ тәқый қачан ким ул анасы йүз чәўүрсә ул оглан йығлайу башлар. Бу дөһияны сәўмәклик сәбәбидин жәмлә мәғсийәт бизләрдin кәлди әрсә Хақ Тәгалә тәқый бизләрни һәләқ қылды* (395: 7–10) һ. б.

Хөсет ислам динендә гаеп һәм харам кылынған гамәлләрнең берседер. Пәйгамбәребез бер хәдисендә бу турыда шулай ди: «Ут утыннарны яндырып ашап бетергән кебек, хөсет тә эшләгән изгелекләрне савапларны ашап бетереп юк итәр». Әлеге хәдисне Мәхмүд Болгари әсәрендә халык теленә нигезләнеп, ут сүзенә корылған чагыштыруны метафора белән көчәйтәп биргән: утын ут януга сәбәпче булса, хөсет, әләк – дошманлык уты януга сәбәптер: *Хақиқатта кинә тәқый хәсәд мөэмин қулнуң хәсәнәтин тәқый әзгүлүкләрини һәләқ қылуғ тәқый түкәтүр нәтәк ким от отунны һәләқ қылуғ тәқый түкәтүр тип айды. Отун сәбәб турур от йанмақға, бу гаммазлык тәқый сәбәб турур ики ким әрсә арасында душманлык оты йанмақға* (411: 16, 17). Мәхмүд Болгари Коръәндә Аллаһы Тәгалә гайбәт сөйләүчене кеше итен ашауга ошатқан хәдискә сүзләр өстәп, эмоциональ яңгыраш өстәп жибәрә: *Қарындашыңызқа гәйбәт қылмаң әгәр гәйбәт қылсаңыз өлүгсә итини йәмиш булғайсыз. Тәқый ул өлүгсә итини йәгрәнүрсиз гәйбәт қылмақны тәқый йәгрәниң* (384: 11). Язучының шушы образлы чагыштыруы аша укучы жанлы, көчле картинаны күз алдына китерә.

Ислам динендәге кешенең дөһияга карашын күчерелмә мәғнәдәге тасвирий билгеләр, символлар ярдәмендә сурәтли. Мәсәлән, язучы фани дөһияны тирән дәрәя сурәтендә кулланған, чиксез диңгезне кичеп, исән калу мөмкинлен шулай ук поэтик образлар ярдәмендә бирә. Китерелгән өзектә көймә – иман, жилкән – тәвәккәллек белән тиңләштерелгән: *Әй оглум бу дөһия бир тәриң түплүг дәрйә турур тәқый үкүш халаиқ бу дәрйә ичиндә гарық болуп турур. Әй оглум әгәр тиләсәң ким бу дәрйәдин сәләмәт чықайын тисәң йақындин бир кәми хасил қылғыл тәқый ул кәми ичинкә иманны толдурғыл тәқый ул кәминиң йәлкәнини тәўәккүлдин қылғыл андин соң бу дөһияның дәрйәсидин сәләмәт қуртулғайсән* (396: 2, 3).

«Бу» дөһия һәм «теге» дөһия дип аталған галәм кеше яшәешендә жанын тетрәткән, гасырлар дөвамында яшәү белән үлем мәғнәсе турында уйландырган. Бу дөһия төшенчәсен язучы болай аңлата: *Бу тәхт тәқый мүлк дөһияның әсбаблары жәмләси фани турур тәқый тәсбих саўабы бақи турур бақи йахшырақ турур фанидин* (393: 12). Ислам динендә кешенең үлгәннән соң булачак тормышы ахирәт дип атала. Мәхмүд Болгари әсәрендә дөһия һәм ахирәт үзара капма-каршы мәғнәдәге «ике көндәш хатын», «мәшрик һәм мәғриб» кебек поэтик чагыштыруларда күрсәтелә: *Дөһия тәқый ахирәт икәгүси ики күни гаурәт мәңизлиг турур. Қачан ким бу ир бу ики күниниң бирини хошнуд қылса, зарури тәқый бири ирдин нәхошнуд болғай. Тәқый бу дөһия тәқый ахирәт икәгү мәшриқ тәқый мәғриб мәңизлиг турурлар. Қачан ким бир ким әрсә мәшриқ тарафынға тәўәжжүһ қылса зарури мәғриб тарафыдин играз қылмақ кәрәк. Бир шәхс бир хәлдә һәм мәшриққа тәўәжжүһ қылайын һәм тәқый мәғрибқа тәўәжжүһ қылайын тисә, болмаз* (397: 13–15).

Ахирәт тормышының башы булган кыямәт – дөнъяның ахырын белдерә. Мәхмүд Болгари дөнъяның соңын карт хатын сурәтенә охшатып, чагыштыру ярдәмендә гайрәтне чигерерлек образ тудырган: *Кыйамәт күн болса бу дөнъяны бир қари гаурәт суратыңга кәлдүргәйләр чақыр көзлүг болгайлар сачлыг болгай тишләри ачуқ болгай йүзи көрксүз болгай ингән һәйбәтлиг, бимаза сура тлыг болгай* (399: 5–6).

Ахырзаман билгеләре язучы үзенчәлекле үткен чагыштырулары аша яктырткан: динне дөнъя малына алыштыру, тышкы күркәм кыяфәт белән эчке дөнъяның туры килмәве, күнелләренә катуы – метафора алымы «бүре күнелле»гә әверелү белән аталган: *Йә Әбу Һәрәйрә ахыр заман болса, әрәнләр динләрини бирип дөнъя алгайлар соф тонлар кәзгәйләр тәқый тилләрини шәкәрдин сүчүк қылгайлар тәқый үзләрини заһидқа ухшатқайлар үләкин көңүлләри бөри көңилләри мәңизлик болгай* (402: 5–6) һ. б.

Чагыштырулар шулай ук мифик хайваннарны: бурак, ожмах дөяләрен тасвирлаганда да кулланылган. Коръәни Кәримдә исеме аталган хайван – буракның сурәте Мөхәммәд пәйгамбәрнең мигъражы вакытында, күкләрдә сәяхәт вакытын тасвирлаганда китерелә: *Ул жаңуар аты бурақ әрди. Әзәри тәқый йүгәни уруглуг, қатирдин кичигрәк, әшәкдин улуграқ, йүзи адәми йүзи мәңизлик қузруқы тәқый туйнақы инәк қузруқыңа үә тәқый туйнақларыңа мәңзәр. Әгәр йәрдә йүримәккә қасд қылсам, бир адымы монда басар тәқый бир адымы көз очы йәтәрдә басар. Уә әгәр үстүн бармаққа қасд қылсам қуш тиг һауада учар. Рәнги ақ турур* (53: 2–4). Мәхмүд Болгари әсәрәндә әлегә мифик хайванны ат һәм ишәк белән чагыштырып, уртача гәүдәле булуын, йөзен кеше йөзенә, койрыгы белән тоякларын сыерныкына охшатып, йөрешенә тизлеген кош очышына тиңләп, ягъни антитеза алымын кулланып, ак төстә итеп тасвирлаган.

Шулай ук кешеләрнең көндәлек тормышында урын алган хайваннар да чагыштыруларда файдаланылган, бигрәк тә, бүре, сарык: *Анларның нишаны ул турур ким әгәр күндүз болса күн көләгәсини сақлайурлар ким қачан намаз уақты болгай Раббүмүзкә гибадәт қылсақ тип. Нәтәг ким қоймәт қойны сақламыш мәңизлик* (318: 16); *Кәрүан халқыны көрәр болса, қой бөридин нәтәг ким қачар болса ул тәқый халаиқдин андағ қачар тидиләр* (373: 7) һ. б.

Мәхмүд Болгари әсәрәндә урын алган чагыштыруларда шулай ук табигать күренешләре үзенчәлекләре файдаланыла. Ашау әдәбенә бәйле әлегә жәмләсендә: *қачан ким мөәмниниң қурсақынга бир луқма хәләлдин кирүр болса жәмлә әгзаларыңга Хақ Тәгалә тәүфиқ бирүр. Жәмлә әгзаларыдин тағат үә гибадәт мәүжүд болур тәқый қылмыш йазуқлары ул мөәмниндин төклүр нәтәг ким дарахтдин йапурақлар төкүлмиш мәңизлиг* (299: 3–5); *халаиқ сәңа игтибар қылсалар, син сишгәйсән тәқый улуг болгайсән тәқый өзүңни Сүрәййә йылдузда көргәйсән* (372: 9) һ. б. Болгари хәләл ризык белән тукланган кешенәң языклары агачтан яфрақ коелгандай коелачагы, дәрәжәдән масаеп, үзен йолдыз биеклегендә күтәрү кебек укучысына таныш булган чагыштырулар уйлап табып, аларны әсәрәндә уңышлы кулланылган.

Әдип халыкка яхшы таныш булган, яратып укылган, кат-кат күчерелгән әдәби әсәрләренә дә ихтыяжына ярашлы рәвештә чагыштыруларында файдалана. Мәсәлән, берничә урында Коръәндә һәм Идел буе халқының үз телендә ижәт ителгән Кол Галинең «Кыйссаи Йосыф», Рабгузиниң «Кыйсас әл-әнбия» әсәрләрендә гәүдәләнеш тапкан гүзәл Йосыф сюжеты кергән өч хикәя, бер өзек урнаштырган. Алар максатка яраклы итеп сайлап алынган, әсәрнең

төрле бабларында бирелгән. Мәсәлән, беренче бабта Мөхәммәд пәйгамбәрнең күргән миһнәтләрен эченә алган хикәядә пәйгамбәрнең дә Йосыф туганнарын кичергән шикелле, үзенә күп жәфалар кылган Мәккә халкын кичерүе күрсәтелә: *Пәйгамбәр галәйһи әс-салам айды: Әй Мәккә халқы, мән сизкә аны айтүрмән, ким Йосыф пәйгамбәр галәйһи әс-салам қарындашларына айды. Қарындашлары Йосыф пәйгамбәр галәйһи әс-саламны атасыдин йалған сөз бирлә сахрақа чықардылар тәқый үкүш жәфалар қылмышидин соң, қозуғқа кәмишитиләр. Андин соң кәрүан халқы сыу алмаққа кәлип Йосыф пәйгамбәрни қозуғдин чықардылар әрсә йәнә қарындашлары: Бу бизим қачқунчы қудумыз тип ул кәрүан халқының биринкә саттылар. Хақ Тәгалә Йосыф пәйгамбәрқа падшаһлықны рузи қылмышидин соң оялары ачлықдин әмгәнип, Йосыф пәйгамбәрқа бардылар әрсә Йосыф пәйгамбәр анларқа өзини билдүрмәди әрсә аңар инкән хажәләттә болдылар әрсә Йосыф пәйгамбәр анларқа айды Әй қарындашларым хажәләт қылмаң ул күн сизләр ким мәңә қылдыңыз әрсә мән гафу қылдым, Хақ Тәгалә сизләркә тәқый рәхмәт қылсун тимииш тәг мән тәқый әй Мәккә халқы сизләркә гафу қылдым тиди (52: 1–7).* Мәхмүд Болгари халыкның күңелендә урын алған таныш сюжетларны кертеп, үз максатларына яраклы үзләштереп, укучысына тәәсир итә алырлык гүәл Йосыф белән бәйлә үз версиясен булдырган.

Мисаллардан күренгәнчә, әсәрдә чагыштыру булып хезмәт итә торган төрле мәгънәви һәм бәйләүче чаралар кулланылган. Чагыштыруларда *мәңизлиг, тәг, киби* бәйлекләре бик еш кулланыла: *бу дөһия тәқый ахирәт икәгү мәширик тәқый мәғриб мәңизлиг турурлар (309: 14); Тәңри Тәгалә ул кәфрләрни урулмуш игинниң ушақ йапрагы тәг һалак қылды (43: 14); Дәрхал жәнанымы қабз қылмыш әрди мәлик атындин тәқый йықылды бир йығач йәриндин қоңурулуш түшмиш тәг (441: 2); Йә Мөһлиб бу йүрүшни Хақ Тәгалә йигрәнүр муның тәг күүәнү йүрүмәгил қул тәг мискәнәт бирлә йүригил тиди (373: 15) һ. б.*

Чагыштырулар арасында кушымчалар да зур урын алып тора. Әйберләре чагыштырганда -ча, -чә / -дын, -дин / -рак, -рәк кушымчалары катнаша: *бу мәйүәләр йаруқлығы бағзылары ай йаруқлуқынча турур, бағзылары күн йаруқлуқынча турур (319: 12); Учтмахқа кирмәс ул ким әрсә, ким көңлиндә зәррә әндазасынча кибр болса (371: 6); мәңә Тәңри Тәгаләқа йаўуқ болмақым йахшырақ турур сәңә йаўуқ болғумча (361: 3); Бизим Қаран қабиләсиндә андин ахмақ тәқый андин дәлүрәк ким әрсә йоқ (400: 5) һ. б.*

Бәйләүче чаралардан –дин кушымчасы белән *мәңизлиг* бәйлеген синоним рәвешендә бер жөмлә эчендә кулланы очрақлары теркәлгән: *тилләрини шәкәрдин сүчүк қылгайлар тәқый үзләрини заһидқа ухшатқайлар үләкин көңүлләри бөри көңилләри мәңизлик болгай (402: 5–6) һ. б.*

Кайсы гына өзекне алсаң да, Мәхмүд Болгари «Нәһжел-Фәрадис» әсәрендә ислам кагыйдәләренә нигезләнеп яшәргә кирәклеген укучының игътибарын жәлеп итә торган күптөрле образлы чагыштырулар сайлап алып, үз максатында оста файдаланган. Чагыштыру чаралары бик бай, чагыштырулар өчен Коръәндәгә хәдисләргә, халык яратып укуган әдәби әсәрләргә, символик сурәтләргә, фикерен егәрле итәргә ярдәм итә торган халыкчан гыйбәрәләргә, төрле бәйләүче чараларга мөрәжәгать итеп, әсәрен эмоциональ һәм мәгънә яғыннан баеуга ирешкән.

ӘДӘБИЯТ

1. Махмуд ал-Булгари. Нахдж ал-Фарадис. Путь в рай. Перевод. Транскрипция. – М.: Исламская книга, 2019. – 310 с.

ОСОБЕННОСТИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ У КАЛМЫКОВ: ЭТИМОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА АНТРОПОНИМОВ

Э.У. Омакаева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (Элиста)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского
научного фонда № 23-28-10061, <https://rscf.ru/project/23-28-10061/>.*

В рамках данной статьи объектом изучения выступают калмыцкие антропонимы в контексте обряда имянаречения, предметом – их этимология и семантика. Целью исследования является установление и комплексное описание лингвокультурологических особенностей личных имен калмыков. Полученные результаты могут быть использованы в процессе преподавания калмыцкого языка; в переводческой деятельности с учетом способа передачи имени в русском языке, а также в лексикографической практике при составлении словарей.

Ключевые слова: личные имена калмыков, происхождение, семантика, наречение именем.

In this article, the object of study is Kalmyk anthroponyms in the context of the naming ceremony, the subject is their etymology and semantics. The purpose of the study is to establish and comprehensively describe the linguocultural features of personal names of Kalmyks. The results obtained can be used in the process of teaching the Kalmyk language; in translation activities taking into account the method of transmitting the name in the Russian language, as well as in lexicographic practice when compiling dictionaries.

Key words: personal names of Kalmyks, origin, semantics, naming.

Личным именам калмыков посвящена значительная литература, созданная как в прошлые столетия, так и в относительно недавнее время. И это не случайно. Антропонимы имеют большую познавательную и культурно-историческую ценность. Это своего рода история жизни этноса, настоящая энциклопедия народного быта, передающая его неповторимый колорит, своеобразие материальной и духовной культуры, неписанные правила поведения в семье и обществе.

В научном багаже калмыцкой школы ономастики есть опыт предшествующих поколений, к которым принадлежат собиратели личных имен, записанных в разное время в Калмыкии, и современные разработки в области изучения антропонимии калмыков (М.У. Монраев, Г.Ц. Пюрбеев, Т.Г. Басангова, Э.У. Омакаева и др.). Ценным вкладом в изучение личных имен является докторская диссертация и монографии М.У. Монраева, фиксирующие антропонимическую лексику калмыков.

Как пишет М.Э. Рут, «антропоним может быть двуликим: он существует сам по себе и как личное имя конкретного человека» [5: 64]. У калмыков есть пословица *Зун күүнэ чирэ үзхэр, нег күүнэ нер мед* (Чем знать 100 человек в лицо, лучше знать одного по имени). Традиционно имя считалось сутью человека.

Антропонимы представляют большой интерес с лингвистической точки зрения. Личные имена, будучи соотношенными с человеком (носителем имени)

и конкретным обрядовым комплексом, относятся к тем элементам лексической системы калмыцкого языка, которые несут определенную культурно-историческую информацию. Но на сегодняшний день актуально не просто собрать воедино реликты прошлого и истолковать современную антропонимическую ситуацию, но и по возможности воссоздать традиционную картину мира монгольских народов.

Постановка такой задачи стала возможной лишь сегодня, когда традиционная система антропонимов, возникших в конкретную историческую эпоху и представляющих устную культурную традицию, может быть по-новому осмыслена и даже существенно пересмотрена через призму языка и кросс-культурных контактов. Традиция именика ойратов, имеющая центрально-азиатское происхождение, впитала в себя антропонимикон Древней Индии и Тибета, будучи тесно связанной с письменной тибето-монгольской традицией.

Изучение языковых особенностей личных имен особенно продуктивно в рамках этнолингвистики. Исследование калмыцкого антропонимикона осуществляется нами в русле пилотных разработок в области реконструкции материальной и духовной культуры этноса по данным языка (В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян, Н.И. Толстой, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо и др.).

Личные имена вызвали у нас особый интерес как с точки зрения их особой роли в ономастическом пространстве, так и с точки зрения их представленности в языках, обслуживающих буддийскую культуру (в частности, в калмыцком).

Принятие буддизма открыло новый этап в развитии антропонимикона калмыков: появились так называемые «календарные» имена. Наречение именем – важнейший инициационный акт, придающий новорожденному статус человека. Естественно, что в контексте буддийской культуры этот акт отождествлялся с религиозным обрядом очищения, во время которого ребенок получал имя.

В связи с распространением буддизма традиционный фонд собственно калмыцких имен был значительно расширен именами санскритского и тибетского происхождения [3; 4]. Такие имена очень популярны среди калмыков: *Эрднь*, *Радна*, *Эрнцн*, *Эрнжэн* «Драгоценность»; *Очр*, *Баазр* «Ваджра»; *Санж* «Просветленный, Будда», *Церн* «Долгая Жизнь» (калмыцкий эквивалент *Утнасн*), *Чагор* «Ваджрапани», *Дэр* «Тара», *Мингьян* «Благозвучное имя», *Луузң* «Хороший Ум» и т. д.

По представлениям калмыков, жизнь ребенка и его счастье во многом зависели от имени. Считалось, что имя влияет на судьбу ребенка, его будущий характер и способности. Самым распространенным было календарное имянаречение. Астролог-зурхачи определял имя в соответствии с астрологическими признаками дня рождения ребенка. Не случайно у калмыков многие имена обозначают названия планет и созвездий, связанные с днем недели, в который родился человек. Например: *Адьян*, *Нимэ*, *Нарн* «Солнце»; *Сумьян*, *Сарн*, *Дава* «Луна»; *Нимгр/Миггр* «Марс»; *Улмж*, *Лавга* «Меркурий»; *Пүрвэ* «Юпитер»; *Басң*, *Шуһр* «Венера»; *Бемб*, *Санчр* «Сатурн».

Благоприятным временем для наречения именем считались периоды нахождения Солнца в зодиакальных созвездиях Стрельца (*Нумн*), Водолея (*Хумх*), Рыб (*Заһсн*), Близнецов (*Хуцл*). Весы и Скорпион относились к неблагоприятным созвездиям для имянаречения.

Плохими днями для наречения имени были дни, которыми управляли созвездия № 1, 3, 8, 10, 13, 17, 18.

В воскресенье предписывалось давать имена ханские. Но такие имена могли носить только особы княжеского рода (нойоны). В понедельник можно было давать имена чиновников и простых людей. В среду – мужские имена, в четверг – буддийские имена гелюнгов, в пятницу – женские имена и имена, обозначающие названия животных, вещей, драгоценностей [3].

Если же календарное имя было по какой-то причине нежелательно, выбирали другое имя.

После совершения обряда имянаречения в целях предохранения ребенка от несчастия астролог давал специальный талисман «бу» (по П. Небольсину, тельник) – зашитое в матерiu (цвет материи определялся зурхачи) изображение божества (*шутэн*) с заклинаниями (*тярн*). Амулет надевали на шею ребенка, а на следующий день снимали и привязывали к колыбельке. С выходом из колыбельного возраста амулет одевали снова на шею ребенку. В качестве детских оберегов широко использовались и серебряные монеты, раковины каури, которые назывались по-калмыцки *моһан толһа* («змеиная головка»). Это же название бытует у многих тюркских народов, например, у татар, казахов, киргизов, туркмен. Монеты и раковины прикреплялись обычно к волосам ребенка.

Если обряд омовения совершался без участия священнослужителя, то тогда ездили в хурул освятить воду, размешав в половине стакана воды одну чайную ложку молока. Заговоренную в хуруле воду смешивали дома в чистой посуде с 3 литрами теплой воды. Затем воду выливали в таз, куда бросали белые и желтые монеты с пожеланием долгой жизни младенцу, соль для укрепления тела, костей ребенка, щепотку можжевельного порошка для очищения от грехов предыдущих жизней.

Если емкости для купания не было, то ребенка омывали на руках, предварительно положив кусочек ткани, на который сверху клали монетки, и возжигали можжевельный порошок для окуривания. Поливая водой ребенка, произносили: «По божественной милости ты с сегодняшнего дня очистился» (*Ода цеврдж одвч*). Обряд обычно совершала мать ребенка при помощи других женщин. После обмывания мать проводила несколько раз своим языком по телу ребенка. Обряд первого купания ребенка основан на мифологических представлениях о воде как обереге, животворном средстве, санкционирующем новый статус ребенка.

Обряд имянаречения без участия священнослужителя происходил следующим образом. Как только из хурула получали письменное известие о том, какое имя следует дать ребенку, родильница спешила в дом родителей отца ребенка. Это был ее первый выход к родным мужа. Мать ребенка брала с собой ребенка в люльке и подношения – борцоки (3 тазика/тевш), чай (3 кувшина/домб), водку (несколько фляжек/бортх), тушу целиком сваренного барана. Когда она подходила к кибитке свекра, то сразу не заходила, оставаясь снаружи у распахнутых дверей. Подарки у нее забирали и ставили в ряд на жертвенник (алтарь) и только после этого ей позволялось переступить порог кибитки. Войдя после специального разрешения в кибитку, мать ребенка ставила колыбельку перед большим бараном, прислонив ее отвесно к шесту, на верху которого находилась жертвенная чаша, и молилась перед алтарем, совершая три поклона.

Обряд имянаречения совершал старший участник обряда, обычно дед (*өвк эцк*). Он подходил к алтарю и, отвесив три поклона, наклонялся к ребенку, лежащему в колыбельке, затем, взяв за левую мочку уха, если давали имя девочке, и правую мочку, если это был мальчик, негромко трижды произносил имя: «По

божественной милости ты с этого дня именуешься так-то». После этого вынимал из принесенного барана сердце, отрезал верхний кусочек и прикладывал ко рту ребенка. С этого времени ребенок считался грешным (*килнц хурана*), поскольку попробовал кусочек мяса животного, специально для него заколотого. Оставшаяся часть сердца барана клали на алтарь [2: 86–87]. После совершения обряда мать вместе с ребенком переходила на женскую половину кибитки и садилась рядом со свекровью у малого барана. Родители мужа одаривали ее и ребенка подарками и произносили благопожелания.

Часто ребенку давали тотемное имя (*Чон* – Волк, *Ноха* – Собака и т. д.). Имена животных носят двойственный характер: с одной стороны, с их помощью ребенок получал защиту, вновь нарекаемому должны были передаваться качества соответствующих животных – сила и неуязвимость волка, живучесть и крепость собаки, с другой – ребенок причислялся к миру природы с целью обмана злых духов.

Помимо социальной функции имени (идентификация его носителя), большое значение придавалось его мифологической функции, магическим свойствам, регулирующим отношения человека с потусторонним миром, миром природы, космосом. Обычно эти две функции свойственны одному имени. Но в особых случаях, когда ребенку угрожает опасность, ему давали второе имя (обычно на семейном совете), которое использовалось в повседневной жизни, а настоящее имя табуировалось и скрывалось.

Имя выбирали на семейном совете, учитывая время появления ребенка на свет, погодные условия и другие обстоятельства того дня, родословную (*тохм*) и т. д. Особенно было принято давать имена уважаемых в роду предков.

Ребенка нельзя было назвать в честь родителей, дедушки и бабушки, а также здравствующих и недавно умерших родственников. Считалось, что называть ребенка так же, как уже зовут кого-то из домашних, опасно для обоих. В настоящее время этот обычай часто нарушается.

В калмыцкой среде существовал запрет на произнесение имени мужа, соблюдаемый его женой. Это табу распространялось также и на родственников мужа.

Очень популярны у калмыков были благопожелательные имена: *Кишгэ* «Счастливая», *Байн* «Богатая», *Цаһан* «Белая», *Мергн* «Меткий», *Цецн* «Мудрый», *Баатр* «Богатырь» и др.

По имени можно было узнать субэтническую принадлежность его носителя. Так, у торгутов существовала традиция называть детей двойным именем, особенно популярны были имена со вторым компонентом *Һэрэ* (*Гаря*): Эрдни-Гаря, Санджи-Гаря, Манджи-Гаря.

Другие принципы выбора имени применялись обычно, если ребенок рождался слабым и существовала опасность, что он не выживет, если в семье умирали («не держались») дети или родители хотели переменить пол детей.

Если в семье умирали дети, то вновь родившемуся ребенку давали чужое имя – православное или мусульманское (*Ахмед*). Особенно много русских имен появилось у калмыков после возвращения из Сибири.

В целях обмана злых духов мальчикам давали женские имена (например, *Окн* – Девушка, *Күүкн* – Девочка и т. д.), поэтому у калмыков много общих имен, которые носят и мужчины, и женщины. Если в семье рождались одни девочки, то последнему ребенку давали *останавливающее* имя (например, *Болха*).

Видимо, вся система примет, поверий и запретов, связанных с магией имен, имеет под собой определенное основание. Болезнь ребенка нередко объяснялась неправильно выбранным именем, поэтому средством избавления от болезни, «перерождения» человека считали перемену имени.

Именник, репертуар имен любого языка не является чем-то неизменным, данным раз и навсегда. Меняется состав собственных имен: одни исчезают, другие появляются, создаются, третьи уходят из активного употребления на периферию, меняют свое место в антропонимиконе. В свое время была мода на имена героев калмыцкого эпоса «Джангар», имена великих ханов. Такие имена, как Джангар, Чингиз, калмыки вообще-то считают «тяжелыми» (*кунд нерн*). В отдельных случаях, когда имя «не идет» (*зокчахи*) его носителю, лучше сменить это имя. Иначе ребенка будут преследовать болезни и несчастья.

Любое имя, имеющее «тяжелую наследственность», каким бы благозвучным и красивым оно ни было, неизбежно попадает в разряд «запретных». Судьба имени, его жизнь в языке во многом зависит от судьбы его носителя.

Вот что пишет калмыцкий писатель Алексей Балакаев об имени *Төгрэш* (*Тегряш*) в своем романе «Тринадцать лет, тринадцать дней»: «Красивое имя. Но, видимо, калмыки от суеверия не называют эти именем своих дочерей. На это есть причина» [1: 255]. У калмыков есть старинная песня с аналогичным названием. Считается, что девушка сама сочинила эту печальную песню о своей трагической судьбе. Как пишет писатель далее, «и народ наш, слыша эту горькую песню, видимо, невольно поддается ложному суеверию и не называет своих дочерей именем Тегряш» [1: 256]. История этой песни печальна. Родители 16-летней девушки выдали ее (красивую, как луна-солнце, хрупкую, как стекло) замуж за дряхлого 70-летнего старика.

Таким образом, имена имеют разную степень актуальности в той или иной лингвокультуре. Наиболее важные для этноса личные имена являются культурными доминантами. Можно с достаточной точностью охарактеризовать специфику той или иной лингвокультуры на основе анализа определенных имен, которые относятся к культурным доминантам. Изучение личных имен позволяет сделать вывод, что их выбор зависит от традиций антропонимикона народа. Особый интерес представляет изучение аксиологического потенциала антропонимов, демонстрирующих особенности этноспецифического мировидения и мирвосприятия.

Сохранение этничности мы связываем и с жизненностью личных имен, ибо в антропонимах воплощены этические и эстетические ценности народа, которые с одной стороны, носят общечеловеческий характер, а с другой – отражают менталитет этноса, своеобразие национального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакаев А.Г. Тринадцать дней, тринадцать лет. – Элиста: Санан, 1995.
2. Небольсин П.И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. – 196 с.
3. Омакаева Э.У. Триада «язык – культура – этнос» сквозь призму антропонимии: калмыцкие личные имена в контексте буддийской культуры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. – 2008. – № 2. – С. 62–67.
4. Омакаева Э.У. Калмыцкий язык: история и современность // Калмыки / Ответственные редакторы серии: В. А. Тишков, С. В. Чешко. – М.: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 2010. – С. 375–382.
5. Рут М.Э. Антропонимы: размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. – С. 59–64.

«ГРОЗА» И «TO BE OR NOT TO BE» – ДВА КОНЦЕПТА МИРОВОЙ ДРАМАТУРГИИ

О.Г. Орлова

Новосибирский государственный театральный институт (Новосибирск)

Данная статья посвящена исследованию концептов «Гроза» в пьесе А.Н. Островского «Гроза» и концепта «to be or not to be» в пьесе У. Шекспира «Гамлет, принц Датский». Для исследования структуры концепта в пьесах мы использовали методику концептуального анализа и событийно-действенный анализ пьесы. В статье представлен динамический способ формирования структуры концепта, раскрывающий ее в движении по событиям пьесы и от персонажа к персонажу. Нами обнаружены образные, ценностные, символичные признаки «грозы», которые сведены в динамическую модель структуры концепта; в ядре концепта заложено представление о бинарном единстве тела и души: Кулигин как носитель рационального мироощущения, разделяет тело и душу, Катерина – нет. Концепт «to be or not to be» состоит из нескольких пар бинарных признаков; базовая бинарная оппозиция солилоquia – смерть / жизнь. В ядре концепта «to be or not to be» – одновременное существование в двух измерениях – «быть и не быть», момент, в котором сознанием улавливается «квантовое» состояние мира, когда только лишь решением наблюдателя он становится другим.

Ключевые слова: концепт, драма, «to be or not to be», гроза, событийно-действенный анализ

This article is devoted to the study of the concepts of “Thunderstorm” in A.N. Ostrovsky’s play “Thunderstorm” and the concept of “to be or not to be” in W. Shakespeare’s play “Hamlet, Prince of Denmark”. To study the structure of the concept in the plays, we used the methodology of conceptual analysis and event-based analysis of the play. The article presents a dynamic way of forming the structure of the concept, revealing it in motion through the events of the play and from character to character. We have discovered figurative, value, symbolic signs of the “thunderstorm”, which are reduced to a dynamic model of the concept structure; at the core of the concept is the idea of the binary unity of body and soul: Kuligin, as a carrier of a rational worldview, separates body and soul, Katerina does not. The concept of “to be or not to be” consists of several pairs of binary signs; the basic binary opposition of the soliloquy is death / life. At the core of the concept of “to be or not to be” is the simultaneous existence in two dimensions – “to be and not to be”, the moment in which consciousness captures the “quantum” state of the world, when only by the decision of the observer it becomes different.

Keywords: concept, drama, “to be or not to be”, thunderstorm, event-based analysis.

Данная статья посвящена исследованию концептов «Гроза» в пьесе А.Н. Островского «Гроза» и концепта «to be or not to be» в пьесе У. Шекспира «Гамлет, принц Датский». Данный анализ может быть полезен для интерпретации пьес с целью последующего воплощения на сцене или в кино.

Пьеса А.Н. Островского «Гроза», написанная в 1859 году, стала заметным произведением русской драматургии XIX века. Она широко ставится на сценах театров и, вероятно, является самым изучаемым произведением А.Н. Островского. В нашем случае «нерв» драмы, то, что наполняет драматизмом проблему Катерины, вынесено автором в заголовок пьесы, и это ее главный концепт.

Подходя к анализу «грозы» как к авторскому художественному концепту, мы получаем ключ к идее текста.

Концепт «to be or not to be» – это художественный концепт, выраженный не единичной лексемой, а сочетанием, устойчиво ассоциирующимся с конкретным произведением английской литературы XVII века. Трагедии периода «Гамлета» («Гамлет, принц Датский» написана в 1599–1601 годах) представляют собой пик творчества У. Шекспира. Колеблющийся интроверт Гамлет является самым исследуемым персонажем драматурга.

Методы исследования. Важно определить теоретико-методический подход, который наиболее полно удовлетворяет целям нашего исследования. Мы предлагаем использовать методiku концептуального анализа. Речевой / языковой материал представляет собой оригинальный (авторский) текст пьесы, а значит, требует учета дискурсивной специфики и индивидуально-авторского осмысления концептов. Ввиду того, что жанр пьесы предполагает разворачивание образа в действии, в смене актов и сцен (действий и явлений), завершающим этапом анализа концепта может стать описание его динамической модели. В этой модели должна быть учтена смена событий и то, какой персонаж является «выразителем» того или иного признака концепта. Для формирования такой динамической модели концепта мы проанализируем, какая событийно-действенная структура формирует направление движения в развитии концепта.

Обратимся к методологии изучения концепта. «Опорной теорией в большинстве исследований является концепция Е.С. Кубряковой, трактующей его как оперативную, содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*)...» [8: 148]. Вопросу исследования концептов отводится большое место в работах С.Г. Воркачева [3], В.З. Демьянкова [4], В.И. Карасика [5], З.Д. Поповой и И.А. Стернина [13], М.В. Пименовой [11; 12], Ю.С. Степанова [17], J. Benjamins [19], D. Kemmerer [20], S. Tuxtanazarova [21], N. Umarova [22] и других. Художественный концепт изучается в работах С.А. Аскольдова [1], О.В. Беспаловой [2], О.В. Валько [15], Т.А. Куделько [8], С.В. Пушкиревой [14], Н.В. Рабкиной [15], Е.В. Сергеевой [16], Л.Н. Чурилиной [18].

М.В. Пименова полагает, что «концепты – это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире» [11: 127]. «Однако прежде всего исследователям следует четко разделить художественный и «нехудожественный» концепты» [16: 64]. Художественный концепт – это «единица сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [2: 42]. Термин «текстовый концепт» частично удовлетворяет описанию и художественного концепта: «Текстовый концепт определяется нами как фрагмент концептуальной картины мира, репрезентированной в рамках некоторого текста. Основным репрезентантом концепта в тексте является слово, которое может рассматриваться как ключевое слово, или слово – тема» [18: 115].

Исследование художественного концепта начинается с изучения репрезентирующих его в тексте лексем и лексических единиц. Наиболее последовательно методика концептуального анализа разработана в трудах М.В. Пименовой. Она представляет собой последовательность некоторых поэтапных шагов и заключается в анализе его структуры. Исследуются признаки концепта (понятийные, образные, символические, ценностные и прочие), далее признаки концепта

структурируются по иерархическому принципу и принципу частотности. Выбор ключевого слова – репрезентанта концепта – это первый шаг методики концептуального анализа [12]. Такая методика апробирована и в других работах. Так, В.А. Махортова пишет: «...метод лингвокогнитивного моделирования <...> дающей возможность представить художественный концепт как единство перцептивного, понятийного, ценностно-оценочного, тропеического, ассоциативного, ассоциативно-символического и мифологического компонентов» [10: 63].

М.В. Пименова выделяет базовые концепты, к которым она относит 1) космические концепты; 2) социальные концепты; 3) психические (духовные) концепты [12: 129]. Концепт «гроза» как лингвокультурный концепт соответствии с ее классификацией мы отнесем к классу космических метеорологических концептов.

Особое внимание нужно обратить на жанр изучаемых произведений. Мы имеем дело с драмой, произведением, в котором автор как носитель индивидуальной концептосферы представлен в системе конфликтов персонажей. Говорящие персонажи, в репликах которых репрезентирован концепт, являются вторичными по отношению к автору личностями. Приводя во взаимодействие – конфликт – этих персонажей, автор являет нам свое представление о том, что такое «гроза» в мире (истории) этих людей.

Жанр «драмы» диктует свои законы анализа произведения. «Товстоногов считал, что пьеса в своем развитии опирается на пять таких событий: 1. Исходное событие – своеобразный эмоциональный зачин спектакля, его камертон, оно начинается за пределами спектакля и заканчивается на глазах зрителя; оно фокусирует, отражает в себе (как капля воды – океан) исходное предлагаемое обстоятельство, зарождаясь в его недрах. 2. Основное событие – здесь начинается борьба по сквозному действию, вступает в силу ведущее предлагаемое обстоятельство пьесы. 3. Центральное событие – это в спектакле высший пик борьбы по сквозному действию, исчерпывается ведущее предлагаемое обстоятельство. 4. В финальном событии – кончается борьба по сквозному действию, исчерпывается ведущее предлагаемое обстоятельство. 5. Главное событие – самое последнее событие спектакля, заключающее «зерно» сверхзадачи; в нем как бы «просветляется» идея произведения; здесь решается судьба исходного предлагаемого обстоятельства – мы узнаем, что стало с ним, изменилось ли оно или осталось прежним» [7: 26].

Обсуждение и результаты. Концепт «Гроза».

Соблюдая методику концептуального анализа, рассмотрим репрезентанты концепта «гроза». Это следующие лексемы (в скобочках указано количество упоминаний слов в тексте пьесы): «гроза» (14); «гром» (6); «пожар» (1); «геенна огненная» (1); «дождик» (2); «туча» (1). «Пожар», «огонь», «дождь», «туча» – явления, которые часто сопровождают грозу в природе, поэтому абсолютно закономерно появление этих лексем в тексте пьесы.

Этимология «грозы» связывается со звукоподражанием г-р-г (з на месте г). Мы находим, что лексемы «гром», «гроза» имеют единый источник в звуках природного происхождения¹.

Рассмотрим понятийный компонент концепта «гроза», зафиксированный в словарях. Первое значение указывает на грозу как на космический концепт «гроза́, -ы́, *мн.* гро́зы, *ж.* 1. Атмосферное явление, заключающееся

¹ <https://gufo.me/dict/shansky/>

в электрических разрядах между облаками или между облаком и земной поверхностью (молния), сопровождаемых громом»¹. Второе и последующие значения имеют метафорическую природу и указывают на «грозу» как на психический концепт: «перен. Сильные душевные потрясения, переживания»; «перен. Бурные события, потрясение»; «2. Беда, опасность»; «Бурное проявление своего недовольства, раздражения, гнева со стороны того, кто имеет над другим какую-л. власть, силу»; «3. перен.; кого-чего. Тот, кто (или то, что) внушает страх, наводит ужас»².

Рассмотрим образные признаки «грозы», обнаруженные нами в тексте пьесы. Антропоморфные признаки (признаки живого существа) актуализированы в сочетаниях *гроза заходит*; *гроза собирается*; *клубком туча вьется, ровно в ней живое ворочается*; *ползет, ползет, как живая*; *гроза даром не пройдет*; *две недели никакой грозы надо мной не будет*. В тексте наблюдаются следующие витальные признаки «грозы»: гроза убивает; это смерть, наказание; когда гроза – нужно «схорониться» (*либо уж убьет кого-нибудь, либо дом сгорит*). Эмоциональные признаки актуализированы при помощи лексем *страх*, *бояться*, *страшно*.

С одной стороны, «гроза» наделяется признаками живого существа, с другой – человек тоже наделяется признаками грозы. Это обосновано логикой формирования грозы: копятся тучи (копятся негативные эмоции), при критическом скоплении в дождевых облаках происходит электрический разряд, характеризующийся светом и очень высокой температурой (молния), звуком (гром). «Гром и молнии» – так говорят об очень разозленном человеке, не способном более сдерживать критическую массу негативных эмоций. Такой человек может причинить боль, наказать» [9: 99].

Такая структура концепта «гроза» указывает на способность и желание человека объяснять природные явления состояниями человеческой психики и наоборот. Это объясняет убежденность Катерины в своей смерти и иллюстрирует мистический настрой ее ума. Для Катерины реальный мир существует одновременно в двух измерениях: физическом и психическом. Катерина отождествляет человека с птицей: «*Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела*». Грозу Катерина воспринимает как грядущее наказание, произносит в свой адрес слова, обещающие смерть. Это обещание имеет силу заклинания, и для ее психики оно имеет физическую реальность.

Ценностные признаки концепта «гроза» у Островского могут быть описаны как единство двух противоположных признаков: положительная оценка грозы звучит в образе Кулигина («благодать») и Варвары («*Я и не знала, что ты так грозы боишься. Я вот не боюсь*»), отрицательная оценка – в образах Катерины и Дикого. Ввиду этого и регулятивную составляющую концепта мы можем увидеть разную: с точки зрения персонажа Кулигина, нужно обороняться от грозы громоотводами, с точки зрения Катерины – нужно умереть.

Символьные (символические) признаки концепта «гроза» заключаются в том, что «гроза» – это символ смерти или обновления.

¹ <https://lexicography.online/explanatory/%D0%B3/%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B0>

² Там же.

По большому счету, нам показаны два противоположных мироощущения – мистический и рациональный, современный, разделяющий тело и душу. Носителем рационального мышления является Кулигин. Он говорит: «Тело ее здесь, возьмите его; а душа теперь не ваша». Мистическое мироощущение неразделения тела и души для него отсутствует.

Динамическая модель концепта «гроза» в пьесе А.Н. Островского «Гроза» может быть представлена в табличном виде.

Таблица 1.

Динамическая модель концепта «гроза»

<i>Событие</i>	<i>Исходное событие</i>	<i>Основное событие</i>	<i>Центральное событие</i>	<i>Финальное событие</i>	<i>Главное событие</i>
Содержание события	Влюбленность Катерины и Бориса друг в друга	Катерина пользуется отъездом мужа и встречается с Борисом	Признание в измене	Принимает решение умереть	Тихон обвиняет мать
Персонаж	Катерина	Кулигин	Дикой; горожане	Катерина	Кабанов
Актуализируемый признак концепта	страх; смерть; наказание за грехи	природное явление; благодать; обновление	наказание; смерть	смерть	Человек – Кабаниха

Концепт «to be or not to be». В каждом из событий пьесы просматривается две реальности: кажущаяся и истинная. Уже в исходном событии Гамлет подчеркивает мысль о том, что есть игра, а есть настоящее горе. Обобщим, каким событиям приписывается двойственность в пьесе, какие бинарные признаки составляют структуру концепта «to be or not to be». Это: игра / реальные мотивы людей; кажущееся / настоящее чувство в душе; высокий статус / низкие поступки; речь сумасшедшего / истинное содержание; отвратительное убийство / необходимое убийство; неспособность к действию / необходимость действия; отсутствие желчи / необходимость иметь злость; отвращение к убийству / государственный долг; убийство крысы / убийство Полония; случайное убийство Полония / убийство Полония как истинное намерение; спектакль, лицедейство / восстановление истинного хода событий; спортивный поединок / настоящее убийство.

И, наконец, отталкиваясь от изменений, которые происходят с персонажем в исходном и главном событии, мы можем предположить, что истинным конфликтом пьесы является интрига – тайная борьба за опустевший престол между его потенциальными наследниками. Внешние события – убийство Гамлета-отца, появление духа, сумасшествие, спектакль, гибель Офелии и поединок – являются ширмой для настоящей трагедии, которая происходит в душе Гамлета.

Обратимся к главному солилоквию, в котором вербализуется концепт «to be or not to be». Солилоквиив – soliloquia или «беседа с самим собой» – в тексте трагедии семь, и каждый из них отражает состояние ума героя. Второй солилоквиив, начинающийся со слов «to be or not to be», раскрывает основное событие и главное противоречие пьесы.

Обратим внимание на грамматику этого текста, в частности, синтаксис. Рассмотрим следующий фрагмент солилоквиива:

*«For who would bear the whips and scorns of time,
Th'oppressor's wrong, the proud man's contumely,
The pangs of dispriz'd love, the law's delay,
The insolence of office, and the spurns
That patient merit of th'unworthy takes,
When he himself might his quietus make
With a bare bodkin?»*

В данном фрагменте – это визуальная середина текста монолога – мы наблюдаем короткие синтаксически однородные члены предложения (случай синтаксического параллелизма), отделенные запятыми, создающие и визуально, и ритмически ситуацию эмоционально напряженного перечисления бедствий, которые создает жизнь. В следующем фрагменте наблюдается синтаксическая инверсия, прием, очень сильный для всего строя английского предложения, в котором, в целом, строго соблюдается принцип прямого порядка слов:

*«Who would fardels bear,
To grunt and sweat under a weary life,
But that the dread of something after death,
The undiscover'd country, from whose bourn
No traveller returns, puzzles the will,
And makes us rather bear those ills we have
Than fly to others that we know not of?»*

Рассмотрим метафоры, которые чрезвычайно важны для раскрытия смысла концепта. В тексте монолога Гамлета их большое количество, они сложные и раскрывают образ смерти и страданий: «*The slings and arrows of outrageous fortune*» (копья и стрелы жестокой судьбы); «*Or to take arms against a sea of troubles / And by opposing end them*» (вооружиться против моря проблем и погибнуть, сопротивляясь им); «*...sleep of death*» (смертельный сон); «*we have shuffled off this mortal coil / the whips and scorns of time*» (мы избавимся от этой брэнной оболочки и страданий и насмешек жизни).

Так, необходимо сделать вывод о том, что базовая бинарная оппозиция солилоквия – смерть / жизнь.

Композиционно солилоквий Гамлета представляет собой, как указывает А.В. Ковалев, структуру диспута с самим собой. «...первая знаменитая фраза знаменитого монолога – несильно (если вообще) искаженная цитата из Горгия Леонтийского “он кай ме он” (*ὁν καὶ μὴ ὄν*). Одновременно существующее и несуществующее. *Being and not being* <...> Гамлет несколько раз обращается к самому себе: “*ay, there's the rub, <...> Soft you now!*” <...> Сначала следует тезис, потом промежуточный вывод, потом выявление противоречия, потом риторическое обоснование и, наконец, суммирование. Промежуточный вывод отделен термином “*consummation*” <...> Итог аргументации подводится словами “*with this regard*” (не менее бюрократическое «принимая во внимание вышеизложенное» и переход к выводу “*thus*”)» [6: 165].

Для интерпретации концепта «to be or not to be» важным является рассмотрение композиционной кульминации монолога. На наш взгляд, это высказывание «*Thus conscience does make cowards of us all*», начинающееся как раз со слова, актуализирующего вывод (“*thus*»), и содержащее усиление при помощи вспомогательного глагола «do» – «вот так и делает сознание из нас трусов». Иными словами, в кульминации суммирован страх личности – осознание момента квантового сознания – перед принятием решения, каждое из которых

меняет мир от состояния «быть» до состояния «не быть» и наоборот. Перед нами разворачивается состояние сознания, которому открыты одновременно тяготы жизни и радость успокоения и, с другой стороны, неизвестность того, что будет после смерти, которая удерживает от принятия решения. «В основном тексте монолога Гамлет обосновал, что невозможно: ни не-быть (первая часть, которую Брюстер называет “стоической”) – это приводит нас к тому, что нет гарантий, что смерть есть конец, и к тому, что мы не знаем, какие сновидения нам уготованы; ни быть (в терминах Брюстера “героическая часть”) – поскольку тогда мы приходим к неспособности действовать, то есть противоречию. Следовательно, истинным является тезис, изложенный в самом начале. В нашем мире можно только “он кай ме он” – быть и не быть одновременно. Как в знаменитом мысленном эксперименте, единственная надежная тактика для “кота Шредингера” – сидеть в его ящике, позволяющем сохранять неопределенность» [б: 166].

Таким образом, одновременное существование в двух измерениях – «быть и не быть», момент, в котором сознанием улавливается «квантовое» состояние мира, когда только лишь решением наблюдателя он становится другим, составляет содержание главного концепта солилокви.

Заключение. В заключении необходимо отметить, что при анализе концепта в пьесе необходимо учитывать дискурсивную специфику материала художественного текста. Концепт раскрывается в речевом взаимодействии персонажей – диалогах. Это означает, что тот или иной актуализируемый признак концепта «гроза» принадлежит картине мира говорящего персонажа, вторичного по отношению к личности автора пьесы. Целая модель структуры концепта в драме может быть только динамической, то есть раскрытой в образе персонажа, меняющегося от события к событию пьесы.

Для исследования структуры концепта в пьесе мы использовали методику концептуального анализа и событийно-действенный анализ пьесы. В статье представлена динамическая модель, раскрывающая концепт в движении по событиям пьесы и от персонажа к персонажу. Представленный в статье подход к анализу главного концепта пьесы может стать основой для разработки режиссерской версии спектакля на сцене драматического театра.

Концепт «гроза» в пьесе А.Н. Островского «Гроза» – это художественный концепт индивидуально-авторского происхождения. Концепт «гроза» – не новый в русской концептосфере. Лингвокультурный концепт «гроза» в своей понятийной составляющей содержит как признаки космического метеорологического концепта, так и признаки психического концепта. Однако при актуализации концепта в художественном произведении – драме – происходит авторское «выдвижение» тех признаков концепта, которые в его картине мира находятся в конфликтных взаимоотношениях. Так, концепт «гроза» развивает признаки космического концепта в образе персонажа Кулигина, признаки психического концепта – в образе Катерины. В ядре концепта заложено представление о бинарном единстве тела и души: Кулигин как носитель рационального мироощущения, разделяет тело и душу, Катерина – нет. Собственно, именно это противопоставление двух типов мироощущения и есть основное конфликтное содержание пьесы, выраженное через ее событийную структуру.

В солилокви «to be or not to be» дополняется признаками бинарной оппозиции смерть / жизнь и содержит момент осознания сознанием самого себя, которое понимает, что «мир такой» и «не такой» одновременно. Бинарный

концепт «to be or not to be» – это символ трагедии конфликта тайного и явного, трагедии жизни в ложном, кажущемся мире, а также символ конкретного произведения У. Шекспира, который вложил в уста своего персонажа схоластическую, философскую попытку разрешить это противоречие инструментами логики. В ядро концепта помещен чувствующий человек и его когнитивная деятельность сложной динамики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: антология. От теории словесности к структуре текста: антология / под. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
2. Беспалова О.В. Концептосфера поэзии Н. Гумилева в ее лексикографическом представлении: Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб., 2002.
3. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 192 с.
4. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – 2001. – № 1(7). – С. 35–47.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – 361 с.
6. Ковалев А.В. Гамлет Шредингера: интерпретация знаменитого монолога в контексте скептицизма в английской ренессансной культуре // Горизонты гуманитарного знания. – 2018. – № 6. – С. 161–166.
7. Кузин В.И. Трагедия А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери»: опыт режиссерского анализа. Учебно-методическое пособие.. – Новосибирск: НГТИ, 2020. – С. 25–26.
8. Куделько Т.А. Концепт, антиконцепт, художественный концепт: к вопросу о соотношении понятий // Филология в XXI веке. – 2019. – № S1. – С. 148–151.
9. Маковская Н.В. Концептосферы «природные явления» и «natural phenomena» в русском и английском языках // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 1–5. – С. 96–101.
10. Махортова В.А. Индивидуально-авторский художественный концепт «tag / море» и его вербальная репрезентация в поэзии Софии де Мелло // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 4 (872). – С. 63–70.
11. Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 4. – С. 126–132.
12. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. – 2013. – № 2 (54). – Т. 2. – С. 127–131.
13. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
14. Пушкарева С. В. «Огненный столп» как значимый художественный концепт позднего творчества Н.С. Гумилева // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. – 2019. – № 2. – С. 28–34.
15. Рабкина Н.В., Валько О.В. Художественный концепт dog: сценарий гибели собаки в американской массовой литературе // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – Т. 22. – № 4 (84). – С. 1116–1125.
16. Сергеева Е.В. Концепт-универсалия и художественный концепт: проблема классификации // Сибирский филологический журнал. – 2006. – № 1–2. – С. 63–69.
17. Степанов Ю.С. О термине «концепт» // Е.С. Кубрякова (ред.). Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. – М., Калуга: Эйдос, 2007. – С. 19–26.
18. Чурилина Л.Н., Бужинская Д.С. Художественный концепт Россия как вариант национального концепта // Научный диалог. – 2019. – № 4. – С. 114–126.
19. Benjamins J. B.V. Metaphor in Cognitive Linguistics. – 1999. – 233 p.
20. Kemmerer D. Concepts in the brain: The view from cross-linguistic diversity. – 2019 // URL: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190682620.001.0001>.
21. Tuxtazarova S. The concept of linguistic view of the world and its significance in linguaculturalogy // International bulletin of applied science and technology. – 2023 – 3(9). – 482–484. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.841262>.
22. Umarova N.A Linguistic approach to conceptual research // Asian journal of multidimensional research. – 2021. – Vol. 10, Issue 4. – P. 62–66. // DOI : 10.5958/2278-4853.2021.00199.3.

ЯЗЫК КАК СТРУКТУРНАЯ ЕДИНИЦА ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА И СТРАНЫ

Е.С. Палеха

НЭЛ Казанского федерального университета (Казань)

Статья посвящена проблеме формирования внешнеполитического и внутривнутриполитического имиджа страны и государства при помощи моделирования такого его структурного компонента, как язык. Автор отмечает, что большинство исследователей не включает язык в структуру имиджа государства, с чем нельзя согласиться, поскольку язык тесно связан с национальной культурой, ментальной картиной мира, отчасти вербализует политику государства. Теоретической основой исследования стали труды психологов, социологов, политологов, философов языка и лингвистов, занимающихся вопросами, близкими к теме исследования. Представлены результаты опросов граждан России по поводу восприятия иноязычных маркетинговых и торговых надписей на товарах. Статья предназначена для специалистов гуманитарного профиля.

Ключевые слова: лингвокультурология, когнитология, философия языка, лингвистический маркетинг, направленное воздействие, концепт.

The article is devoted to the problem of forming the foreign and domestic political image of a country and a state by modeling such a structural component as language. The author notes that most researchers do not include language in the structure of the state image, which cannot be agreed with, since language is closely connected with national culture, mental picture of the world, and partly verbalizes the state policy. The theoretical basis of the study was the works of psychologists, sociologists, political scientists, philosophers of language and linguists dealing with issues close to the topic of the study. The article presents the results of surveys of Russian citizens regarding the perception of foreign-language marketing and trade inscriptions on goods. The article is intended for specialists in the humanities.

Key words: linguacultural studies, cognitive science, philosophy of language, linguistic marketing, targeted influence, concept.

Особое положение российского государства в современном мировом обществе, его противоречиво воспринимаемый внешнеполитический имидж, сложности интеграции отечественных ценностей и традиций как в западное, так и в восточное общество – все это и многие другие факторы современной картины мира инициируют исследования, посвященные диагностике роли, миссии, пути России, а также эффективности выстраиваемого усилиями отечественного истеблишмента и мировых СМИ имиджа страны и государства. Однако, изучив множество исследований указанной тематики в различных областях гуманитарного знания (маркетинг, история, политология, социология, PR), мы не обнаружили научно значимого обсуждения роли русского языка в этих глобальных процессах, а потому предлагаем ввести эту тему в научный оборот.

Несколько лет назад мы поднимал данную тему, но в несколько ином освещении, предлагая коллегам посмотреть на потенциально глобальную роль русского языка как миротворческого инструмента [12]. В статье мы приводили высказывание Р.Н. Куденхове-Калерги о том, что, несмотря на «силу танков Т-34 и автоматов Калашникова», русский все же сохранял на протяжении всего XX века ряд принципиальных признаков принадлежности к так называемым

«языкам-посредникам», «языкам цивилизации» [9]. Г. Гусейнов эту же особенность определял как «ориентацию на экспансионизм и глобализм» [5]. Значимость этой роли / функции после 2022 года, на наш взгляд, обрела новые очертания, что обусловлено не только социально-политическим контекстом, но и историко-языковыми и культурологическими связями русского языка со странами постсоветского пространства и СНГ, его коммуникативной мощностью [7], семантической и информационной насыщенностью и связями с мировой художественной литературой и духовным наследием славянского мира.

Несмотря на активизацию в настоящем моменте обратных тенденций – «деглобализации и деэкспансии языковой политики РФ, фиксации на национальной ценности» [12: 117], все же считаем, что при условии смена стратегии и профессионального PR-подхода к проблеме ее можно решить на уровне восприятия, имиджеполагания – *представить русский язык как важную часть имиджа государства, значимый элемент его политики и культуры, который представляет страну в том числе за рубежом, воспитывая лояльное и уважительное отношение к России и русским, добавляя почтительный ореол восприятия ко всему, что связано с нашей культурой и историей.*

Общее определение понятия «имидж» в специализированных словарных источниках дается традиционно примерно таким образом: «это *целенаправленно формируемый образ* (какого-либо лица, явления, предмета), призванный *оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т. п.*» [13]. Примечательным отличием в разных определениях является единственный смысловой критерий – установка на «целенаправленность», «формируемость» имиджа. Так, в определениях, данных в ряде психологических словарей, данная сема не отражена, например: «это *стереотипизированный образ* конкретного объекта, существующий в массовом сознании» [8]. То есть имидж может складываться стихийно и в этом близок к такому понятию, как «стереотип». В психологическом словаре, составленном С.Ю. Головиным, отражены оба подхода к формированию имиджа: «Формирование имиджа происходит стихийно, но чаще оно – результат работы специалистов в области психологии политической, психологии рекламы, маркетинга и пр.» [3]. Исследователи, занимающиеся проблемами формирования имиджа, в качестве автора понятия называют, среди прочих, социального психолога Ирвина Чайлда, который в 1940-е гг. ввел в научный оборот понятие «national stereotype», применяемый в отношении страны и понимаемый автором как «стереотипный образ государства, сложившийся в сознании группы людей и определяющийся когнитивным поведением, национальной культурой и менталитетом» [цит. по: 15].

Политолог И.А. Василенко писал о том, что у государства непременно должна быть имиджевая политика, которую следует направлять «на укрепление политической независимости, отстаивание цивилизационного своеобразия» [2: 25].

Учитывая данный научный контекст, считаем важным сделать несколько важных для нашего исследования замечания. Во-первых, полагаем все же, что имидж – это категория, сложившаяся в середине XX века под влиянием открытий, сделанных в таких научно-практических направлениях, как маркетинг, PR и психология рекламы, а потому вряд ли его можно рассматривать как самобытно-стихийную единицу. Имидж государства – это масштабный проект, решающий ряд важных стратегических для руководства страны задач, а следовательно «стихийность» его условна.

Во-вторых, о необходимости различать понятия «имидж государства» и «имидж страны»: первое обусловлено в большей степени объективными и измеримыми характеристиками типа государственное устройство, степень соблюдения прав и свобод человека, ВВП, экспортные показатели, новшества в научно-технической сфере; второе более психологично и может включать такие субъективно понимаемые и не поддающиеся числовой фиксации компоненты, как менталитет, духовные и нравственные ценности, ориентированность на традиции и т. д. При этом соотношение объективного и субъективного весьма условно, поскольку в целом имидж воспринимается субъективно конкретным адресатом в общемировом культурно-историческом контексте, на который повлиять невозможно, а также исходя из «сетки координат», под которой в межкультурной коммуникации принято рассматривать обусловленность «взгляда» смотрящего [16].

Большая часть исследователей рассматривает понятия «имидж страны» и «имидж государства» как синонимичные. Однако, например, в работе И.В. Лябухова высказывается идея о том, что эти понятия имеют «достаточно большие различия как в гносеологическом, так и в онтологическом плане, включая в себя разные составные элементы, имея различную структуру и механизмы формирования» [10]. Так, концепт «имидж страны» включает этнолингвистические, культурно-исторические, религиозные, хозяйственные и географические факторы. Такие представления требуют длительного времени, чтобы быть зафиксированными в сознании народа, а потому отличаются устойчивостью. Имидж государства же есть конструкт политических технологий и поддается корректировке. Он включает в себя органы политической власти, их формальное разделение и под. признаки.

Наконец, ни в одной из рассмотренных нами работ, в которых анализируется структура имиджа, *государственный язык не включен в число параметров, его формирующих, что, на наш взгляд, весьма удивительно*, поскольку и во внутренней, и во внешней политике, и в истории, и в культуре язык является репрезентантом, транслятором, носителем, формой проявления объективного наполнения этих концептов. Не единственной формой, но тем не менее существенной, объемнейшей по инфонаполнению.

В доказательство приведем одну из распространенных моделей имиджа страны / государства: «1) экономика; 2) внешняя политика; 3) внутренняя политика; 4) вооруженные силы; 5) население страны; 6) социальные институты; 7) географические и климатические параметры; 8) культура; 9) история; 10) религия; 11) менталитет; 12) наука и образование; 13) спорт; здравоохранение; 14) развитие (прогресс); 15) международный статус» [4].

Однако у отдельных исследователей находим среди структурных элементов имиджа некоторые окоязыковые / речевые компоненты. Так, итальянский исследователь С. Анхольт разработал «схему построения национального бренда страны», куда в качестве компонентов структуры вошли произведения художественной литературы и СМИ страны [1: 58–59]. Группа отечественных психологов А.Н. Смирнов, С.В. Беспалов, Л.Е. Востряков, Ю.П. Зинченко в структуру имиджа включают «культурную коммуникацию» (образ жизни, традиции, ценности, символы и стереотипы) [11].

Как видно, язык как национальное достояние, главный элемент картины мира индивида и нации (даже невербальные компоненты могут сформироваться только через осознание, а этот процесс всегда вербален) не фиксируется

в теориях построения имиджа государства. При этом язык обладает множеством функций, которые коррелируют с задачами имиджепостроения (например, когнитивная, идентифицирующая, конативная, кумулятивная, метаязыковая, этноконсолидирующая).

Напомним позицию известного лингвиста, неогумбольдтианца, философа языка Л. Вайсгербера, который рассматривал родной язык как «действующую силу», которая не просто обладает созидательной способностью, но сообщает индивидам картину мира, программирует их на действия и реализацию задач отечества [14: 143]. Пусть и не в полной мере, однако эти же задачи может решать язык, распространенный вовне родного пространства, поскольку картина мира другого народа при условии распространенности вербальных и невербальных ее адептов действительно оказывает влияние на «соседние» культуры, мировоззрения и языки.

Примером может служить экспансия американской культуры и английского языка в XX веке. Для агрессивной языковой политики США, проводимой параллельно и не менее настойчиво совместно с культурной гегемонией, Р. Филлипсон даже ввел специальное понятие «лингвистический империализм» («установление и непрерывное воспроизводство структурного (статусного) и культурного неравенства между английским и другими языками, продолжающееся доминирование английского языка в постколониальных странах...и, в смягченном варианте, по всему миру») [18; 17]. Как видим, язык – полноценная и признанная структурная составляющая языковой политики, но никогда не имиджа государства, хотя имидж крайне связан с политикой и внешним проявлением государства. Данное логическое противоречие требует, на наш взгляд, неременного разрешения.

Е.В. Шелестюк, изучая стратегию вестернизации и глобализации английского языка среди прочих инструментов отмечает «интенсивное распространение ментефактов на английском языке через СМИ», а также «агрессивную политику продвижения английского языка и пропаганду его престижности» [17: 226], из чего следует, что возросшая популярность языка вовсе не стихийное явление, а следствие череды эффективных PR-действий, которые в итоге послужили тому, что к имиджу США как государства / страны добавилась популярность и универсальность английского языка, а заодно и американской культуры.

Какие конкретные шаги могут и должны быть предприняты для реализации плана укрепления имиджевых позиций русского языка и русской культуры? Очевидно, что начинать стоит с «улучшения» внутреннего восприятия, проработки на уровне государственных программ «идей гордости» быть носителем русской культуры и русского языка. Пока в указанном направлении принимаются отдельные действия, которые чаще носят правовой характер и редко являются частью продуманных PR-кампаний. Примером может служить недавнее принятие закона, направленного на «охрану русского языка от излишних заимствований из иностранных языков» (№ 221977-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации” (в части совершенствования механизмов обеспечения статуса русского языка как государственного языка Российской Федерации и осуществления контроля за соблюдением норм современного русского литературного языка)»)¹. Запрет

¹ <https://www.garant.ru/news/1609278/>

распространяется на коммуникацию в отдельно взятых сферах – деятельность государственных органов, делопроизводство, судопроизводство, наименования органов власти, тексты нормативных актов, продукция СМИ и реклама, наименования географических объектов и надписи на дорожных знаках и т. д. При этом предполагается, что в ближайшем будущем из словарей русского языка будут исключены иностранные слова и выражения, имеющие общеупотребительные аналоги. Остается открытым вопрос, как государство собирается это сделать при наличии свободы печати и изданий.

При этом пока еще разрешается использовать иноязычную лексику для создания фирменных наименований и товарных знаков (ч. 3 ст. 3 закона о государственном языке), чем и пользуется бизнес: до сих пор торговые названия на латинице воспринимаются как более престижные, вызывающие доверие. Так, согласно проведенному нами опросу среди студентов государственных вузов г. Казани 1–4 курсов обучения, почти 76 % опрошенных отмечают, что у них имеются «неосознанные предпочтения выбора» товаров, услуг, имеющих в своих названиях нерусскоязычные графические или языковые элементы. Считаем, что более жесткая законодательная языковая норма могла бы изменить ситуацию.

То же касается сектора моды. Опрос, проведенный среди школьников г. Казани 9–11 классов о том, футболки с надписями на каком языке они предпочитают / выбирают носить, нашей ученицей показал следующие весьма плачевные результаты: более 85 % отдадут предпочтение надписям на иностранных языках – английском или корейском (тренд на корейскую анимацию и игры). Носить русское «немодно» среди молодежи. Справедливости ради, отметим, что взрослая часть населения России иначе реагирует на подобные модные объекты: лишь 22 % людей в возрасте от 35 до 55 лет выбирают одежду с надписями на иностранных языках (наш онлайн-опрос, проведенный в соцсети «ВКонтакте» с охватом в 934 человека).

Примерами эстрадного, масскультурного продвижения концепта «русское» внутри страны могут стать музыкальные проекты «Русское радио» и певец Shaman. При достаточном уровне популярности внутри страны, эти проекты вызывают неоднозначное восприятие за рубежом, что обусловлено рядом факторов, в том числе и отсутствием программы их продвижения в среде европейского потребителя. Очевидно, что должны быть использованы иные инструменты, учитывающие целевую аудиторию и иной культурно-исторический контекст, а также полноценная программа имиджевого конструирования образа русского языка в конкретной стратегически значимой стране мира, построенная с учетом научно верифицируемых данных.

Завершая наше небольшое исследование, отметим, что при построении стратегии имиджевой модели русского языка как составного элемента внутривнутриполитического и внешнеполитического имиджа государства необходимо ориентироваться не на «позитивный образ», а на эффективный, под которым Ю.Г. Жеглова предлагает понимать «такой имидж в сознании зарубежной общественности и политического истеблишмента, который способствует тому, чтобы позиция РФ по ключевым вопросам внешнеполитической повестки дня была услышана, адекватно понята и отражена при принятии решений, значимых в двусторонних или международных отношениях, в очень небольшой зависимости от того, нравится страна партнерам или нет» [6]. Эффективным может быть и отрицательный имидж, а достижение нужной степени

эффективности возможно лишь в результате планомерной целенаправленной и долговременной реализации стратегии, в которой наряду с моделированием основной структуры имиджа учитывается образ русского языка. Таким образом, язык может стать важным элементом маркетингового и PR-продвижения государства за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анхольт С. Создание бренда страны // Бренд-менеджмент. – 2007. – № 1. – С. 57–64.
2. Василенко И.А. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта // Власть. – 2013. – № 7. – С. 24–28.
3. Головин С.Ю. Словарь психолога-практика. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Харвест, 2007. – 976 с.
4. Горбушина О.П. Междисциплинарная модель имиджа страны // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2023. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnaya-model-imidzha-stran> (дата обращения: 20.06.2024).
5. Гусейнов Г. Дискуссионный клуб. Русский язык в современном мире. – № 6. – 2022. – URL: <http://xn--80aabgdk2dkbof7a.com/articles/russkiy-yazyk-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 05.09.2024).
6. Жеглова Ю.Г. Трудности имиджевой политики в интересах Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-imidzhevoy-politiki-v-interesah-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 11.07.2024).
7. Кирилина А.В. Проблемы развития коммуникативно мощных европейских языков в эпоху глобализации // Этнопсихоллингвистика. – 2018. – № 1. – С. 26–62.
8. Краткий психологический словарь / сост.: Л.А. Карпенко, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – Ростов-на-Дону: ФЕНИКС, 1998.
9. Куденхове-Калерги Р.Н. Пан-Европа / отв. ред. Е. Айзпурвит. – М.: Вита Планетаре, 2006. – 120 с.
10. Лябухов И.В. О соотношении понятий «Имидж государства» и «Имидж страны» (к постановке проблемы) // Известия АлтГУ. – 2011. – № 4-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-imidzh-gosudarstva-i-imidzh-strany-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 18.07.2024).
11. Образ России в стране и за рубежом: гуманитарное измерение / под ред. Ю.П. Зинченко, Л.В. Матвеевой. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – 123 с.
12. Палеха Е.С. Русский язык как средство примирения мирового сообщества // Материалы Международного форума «Русский язык и литература как средство формирования российской идентичности и международной интеграции» (Казань, 2–8 апреля 2023 г.) / редкол.: Р.Р. Замалетдинов, И.Э. Ярмакеев, Р.Ф. Мухаметшина, Н.В. Габдреева, Ю.В. Агеева, Е.И. Колосова, Л.Р. Ахмерова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2023. – С. 110–117.
13. Политическая наука: Словарь-справочник / авт.-сост. проф. полит. наук И.И. Санжаревский. – Изд. 6-е, испр. и доп. – Тамбов, 2016.
14. Радченко О.А. Язык как мирозидание: лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. – Изд-е 3-е, стер. – М.: КомКнига, 2006. – 312 с.
15. Се Чжоун, Чжан Юньи. Восприятие и распространение имиджа России иностранными студентами // Мир русскоговорящих стран. – 2023. – № 4 (18). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-i-rasprostranenie-imidzha-rossii-inostrannymi-studentami> (дата обращения: 21.06.2024).
16. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – 262 с.
17. Шелестюк Е.В. Англиязычная лингвокультурная экспансия // Язык и литература в научном диалоге. Сборник научных трудов. Вып. 2. Актуальные вопросы современной филологии. Ижевск – Гранада: Изд-во «Удмуртский университет»; «Universidad de Granada», 2013. – С. 224–250.
18. Phillipson R. Linguistic imperialism continued. – New York and London: Routledge, and New Delhi: Orient Blackswan, 2009.

К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ УДМУРТСКОГО МЕСТОИМЕНИЯ *ОГ-ОГЕД* 'ДРУГ ДРУГА'

Т.В. Пантюхина

*Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения
Российской академии наук (Ижевск)*

Удмуртское взаимное местоимение *ог-огед* (*одйг-огед*) 'друг друга' по частотности уступает лишь взаимному местоимению 3 л. мн. ч. *ог-огзы* (*одйг-огзы*) 'они друг друга'. Тем не менее в научной грамматике, большинстве словарей оно не выделено как отдельная лексическая единица, его морфологические особенности не описаны. Данной статьей мы восполняем образовавшийся пробел. *Ог-огед*, как и остальные взаимные местоимения, образован редупликацией основы *ог-* (краткая форма числительного *одйг* 'один') присоединением словообразовательной морфемы *-ед*, генетически восходящей к притяжательному суффиксу 2 л. ед. ч. Семантика местоимения имеет отвлеченный характер, не привязан к какому-либо грамматическому лицу. Основная форма местоимения (именительный падеж) употребляется только в сочетании с послелогоми, поэтому в роли подлежащего не употребляется, с личной формой глагола никак не координирует.

Ключевые слова: морфология, удмуртский язык, взаимные местоимения.

The Udmurt reciprocal pronoun *og-oged* (*odig-oged*) 'each other' is second in frequency only to the reciprocal 3rd person plural pronoun *og-ogzi* (*odig-ogzi*) 'they are each other'. However, in scientific grammar and most dictionaries it is not highlighted as a separate lexical unit, its morphological features are not described. With this article we fill the gap. *Og-oged*, like other reciprocal pronouns, is formed by reduplication of the stem *og-* (short form of the numeral *odig* 'one') by adding the derivational morpheme *-ed*, which genetically goes back to the possessive suffix of the 2nd person singular. The semantics of the pronoun is abstract in nature and is not tied to any grammatical entity. The main form of the pronoun (nominative case) is used only in combination with postpositions, therefore it is not used as a subject, and does not coordinate with the personal form of the verb in any way.

Key words: morphology, Udmurt language, reciprocal pronouns.

В финно-угорских языках функционируют местоимения, обозначающие, что какое-то действие совершается совместно, либо какие-то лица или предметы сравниваются друг с другом. Обозначают их разными терминами: «взаимно-личные», «взаимно-возвратные», «возвратные» местоимения, в основном, данные лексические единицы образованы от слов со значением «другой, иной». Например, в финском языке формы «взаимно-возвратного местоимения построены на базе местоимения *toinen* 'другой' с соответствующим лично-притяжательным суффиксом: *rakastakaa toisanne!* 'любите друг друга (вы)!'; по другой модели используется повтор местоимения *toinen*: *rakastakaa toinen toistanne!* 'Любите друг друга!' [5: 101]. В мокшанском языке имеется образование *fca-fcan* 'друг друга', образующее отдельный разряд взаимно-личного местоимений [5: 187]. В близкородственном удмуртскому коми языке также выделяют взаимно-личные местоимения, которые «употребляются при именах существительных и местоимениях, с которыми они связаны по смыслу, с которыми согласуются в лице и числе» [8: 197]. *Ӧта-мӧд* и *мӧда-мӧд* также

являются составными (соединены сочинительным суффиксом *-a*), *мод* означает 'другой'¹.

В научной грамматике удмуртского языка в отдельный разряд выделяются три взаимно-личных местоимения, характеризующиеся «общим значением «взаимно друг друга: *ог-огмы* 'мы друг друга', *ог-огды* 'вы друг друга', *ог-огзы* 'они друг друга'» [1: 170]. Они образованы по татарской модели: от числительного *одйг* 'один' [9: 201] и представляют собой повтор числительного или его сокращённого варианта *ог* 'один' с последующим наращиванием к ним соответствующих личных суффиксов. Личный суффикс присоединяется либо к обеим частям, либо только ко второму компоненту. Особенности образования падежных форм, их сочетания с послелогоми, синтаксическая роль в предложении описаны И.В. Таракановым в научно-учебном издании, посвящённом морфологии удмуртского языка [10: 114–117].

О существовании местоимения *ог-огед* 'друг друга' научная грамматика умалчивает. Лишь в двух научных трудах, как нам удалось обнаружить, оно рассматривается в качестве отдельного слова. В словаре Т.К. Борисова «Удмурт-зуч кыллюкам» автор даёт форму дательного падежа *огедлы-огед* и его значение 'один другому, друг другу, взаимно', его лексико-грамматическая категория не указана [11: 2–4]. Факт существования взаимных местоимений *ог-огед* (*одйг-огед*), *ог-огез* (*одйг-огез*)² 'друг друга' обозначен в диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук В.К. Кельмакова, которая в виде отдельной монографии не издавалась и широкому кругу читателей не известна. В данной работе лингвист рассматривает эти лексемы как взаимно-личные 2 л. и 3 л. ед. ч. [4: 345–346]. Местоимения образованы от той же основы, что и взаимно-личные, путём присоединения выделительных суффиксов *-ед* и *-ез*.

В «Удмуртско-русском словаре» (1983) местоимение *ог-огед* 'друг друга', является одним из примеров употребления местоимения *ог-огды* 'вы друг друга': *ог-огдэ валаны* 'понимать друг друга' (дана форма аккузатива), *ог-огедлы юрттыны* 'помогать друг другу' (пример формы датива) [12: 315]. «Удмуртско-русский словарь» (2008) включает его в словарную статью счетно-личного местоимения *огды* 'один из вас': *огедлы огед оскыны* 'поверить друг другу'; *огедлы огед (огдылы ~) юрттыны кулэ* 'надо помогать друг другу' [13: 486].

С классификацией местоимения *ог-огед*, как падежной формы взаимно-личного местоимения *ог-огды* 'вы друг друга', нельзя согласиться по нескольким причинам. Во-первых, у рассматриваемой лексемы есть своя парадигма склонения, во-вторых, отсутствует категория лица. Также данное местоимение мы не можем отнести к варианту счетно-личного местоимения *огды* 'один из вас', так как у рассматриваемой лексемы отсутствует семантическое значение количества.

Что же касается частотности употребления, то при сплошной выборке из художественного текста объемом 240 страниц было обнаружено, что место-

¹ Н.М. Люкина указывает, что в бесермянском наречии удмуртского языка взаимно-личные местоимения также могут быть образованы от основы *тад* 'другой' с деривационными суффиксами мн. ч. [4: 94–95].

² Данное местоимение с отвлеченной семантикой взаимности в статье не рассматривается: это следующий этап изучения взаимных местоимений с отвлеченной (неличной) семантикой, которые формально могут быть причислены к ед. ч. Для описания его дистрибуции, отличительных особенностей от местоимения *ог-огед* требуется тщательный отбор материала, поскольку местоимение *ог-огез* употребляется редко.

имение *ог-огед* 'друг друга' по частотности уступает (7 примеров) местоимению *ог-огзы* 'они друг друга' (33), но количественно несколько преобладает над *ог-огмы* 'мы друг друга' (5). В то же время местоимение *ог-огды* 'вы друг друга' не встретилось ни разу.

Лексема *ог-огед* образована дублированием основы *ог-* и присоединением словообразовательного суффикса *-ед*, который генетически связан с посессивным суффиксом 2 л. ед. ч. Как и в притяжательном склонении, в аккумулятиве происходит выпадение гласной суффикса: *огед* ~ *огдэ*: *Малы, пе, кулэ огдэ огед тушмонаны?* (ГИ, 415). 'Почему, мол, нужно друг с другом враждовать (друг другу завидовать)?'

Хотя рассматриваемая лексема имеет словообразовательный суффикс, формально совпадающим с лично-притяжательным суффиксом 2 л. ед. ч., назвать его личным мы не можем: местоимению *ог-огед* нельзя приписать роль собеседника, роль лица, к которому обращаются. Его семантика имеет выделительный (неличный) характер: не мы или вы друг друга, а вообще друг друга. Употребление притяжательного суффикса 2 л. ед. ч. не столько с притяжательным, сколько с конкретизирующим значением было отмечено А.И. Емельяновым. «Имена с притяж[ательными] суф[фиксами] 2 и 3 л. ед. ч. не всегда могут означать собственность, а очень часто употребляются для конкретизации понятия, выполняя приблизительно ту же роль, что и определенный член в языках европейских и венгерском. Причем суффикс 2 л. исключительно употребляется в народных песнях и сообщает конкретизируемому им предмету значение дорогого – близкого сердцу певца и слушателей» [3: 134]. Отличие суффикса 2 л. ед. ч. Б.А. Серебренников видит в «особой экспрессии, заключающейся в стремлении сделать обсуждаемый предмет более наглядным и осязательным» [7: 36].

Рассматривая морфологическую категорию лица местоимений, исследователи отмечают, что она тесно связана с категорией лица глаголов. Местоимение *ог-огед* с финитными формами глагола не координирует, оно связано либо с именами существительными (чаще отглагольными), либо с деепричастиями, либо с инфинитивом, т. е. со словами и формами, которые не имеют показателя лица: *Ог-огедлы жечен*. 'Друг к другу с добром'; *Ог-огедтэк улыны уг луы* (ВН, 78) 'Жить друг без друга невозможно'.

Падежные суффиксы могут присоединяться либо к первому, либо ко второму компоненту местоимения. Если изменяется первый компонент местоимения, то обе составные части принимают словообразовательный суффикс. При изменении второго компонента суффикс *-ед* встраивается только во вторую часть: *Нош гурезьёсын куддырья огедлы огед матын дырья но радио пыр кусын возыны туж шуг* (ПГ, 112). 'Иногда в горах, даже когда находишься близко друг к другу, держать связь через радио очень сложно'; *Нош нунальёс ортчыллызы, ог-огедлы дышон сям нумен кылдылыз, шуод-а, мар-а* (АС, 9). 'А дни шли, со временем появилось, так сказать, чувство привыкания друг к другу'.

В литературном языке взаимное местоимение склоняется по субъектно-объектным падежам: *Котькуд адямилэн аслаз синкылиез, шумпотонэз, нош самай главноез – ог-огдэ* (акк.) *жалян, юрттон* (АС, 17). 'У каждого человека свое горе, свои радости, но самое главное – сочувствие (букв. жалеть друг друга), помощь'; *Озьен, кусыпъёсмы юнмало, нош соин чош ог-огедлэн* (ген.) *улэм-вылэменыз, лулчеберетэныз тунсыкъяськон но будэ* (К, 3). 'Таким образом, наши связи становятся крепче, вместе с этим растет и интерес к жизни и культуре друг друга'; *Угось жондйсь ансамблен сэрен ог-огедлы* (дат.) *верамез*

но уд вала (АС, 12). ‘Потому что из-за громогласного ансамбля не поймешь сказанное друг другу’. *Бен, азьло сямен, ваньзэ вунэтыса вераськыны уг лу ни но, одно шат ог-огедлэсь* (абл.) *палэнтійськоно?* (ЧП, 153). ‘Да, уже не получается поговорить как прежде, позабыв обо всем, но неужели обязательно нужно сторониться друг друга?’; *Ог-огеныд* (инстр.) *тупаса, чебер, шулдыр улон сярысь, дыр [кырзан]* (ПП, 164). ‘[Песня], наверное, о мирной жизни друг с другом, красивой, веселой жизни’. *Ог-огедъя* (адверб.) *карыськыса улыны капчигес вылэм*. ‘Жить в согласии друг с другом, оказывается, легче’.

Местоимение *ог-огед* может выступать в роли второстепенных членов предложения и никогда – в роли подлежащего, так как именительная (основная) форма употребляется только в сочетании с послелогоми: *Такем шумпотон вань дыръя, кызьы огед доры огед уг лыкты* (КГ, 34). ‘Когда есть такая радость, как не пойдешь друг к другу’.

Вкратце рассмотрев некоторые грамматические особенности взаимного местоимения *ог-огед* (*одійг огед*), можно сделать вывод, что в удмуртском языке существует взаимное местоимения с обобщающим (выделительным) значением взаимности. Основа местоимения образована редупликацией числительного *одійг* (*ог*) ‘один’, словообразовательный суффикс *-ед* не связан с семантикой лица либо притяжательности, имеет эмфатическую функцию. В литературном языке местоимение склоняется по субъектно-объектным падежам¹ Дистрибуция местоимения ограничена словами и формами, не имеющими категории лица. В предложении *ог-огед* (*одійг огед*) выступает только в роли второстепенных членов предложений. В дальнейшем в классификацию местоимений удмуртского языка нужно внести коррективы, включив в него взаимное местоимение *ог-огед* (*одійг огед*).

СОКРАЩЕНИЯ

ед. ч. – единственное число	ген. – генитив
мн. ч. – множественное число	дат. – датив
абл. – аблатив	инстр. – инструменталь
адверб. – адвербиаль	2 л., 3 л. – 2 лицо, 3 лицо
акк. – аккумулятив	

ИСТОЧНИКИ

АС – Ар-Серги В. Тулкымъёс вылын – пыжед: Повесть, веросьёс, кылбуръёс. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 224 б.

ВН – Васильев Н. Кин тон, атай? // Выль дунне. Удмурт верос: антология. Т. 2. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 70–89.

ГИ – Гаврилов И.Г. Вордйськем пальёсын. Роман-трилогия. Люкам сочинениос куинь томен, 3-тй том. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 743 с.

К – Кенеш. – 2009. – № 8 (23) – 114 с.

КГ – Красильников Г. Д. Тёлсяска: роман. – Ижевск: Удмурт книжной издательство, 1962. – 252 с.

ПП – Перевошиков Г.К. Нуназе азын: роман: «Йыбыртты музъемлы» тетралогилэн нылеть книгаез. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 248 с.

ПП – Поздеев П.К. Утыны сйзем кырзан // Выль дунне. Удмурт верос: антология. Т. 2. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 154–168.

ЧП – Чернов П. К. Тулысысен сйзьылозь: роман. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 384 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

¹ В бесермянском наречии и северных диалектах, так же, как и у других взаимных местоимений, должны присутствовать формы вторично-местных падежей.

2. Елисеев Ю.С. Финский язык // Языки народов мира: Уральские языки. – М.: Наука, 1993 г. – С. 90–115. – С.101.
3. Емельянов А.И. Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР. Ленинград. Восточный ин-т им. А.С. Енукидзе. – Л.: Изд-во Ленингр. Вост. ин-та, 1927. – 160 с.
4. Кельмаков В.К. Кукморский диалект удмуртского языка: дис... канд. филол. наук. – М., 1969. – 683 с.
5. Лёвина М.З. Эволюция местоимений в диалектах мокшанского языка: дис... канд. филол. наук. – Саранск, 2003. – 212 с.
6. Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. – Ижевск: Ин-т компьютерных исслед., 2016. – 200 с.
7. Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 392 с.
8. Современный коми язык. Фонетика, лексика, морфология / под ред. В.И. Лыткина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. – 312 с.
9. Тараканов И.В. Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. ст.: Пособие для вузов. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – 482 с.
10. Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): науч.-учеб. изд. России Федерциясь дышетонъя но тодосъя м-во, ФГБОУ ВПО «Удмурт кун ун-т», Удмурткылобур фак., Удмурт кыля но сое дышетон амальёсья каф. – Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. – 406 б.
11. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: Около 15 тыс. слов / Т.К. Борисов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. – 384 с.
12. Удмуртско-русский словарь: Ок. 35 000 слов / под ред. В.М. Вахрушева. – М.: Рус. яз., 1983. – 592 с.
13. Удмуртско-русский словарь: Ок. 50000 слов / отв. ред. Л.Е. Кириллова. РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; – Ижевск, 2008. – 925 с.

УДК 81`27

КОНЦЕПТ *СТАН* В АСПЕКТЕ ПЕРВОПРИЗНАКОВ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

М.В. Пименова

МГУ им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского (Санкт-Петербург)

В статье рассматривается вопрос о мотивирующих признаках концепта *стан*. Для их определения было проанализировано 10 этимологических словарей русского языка, в которых описывается история слов с корнем *стан* – репрезентантов изучаемого концепта. Научная новизна исследования состоит в первом опыте обращения к теме составляющих компонентов структуры концепта *стан*. Итогом изучения словарных статей стало обнаружение 24 мотивирующих признака концепта *стан*, объединенных в 5 кластеров: 1. Место обитания; 2. Место обитания животных; 3. Тело; 4. Животные; 5. Артефакт. Перспективой предпринятого исследования является поиск следующих структурных компонентов концепта *стан*: понятийных, образных, категориальных и символических признаков.

Ключевые слова: концепт, первопризнак, концептуальная структура, языковая картина мира, лингвокультура.

The article discusses the theme of motivating signs of the concept *stan*. To determine them, 10 etymological dictionaries of the Russian language were analyzed, which describe the history of words with the root *stan* – representatives of the concept under study. The scientific novelty of the study consists in the first experience of addressing the topic of the concept *stan* structure's components. The result of studying the

dictionary entries was the discovery of 24 motivating signs of the concept *stan*, united into 5 clusters: 1. Habitat; 2. Animal habitat; 3. Body; 4. Animals; 5. Artifact. The prospect of the undertaken research is the search for the following structural components of the concept *stan*: conceptual, figurative, categorical and symbolic signs.

Key words: concept, primary signs, conceptual structure, language picture of the world, linguoculture.

Введение. В русском языке существует ряд слов с корнем *стан* (*станция, станина, становище, станица*, глагол и имя *стать, стайка* «сарай»), образованное с помощью суффикса *-j-* от глагола *стать*), среди которых многочисленные топонимы (*Афганистан, Башкортостан, Дагестан, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Татарстан, Туркменистан, Узбекистан, Туркестан* – прежнее название Средней Азии и город в Казахстане, самоназвание Армении – *Айастан, Курдистан* и *Белуджистан* – исторические регионы и провинции в Иране, Турции и Пакистане, полуостров *Индостан*). Отмечен, например, топоним *Пузацкий стан* в архивном документе 1718 г. (Российский государственный архив древних актов, фонд 350, № 1. Л. 238 об.).

В лингвистической литературе существует ряд работ, в которых рассматриваются топонимы с компонентом *стан*: *Теплый стан* – название улицы и района г. Москва [2], татарские топонимы [7; 9; 11].

Стан – многозначное слово. В XI–XVII вв. у слова *стань* фиксируются значения «станок», «лагерь», «талия»; значение *стань* «лагерь» указано в словаре П. Беринды 1627 г., значение *стань* «спинка у платья, шубы» появляется в словарях с 1771 г., *стан* в остальных значениях – с 1731 и 1771 гг. [16: 376].

В XIX в. у слова *стан* закрепились значения «место остановки, лагерь», «полицейский округ», «талия». Слов с корнем *стан* много. К разряду устаревшей лексики сейчас относятся: *становой* «к стану относящийся», «род полицейского чина»; *пристанодержатель* «укрыватель воров»; *становище* «место остановки»; *розстань* «распутье, перекресток дорог (употребляется в сочетаниях *на розстоня, на розстонях*); *восстание* (цсл.) «мятеж»; *пристань* «место, где пристают суда» [7: 375].

В русском языке корень *стан-* отличается высокой продуктивностью – 202 слова: *кстати, супостат* «враг», *наставник, застава* и мн. др. [1]. Слово *станция* появилось в начале XIX в. – первоначально в значении «почтовая станция на тракте», зафиксированном в словарях 1806 г., значение «железнодорожная станция» установилось после 1837 г. [16: 376]; это «европеизированная форма старого *стан*, откуда устар. *станок* “почтовая или ямская станция”» [13: 198]. Древнерусские слова *стань, станькъ* (почтовый или ямской), диалектное *станица* и лат. *statio* «местопребывания, стоянка кораблей, место перемены лошадей почтовой службы» родственны в этимологическом отношении [16: 376]. Еще производные – *станок* «приспособление для какого-л. производства» (*токарный, типографский* и т. п.); *станица* «казачий город»; станичный; в русских былинах *станичник* «разбойник» [16: 376].

В «Полном церковно-славянском словаре» 1900 г. приводятся утраченные и некоторые из сохранившихся значений слова *стань* (*станіе*) «состояние», *стань* «заездный дом, гостиница; постоялый двор; жилище, комната, лагерь» [4: 658]. У слова *станица* выделены забытые нашими современниками значения «толпа», «множество», у слова *становище* – значения «стан, станция,

постоялый двор» [4: 658]. К устаревшей лексике относятся слова: *становицик* «чиновник Древней Руси» и *ста́нище* «стойло, хлев» [там же].

В современном русском языке слово *стан* многозначно: *стан* «1. туловище человека; 2. часть рубашки, прикрывающая туловище; 3. место временного расположения, стоянки кого-л., лагерь; 4. войско воюющей стороны; 5. приспособление, устройство (обычно деревянное) для каких-л. работ; 6. машина или система машин для обработки металла давлением, для проката; 7. основание, опора для каких-л. рабочих орудий, механизмов; 8. нотный стан (спец.)» [16: 376].

Индоевропейский характер корня *стан* отражается в сохранении однокоренных слов в других языках: алб. *stan* «загон для овец», рум. *stan* «ткацкий станок», лит. *stātis* «стойка», лит. *stónas* «состояние», др.-инд. *sthānam* «место пребывания», др.-перс. *stāna-* «место; стойка; стойло», др.-греч. *asthnoj, dusthnoj* «в плохом состоянии», англ. *stand* «стоять», *state* «положение, состояние», *stay* «оставаться».

Результаты и обсуждения. Первый этап исследования концепта – определение его мотивирующих признаков. «Мотивирующим называется такой признак, который послужил основанием для именованя некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова» [6: 18–19].

Для определения первичных – мотивирующих признаков изучаемого концепта *стан* к анализу было привлечено 10 этимологических и историко-этимологических словарей русского языка. Были изучены статьи «стан» [3; 5; 10; 14; 15; 16], «статья» [3; 7; 12], «станция» [13; 16], «стая» [15], «sta» [17]. Найденные мотивирующие признаки концепта *стан* указаны в таблице 1. Пометой «+» указаны признаки, обнаруженные в словарях, помета «-» означает отсутствие соответствующего признака.

Таблица 1.

Мотивирующие признаки концепта *стан*

№	Словари	Горяев Н.В.	Крылов Г.А.	Преображенский А.Г.	Шанский Н.М.	Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.	Шапошников А.К.	Фасмер М.	Цыганенко Г.П.	Черных П.Я.	Miclóshich Fr.
1.	‘жильё / жилище’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
2.	‘загон’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
3.	‘лагерь’	-	-	+	-	-	+	+	-	-	+
4.	‘место’	-	-	+	-	-	+	+	-	+	-
5.	‘осанка/ фигура’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
6.	‘остановка’	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-
7.	‘положение/ стояние’	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
8.	‘поясница/ талия’ (девичий стан)	-	-	+	-	-	+	+	-	-	-
9.	‘пребывание’	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-
10.	‘состав’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
11.	‘состояние’	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-
12.	‘(воен.) ставка’	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-
13.	‘стадо’	+	+	-	-	+	-	-	+	-	+

14.	‘станок’	+	–	+	–	–	+	+	+	–	+
15.	‘стать/ телосложение’	–	+	–	–	+	–	–	–	–	–
16.	‘стая’	+	+	–	–	+	–	–	+	–	+
17.	‘стойка’	–	–	–	–	–	+	+	–	–	–
18.	‘стойло/ хлев’	+	+	–	+	+	+	+	+	–	–
19.	‘стоянка’	–	–	–	–	–	+	–	–	+	–
20.	‘стоять/ стать’	+	+	–	+	+	+	+	+	+	+
21.	‘строение’	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–
22.	‘туловище’	+	–	–	–	–	–	+	–	–	–
23.	‘хребет’	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
24.	‘шатёр/ палатка’	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–

В результате анализа этимологических источников было определено 24 мотивирующих признака концепта *стан*. Историки языка не имеют единого мнения по поводу путей развития значений слова *стан* – репрезентанта исследуемого концепта. Слово *стан* этимологи называют общеславянским [15: 425]. Праславянское **станъ* образовано с помощью суффикса *-нъ* от основы *ста-*, которое восходит к индоевропейскому **sta-n-*, производному от глагола **stā-* «стоять, стать» [15: 376]. Дальнейшее словообразовательное и семантическое развитие корня *стан* показывает, что он сохраняет свою актуальность в разных тематических сферах: как социально-бытовой, так и терминологической.

Заключение. Выявленные мотивирующие признаки концепта *стан* объединяются в несколько кластеров: 1. Место обитания человека (‘жильё / жилище’, ‘лагерь’, ‘место’, ‘остановка’, ‘пребывание’, ‘(воен.) ставка’, ‘стоянка’, ‘шатёр/ палатка’); 2. Место обитания животных (‘загон’, ‘стойло/ хлев’); 3. Тело (‘осанка/ фигура’, ‘положение/ стояние’, ‘поясница/ талия’, ‘стать/ телосложение’, ‘состояние’, ‘стойка’, ‘стоять/ стать’, ‘строение’, ‘туловище’, ‘хребет’); 4. Животные (‘стадо’, ‘стая’); 5. Артефакт (‘состав’, ‘станок’).

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой онлайн словарь однокоренных слов и слов с омонимичными корнями. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://odnokorennye.ru/стан> (дата обращения: 26.08.2024).
2. Горбаневский М.В. Из московской топонимии: Ясенево, Теплый Стан, Тропарёво // Беседы в обществе любителей российской словесности. Сборник научных трудов с ОЛРС. 1998. [Электронный ресурс]. – URL: <https://testan.narod.ru/article/topo.htm> (дата обращения: 26.08.2024).
3. Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. – Тифлис: Тип. Канцелярии Главнач. гражд. ч. на Кавказе, 1896. – С. 342–343.
4. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь: в 2 т. Репринтное изд. 1900 г. – М.: Терра – книжный клуб, 1998. Т. II. – С. 658.
5. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – С. 375–376.
6. Пименова М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
7. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910–1916. Т. II. – С. 375.
8. Саттаров Г.Ф. Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики. – Казань: КГУ, 1970. – 87 с.
9. Саттаров Г.Ф. Татар топонимиясе. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1998. – 198 б.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1987. – Т. III. – С. 745.
11. Хаммагуллина И.И. История изучения татарской топонимии // Грамота. – 2017. – № 11 (77): в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 165–168.

12. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – Киев: Рад. шк., 1989. – С. 401.
13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык, 1999. – Т. II.
14. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/etymology/c/стан> (дата обращения: 28.08.2024).
15. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя / под ред. чл.-корр. АН СССР С.Г. Бархударова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1971. – С. 425.
16. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2010. – Т. I. – С. 375.
17. Micloschich Fr. Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. – Vien: W. Braumuller, 1886. – В. II. – 548 S. – S. 319.

УДК 812.112

ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В «ДИВАНИ ЛУГАТ АТ-ТУРК» МАХМУДА КАШГАРИ

М. Равшанов

Навоийский государственный горно-технологический университет (Навои)

В статье исследуются проблемы ономастики в «Дивани лугат ат-турк» Махмуда Кашгари. А также слова и термины ономастики – антропонимического характера, в том числе имена людей, этнонимы, топонимы, названия звезд, времен года. Говоря о лексикографических достоинствах «Словаря», следует отметить, что в нем на основе 31 тюркского диалекта приведены ценные материалы по сравнительно-исторической лексикологии тюркских языков.

Ключевые слова: сравнительно-историческая лексикография, ономастика, топонимы, антропонимы, диалекты, племена, тюркские языки, сравнительно-историческое изучение языков.

In given articles are investigated onomastics problems in «to Devonu lugatit turk» by Mahmuda Kashgar. And also words and terms onomastics –antroponymscharacter, including names of people, etnonims, toponims, names of stars, seasons.

Speaking about lexicographic advantages of “Dictionary”, it is necessary to notice that in it on the basis of 31 Turkic dialects valuable materials on rather – historical lexicology of Turkic languages are resulted.

Keywords: a comparative-historical lexicography, onomastics, toponims, antroponyms, dialects, tribes, Turkic languages, comparative-historical studying of languages.

Оригинальность и первичность словаря подтверждается словами самого М. Кашгари: «Подобный словарь никем ранее не составлялся и составлен он в таком особенном порядке, который никому не был известен».

«Дивани лугат ат-турк» – плод многолетних изысканий великого ученого. Словарь включает «предисловия» и основную части, в которой, подвергнуты анализу 7500 тюркских слов и выражений. Помимо этого, в «Словарь» вошло около 300 пословиц и поговорок, более 700 строк из стихотворных отрывков. А также слова и термины ономастико–антропомического характера, включая имена людей, этнонимы, топонимы, названия звезд, времен года.

Говоря о лексикографических достоинствах «Словаря», следует отметить, что в нем на основе 31 тюркского диалекта приводятся ценные материалы по сравнительно-исторической лексикологии тюркских языков.

По утверждению самого М. Кашгари, в то время функционировало 20 тюркских языков и диалектов, которые, в свою очередь распадались на более мелкие. Например, огузский язык (совр. турецкий, туркменский, хорезмский диалект узбекского языка и азербайджанский язык) делится на 27 ветвей. М. Кашгари в «Словаре» перечисляет следующие языки и диалекты: бажанский, кипчакский (вар, кыпчакский), огузский, яманский, багиртский, ябакинский, татарский, юмульский, уйгурский, китайский и др. В «Словаре» можно обнаружить и такие языки племен и племенных союзов, как арамутский, болгарский, канжакский, улакский, суваринский и др.

I. СЛОВАРЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН В «ДИВАНЕ» М. КАШГАРИ (АНТРОПОНИМЫ)

- Аби – эркаклар исми – имя собственное (далее: имя собст.) – муж. имя
- Абу Бакр – киши исми – имя собст.
- Абулфатх – киши исми – имя собст.
- Азақ – ўғуз бекларидан бирининг исми – одно из имен огузских беков
- Ажас – кул исми – имя раба
- Алп Ажа – киши исми – имя собст.
- Алп Артун – киши исми – имя собст.
- Алп эр Тонга – киши исми – имя собст.
- Алп тегин – баҳодир кул – имя собст.
- Алтун тарим – лақаб – прозвище
- Афрасиаб – киши исми – имя собст.
- Эрвуз – эркаклар номи – имя собст. муж.
- Бадруқ – эрлар исми – имя собст. муж.
- Бажзан – киши исми – имя собст.
- Бану Салим – исм. Салим авлодлари – имя собст.
- Бану Хафача – исм Хафоча авлодлари – имя собст.
- Барман – киши исми (Афросибнинг ўғли) – имя собст. (сын Афрасияба)
- Барсған – киши исми (Афросиёбнинг ўғли) – имя собст. (сын Афрасияба)
- Батзан – киши исми – имя собст.
- Бахту Нассир – киши исми – имя собст.
- Баҳром чупин – киши исми – имя собст.
- Бэги – эркаклар исми – имя собст. муж.
- Бэкач арслон тегин – киши исми – имя собст.
- Беклан – эрлар исми – имя собст. муж.
- Бэктур – эркаклар исми – имя собст. муж.
- Биста – киши исми – имя собст.
- Боғра – қараҳақан – Ҳокония шоҳларидан бирининг исми – имя собст.

царя

- Бузрач – ябақулар – бегининг исми – имя собст. князя племени ябаку
- Булач – эркаклар исми – имя собст. муж.
- Булғақ – эрлар исми – имя собст.
- Бурслан – эркаклар исми – имя собст. муж.
- Буғра хак – киши исми – имя собст.
- Женши – Хўтан бегининг исми – имя собст. князя Хутана.
- Зул – қарнайн – киши исми – имя собст. (Александр Македонского)

- Ибрахим – пайғамбар номи – имя пророка
- Инал Уз – кипчоқ хонларидан бирининг номи-имя собст. – князя кипчаков
- Иса Исхақ пайғамбар исми. – имя собст. Пророка
- Исрафил тўған текин – киши номи. – имя собст.
- Исхақ – пайғамбар номи – имя пророка
- Жавлақ сариг – бек исми – имя собст. князя
- Жалинуқ – одам алайхиссаломнинг номи – имя пророка Адама
- Яфас – Нух пайғамбарнинг ўғли – имя сына пророка Ноя
- Жаҳан тегин – киши номи – имя собст.
- Қумуш тегин – қулнинг номи – имя собст. раба
- Кул тегин – қул номи – имя собст. раба
- Маҳмуд Кошғарий – имя собст.
- Муҳаммад Жавқир Тунқохон – киши исми – имя собст.
- Нух – пайғамбар исми – имя пророка
- Отамиш – эркаклар номи – имя собст. муж.
- Рум – киши исми – имя собст.
- Сабит – киши исми – имя собст.
- Салим – киши исми – имя собст.
- Сэлжук – султонлар бобосининг исми – имя собст.
- Сэлжук Су Баши – киши номи – имя собст
- Сиявуш – киши исми (Афросиёбнинг куёви – имя собст. (зять Афрасияба)
- Сунгиш – эркаклар исми – имя собст. муж.
- Сули – қул исми имя собст. раба
- Табар – хон исми имя собст. князя
- Табду – киши исми – имя собст.
- Тахмурас – киши исми – имя собст.
- Тэкиш – эркаклар исми – имя собст. муж.
- Тонга Алп Эр – киши исми – имя собст.
- Тонгахан – киши исми – имя собст
- Тонга тэгин – киши исми – имя собст.
- Тоқиш – киши исми – имя собст.
- Тоғрил – киши исми – имя собст.
- Турумтой – қулнинг исми – имя раба.
- Тутуш – киши исми – имя собст.
- Тутуқ – эркаклар исми – имя соб. муж.
- Турк – киши исми – имя соб. (сын пророка Яфета)
- Утар – киши исми – имя собст.
- Утуш – эркаклар исми – имя муж.
- Халаф – киши исми – имя собст
- Хусайн – киши исми – имя собст.
- Кабан – эрлар исми – имя муж.
- Қадирхан – хон исми – имя собст. князя
- Қаз – киши исми – имя собст.
- Қаж – қулнинг номи – имя раба
- Қалалдуруқ – эрлар исми – имя муж.
- Қангли – киши исми – имя собст.
- Қатун – Афросиёб қизларидан бўлганларнинг номи – прозвище потомков дочери Афрасияба

- Қатмиш – эрлар исми – имя собст. муж.
- Қиличхан – хоқонлар лақаби – прозвище царей
- Қотан – эрлар исми – имя собст. муж.
- Кулбақ – киши исми – имя собст.
- Кулuch – эркаклар исми – имя собст. муж.
- Кумуқ – бекнинг исми – имя собст. князя.
- Қутлуғ – эркаклар исми – имя собст. муж.
- Қутлуғ тегин – шахзода исми – имя царевича
- Чава – ёшларга берилган исми – имя собст. (юноши)
- Чағри бек – киши исми – имя собст.
- Чағир тэгин – шахзоданинг исми – имя царевича
- Чучу – турк шоирларидан бирининг исми – имя тюрка-поэта
- Шайх Хусайн – киши исми – имя собст.
- Шу – турклар шоҳининг исми – имя царя тюрков

II. НАЗВАНИЕ НАРОДОВ, ПЛЕМЕН И РОДОВ

- Ава – назв. племени огузов
- Алқа – назв. племени огузов
- Араб – назв. народа и племени.
- Арамут – назв. тюркского племени.
- Арғу – назв. тюркского племени.
- Афшар – назв. племени огузов
- Эзгиш – назв. тюркского племени
- Эжмур – племени огузов
- Элқа булақ – назв. тюркского племени
- Бажат – назв. племени огузов
- Бажундур – назв. племени огузов
- Барсған – назв. племени
- Басмил – назв. народ.
- Башғирт – назв. народности
- Бектили – назв. племени огузов
- Бэженак – назв. племени
- Бэженг – см. бэженак
- Булақ – назв. тюркского племени
- Булғар – назв. племени
- Жабарқа – Япония
- Жувалдар – назв. племени огузов
- Жумул – назв. тюркского племени
- Жабақу – назв. тюркского племени
- Жава – см. ава
- Жазғир – назв. племени огузов
- Жамақ – назв. племени кипчаков
- Жаруқ – назв. тюркского племени
- Жаруқлуғ – назв. племени огузов
- Жасмил – назв. тюркского племени
- Жағма – назв. тюркского племени
- Жэпни – назв. племени огузов
- Игдар – назв. племени огузов
- Оғрақ – назв. тюркского племени

- Кэнжак – назв. тюркского племени
- Кўчат – назв. тюркского племени
- Огуз – назв. тюркской народности
- Рус – назв. народности
- Салгур – назв. племени огузов
- Сувар – назв. народности
- Суқақ – перенос. перс. (Огуз)
- Суғдақ – назв. народности и племени
- Тат-тат – тат. (уйгур и другие мусульманы)
- Тат – перс.
- Татар – назв. народности
- Тат тавғач – персы, тюрки, уйгуры
- Тэжик – таджики, назв. народности
- Тэнгут – назв. народности и племени
- Тугар – назв. племени огузов
- Тутирқа – назв. племени огузов
- Тухси – назв. народности
- Тубут – назв. народности, племени
- Турк – назв. народности
- Туркман – назв. народности и племени огузов
- Уйғур – назв. тюркской народности
- Ундлуғ – назв. племени огузов
- Уч – назв. племени
- Уғрақ – назв. тюркского племени
- Фарс – назв. народности
- Халач – назв. племени
- Хотан – назв. народности
- Чаруқ – назв. тюркского племени.
- Чигил – назв. тюркского племени
- Чумул – назв. тюркского племени
- Қаж – назв. народности
- Қажиг – назв. племени огузов
- Қара болуқ – назв. племени огузов
- Қарлуқ – назв. народности
- Қиниқ – назв. племени огузов
- Қирқиз – назв. народности
- Қифчақ – назв. народности – кипчак

III. НАЗВАНИЕ ГОРОДОВ И ДЕРЕВЕНЬ

- Абул – назв. деревни
- Азиғ – назв. деревне, села
- Алуш – назв. деревни в Кашгаре
- Алғуқ – назв. деревни в Кашгаре
- Арғу – назв. города между Тиразом и Баласагуном
- Атлуқ – назв. города Тараз
- Афрасияб – назв. города
- Эртуч – назв. деревне в Кашгаре
- Баласағун – назв. города
- Балу – назв. города

- Барйук – назв. города
- Барман – назв. города
- Барсаған – назв. города
- Барчуқ – назв. города
- Бэшбалиқ – назв. города
- Булғар – назв. города
- Бухара – назв. города
- Дизрутин – назв. города
- Жанбалиқ – назв. города
- Испижаб – назв. города (Чимкента)
- Ики окуз – назв. города между пустынями Ила и Яфиндж
- Инч кэнд – назв. города
- Жағма – назв. города
- Жангканд – назв. города
- Жани балиқ – назв. города
- Кашмир – назв. города
- Кэми Талас – назв. города
- Кэнчак сэнгир – назв. города
- Косан – другое название города Куча
- Кужа – назв. города
- Макка – назв. города
- Манқишлағ – назв. местности в стране огузов
- Мадинатул бажза – назв. города (другое назв. города Сайрам)
- Мэрв – назв. города
- Орду – город близ Баласагуна (Кашгар)
- Уч – назв. города
- Озканд – назв. города
- Ордуканд – другое название города Кашгар
- Саблиғ қажас – назв. города
- Сарбан – назв. города
- Сайрам – назв. города
- Самарканд – назв. города
- Сахсин – назв. города
- Сэгирма – назв. города
- Сэмизканд – см. Самарканд
- Ситгун – назв. города
- Сулм – назв. города
- Суғнақ – назв. города
- Талас – назв. города
- Тартуқ – назв. города
- Ташканд – назв. города
- Таркан – Шаш – назв. города Ташкент
- Тираз – назв. города
- Тунканд – назв. города
- Турк – назв. города
- Удун – другое назв. города Хотан
- Улуғ Талас – назв. города
- Уч – назв. города
- Узкэнд – назв. города

- Фараб – назв. города огузов
- Хотан – назв. города
- Шанчу – назв. города
- Шу – назв. города
- Қазвин – назв. города
- Қажас – назв. города
- Қаланчу – назв. города
- Қара қажас – назв. города
- Қара жиғач – назв. города
- Қарачуқ – назв. города
- Қарнақ – назв. города
- Қатун сини – назв. города
- Қизил оз – название деревни в горах Кашгара
- Қожу – назв. города
- Қочинар баши – назв. города
- Куз орду – другое название города Баласагун
- Қиз улуш – другое название города Баласагун
- Кум – назв. города

При изучении, анализе и характеристике тюркских языков М. Кашгарский следовал топониму научно обоснованному принципу:

Чистоте языков и племенных союзов чистыми он признавал ягмунский, тухсинский, кыргызский, кипчакский, огузский, чигильский, карлукский, болгарский и суварский языки, к смешанным он относил канжакский, аргунский, тангутский, сугдакский языки.

Согласно фонетическому и морфологическому признакам языков и языкового союза племен на основе особенностей самих языков, следует изучить:

1) восточные группы, куда входят: чигилский, ягминский, кипчакский, татарский, тухсинский, карлукский и уйгурский.

2) западные группы, в которых входят огузский, аргунский, яманский, суваринский языки. Этот способ использован такими учёными, как профессора У. Турсунов и Б. Уринбаев.

Таким образом:

1. «Словарь тюркских наречий» М. Кашгари является непревзойденным лексикографическим произведением тюркских народов доисламского и раннеисламского периодов.

2. Историко-географические, литературные, языковые, этнографические и культурные сведения, содержащиеся в «Словаре» и описанные в сравнительно-сопоставительном плане, позволяют считать М. Кашгари основателем сравнительно-исторического языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кашгарский М. Девону луготит турк. Т. 1. Ташкент, 1960.
2. Кашгарский М. Девону луготит турк. Т. 2. Ташкент, 1961.
3. Кашгарский М. Девону луготит турк. Т. 3. Ташкент, 1963.
4. Равшанов М. Идеографическое описание в «Девону лугатит турк» // Материалы междунар. конф., посвящ. «Девону лугатит турк». – Самарканд: СамГУ, 2002.
5. Турсунов У., Уринбаев Б. История узбекского литературного языка. – Ташкент: Укитувчи, 1982.

XXI ГАСЫР БАШЫ ТАТАР ТЕЛЕ ОРТОЛОГИК СҮЗЛЕКЛӘРЕ

И.И. Сабитова

ТР ФА Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Ортологические словари татарского языка начали издаваться с начала прошлого века. В данной статье анализируются орфографические и орфоэпические словари, словари трудностей татарского языка, вышедшие в свет в начале XXI века. При составлении таких справочников учитывается положительный опыт русской и тюркской лексикографии. Анализ словарей показывает, что в некоторых случаях из одного словаря в другой переходят некоторые погрешности и неточности.

Ключевые слова: татарский язык, лексикография, ортологические словари, справочники, орфография, орфоэпия.

Orthological dictionaries of the Tatar language have been published since the beginning of the last century. This article analyzes spelling and orthoepic dictionaries, dictionaries of difficulties of the Tatar language, published at the beginning of the XXI century. The positive experience of Russian and Turkic lexicography is taken into account when compiling such reference books. The analysis of dictionaries shows that in some cases some errors and inaccuracies pass from one dictionary to another.

Key words: Tatar language, lexicography, orthological dictionaries, reference books, orthography, orthoepy.

Татар лексикографиясе системасында аерым урынны ортологик сүзлекләр алып тора. Алар тел һәм сөйләмне камилләштерү, әдәби тел нормаларын ныгыту бурычын үти торган норматив сүзлекләр. Кулланучыда килеп туган сорауларга тиз арада жавап бирү сыйфатына ия булган бу белешмәлекләрне «словари скорой помощи» дип атыйлар [4: 204]. Әдәби тел һәрвакыт үзгәрәп тора, аның нормалары да вакыт үтү белән үзгәреш кичерә. Телнең тотрыксызлыгы, аның нормалары какшаган чорда әлеге кулланмаларның роле аеруча үсә. Аларга орфографик, орфоэпик һәм кыенлыклар сүзлекләре керә. Соңгы елларда татар лексикографиясендә төрле типтагы ортологик сүзлекләр дөнья күрде.

Тел белемдә сүзләрне дәрәс язуда кабул ителгән кагыйдәләр (имла) жыелмасы орфография дип атала. Сүзләрнең дәрәс язылышын, аерым очрақларда әйтелеш үзгәрешләрен дә орфографик сүзлекләр чагылдыра. Алар жәмгыять тарафыннан киң кулланыла торган лексикографик басмалар санына керә. Орфографик сүзлекнең иң әһәмиятле һәм мөһим сыйфаты аның норматив сүзлек булуында. Әлеге белешмәлекләр телдәге, язылыштагы барлык үзгәрешләрне чагылдырырга тиешле булганга, «сүзлекләрнең дә сүзлегә» булып санала. Анда, сүзләрнең язылыш кагыйдәләренә нигезләнеп, алфавит тәртибдә сүзләр исемлегә бирелә. Лөгәтлекләре (сүзләр исемлегә) норматив аңлатмалы сүзлекләргә таянып төзелә, гадәттә, сүзнең вариантлары күрсәтелми.

Татар лексикографиясенен орфографик сүзлекләр төзүнең күпчелек тарихы бар. XX гасырда төрле күләмле уннан артык белешмәлек басылып чыкты. Гасыр ахырында республикабызда татар телен үстерү, камилләштерү, аны дөүләт статусы дәрәжәсенә күтәрү юнәлешендә барган эшчәнлек телнең үсешендә дә чагылыш таба. Яңа гасырда телдәге лексик хәзинәне мөмкин кадәр тулы чагылдыру максатыннан, 2002 елда 140 079 сүз һәм сүз формаларын үз

эченә алган «Татар теленең орфография сүзлегә» дөнья күрдә (төзүчеләре: Ф.Ә. Ганиев, И.И. Сабитова) [3]. «Моңа кадәр орфографиягә булган ихтыяжыны 1983 елда басылып чыккан «Татар теленең орфографик сүзлегә» басмасы үтәп килде. Әмма әдәби телнең бүгенге көнгә яшәеше яңа орфография сүзлеген таләп итә» дип язалар авторлар сүзлекнең «Кереш»ендә [3: 3]. Татар язма телендә фигыльнең инфинитив формаларын куллану практикасында һәм язылышында шактый күп ялгышлыklar очрый. Барлык сүзлекләрдә дә диярлек у һәм ү гә тәмамланган исем белән фигыль (бу очракта исем фигыль) аерып бирелми. Бүгенге көнгә кадәр күп кенә инфинитивларның ике төрле язылуы күзәтелә: *тынырга – тынарга, язырга – язарга, менәргә – мәнәргә* һ. б. Нәтижәдә язуда ике вариантлык барлыкка килә. Язылыштагы ялгышлыklarдан качу өчен инфинитив формаларны аерым күрсәтү зарурлыгы көнүзәк мәсьәлә икәнә шиксез.

Алдагы елларда басылып чыккан орфографик сүзлекләрдән аермалы буларак әлеге белешмәлектә фигыльләр инфинитивта бирелгән:

ват|у, -ы
ват|ырга ... *һ. б.*

Сүзлек ахырында инфинитив формаларның язылышы турында тәкъдим ителгән кагыйдәләр, ничшиксез, хезмәтнең кыйммәтен арттыра, чөнки абсолют күпчелек очракта бу кагыйдәләр инфинитивларны дәрәс язарга ярдәм итәчәк [3: 432].

Гади фигыльдән ясалган тезмә фигыльләрнең киң кулланыштагылары да сүзлектә урын алган. Татар телендә төс белдерә торган кушма сыйфатларның беренче компоненты аергыч функциясендә килеп, *нинди?* дигән сорауга җавап бирүенә карамастан да, аергычтан соң сызыкча кую традиция булып киткән. Сүзлектә кушма сыйфатларның бу төренең орфографиясен татар теленең грамматик закончалыклары нигезендә язарга тәкъдим ителә: *алсу зәңгәр, алтын сары* һ. б. Кушма сүзләр язылышы турында мәгълүмат кулланма ахырындагы 1нче кушымтада бирелгән [3: 430–431].

Татарстанда латин графикасын кертү мәсьәләсе рәсми рәвештә 1990 еллар башында, СССР таркалганнан соң, элеккеге кайбер төрки Союз Республикаларының латин графикасына күчү белән бер үк вакытта күтәрелә. 2001 елның 1нче сентябрендә «Татарстан Республикасы халыклары телләре турында»гы законы үз көченә кергәч, бу Законны гамәлгә ашыру комитеты житәкчелегендә оешкан комиссия тарафыннан «Татар теленең орфографиясе» әзерләнгән. Кириллицадан латин алфавитына күчү берничә этапта барып, 2011 елга тәмамлау планлаштырыла. 2003 елда, автор-төзүче Ф.М. Газизова шул орфографиягә нигезләнгән, якынча 45 000 лексик берәмлекне үз эченә алган «Tatar teleneң orfoğrafia süzlege»н (Татар теленең латинда һәм кириллда орфография сүзлегә) бастырып чыгара [2]. Латин графикасы гамәлгә кертелмәү сәбәпле, сүзлек-белешмә кулланучыларга барып ирешмәде.

2010 елда К.Р. Галиуллин, Р.И. Раскулова авторлыгында «Татар теленең орфографик сүзлегә» нәшер ителде [8]. Анда якынча 43 000 сүз теркәлгән. Тулыландырылган икенче басмасы 2017 елда «Татар теленең орфографик сүзлегә: Сүзлек. Морфологик-орфографик белешмәлек» дигән исем астында басылып чыкты [9]. Белешмәлекнең лөгатылеге соңгы елларда кулланышка кергән лексик берәмлекләр исәбенә тулыландырылган (якынча 46 000 сүз). Кушымта итеп китерелгән «Морфологик-орфографик белешмәлек»нең татар һәм рус телендә бирелүе, хезмәтнең эһәмиятен арттыра, әмма андагы күпсанлы билге-тамгалар

биредәге материалдан файдалануны, мәгълүматны кабул итүне кулланучы өчен катлауландыра.

2002 елда басылып чыккан орфографик сүзлектән аермалы буларак, инфинитив формалар, янә дә у һәм ү белән бирелгән:

кайтарт|у, -уы
кайтар|у, -уы ... *h. б.*

Әлеге форма ясалышында кыенлыклар булган фиғыльләр генә йолдызчыктан соң түгәрәк жәяләр эчендә китерелгән:

аву, -ы (*ау, **аварга)
кит|ү, -үе (**китәргә) I-II (*фг.*)

Төс белдерә торган кушма сыйфатлар да, элекке традиция буенча, сызыкча аша язылган: яшкелът-соры, саргылт-кызыл, аксыл-зәңгәр *h. б.*

Шактый гына хата-кимчелекләре булган бу сүзлек, бүгенге көндә матбугат хезмәткәрләре, массакуләм мәгълүмат чаралары, журналистлар, язучылар тарафыннан норматив сүзлек буларак кулланыла. Мисал итеп *садака* сүзен күрсәтергә була. Алдагы елларда басылып чыккан татар теле сүзлекләрендә, шул исәптән орфографик сүзлекләрдә дә бу сүз дәрәс итеп *садака* формасында теркәлгән. Белешмәлек авторларының *садака* сүзен *садака* дип язуны тәкъдим итүләрен берничек тә аңлатып булмый. Шулай ук алдагы елларда чыккан сүзлекләрдән күчкән ялгышлар да күзгә ташлана: *кафеханә, кассачы, каллиграфчылык, ижтимагый-көнкүреш, диспансерлаштыру, абстракцияләү* (дәрәсе: *кафе, кассач, каллиграфлык, ижтимагый көнкүреш, диспансеризацияләү, абстракцияләштерү*) *h. б. ш.*

Татар орфографиясендәгә хәл итеп бетелмәгән катлаулы мәсьәләләр орфографик сүзлекләрдә ачык күренә: бер үк сүзләрнең төрлечә язылышы, сүзләрнең вариантлылыгы, традиция дип элеккечә язу *h. б.* Бигрәк тә гарәп-фарсы алынмалары язылышындагы төгәлсезлекләр бер сүзлектән икенчесенә күчеп йөргәнлегә күренә. Бу дәрәс язу проблемаларын актуальләштерүгә китерә. Әмма аларны тулысынча берьюлы гына хәл итү мөмкин түгел. Бүгенге көндә сүзлекчеләр алдында аеруча мөһим һәм катлаулы мәсьәлә булып татар теленең тулы, системалаштырылган орфографик сүзлеген булдыру тора.

Тел гыйлемендә дәрәс әйтелеш кагыйдәләрен, нормаларын орфоэпия өйрәнә. Ул телнең тавыш системасы белән бәйле. Орфоэпик нормалар (сөйләм нормалары) хәзергә әдәби телнең үзәген тәшкил итә. Сүзләрнең әдәби телдә дәрәс әйтелешә күрсәтелгән сүзлек орфоэпик сүзлек дип атала. Аның төп максаты – әйтелешә яки басым куелышы ягыннан кыенлык тудырган сүз турында мәгълүмат бирү. Бу төр сүзлекләрдә сүзләр фәкать орфоэпик аспектта гына ачыклана, ягъни алар башкалардан сүзне тасвирлау рәвешә белән аерыла.

Бүгенге көндә татар теленең орфоэпик типтагы өч сүзлегә бар. Беренчә орфоэпик сүзлек Х.Х. Сәлимов тарафыннан төзеләп, 1995 елда нәшер ителгән иде [6]. Әлеге авторның 2004 елда басылып чыккан «Татар теленең орфографик-орфоэпик сүзлегә» дә элеккегә сүзлек принциплары нигезендә төзелгән [5]. Татар телендәгә сүзләрнең дәрәс әйтелеш нормалары (авазларның әйтелешә һәм басым кую), шулай ук төрләнеш вакытында әйтелешнең үзгәргән вариантлары күрсәтелгән. Сүзләрнең дәрәс әйтелеш нормалары фонетик транскрипциядә бирелгән. Төп һәм өстәмә басым вокабулада түгел, жәяләр эчендәгә транскрипциядә күрсәтелгән. Татар теленең үз сүзләре белән беррәттән, гарәп-фарсы алынмаларына да алынган. Рус, рус теле аша кергән Европа

телләре алынмаларының татар телендә үзләшкәннәре дә, үзләшмәгәннәре дә сүзлектә бик аз. Сүзлекнең тулыландырылган лөгатылеге (10 000 артык сүз), алдагы хезмәттән аермалы буларак, яна алфавит тәртибендә бирелгән һәм сүзләрнең язылышы кириллицада һәм латиницада да тәкъдим ителгән: **абзый** **abziy** [a°бзый: -лар, ға]; **ишарәләү** **işäräläw** [ишәрәләw] һ. б.

Белешмәлек орфографик сүзлек исеменә дә дөгъва итүенә карамастан, хата-кимчелекләрдән азат түгел. Кайбер сүзләр баш хәрәфтән язылып та (*Идел, Караганда, Коръән* һ. б.), икенчеләре юл хәрәфеннән бирелүе (*инжсил, алла, тәңре*) күзгә ташлана. Шулай ук *каракуль, инкаръ* һәм *инкяр* (ике вариант бирелгән) вокабулалары кулланучыда сорау тудыра. Бу очракларда *каракул, инкяр* дип биерү дәрәслеккә туры килер иде.

2019 елда Р.Т. Сәфәров редакциясендә «Татар теленең орфоэпик сүзлеге» дөнья күрдә [10]. Х.Х. Сәлимов белешмәлекләрендәге бүгенге татар теленә хас орфоэпик нормаларны чагылдыру ноктасыннан уңышлы дип табылган сыйфатлар әлеге сүзлектә мөмкин кадәр исәпкә алынган, яна принциплар нигезендә үстерелгән. Кулланма, хәзерге татар теленең 4 600 дән артык актив кулланышта йөргән сүзләрдән тыш, әйтелешә язылышына тәңгәл килмәгән, басымын куюда авырлык тудырган, грамматик формалары ясалганда басым гомуми кагыйдәгә күрә соңгы ижеккә күчмәгән һ. б. лексик берәмлекләренә эченә алган. Татар теленең башка сүзлекләре кебек үк, бу орфоэпик белешмәлек тә гамәлдәге орфографик кагыйдәләр нигезендә төзелгән, лөгатылектәге сүзләр гамәлдәге алфавит тәртибендә бирелгән. Лөгатылектәге сүзләрнең фонетик транскрипциясә фәкәтә әйтелеш белән язылышта аерма булган ижек яки хәрәфләр тезмәсә генә күрсәтелгән: **абзый**, абзые [йы], абзыйга, абзыйдан; **авыл** [аоўыл], авылы, авылгаа, авылдан һ. б.

Сүзлектә фонетик транскрипция өчен нигез итеп моңарчы чыккан орфоэпик сүзлекләрдәге билгеләр кулланылган, шулай ук «Советская тюркология» журналы редакциясә тарафыннан кабул ителгән латиница нигезендә халыкара фонетик транскрипциядәге кайбер билгеләр өлгә буларак алынган. Сүзлекнең отышлы үзенчәлеге – яна билгеләр. Авторлар фикеренчә, кайбер хезмәтләрдә [w] билгесә белән бирелгән өрелмәлә ирен-ирен авазы *тау* [та°w] һәм *дәу* [дәw] кебек сүзләрдә катылык-йомшаклык нигезендә дифференциацияләнә, әмма транскрипциядә бу күренеш чагылмый. Шул сәбәпле сүзлектә яңа [ў] һәм [ў] билгеләре кулланылган: **бау** [баоў], бавы [баоўы], бауга, бадан; **үлчәү** [чәў], үлчәвә [чәўё], үлчәүгә, үлчәүдән.

Берижеклә сүзләрдән башка, басым һәр очракта күрсәтелгән.

Бүгенгә көндә жәмгыятьтә һәм ижтимагый тормышта барган үзгәрешләр телдә чагылмый калмый, әлбәттә. Алар телнең гомуми үсешендә чагыла, көндәлек аралашу телендә, сөйләмдә тискәре процесслар һәм күренешләр барлыкка китерә һәм әдәби тел нормаларын төрлә яклап боза. Телчә галимнәрнең төп бурычы – телнең сафлыгы һәм дәрәслегә, югары сөйләм культурасына ирешү. Шуна күрә дә алар әлеге процессларны анализларга һәм чишү юлларын күрсәтергә тиеш. Бу мәсьәләне хәл итүдә махсус сүзлекләренә эһәмияте зур. Бүгенгә көндә рус линвографиясендә кыен очракларны төрлә яктан чагылдырган махсус сүзлекләр шактый булса да, «Татар теленең кыенлыклар сүзлеге» – татар лексикографиясендә бу өлкәдә беренчә тәҗрибә (авторлары: И.И. Сабитова, Э.И. Сафина, Ф.И. Таһирова; фәнни редакторы Ф.И. Таһирова) [7]. Белешмәлек нигезә итеп матур әдәбият, газета-журнал, Интернет челтәрә кебек төрлә чыга-

наклардан тупланган ялгыш очраklar алынган, кыенлык тудырган очраklarның асылы, сәбәпләре, төрләре, дәрәс вариантлары китерелгән.

Сүзлектә мәкаләләр алфавит тәртибдә урнаштырылган, кыенлык тудырган очраklarның иң еш кабатланганнары бирелгән. Ялгыш дип табылган очраklar махсус билге-тамга белән күрсәтелгән: *ялг.* Сүзлек берәмлегә – баш сүз (вокабула) итеп төрле сүз төркеменә караган аерым лексемалар гына алынган. Ялгыш очраklarның нидән гыйбарәт булуын аңлауны жиңеләйтү өчен, мисалга аны чагылдырган жөмлөләр китерелгән, аларның алынган чыганагы күрсәтелгән. Белешмәлекнең уңышлы ягы – кыенлык тудырган очраklar гомумиләштерелеп, аның барлыкка килү сәбәпләрен һәм башка үзгәчлекләрен чагылдырган кыска һәм конкрет аңлатмалар булуы. Алар иң киң кулланылган бер сүз вокабуласында гына бирелеп һәм шул ук типка караган башка очраklar к. (карагыз) тамгасы белән шуңа жиңбәрелгән:

СЫЕК-ЗӘҢГӘРСУ *с. ялг.* --- Сөләйман аның әсиңенән тотты, кәҗәләр ялый торган эре тоз төсендәге **сыек-зәңгәрсу** күзләрен өскә күтәрде. Т. Галиуллин; *дөр.:* **сыек зәңгәр** яки **зәңгәрсу**; к. **куе-яшь-келт**. Сыек компонентының төснә белдергән сүзләр белән язылышы турында к. **ачык-кызыл**.

ГАЛИФЕ *и.* Галифега, галифесы, галифесына, галифелар; *ялг.:* **галифега, галифесе, галифесенә, галифеләр**. --- *Артист галифенең ни икәннән аңлатыр өчен кесәләрен әйләндереп күрсәтергә мәҗбүр була.* Р. Батулла; к. **атташе**.

Сүзнең фонетик яктан үзгәштерелгән варианты **гәләфи** сүздә сузыклар алгы рәт булганга, кушымчаларның да алгы рәт варианты ялгана; к. **туфли**.

Материалны теркәү рәвешә ялгышларның төреннән чыгып хәл ителгәнгә күрә, сүзлек мәкаләләренәң структурасы бертөрле түгел.

Гарәп-фарсы алынмаларының язылышы кыенлык тудырган очраklar да шактый теркәлгән:

ЗӘКЯТ *и.* Зәкятка, зәкяты, зәкятына; *ялг.:* **зәкәткә, зәкәте, зәкәтенә**. --- *Артык маллары булганга хәҗ, гомрә кылалар, жиһадта катнашалар, зәкәт бирәләр.* Дога китабы.

Хәзергә татар телендә күзәтелгән кыенлыклар бу сүзлектә чагылдырылган очраklar белән генә чикләнми, әлбәттә. 1 400 сүз теркәлгән кулланмада аларның берничә төркемә генә теркәлгән һәм аңлатылган. Мондый эш телчеләр тарафыннан системалы нигездә һәм даими алып барылырга, дөвам ителергә тиеш. Телнең тотрыклылыгын тәмин иткән ныклы нигез – әдәби тел нормаларының үтәләше ул.

2022 елда татар лексикографиясендә беренчә тапкыр яңа типтагы ортологик сүзлек дөнья күрдә. Р.Т. Сәфәров редакциясендәге «Баш хәрәфтәнме, юл хәрәфтәнме?: Орфографик сүзлек» исемә белән бастырылган сүзлек (авторлары: О.Н. Галимова, И.И. Сабитова, Э.И. Сафина, Ф.И. Таһирова, Р.Т. Сәфәров), орфографиянең катлаулы мәсьәләләреннән берсә булган, сүз башында баш хәрәф яки юл хәрәфе кулланылышына багышланган [1].

Татар теленең гамәлдәге орфографиясә 1941 елда Татарстан АССР Верховный Советы Президиумы тарафыннан расланган «Татар әдәби теленең алфавиты һәм орфографиясә» кагыйдәләр жиңентыгына нигезләнә. Анда шактый чиклә күләмдә баш хәрәфләр кулланылышының кагыйдәләре нигезләрен генә чагылдырган «Баш хәрәф орфографиясә» бүлегә дә бар. Шуннан соң әлегә

проблемага багышланган хезмэтләр бары мәктәп дәрәсләкләре белән чикләнә. Жыентыктагы кайбер пунктлар хәзерге татар орфографиясе өчен искергәннән дә билгеләп үтәргә кирәк.

Баш хәрәфләрне куллану кагыйдәләре, бүгенге көн ижтыяжларынан чыгып, әлеге сүзлектә алфавит тәртибендә баш хәрәфтән языла торган берничә компонентлы шәхси исемнәр, географик объектлар, тарихи чорларның атамалары, дини төшенчәләр һ. б. урын алган: *Канунӣ Сөләймән, Македони́яле Ис-кәндәр, Идёл Буё, Кавказ Алды, Тәрә яулары, Иртә Яңарыш, Аллаһы Тәгалә, Кыямәт көнә* һ. б.ш. Бер үк вакытта сүзлектә баш хәрәфтән хаталы язылу ихтималы булган, ләкин бары тик юл хәрәфеннән генә языла торган сүзләр һәм сүзтезмәләр дә исәпкә алынган: *имәнкискәләләр, солтангалиевчә, себёр диалекты, лаэш сөйләшә* һ. б.ш. Шулай ук орфографик яктан беренче баш хәрәф яки юл хәрәфе белән генә аерыла торган сүзләр дә кертелгән:

ия¹ (*мифол.*), *мәс.*: йорт иясе, абзар иясе

Ия² (*елга, Үшнә елгасына коя*).

Сүзләр һәм сүзтезмәләрнең басымнары күрсәтелгән һәм, кирәк булганда, кыскача аңлатмалар белән тәэмин ителгән:

Йосы́ф (*пәйгамбәр*)

«Йосы́ф» сүрәсе

Йосы́ф вә Зөләйхә (*персонажлар*).

Тәфсилләп язылган «Баш хәрәфтән язу кагыйдәләре» күләме ягыннан шактый зур булган әлеге хезмәтнең эһәмиятен һәм кыйммәтен тагын да арттыра.

Бүгенге көндә татар лексикографиясенең ортологик сүзлекләр төзү өлкәсендә шактый күп эшләр башкарылган булса да, мондый типтагы сүзлекләрне төзү үзенең актуальлеген югалтмый. Якын киләчәктә татар сүзлекчеләре тарафыннан төзелгән хата-кимчеләкләрдән азат орфографик белешмә-сүзлекләр, кушып яки аерым язу, төрләндрәү яки төрләндрәмәү һ. б. кыен очракларны чагылдырган сүзлекләр бастырып кулланучыларга житкерү көн үзәгендә булган мәсьәләләрнең берсе булып тора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баш хәрәфтәнме, юл хәрәфеннәнме?: Орфографик сүзлек / О.Н. Галимова, И.И. Сабитова, Э.И. Сафина, Ф.И. Таһирова, Р.Т. Сәфәров; фәнни ред. Р.Т. Сәфәров. – Казан: ТӘҺСИ, 2022. – 240 б.
2. Газизова Ф.М. Татар теленең латинда һәм кириллда орфография сүзлеге. – Казан, 2003. – 436 б.
3. Ганиев Ф.Ә., Сабитова И.И. Татар теленең орфографик сүзлеге. – Казан: Раннур, 2002. – 432 б.
4. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. – 631 с.
5. Сәлимов Х.Х. Татар теленең орфографик-орфоэпик сүзлеге. – Казан: Яңалиф, 2004. – 192 б.
6. Сәлимов Х.Х. Татар теленең орфоэпик сүзлеге. – Чаллы: КамАЗ, 1995. – 124 б.
7. Татар теленең кыенлыклар сүзлеге / И.И. Сабитова, Э.И. Сафина, Ф.И. Таһирова. – Казан: ТӘҺСИ, 2019. – 184 б.
8. Татар теленең орфографик сүзлеге = Орфографический словарь татарского языка: Якынча 43 000 сүз / төз.: К.Р. Галиуллин, Р.И. Раскулова. – Казан: Мәгариф, 2010. – 399 б.
9. Татар теленең орфографик сүзлеге: Сүзлек. Морфологик-орфографик белешмәлек = Орфографический словарь татарского языка: Словарь. Морфолого-орфографический справочник: якынча 46 000 сүз / төз.: К.Р. Галиуллин, Р.И. Раскулова; фәнни мөх. Г.Р. Галиуллина. – Тулыл. 2 нче басма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2017. – 423 б.
10. Татар теленең орфоэпик сүзлеге / Р.Т. Сәфәров, А.Ә. Тимерханов, О.Н. Галимова; фәнни ред. Р.Т. Сәфәров. – Казан: ТӘҺСИ, 2019. – 154 б.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В ТАТАРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ф.К. Сагдеева

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Цель статьи – описать метафорические модели, позволяющие выявить образ времени. В татарском языке метафора времени ранее не являлась объектом отдельного изучения. Обращение к данной теме составляет научную новизну проводимого исследования. В качестве единицы анализа рассматриваются метафорические выражения, включающее наименование времени в татарском языке – *вакыт*.

Ключевые слова: метафора, время, метафорическое представление, метафорические модели.

The purpose of the article is to describe metaphorical models that allow us to identify the image of time. The metaphor of time has not previously been the subject of a separate study in the Tatar language. The address to this topic constitutes the scientific novelty of the study. Metaphorical expressions, including the name of time in the Tatar language – *vakyt* are considered as a unit of analysis.

Key words: metaphor, time, metaphorical representation, metaphorical models.

В современной когнитивистике метафоры являются одним из инструментов понимания мира. Они определенным образом выражают для всех носителей определенной культуры основные ценностные установки и ориентации общества.

Семантика метафорического образа укоренена в его зарождении, уходящем в глубины архетипных и ценностных слоёв культуры. Также метафору определяют как некую первооснову языка, его концептуальную первопричину. Ученые считают, что метафорические процессы, которые наблюдаются в языке, взаимообмен между значениями слов накладываются на воспринимаемый человеком мир, сам по себе также являющийся продуктом более ранней или непредумышленной метафоры.

Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что метафора не ограничивается лишь сферой языка. Так же процессы мышления и понятийная система в целом в значительной степени метафоричны. Метафорическая структура основных понятий во многом определяет наиболее фундаментальные культурные ценности. В современной лингвистике метафора рассматривается не столько как сравнение, сколько как основная ментальная операция, как способ познания, структурирования и объяснения мира, а также как способ его категоризации и концептуализации.

Изучение этой ментальной операции выводит исследователей на базисные структуры мышления, на процессы формирования «не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа». В нём есть место и пространственным представлениям. Познание через метафору включает в себя образ, чувство и эмоцию – возможно, как реакцию на этот образ.

Также среди сторонников когнитивной теории обсуждается два базовых свойства метафоры – сходство и различие понятий, объектов, семантических полей. Эти свойства связаны с познавательными процессами и строени-

ем мышления и языка. Смысловая щель между сходством и различием даёт расширение смысла, которое и может рассматриваться как познавательный процесс.

Метафоризацию можно представить как биполярное взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры источника и когнитивной структуры цели. При этом происходит частичное структурирование цели по образцу источника – «метафорическая проекция» или «когнитивное отображение» (Lakoff 1990, Баранов 2008, Будаев 2007 и др.).

В результате такой проекции цель становится более понятной и доступной сознанию, структурированному кодами и рамками определённой культуры. В этом и состоит сущность когнитивного потенциала метафоры.

В татарском языке существуют работы, посвященные изучению языковых и художественных метафор [1; 2; 3; 4; 5; 8]. Среди авторских работ есть статьи, в которых рассматриваются когнитивные метафоры [10; 11; 12]. Однако когнитивные метафоры времени еще не являлись объектом изучения.

Ценностные контуры категории время в картине мира носителей татарского языка содержательно оформляются под влиянием ислама. В исламе время понимается как величайший Дар Всевышнего, в рамках которой вся жизнь человека, каждый день его бытия представляется как благой дар Аллаха, данный для подготовки к вечности.

Осознание повседневной жизни как дара Всевышнего приводит к возникновению в рамках нейтрально маркированной категории повседневность ценностно-значимого понятия добродетельная жизнь, базовым компонентом которого является компонент праведный труд, осмысляемый как служение Аллаху. Время мусульманина структурируют ежедневные молитвы – *намаз вакыты* (время намаза). Девятый месяц мусульманского календаря – Рамадан – *ураза вакыты* (время поста). Оно для мусульман метафорически представляется святым временем – *изге вакыт*.

В Священном Коране Аллах Всевышний клянется временем (сура 103), так он обращает внимание мусульман на абсолютную значимость этого понятия. Здесь категория повседневность переплетается с категорией служение как выражением деятельностного наполнения жизни. В данном случае с когнитивной точки зрения время жизни человека есть время служения Создателю, самому себе, обществу и человечеству в целом.

В исламе Аллах предстает как дающий, так и отбирающий. В Коране Он напоминает, что пройдут годы и месяцы, но когда мусульманин встанет перед ним в День Суда его время жизни на земле осознается им одним днем – *аның жирдә яшәү вакыты аңа бер көн булып тоелчак*. Так метафорически осмысляется быстротечность времени, являющаяся одним из основных источников негативной оценки времени. Ничто не вечно, и никто не вечен, всему в мире есть начало и конец.

Человеку свойственно испытывать страх перед будущим – *киләчәк куркыта*. Такое положение вещей можно объяснить событиями, которые будут происходить с ним и со временем, которое нельзя ни остановить, ни повернуть назад – *вакытныны туктатып та, кире борып та булмый*.

В рамках исламской религии определенное внимание обращается на время, измеряемое количеством свободного времени человека. Это время может быть использовано им для восстановления физических и духовных сил, а также для совершенствования своих знаний и способностей, для духовного

роста – *буш ара*. В татарской культуре метафорическое представление о времени, свободного от работы, связывается с чем-то незанятым, пустым, что находит отражение во внутренней форме таких слов, как например, *буш – буш вакыт*, *эрэм – эрэм вакыт* (время потраченное впустую).

В сознании татар, как и в исламской мировоззренческой парадигме, время метафорически осмысливается как ценность, которая сопоставима с ресурсом. Человек не должен тратить время впустую – *вакытны бушка уздырмау*, *вакытны исраф итмәү*, он должен ценить время и дорожить им – *вакытны кадерләү*, беречь время – *вакытны саклау*, успешно пользоваться временем – *вакыттан уңышлы файдалану*, нельзя откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня – *иртәгәнең үз эшләре бар* и др.

Время как ограниченный ресурс метафорически представляется оппозицией *свое / чужое – үз вакыты / башкаларның вакыты*. Свое и чужое время святое и его надо уважать – *изге вакытны хөрмәт итәргә кирәк*.

Время осмысливается измеримым – *его много / мало – күп вакыт / аз вакыт*, время короткое – *кыска вакыт*, его можно удлинить (о долгом времени) – *вакытны озынайту* и др. Метафорическое восприятие времени делимо – *вакытны бүлү* (делить время).

Метафорически время представляется как быстротечное – *вакыт тиз үтә/уза*; оно может закончиться – *вакыт бетә* и никогда не вернется назад – *вакытны кире кайтарып булмый*. Возможность утратить данное человеку в распоряжение время способствует осмыслению идеи пустой траты времени. В данном случае в татарском языке используются языковые метафоры с глаголами: *вакытны бушка үткәру / уздыру* (в значении *пустая трата времени*), *вакыт эрэм итү* (в значении *впустую тратить время*), *вакыт югалту* (терять время), *вакыт алу* (в значении *отнимать время*) и др.

Постепенно время уже воспринимается не только как дар Всевышнего, но и как личная собственность – *шәхси вакыт*. Здесь время понимается как имущество, которое принадлежит определенному лицу, находиться во владении, распоряжении: *минем вакытым бар* (у меня есть время), *минем вакытым юк* (у меня нет времени), *барлы-юклы вакыт* (в значении *считай, что его нет*); *аның вакыты бар* (у него есть время), *аның вакыты юк* (у него нет времени). Время может изменить владельца, если его отдадут: *күп вакытын эшкә бирә* (много времени отдает работе). Также сама работа может отнять время – *күп вакытны эш ала* (работа отнимает много времени).

Метафорическое представление о времени определяет последовательность и взаимосвязь событий. Человек строит свою жизнь вокруг времени, поэтому *һәрнәрсәгә үз вакыты* (всему свое время). В человеческом сознании время ускоряется, оно бежит – *вакыт чаба*; его нельзя обуздать – *вакытны йөгәнләп булмый*, у него нет вожжи – *вакытның дилбегәсе юк*. Время может сжиматься, делая человеческое существование механистичным – *вакыт кыса*, а может растягиваться – *вакыт сузыла*.

Акциональный код культуры продуцирует метафорическое понимание времени в формах, отражающих те или иные виды деятельности. К примеру, для вербализации метафорических представлений времени сознание прибегает к образам действий, совершаемых человеком – *вакыт таләп итә* (время требует), *вакыт экрен үтә* (время идет медленно), *вакыт туктап калды* (время остановилось), *вакытны ашыктыру* (торопить время), *вакытны көтү* (ждать время), *вакытны алдап булмый* (время не обмануть), *вакытны кызгану / жәл-*

ләү (жалеть время), *вакытны үтерү* – убить время и др. Восприятие времени в рамках данного культурного кода связано с воспоминаниями о прошлом – *вакыт үттеп китте* (время прошло) и мыслями о будущем – *вакыт күрсәтер* (время покажет), *вакыт килер* (время придет) и др. И в данном случае функциональную категоризацию глаголов определяет категория антропонимичности, которая включает в себя действия человека и отражает его деятельность.

Но человек не знает сколько времени ему отпущено – *күпме вакыт аңа бирелгәннен ул белми*. В данном случае время уподобляется вещи, которую дали в пользование.

Время осмысляется как вещь, которую можно выбрать – *вакытны сайлау*, обновить – *вакытны яңарту*, попользоваться – *вакытны файдаланып калу*, не упустить из рук – *вакытны кулдан ычкындырмау*, не знать куда деть – *вакытны кая кыярга белмәү*, забыть – *вакытны оныту* и др.

С представлениями человека о материальных благах связано возникновение экономической модели времени, которая в своей основе имеет когнитивную модель: отвлеченное понятие подобно вещи или субстанции: *вакыт биру* (давать время), *вакыт җитми* (времени не хватает), *вакыт эзләү* (искать время), *вакыт табу* (находить время), *вакыт оту* (выигрывать время), *вакытны тоткарлау* (задерживать время), *вакытны экономия итү* (экономить время), *вакытны исраф итү* (транжирить время), *вакытны җилгә очыру* (в значении *пустая трата времени*). Время осмысляется как нечто более ценное, чем, например, имущество, деньги, драгоценности: *вакытын югалткан – малын югалткан* (потерявший время – потерял имущество), *вакыт акча түгел, югалтсаң таба алмасың* (букв. время – не деньги, если потеряешь – не найдешь), *җәүһәрне сатып алып була, вакытны сатып алып булмый* (букв. драгоценности можно купить, время нельзя купить) и др.

В настоящее время метафорически время человека воспринимается и как банк времени – *вакыт банкы*, представляющий собой сложную форму бартера. В данном случае услуги оплачиваются не деньгами, а кредитами времени, которые можно потратить на другие услуги.

Время осмысляется как субстанция. Сознание человека постоянно стремится его ухватить – *вакытны тотып алу*, ощутить – *вакытны сизү*, почувствовать – *вакытны тою*.

Метафорическое представление о времени как о линейно двигающейся субстанции (жидкость), например, *елга* (река) – *вакыт елгасы*, *агым / агылышы* (течение) – *вакыт агымы / агылышы* (течение времени) и др.

В моральные, этические, юридические нормы поведения может трансформироваться человеческий опыт обращения со временем. Время становится маркером социального статуса и социальных отношений, получая при этом межличностные прагматические коннотации [9: 82]. Как считает В.Г. Гак, его оценка самым тесным образом связана с действиями субъекта и состоянием окружающей среды [7: 129]. В данном случае свою собственную оценку (положительную или отрицательную) приобретает каждая единица измерения.

Исследователи связывают оценочность с «внутренней формой» слова, в которой выражается не только толкование действительности, но и ее оценка. Считается, что оценка универсальная категория. В любом языке присутствует представление хорошо/плохо.

Как утверждает Е.М. Вольф, в системе прилагательных, для которых основой является признаковая семантика, оценочный смысл в значении слов

наиболее отчетлив [6: 29]. При этом метафорическое восприятие времени противоречивое. В татарском языке оно может получать положительные коннотации, выраженные прилагательными: *матур вакыт* (прекрасное время), *бахетле вакыт* (счастливое время), *кыйммәтле вакыт* (драгоценное время), *романтик вакыт* (романтическое время), *унай вакыт* (благоприятное время) и др. Отрицательные оценочные смыслы передают следующие атрибутивные конструкции: *начар вакыт* (плохое время), *рәхимсез вакыт* (безжалостное время), *явыз вакыт* (злое время), *караңгы вакыт* (мрачное время), *ачулы вакыт* (букв. озлобленное время), *борчулы вакыт* (тревожное время), *бозык вакыт* (букв. испорченное время), *күңелсез вакыт* (в значении *унылое время*) и др.

Н.Д. Арутюновой был разработан тип классификации взаимодействия субъекта оценки с ее объектом. Исследователь выделяет три основные группы, которые включают в себя семь подгрупп. Сенсорные оценки, подразделяющиеся на сенсорно-вкусовые, или гедонистические оценки и психологические, например, к ним можно отнести следующие метафоры времени татарского языка – *ачы вакыт* (горькое время), *татлы вакыт* (сладкое время) и др. Среди них выделяются интеллектуальные оценки – *ахмак / жүләр вакыт* (глупое время), *акыллы вакыт* (умное время), эмоциональные оценки – *бахетле вакыт* (счастливое время), *яраткан вакыт* (любимое время), *ачулы вакыт* (озлобленное время) – это первая группа. Сублимированные, или абсолютные, оценки, которые, в свою очередь, делятся на эстетические и этические оценки – *искиткеч вакыт* (превосходное время), *авыр вакыт* (сложное время) – это вторая группа. Рационалистические оценки, которые включают в себя утилитарные оценки – *уңайлы вакыт* (удобное время), *кыйммәтле вакыт* (ценное время) и др., нормативные – *дәрес вакыт* (правильное время), *төгәл вакыт* (точное время) и др., телеологические оценки, составляют третью группу – *билгеле бер вакыт* (определенное время), *иң яхшы вакыт* (самое время), *вакытны бушка үткәرمәү* (не проводить впустую время) и др.

Таким образом, в татарской языковой картине время метафорически осмысливается как дар Всевышнего, ограниченный ресурс, который представляет собой особую ценность, оно сакарально. Время осознается измеримым, делимым и как собственность (своя, чужая). Время уподобляется человеку, вещи, субстанции и др. Оно представляется линейно и циклично. Метафорические модели имеют аксиологическую направленность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байрамова Л.К. Введение в контрастивную лингвистику: учеб. пособие для студентов вузов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 116 с.
2. Бадрутдинова А.А. Фразеологический словарь Ф.С. Хакимзянова – как пример словаря лингвокультурологического типа // Язык как основа национальной идентичности. – Тула, 2024. – С. 389–391.
3. Бәширова И.Б. Татар әдәби теле. Семасиология. Казан, 2010. – 532 б.
4. Булатова А.К. Полисемия в современном татарском литературном языке. – Казань: ИЯЛИ, 2018. – 108 с.
5. Булатова А.К. Метафора и её виды // Лексикология татарского языка: в трёх томах Казань: ИЯЛИ, 2022. – Т. 1 – С. 98–103.
6. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Либроком, 2019. – 278 с.
7. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка: язык и время: сб. науч. ст. – М.: Индрик, 1997. – С. 122–130.
8. Нугуманова А.А. Метафоры в татарском языке: лексико-грамматический и стилистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2009. – 27 с.

9. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время: сб. науч. ст. – М.: Индрик, 1997. – С. 78–96.

10. Сагдеева Ф.К. Ассоциативные ряды и модели метафорических переносов в татарском языке // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. – Казань, 2022. – Т. 1. – С. 87–89.

11. Сагдеева Ф.К. Медицинские термины-метафоры в татарском языке. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2023. – С. 267–271.

12. Сагдеева Ф.К., Кадирова Э.Х., Валиева М.З. Милитарная метафора в татарском языке // Казанская наука. – 2023. – № 9. – С. 182–184.

УДК 81`27+811.512.145

МИФИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ И СОЗНАНИИ ТАТАР

(на примере слов ел (год), ай (месяц), атна (неделя))

Ф.К. Сагдеева

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье рассматривается время, которое возникло на основе мифологического мышления. Развитие мифологического сознания татар связано с историей общечеловеческой культуры. Оно прослеживается, начиная с археологических материалов глубокой древности. Описываемые в работе образы и понятия, связанные с мифическим временем, и в настоящий момент проявляются в языке и сознании татар как актуальные идеи.

Ключевые слова: мифическое время, мифическое сознание, татарский язык, календарный цикл, животный цикл.

The article examines the time that arose on the basis of mythological thinking. The development of the mythological consciousness of the Tatars is associated with the history of universal culture. It can be traced back to archaeological materials of ancient times. The images and concepts associated with mythical time described in the work are still manifested in the language and consciousness of the Tatars as relevant ideas.

Key words: mythical time, mythical consciousness, Tatar language, calendar cycle, animal cycle.

Результатом событий давно прошедшего времени и действий мифических героев, предков или богов является современное состояние мира (рельеф, небесные светила, породы животных и виды растений, образ жизни, социальные группировки, религиозные установления и т. д.).

Эпоха первотворения – это мифическое прошлое, мифическое время, которое предшествует началу эмпирического времени. Эпоха первопредметов и перводействий – это мифическая эпоха. Всё, что происходило в мифическом времени имеет значение парадигмы (от греч. пример, образ), рассматривается как случай, который служит образцом для воссоздания уже благодаря тому, что данный прецедент имел место в первоначальные времена. Поэтому миф обычно совмещает в себе два аспекта – рассказ о прошлом (диахронический аспект) и средство объяснения настоящего, а иногда и будущего (синхронический аспект). Для первобытного сознания всё, что есть сейчас, является результатом развёртывания первоначального прецедента.

Как отмечает известный татарский ученый-фольклорист Ф.И. Урманчеев, мифическое время обычно датируется доисторическим периодом, определяемым

на основании письменных или археологических источников. Автор пишет, что в действительности, это – очень древнее прошлое человечества в реальном времени, но нет информации о том, какие конкретные события происходили в те времена, как жили люди и т. д. В мифологии некоторых народов эта эпоха называется золотым веком, а в мифологии австралийских аборигенов – временем сновидений [13: 250].

Представление о мифическом времени характерно прежде всего для архаической мифологии. Мифологическое событие в любом мифе от настоящего времени отделено огромным промежутком времени. Даже самым примитивным мифическим представлениям присуще разделение мифологического периода и профанного времени. Представления о мифическом времени в тюрко-татарской мифологии почти не сохранились. Поэтому, чтобы раскрыть его особенности необходимо обратиться к мифологии других народов [13: 250].

Некоторые особенности мифологического видения времени древними тюрками можно постичь из китайских источников и Орхоно-Енисейских надписей, где главным богом древних тюрков указывается бог Тенгри (букв. бог неба или небесный бог). Во многом он напоминает индоевропейского бога Дейваса, древнегреческого бога Зевса. Тенгри сотворил государство тюрков, назначил правителей, дал разум. Судьбу людей определяет он и время подвластно только ему.

Свое летоисчисление древние тюрки начинали с времен сотворения мира. Естественно, что при этом точная дата этого события не указывается. В древних тюркских надписях в честь Куль-тегина говорится: «Когда возникло вверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган». Таким образом они стремились показать древность тюркского племени и знатность своего рода.

В основе мифологии и мироосознания древних тюрко-татар, связанных с идеей времени, лежит календарный животный цикл. По древнетюркской легенде ход времени начался тогда, когда в этот мир пришло обновление, идущее по кругу. Бог Тенгри подарил людям знание о ходе времени, который он разделил на 12 периодов. Год был разделен на двенадцать месяцев, а полный цикл составлял двенадцать лет. Каждому году им было дано имя животного. Цикл времени начинается мышью, а за ней следуют бык и барс, за ними заяц, потом дракон и змея, лошадь, овца, следом овца и курица, собака и свинья [1].

Существует версия, что сам 12-летний цикл возник еще задолго до нашей эры. Некоторые исследователи утверждают, что его придумали скифские племена. Скифами называли многочисленные народы Центральной Азии тюркского и ираноязычного происхождения. Свой календарь скифы передали своим потомкам – древним тюркам.

У тюркских народов имели место быть и другие легенды о возникновении календаря животного цикла. Одна из них записана в словаре «Дивāн луғāt ат-турк (Свод тюркских слов)» Махмуда ал-Кашгари (XI в.) В легенде сказано, что один из тюркских ханов пожелал узнать дату войны, которая произошла до него. Но дату ему сообщили с ошибкой. И хан, во избежание подобных ошибок в будущем, предложил своему народу, основываясь на 12 месяцах и 12 созвездиях, установить 12-летний круг и дать названия годам этого цикла. Затем хан повелел сгонять животных к большой реке. Реку переплыли 12 животных. Хан назвал годы цикла по имени животных, переправившихся через реку [5].

О 12-летнем животном цикле упоминается в древнетюркском памятнике рунической письменности «Книга рассуждений и откровений» (первая треть X века н.э). Этот труд больше известен под названием «Книга гаданий». А.К. Каиржанов, анализируя текст этой книги пишет, что его внимание привлекла рукопись под №565. Данный гадательный текст приурочен к центрально-азиатскому лунно-солнечному календарю. В тексте указано, каким делам благоприятствует каждый из годов 12-летнего животного цикла. По мнению исследователя, эта рукопись может являться одним из самых древних упоминаний 12-летнего цикла в текстах из Центральной Азии. Она написана в стиле тюркских манихейских сочинений. В тексте встречаются слова – *manystan* (обитель, монастырь), образованное от среднеперсидского *m'nyst'n*; *dintar* (манихейский священнослужитель), которое образовано от согдийской лексемы *dynd'r*, *durna* (доброе предзнаменование), восходящее к среднеперсидскому слову *mnw*, а также слово из санскрита – *guru*, которое в буддийской религии означает *духовный наставник, учитель*. Автор отмечает, что индийским термином *накишатра* обозначены значения *звезда, созвездие*, а в контексте это слово получает опосредованное значение *год*. По утверждению А.К. Каиржанова, такое значение не встречается ни в одном другом месте [6].

Тюркско-монгольский календарь 12-летнего животного цикла основывается на трех показателях – месячном обращении Луны вокруг Земли, годичном обращении Земли вокруг Солнца и периоде вращения Юпитера вокруг Солнца. Тюркские камы (жрецы) установили, что Юпитер делает полный оборот примерно за 12 лет, разделив круг Юпитера на 12 равных частей. Каждому году они дали название животного. В.В. Цыбульский назвал этот календарь лунно-солнечно-юпитерным [15].

Общее название 12-летнего зодиакального цикла встречается у немногих народов. У кыргызов и уйгуров 12-летний цикл называется *мючал*, у казахов *мюшел*, у узбеков и таджиков – *мульдзар, мульчар, муджал, мучал, мурча*. В словаре Махмуда Кашгари этот цикл обозначен словом *девр* (жизнь), а туркмены называют его *муче* (минче). А.К. Писарчик считает, что это название (муче) происходит от тюркского слова *мульдзар* (бульдзар), что означает *условное время, место* [8: 173]. По мнению татарского этимолога Р.Г. Ахметьянова, в раннюю эпоху сам цикл назывался *мочал*, а пять мочалов называли *буат* – шестидесятилетний животный цикл, состоящий из пяти двенадцатилетних циклов; век. Ср. древнерусское – *векъ* (жизнь, время, вечность), старославянское *векъ*, общеславянское – *векъ* (жизненная сила, долгая жизнь, столетие). В татарском языке слово *буат* не сохранилось, а в современном башкирском языке оно пишется *быуат* и имеет значения *век, столетие*. По мнению татарского этимолога Р.Г. Ахметьянова, слова *мочал* и *буат* монгольского происхождения. Он отмечает, что в шестидесятилетнем цикле (буат) у мочалов были свои названия – 1. голубой мочал, 2. красный мочал, 3. желтый мочал, 4. белый мочал, 5. черный мочал. Эти названия давали возможность точно указать каждый год. А, к примеру, год черной коровы в шестьдесят лет повторялся только один раз.

По количеству прожитых человеком двенадцатилетних циклов определялся его возраст. Отдельные периоды жизни человека определяли по мочалам. Считалось, что первые двенадцать лет – это *детство, юность* – от тринадцати до двадцати четырех лет, *молодость* – от двадцати пяти до тридцати шести лет, *зрелость* – от тридцати семи до сорока восьми лет и *старость* – от сорока девяти до шестидесяти лет [1: 118]. А.К. Писарчик отмечает, что при

определении своего возраста местное население Южного Турмениистана к количеству исполнившихся по этому циклу лет своей жизни прибавляет еще год своего утробного существования. В итоге два первых цикла (мульдзар) жизни человека считаются равными не 24, а 25 годам [8: 173]. Попутно отметим характерную приверженность средневекового поэта Кул Гали в его известном произведении – поэма «Кысса-и Йусуф» (Сказание о Йусуфе) к мифологическим числам, кратным двенадцати. Ср. двенадцать лет Йусуфу, двенадцать сыновей у Ийакуба и т. д. . В основе этого, по всей вероятности, лежит двенадцатиричное исчисление, которое присуще народам Центральной Азии. Оно до сих пор сохранилось в календарно-астрономических, картографических, в ряде других метрическо-весовых и денежных системах.

Загадочные особенности мифического времени находят свое отражение в тюрко-татарском фольклоре. Уже в раннюю эпоху тюрко-татары задавались вопросом что, из чего и откуда возникло. В качестве примера приведем татарскую поговорку, которая корнями уходит в древность. В ней осмысление процесса зарождения мира передается посредством глагола *биту* (в значениях *зарождаться, появляться*): *Әүвәл башлап ни битти? Күн битти дә, ай битти. Икенчеләй ни битти? Күк битти дә, җир битти* (Букв. пер. Сначала что появилось? Луна и солнце появились. Потом что появилось? Небо и земля появились).

Древнейший архетип *бит-* глагола *биту* в значении *(вы)расти* сохранился в турецком, кабардино-балкарском, узбекском и др. тюркских языках, а также в алтайском диалекте. В значении *зарождаться (во чреве)* – в киргизском, каракалпакском, алтайском и татарском диалектах. В диалектологическом словаре татарского языка зафиксировано слово *биту*, которое употребляется в тевризском говоре татарского языка в значениях *зарождаться, появляться*. Этот говор распространен в Омской области и в части Вагайского района Тюменской области. В современном татарском литературном языке это слово не сохранилось. В значениях *зарождаться, появляться* в татарском языке употребляются составные глаголы *барлыкка килү, килеп чыгу*.

При рассмотрении некоторых археологических предметов, характерных для культуры Волжской Булгарии домонгольской поры раскрываются новые сюжеты космогонических легенд и преданий. В археологических находках – бронзовых круглых зеркалах, накладках, изображались животные и птицы, шествующие по кругу. Животные, связанные с двенадцатилетним циклом на бронзовых зеркалах изображены, идущими по кругу. Такое изображение является отражением идеи бесконечности времени, который не имеет ни начала, ни конца. На золотоордынских монетах также можно найти изображения отдельных животных, движущихся по кругу. На многих из них отображена фигура барса, шагающего по на фоне восходящего солнца. Здесь солнце символизирует начало времени, пути.

А.Х. Халиков писал, что у поволжских татар, потомков булгар, барс считался символом богатства, знатности, плодородия. В этой связи небезынтересны татарские поговорки – *в год барса все сей (все уродится), в год барса все растет, год барса – год богатства* и др. [14: 11].

Восприятие временного континуума древним сознанием было обусловлено космопланетарными циклами, так как человек ощущал себя неразрывно связанным с космосом и космическими ритмами, которые определяли его жизнь и привели к понятию цикла. В основе летоисчисления и в целом

временных представлений того периода лежал природно-космогонический природный акт и биокосмические ритмы, согласно которым строилась хозяйственная, семейная, трудовая жизнь человека. Символом циклического времени становится круг, языковое воплощение которого представлено базовой метафорой «Время – круг».

В раннюю эпоху в сознании древних тюрков календарные циклы представлялись как круг. В одном из первых произведений древнетюркской литературы «Малой надписи», который представляет собой описание событий со времени возникновения Тюркского Каганата (середина VI века) до первой трети VIII века, говорится:

Иргори кон тогсук(к)а (букв. Вперед – до место восхода солнца),
Биргер кон ортусу ару (букв. Направо – до середины дня),
Курыгару кон батсугуца (букв. Назад – до захода солнца),
Йургару тон ортусуцару. (букв. Налево – до середины ночи) [7: 27, 34].

Из приведенного примера видно, что круг являет собой идею общности и вечности пространства и времени. В татарском языке в значении круг употребляется лексическая единица *эйләнә* (круг), у сибирских татар *айлана*. В алтайском, узбекском, уйгурском языках *айлана*, в киргизском языке, диалектах казахского языка *айлала* [2: 127].

Первоначально календарь 12-летнего животного цикла относился к солнечному календарю, по которому велись годовые подсчеты. В дальнейшем в 12-летний солнечный цикл были введены лунные месяцы по 29–30 дней в каждом, а всего в каждом 12-летнем цикле насчитывается 148–149 лунных месяцев. В результате лунный год расходился с солнечным календарем на одиннадцать дней. Для соответствия через каждые три года добавляли 13-й месяц. Поэтому 12-летний календарь стал лунно-солнечным.

В татарском языке, как и в других тюркских языках названия луны и месяца совпадают (древнебулгарское *айых*, татарское *ай*) [3: 7]. «Древнетюркском словаре» приводит слово *ай* в значениях *месяц*, *луна* (светило); *месяц мера* (времени). Согласно данным этимологического словаря татарского языка Р.Г. Ахметьянова, *ай* – луна; месяц (календарный) < др. тюрк. *ай* < *аай*, в якутском языке *ый*, чув. *уйăх* < *ойăх* < булг. **айх*. Судя по всему, *ай* – это *ай калку* (восход луны), и в действительности в турецком диалекте есть выражение *ау ау* – лунное освещение. Известны и другие варианты звучания слова *ай* – *ань*, *аань* [2]. А.Тимергалин в словарную статью *ай* включает следующие значения данного слова *небесное тело*, которое ходит вокруг земного шара, то есть спутник планеты Земля; *единица времени*; *изображение полумесяца* – основная эмблема, символ исламской религии [12: 625].

Во времена язычества Луна была объектом поклонения. В древнем Египте серп новой Луны считался символом роста и расцвета. У арабов он был символом власти. Этот же символ изображен на национальных флагах мусульманских стран, таких, как, например, Турция, Пакистан, Алжир. В исламской культуре полумесяц является началом нового месяца. В Арабско-татарско-русском словаре заимствований в значении *молодой месяц* (семидневный), *полумесяц* зафиксировано слово *һиләл*. Для ислама полумесяц связан со священным месяцем Рамадан (в татарском языке – Рамазан), который является *временем поста и размышлений*.

У татар, как и у многих других народов мира, единицей измерения времени между двумя новолуниями служил месяц (тат. *ай*), связанный с обращением

Луны вокруг Земли. Месяц делился на два периода новая луна (*ай назлы* букв. нежная, ласковая луна) и старая луна (*ай карты*). На 14-ый день, когда она появлялась полностью, называли ее *ак толы* (белое полнолуние), а арабское название *бадэр*. Пятнадцатый день назывался *кызыл толы* (красное полнолуние). В обратном порядке счет вели, начиная со следующего дня. Этот период времени связан с медленным умиранием луны. В Золотой Орде старый месяц начинался после пятнадцатого дня (в календаре хиджры) [4: 25; 12: 25].

Месяц делился на четыре недели соответственно четырем фазам Луны. В каждом дне недели существовали свои приметы, поверья и запреты.

Возникновение среднего временного отрезка недели, состоящей из семи дней мифологически связано с одним из главных богов ассирийцев и вавилонян. Им являлся бог солнца Шамаш, которому в один из семи дней они молились. Этот день еще считался и выходным. Так, возникла неделя, состоящая из семи дней. Другие народы переняли эту систему временного счета и слово *шамаш* стало у них употребляться в значении *выходной день*. У многих народов это слово было распространено в видоизменной форме – в татарском языке – *шимбэ*, чувашском – *шымат* персидском – *шэмбэ*, еврейском – *шаббат* (в значениях суббота, праздник, день молитвы) и др. В русском языке это слово означает отдых, конец работе, время свободное от дела. Также есть ещё одно значение этого слова – *сборище*. В иудаизме, основанном на заповедях Ветхого Завета, суббота (шаббат) является священным днем, который следует посвятить богослужениям, прекратив все работы. В большинстве языков не прослеживается различие между шаббатом и субботой (ср. араб. *ас сабт* в значении *прекратить*).

В древней Булгарии неделя состояла из пяти дней. С принятием ислама день недели – пятница (тат. *жомга*) стал особым днем для мусульман. Этот день для них является праздником, днем собрания, пятничной молитвы, созерцания, прощения и днем прощения со стороны Всевышнего.

Слову *неделя* в татарском языке соответствует слово *атна*, которое, по мысли Р.Г. Ахметьянова, означает *пятый день* [2: 213]. В народе пятница называется *атна көн*. По данным этимологического словаря татарского языка Р. Г. Ахметьянова, *атна*, а в диалектах татарского языка *этнэ* (неделя; пятница) < уйг. одина, адина, узб. диал., аз. *адына* < др.тюрк. *adına* (пятница) < др. перс. *fadena* означает пятый день и происходит от слова *fade* (пять). Ученый отмечает, что неделя в древнем Хорезме была пятидневной и следы этого отражаются в названиях дней языческой недели *баш көн* (букв. главный день), *буш көн* (букв. пустой день), *кан көн* (букв. день крови), *атланган көн* (букв. день, когда сел на коня), *атна көн* (пятница) [2].

А. Тимергалин отмечает, что уральские татары понедельник называют *туган көн*, а в некоторых говорах – *базар арты көне* (букв. день после базара). Во вторник татары занимались ткачеством, а также пряли и вязали, а среда еще с давних времен называлась *кан көн* (день крови). Автор пишет, что такое название встречается в болгарских эпитафиях (XIII–XIV в.в.) и этот день являлся днем жертвоприношения. Также в этот день татары занимались врачеванием, знахарством и гаданием, хотя издавна у них имеется и такое выражение: *Им көне* – *шимбэ көн* (букв. день врачевания субботный день) [12: 110].

Различие между новой семидневной неделей и старой неделей состоит в том, что суббота называется *антарас* (атна арасы), а воскресенье (тат. *як-шэмбе*) – русской неделей, а также в том, что пятница называется *кече атна* (малая неделя) [2: 113].

В Большом диалектологическом словаре татарского языка зафиксировано употребление слова *атнакөн* (пятница) в кузнецком (Пензенская область), мелекесском (Ульяновская и Самарская области), чистопольском (Татарстан и Самарская область), сергачевском (Нижегородская область), байкибашевском (Башкортстан), камышлинском (Самарская область) и др. говорах татарского языка. В мишарском диалекте *атнарас* – это суббота. В балтасинском (Татарстан: Заказанье) и байкибашевском (Башкортстан) говорах субботу называют *атнарты*, а в говоре заказанских крещеных татар этим словом называют понедельник. Татары день недели понедельник называли *кече атна* (малая неделя) [Беркутов]. В мишарском диалекте и в тарханском говоре татарского языка (Нагорная сторона Татарстана) день недели понедельник называют *баишкен* [11: 105]. В дрожжановском говоре татарского языка (Дрожжановский, частично Буинский районы Татарстана и Чувашия) слово *баишиц* употребляется в значении *воскресенье вечером* – вечер базарного дня, перед понедельником. В чистопольском говоре (Татарстан и Самарская область) и дрожжановском говорах татарского языка воскресенье (тат. *якшәмбе*) называют *баишич*. Существует поверье, что в четверг вечером (тат. *атнакич*) и в воскресенье (*баишич*) – это дни, когда ходят покойники. В кузнецком говоре татарского языка слово *баишич* обозначает *званный обед или ужин, устраиваемый за здоровье детей и сопровождающийся чтением молитв* [Там же].

Мифическое сознание обладает тонкой чувствительностью к той своеобразной периодике и ритмике, которая присутствует в жизни человека. С этим тесно связаны ритуалы перехода из одной жизненной фазы в другую. Для мифического мировоззрения и мифического чувствования первоначально существует в некотором роде биологическое время, которое ритмически разделено на подъемы и спады самой жизни. Однако и космическое время изначально переживается в этом биологическом своеобразии. На человеческое существование оказывает влияние систематичность природных воплощений, цикличность в ходе созвездий и смене времен года, день и ночь, расцветание и увядание растительного мира и все это как в зеркале отражается в нем. По определению Э. Кассирера, в этой соотнесенности и возникает мифическое чувство времени, которое прокладывает мосты между субъективной формой жизни и объективным созерцанием природы, – пишет Свасьян, анализируя мысли, высказанные Э.Кассирером о мифическом времени [9].

Так, существуют календарные мифы, которые символически воспроизводят природные циклы. К примеру, в мифологии Древнего Востока хорошо известен аграрный миф об умирающем и воскресающем боге. Считается, что самая ранняя форма этого мифа зародилась ещё на почве первобытного охотничьего хозяйства (миф об умирающем и воскресающем звере). В основе мировоззренческих представлений у древних тюрко-татар лежит идея о цикличности времени, что объясняется ритмом их жизни кочевника и земледельца. На сознание людей влияли погодные условия, а так же и смена времен года. Отчет временных циклов у них был связан с определенными событиями, которые из года в год периодически повторялись с определенной регулярностью. По данным этимологического словаря татарского языка Р.Г. Ахметьянова, год (в татарском языке *ел*), общетюркское образование *йыл* (год) > (в киргизском и карачаево-балкарском языках *жыл*, в казахском – *жыл*), в древнетюркском слове *jil*, чув. *сул*, *сол* < *жсал* ~ болг. *жсал* «ел», монг. *жил*, бур. *жэл*. в этом слове наблюдается древнее чередование *а ~ ы*; в тув. *чыл*, як. *сыл* (ел)) обозначает

промежуток времени, равный двенадцати календарным месяцам. За это время Земля совершает полный оборот вокруг Солнца. Ученый пишет, что согласно типологическому закону, значение слова *ел* (год) отождествляется с названием какого-либо времени года и природного явления (ср. тув. *хар* (снег; год, возраст), мар. *ий* (лед; год, возраст), морд. *киза* (лето; год), в др. киданьском языке *по* (весна; год, время) и т. д. [2: 252]. Р.Г. Ахметьянов подчеркивает, что некоторые исследователи утверждают, что в соответствии с этим законом слово *йыл* тождественен с др. **йыл* в значении *возраст*. Здесь наблюдается чередование л ~ ш [Там же]. Заметим, что в современном татарском языке в значении *возраст* используется лексическая единица *яшь*. В Толковом словаре татарского языка зафиксировано следующее основное значение лексической единицы *ел* – *Жирнең Кояш тирәсендә бер кат әйләнеп чыгуына тигез вакыт үлчәү берәмлеге (1 гыйнвардан исәпләнә башлый һәм 12 календарь айдан тора)* (Единица летосчисления, промежуток времени, в течение которого Земля совершает один оборот вокруг Солнца (содержит 12 месяцев, отчисляемых с 1-го января). Синонимом слова *ел* в татарском языке является слово, вошедшее из арабского языка – *сәнә*. Оттуда *сәнәи камәрия* – лунный год, *сәнәи шәмсия* – солнечный год; отсюда и *сәнәи миладия* – христианское летоисчисление, *сәнәи һижрия* – мусульманское летоисчисление.

Год начинался с весеннего равноденствия и назывался *ел сырты* (хребет года). Так, новый год наступал 22 марта (Науруз) и ассоциировался с сотворением нового мира. Здесь течение времени представляет собой бесконечное чередование начал и концов мира, умирания и воскрешения природы. Каждый год рождения природы заново приравнивался к акту первотворения.

«Вневременность» (по Э. Кассиреру) мифического времени определяет его присутствие в настоящем (через ритуал). Науруз являлся не только началом года. С ним были связаны и представления о начале земледельческих работ. А с ритуалом жертвоприношения природе – *Карга боткасы* (букв. Грачиная каша) акцентировался сакральный смысл этого обряда. У ряда народов региона Средняя Волга – Кама – Урал существует весенний обряд Сорэн (Сөрэн). В чувашском языке – *серен*, марийском – *сюрем*, удмуртском – *сурен*. Смысл этого обряда и его ритуальное значение связано с приветствием времени года – весна. Татары перед весенним севом празднуют Сабантуй. По мнению М. Бакирова, истоки этого праздника своими корнями могут уходить в ту эпоху, когда предки древних булгар жили на северном Кавказе. У кавказских народов существует праздник Первой борозды, во время которого устраиваются скачки, самые разнообразные состязания [3: 56].

Время сказаний и фольклорной волшебной сказки по отношению к реальному историческому времени является мифическим временем. Время действия, куда помещены сюжеты татарских сказок *борын-борын заманда* (в значении *давным-давно, много времени тому назад*) является неопределенно прошлым временем.

В заключение, мифическая модель «начальное время – эмпирическое время» по своему характеру линейна. Постепенно она перерастает в другую модель – циклическую. Этот переход обусловлен ритуальным повторением событий мифического времени, представлениями о богах, вечном обновлении природы, а также календарными обрядами и т. п. Мифическое время – время бытия древнейшего прошлого. Оно понимается как начало и условие всех вещей. В мифологии представлено разнообразие проблематики времени. Время

космического существования циклично. Каждый цикл имеет начало и конец, однако количество этих циклов бесконечно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Әхмәтъянов Р.Г. Татар терминологиясенә тарихи чыганаclarы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 174 б.
2. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленә этимология сүзлегә: ике томда. 1 т. (А – Л). – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – 543 б.
3. Бакиров М.Х. Татарский фольклор. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018. – 406 с.
4. Беркутов В.М. Народный календарь и метрология булгаро-татар. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – 95 с.
5. Кашгари М. Диван Лугат ат-Турк. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
6. Каиржанов А.К. Древнетюркские памятники письменности: открытия и исследования // Введение в тюркологию. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2013. – С. 28–62.
7. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. – М., 1951. – 452 с.
8. Писарчик А.К. Таблица годов двенадцатилетнего животного цикла с приведением соответствующих им годов современного летоисчисления // Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. – Ашхабад, 1949. – С. 173.
9. Свасьян К.А. Философия символических форм Э. Кассирера. Критический анализ. – М.: Акад. проект, 2010. – 243 с.
10. Татар теленә анлатмалы сүзлегә: Алты томда. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – 2021.
11. Татар теленә зур диалектология сүзлегә / төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хәйретдинова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.
12. Тимергалин А.К. Миллият сүзлегә: анлатмалы сүзлек. 3 томда: 1 т.: А – И хәрәфләре. – Казан: Татар. кит. нәшр, 2016. – 743 б.
13. Урманче Ф.И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда: 1 т. (А – Г). – Казан: Мәгариф, 2008. – 303 б.
14. Халиков А.Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар. – Казань, 1981. – С. 5–20.
15. Цыбульский В.В. Календари и хронология стран мира. – М.: Просвещение, 1982. – 128 с.

УДК 811.512.145

ПЕРЕВОДНЫЕ СЛОВАРИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА НАЧАЛА XXI ВЕКА

Э.И. Сафина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье определяются основные тенденции развития татарской переводной лексикографии начала XXI века, дается типологизация дву- и многоязычных словарей разного типа – переводных, специализированных, толковых, терминологических. Представлен обзор более 100 лексикографических источников, вышедших в 2000–2024 гг.; рассмотрены особенности общезыковых и специальных переводных словарей; собрана богатая словарная база татарского языка на современном этапе развития. Уделено внимание и достижениям в области современной татарской электронной лексикографии. Делается вывод о ресурсности татароязычной лексикографии и перспективах развития татарской культуры.

Ключевые слова: татарский язык, татарская лексикография, переводная лексикография, двуязычный словарь, переводной словарь, многоязычный словарь.

The article defines the main tendencies in the development of Tatar translational lexicography of the beginning of the XXI century, gives a typology of bilingual and

multilingual dictionaries of different types – translational, specialized, explanatory, terminological. The review of more than 100 lexicographic sources published in 2000–2024 is presented; the features of general language and special translation dictionaries are considered; a rich vocabulary base of the Tatar language at the present stage of development is collected. Attention is also paid to the achievements in the field of Tatar contemporary electronic lexicography. A conclusion is made about the resourcefulness of Tatar-language lexicography and the prospects for the development of Tatar culture. **Keywords:** Tatar language, Tatar lexicography, translated lexicography, bilingual dictionary, translated dictionary, multilingual dictionary.

Татарская лексикография имеет многовековые традиции, которые во многом основаны на опыте составления переводных словарей. Тесное взаимодействие и установление прочных социально-экономических и культурных связей между татарским и русским народами обусловили необходимость создания переводных русско-татарских и татарско-русских словарей и разговорников разных типов. Подобные издания являлись практическими пособиями в изучении русского и татарского языков, служили основными справочными изданиями для профессиональных переводчиков татарских текстов на русский язык и наоборот.

Переводные словари прошлых столетий описаны многими учеными. Так, русско-татарские рукописные словари XVII–XVIII вв. были изучены М. Нугманом [6], в трудах А.Ш. Юсуповой дан детальный обзор русско-татарских и татарско-русских словарей XIX века [17; 18], в исследованиях Р.С. Нурмухаметовой приводится общая характеристика татарско-русских словарей начала XX века [7], в статьях Э.И. Сафиной сделан обзор терминологических и др. словарей XIX–XX вв. [9; 10] и т. д.

Вопросам методологии, истории, новаций и традиций татарской лексикографии посвящен третий том фундаментальной лексикологии татарского языка под руководством М.З. Закиева и Г.Р. Галиуллиной [12].

Описанию истории зарождения и современного состояния татарской лексикографии отводится важное место в работах А.А. Тимерханова [14; 15; 16], К.М. Миннуллина и Р.Т. Сафарова [3; 4; 5]. Исследователь Г.Р. Сафиуллина описала особенности татарско-английской двуязычной лексикографии XX–XXI вв. [11], а группа ученых-филологов Р.С. Нурмухаметова, М.Р. Саттарова и Г.И. Миннебаева выявили основные тенденции развития переводной лексикографии [8] и т. д.

Объектом описания в данной статье являются переводные словари, изданные в 2000–2024 гг. Согласно данным собранных материалов, переводные словари XXI века можно объединить в две большие группы: общеязыковые (общие) и специальные издания.

Общеязыковые переводные словари (русско-татарские, татарско-русские и т. д.) в большей или меньшей степени охватывают весь словарный состав языка в отличие от *специальных переводных словарей*, которые сосредотачиваются на определенной области знаний.

Специальные словари могут, в свою очередь, подразделяться на словари терминологические, или отраслевые, и словари, охватывающие так называемые нетерминологические единицы – фразеологические обороты, крылатые выражения [1: 43].

В татарской лексикографии большую часть общих (общеязыковых) переводных словарей составляют двуязычные источники. При этом, согласно на-

шим наблюдениям, среди двуязычных словарей самыми распространенными являются татарско-русские и русско-татарские. Этот факт А.Ш. Юсуповой объясняется тем, что указанные словари являются «инструментом диалога культур, в данном случае диалога между русским и татарским народами, между западной и восточной культурами. Лексика данных трудов отражает материальную и духовную культуру двух этносов» [18: 168].

Примечательно, что и в современном мире актуальность подобных словарей возрастает с каждым днем. Так, А.А. Тимерханов замечает, что «стремительно развиваются контакты между представителями разных стран, народов, что также выдвигает определенные требования в плане качественного удовлетворения все возрастающих потребностей в обмене информацией, коммуникации в различных сферах взаимодействия. Эти условия способствуют в целом динамичному и плодотворному развитию национальной лексикографии и всего татарского языкознания» [15: 286].

Если обратиться к цифрам, то наиболее показательными будут следующие данные: в 2000–2024 годах было опубликовано 115 переводных словарей различных типов. Это двуязычные, многоязычные, терминологические переводные словари и т. д. Рассмотрим каждый из представленных типов.

Общезыковые переводные словари. Основную базу этой группы составляют дву- и многоязычные словари. Среди них – *русско-татарские* словари: например, «Русско-татарский словарь» под редакцией Ф.А. Ганиева (2000, 2001, 2003, 2009 и 2014 года издания); «Современный русско-татарский словарь» под редакцией Р.Р. Газизова (2015); «Русско-татарский словарь» в двух томах (2018) и т. д. Кроме того, в 2018 году вышло репринтное издание «Полного русско-татарского словаря» 1920 года (сост. С. Рахманкулов, Г. Карам), в котором татарские лексемы прописаны арабским шрифтом, как и полагалось во времена составления словаря. Труд издавался дважды: в 1912 году типографией А. Хасанова и в 1920 году, дополненный и исправленный, книгоиздательством «Гаср».

Основные **татарско-русские словари** издавались в 2004, 2009, 2014 гг. под редакцией Ф.А. Ганиева. В последние годы активно издаются иллюстрированные татарско-русские словари для детей (сост. Ф.Ф. Харисов, Ч.М. Харисова) – это, к примеру, «Мой словарь: иллюстрированный татарско-русский тематический словарь» (2002), «Иллюстрированный татарско-русский тематический словарь» (2017), «Рәсемле татарча-русча сүзлек» (2021), «Иллюстрированный татарско-русский тематический словарь» (2022) и т. д.

Часть примечательных лексикографических источников составляют **татарско-русские и русско-татарские словари** (14 изданий): «Русско-татарский, татарско-русский словарь: (для начального обучения русскому и татарскому языкам)» Р.А. Юналеевой, Р.Р. Абдуллиной (2000, 2002), «Карманный татарско-русский и русско-татарский словарь» Ф.С. Сафиуллиной (2001), «Русско-татарский и татарско-русский карманный словарь» Ф.Ф. Харисова (2001), «Базовый татарско-русский и русско-татарский словарь для школьников: приложение к учебникам татарского языка для русскоязычных школ» Ф.С. Сафиуллиной (2000, 2007, 2008, 2012, 2014 и 2017), «Татарско-русский, русско-татарский краткий словарь» Ф.С. Сафиуллиной, К.С. Фатхулловой (2023).

В лексикографии последних десятилетий находит отражение тенденция изучения нескольких языков в школьном возрасте. Так, для дошкольников и школьников активно издаются словари сразу на нескольких языках – такие

как «Татарско-русско-английский картинный словарь» (2009), «Французско-русско-татарский словарь для школьников» (2013), «Татарско-русско-английский школьный словарь» (2013, 2014), «Малыши изучают язык: татарско-русско-английский иллюстрированный словарь» (2014) и др. В 2019 году был издан «Русско-татарско-англо-турецкий тематический словарь», предназначенный для учащихся, учителей средних школ, который содержит более 7000 заголовочных слов и словосочетаний, входящих в состав 231 тематической группы.

В последние годы развивается направление, которое ориентировано на развитие сферы обучения иностранным языкам на базе татарского. Так, в свет вышли словари под редакцией А.А. Тимерханова «Tatar-English, English-Tatar dictionary» (2018) и «Tatarça-inglizçä, inglizçä-tatarça sözlek» (2019). Кроме того, в XXI веке составляются и издаются тематические двуязычные словари-разговорники. Назовем некоторые из них: «Татарско-русско-чувашский разговорник» (2012), «Татарско-русско-мокшанско-эрзянский разговорник» (2012), «Русско-удмуртско-татарский словарь» (2013), «Русско-татарско-английский разговорник» (2023), «Татарско-русско-английский разговорник» (2024) и под. Подобные лексикографические источники имеют большое значение для обеспечения эффективного коммуникативного взаимодействия между представителями разных народов, изучения татарского языка инофонами. Следует отметить и их рекламно-конативную функцию: они служат своего рода средством популяризации родного языка в Татарстане, особенно в рамках проведения в республике крупных спортивных, культурных и иных значимых международных и всероссийских мероприятий.

Специальные переводные словари. К этой группе относятся отраслевые и терминологические словари, среди которых много *русско-татарских изданий*, а именно: словари технических (2000), военных (2000), биохимических (2000), медицинских (2003, 2004), географических (2003, 2010, 2017), психологических (2004), ветеринарных (2004), химических (2004, 2019), исторических (2006), агроэкологических (2008), экологических (2011), математических (2013), физико-технических (2014), политехнических (2014), лингвистических (2014; 2016), компьютерных (2015), общественно-политических (2018), астрономических (2021), конституционно-правовых (2021) и т. п. терминов.

Примечательно, что *татарско-русских лексикографических трудов* значительно меньше, что связано с рядом экстралингвистических факторов. В число таких знаковых изданий входят «Татарско-русский экологический словарь» (2011), «Татарско-русский словарь терминов по процессам химических технологий и аппаратов» (2016), «Татарско-русский словарь военной лексики» (2017), «Татарско-русский словарь лексики ткачества и швейного дела» (2018). Имеются татарско-русские словари с привлечением других языков («Татарско-русско-латинский словарь названий растений» (2002), «Татарско-англо-русский словарь по менеджменту» (2006), «Татарско-русско-латинский словарь орнитонимов» (2018), «Татарско-русско-латинский толковый словарь ихтионимов» (2019) и т. д.); русско-татарские и татарско-русские терминологические словари («Русско-татарский, татарско-русский словарь биологических терминов», изданный в 2001 г.).

Составление специальных изданий имеет большое значение для развития отдельных отраслей науки, культуры и для укрепления межнациональных связей. Прямой перевод иноязычных терминов на татарский язык, приводимый в словарях, значительно облегчает труд ученых, переводчиков, историков.

По нашему мнению, ведущим принципом составления терминологических словарей подобного рода является нахождение татароязычного эквивалента русского термина. При этом составители словарей, лингвисты и лексикографы стараются максимально полно использовать ресурсы татарского языка и по возможности обходиться без необоснованных заимствований.

В последние десятилетия активно разрабатывались и *многоязычные* словари (всего вышло 17 изданий) – это: «Англо-татарско-русский словарь по информатике» (2000), «Термины информатики и информационных технологий: англо-татарско-русский толковый словарь» (2006), «Краткий русско-татарско-английский толковый словарь медицинских терминов (с эквивалентами на английском, немецком, французском и латинском языках)» (2009), «Математика: русско-татарско-английский терминологический словарь» (2014), «Экономика: русско-татарско-английский терминологический словарь» (2014), «Предпринимательство, менеджмент, маркетинг и торговое дело: Русско-англо-татарский толковый словарь» (2014), «Англо-русско-татарский словарь компьютерных терминов» (2015), «Информатика и ИКТ: русско-татарско-английский глоссарий компьютерной лексики» (2017) и т. п. Как видно из примеров, подобные словари созданы с привлечением английского, турецкого, арабского, персидского и других иностранных языков и посвящены узкой научной, социальной или технической сфере.

К этой группе относятся и собственно языковые словари как «Русско-англо-немецко-турецко-татарский фразеологический словарь» (2008), «Идеографический фразеологический словарь (на материале татарского, русского и английского языков)» (2010) и др. Эти словари прежде всего предназначены стать орудием переводчиков, а также служить настольными справочниками для изучающих иностранные языки.

Отметим, что нами зафиксированы некоторые изменения в принципах построения новых терминологических словарей. Так, многие из современных изданий являются одновременно и переводными, и толковыми словарями, то есть используются в процессе перевода и как отраслевые справочники. Авторы некоторых трудов ставили своей целью не только дать адекватный перевод слова с русского на татарский, но и составить расширенное толкование терминов из специальных отраслей в научном стиле. К числу таковых следует отнести «Русско-татарский географический толковый словарь» (2000), «Татарско-русский толковый словарь фитонимов» (2020) и т. д. Данные примеры наглядно свидетельствуют, что татарский язык на современном этапе развития функционирует и как полноправный язык науки.

Завершая обзор, отметим, что татарская лексикография XXI века отличается не просто разнообразием форматов и богатством наполнения, но примечательна еще и тем, что идет в ногу со временем: сегодня ведутся исследования по созданию электронных мультимедийных и интерактивных словарей татарского языка, разрабатываются онлайн-программы с функциями перевода с разных языков на татарский и наоборот, а массовое использование цифровых технологий по всему миру привело к популяризации разноязыковых электронных и онлайн-словарей. Современные интернет-пользователи имеют возможность обратиться к словарям татарского языка, размещенным на площадке TATZET «Татарский язык: большой электронный свод словарей», которая была разработана Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова и Институтом прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан.

В свободном онлайн-доступе размещены двуязычные электронные словари «Русско-татарский краткий словарь» (2 000 слов), «Татарско-русский словарь» (ок. 13 000 слов), «Русско-татарский словарь» Ф.А. Ганиева (более 30 000 слов) и др.

Таким образом, за последние два десятилетия издано 115 переводных словарей различных типов, из них 57 – общеязыковые, 58 – терминологические и отраслевые словари татарского языка.

Подводя итог, отметим, что в целом начало XXI века имеет выдающиеся результаты в области татарской лексикографии. Опубликованы и продолжают издаваться словари самого различного характера – двуязычные и многоязычные переводные, толковые и отраслевые, терминологические и комбинированные. Данный факт должен, несомненно, расцениваться как знак востребованности татарского языка и культуры региона. Татарская национальная лексикография, имеющая многовековые традиции, практический опыт и теоретическую глубину разработки, способна служить надежным фундаментом не только для успешной реализации новых масштабных проектов в области традиционной и электронной лексикографии, но и для продвижения татарской национальной культуры и науки на мировой арене.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балканов И.В. Теоретические аспекты двуязычной лексикографии (на материале переводных военных словарей): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 194 с.
2. Каримуллина Р.Н., Галиуллин К.Р., Каримуллина Г.Н. Государственные языки Республики Татарстан в словарях: аннотированный библиографический указатель (1951–2015). – Казань: Магариф – Вақыт, 2017. – 124 с.
3. Миңнуллин К.М., Сәфәров Р.Т. Татар тел белемдә сүзлекләренң тоткан урыны һәм тарихи үсеш перспективалары // Фәнни Татарстан. – 2019. – № 2. – С. 7–13.
4. Миңнуллин К.М., Сәфәров Р.Т. Татар тел белемдә сүзлекләренң тоткан урыны һәм тарихи үсеш перспективалары // Фәнни Татарстан. – 2019. – № 3. – С. 7–14.
5. Миңнуллин К.М., Сәфәров Р.Т. Татар тел белемдә сүзлекләренң тоткан урыны һәм тарихи үсеш перспективалары // Фәнни Татарстан. – 2019. № 4. – С. 23–33.
6. Ногман М. XVII–XVIII йөзләрдәге русча-татарча кулъязма сүзлекләр. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1969. – 112 б.
7. Нурмухаметова Р.С. Основные тенденции развития лексики татарского литературного языка первой половины XX века: по татарско-русским словарям: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Казань, 2005. – 26 с.
8. Нурмухаметова Р.С., Саттарова М.Р., Миннебаева Г.И. Тенденции развития переводной татарской лексикографии XXI века // Филология и культура. – 2020. – № 2 (60). – С. 65–71.
9. Сафина Э.И. XIX гасырның 20–30 нчы елларында латин графикасында басылган сүзлекләр һәм аларның татар лексикографиясе үсеше өчен әһәмияте // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. 10–11 сентября 2019 г. / сост. Э.И. Сафина. – Казань: ИЯЛИ, 2019. – С. 225–229.
10. Сафина Э.И. Терминологические словари татарского языка первой половины XX века // Актуальные проблемы лексикографии, терминологии и теории перевода: к 90-летию со дня рождения М.И. Скворцова (1933–2016): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы лексикографии, терминологии и теории перевода» (г. Чебоксары, 25 мая 2023 г.) / сост. и науч. ред.: Г.А. Дегтярев, Э.Е. Лебедев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2023. – С. 123–130.
11. Сафиуллина Г.Р. Татарско-английская лексикография на рубеже XX–XXI вв. // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2018. – № 8 (131). – С. 154–159.
12. Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. – Казан: ТӘһСИ, 2018. – Т. III. 2 кис. – 464 б.
13. Татарская лингвография: словари татарского языка 1951–2008 годов: библиографический справочник / сост. Р.Н. Каримуллина; науч. ред. К.Р. Галиуллин. – Казань, 2011. – 536 с.

14. Тимерханов А.А. Современный лексикографический ландшафт Татарстана (на примере новых словарей татарского языка) // Вызовы и тренды мировой лингвистики. Труды и материалы Казан. междунар. лингвистического саммита: в 2-х томах / под общ. реда. Р.Р. Замалетдинова, Ф.Х. Тарасовой, Е.А. Горобец. – Казань, 2021. – С. 406–409.

15. Тимерханов А.А. Татарская лексикография: истоки и современное состояние // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2015. – Т. 11. – С. 285–304.

16. Тимерханов А.Ә. Татар лексикографиясенәң үткәне һәм киләчәккә бурычлары (кыскача күзәтү) // Фәнни Татарстан. – 2014. – № 4. – С. 21–34.

17. Юсупова А.Ш. Татарско-русские и русско-татарские словари XIX века как лексикографические памятники и источники изучения лексики татарского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Казань, 2009. – 43 с.

18. Юсупова А.Ш. Татарско-русские и русско-татарские словари как инструмент диалога культур // Филология и культура. – 2012. – № 2 (28). – С. 165–169.

УДК 811.512.145

СҮЗЛЕКЛӘРДӘ ФИГЫЛЬЛӘРНЕҢ БИРЕЛЭШЕ

Р.Т. Сәфәров

ТР ФА Г. Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

В статье рассматривается ряд вопросов о фиксации глаголов в словарях татарского языка. Нет общепринятой леммы для татарских глаголов, которые в разных словарях предложены по-разному. Приведены аргументы в пользу включения в словарь залоговых форм. Особое внимание уделено глаголам эпизодической кратности активного действия на *-гала/-гәлә*, *-(ы)штыр/-(е)штер*, которые не принято фиксировать в словарях. Автором предложены пути наиболее оптимальных способов подачи глаголов в словарях татарского языка.

Ключевые слова: лексикография, татарский язык, лемма, словари, словарная статья.

The article discusses a number of issues about the fixation of verbs in dictionaries of the Tatar language. There is no generally accepted lemma for Tatar verbs, which are proposed differently in different dictionaries. The arguments in favor of including collateral forms in the dictionary are presented. Special attention is paid to the verbs of episodic multiplicity of active action on *-gala/-gälä*, *-(y)shыр/-(e)shтер*, which are not accepted to be fixed in dictionaries. The author suggests the ways of the most optimal ways of presenting verbs in dictionaries of the Tatar language.

Key words: lexicography, Tatar language, lemma, dictionaries, dictionary entry.

Морфологик категория буларак татар тел белемдә фигыль шактый яхшы өйрәнелгән. Дистәлэгән монографиядә, йөзлэгән фәнни мәкаләдә татар фигыле төрле яктан тасвирланган. Фигыль юнәлешләрнең үзенчәлекләрен К.З. Зиннәтуллина анализлаган [6], морфология кысаларында фигыль М. Хисамованың «Татар теленең морфологиясе» монографиясендә [16], аеруча татар һәм рус телләрендә басылган «Татар грамматикасы»нда каралган [14; 12: 224–254; 13: 186–208]. Фигыльнең функциональ-семантик үзенчәлекләрен өйрәнгән Д.Г. Тумашева [15] һәм диалектлардагы материалны тикшергән Ф.Ю. Юсуповның [17] хезмәтләре аерым игътибарга лаек.

Бу монографияләрдә фигыль төрле аспектлардан тикшерелә, нигездә аның морфологик үзенчәлекләре анализлана. Шуның белән бергә фигыль лексико-

график планда һәм сүзлекләрдә теркәлү ягыннан дә кызыксыну уята торган сүз төркеме. Гомумән тюркологиядә, шул исәптән татар тел белемдә, фигыльләре сүзлекләрдә теркәүнең бердәм һәм оптималь формалары булдырылмаган, шуңа күрә бу тема актуаль булып кала бирә.

Фигыльләре сүзлек төзү теориясе ягыннан тикшергән махсус хезмәтләр дә бар. Беренче чиратта Ф.Ә. Ганиевның төрле елларда басылган мәкаләләрен һәм монографияләрен билгеләп үтәргә кирәк [1; 2; 3: 168–171; 4]. Фигыльнең сүзлекләрдә бирелеше Фуат Әшрәфович житкәчелегендә якланган Ф.Г. Миңнуллинның диссертациясендә өйрәнелгән. Ф.Г. Миңнуллин хезмәтендә фигыльләренең барлык структур-семантик типларын һәм аларның сүзлекләрдә бирелешен системалы рәвештә һәм һәрьяклап тикшерүне генә түгел, фигыльләрен сүзлекләрдә бирүнең иң рациональ һәм оптималь принципларын булдыруны да максат итеп куя [7: 3]. Бу диссертацион эштә тамыр һәм кушымчалы фигыльләрен, фигыль юнәлешләрен, шулай ук тезмә фигыльләрен сүзлекләрдә бирелеше жентекләп өйрәнелгән.

Кыпчак телләренең сүзлекләрендә фигыльләрен леммасы хәзергә кадәр хәл ителеп бер формага китерелмәгән. Татар теле сүзлекләрендә, Ж. Вәлидинең «Татар теленең тулы сүзлеген»нән башлап (1 кис. 1927, 2 кис. 1929), традиция буенча бүгенгә кадәр фигыльләр сүзлекләрдә *-у/-ү, -ау/-әү* кушымчасы белән бирелә. Эмма мондый форма күпчелек телләрдә сүзлектәге баш сүз формасы булган инфинитивка функциональ яктан туры килми. Моннан тыш, мондый форма еш кына тамырны боза (*уку < укы-*). Шушы үзенчәлекләре исәпкә алып, лексикография практикасында фигыль леммасын *-pɢal/-pɢə* кушымчасы белән ясалган инфинитив формасында бирү очраklары ешая бара.

Фигыльне инфинитив формада куллану беренче тапкыр 1988 елда нәшер ителгән һәм шуннан соң берничә тапкыр кабат басылып чыккан татарча-русча сүзлектә күзәтелә. Алга таба 2000 елда шул ук сүзлекнең берәз кыскартылган варианты «Татарча-русча уку-укыту сүзлеген» булып дөнья күрә. Соңгы елларда инфинитив формасын кулланып «Татарча-русча-инглизчә мәктәп сүзлеген» (2013), «Русско-удмуртско-татарский словарь» (2013), «Татарча-финча сүзлек» (2016), «Татарча-инглизчә, инглизчә-татарча сүзлек» (2018) дөнья күрдә.

Күренгәнчә, мондый формага күбрәк тәржемәле сүзлек төзүчеләр мөрәжәгать итә, чөнки *көтү, аерылу, сорау* кебек фигыль дә, исем дә булып килә алган сүзләре тәржемәле сүзлекләрдә аерып күрсәтү зарурияте бар.

Ф.Г. Миңнуллин аңлатмалы сүзлекләрдә баш сүз буларак инфинитив түгел, ә исем фигыль формасын калдыру да максатка ярашлы дип белдерсә дә [7: 9], безнеңчә, мондый төр сүзлекләрдә дә лемманы инфинитив формасында кабул итү уңышлырак булыр иде. Беренчедән, ул баш сүзнен фигыль булуын күрсәтеп торса, икенчедән, *үл-, үп-, яз-, кил-, көл-* кебек күпсанлы бер ижекле фигыльләрен орфографиясен хәл итү һәм ныгыту өчен бер адым алга атлау булыр иде, югыйсә мондый фигыльләр бүгенгә сүзлекләрдә төрлечәрәк тәкъдим ителә: телгә алынган татарча-русча (1988) һәм татарча-инглизчә (2018) сүзлекләрдә *үтәргә, сынарга, янарга* һ. б. кайбер сүзләр *үтәү* һәм *үтү, сынау* һәм *сыну, янау* һәм *яну* кебек исем фигыльләрен инфинитивлары итеп тәкъдим ителгән. Ләкин шул ук вакытта *ашау* һәм *ашу, бизәү* һәм *бизү* һ. б. кайбер сүзләрен инфинитив формалары бер аваз белән аерылып *ашарга* һәм *ашырга, бизәргә* һәм *бизергә* итеп бирелгән [11: 274].

Фигыльнең юнәлеш формаларын сүзлеккә теркәү дә, безнеңчә, яңа караш таләп итә. Элегрәк төзелгән сүзлекләрдә дә, хәзергеләрендә дә бер үк

фигыльнең төрле юнәлеш формалары төрле чыганакта төрлечәрәк бирелгән. Әлеге чыганаclar арасында 2007 елгы ике томлы «Татарча-русча сүзлек» аерым урын алып тора. Анда фигыльләрнең һәр юнәлеш формасын теркәргә тырышканнар. Тәржемәле сүзлек өчен бу аеруча мөһим, чөнки һәр форма, кагыйдә буларак, грамматик мәгънәне генә белдермичә, аерым лексема белән тәржемә ителә ала. Аңлатмалы сүзлекләрдә юнәлеш формаларын бирүдә төгәл бер система булмавы күзәтелә. «Татар теленең аңлатмалы сүзлеген»нән мисаллар: *бизәү* (төп) һәм *бизәнү* (кайт.) теркәлгән, *биләлү* (төш.), *бизәшү* (урт.), *бизәтү* (йөкл.) теркәлмәгән; *юу* (төп), *юылу* (төш.), *юыну* (кайт.), *юдыру* (йөкл.) теркәлгән, уртаклык юнәлеше формасы *юышу* теркәлмәгән; *уку* (төп), *укулу* (төш.), *укуну* (кайт.), *укуту* (йөкл.) теркәлгән, һәм шулай ук уртаклык юнәлеше формасы *укушу* ‘уқырга ярдәм итү // бер-беренә уку’ теркәлмәгән [10: 22].

Юнәлеш формалары ешрак бары тик грамматик категория буларак каралганлыктан, татар һәм башка төрки телләрнең аңлатмалы сүзлекләрендә бүгенгә кадәр аларны теркәүгә тиешле игътибар бирелми. һәрбер фигыльнең бөтен биш юнәлеш формасы да ясалмый. Кайсы фигыльләрдән нинди формалар ясала? Алар нинди кушымчалар ярдәмендә ясала?

Бу һәм башка шундый сорауларга җавап бирә торган ышанычлы, фәнни белешмәлек юк. Безнеңчә, нәкъ сүзлекләр әлеге рольне өсләренә йөкли алып һәм системалы мәгълүмат бирә алып иде.

Юнәлеш формалары бирелешенә шактый якин торган тагын бер мәсьәлә – эшнең кабатлануын, кимлеген, өлешчә үтәлү төсмерләрен белдерә торган кушымчалар белән килгән фигыльләрнең сүзлекләрдә теркәлүе. Сүз *-гала/-гәлә/-кала/-кәлә, -штыр/-штер/-ыштыр/-ештер, -ынкыра/-енкерә/-нкыра/-нкерә, -ымсыра/-емсерә/-мсыра/-мсерә* кушымчалары белән кулланылган фигыльләр турында бара.

Ф.Г. Миңнуллин фикеренчә, *-гала/-гәлә, -(ы)штыр/-(е)штер, -(ы)мсыра/-(е)мсерә* кушымчалары белән башлангыч нигезләрдән семантик яктан аерылып торган принципияль яңа фигыльләр ясалмый, бары тик башкарылу ысулы мәгънәсе генә белдерелә, шул сәбәпле мондый фигыльләрне («глаголообразования») сүзлекләргә кертүнең кирәге юк [7: 16].

Чыннан да, «Татар грамматикасы»ның сүзьясалыш бүлегендә без югарыда күрсәтелгән кушымчалар ярдәмендә фигыль ясалу ысулын тапмадык, алар форма ясагыч кушымчалар дип карала. Шулу вакытта «Төрки телләрнең чагыштырма-тарихи грамматикасы»нда «Фигыльдән фигыль ясалышы» («Внутриглагольное словообразование») бүлегендә актив гамәлнең эпизодик кабатлануын белдерә торган *-ḡala/-ḡälä, -qala/-kälä* кушымчалы ясалма формаларның продуктивлык ягыннан икенче урында булуы күрсәтелгән [5: 439]. Шундый ук мәгънәне белдерә торган *-(y)štyr/-(e)šter* аффикслы ясалма формаларның да киң таралуы ассызыкланган [5: 440].

Әлеге монографиядәге мисалларга караганда, мондый кушымчалар нигездә кыпчак һәм карлук төркеменә кергән төрки телләрдә киң таралыш алган (татар, башкорт, казак, кыргыз, үзбәк). Әмма бу телләрнең сүзлекләрендә, кабатланулы эш-хәрәкәтне белдереп, югарыдагы кушымчалар белән ясалган формаларның бирелеше шулай ук бер система тәшкит итми. Алты томлы «Татар теленең аңлатмалы сүзлеген»нә мондый фигыльләр нигездә кертелмәгән. Ике томлы «Татарча-русча сүзлек» (2007) авторлары, киресенчә, аларны мөмкин кадәр күбрәк чагылдырырга тырышканнар.

«Татар грамматикасы»нда *-гала/-гәлә...* кушымчалары дәрәжә-ысул категориясе буларак карала. «Дәрәжә категориясе кушымчалар белән дә белдерелә. Шуңа күрә дә ул лексик-грамматик категория тәшкил итә», – дип бирелә [13: 285]. Димәк, безне кызыксындырган кучымчалар саф грамматик мәгънә генә түгел, лексик-грамматик мәгънәгә дә ия. Безнеңчә, лексикография күзлегеннән лексик-грамматик мәгънәләрне сүзлекләрдә чагылдыру хата дип сана ла алмый.

Кабатлаулы формаларны сүзлекләргә теркәүне кирәк иткән сәбәпләрне түбәндәгечә билгеләргә мөмкин:

– кабатлаулы формалар һәр фигыльдән дә ясала алмый. Кайсыннан ясала, кайсыннан юклыгын сүзлек күрсәтә ала;

– төрле фигыльгә төрле кушымча ялганып кабатлаулы форма ясала. Шулай ук сүзлек моңа ачыклык кертә ала;

– татар телендә *-гала/-гәлә (-кала/-кәлә)* һәм *-штер/-штер* кушымчалары бергә дә килергә мөмкин. Әгәр дә фигыль нигезенә *-гала/-гәлә (-кала/-кәлә)* ялганса, бу очракта аңардан соң *-штыр/-штер* кушымчасы килә (*бар+гала+штыр, кил+гәлә+штер*). Һәм киресенчә, әгәр фигыль нигезенә *-штыр/-штер* ялганган булса, ул вакытта аңардан соң *-гала/-гәлә (-кала/-кәлә)* ялгана (*укы+штыр+гала, сөйлә+штер+гәлә*). Күренгәнчә, бу формалар эш-хәрәкәтнең өстән-өстән генә яки бик сирәк башкарылуын белдерә [13: 286–287]. Бу очракта да кушымчаларның тәртибен, нинди нигезгә кайсы кушымча ялгануын сүзлек күрсәтә ала.

Кабатлаулы формаларны сүзлеккә теркәү мәсьәләсе ачык. Бүгенгә кадәр мондый формаларны сүзлеккә кертү-кертмәү дә хәл ителмәгән. Шулай да без ике чишелеш тәкъдим итәр идек.

1. Тәржемәле сүзлекләрдә фигыль нигезеннән ясалган кабатлаулы форманы вокабула буларак теркәргә мөмкин. Мәсәлән, «Татарча-русча сүзлек»кә (2007) *-гала/-гәлә (-кала/-кәлә)* һәм *-штер/-штер* кушымчалары ярдәмендә ясалган 900 дән артык сүз вокабула итеп бирелгән. 2017 елгы орфографик сүзлек тә мондый фигыльләрнең активрак булганнарын шактый күп теркәгән. Мондый очракта сүзлектән файдаланучы үзен кызыксындырган сүзне жиңел таба ала, аның гомумән барлыгын билгели ала һәм, кирәк булганда, аның лексик мәгънәсе, кулланылыш конткесты, тәржемә үзенчәлеге һ. б. белән таныша ала. Шуңа ук вакытта мондый бирелешнең кимчелекләре дә юк түгел: лөгәтлек артык киңәя, башка формаларга сылтамалар саны бермә-бер артырга мөмкин, бу исә кәгазь сүзлектән файдалануны берникадәр кыенлаштыра.

2. Адлатмалы сүзлекләр өчен башка юл тәкъдим итәргә була. Д.Н. Ушаков редакциясендәге «Толковый словарь русского языка», С.И. Ожеговның «Словарь русского языка» кебек тулы типтагы адлатмалы сүзлекләрдә грамматик формалар өчен сүзлек мәкаләсендә аерым зона бүленгән һәм кирәкле мәгълүмат шунда бирелгән. Мәсәлән, **МЫТЬ** сүзлек мәкаләсенә мондый зонасында түбәндәгә мәгълүмат бар:

– **вымыть** һәм **помыть** тәмамланган төр (совершенный вид) формалары һәм аларның төрләнеш үзенчәлекләре турында мәгълүмат;

– **мыться** кайтым юнәлеше формасы һәм шуннан ясалган тәмамланган төр формалары **вымыться** һәм **помыться**;

– баш сүзнең тиешле мәгънәләреннән барлыкка килгән исемнәр **мытьё** һәм **мойка**;

– ниһаять, **моечный** сыйфаты.

Бу зонада күрсәтелгән формалар, кагыйдә буларак, шулай ук вокабулалар буларак та тәкъдим ителгән, һәм өстәмә мәгънәләре булмаса, алардан **МЫТЬ** сүзенә сылтама бирелгән [8].

Мондый очракта кулланучы телдә булган барлык сүз формаларын һәм аңардан ясалган яңа сүз формаларын сүзлектән таба ала. Чөнки, мәсәлән, тулы типтагы аңлатмалы сүзлектә фигыльнең теге яки бу юнәлеш формасы яки кабатлаулы формаларның булмавы аларның гомумән булуын шик астына куя [9: 209].

Татар теле өчен мондый зонаның булуы иң уңышлы вариант булыр иде дип уйлыйбыз. Андый зона булганда, телдәге барлык формаларны, аларның һәр мәгънәсен тасвирлап бирүнең кирәге калмас иде.

Жыеп әйткәндә, татар теленең һәм башка төрки телләрнең сүзлекләрендә фигыльләрнең юнәлеш формаларын, шул исәптән берничә йөкләтү кушымчасы булган фигыльләрне бирү, кабатлаулы формалы фигыльләрне теркәү мәсьәләсе жентекле анализ таләп итә. Безнең фикеребезчә, яңа сүзлекләр төзегәндә фигыльнең барлык юнәлеш формаларын да исәпкә алу – телнең тулылыгын чагылдыру ягыннан әһәмиятле мәсьәлә, чөнки һәр фигыльгә юнәлешләрнең бөтен формасы да хас түгел. Аларның булуы яки булмавы һәр аерым милли телнең аңлатмалы сүзлекләрендә расланыйрга яки кире кагылырга мөмкин. *-гала/-гәлә (-кала/-кәлә)* һәм *-итер/-итер* кушымчалары ярдәмдә ясалган фигыльләр я баш сүз буларак, я махсус зонада бирелә ала. Алар да юнәлеш формалары кебек һәр фигыльдән ясалмый. Аларның да телдә кулланылу-кулланылмавы турында сүзлекләрдән белешергә мөмкин. Фигыль вокабулаларын инфинитив формасында бирү елдан-ел актуальләшә. Аеруча тәржемәле сүзлекләрдә ул үзен аклый. Аңлатмалы сүзлекләрдә дә фигыльнең нәкъ әлеге формасын леммалаштыру вокабулаларны бер системага салуга, кайбер орфографик проблемаларны хәл итүгә өлеш кертер иде.

ӘДӘБИЯТ

1. Ганиев Ф.А. Видовая характеристика глаголов татарского языка. – Казань: Таткнигоиздат, 1963. – 179 с.
2. Ганиев Ф.А. Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 112 с.
3. Ганиев Ф. Ә. Татар телендә юнәлеш кушымчалары һәм лексикография // Избранные статьи. – Казань: Правитта, 2010. – 335 с.
4. Ганиев Ф. Ә. Хәзерге татар әдәби теле. Сүзъясалышы. – Казан: Мәгариф, 2000. – 270 б.
5. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 560 с.
6. Зиннатуллина К.З. Залогии глагола в современном татарском литературном языке. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1969. – 232 с.
7. Миннуллин Ф.Г. Глаголы татарского языка и их лексикографирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2003. – 26 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
9. Сафаров Р.Т. Словарная фиксация татарских глаголов с несколькими аффиксами понудительного залога // Актуальные проблемы лексикографии, терминологии и теории перевода: к 90-летию со дня рождения М.И. Скворцова (1933–2016): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы лексикографии, терминологии и теории перевода» (г. Чебоксары, 25 мая 2023 г.). / сост. и науч. ред.: Г.А. Дегтярев, Э.Е. Лебедев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2023 г. – С. 205–210.
10. Сәфәров Р.Т. Берничә йөкләтү юнәлеше кушымчасы белән килгән фигыльләрнең сүзлектә теркәлеше // Фәнни Татарстан. – 2023. – № 3. – Б. 21–25.

11. Сэфәров Р.Т. Татар телендә инфинитив кушымчасы кулланылышында вариантлылык // Актуальные проблемы современной татарской филологии: материалы Междунар. науч.-практ. конференции. – Уфа, 2016. – Б. 372–377.
12. Татар грамматикасы: өч томда. Т. II. Морфология. – М.: Инсан; Казан: Фикер, 2002. – 448 б.
13. Татар грамматикасы: өч томда. Т. II. Морфология. Тулылан. 2 басма. – Казан: ТӘҺСИ, 2016. – 432 б.
14. Татарская грамматика. Т. II. Морфология. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – 397 с.
15. Тумашева Д.Г. Татарский глагол. Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. – 189 с.
16. Хисамова Ф.М. Татар теле морфологиясе: югары уку йортлары өчен д-лек. – 2 нче басма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2015 – 335 б.
17. Юсупов Ф.Ю. Морфология татарского диалектного языка: категории глагола. – Казань: Фән, 2004. – 592 с.

УДК 001.89 (470.344)

ВКЛАД ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ЧУВАШСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О.Р. Студенцов

Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары)

Исследован вклад Чувашского государственного института гуманитарных наук в изучение чувашского языка с момента основания по сегодняшний день. Представители лингвистической школы Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики (с 1994 г. – Чувашский государственный институт гуманитарных наук) являются главной силой в исследовании практически всех теоретических проблем и решении прикладных задач чувашского языкознания. Ими были подготовлены и изданы несколько тысяч трудов по истории и современному состоянию чувашского языка.

Ключевые слова: чувашский язык, чувашское языкознание, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, труды отдела языкознания.

The contribution of the Chuvash State Institute of Humanities to the study of the Chuvash language from its foundation to the present day is studied. Members of the linguistic school of the Chuvash Research Institute of Language, Literature, History and Economics (since 1994 – the Chuvash State Institute of Humanities) are the main force in the study of almost all theoretical problems and the solution of applied tasks of Chuvash linguistics. They have prepared and published several thousand works on the history and current state of the Chuvash language.

Key words: Chuvash language, Chuvash linguistics, Chuvash State Institute of Humanities, works of the linguistics department.

С момента создания 18 августа 1930 г. Чувашского комплексного научно-исследовательского института разворачиваются работы по изучению чувашского языка. В секторе языка были организованы словарная, терминологическая и алфавитная комиссии. Первые десятилетия сектор языка включал в себя 1-2 человека, работавших под руководством директора. В 1944–1950 гг. сектор языка возглавлял выдающийся чувашский языковед В.Г. Егоров (1880–1974). В последующие годы заведующими сектором (с 1971 г. отделом) языка (язы-

кознания) были И.П. Павлов (1953–1957, 1981–1990), И.А. Андреев (1957–1970), Л.П. Сергеев (1970–1972), М.Ф. Чернов (1973–1981), А.П. Хузангай (1990–2009), Л.П. Петров (2009–2010), Н.И. Егоров (с августа 2010 г. – 2013), А.В. Кузнецов, (2013–2016), А.П. Долгова (2017– июнь 2022 г.), Э.Е. Лебедев (с июня 2022 г.), секцией словарей руководит Г.А. Дегтярёв (с 2013 г.).

В институте плодотворно работали лингвисты, труды которых признаны не только в Чувашской Республике, но и в среде тюркологов, финно-угроведов, славистов страны и мира – В.Г. Егоров, И.А. Андреев, М.Р. Федотов, М.И. Скворцов и др., с институтом сотрудничали такие всемирно известные языковеды, как тюркологи Н.А. Баскаков, Н.К. Дмитриев, И.Г. Добродомов, А.В. Дыбо, Л.С. Левитская, финно-угроведы А. Рона-Таш, К. Адягаши, Б.А. Серебренников и др. За годы работы института языковедами было опубликовано несколько тысяч статей о строе и истории чувашского языка и письма, изданы библиографические указатели, фундаментальные монографии и словари различного типа.

В довоенное время языковеды института были заняты в основном решением практических задач в сфере языкового строительства (упорядочение графики, орфографии и пунктуации, нормотворчество), в то же время наметились и основные задачи лингвистических исследований, которые в последующие десятилетия развились в приоритетные научные направления: изучение грамматики (Т.М. Матвеев, Ф.Т. Тимофеев), фонетики и лексикологии (В.Г. Егоров), терминологическая и лексикографическая работа (В.Г. Егоров, Ф.Т. Тимофеев, Т.М. Матвеев, Н.А. Резюков и др.). Заметными изданиями периода до 1940-х гг. стали «Введение в изучение чувашского языка» (1930) В.Г. Егорова и «Материалы к вопросу о перестройке грамматики чувашского языка» Ф.Т. Тимофеева (1932), различные двуязычные словари, в том числе «Терминологический словарь» (1940).

Изменения в динамике развития чувашского языкознания произошли в 50-е гг. XX в. Для научной школы оказалась весьма плодотворной дискуссия по проблемам грамматики чувашского языка 1953–1955 гг., в результате которой заметно оживилась разработка вопросов морфологии (включая морфонологию и словообразование) и синтаксиса чувашского языка. Пришедшее в науку в этот и последующие периоды новое поколение чувашских языковедов намного расширило круг исследуемых проблем. С рубежа 1950-х – 1960-х гг. до самого начала третьего тысячелетия чувашские лингвисты активно работали в области грамматического строя (С.П. Горский, А.И. Иванов, И.А. Андреев, И.П. Павлов, В.И. Сергеев, Ю.М. Виноградов и др.), лексического состава (Н.А. Андреев, А.Е. Горшков, Г.А. Дегтярёв и др.), фразеологии (М.Ф. Чернов, Г.И. Федоров) современного чувашского языка, фонетики и фонологии (В.Г. Егоров, В.И. Котлеев, П.Я. Яковлев), диалектологии (Л.П. Сергеев, Г.А. Дегтярёв и др.), этимологии и истории языка (В.Г. Егоров, М.Р. Федотов, Н.П. Петров, Г.Е. Корнилов, Н.И. Егоров, А.П. Хузангай).

Представители лингвистической школы Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики (с 1994 г. – Чувашский государственный институт гуманитарных наук) всегда были и остаются главной силой в исследовании практически всех теоретических проблем и решении прикладных задач чувашского языкознания. Ими были подготовлены и изданы такие общие основополагающие труды, как «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении» в двух изданиях (1954, 1971; автор В.Г. Егоров),

«Современный чувашский литературный язык. Т. 1.» (1990, коллектив авторов). Проблемы грамматики освещены в монографиях «Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология» (1957; авторы Н.А. Андреев, В.Г. Егоров, И.П. Павлов), «Вопросы чувашского синтаксиса» в двух частях (1973, 1975; И.А. Андреев; на чувашском языке), «Современный чувашский язык: в 2 т. Т. 1: Морфемика, морфонология, словообразование. Т. 2: Морфология» (2014, автор И.П. Павлов) и др. Современное состояние словарного состава чувашского языка отражено в книгах «Лексикология чувашского языка» (1961; Н.А. Андреев; на чувашском языке), «Лексикология современного чувашского языка» (1978; автор В.И. Сергеев, на чувашском языке) и др. Основу фонетических и фонологических исследований составляют труды В.И. Котлеева «Звуковой строй чувашского языка: фонологический очерк» (1981, на чувашском языке) и раздел «Фонетика» в книге «Фонетика, графика и орфография современного чувашского языка» (1978, на чувашском языке). В 1950–1960-х гг., затем в 1980–1990-х гг. сотрудниками института была продолжена работа по усовершенствованию орфографических правил и унификации принципов пунктуации, были изданы своды правил (1961, 1969, 1991) и орфографические словари (сост. А.И. Иванов, под ред. И.П. Павлова, 1961, под ред. С.П. Горского, 1969; сост. А.А. Алексеев, по ред. И.П. Павлова и Ю.М. Виноградова, 2002). Диалектология чувашского языка изучалась в основном Л.П. Сергеевым, анализ особенностей различных говоров и характеристика территориальных вариантов чувашского языка отражены не только в его многочисленных статьях, учебных пособиях и книгах, но и в «Диалектологическом атласе чувашского языка», хранящегося в архиве института. Социолингвистические исследования в институте ведутся с конца 1960-х гг., заметную роль в развитии изучения социального функционирования языка сыграли статьи И.А. Андреева (1970, 1980-е–1990-е гг.), В.А. Андреева (1990), А.П. Хузангая (1980-е гг. – начало XXI в.), И.П. Павлова (1990), Г.А. Дегтярёва (с 2000 г.), А.В. Кузнецова (2012–2018), А.П. Долговой (2007–2021). Важное место в научной деятельности института занимает разработка проблем сравнительного языкознания, как правило в рамках тюркологии. В 2011–2017 Э.Е. Лебедевым был подготовлен цикл статей, посвященных сопоставительному изучению грамматических категорий глагола в чувашском и турецком языках. Им же в 2021 г. выполнено исследование под названием «Об общих чертах строя чувашского и татарского языков, подтверждающих их генеалогическое родство», основные положения которого были заслушаны на пленарном заседании Всероссийской научно-практической конференции «Татары и чувашы – ветви одного древа» (Чебоксары, Казань, 7–8 октября 2021 г.) и изданы в сборнике конференции.

Кроме исследований синхронического плана языковедами института проводятся и диахронические изыскания. Наиболее известными в этой сфере являются публикации В.Г. Егорова, Н.А. Андреева, М.Р. Федотова, Н.И. Егорова. Широкий спектр проблем сравнительно-исторических исследований в рамках алтаистики представлены в монографиях М.Р. Федотова (например, в труде «Чувашский язык в семье алтайских языков», изданном в трех частях – в 1980, 1983, 1986 гг.). Разработкой проблем истории чувашского языка занимается Н.И. Егоров, с основными результатами его исследований можно ознакомиться в двухтомниках: «Избранные труды: Этимология. Этноплоттогенез. Этнолингвокультурология» (2009) и «Избранные труды по лингвогенезу и этнической истории чувашского народа» (2017).

Проведение Всесоюзного терминологического совещания (1959) и принятие в том же году специальной комиссией «Положения о терминотворчестве и упорядочении чувашской терминологии» дали новый импульс развитию терминографической деятельности. Были выпущены в свет тематические русско-чувашские словари различной направленности: сельскохозяйственных терминов (М.К. Костин, 1959; М.К. Костин и В.И. Игнатъев, 1976), общественно-политических терминов (Н.А. Андреев, 1960), названий растений, произрастающих на территории Чувашии (А.Д. Плетнева-Соколова и др., 1963, 1967), технических терминов (Н.П. Петров, 1971), медицинских терминов (Н.Г. Григорьев, 1975, 1996) и др. Значительным вкладом в развитие теории и практики национальной терминологии явились труды М.И. Скворцова, в числе которых русско-чувашские словари: общественно-политический (1973, 1986), социальной лексики (2004), юридических терминов (в соавт. с Д.Ф. Семеновым, 2006), правовых знаний (в соавт. с Д.Ф. Семеновым, 2016). На современном этапе традиции чувашской терминологической школы поддерживает своими трудами Г.А. Дегтярёв. Он составил краткие русско-чувашские терминологические словари по музыке, хореографии, национальному боевому искусству, информационно-коммуникационным технологиям и т. д. Кроме того, он активно занимается составлением и упорядочиванием терминов разных отраслей науки, культуры и искусства, унификацией и стандартизацией номенклатурных наименований, имеющих отношение к различным сферам жизни и деятельности в республике (официальные названия организаций и учреждений, географических названий, объектов культурного наследия и т. д.).

Чувашская ономастика представлена в основном работами по антропонимике и топонимике. Большой объем ономастического материала содержится в семнадцатитомном «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина и рукописных архивных фондах ученого-энциклопедиста Н.В. Никольского, этнографа И.Д. Никитина, археолога В.Ф. Каховского и др. Для исследователей чувашской антропонимики особый интерес представляют личные имена дохристианского периода, их изучению посвящены научные публикации 80-х гг. прошлого века языковедов Н.И. Егорова, Л.П. Петрова. В 1998 г. институт выпустил в свет «Словарь чувашских нехристианских имен», составленный М.Р. Федотовым. В формировании чувашской топонимической школы ведущую роль сыграл Г.Е. Корнилов, кандидатской диссертацией которого стал «Опыт исследования по чувашской диалектологии и булгаро-чувашской топонимике» (1966). Позже он опубликовал ряд работ, посвященных изучению топонимии республик Поволжья. На рубеже XX–XXI вв. работу по фиксации и изучению чувашских ойконимов и микротопонимов вела А.А. Сосаева. Ею подготовлена анкета по сбору чувашской топонимии, опубликован ряд циклов научных статей. В последние годы существенный вклад в изучение чувашской топонимики вносит Ю.Н. Исаев (в 2010–2016 гг. и с 2024 г. – директор ЧГИГН). В 2023 г. И.С. Дубановым и Ю.Н. Исаевым подготовлен «Словарь топонимических названий и терминов Чувашии», в котором раскрывается происхождение большинства значимых географических наименований.

Создание словарей разных типов было и остается одним из приоритетных направлений в деятельности института. Чувашская научная школа лексикографии, сложившаяся прежде всего благодаря известным научным трудам Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского, Т.М. Матвеева, В.Г. Егорова, имеет значительные достижения. Прежде всего следует отметить коллективную работу

языковедов института по подготовке к изданию «Словаря чувашского языка (Thesaurus Linguae Tschuwaschorum)» Н.И. Ашмарина (12 томов из 17 вышли в свет уже после смерти автора) и изданию больших русско-чувашских (М., 1951; М., 1971) и чувашско-русских (М., 1961; М., 1982) словарей. Большое значение как для чувашской, так и для общетюркской исторической лексикологии имел составленный профессором В.Г. Егоровым «Этимологический словарь чувашского языка» (1964), который получил высокую оценку не только в нашей стране, но и за рубежом. Два издания за короткий срок выдержал «Этимологический словарь чувашского языка» (Чебоксары, 1996; 2002), подготовленный М.Р. Федотовым.

Наиболее ярким представителем чувашской лексикографической школы (и по существу её руководителем) в последние десятилетия был М.И. Скворцов. Им подготовлено и издано более двадцати словарей различного профиля и формата, некоторые из них выдержали несколько изданий. Общенациональным культурным событием стало появление иллюстрированного «Чувашско-русского словаря» (1982; под редакцией М.И. Скворцова), собравшего воедино основной лексический запас чувашского языка того периода, который был переиздан уже через три года. Значительным событием последнего времени стало издание двухтомных русско-чувашского (2012) и чувашско-русского (2021–2022) словарей; последний увидел свет уже после смерти М.И. Скворцова. Большую работу по подготовке рукописи к публикации провели научные редакторы Г.А. Дегтярёв, А.П. Долгова, И.П. Семёнова.

Важными событиями в развитии чувашского сегмента Интернета явились создание Н.А. Плотниковым (в 2014–2019 гг. – сотрудник ЧГИГН) электронной библиотеки национальной литературы, «Двуязычного корпуса чувашского языка» и сайта Samah.chv.su, предоставляющего возможность поиска слов по электронным версиям чувашских словарей. С 2023 г. над созданием национального корпуса чувашского языка трудится Д.М. Леонтьев.

Результаты научной деятельности представителей лингвистики различных поколений отражены в составленных Е.И. Батченко справочных изданиях: «Библиографический указатель по чувашскому языкознанию. 1730–2002» (2004), «Аннотированный путеводитель по научному архиву Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отдел языкознания» (2009). Дань памяти ярким представителям чувашского языкознания отдана в различных сборниках статей, а также в отдельных библиографических указателях, посвященных жизни и научному творчеству известных ученых, таких как Н.А. Резюков, Н.А. Андреев, В.Г. Егоров, М.Р. Федотов, Н.И. Егоров, А.П. Хузангай и др. В 2020 г. совместно с Чувашским книжным издательством была подготовлена и издана коллективная монография из серии «Замечательные люди Чувашии» «Н.И. Ашмарин – корифей чувашской филологии», ответственным редактором, руководителем авторского коллектива и основным автором которой выступил Э.Е. Лебедев, а одним из авторов – И.П. Семёнова. Создатели этого труда были удостоены Государственной премии Чувашской Республики в области гуманитарных наук за 2022 г.

Сегодня сотрудники секции языкознания филологического направления во главе с Э.Е. Лебедевым заняты реализацией проекта «Строй чувашского языка», в рамках которого запланировано издание серии монографий, посвященных фундаментальному исследованию чувашского языка. Уже изданы монографии В.И. Сергеева «Морфология чувашского языка: словоизменение,

формоизменение и формообразование» (2017 г.), П.Я. Яковлева «Фонетика и фонология чувашского языка» (2020 г.) и Э.Е. Лебедева «Словообразование в чувашском языке» (2023 г.). Старшим научным сотрудником А.П. Долговой подготовлен к изданию том «Синтаксис чувашского языка. Словосочетание. Простое предложение», ведется работа по исследованию синтаксиса сложного предложения. Старший научный сотрудник О.Р. Студенцов исследует историю чувашского литературного языка.

Сотрудники секции словарей работают над выпуском многотомного «Толкового словаря современного чувашского языка» – тезауруса нового типа, создаваемого под руководством Г.А. Дегтярёва коллективом авторов в составе самого руководителя, а также Е.И. Батченко и И.П. Лукиной (Семёновой) и др. (изданы четыре тома: 2011, 2013, 2016, 2020). Своеобразным отражением лексико-семантических процессов в системе языка в конце XX – начала XXI в. и справочным пособием по употреблению неологизмов является составленный Г.А. Дегтярёвым «Неологический словарь чувашского языка» (т. 1, 2003; т. 2, 2017). Его работы «Чувашская народная агроботаническая терминология» (2002) и «Опыт нормализации биологической терминологии в чувашском языке: на примере орнитологической номенклатуры» (в соавт. с В.А. Яковлевым, 2014), «Тематический диалектологический словарь чувашского языка: названия животных и растений» (2021) содержат богатый и научно выверенный фактический материал для изучения и упорядочения чувашской биологической терминологии.

Сотрудники отдела языкознания в настоящее время продолжают исследования по истории и современному состоянию чувашского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров Николай Иванович: библиографический указатель / сост. А.В. Кузнецов, Е.И. Батченко. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуман. наук, 2019. – 56 с.
2. Путеводитель аннотированный по научному архиву Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отдел языкознания. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – 280 с.
3. Федотов Михаил Романович: библиографический указатель / сост. И.В. Мукин; отв. за выпуск А.П. Долгова; Чуваш. гос. ин-т гуман. наук. – Чебоксары: ЧГИГН, 2019. – 72 с.
4. Хузангай Атнер Петрович: библиографический указатель / сост. Б.Б. Чиндыков, И.П. Семенова, Г.А. Дегтярёв. – Чебоксары: ЧГИГН, 2018. – 108 с.
5. Чувашское языкознание: (1730-2002): Библиографический указатель в 2-х частях / сост. Е.И. Батченко. – Чебоксары, ЧГИГН, 2004. Ч.1. – 192 с. Ч. 2. – 204 с.

УДК 811.512.145

ФОНЕТИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЯДЫ (ФСР) В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ ТАУ ‘ГОРА’

Д.Д. Сулейманова

Издательский дом «Республика Башкортостан» (Уфа)

В статье рассмотрена микросистема лексем, элементами которой выступают семантически и фонетически близкие лексемы в значении ‘гора’, ‘возвышенность’, ‘высокий’, ‘движение вверх-вниз’ и др. Привлечены материалы диалектов татарского языка, а также межтюркские, алтайские соответствия. Для описания и систематизации выявляемых языковых фактов введены понятия «фонетико-семантическое сближение» (ФСС), «фонетико-семантический ряд» (ФСР).

Обнаруживаемые ФСС, фонетические, семантические и этимологические связи между ними объясняются как результат исторических фонетических способов словообразования (тюркский аблаут, сингармонический параллелизм, изменения в анлауте и др.).

Ключевые слова: лексика, фонетико-семантическое сближение, фонетико-семантический ряд, татарский язык, тюркские языки.

The article considers a microsystem of lexemes, the elements of which are semantically and phonetically similar lexemes in the meaning of ‘mountain’, ‘elevation’, ‘high’, ‘up-and-down movement’, etc. Materials of dialects of the Tatar language, as well as inter-Turkic, Altaic correspondences are involved. To describe and systematize the revealed linguistic facts, the concepts of “phonetic-semantic convergence” (FSC), “phonetic-semantic series” (FSS). The detected FSR, phonetic, semantic and etymological connections between them are explained as a result of historical phonetic methods of word formation (Turkic ablaut, synharmonic parallelism, changes in anlaut, etc.).

Key words: vocabulary, phonetic-semantic rapprochement, phonetic-semantic series, Tatar language, Turkic languages.

Происхождение тат. *tau* ‘гора’ представляет интерес в том плане, что активно употребляется в современном литературном языке; как исконная лексема, входит в список Сводеша. Также данная лексема используется в составе топонимов (*Taular*, *Qaratau*), этнонимов; в составе оронимов (*Qaftau*, *Uraltau*) – названий возвышенностей, нередко выступающих как важный ориентир в местности. При этом ее этимология остается недостаточно обоснованной, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

О проблеме происхождения тат. *tau* ‘гора’.

Соответствиями тат. *tau* ‘гора’ выступают общекипчакская *taw*, огуз. *day*, *daay* [2: 232], древнетюркская (далее – ДТ с указанием страницы в словаре [6]) ДТ₅₂₆ *tay* ‘гора; стадо’, тур. диал. *dak*, уйг. диал. *taq*, каз. *taw*, гаг. *dā*, чув. *tu*, кир. *too*, алт. *tuu* ‘гора’, як. *tīa* ‘лес, тайга’ [7: 117; 15: 1359]. Пратюркская форма (далее – ПТ с указанием страницы в источнике [15]) – ПТ₁₃₅₉ **dāg* ‘гора’. То есть искомая лексема имеет характерные для исторической фонетики тюркских языков соответствия (*t* ~ *d* - в C_1 и *-k* ~ *-q* ~ *-γ* ~ *-g* ~ *-w* ~ [0] в C_2). Корневая гласная *a* весьма устойчива, при отсутствии согласной в C_2 наблюдаются соответствия долгих гласных *aa* ~ *oo* ~ *uu* (*u*) и сочетаний дифтонгиодных *ai* ~ *īa*.

Э.В. Севортян приводит для тюркских языков значения ‘гора, горы’; огуз. ‘горная цепь’, чув. ‘холм, возвышенность, высота; хребет гор, скала’, чув. ‘снежная гора; лес, тайга’; тур. диал. ‘густая лесистая местность’; чув. ‘верховье, верхняя часть селения; север’, чув. ‘запад; дикая глухая местность’; кир. ‘Бухара’; подчеркивает неясный характер семантических связей ‘гора’ – ‘лес’, ‘гора’ – ‘север’, ‘запад’ и немногочисленность производных основ кроме ДТ₅₂₇ *taytin*, *taydin* ‘северный, на севере’, ДТ₅₂₇ *tayiq-* ‘подниматься в горы’, *tayik-* ‘идти в горы’ [7: 117–119]. Р.Г. Ахметьянов отмечает наличие производных основ от тат. *tau*, однако они явно позднего характера.

В. Котвич тюрк. *tay* сопоставлял с др. монг. *dabay* ‘перевал’, но Э.В. Севортян прямой параллелью данной монгольской лексемы считает тюрк. *da:ban* ‘пятка’ [Приводится по: 7: 118–119]. Алтаисты для тюрк. *tay* предлагают другие сближения структуры *tVK-* и несколько иной семантики: эвк. *deg-*, нан.

degde-, монг. *deye-* ‘лететь’, эвк. *degi*, ман. *deje-*, монг. *degde-* ‘птица’, др. яп. *taka-* ‘высокий’, *take* ‘гора’, праалтайская форма **iĕga* ‘высокий, высший, гора’ [15: 1359]. Таким образом, алтайский материал демонстрирует соответствия начальных *t- ~ d-*; корневых гласных *-a- ~ -e-*; интервокальных *-k- ~ -g- ~ -γ-* (возможно – *-b-, -j-*) в C_2 ; наличие конечной гласной.

Для более углубленного анализа этимологически сложных случаев необходимо учитывать весь спектр возможных диахронических фонетических изменений и семантических дериваций. Данной цели служит анализ **фонетико-семантических сближений (ФСС)** – близких по фонетическим и семантическим характеристикам генетически связанных между собой основ, системно выявляемых на материале татарского языка.

Важным фактором развития ФСС следует признать фонетические способы словообразования, например, **сингармонический параллелизм или палатализацию основы**, упоминаемые в тюркологических работах и татарском языкознании [12: 374]. Так, палатальным вариантом ПТ₁₃₅₉ **dāg* по модели *TaK-* > *TeK-* может выступать тат. *tekä* ‘крутой, отвесный’ [2: 252], татарское диалектное (далее – ТД с указанием странцы в словаре [13]) ТД₆₂₅ *tek* ‘крутой, отвесный; возвышенное место’. Данные лексемы могли обособиться в весьма точном, конкретном значении.

Другой причиной возникновения ФСС в татарском и тюркских языках выступает такое малоизученное явление, как **аблаутные изменения** (типа *i ~ i*, *a ~ i*), о них пишет А.Ю. Гаджиева и, опираясь на исследования Н.А. Баскакова, Б.А. Серебrenникова, считает, что тюркские языки «в ранний период своего развития демонстрируют относительное изобилие внутрифлективных и фузионных элементов» [5: 314].

В результате палатализации аблаутных основ по модели *TaK-* > *TuK-* > *TuB-* > *tüB-* (ср. эвенк. *dugee*, *duve*, *due* ‘верхушка, начало реки’, ман. *dube*, *duben* ‘верхушка; устье реки’ [2: 323]) могли сложиться ФСС: тат. *tübä* ‘верхушка, вершина; крыша, макушка’¹; также возможны пути развития *TaK-* > *TeK-* или *TaK-* > *TäB-*, реализовавшиеся в *täB-/tüb-*, ср. др. монг. *dabay* ‘перевал’, общеогуз. *depe*, *däpä* ‘верхушка, холм’. Фонетическое изменение *-K-* > *-B-* закономерно для татарского языка. В целом, изменения можно описать формулой *TVK-* > *TVB-*.

Наличие ФСС-соматизмов (тат. *taban* ‘стопа’, *tubiq* ‘колени’) и явления энантиосемии (ср. тат. *tübä* ‘верхушка, вершина; крыша, макушка’ и тат. *tübän* ‘нижний, низкий; вниз’) указывает на активную функцию данных лексем в соответствующий период развития. Вероятно, рельеф гор, холмов, при преодолении которых нужно было произвести подъем и спуск, активное использование данных лексем способствовали развитию явления энантиосемии, и одни и те же слова стали обозначать как возвышенности, так и низменности.

ФСС образуют особые микросистемы – фонетико-семантические ряды (ФСР), которые можно рассматривать по вокалическим и консонантным характеристикам. **Вокалические фонетико-семантические ряды (ВФСР)** состоят из аблаутных и сингармонических (палатальных) основ неприкрытой структуры.

¹ Р.Г. Ахметьянов не исключает персидское происхождение и отмечает распространение в топонимах [2: 323]. Ср. рус. *дуван* в зн. ‘высокое, открытое место’.

К ВФСР структуры *VB-* < *VK-* в зн. ‘возвышенность’, связанному с тат. *tau* ‘гора’, могут примыкать ТД₆₇₆ *uwa* ‘горб’; ТД₅₀₁ *oba* ‘куча, стог; холм, курган’; энантиолексема ТД₆₇₅ *uba* ‘вершина холма, возвышенность; небольшая возвышенность; яма, нора’.

Также к данной ВФСР относятся глаголы и отглагольные лексемы: тат. *au-* ‘падать’, ср. башкирское диалектное (далее – БД с указанием страницы в словаре [4]) БД₃₀ *awalata* ‘высоко, вверх’. Они возводятся к энантиосемичным ПТ **a:γ-* ‘подниматься’ и ПТ **a:γ-* ‘свешиваться’ [8: 69–70]. В древнетюркском языке сохранились лексемы с интервокальной *-γ-*: ДТ₁₈ *ayim*, ДТ₂₀ *ayış* ‘подъем’, ДТ₁₇ *ayap* ‘быть низвергнутым’.

Палатальной основой выступает общетюрк. *egiz* [8: 224–225] ‘высокий, высота, возвышенный’. Палатальные аблаутные основы: кр. тат. диал. *oksek* (ср. кр. тат. *juksej*) ‘высокий’.

В то же время выявляются **консонантные фонетико-семантические ряды** (КФСР), соотносимые с тат. *tau* ‘гора’. Они обладают схожей семантикой (‘гора’ > ‘горка’ > ‘кочка’) и структурой *CVB-* при оппозиции анлаутных согласных. Подобная закономерность присуща парным словам с редуликатами. К примеру, в парном слове БД₃₅₁ *uba-tuba* ‘помногу, кучами’ элемент *tuba* (близкое к вышерассмотренному *tübä* ‘верхушка, вершина’) может представлять *t*-основу, образованную от *uba* ‘куча’. Т. е., элементы парного *uba-tuba* могут являться генетически родственными основами, образованными префиксальным способом. Данный способ нельзя исключить для дотюркской (доаглютинативной) стадии развития [11: 116–122].

Аффиксальный элемент типа *-BV* содержится также в другом ФСС – тат. *tumpa* ‘округло-выпуклый, чурбан’ (Р.Г. Ахметьянов связывает данную лексему с тат. *tup* ‘мяч’ [2: 312, 314]). *K*-основа могла сохраниться в палатальной тат. *gömbäz* ‘купол, свод (неба)’. Фонема *m* в *C*₂, по всей вероятности, является результатом изменения *n > m* перед *-BV*, поскольку присутствуют в палатальных основах с *N* в *C*₂ и аффиксами типа *-KVI-TV-*: башк. *tüngäk*, БД₃₄₁ *tündäk* (ср. тат. *tümgäk*) ‘кочка’. *K*-основа окаменела в виде БД₇₄ *gömbäk* ‘кочка’.

Энантиосемичные в отношении тат. *tau* ‘гора’ основы в зн. ‘бездна, омут’ (< ‘место с кочками, болото’) образуют отдельный многочисленный КФСР, где также выявляется закономерность *N > B* в *C*₂ (тат. *şonyıl*, ср. ТД₇₆₃ *şumyıl*, ТД₆₃₆ *toba*, ср. БД₄₀₅ *imbil*, БД₃₂₂ *tompojoq*, БД₂₈₁ *söm* ‘омут’ и др.). Ср. гидроним *Ömbä*, ТД₄₀₆ *qowil* ‘высохшее болото с кочками’ (*-nB-* > *-w-*), ТД₆₅₆ *tumil* ‘бугристое место’ (*-nB-* > *-m-*), ТД₆₃₉ *tomar*, ТД₆₅₀ *tuwaliq* ‘болотная кочка’.

Весьма ранними *t*-основами другого семантического направления и с иными аффиксами следует считать ДТ₅₅₁ *teγ-*, ДТ₅₅₂ *teγi-* ‘подниматься, взлетать’, ДТ₅₅₂ *teγälgün*, *teγälgüç* ‘небольшая птица из семейства ястребиных’, ДТ₅₅₂ *teγäk* ‘небо’. Тюрк. *taγ* и ее алтайские соответствия (эвк. *deg-*, нан. *degde-*, монг. *deye-* ‘лететь’, эвк. *degi*, монг. *degde-* ‘птица’ [15: 1359]) с *K* в *C*₂ могут являться промежуточными вариантами.

Факты присутствия подобных ФСС необходимо рассматривать в рамках не только морфонологических изменений на стыке морфем, но и фонотактических закономерностей татарского языка, учитывать всевозможные, но ограниченные анлаутные изменения. К примеру, в начале преобладающего большинства исконных татарских лексем употребляются только смычные, переднеязычные фонемы или среднеязычный сонант *j-*. По одной из реконструк-

ций, в целом для пратюркского анлаута характерны ограничения согласных на встречаемость [9: 62–63].

Обнаруживается **КФСР** в зн. ‘возвышенность’ > ‘кочка’ > ‘стог, копна’, он может представлять результат интервокальных изменений C_2 в виде $CVb-$ ~ $CVp-$ ~ $CVm-$:

b-основа: ТД₁₁₀ *bäpkä* ‘способ укладки снопов для сушки’;

k-основы: тат. *kibän*, ТД₂₈₂ *käbän* ‘стог’, ТД₃₄₂ *kübä* ‘выпуклый; копна сена’;

t-основа: ТД₆₁₉ *täpä* ‘холм’;

ʃ-основы: ТД [2: 461] *ʃümä* ‘кочка; чурбан; круглая куча, выпуклость’, тат. *ʃümälä*, ТД₇₅₉ *ʃötä* ‘копна, небольшой стог’, тат. *ʃümäkäj* ‘с верхом’;

j-основа: ТД₂₂₃ *jab* ‘возвышенность, холм’.

Судя по $-K-$ в C_2 более ранним следует считать **КФСР** **существительных структуры CVK-** в зн. ‘возвышенность’.

B-основы: тур. *böyür*, туркм. *bövür* (ПТ₃₅₇ **böğür*) ‘склон горы’, ДТ₁₃₂ *büktir* ‘возвышенность; скалистая вершина горы’, в башкирской топонимии зафиксированы сингармонические варианты оронимов *Baqal* ~ *Bäkäl*, *Baqaj* ~ *Bäkäj*, ТД₁₂₇ *boɣol* ‘стог из снопов; скирда’, ТД₄₈₀ *moɣol* ‘нарост, шишка; копна’;

K-основа: ТД₃₈₁ *qaqša* ‘высокого роста, высокий’;

t-основы: ТД₅₂₆ *taɣat* ‘крыша’, тат. *tekä*, ТД [2: 252] *tekäk*, *dekäk* ‘крутой, отвесный’, ТД₆₂₅ *tek* ‘крутой, отвесный; возвышенное место’;

s-основы: ДТ₄₈₆ *saqa* ‘подножие горы’, ТД₅₇₆ *sokma* ‘возвышенный берег реки’, тур. *seki* ‘возвышенность на земле’;

ʃ-основы: ТД₇₂₃ *ʃayu* ‘холм, возвышенная местность’, тат. *ʃayil* ‘косогор’;

j-основы: ТД₂₂₅ *jaya* в зн. ‘берег’, тат. *juɣari*, ДТ₂₇₃ *joɣaru*, як. *soɣoru* (ПТ₁₀₃₁ **jok-*) ‘вверх, наверх’, тур. диал. *jüg*, *jüžek* ‘холм’, ДТ₂₈₄ *jügäri* ‘вверх; теперь, ныне’ (ПТ₆₁₄ **jüg-*) ‘вверх, наверх; высокий’.

КФСР структуры $VK-$ > $VB-$ в зн. ‘переваливаться’ > ‘спотыкаться’ > ‘спешить’, судя по фонетическим и семантическим признакам, включает более поздние образования, тем не менее можно убедиться о достаточно долгом периоде действия фонетических способов словообразования (палатализация, тюркский аблаут, анлаутные изменения).

[0]-основы: ТД₁₃ *abalan-* ‘вскарabкаться; спотыкаться, оступаться’, тат. *abän-* ‘споткнуться’;

b-основа: ТД₉₇ *baqij* ‘человек, который ходит спотыкаясь’;

K-основы: тат. *abalan-qabalan* ‘спеша, суетливо; спотыкаясь’, ТД₄₀₀ *qauɣalan-* ‘суетиться’;

t-основы: ТД₆₀₀ *taɣil-*, ТД₆₀₀ *täken-* ‘споткнуться’, тат. *awa-tünä* ‘вперевалку’, ср. БД₃₀ *auqin-tüqin* ‘переваливаясь’, БД₁₆ *abän-töben* ‘спотыкаясь’;

ʃ-основа: тат. *šäbälän-* ‘суетиться’;

J-основа: ТД₁₉₂ *žögön-* ‘спотыкаться’.

Существование **ФСР** **существительных структуры *(C)VN-** в зн. ‘возвышенность’ обусловлено рядом исторических фонетических закономерностей. Так, Н.А. Баскаков указывает на изменение ПТ $*\eta > n \sim q(\gamma)$ ($> w > V > [0]$) в тюркских языках [3: 42], причем тюркская срединная η , как правило, восходит к сочетаниям $*ny$, ng , nq , nk (М. Ряснен, Г.И. Рамстедт). Вероятно, что проблема соответствий $-N-$ ~ $-K-$ ($> w$) в тюркском материале связана с древним многозначным аффиксом $-k$.

Э.В. Севортьян для ряда тюркских лексем с γ в C_2 реконструирует $*-n-$, в том числе – в словарных статьях вышеупомянутых $*a:\gamma-$ ‘подниматься’ и $*a:\gamma-$ ‘свешиваться’ [8: 69–70] в качестве первичных приводятся основы с сонантом: $a:\eta-$ ‘поднимать(ся)’ и ‘сваливаться’, их можно отнести к **ВФСР структуры VN-**. Данную структуру имеют аблаутные основы типа тат. $u\eta-$ ‘уродиться’ (ср. монг. *undur-* ‘высокий, подниматься’), палатальные тат. уст. *ijez* ‘высь’, ср. БД₉₉ *ijgel* ‘покатый, наклонный (о местности)’, БД₃₆₂ *ijer* ‘грудная кость; холм’, БД₃₆₂ *ijer jul* ‘наклонная дорога’.

КФСР структуры *CVN- в зн. ‘выступ, возвышенность’ представлен производными основами.

m-основы: тат. *men-* ‘подниматься’, ТД₄₆₈ *mantı-* в зн. ‘расти’, тат. *mendär* ‘подушка’;

K-основы: ТД₂₈₉ *kängelde* ‘крутая гора’, ТД₄₄₂ *qinjir jol* ‘крутая дорога’;

t-основы: ТД₆₂₇ *ten* ‘островок на болотистом месте’, ТД₆₃₉ *ton*, ТД₆₅₇ *tun* ‘очень; высокое место, островок среди болота’, ТД₆₆₅ *tün* ‘высокое место, холмик’, ср. БД₃₄₁ *tün* ‘кочка, возвышенность’;

s-основы: ТД₅₇₅ *siyer* ‘мыс, холм’, тат. *sänderä* ‘полати’, ср. БД₂₆₉ *sanıyaja* ‘высокая голая гора’;

ş-основа: ТД [2: 409] *şandır* ‘сухощавый, худой, голень’;

j-основы: тат. *jandau* ‘полати’, ср. ТД₂₃₃ *jañryk* ‘кость; грудная кость’.

Связанные с тат. *tau* ‘гора’ ФСС не ограничивается вышеприведенными ФСР. Аналогичному анализу поддаются семантически соотносимая тат. *auaş* ‘дерево’ и ее ФСС (ср. близкие с тат. *tau* основы ТД₄₀₀ *qauqal(i)* ‘роща, лесок’, ТД₇₃₃ *şauqa(liq)* ‘кустарник’), также восходящие к основам типа $*(C)VN-K$ (например, ТД₄₅ *anuan* ‘дубрава’). Подобные ФСР образуют фонетико-семантические группы (ФСС), далее – фонетико-семантические поля (ФСП).

Таким образом, ФСС структуры $tV\eta \sim taK \sim taB$ в татарском языке с общей семантикой ‘возвышенность’ могут представлять лишь одно из многочисленных направлений развития системы допраалтайских синтетических основ типа $*T-an-K$ наряду с основами $*an-K$, $*B-an-K$, $*K-an-K$, $*S-an-K$. Однако даже исходя из анализа приведенных ФСР можно заключить, что лексемы в значении ‘возвышенность’, ‘высокий’, ‘движение вверх-вниз’ прошли невероятно долгий путь развития и играли важную роль в языковой картине мира носителей тюркских и пратюркских языков. Идеи Э.В. Севортьяна о реконструкции n в C_2 для тюрк. γ в ряде лексем находят подтверждение и при применении фонетико-семантического анализа для ФСР тат. *tau*.

Примечательно, что обнаруживаются типологические параллели, баскские [14] лексемы в зн. ‘возвышенность’, предположительно, также образуют ФСР структуры $(C)VN-$ (баск. *andi, handi (aundi, haundi), gain, tantai* ‘большой, высокий’, *mankar, malkar, maldar* ‘склон холма’, *goña, tuno, monho, tontor* ‘вершина, холм’, *thini* ‘высший’, *gaintar* ‘горец’) и $(C)VK-$ (баск. *magal, hegi* ‘склон холма, гора, берег, скала’, *muger* ‘скала’, *tuga, tuiá* ‘вершина, холм’).

ЛИТЕРАТУРА

1. Эхмэтьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: ике томда. Т. I (А–Л). Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – 543 с.
2. Эхмэтьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: ике томда. Т. II (М–Я). Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – 567 с.
3. Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. – М.: Наука, 1988. – 208 с.

4. Башкорт теленең диалекттары һүзлеге. Өфө: Китап, 2002. – 432 с.
5. Гаджиева А.Ю. О роли внутренней и внешней флексии в слово- и формообразовании тюркских языков (о хронологии процесса вовлечённости флективных механизмов) // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65). – № 1. – Ч. 1. – С. 313–317.
6. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. – 676 с.
7. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д». – М.: Наука, 1980. – 395 с.
8. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 768 с.
9. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: фонетика / отв. ред. Э.Р. Темишев. – М.: Наука, 1984. – 488 с.
10. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. – 908 с.
11. Сулейманова Д.Д. Историческая фонетика тюркских (башкирского, татарского) и ба-кского языков: сравнительно-сопоставительный анализ: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2016. – 280 с.
12. Татар грамматикасы: өч томда. Казан: ТӘһСИ, 2015. – Т. I. – 512 б.
13. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.
14. Orotariko euskal hiztegia [Electronic resource]. – 1987–2005. – URL: http://www.euskaltzaindia.eus/index.php?option=com_content&view=article&id=276&Itemid=413&lang=eu.
15. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Brill Academic Pub, 2003. – 2106 p.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ

алт. – алтайский баск. – баскский башк. – башкирский в зн. – в значении гаг. – гагаузский др. – древний и др. – и другие инд-евр. – индо-европейский каз. – казахский кир. – киргизский кр. тат. – крымско-татарский ман. – маньчжурский монг. – монгольский нан. – нанайское	огуз. – огузский перс. – персидский рус. – русский ср. – сравните тат. – татарский тур. – турецкий турк. – туркменский тюрк. – тюркский уйг. – уйгурский чув. – чувашский эвен. – эвенский эвк. – эвенкийский як. – якутский яп. – японский
БД – башкирский диалектный ДТ – древнетюркский ПТ – пратюркский ТД – татарский диалектный	

ВСФР – вокалический фонетико-семантический ряд
 КФСР – консонантный фонетико-семантический ряд
 ФСГ – фонетико-семантическая группа
 ФСР – фонетико-семантический ряд
 ФСС – фонетико-семантическое сближение

B – губные (*b, p, m, w*)

K – задне- и среднеязычные смычные (*q, k, γ, g*)

T – переднеязычные смычные (*t, d*)

N – носовые сонанты (*n, ŋ*)

J – среднеязычный сонант *j* и переднеязычная шипящая аффрикативная звонкая *ʒ*

V – гласная фонема

C – согласная фонема

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ ЗНАКОВ Ч.С. ПИРСА ПРИ РАБОТЕ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ

В.Ю. Сухотина

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Тула)

В статье рассмотрены знаки в качестве источника лингвокультурных знаний, содержащихся в художественном тексте, на примере романа В.В. Вересаева «Сестры». Посредством изучения теоретической литературы описаны пути понимания и функционирования семиотики как метанауки. Проведен сравнительный анализ семиотических теорий Фердинанда де Соссюра и Ч.С. Пирса. В работе раскрыта специфика взаимодействия семиотики и лингвистики, выделены основные классификации знаков и ключевые понятия семиотики и лингвокультурологии – семиосфера, код культуры, симболарий культуры. Согласно классификации знаков Ч.С. Пирса приведены примеры икон, индексов и символов в текстовом пространстве романа В.В. Вересаева «Сестры».

Ключевые слова: семиотика, семиосфера, классификация Ч.С. Пирса, код культуры, художественный текст.

The signs as a source of linguacultural knowledge in a literary text (V.V. Veresaev's novel "The Sisters") are examined in the article. The ways of interpreting and functioning of semiotics as a metascience are described through the study of theoretical literature. A comparative analysis of the semiotic theories of Ferdinand de Saussure and C.S. Peirce is conducted. The specifics of the interaction of semiotics and linguacultural studies – semiosphere, culture code, cultural symbolarium are highlighted. According to the C.S. Peirce's signs classification, examples of icons, indices and symbols are given.

Key words: semiotics, semiosphere, signs classification of C.S. Peirce, cultural code, literary text.

Семиотика как учение о знаках и знаковых системах берет свое начало в античности в трактате Аристотеля «Об истолковании», основано на идеях Платона, а также стоиков и эпикурейцев. Именно знаки и знаковые системы являются предметом семиотики. Статус семиотического учения в научной среде до сих пор не определен, поскольку знаки и знаковые системы являются составной частью как технических, так и гуманитарных областей знания, например, психологии, информатики, социологии, лингвистики и других. Особенно интересно сходство семиотики и лингвистики. Оно объясняется существованием языков, фундамент которых строится на языковых знаках. Границы семиотических исследований крайне размыты и единое определение понятия семиотики отсутствует. Существует ряд работ, касающихся данной проблематики. Значительный вклад в развитие семиотики внесли Чарльз Пирс, Фердинанд де Соссюр, Чарльз Моррис, Ролан Барт, Ю.С. Степанов, Ю.М. Лотман. Исследователи данной отрасли науки по-разному представляли ее сущность. В работе «Семиотика» Ю.С. Степанов рассматривает семиотику как науку о знаковых системах в природе и обществе. У семиотики двоякая природа: с одной стороны она является наукой, изучающей вещи и передающие их знаки,

а с другой – представляет собой метанауку и фундамент иных наук [9: 46]. В свою очередь культуролог и семиотик Ю.М. Лотман в своей статье «Символ в системе культуры» высказывает мнение о существовании семиотического пространства, которое охватывает естественно созданные языки – это пространство окружает человека и представляет собой совокупность отдельных языков, взаимодействует с ними и является условием их существования. Данное семиотическое пространство ученый называет *семиосферой*, а ее центр содержит структурно развитые языки, являющиеся естественными для культуры. Согласно данному ученым определению, можно выявить взаимодействие между семиосферой, языком и культурой. Так, структура языков вербальной и невербальной природы основывается на определенном наборе знаков, которые воспринимаются человеком при помощи когнитивных возможностей и эмоциональной составляющей, привязанной к тому или иному знаку. Эмоциональная составляющая восприятия зарождается в сознании человека путем создания ассоциаций, освоения им понятийной сетки объектов действительности, разделенных на категории. Данная сетка предметов составляет коды культуры [4: 232]. Таким образом, человек видит мир через призму знаковых систем. Также Ю.М. Лотман указывал, что знаковые системы часто именуют вторичными моделирующими системами либо «языками культуры». Они представляют собой модели поведения – жесты, одежду, ритуал, а также методы поддержания исторической памяти и самосознания. Различные виды культурной деятельности являются текстами, принадлежащими к той или иной знаковой системе. Тем самым, знаковые системы являются инструментами хранения и передачи культурной информации. Важным умением является интерпретация текстов различных языков культуры, которая может быть построена по определенному алгоритму, коду. Посредством кодов у человека есть возможность производить акт коммуникации, понимать тексты культуры.

Французский философ и семиолог Ролан Барт также акцентировал внимание на вопросе функционирования знаков в культурном пространстве, а именно каким правилам поведения подчиняется человек в обществе. По мнению Барта, окружающие человека в повседневной жизни явления культуры материальной и нематериальной основы отражаются в знаках и знаковых системах. На первый взгляд трудно определить наличие семиосферы, но отрицать присутствие знаков в жизни человека невозможно. В подтверждение этому исследователь активно начинает работать над темой социосемиотики моды, в которой раскрывается способ осуществления коммуникации посредством одежды и закрепленных в ней знаков [2].

Обратимся к истокам развития семиотических положений. К настоящему моменту определились два ключевых направления исследования знаковых систем и механизмов их работы: семиология Ф. де Соссюра, развивавшаяся преимущественно в лингвистическом аспекте и семиотика Ч.С. Пирса, представляющая собой сплетение философии и логики. Создатель структурной лингвистики и семиологии, швейцарский лингвист Ф. де Соссюр рассматривал язык как систематизированный набор знаков. Структура самого знака образовывала бином – план выражения (означающее, акустический образ) и план содержания (означаемое, понятие). Означающее – это инструмент, посредством которого происходит определение того или иного предмета; означаемое представляет собой предмет, подлежащий определению. В данных условиях набор знаков в семиотической системе однороден и не меняется с появлением

каких-либо внешних факторов. Философ и математик Ч.С. Пирс шел иным путем исследования языковых знаков. Ученый ввел триединую структурную модель знака и представил ее в виде треугольника. В дальнейшем эта мысль раскрывается в работе «Логические основания теории знаков», в которой знак, или репрезентативен содержит в себе объект (предмет, вещь), интерпретант (то, во что превращается вещь) и основу (некая идея). Репрезентативен выполняет функцию замещения какого-либо объекта действительности. Адресат данного знака создает в сознании его усовершенствованный образ, что является интерпретантом репрезентатива. Фиксированную во времени идею, к которой отсылает человека знак, ученый называет основанием (основой). Согласно теории Пирса, знак замещает собой некую вещь, объект; он адресуется кому-либо и создает иной значимо богатый знак или эквивалент, отсылая к некой идее. Так, знаки осуществляют заместительную функцию [8].

В концепциях Ф. де Соссюра и Ч.С. Пирса неодинаково изложено представление об особенностях знаков. Семиология Ф. де Соссюра направлена на изучение внутренних знаковых отношений. В рамках семиологии вербальный знак существует внутри языковой системы абстрагировано от объектов действительности. Также важен вопрос о происхождении знака. Согласно семиологическому учению, знак есть некое явление нематериального мира. Швейцарский ученый представлял семиологию как науку, предметом которой станет «общая теория знаковых систем, используемых обществом» [10: 22]. Для Пирса процесс семиозиса (означивания) основан на семантике и способе связи знака и его референта. Представляется важным подчеркнуть, что природа знаков антропоцентрична, то есть знаки не могли бы появиться вне коммуникации и их употребления в речи человеком. Понимание знаков основывается на эмпирической составляющей, посредством наблюдения человека за какими-либо явлениями или объектами мира происходит переход от первоначального значения предмета к его вторичному значению. Полученная информация проходит стадию обработки посредством когнитивных процессов категоризации, мысленного абстрагирования. В романе В.В. Вересаева может быть выделен следующий фрагмент: *Современная пролетарская молодежь не думает о поцелуях и лунных ночах, а думает о социализме, что пролетариату чужда любовь двух сердец, потому что мысли его заняты мировой революцией* [3]. В сознании второстепенного героя романа Шерстобитого происходит разграничение между миром чувств и долгом перед партией. Первичное положительное значение проявления чувств в условиях подготовки к социалистической революции в обществе начала 1920-х годов приобрело отрицательную коннотацию. Вопреки тому факту, что двусторонняя модель Ф. Де Соссюра с означающим и означаемым является ключевой для многих исследователей языка, модель знака Пирса наиболее полно раскрывает сущность отношений человек-язык-мир, следовательно, может быть использована при изучении семиотики культуры и когнитивной лингвистики. Таким образом, мышление и сознание по Пирсу имеет знаковую природу.

Для описания объекта, воплощенного субъектом для передачи какой-либо идеи, представляется важным классифицировать данные объекты. Так, знаки могут подразделяться на естественные и искусственные. С точки зрения свойств законотворителя, естественные знаки связаны с явлениями природы, существование искусственных знаков обеспечивается деятельностью человека. Следует отметить, что изначально взаимодействие между знаками и окру-

жающим миром изучалось наукой логикой, отсюда произошла логико-семантическая классификация, согласно которой знаки делятся на имена (общие и индивидуальные) и предикаты. Имена служат для номинации объектов действительности. Индивидуальные имена позволяют идентифицировать понятие или персону в процессе коммуникации, определить о какой эпохе идет речь («Ленинград», «Столыпин», «Ленин»). Индивидуальными именами могут выступать не только имена собственные, но и нарицательные при условии, что имеется в виду конкретный предмет: *Только вот вопрос: писать дневник, хотя бы даже отчасти и коллективный (ведь нас двое), – не значит ли это все-таки вдаряться в индивидуализм?* [3]. Предикаты же представляют собой особый род знаков, передающих свойства объектов и описывающих отношения между ними, а именно внутренние предикаты выражают свойства предметов реального и нереального мира, а внешние отображают их отношения:

*Жизнь не раз разразится громом
И не раз еще бурей вспенится,
Но от слов дорогих и знакомых
Закаляется сердце ленинца.* (Н.А. Кузнецов)

В данном отрывке стихотворения советского поэта слово «закаляется» является внешним предикатом, слова «дорогой и знакомый» выражают свойства объектов, которые не зависят от их отношений. Предикатные знаки, используемые в тексте, дают читателю возможность погрузиться в художественный мир, созданный автором, и испытать те же эмоции. Кроме того, стоит подчеркнуть использование В.В. Вересаевым в романе художественного приема интертекстуальности. Данный прием имеет семиотическую природу, так как указывает взаимодействие одного знакового пространства с другим. С точки зрения лингвокультурологии использование данного отрывка в романе способствует более полному погружению читателя в мир переживаний главных героев, обеспечивает историзм романа и выполняет выразительную функцию.

В данной работе нам особенно интересна типология знаков Ч.С. Пирса. На этом основании Пирс разделяет знаки на иконы, индексы и символы [8: 46]. Отношения между означаемым и означающим строятся на рационалистическом процессе восприятия человеком определенной вещи. В своей классификации ученый охарактеризовал знаки по способу замещения референта. Иконические знаки подразделяются на образы и диаграммы, а отношения, означающего и означаемого строятся на подобии. Ярким примером иконы является резиновый завод «Красный витязь» за Сокольниками, около которого в с. Богородском разместился В. В. Вересаев, работая над романом «Сестры». Резиновый завод является аллюзией на реально существовавшее предприятие в г. Москве. Данный тип знаков преимущественно универсален и не относится исключительно к культуре какой-либо нации.

Значение индексов определяется простым указанием на объект, будь то человек или явление. В романе содержится следующий пример: *Вчера сидел у нее один такой, – корректный, «вы изволили сказать», только крахмального воротничка не хватало* [3]. Индексы указывают на существование объекта в реальном мире. Накрахмаленный воротник как элемент одежды описывает принадлежащего к сословию интеллигенции человека. В художественном мире романа рабочий класс противопоставляется интеллигенции. Особая

одежда вызывает чувство неприязни у героини романа, ударницы труда. Происходящие в романе события нередко сопровождаются звуками, музыкой. Например, сигналы пионерской трубы и барабанная дробь могут указывать на ряд явлений – пионерское движение СССР, первомайские демонстрации. Понятие «беспартийная» получило широкое распространение в Советском Союзе. В романе имеет индивидуальное значение аморального поведения, незаинтересованности в делах партии и построении лучшего будущего для всех людей («беспартийная шпана»). Человек не может внести изменения в устоявшиеся традиции и соображения, созданные в социуме. Данные виды знаков являются индексальными, так как не называют, а лишь указывают на то или иное явление.

Наиболее богатым в культурном выражении знаком является символ. Исследователи не выделяют конкретного определения понятия символ, так как при взаимодействии символа с иными языковыми и культурными явлениями его значение меняется. Ученый и мыслитель Вяч. Вс. Иванов охарактеризовал понятие в следующей формулировке: «Символ – это образ знаковой природы, в своей основе условный, или знак, мыслимый как образ, в котором видимое, конкретное, событийное выступает лишь неким иероглифом, сигнализирующим о некотором таинственном предмете номинации, служащем знаменем иной действительности» [1: 192]. Иными словами, символ представляет собой объект реальности, наделенный лингвокультурологическим сообществом дополнительными оттенками смысла. В произведении В.В. Вересаева «Сестры» главные герои не раз обращаются к символу лестницы, которая ассоциируется с путем становления личностей сестер в социалистическом обществе. Символы обладают когнитивным потенциалом. При помощи символов индивид открывает для себя мир ассоциаций, невидимый на первый взгляд. С точки зрения когнитивистики символы обладают неопределенностью и непостоянностью значения, которое они выражают посредством объектов действительности.

Совокупность знаков семиотических систем, относящаяся к определенному культурному пласту и являющаяся его репрезентацией, представляет собой симболарий культуры. Так, культурный симболарий может включать в себя языковые единицы, относящиеся к определенной эпохе и служить для описания культурных реалий [11: 41]. В связи с этим требуется раскрыть процесс восприятия знаков индивидом. Как было ранее упомянуто, познание окружающих нас вещей строится на эмпирических методах, например наблюдении. При помощи органов чувств человек производит сбор фактов, в его сознании рождается некое представление, картинка, отражающая свойства вещи, и далее человек причисляет вещь к сообществу вещей того же рода – происходит категоризация объекта. Так человек учится приспосабливаться к миру вещей, с которыми он взаимодействует. Если воспринятый индивидом объект выходит за рамки вербального мира, принято говорить о его символизации, где он обретает иные смыслы. Таким образом, уместно говорить о репрезентативном потенциале знаков, суть которого заключается в достижении наибольшей близости знака и референта.

Внимание к проблеме знаков и знаковых систем обусловлено в том числе тем, что семиотическое пространство или семиосфера вбирает в себя множество языков не только вербального, но и невербального характера, к ним могут быть причислены языки искусства и литературы, имеющие свою диахронию

развития. Знаковые системы подобного рода порождают тексты и человек, попадая в сферу знаковых систем, учится читать и понимать их. При этом нужно иметь в виду, что единицы семиосферы находятся в постоянной динамике и читатель должен быть культурологически подкован, чтобы суметь прочесть тот или иной семиотический код [5: 168]. При работе с произведением трудно переоценить культурологический потенциал знаков, с которыми может встретиться читатель. Исследование знаков в рамках семиотического анализа помогает читателю рассмотреть произведение под другим углом. Семиотическая картина произведения может включать в себя такие элементы как одежда, цвета, реакция на происходящее, проявление эмоций (индексы) и представлять человека как знаковую систему. В качестве примера приведем фрагменты романа: *Великолепно были нарисованы работницы в красных, зеленых, белых козырьках; Пионеры, – и эта тонконогая мелкота в красных галстучках была втянута в кипящий котел общей работы. <...>Ребята, под руководством пионервожатых, являлись на дом к прогульщикам, торчали у «черных касс» специально устроенных для прогульчиков* [3]. В данных предложениях видно, что яркие цвета, используемые в одежде, отображают приподнятое настроение работниц и сообщают читателю об их трудолюбии. Черный же цвет ассоциируется с тунейдством. *Жидкие рукоплескания были заглушены смехом* [3]. Безынициативные, вялые аплодисменты могут говорить о незаинтересованности публики в повестке собрания. *Он был одет не по-комсомольски щеголевато: пиджачок, крахмальным воротничок* [3]. Данный пример иллюстрирует отношение пролетариев к вычурной кричащей одежде товарищей. Среди ударников труда неуместно было одеваться ярко и вызывающе.

Таким образом, классификация знаков по Ч.С. Пирсу дает возможность объединить язык, человека и окружающую его реальность и обладает большим потенциалом для описания семиотических систем невербального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – [Б. м.: б. и.], 2010. – 283 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Вересаев В.В. В тунике; Сестры: [Романы] / [предисл. В. Лидина; подгот. текста, послесл., примеч. В. Нольде, Е. Зайончковского]. – М.: Кн. палата, 1990. – 396 с.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 282 с.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
6. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. –Таллинн, 1992. – С. 191-199
7. Махлина С.Т. Семиотика культуры повседневности: монография. – СПб.: Алетейя, 2009. – 232 с.
8. Пирс Ч.С. Начала прагматизма. Т. 2. Логические основания теории знаков. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – 352 с.
9. Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический проект, 2001. – 702 с.
10. Соссюр Фердинанд де. Труды по языкознанию: сборник работ / ред. А.А. Холодович. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
11. Токарев Г.В. Словарь лингвокультурологических терминов. – Тула: ТППО, 2022. – 57 с.

МАЛОИЗВЕСТНАЯ ТАТАРСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Ф.И. Тагирова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Татарская лексикография имеет глубокую историю и богатый выбор словарей различной направленности. Но некоторые словари в силу разных причин остаются вне поля интереса большинства специалистов и пользователей. Основной целью статьи является привлечь внимание к некоторым из них и устранить данный пробел. Описанные словари имеют большое практическое значение для широкого использования, так же в качестве объекта и материала научного исследования. **Ключевые слова:** татарская лексикография, малоизвестные словари, словник, вокабула, словарная статья, структура словаря.

Tatar lexicography has a deep history and a rich selection of dictionaries of various focus areas. But some dictionaries, due to various reasons, remain outside the field of interest of most specialists and users. The main goal of the article is to draw attention to some of them and eliminate this gap. The described dictionaries are of great practical importance for wide use, and they serve as an object and material for scientific research.

Key words: Tatar lexicography, little-known dictionaries, word list, headword, dictionary entry, dictionary structure.

Татарская лексикография имеет большую историю, что является общеизвестным фактом. «Успехи татарской лексикографии, зачатки которых были заложены еще на рубеже XVI–XVII вв. рукописными словарями разных исполнителей, на этапе становления и развития в XVIII–XIX вв. связаны с именами выдающихся исследователей той эпохи и преданных своему делу людей: И. Хальфина, А. Троянского, И. Гиганова, К. Насыри, Н. Остроумова, М. Юнусова, С. Рахманкулова и др., труды которых сыграли важную роль в нормализации татарского языка и посредством языка – в деле просвещения широких народных масс» [8: 285].

И в настоящее время татарское словарное дело продолжает свое непрерывное развитие во многих направлениях. Можно отметить значительное продвижение и в расширении корпуса татарских словарей в типологическом плане, и в аспекте тематического охвата языкового материала, а в особенности в подходах и методах лексикографической работы, принципах отбора материала и т. д., не говоря уже о внедрении возможностей информационных технологий.

Ведя речь о словарях татарского языка, мы априори представляем словари, составленные, во-первых, татарскими учеными, во-вторых – составленные в одном из таких исторических центров, как Казань. Действительно, основные центры, связанные с татарской лексикографией, находятся в Казани, в частности, отдел лексикографии Института Языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, где сконцентрирована деятельность по составлению словарей татарского языка и где были созданы основные труды в этом направлении. Кроме того, есть лексикографические работы отдельных авторов в других научных и образовательных центрах Казани или других регионов, о которых тоже большинство специалистов и пользователей имеют определенное представление, и которые нечасто, но находят освещение в научной литературе [3:

72–78]. Однако, остается вне поля внимания татарской научной общественности и специалистов-лексикографов целый ряд словарей, выполненных отдельными энтузиастами за пределами Татарстана или представителями других стран и народов. Мы обратили внимание, что в работах татарских ученых и их коллег, так или иначе затрагивающих проблемы татарского языка, практически никогда не используются, да что там, даже не упоминаются последние. Такое положение вещей можно объяснить объективными причинами. Во-первых, при научном использовании словари, разработанные в специальных центрах и зачастую имеющие нормативный статус, естественно, имеют безусловный приоритет. Во-вторых, словари, составленные на периферии, остаются в тени в силу их труднодоступности или недоступности. Кроме того, здесь татарский язык не всегда представлен в качестве входного. Между тем, эти факты не умаляют достоинств и значения этих лексикографических работ. Они фиксируют татарский язык в том виде, в котором он бытует в то время и в том месте, где находится их автор. Поэтому они представляют интерес с точки зрения исследований в аспекте исторического и функционального развития языка, особенно лексики. Кроме того, эти работы имеют большое значение для сохранения, развития и популяризации татарского языка.

Karşılaştırmalı Türk Lehçeleri Sözlüğü – Сравнительный словарь тюркских языков вернее было бы обозначить как редко используемый, нежели малоизвестный. Он был создан под патронажем Турецкого лингвистического общества и при содействии Министерства культуры Турции. Над составлением работал сводный коллектив ученых из разных стран (татарская часть составлена А.Г. Шайхуловым). В словник, как указано в пердисловии, было отобрано 7 тыс. наиболее употребительных слов турецкого языка и размещены их эквиваленты в 9 тюркских языках: азербайджанском, башкирском, казахском, киргизском, узбекском, татарском, туркменском, уйгурском, кроме того – в русском [12: 9]. Словарь, возможно, вызывает некоторые вопросы с точки зрения лексикографического исполнения, например, имеет вводное слово, но не имеет статьи о построении словаря и его использовании, алфавитов и других реквизитов. Однако, если учесть, что годы издания – 1991 и 1992, он выполнил свою задачу, так как был первым в своем роде и выглядел вполне достойно на общем фоне, даже имел существенные плюсы. Например, он дополнен грамматическими очерками по всем языкам [12: 102–1123], образцами речи [12: 1123–1183] и индексами-указателями последовательно для каждого языка (татарский [13: 271–329]). Особого внимания заслуживает тираж издания – 20 000 экземпляров.

«Татарско-український словник» С.Ш. Замалеєва [6; 7] – татарско-український словарь – действительно мало знаком татарскому читателю или вовсе неизвестен, причиной чему служит, скорее всего, отсутствие информации об этой работе. Между тем, словарь был издан при содействии татарстанской компании «Татнефть». Он представляет собой работу, состоящую из 2 томов, опубликованных в Харькове в 2006–2007 гг. На первый взгляд, словарь составлен по всем правилам лексикографической науки. Словник включает в себя 36 тыс. слов – объем, солидный даже по нынешним меркам. Словарь предваряет предисловие. Статья о структуре словаря очень наглядно, доступно, на примерах разъясняет особенности его построения и возможности использования. Даны также татарский и украинский алфавиты, список сокращений. Но причина такого высокого уровня лексикографической реализации оказалась банальной –

весь словарь – практически точная копия известного «Татарско-русского словаря» 1966 года издания [5], включая структуру, состав словника, пометы, даже иллюстративные примеры, что абсолютно недопустимо. В предисловии отмечается, что основу словника составляет лексика современного татарского языка [6: 3; 7: 3], однако к моменту издания словник, однозначно, не отражал актуальную на тот момент лексику. Однако, следует учесть, что правая часть словаря также исполнена на высоком уровне. Здесь не просто приводится перевод в виде одного эквивалента из украинского языка, а несколько синонимов, стилистических вариантов, зачастую и небольшие пояснения. Таким образом, данный словарь – лишний повод напомнить о сложности и ответственности работы лексикографа.

Кроме того, необходимо отдать должное автору, который, не будучи лексикографом, даже не будучи филологом, составил подобный словарь. Замалеев Салих Шакирович – уроженец Буинского района Татарстана, ветеран Великой Отечественной войны, проживший всю жизнь на Украине, экономист по образованию, при этом – писатель, поэт, писавший на татарском языке, лауреат премии им. Мусы Джалиля [8].

Tatarisch-deutsches Wörterbuch Т.Д. Даулетшина [9] – один из первых татарско-немецких словарей. Он издан в 1989 г. в Висбадене (Германия) в серии Клауса Крайзера «Тюркология и тюрковедение». В плане исполнения словарь хотя и несколько уступает предыдущему в объеме – около 10 тыс. заглавных слов, но также представляет собой добротную лексикографическую работу. В предисловии даются довольно подробные сведения о численности, расселении татар, о месте татарского языка в мире и т. п. Наличие таких сведений вполне объяснимо, так как словарь печатался за рубежом. Статья о структуре словаря также довольно подробна. Список сокращений и татарский алфавит дополняют необходимый справочный аппарат словаря. Кроме того, во вводном слове, написанном Камиллой Давлетшин-Линдер, кратко затрагивается история составления словаря, начатого ее отцом еще в плену, утерянного и возобновленного только в 1970-е годы совместно с женой Ирмой, но незавершенного при его жизни. В доработке словаря участвовал тюрколог Семих Тезджан из Бамбергского университета. Справедливости ради нужно остановиться и на довольно примечательной личности автора. Тамурбек Динмухаметович Даулетшин – уроженец Уфимской губернии, учился на юридическом факультете Казанского (1924–1926) и Московского (1928–1930) университетов. Работал руководителем НИИ в Уфе (1934–1938), профессором гражданского права Казанского филиала Всесоюзного юридического института (1938–1941), начальником юридического отдела Президиума Верховного Совета Татарской АССР. В 1941 г. ушёл на фронт, попал в плен. В 1942 г. был освобождён, участвовал в организации и работе татарской газеты «Идель-Урал», издававшейся немцами. После войны остался в ФРГ, где продолжил успешную научную деятельность (около 80 опубликованных работ на русском, татарском и др. языках по проблемам права, политической жизни, образования, культуры в СССР). Автор книги «Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики» (1974, Лондон, на русском языке), признанной в СССР антисоветской, переизданной в Казани в 2005 г. [10].

Краткий узбекско-татарский словарь пословиц и поговорок М.М. Абдурахманова издан в Казани [1], поэтому он в большей степени знаком татарскому читателю, чем все вышеперечисленные, хотя и его трудно назвать широко

известным. Будучи человеком, имеющим отношение к подобным изданиям [2], автор имеет полное представление о том, насколько сложно лексикографирование фразеологии, поэтому особенно высоко оценивает значение данной работы.

Следует отметить наибольшую полноту всех лексикографических реквизитов. Так, есть статья вместо предисловия, объединившая в себе и теоретический анализ структуры и этноспецифического наполнения идиом двух языков, и историю их изучения, и статью о структуре словаря. Как и полагается, словарь снабжен также и списком сокращений, и примечаниями с толкованием малопонятных слов, и перечнем использованной литературы, которого не было в предыдущих словарях. Особенно полезен для пользователя индекс-указатель татарских единиц. Такой высокий стандарт работы обусловлен большим опытом автора, который является нашим коллегой, автором нескольких словарей. Максуд Мугалимович Абдурахманов – уроженец г. Уфы, выпускник аспирантуры Казанского государственного университета, известный в Узбекистане лингвист, писатель и журналист.

Требуют внимания и более тщательного анализа, возможно, в отдельной статье, словари, подготовленные турецким ученым М. Онером, чей вклад в преподавание татарского языка и популяризацию татарской лексикографической школы за рубежом, бесспорно, заслуживает уважения [14 и др.].

Возможно, логично было бы здесь упомянуть и словари, остающиеся вне поля внимания ученых и пользователей не в силу их недоступности, а совсем по другой причине – по причине некомпетентности. Однако мы сознательно обошли в данной работе эту тему, которую уже затрагивали в ряде статей, посвященных нормативной роли словарей [4: 226–228; 15: 687–691].

Осуществленный выше обзор словарей, хотя и ограниченный в количественном и иллюстративном плане, дает основание сформулировать некоторые выводы:

– работы, приведенные выше, в большинстве своем являются результатом работы истинных ценителей и знатоков татарского языка и заслуживают не только внимания специалистов-лексикографов в плане введения в научный оборот, но и интереса со стороны широкого круга пользователей;

– данные словари и подобные им труды имеют большое значение для сохранения, развития и популяризации татарского языка в стране и за рубежом;

– они сами могут служить объектом научного исследования с точки зрения практической и теоретической лексикографии, а также источником материала для исследования татарского языка, особенно его лексического богатства, в историческом, функциональном и др. аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдурахманов М.М. Краткий узбекско-татарский словарь пословиц и поговорок. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. – 527 с.
2. Гаффарова Ф.Ф., Саберова Г.Г. Татарско-русский словарь идиом / науч. ред. Ф.И. Тагирова. – Казань: Алма-Лит, 2006. – 232 с.
3. Насипов И.С. Татарская лексикография в Башкортостане // Традиции и инновации в национальных системах образования: Материалы Нац. науч.-практ. конф., Уфа, 22 ноября 2018 года. – Уфа: Башкирский гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2018. – С. 72–78. – EDN TQTNYO.
4. Тагирова Ф.И. Проблема сохранения нормативной роли словарей // Күренекле галим һәм педагог Василий Михайлович Гороховның тууына 120 ел тулуга багышланган төбәкара фәнни-гамәли конференция материаллары. – Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исем. Тарих институты, 2011. – Б. 226–228.

5. Татарско-русский словарь. М.: Сов. Энцикл., 1966. – 863 с.
6. Татарсько-український словник: У 2 т. Т. I. А-О. / за заг. ред. С.Ш. Замалєєва. – Харків: Прапор, 2006. – 576 с.
7. Татарсько-український словник: У 2 т. Т. II. П-Һ. / за заг. ред. С.Ш. Замалєєва. – Харків: Прапор, 2007. – 616 с.
8. Тимерханов А.А. Татарская лексикография: истоки и современное состояние // Ученые записки Казанского филиала Российского гос. ун-та правосудия. – 2015. – Т. 11. – С. 285–304. – EDN VPWRJF.
9. Dawletschin, Tamurbek: Tatarisch-deutsches Wörterbuch / von Tamurbek Dawletschin; Irma Dawletschin; Semih Tezcan. – Wiesbaden: In Kommission bei Harrasowitz. 1989. – 365 s.
10. Давлетшин, Тамурбек Динмухаметович. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Давлетшин,_Тамурбек_Динмухаметович (дата обращения: 09.09.2024 г.)
11. Замалеев Салих Шакирович. – URL: <https://tatfrontu.ru/person/zamaleev-salih-shakirovich> (дата обращения 11.09.2024 г.)
12. Karşılaştırmalı Türk Lehçeleri Sözlüğü. I. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1991. – 1183 s.
13. Karşılaştırmalı Türk Lehçeleri Sözlüğü. II. Dizin. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1992. – 502 s.
14. Öner Mustafa. Kazan-Tatar Türkçesi Sözlüğü. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2009. – 603 s.
15. Tagirova F. Sözlüklerin Normatif Fonksiyonu Meselesi // Türk Dil Kurumu Yayınları. VII. Uluslararası Türk Dili Kurultayı. 24–28 Eylül 2012. I. Cilt. – Ankara, 2020. – S. 687–691.

УДК 811.512.145

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.А. Тимерханов

Академия наук Республики Татарстан (Казань)

В статье рассматривается ряд вопросов о том как современная лингвистика может способствовать сохранению и развитию языкового богатства татарского языка. Описывается деятельность Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ в области реализации фундаментальных и прикладных научных проектов в области национальной филологии и искусствоведения.

Ключевые слова: лексикография, татарский язык, словари, языковой ландшафт.

The article examines a number of issues on how modern linguistics can contribute to the preservation and development of the linguistic wealth of the Tatar language. It describes the activities of the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in the field of implementing fundamental and applied scientific projects in the field of national philology and art history.

Key words: lexicography, Tatar language, dictionaries, linguistic landscape.

Россия издавна славится своим богатейшим языковым и культурным разнообразием. Наша страна – это уникальная мозаика народов, каждый из которых вносит свой неповторимый вклад в общую картину российской идентичности. Языки, на которых говорят в разных уголках нашей необъятной Родины,

являются живым воплощением этого многообразия, хранителями традиций и культурного наследия.

Особое место в этом многообразии занимает татарский язык – один из наиболее распространенных языков России после русского. Татарский язык не только является важнейшим элементом культуры татарского народа, но и служит ярким примером успешного сохранения и развития национального языка в современных условиях. Опыт поддержки и популяризации татарского языка может быть ценным для сохранения других национальных языков нашей страны.

Сегодня мы имеем прекрасную возможность обсудить, как современная лингвистика может способствовать сохранению и развитию этого бесценного языкового богатства. Мы живем в эпоху стремительных изменений и инноваций, которые открывают перед нами новые горизонты для изучения и поддержки национальных языков, национальной культуры, истории..

Вместе с тем языковое разнообразие, являющееся основой культурного многообразия человечества, сегодня подвергается и серьёзным вызовам. Унификация культур, доминирование глобальных языков, безусловно, существенно меняют структуру языковых сообществ и их роль в социокультурной сфере.

Россия – многонациональное государство, на территории которого проживают представители более 190 национальностей, говорящих на 277 языках и диалектах. Однако, согласно данным ЮНЕСКО, 136 языков России находятся под угрозой исчезновения. Это серьёзный вызов не только для лингвистики, но и для сохранения культурного разнообразия нашей страны.

В этих условиях сохранение национальных языков становится одним из приоритетных направлений современной лингвистики, требующее глубокого научного осмысления.

Современное языкознание все больше переплетается с другими науками – от нейробиологии до компьютерных наук. Это открывает новые горизонты для исследований, но одновременно требует от лингвистов освоения новых методологий и инструментов. Развитие систем машинного перевода, голосовых помощников и других технологий ставит перед лингвистами новые задачи, связанные с моделированием естественного языка и разработкой лингвистических баз данных.

Кроме этого, в последнее время всё чаще языковое разнообразие рассматривается как часть общей экосистемы планеты. Исчезновение языков приводит к утрате уникальных знаний о природе и традиционных практиках устойчивого развития.

В многонациональных государствах, таких как Россия, вопросы языковой политики приобретают особую значимость. Необходимо найти баланс между поддержкой государственного языка и сохранением языкового разнообразия.

В этом контексте деятельность Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (далее – ИЯЛИ) приобретает особое значение. Вот уже на протяжении 85-ти лет ИЯЛИ реализует фундаментальные и прикладные научные проекты в области национальной фиологии и искусствоведения, Институт находится на передовой борьбы за сохранение и развитие татарского языка, а через него – и всего богатства культурно-языкового ландшафта России.

За годы своего существования Институт внес неоценимый вклад в развитие татарского языкознания. Наши ученые создали фундаментальные труды по грамматике, лексикологии, диалектологии татарского языка. Это такие многотомные издания, как «Татарская грамматика» в 3-х томах, «История татарского литературного языка» в 3-х томах, «Татарская лексикология» в 3-х томах, «Атлас татарских народных говоров».

Эти труды не только помогают сохранять языковое наследие татарского народа, но и способствуют его дальнейшему развитию, обеспечивая надежную научную основу для эффективной реализации языковой политики, внедрения образовательных программ и культурных инициатив.

Особо хочу отметить деятельность Института в лексикографическом направлении. Разработка словарей играет критически важную роль в сохранении и развитии национальных языков. Они отражают состояние языка в определенный исторический этап времени, способствуют стандартизации, изучению и популяризации. За все время существования ИЯЛИ на его базе были разработаны и изданы сотни словарей, в том числе и такие базовые лексикографические труды, которые не потеряли своей актуальности и по сей день:

- Русско-татарский словарь в 4-томах (1955–1959),
- Татарско-русский словарь (1966),
- Толковый словарь татарского языка в 3-х томах (1977–1981),
- Татарско-русский словарь в 2-х томах (2007),
- Этимологический словарь татарского языка (2015) Р. Ахметянова в 2-х томах и др.

За последние четверть века в ИЯЛИ были составлены порядка 30 словарей различных типов в более чем 50 томах. Среди них заметное место занимают переводные словари, особенно терминологические, такие как словари орнитологических, ихтиологических, фитонимических терминов и др. Важно отметить, что в терминологических словарях последнего десятилетия входным языком стал служить татарский язык, что критически важно для фиксации исконно татарской лексики, которая нередко выпадает из поля зрения при традиционном подходе со входным русским языком. Вместе с тем современные словари составляются таким образом, чтобы искомым термин можно было найти как через татарский, так и через русский или иные задействованные языки.

Наиболее значимым лексикографическим проектом, реализованным в ИЯЛИ за последние десятилетия, стал «Толковый словарь татарского языка» в 6-и томах. Это труд нескольких поколений татарских ученых на протяжении более 20 лет; он ориентирован, прежде всего, на удовлетворение запросов и нужд современного пользователя, которому сегодня предлагается широкий набор справочников для общих и специальных целей.

Словарь включает 70 000 слов и 10 000 фразеологических единиц современного татарского литературного языка, термины из различных областей науки и их толкования. В нём нашли место также неологизмы, образованные за счёт собственных словообразовательных средств татарского языка; часть новой лексики зафиксирована впервые. Также представлены историзмы, наименования вернувшихся в жизнь нашего общества реалий и заимствованные слова, активно употребляемые в общелитературном языке. Достоинством Словаря является и то, что в нём зафиксированы специфические исконно татарские слова, которым грозит исчезновение из-за выхода из широкого употребления, но

важные с точки зрения истории языка: названия, связанные с ремёслами, старинным бытом, историческими и этнографическими реалиями. Представлена просторечная и отчасти жаргонная, диалектная лексика и т. д.

Отличительной чертой Словаря является фиксация составных глаголов, которые представлены гнездовым способом и имеют свою структуру толкования.

Ценность и значение данного труда не ограничивается только рамками лексикографии. В каждом томе прослеживается живая история народа, отражённая в десятках тысяч слов и выражений. Словарь существенно расширяет источниковую базу и новые возможности для дальнейших исследований по различным областям татарского языкознания: этимологии, семасиологии, словообразованию, морфологии, стилистике.

Несомненно, Словарь предлагает большой корпус добротного, лингвистически выверенного лексико-фразеологического материала, который может и должен использоваться в современных инфокоммуникационных технологиях.

Я бы хотел отметить еще один важнейший как для татарского языкознания, так и для тюркологии в целом справочник – «Этимологический словарь татарского языка» в 2-х томах профессора Р.Г. Ахметьянова, изданный в 2015 г. Данный лексикографический труд – итог многолетних научных изысканий автора в области тюрко-татарской этимологии. В нем представлено этимологическое описание около 10 300 единиц, прежде всего слов с тюркскими корнями, русских, арабских и персидских заимствований, давно освоенных татарским языком. В словаре нашли отражение материалы и факты более 200 языков и диалектов.

Самостоятельную научную ценность издания представляет вводный раздел об этимологии как научной дисциплине. Здесь автор подробно раскрывает теоретические основы этимологических исследований, критерии отбора языкового материала и принципы этимологического анализа, сопровождая свои рассуждения многочисленными яркими примерами, попутно выражая свое отношение и к дискуссионным вопросам в области тюркской этимологии.

«Этимологический словарь татарского языка» занял достойное место в отечественной и международной лексикографии как надежный научный источник.

Важно отметить, что наряду с печатной версией имеется и электронные версии словарей, о которых мы говорили. Они представлены в «Электронном фонде словарей» на платформе TATZET, что ощутимо расширяет круг его пользователей, делая словари доступным для широкой аудитории. «Электронный фонд словарей» является единственным интернет-источником, где наиболее полно представлено лексическое богатство татарского языка, дана достоверная информация о том или ином слове, что достигается благодаря собранному здесь 56 словарям. Учитывая возможность работы с некоторыми из них в нескольких зонах, а также многотомные издания, сегодня в базе насчитывается 76 единиц словарей.

Структурно фонд состоит из пяти зон, разделённых между собой входным языком. Входными языками служат татарский, русский, английский, турецкий и арабский. Многоязычные словари, как правило, размещены в нескольких зонах. В содержательном плане ЭЛФ содержит самые актуальные словари татарского языка. Сегодня стоит острая задача разработки мобильного приложения

для фонда, что существенно облегчит использование его через мобильные гаджеты и увеличит количество пользователей.

Как шеститомный «Толковый словарь татарского языка» и «Этимологический словарь татарского языка», так другие проекты, реализуемые ИЯЛИ, вносят значимый вклад в сохранение и развитие татарского языка, следовательно, в укрепление общероссийской идентичности. Ведь сохранение языкового и культурного разнообразия – это ключевой фактор в формировании уникальной модели «единства в многообразии», которая лежит в основе российской национальной идеи.

В перспективе работу над составлением ключевых словарей необходимо продолжить. Любой справочник начинает устаревать с момента своего издания, поэтому лексикографическая работа требует постоянства. Целесообразно составлять и издавать обновленные лексикографические труды с акцентом на электронные версии этих источников. На мой взгляд, для татарского языка такими справочниками являются толковый словарь, двуязычные словари – русско-татарский и татарско-русский, национально-иностранные.

Я бы обратил внимание коллег на такие примеры из русской лексикографии, как «Большой универсальный словарь русского языка» В. В. Морковкина, Г. Ф. Богачевой, Н. М. Луцкой и «Большой толковый словарь русского языка» под общей редакцией С. А. Кузнецова. Это словари, отвечающие требованиям и запросам современной коммуникации – они содержат в краткой форме большой объем полезной информации о лексике русского языка.

Конечно же, мы не должны упускать из виду вопросы развития отраслевой терминологии, их унификации и стандартизации через лексикографическую фиксацию и описание.

Крайне важным представляется обеспечение на лексикографическом уровне соблюдения орфографических, орфоэпических норм татарского языка. Мы имеем хорошие результаты и в этой области.

Как уже неоднократно подчеркивалось, сохранение и изучение родных языков – это важнейшая задача не только для национальных групп и сообществ, но и в масштабах всей страны.

Традиционные методы языкового образования и воспитания языковой культуры не всегда могут быть эффективными в современном мире. Новые возможности для решения этой проблемы могут предложить электронные проекты. Счетчик на упомянутом нами «Электронном фонде словарей» за сутки фиксирует в среднем 700–800 просмотров, что является хорошим показателем. С каждым годом эти показатели растут, как и количество источников в самом Фонде.

Электронные проекты более доступны, как правило, многофункциональны и удобны в использовании. Я бы хотел акцентировать внимание именно на создании электронных словарей, не ограниченных по объемам и способных содержать не только текстовую, но и иллюстративную информацию.

Важно также подчеркнуть, что наша работа должна вестись в тесном сотрудничестве с ведущими научными центрами России, занимающимися проблемами национальных языков. Только объединив усилия, мы сможем эффективно противостоять глобальным вызовам языковой унификации и сохранить богатство языкового ландшафта нашей страны.

ТИПЫ ВЕРБАЛЬНОЙ СИНЕСТЕЗИИ В РОМАНЕ Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

И.В. Труфанова

Корпоративный университет московского образования (Москва)

Цель исследования – изучить синестезии в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Научная новизна исследования обусловлена использованием нового метода исследования синестезии – интегративного, введением в лингвистический обиход нового лингвистического материала – вербальных синестезий. Благодаря избранному методу исследования в романе обнаружены такие типы синестезии, которые не выделялись прежде: свето-вербальная, цвето-вербальная, звуко-вербальная, обонятельно-вербальная, тактильно-вербальная, температурно-вербальная, вербально-обонятельная и др. Впервые представлена лексико-семантическая группа слов «Слово» в виде поля.

Ключевые слова: синестезия, типы синестезии, вербальная синестезия, лексико-семантическая группа слов «Слово», Б. Пастернак, «Доктор Живаго».

The aim of the study is to examine synesthesia in B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago". The scientific novelty of the study is due to the use of a new method for studying synesthesia – integrative, the introduction of new linguistic material into linguistic circulation – verbal synesthesia. Thanks to the chosen research method, the novel revealed types of synesthesia that had not been distinguished before: light-verbal, color-verbal, sound-verbal, olfactory-verbal, tactile-verbal, temperature-verbal, verbal-olfactory, etc. The lexical-semantic group of words "Word" is presented for the first time.

Key words: synesthesia, types of synesthesia, verbal synesthesia, lexical-semantic group of words "Word", B. Pasternak, "Doctor Zhivago".

В лингвистику термин синестезия пришёл из психологии. Современные психологи А.В. Сидоров-Дорсо, Ш.Э. Дэй дают главному виду синестезии – синестезии естественного развития – следующее определение: «С более строгих научных позиций синестезию естественного развития можно определить как нейрофизиологически обусловленную, индивидуальную особенность перцептивного реагирования, которая заключается в том, что восприятие стимула, принадлежащего строго определенной категории опыта, в субъективном плане (эндогенно) сопровождается переживанием дополнительных сенсорных, перцептивных или когнитивных характеристик, не присущих восприятию данного явления (стимула) в качестве статистически ожидаемых физических свойств, результатов работы механизмов восприятия или умозаключения» [15: 13]. Другие виды синестезии: посттравматическая, интоксикационная, синестезия в измененном состоянии сознания [Сидоров-Дорсо, Дэй 2019: 21], художественная [14]. О художественной синестезии говорится: «такой тип проявления, к которому как к способу познания и самовыражения чаще и планомернее прибегают художники, поэты, кинематографисты, дизайнеры и представители других творческих профессий. Однако это не значит, что такая синестезия проявляется только в искусстве. В ежедневном своем проявлении межчувственные ассоциации, образы и аналогии, вовлекающие ощущения от разных органов чувств, как, например, ожидания приятных запахов от красивых цветов или громких и низких голосов от крупных животных – всем этим обладает каждый из нас

в силу опыта и привычной координации ощущений. Вероятно, в творчестве этот опыт обостряется и превращается в более “насыщенные” индивидуальные поэтические картины мира, в которых начинают доминировать чувственные синестетические связи. Такой способ переживания синестетических связей можно назвать имплицитным, то есть, неявным, скрытым, другие же способы характеризуются эксплицитностью ощущений, ярко выраженной, явной закономерностью произвольной природы» [14]. В истории изучения синестезии можно назвать основные тенденции: от квалификации её как патологии, аномалии к признанию её вариантом нормы восприятия; от представлений о её природе как сенсорной к пониманию её как явления сенсорно-когнитивного [2: 7; 8: 14–16; 10: 62; 11: 10–11; 15: 9–10, 17; 20; 21; 22 и др.]. В лингвистике под синестезией понимается «использование слов, связанных с каким-нибудь органом чувств, для обозначения понятий, относящихся к сфере другого чувства» [3: 191], её считают разновидностью метафоры, или самостоятельным тропом.

Актуальность нашего исследования вытекает из важности разработки семантической типологии синестезии; злободневности применения интегративного подхода к её анализу.

Выбор в качестве материала исследования романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» обусловлен теми обстоятельствами, что, во-первых, характерной чертой поэтики Б. Пастернака исследователи признают синестетичность [6: 7; 7: 7; 9: 75], по подсчётам О.Г. Мукиной коэффициент синестетичности поэта Б. Пастернака составляет 0,35, это четвёртый результат в XX веке, опережают его только И.А. Бунин, С. Есенин и В. Маяковский [9: 274]; во-вторых, роман является итоговым произведением писателя. Роман находят подводящим итоги русской литературы первого и второго ряда XIX и начала XX веков. «“Доктор Живаго”, как известно, имеет итоговый характер – суммирует индивидуально-авторский опыт, опыт эпохи (точнее эпох – и классической, и модернистской, (...)) а то и литературы вообще» [5: 8]. Итоговым роман является в творчестве и писательской судьбе Б. Пастернака. «Сокровенное в “Докторе Живаго” – личность автора, который подытоживает свои взгляды на самые разные акты человеческого творчества» [17: 8]. Научная новизна работы обусловлена тем, что синестезия в прозе Б. Пастернака впервые становится предметом лингвистического исследования.

Основным методом исследования является интегративный анализ лингвистических и психологических данных. А.В. Нагорная [10] обозначает данный метод термином инструментальный междисциплинарный подход. А.И. Бардовская преимущества данного метода связывает с многообразием причин, приводящих к синестезии, и многообразием её механизмов [1: 73]. Ей представляется, что интеграционный метод исследования синестезии поможет получить новое знание о ней: «Есть основания говорить о том, что отсутствие в современной науке удовлетворительной теории синестезии (...) может являться следствием того, что аппарат какой-то отдельной дисциплины недостаточен при рассмотрении этого феномена» [1: 26]. Наш вклад в использование данного метода состоит в синтезировании лингвистической и психологической семантических типологий синестезии [о семантической типологии синестезии в психологии см.: 14; 15].

В повести «Детство Люверс» мы тоже обнаружили вербальную синестезию, наличие её вытекает из интереса главной героини к языку [19]. **Цветовербальная** (Они (незнакомки. – И.Т.) *чернелись, как слово «затворница»*

в песне). **Зрительно-вербальная** (Отчего в слове «полезный» пишется «е», а не «гъ»? Она затруднилась ответом только потому, что все ее силы соображения сошлись в усилии представить себе те неблагоприятные основания, по каким когда-либо в мире могло возникнуть слово «полгзный», дикое и **костматое** в таком начертаны). **Термально-вербальная** (Холодные поучения англичанки не могли заменить присутствия матери). **Тактильно-вербальная** (А надо всем каркающим лоскутом носилось **мокрое** и **свинцовое** слово: город). **Вкусо-вербальная** (Звукосочетание «класс» казалось ему на вкус **кисло-сладким**).

В романе вербальная синестезия сложнее. Главным словом в синестетическом сочетании здесь выступает не только слово *слово*, но и его синонимы. Говоря о вербальной синестезии, мы прежде всего имеем в виду в качестве одного из компонентов синестетического сочетания слово в первом значении – «лексема» (единица языка, служащая для наименования понятий, предметов, лиц, действий, состояний, признаков, связей, отношений, оценок), именно такая вербальная синестезия в повести «Детство Люверс», но в романе в составе синестезий слово встречается и в других значениях и замещается синонимами в этих других значениях: язык, речь [2-е значение в: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1535 с.], текст определённого жанра [Зье (высказывание, выражение, фраза) и 8ое (литературное произведение в форме ораторской речи, проповеди или послания; повествование, рассказ вообще) в: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1535 с.].

Большая часть повествования в романе включает изображение с точки зрения главного персонажа, являющегося, прежде всего, поэтом; его вниманием к слову обусловлено многообразие вербальных синестезий в романе, он наделяет слово перцептивно воспринимаемыми признаками.

Свето-вербальная синестезия (слово наделяется свечением). *Не сам он, а что-то более общее, чем он сам, рыдало и плакало в нем нежными и светлыми, светящимися в темноте, как фосфор, словами.*

Цвето-вербальная (слово наделяется цветом). *Не сам он, а что-то более общее, чем он сам, рыдало и плакало в нем нежными и светлыми, светящимися в темноте, как фосфор, словами. Потом она сама увлеклась и прочла Агафье целое наставление о колдовстве и его применениях. Юрий Андреевич как замороженный слушал эту бредовую вязь, как когда-то при переезде из Европейской России в Сибирь прислушивался к цветистой болтовне возницы Вакха. Болтовня – синоним слова в 3ем значении: повествование.*

И почему Лара должна предпочитать его бесхарактерность и темный нереальный язык его обожания? Тёмный язык – цвето-вербальная. Язык обожания – эмоционально-вербальная. Язык – синоним слова в 3ем значении: речь, высказывание.

Вербально-обонятельная (запах сравнивается со словом) плюс звук и свет. *Платок издавал смешанный запах мандариновой кожуры и разгоряченной Тониной ладони, одинаково чарующий. Это было что-то новое в Юриной жизни, никогда не испытанное и остро пронизывающее сверху донизу. Детски-наивный запах был задушевно-разумен, как какое-то слово, сказанное шёпотом в темноте.*

В эти часы, когда общее молчание, незаполненное никакой церемонией, давило почти осязаемым лишением, одни цветы были заменой недостающего

пения и отсутствия обряда. Они не просто цвели и благоухали, но как бы хором, может быть, ускоряя тление, источали свой запах, и, оделяя всех своей душистой силой, как бы что-то совершали. Хор, пение, то есть молитва, обряд – панихида – синонимы слова в 8ом значении.

Звуко-вербальная (слово становится звучанием – музыкой). *Язык, родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека и весь становится музыкой, не в отношении внешне слухового звучания, но в отношении стремительности и могущества своего внутреннего течения. Язык – синоним слова во 2ом в значении.*

Тактильно-вербальная (слово наделяется свойством жидкого – течь). *Тогда подобно катящейся громаде речного потока, самым движением своим обтачивающей камни дна и вращающей колеса мельниц, льющаяся речь сама, силой своих законов создает по пути, мимоходом, размер и рифму, и тысячи других форм и образований еще более важных, но до сих пор неузнанных, неучтенных, неназванных. Условностью данного случая, оправдывавшего тяжесть её легкой, непредвзятой беседы, были её слезы, в которых тонули, купались и плавали её житейские непрямые слова. Казалось, именно эти мокрые от слез слова сами слипались в её ласковый и быстрый лепет, как шелестит ветер шелковистой и влажной листвой, спутанной теплым дождем. Речь в данном случае – синоним слова во 2ом значении.*

Обонятельно-вербальная (слово наделяется запахом). *Между обонятельно-вербальными синестезиями (благоухание как телеграмма, веяние этого запаха точно слух) обонятельно-звуковая или звуко-обонятельная (шумела толпа, цвели липы). Слово в значениях текст определённого жанра (телеграмма) и устное высказывание (слух) предстаёт в составе синестетических словосочетаний. Тогда, как телеграмма, поданная в дороге, или как поклон из Мелюзеева, вливалось в окно знакомое, точно к Юрию Андреевичу адресующееся благоухание. (...) Это повторялось весь путь. Всюду шумела толпа. Всюду цвели липы. Вездесущее веяние этого запаха как бы опережало шедший к северу поезд, точно это был какой-то все разъезды, сторожки и полустанки облетевший слух, который едущие везде заставляли на месте, распространявшимся и подтвержденным. Телеграмма – синоним слова в 8ом значении, слух – синоним слова в 3ем значении.*

Температурно-вербальная (слово наделяется температурой). *Клубы плотного, вязкого пара облаками вырывались из их ртов и по громадности были несоизмеримы со скупыми, как бы отморозенными, словами их немногосложной речи. Слово жаркое, горячее.*

Тактильно-цвето-вербальная (слово религиозного обряда возникает из цвета и влаги). *Это недоступно высокое небо наклонялось низко-низко к ним в детскую макушкой в нянюшкин подол, когда няня рассказывала что-нибудь божественное, и становилось близким и ручным, как верхушки орешника, когда его ветки нагибают в оврагах и обирают орехи. Оно (небо) как бы окуналось в детской в таз с позолотой и, искупавшись в огне и золоте, превращалось в заутреню или обедню в маленькой переулочной церквушке, куда няня его водила. Заутреня, обедня – синонимы слова в 8ом значении.*

Альго-вербальная и вербально-альгическая (подбор слов, работа со словом вызывает болевые ощущения у говорящего или у слушающего). *Ты не гони меня, товарищ начальник. Я и так не речист. У меня слово в зубах застревает, я словом подавлюсь. Она заливалась слезами и шептала и вскрики-*

вала, *захлебываясь словами*, половина которых ревом голошения вырывалась у нее помимо её воли. Она заговаривалась, как причитают в народе, никого не стесняясь и не замечая. Потом она сама увлеклась и прочла Агафье целое наставление о колдовстве и его применениях. Юрий Андреевич как завороженный слушал эту *бредовую вязь*, как когда-то при переезде из Европейской России в Сибирь прислушивался к цветистой болтовне возницы Вакха. Вязь – синоним слова в Зем значении.

Поскольку типы вербальной синестезии выделяются нами впервые, нужно очертить лексико-семантическую группу «Слово», лексико-семантические группы (поля) «Свет», «Цвет», «Запах», «Звук», «Тактильность», «Температура», «Боль» детально описаны в лингвистике. Ядром группы является лексема слово, в околядерную зону у Б. Пастернака входят лексемы: язык, речь, высказывание, фраза, болтовня, телеграмма, заутреня, обедня, обряд отпевания усопшего православного; на периферии поля оказывается вязь. В языке к данной лексико-семантической группе относятся все существительные, называющие жанры устной и письменной речи, элементарные речевые действия: ассертив, предположение, незнание, вопрос, совет, приказ, просьба, команда, требование, мольба, обещание, гарантия, обязательство, обет, согласие^{1, 2, 3}, несогласие^{1, 2, 3}, эмотив, презрение, пренебрежение, уничижение, неодобрение, одобрение, порицание, похвала, приветствие, прощание, просьба о прощении, соболезнование, извинение, благодарность, ответ на благодарность, ответ на соболезнование, ответ на просьбу о прощении, ответ на извинение, тост, комплимент и мн. др. [подробнее см.: 18], текст, стихотворение, рассказ, роман, сказка, повесть, басня, драма, повествование, притча, легенда, псалом, молитва и т. д. [подробнее: 2].

В психологии восприятие слов (лексем) в цвете отмечали М. Банисси, К.С.С. Харт [16: 89, 252], наделение конкретных слов вкусовым ощущением Д. Уоннертон, Р. Роу [16: 258, 84, 89].

Вербальные синестезии в романе подчинены задаче создания многомерно-го образа слова, которое порой в представлении главного персонажа одушевляется и становится субъектом текста.

Несмотря на то, что синестезии посвящено много достойных внимания работ, остаётся ещё много белых пятен в её изучении. Психологи постоянно выделяют её новые типы. А.А. Потебня мечтал о времени, когда станет возможным «ожидать от исследований языка новых открытий в области психологии» [12: 45], лингвистика в изучении синестезии сможет дать психологии новый материал и новые идеи. Выявление альго-вербальной, вербально-альгической, тактильно-цвето-вербальной, температурно-вербальной, обонятельно-вербальной, тактильно-вербальной, звуко-вербальной, свето-вербальной, эмоционально-вербальной синестезий является таким новым материалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бардовская А.И. Средства номинации синестетических соощущений (на материале английских и русских художественных текстов): дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2005. – 178 с.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 250–296.
3. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
4. Галеев Б.М. Проблема синестезии в эстетике // Современный Лаокоон: эстетические проблемы синестезии. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – С. 5–9.
5. Гримова О.А. Жанровое своеобразие романа «Доктор Живаго» // Новый филологический вестник. – 2013. – № 2 (25). – С. 7–44.

6. Двизова А.В. Ситуация чувственного восприятия и способы ее языковой репрезентации в поэзии Б.Л. Пастернака: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2014. – 23 с.
7. Забияко А.А. Синестезия: метаморфозы художественной образности. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2004. – 215 с.
8. Кравков С.В. Взаимодействие органов чувств. – М.; Л.: АН СССР, 1948. – 128 с.
9. Мукина О.Г. Речевая репрезентация синестезии в творчестве русских поэтов XIX–XX веков: дис. ... канд. филол. наук. – Ульяновск, 2012. – 281 с.
10. Нагорная А.В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: Аналитический обзор. – М.: РАН. ИНИОН. Центр гуман. науч.-информ. исслед., 2017. – 86 с.
11. Поляков С.Э. Мифы и реальность современной психологии. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 496 с.
12. Потенция А.А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
13. Расников Г.В. К вопросу о природе феномена синестезии // Вестник МГУ. Серия 14, Психология. – 2006. – № 3. – С. 28–56.
14. Сидоров-Дорсо А.В. Проявления синестезии: о типах и видах. 2009 // Электронный ресурс – URL: http://synaesthesia.ru/proyavleniya_synstesii.html
15. Сидоров-Дорсо А.В., Дэй Ш.Э. Редакторское предисловие // Синестезия: мнения и перспективы / Антон Викторович Сидоров-Дорсо, Шон Эндрю Дэй (Sean Andrew Day, Ph.D). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. – С. 7–32.
16. Синестезия: мнения и перспективы / Антон Викторович Сидоров-Дорсо, Шон Эндрю Дэй (Sean Andrew Day, Ph.D). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. – 277 с.
17. Смирнов И.П. Роман тайн «Доктор Живаго». – М.: «Новое литературное обозрение», 1996. – 208 с.
18. Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи. – М.: Прометей, 2000. – 568 с.
19. Труфанова И.В. Типы синестезии в повести Б. Пастернака «Детство Люверс» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2024. – Т. 15. – № 1. – С. 132–143 // Электронный ресурс. – URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-132-143>
20. Clark A. Perceiving as predicting // Perception and its modalities. – Oxford: Oxford univ. press, 2015. – P. 23–43.
21. Morris D.B. The culture of pain. – Berkeley. Los Angeles: Univ. of California press, 1993. – 344 p.
22. Vannini Ph., Waskui D., Gottschalk S. The senses in self, society, and culture. – N.Y.: Routledge, 2012. – 200 с.

УДК 812.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СООТНОШЕНИЕ СОЗНАНИЯ И ЯЗЫКОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

С. Туйчиев

Навоийский государственный горно-технологический университет (Навои)

В статье исследуются теоретические проблемы узбекского языкознания о соотношении сознания и языкового значения. Исследование этнокультурологических концептов как основных единиц лингвокультурологии предполагает выявление трех его составляющих: понятийной, образной и ценностной на материале самых разных видов источников – фольклорных и художественных текстов, паремий, фразеологизмов, живой разговорной речи носителей узбекского языка.

Ключевые слова: сознание, значение, этнокультурология, фразеология, знание.

The article examines the theoretical problems of Uzbek linguistics on the relationship of consciousness and linguistic significance. The study of ethno-cultural concepts as the basic units of linguoculturology involves the identification of three of its components: conceptual, figurative and value – based on the material of a variety of sources – folk and literary texts, parables, phraseological units, live conversational speech of Uzbek speakers.

Key words: consciousness, meaning, ethnoculturology, phraseology, knowledge.

В современной лингвокультурологии исследуются когнитивные и культурологические категории в этнокультурном аспекте, так как всем этническим языкам присуще характерные национальные черты этнокультуры. В связи с этим основным параметром из них является этнокультурное и этноязыковое сознание. С философской точки зрения, если сознание в когнитивной лингвистике – это высшая, понятийная форма отражения человеком действительности и его отношения к отражаемому, то этнокультурное этноязыковое сознание – высшая духовная категория, представляющая собой ассоциативно-смысловую форму отражения ценностно-познавательного пространства того или иного этнокультурного сообщества. Исследование этнокультурологических концептов как основных единиц лингвокультурологии предполагает выявление трех ее составляющих: понятийной, образной и ценностной на материале самых разных видов источников – фольклорных и художественных текстов, паремий, фразеологизмов, живой разговорной речи носителей узбекского языка.

Само слово «сознание» трактуется в лексикографических источниках как одно из основных понятий философии, социологии и психологии и этнокультурологии, обозначающее способность идеального воспроизведения действительности, а также специфические механизмы и формы такого воспроизведения на разных его уровнях. Сознание выступает в двух формах: индивидуальной (личной) и общественной. В силу сложности феномена сознания каждая из комплекса изучающих его наук вносит определённую специфику в самый подход к определению сознания. В философии сознание рассматривается как свойство высокоорганизованной материи, заключающееся в психическом отражении действительность, как осознанное бытие, субъективная реальность в противоположность объективной, как идеальное в противоположность материальному и в единстве с ним; в более узком смысле под сознанием имеют в виду высшую форму психического отражения, свойственную общественно развитому человеку, идеальную сторону целеполагающей трудовой деятельности» [5: 249]. В исследованиях А.Р.Лурия такое понимание сознания трактуется следующим образом: «Предметом познания, а следовательно, и предметом науки, являются не столько вещи сами по себе, сколько отношения вещей. Стакан может быть предметом физики, если анализу подвергаются свойства материала, из которого он сделан; он может быть предметом экономики, если берется ценность стакана, или предметом эстетики, если речь идет о его эстетических качествах. Вещи, следовательно, не только воспринимаются наглядно, но отражаются в их связях и отношениях. Следовательно, мы выходим за пределы непосредственного чувственного опыта и формируем отвлеченные понятия, позволяющие глубже проникать в сущность вещей» [3: 146–167].

При социологическом подходе сознание рассматривается, прежде всего, как духовная жизнь общества в совокупности всех её форм. В психологии

сознание трактуется как психическая деятельность, которая обеспечивает: обобщённое и целенаправленное отражение внешнего мира; выделение человеком себя из окружающей среды и противопоставление себя ей как субъекта объекту; целеполагающую деятельность, т. е. предварительное мысленное построение действий и предусмотрение их последствий; контроль и управление поведением личности, её способность отдавать себе отчёт в том, что происходит как в окружающем, так и в своём собственном духовном мире. Поскольку предмет сознания – не только внешний мир, но и сам субъект – носитель сознания, постольку одной из существенных составляющих сознания является самосознание.

Структурными компонентами этнокультурного сознания являются, с одной стороны, когнитивные категории (понятия, представления) и внекогнитивные (чувства, эмоции, воля и другие элементы), а с другой – элементы этнокультуры ценности, оценки, смысловые интерпретации и т. п. В философских источниках познание интерпретируется как категория мышления: «познание – процесс отражения и воспроизведения в мышлении действительности, в результате которого происходит накопление знания» [5: 146–167].

В философских и логических научных источниках знание определяется общим элементом в содержании трех когнитивных категорий: знание – совокупность результатов отражения и как таковое является содержанием и способом существования сознания; мышление – способ получения знания и сознание – соотнесение знаний с действительностью, одного знания с другим. «Знание как способ существования сознания закрепляется в языке, точнее, фиксируется и хранится при помощи языковых знаков в виде языкового знания» [5: 143–146]. Таким образом, если предметно-семиотическое знание служит содержанием и способом существования сознания вообще, то языковое знание есть содержание и способ существования языкового сознания, объективирующего, кроме всего прочего, и знание внутренних механизмов, связывающих концепты и речевые жанры.

Следовательно, необходимо различать следующие две взаимосвязанные ментальные сферы:

а) когнитивную ментальность, т. е. наглядно-образное отражение мира по схеме: предметно-образное мышление, способ отражения, способ познания – когнитивное сознание. Ее определяет продукт отражения и хранения социально-исторического опыта человечества в этнокультуре – когнитивное знание; содержанием и способом существования которого является предметное значение, т. е. форма существования представлений и образов;

б) языковую ментальность по Т.Р. Почепцову [4: 119], т. е. языковое представление действительности в преломлении соответствующих языковых категорий по схеме: языковое / речевое мышление: лингвосемиотический способ исследования познания – языковое сознание, способ вторичного отражения социально-исторического опыта, закреплён за языковыми формами и категориями, означающий – языковое знание, т. е. содержание и способ существования языкового сознания, – языковое значение формы выражения языкового знания. Специфической формой выражения языкового сознания является языковое значение, делятся на семемы и семы минимальные части значений которого. Языковые значения определяются своими оттенками. Направлениями, и компонентами, подразделяется на структурный, сигнификативный, прагматический и денотативный.

Понятие «языковое сознание» впервые введено в науку В. фон Гумбольдтом. Как подчеркивает ученый, язык в своих взаимозависимых связях есть создание народного языкового сознания [1: 396–397].

Указывая на эвристический «творческий» характер подчинения языка мышлению А.Р. Лурия отмечает важность владения человеком развитым языком: «С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта. Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качество, которые обозначаются словами» [3: 37–39].

Слово и его значения, предопределенные способами способы и формами сознания, – это особая когнитивно-семиологическая форма отражения действительности, благодаря которой человек может свободно существовать в этом двойном мире. Однако именно особые свойства языкового значения. Открывает для этого все возможности, не будучи отражением в гносеологическом смысле, в слове как «особой форме отражения» происходят кодирование и категоризация знания в знаковой символической форме, которые одновременно обогащают его совокупным социальным опытом, упорядочивают и организуют в тех или иных языковых формах.

В ходе категоризации мира языковое сознание осуществляет сложную аналитическую и синтетическую работу. Расчленяя при помощи языка предметно-опытные знания на элементы и устанавливая между ними определенные связи и отношения (сходства, тождества, различия, принадлежности), человек тем самым обогащает исходные когнитивные знания языковыми значениями (лексико-семантическими, грамматическими и лингвопрагматическими), формой выражения которых являются языковые значения. Языковые знаки, именуя познаваемые предметы, с одной стороны, вбирают и фиксируют в своих значениях обобщенный опыт когнитивного освоения действительности, а с другой – подвергают его «давлению системы» языка, вводя соответствующие знаки в уже сложившиеся языковые отношения – эпидигматические, или деривационно-смысловые [6: 78–85], семантические: полисемичные, антонимичные, синонимичные, гипонимические и другие парадигматические связи в семантическом поле, синтагматические и стилистические.

Таким образом, значение языкового знака нетождественно когнитивным структурам, поскольку, кроме предметно-понятийного ядра, содержит эпидигматическую и системно-языковую информацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М., 1985. – С. 396–397.
2. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3–16.
3. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 186 с.
4. Почепцов Т.Р. Коммуникативные технологии XX в. – Ваклер, 1999. – 234 с.
5. Философский энциклопедический словарь. – М.: Знание, 1983. – 314 с.
6. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику. – М., 1983.

АФФИКСАЦИИ В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

А.Р. Турсунов

Навоийский государственный горно-технологический университет (Навои)

Термин «нулевая аффиксация» не вскрывает природы изучаемого явления, ибо словообразовательные приемы, осуществляемые без участия аффиксов, многочисленны и неоднородны. Безаффиксальным может быть и словосложение, безаффиксальной является и обратная деривация, и аббревиация, безаффиксальным может быть и словообразование посредством чередования или мены ударения.

Ключевые слова: аффиксация, словообразование, ономазиология, семасиология, эволюция значений.

The term «zero affixation» does not reveal the nature of the phenomenon under study, because word-formation techniques implemented without the participation of affixes are numerous and heterogeneous. Word composition can be affix-free, reverse derivation and abbreviation can be affix-free, and word formation by means of alternation or change of stress can be affix-free.

Key words: affixation, word formation, onomasiology, semasiology, evolution of meanings.

На современном этапе развития в Узбекской ССР науки и техники в народном хозяйстве возникают все новые и новые отрасли, вследствие чего в узбекском языке под воздействием этих и других экстралингвистических факторов в соответствии с законами языкового развития, на почве внутренних и внешних языковых возможностей, узбекская терминология постепенно развивается и совершенствуется. За годы Советской власти в узбекском языке, как и в других национальных языках, появилось большое количество терминов. В 1989 году в УзССР был принят закон о придании узбекскому языку статуса государственного языка. Это не только повысило авторитет языка, но в большой мере возрос к нему интерес, в частности к вопросам терминологии, ибо узбекский язык наряду с другими развитыми языками мира обладает своими ценными уникальными терминологическими системами, процесс совершенствования которых продолжается.

Образование терминов непосредственно связано со словообразованием. В узбекском языкознании до сих пор не нашел разрешения ряд вопросов, связанных со словообразованием, в частности с образованием терминов. Само выделение в особую область науки дискуссий по вопросу словообразования в узбекском языкознании свидетельствует о степени недостаточной изученности этой проблемы.

В процессе развития узбекского языка в советский период отдельные словообразующие аффиксы утратили свою функцию, т. е. стали непродуктивными, а некоторые из них, наоборот, активизировались и стали очень продуктивными.

Заемствованные из арабского и персидско-таджикского языков (в составе заимствуемых слов) отдельные аффиксы приобрели способность образовать новые слова, т. е. превратились в продуктивные аффиксы. Это явление наблюдается и в терминологии узбекского языка. В связи с этим представляется

крайне важным выявление таких аффиксов, условий их превращения в продуктивные или непродуктивные терминообразующие элементы, причин этого, возможностей образования терминов такими аффиксами. Этим и определяется актуальность избранной для диссертационной работы темы.

Из этого перечисления также видно, что понятие безаффиксальное словообразование в самом узком смысле – как словопроизводство (т. е. частный случай словообразования, противопоставленный как «производство» с помощью служебных элементов сложения и всем прочим видам фонологического преобразования), причем словопроизводство осуществляемое без участия какого бы то ни было деривационного аффикса. Это ограничение позволяет противопоставить безаффиксальное словопроизводство обратной деривации, которая протекает при усечении деривационных элементов. В то же время приведенное определение не позволяет смешивать изучаемый прием с более широким явлением усечения, которое может иметь место и при безаффиксальном словопроизводстве, но может характеризовать и другие разновидности словообразования.

Трактовка безаффиксального словообразования у разных исследователей и особенно в разных языках неоднозначна и порой полярна. Во всяком случае, как указанный термин, так и термины «нулевое словообразование» или «словообразование с помощью нулевой аффиксации» а также «конверсия» применяются нередко по отношению к явлениям, демонстрирующим принципиальное сходство. И все же, как показывают сами термины, применение их связано с подчеркиванием разных сторон и разных признаков рассматриваемого явления [4: 75–76].

Используя термин «нулевая аффиксация» указывают нередко на то, что «термин «безаффиксальный способ» ... дает лишь негативную характеристику данного способа словообразования и не отвечает на вопрос, какими средствами выражается при этом способе словообразовательное значение, каковы специфика этого способа по сравнению с другими способами, для которых также характерно отсутствие аффикса» [6: 76].

По существу, однако, и термин «нулевая аффиксация» информативен не многим больше. Хотя, казалось бы, он свидетельствует о том, что в структуре производного содержится нулевой деривационный показатель, разносильный по своей значимости материально выраженному показателю в основах другого типа и отражает тот факт, что «обозначаемое представлено в синтагме, но выражено нулем» [3: 8]. Не несущим никакой позитивной информации оказывается в конечном итоге понятие «нулевой деривационный аффикс». С одной стороны, ему надлежит приписать столько разных значений, сколько в языке оказывается разных моделей изучаемого типа.

Применение термина «нулевое словообразование» кажется нам нецелесообразным и потому, что он наводит на неправильное представление о том, что нуль может являться средством словообразования, в то время как подобная нулевая морфема – нечто иное, как следствие уже произошедшего специфического словообразовательного акта, его рефлекс и отражение. Характеризуя безаффиксальное словопроизводство, нельзя представить его как происходящее в ходе прибавления я нулевого элемента, ибо суть процесса заключается не в расширении и не в суждении основы, а в ее переосмыслении, которое не случайно часто именуется конверсией, т. е. «превращением». Описание

с помощью нулевых аффиксов не только не всегда «удобно», – иногда оно просто невозможно.

Первопричиной словообразования всегда служит потребность в новом названии. Следуя этому пониманию деривации, можно было бы признать, что сущность безаффиксального словопроизводства заключена, действительно, в конверсии или транспозиции – переводе из одной категории в другую представлении признака как предмета, процесса как состояния, предмета – как действия и т. д., иначе говоря, «повороте» основы и ее рассмотрении под новым углом зрения. С семантической точки зрения, безусловно, оба указанных термина более адекватно, указывают на суть происходящего процесса и его природу. И все же и они не отражают специфики используемого в этих целях словообразовательного средства.

Разумеется, и транспозиция, и конверсия могут быть поняты в чисто процессуальном смысле, для обозначения перевода из одной части речи или перехода из одной категории в другую. Но оба этих термина имеют настолько широкое значение, что использовать их для наименования словообразовательных процессов со вполне определенными формальными свойствами иногда становится нецелесообразным. Так, транспозиция знаков описывается применительно к самым разным уровням языка [1: 130] или ею называют не только изменение принадлежности слова к определенной части речи, но и принадлежности к определенному лексическому разряду. В таком понимании транспозиция отождествляется с любым процессом деривации. Но даже если не придерживаться подобного расширительного истолкования транспозиции, понимая под ней в словообразовании исключительно перевод слов из одной грамматической категории в другую, нельзя не признать, что обычным способом осуществления транспозиции оказывается суффиксация [2: 49]. Из этого ясно следует, что понятия «транспозиция» и «аффиксация» не только не могут рассматриваться как взаимоисключающие, но, напротив, предполагают взаимодополняющее описание одних в тех же явлениях с разных точек зрения. Тем более неуместно рассматривать транспозицию как словообразовательное средство; транспозиция – это особая форма переосмысления знака.

Соотношение понятий «транспозиция» и «конверсия» оказывается более сложным, но в конечном итоге конверсию можно рассматривать как морфологическую трансформацию, имеющие словообразовательный характер [4: 75]. придавая термину «конверсия» указанный смысл, мы, однако, оставляем пока без ответа вопрос о том, каково соотношение понятий конверсия и «безаффиксальное словопроизводство» и что служит в них словообразовательным средством.

Формулировка А.И.Смирницкого о том, что «специфическим для конверсии является не вообще использование парадигмы как средства словообразования, а использование ее как единственного средства, без каких – либо иных, специально словообразовательных средств» [8: 166], могла быть и была неправильно понятой в том смысле, что средством словообразования предлагали считать набор словоизменяемых флексий или всех грамматических показателей «производной» части речи.

А.И.Смирницкий обратил должное внимание на особую роль парадигмы в возникновении отношений по конверсии на то, что определение конверсии через изменение парадигмы исходного слова [9: 17, 21] находит истоки именно в его теории.

В принципе можно предусмотреть возможность существования следующих типов словообразовательных корреляций при безаффиксальном словопроизводстве:

1) и в мотивирующее, и в мотивированном словах основа выступает в окружении какого-либо морфологического показателя, который может быть либо не нулевой флексией или окончанием, либо формообразующей морфемой. Иначе говоря, оба члена словообразовательной корреляции характеризуются «выразительными» структурами «основа + морфологический показатель»; это модель типа русск. *золот -о – золот-ой*;

2) в мотивирующем слове основа выступает в окружении материально выраженного морфологического показателя, в мотивированном – в окружении нулевой морфемы; это модель типа русск. *син-ий – синь*;

3) в мотивирующем слове основа выступает в окружении нулевой морфемы, т. е. слово характеризуется структурой, тождественной чистой основе, а в мотивированном слове – в окружении материально выраженного морфологического показателя; это модель типа *сунруг – сунруг-а*.

Конверсия другими авторами истолковывается по-иному принципами. Например, у Л.А. Новикова «конверсия выражает отношения субъекта и объекта в исходном и производном высказываниях. Например: Профессор читает лекцию и Лекция читается профессором [7: 63]. в языках флективного строя конверсия получает свое значение именно от этого строя [7: 63].

В языках агглютинативного строя конверсия осуществляется по другим лингвистическим принципам. Конверсия в современном узбекском языке, как показали исследования, переосмысливается с семантической точки зрения и переход из одной части речи в другую осуществляется в безаффиксальном порядке. Особенности конверсии или транспозиции зависят от безаффиксального словопроизводства.

Субстантивация в современном узбекском языке приводит к возникновению омонимов. Например:

Йигирма 1 – двадцать.

Йигирма 11 – (этн.) поминки на семнадцатый или девятнадцатый день после смерти.

Яхши 1 – хороший; добрый; славный (прил.).

Яхши 11 – хорошо, добро (нар.).

Бало 1 – беда, бедствие, несчастье; бич; напасть.

Бало 11 – разг. ловкий, умелый [10].

В современном узбекском языке прилагательные и наречия не имеют в конце слова морфологического показателя. Например, *яхши* (прил.) – *яхши* (наречие). Только мы их определяем в контекстуальных ситуациях, т. е. в актуализации речи. Безаффиксальный принцип словообразования или другой грамматический показатель имеет разные структурно-семантические и ономазиологические характеристики. Мы не можем проанализировать Е. конверсию или транспозицию в одном направлении и русле как безаффиксальное происхождение. Они не только не имеют разные уточнения в зависимости от строя языка или происхождения, но даже испытывают праязыковое влияние. Следовательно, они имеют праязыковые корни в современных тюркских языках как алтайские языковые принципы, а в языках флективного строя испытывают индоевропейские праязыковые влияния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
2. Дюрович Л. Относительные прилагательные в славянских языках // The Slavic Word. The Hague, 1972. – С. 189–214.
3. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. – М., 1973. – 304 с.
4. Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 64–76.
5. Лихтман Р.И. Существует ли безаффиксный способ словообразования в русском языке// Вопросы языкознания. – 1968. – № 2.
6. Лопатин В.В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования// Вопросы языкознания. – 1966. – № 1. – С. 76–88.
7. Новиков Л.А. Современный русский язык. – М., 1987. – 159 с.
8. Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1955. – 317 с.
9. Смирницкий А.И. Объективность существования языка: Материалы к курсам языкознания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. – 34 с.
10. Узбекско-русский словарь. – Ташкент: Узбекской сов. энцикл., 1988.

УДК 812

АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННЫХ РЕМЕСЛЕННЫХ ТЕРМИНОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Ш. Умарова

Джизахский государственный педагогический институт (Джизак)

Терминологическая лексика как часть словарного состава языка обладает целым рядом интересных свойств. Именно в терминологической лексике наиболее четко проявляется действие словесной образовательной системы языка. Таким образом, исследование терминологической лексики последних отраслей не должно выходить за рамки интересов языковедов. Терминология золотошвейного производства является составной частью профессиональной лексики современного узбекского языка, заключающей в себе неисчерпаемое богатство языковых средств, накопленных на протяжении многих столетий в процессе трудовой деятельности. **Ключевые слова:** терминология, структурно-семантический анализ, золотое шитье, тюбетейка, сюзане, ремесло, халаты, сувениры, орнамент, узор, чизмачи, уста, тунчилик.

Terminological vocabulary as part of the vocabulary of the language has a number of interesting properties. It is in the terminological vocabulary that the action of the verbal educational system of the language is most clearly manifested. Thus, the study of the terminological vocabulary of the latest industries should not go beyond the interests of linguists. The terminology of gold embroidery production is an integral part of the professional vocabulary of the modern Uzbek language, containing an inexhaustible wealth of linguistic means accumulated over many centuries in the process of labor activity.

Keywords: terminology, structural and semantic analysis, gold embroidery, skullcap, suzani, craft, robes, souvenirs, ornament, pattern, chizmachi, usta, tunchilik.

Исследование этимологии ремесленной лексики необходимо для её полноценного лексикографического описания. Основной задачей данной главы

магистерской диссертации является классификация ремесленной лексики по особенностям их функционирования в русском и узбекском языках. Результаты анализа показывают, что изученная нами ремесленная лексика по территориальному происхождению неоднородна, и поэтому по своему составу может быть классифицирована по двум параметрам:

1) по территориальному (она включает как общенародные, так и диалектные единицы);

2) по сфере употребления (слова могут быть известны всем носителям языка или только мастерам, занимающимся ремеслом, то есть являться общераспространёнными или терминологическими).

Мы по ходу написания работы последовательно обнаружили природу каждой тематической подгруппы: наименование деятеля, общее наименование деятельности, конкретные действия, совершаемые при создании изделия, наименование изделия, частей изделия, материала, из которого выполняется изделие, а также инструментов и подручных материалов, используемых при создании изделия. В целом, соотношение между общенародными и диалектными единицами составляет 60% к 40%, и преобладает терминологическая лексика [1; 3; 5].

Для анализа этимологии терминов узбекского ремесленничества изучили ряд исследований по истории этнографии и ремесленничества Узбекистана, в том числе научные работы по ремесленной терминологии.

Показывают различия, но эти различия проявляются непоследовательно. Наше исследование поможет внести больше ясности в вопрос территориальных различий указанных областей. Вышеуказанные исследователи составили программу для сбора сведений, собрали огромный лексический материал.

В статье мы расшифровали и классифицировали их по тематическим группам, определили в некоторой степени универсальные тематические подгруппы по значению, полученные слова и словосочетания и сопоставили с рядом нормативных и диалектных лексикографических источников, что позволило выявить этимологию этих терминов, их распространение, а также проанализировать общенародный и региональный компоненты.

Изученный нами лексический материал был классифицирован по трём тематическим группам: лексика валяльного дела, лексика плотнического и столярного дела, лексика обработки волокна, прядения и ткачества. Лексика плотнического и столярного дела объединяется в единую группу в связи с общностью инструментов и процессов, совершаемых столярами и плотниками, лексика прядения и ткачества также рассматривается совместно, поскольку ткачество в регионе в большинстве случаев являлось неразрывным продолжением прядения.

Исключение составляло лишь прядение шерсти, из которой различные конечные изделия изготавливались вязанием. Обработка волокна причисляется к прядению и ткачеству, потому что, кроме того что является неразрывным процессом создания ткани, представляет собой набор специальных действий, которые совершаются только для подготовки волокна. С одной стороны, известно, что обработка волокна с момента его сбора является практически безотходным производством: из колосьев получают зерно или масло, из остатков волокон – паклю, с другой стороны, информанты начинают рассказ о прядении и ткачестве со сбора и первичной обработки волокна. В пределах каждой тематической группы материал был разделён на семь подгрупп в соответствии

с общими элементами в значении: обозначения для деятеля, общего названия деятельности, изделия, частей изделия, материала, конкретных действий, совершаемых при создании изделия, инструментов и подручных материалов, необходимых для создания изделия. принципах обобщения, с одной стороны, а с другой, представляет собой попытку охватить все особенности употребления указанной лексики.

За более чем сто лет исследования ремесленной лексики были исследованы самые разные области ремесленной и промысловой лексики, например, терминология выращивания и обработки волокна, прядения и ткачества: лексика коноплеводства, лексика крестьянского текстильного производства, лексика обработки льна, прядения и ткачества лексика льноводства, терминология ткачества и домашнего печения, профессиональная лексика плотников, лексика рыболовства, охотничьего промысла, пчеловодства, плотницкого, кузнечного, валяльного дел и лексика, терминология заготовки дерева: терминология заготовки и сплава дров, термины вышивания в русских диалектах, терминология русской иконописи, кожевенного промыслов и производства, терминология гончарства лексика саннотележного промысла кустарные промыслы, терминология плетельщиков.

Проанализированный материал позволяет сделать предварительные выводы о распространённости и особенностях функционирования лексических единиц, входящих в состав ремесленной лексики. Единицы ремесленной лексики непоследовательно фиксируются в лексикографических источниках, и возможной причиной этому может быть именно неопределённость их статуса. В результате проведённого исследования была предложена классификация лексических единиц с точки зрения их распространённости в русском языке с учётом территориальных и социальных ограничений в функционирования [2; 3; 4].

Классификация получилась двухуровневой, поскольку все слова, входящие в состав ремесленной лексики, являются или диалектными, или общенародными, то есть известны или на всей территории России, или территориально обусловлены, и вне зависимости от того, являются ли анализируемые слова общенародными или диалектными, они могут быть известны всем носителям говора или только мастерам, занимающимся ремеслом, когда можно говорить об их общераспространённом или терминологическом характере. Выводы относительно принадлежности того или иного слова к диалектным или общенародным словам, а также о его характере делаются на основании данных сопоставляемых источников с учётом наблюдений за функционированием лексических единиц в говоре.

Среди наименований конкретных действий, совершаемых при создании изделия, необходимо присутствуют лексические единицы, обозначающие общие процессы, например, сушить, мочить и прочие. Эти слова также относятся к общераспространённым, так как обозначают действия, которые производятся не только в рамках этого ремесла. Многие региональные диалектные словари не включают всего объёма ремесленной лексики из-за общенародного характера многих значений (напр., слово пилá в значении 'инструмент для пиления'), но ограничиться данными многочисленных работ по ремесленной лексике мы не можем по ряду причин: по лексике некоторых ремёсел существует большое количество работ, но они слишком локально ориентированы, и на их основании невозможно провести лингвогеографический анализ [4: 23–46].

В тематической группе «Лексика валяльного дела» количество слов той и другой категории практически равно. Специфика сопоставления ремесленной лексики нескольких тематических групп необходимо затрагивает историю и особенности распространения самих ремёсел, то есть насколько общераспространённым или узкоспециальным ремесло было, насколько оно развито в настоящее время. В данной статье мы вкратце рассмотрели противопоставления с учётом специфики каждого ремесла. Валяльное дело исторически является наиболее узкоспециальным ремеслом из рассматриваемых: им всегда занималось и занимается ограниченное число людей, в отличие от прядения и ткачества, которое до первой трети XX столетия составляло обязательное умение любой деревенской женщины, а в настоящее время это мастерство уходит в прошлое.

Начало формирования узбекской ремесленной лексики относится ко времени появления ремёсел, однако временем официального рождения общенациональной терминологии считается первая треть XVIII века. Крупными центрами ремесел, промыслов и мастеровых дел узбеков были города Самарканд, Бухара, Ташкент, Хива, Маргелан, Коканд, которые определялись по трем параметрам [2; 3].

1) по оценке историков, краеведов, путешественников, которые являлись современниками исследуемого периода:

2) по статистическо-экономическим показателям, относящимся к периоду с 1866 г. по 1917 г; 3) по историко-этнографическим источникам, собранным исследователями при полевых научных изысканиях торговое и промышленное значение вышеуказанных городов в развитии ремесленного производства., дана оценка состояния и перспективы развития производительных сил, отмечено их значение в качестве центра многих производств, в том числе и деревообработки, столь необходимых для удовлетворения местных и региональных среднеазиатских потребностей, описана местная промышленность [1: 23–25].

Мы нашли сведения об истории происхождения терминов, употребляемых в ремеслах Хорасана, Мавераннахра. Исторически сложилось так, что важным элементом фиксации понятий о ремесле было количественное превосходство ремесла [2: 16].

Согласно архивному материалу, относящемуся к 1870 году, в городах Средней Азии по количеству преобладали плотники и столяры, гончарные мастера, ковроделы. При определении отраслей и специальностей ремесел и промыслов узбеков мы применили способ классификации, разработанный Н.О. Турсуновым. Виды занятий, связанные с обработкой дерева, группированы по их месту и значению, которые они имели в отраслях экономики и культуры. Для примера приведем классификацию отрасли обработки дерева [4: 34–78].

По технике изготовления средств передвижения появились термин «аробакаш», «чилангар», при возведении сезонных и временных жилищ появились слова «кала», «чайла» и летней кухни «ошхона» и навеса – «шийпон». Важными предметами быта, изготовливавшимися в домашних условиях, являлись деревянные кровати – «кат», ящики в виде сундуков – «сандик», предметы кухонной утвари – «тахтакаш», «тирак», «ўгур», «ўгурча» и др. В хозяйствах, имевших натуральный характер, выделяли рукоять для мотыг и лопат, плели корзины и носилки и т. п. При возведении жилища и общественных, монументальных строений согласно традиций сейсмостойкого строительства в жилых

строениях мастера применяли комбинацию стен из двойного и одинарного деревянного каркаса, называвшуюся «синч». При определении социального положения, в системе производственных отношений между работниками старшим мастером появились термины «уста» и «шогирд». При церемонии посвящения – перехода ученика в положение подмастерье, термин «фотиха» [4: 34–78].

Таким образом, ремесла и промыслы в Средней Азии были многоотраслевыми сферами трудовой и творческой деятельности горожан, в них было занято большое количество ремесленников, обладавших разными уровнями профессионализма, квалификации и образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асомиддинова М. «Кийим-кечак номлари». – Ташкент, 1981.
2. Бакаева Ж. «Терминология золотошвейного производства Бухары и Гиждувана»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1971.
3. Дадахонова Т. Ўзбек тилида чеварчилик лексикаси. – Ташкент, 1963.
4. Исмаилов С. Профессиональная лексика Ферганских говоров. – Ташкент, 1958.
5. Турсунова Т. Ўзбек тили амалий санъат лексикаси. – Ташкент, 1978.

УДК 811'37

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «КОРИЧНЕВЫЙ» В РУССКОЙ И КАЗАХСКОЙ ЛИНГВОЦВЕТОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

К.Т. Утегенова, Т.М. Даришева

Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова (Уральск)

Авторами рассмотрены особенности вербализации концепта-колоратива «коричневый» в русской и казахской лингвокультуре. Определено, что в концептуализации цветообозначений в русской и казахской цветовой картине мира имеются как сходства, так и различия. На основе предпринятого сравнительно-сопоставительного анализа подведены выводы о том, что анализируемый концепт содержит в себе культурный опыт этноса как результат многовекового формирования его мировидения и менталитета. Выводы подтверждены проведенным анализом словарных статей, паремических единиц, поэтических произведений и психолингвистическим экспериментом. В настоящей статье отражены только результаты свободного ассоциативного психолингвистического эксперимента.

Ключевые слова: концепт-колоратив, лингвоцветовая картина мира, сравнительно-сопоставительный анализ, психолингвистический эксперимент.

The author examines the features of verbalization of the concept-colorative “brown” in Russian and Kazakh linguoculture. It is determined that in the conceptualization of color designations in the Russian and Kazakh color picture of the world there are both similarities and differences. Based on the undertaken comparative analysis, conclusions are drawn that the analyzed concept contains the cultural experience of the ethnic group as a result of centuries-old formation of its worldview and mentality. The conclusions are confirmed by the conducted analysis of dictionary entries, paremic units, poetic works and a psycholinguistic experiment. This article reflects only the results of a free associative psycholinguistic experiment.

Key words: concept-colorative, linguocolor picture of the world, comparative analysis, psycholinguistic experiment.

Межкультурная коммуникация и диалог культур – явление настоящей действительности, исторический факт современных цивилизационных процессов, при котором происходит, в том числе, и обмен этнокультурными ценностями. Концепты-колоративы, являясь базовыми концептами этноса, передают представления народа об окружающем мире и его мышление, традиционные ценности и менталитет, вербализуемые в языке определенные стереотипы и символы.

Сопоставление концептов-колоративов в неродственных языках, при котором их носители исторически и геополитически проживают в тесном контакте, имеет прикладную значимость, так как вносят большой вклад в установлении межкультурной коммуникации.

Содержанию и функционированию концептов-колоративов посвящено достаточно большое количество как теоретических, так и прикладных исследований, в которых рассмотрены их этноспецифические особенности и в близкородственных, и в разноразличных языках. Однако исследование концепта «коричневый / қоңыр» в том аспекте, который рассматривается нами, осталось за пределами внимания лингвистов.

Исследования цветообозначений в русской лингвокультуре представлены в трудах Н.Б. Бахиловой (1975), Р.М. Фрумкиной (1984), Е.В. Рахиловой (2000), В.Г. Кульпиной (2007), А.П. Василевича (2016) и др.; в тюркских языках – Ж.У. Калимовой (1992), Ш.К. Жаркынбековой (1994, 2004), Р.Р. Закирова (2003), М.Б. Айтмагамбетовой (2015), М.Н. Ганиходжаевой (2017), Л.Л. Габышевой (2019), М. Абжапаровой (2021) и др.

Среди методов исследования концептов-колоративов авторы выделяют такие аспекты его изучения, как сравнительно-сопоставительный, эволютивно-функциональный, психолингвистический, концептуальный и др.

Учеными-лингвистами проведено значительное количество сопоставительных исследований на базе двух и более языков, к примеру, Н.С. Братчиковой – в финском и русском языках [1], Т.Ю. Светличной – в английском и русском языках [3], К.А. Соколовой – в испанском, французском и итальянском языках [4].

А. П. Василевич исследована языковая картина мира цвета, показана универсальность применения психолингвистического подхода в сравнительно-сопоставительном анализе языков разных этнокультур, при котором выявляется специфика мировосприятия и мировидения носителями этнокультуры окружающей действительности [2].

Психолингвистический подход к изучению концептов-колоративов рассмотрен Р. М. Фрумкиной [6]. Ученым исследованы семантические отношения в группе концептов-колоративов через психическую деятельность личности, связанной с представлениями индивидуума о действительности в смысловой структуре языка. Экспериментальное исследование смысловых отношений цвета приводится [6: 32-69] позволили автору прийти к выводам о том, что «эксперимент по свободной классификации представляет собой методику, которая может с успехом применяться для исследования субъективной семантики» [6: 70].

Проведенное нами исследование в рамках сравнительного анализа концепта-колоратива «коричневый/ қоңыр» позволило выявить лингвокультурные традиции у разных этносов и определить функциональную значимость цвета у русского и казахского народов.

Цель эксперимента – выявление содержания концептов-колоративов *коричневый / қоңыр* в сознании современных носителей русского и казахского языков. Нельзя не согласиться с точкой зрения И. А. Стернина, что «...лексикографическое значение в большинстве случаев оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи. Оно всегда оказывается по объему меньше реального значения существующего в сознании носителей языка» [5: 172].

Для проведения исследования были подобраны две группы лиц казахской и русской национальности: жители города Уральска со высшим и средне-специальным образованием, средний возраст которых составил 40–45 лет; гендерный признак во внимание не принимался. Всего в эксперименте приняло участие 100 информантов, по 50 человек носителей русского и казахского языков. Материалом исследования послужили реакции информантов, полученных в процессе проведения свободного ассоциативного психолингвистического эксперимента (далее: САЭ).

Информантам было предложено дать моментальную ответную реакцию на слова-колоративы (стимулы) «*коричневый / қоңыр*». Реакцией могли быть слова любой части речи, моментально пришедшие на ум, что позволило выявить неосознаваемые ассоциации на слово-стимул.

Полученные в результате САЭ данные позволили выявить ядерную (частотные ассоциаты с индексом яркости более чем в одну единицу) и периферийные (ближняя периферия с индексом яркости в пределах 0,5–0,99; дальняя периферия – 0,1–0,49) зоны концепта-колоратива.

Результаты выявленных ассоциатов на слово-стимул *коричневый* и их количество в ходе проведения САЭ отражены на рис. 1.

Рис. 1. Ассоциативное поле концепта-колоратива *коричневый* по данным САЭ

Выявлено 75 ассоциатов: первая зона – перцептивная (50 ед.); вторая – когнитивная (10 ед.); третья – интерпретационная (15 ед.). Ядро концепта *коричневый* представлено 14 ассоциатами перцептивной природы и одним компонентом из интерпретационной зоны (*чума*). Все они в той или иной степени содержат сему коричневого цвета, и все они называют предметы, объекты или явления реального мира. В группу ассоциатов ближней зоны вошли 8 компонентов перцептивного типа и по одному из когнитивного (*ветхий*) и интерпре-

тационного (*сахар*) поля. Все остальные 50 компонентов составили периферию и распределились по полям следующим образом: перцептивные – 28 ед.; когнитивные – 9 ед.; интерпретационные – 13 ед. В целом семантика ассоциатов либо нейтральная (напр., *волосы, кофе* и др.), либо негативная (искл.: *надёжный*). Ассоциативное поле концепта-колоратива «*коричневый*» составили преимущественно предметные, конкретные ассоциаты, а интерпретационное – оценочные качественные прилагательные негативной коннотации. Таким образом, можно прийти к выводу, что актуализация концепта-колоратива в реакциях информантов более конкретная, предметная, нейтральная, слабоэмоциональная.

Результаты САЭ с концептом-колоративом *қоңыр* отражены на рис. 2.

Рис. 2. Ассоциативное поле концепта-колоратива *қоңыр* по данным САЭ

Выявлено 57 ассоциатов: в перцептивной зоне – 23; в когнитивной – 22, в интерпретационной – 12. Ядро ассоциативного поля *қоңыр* составил 21 компонент, в т. ч. перцептивной природы – 8 ед., когнитивной – 9 ед., интерпретационной – 4 ед. Сегмент перцептивных ассоциатов составляют лексемы зрительного восприятия. В интерпретационный сегмент вошли лексемы – части устойчивых сочетаний или сами такие сочетания этнонимического характера: *інір* / сумерки, прохлада, *кеш* / бархатный вечер, *қоңырқай көз* / бархатные глаза, *қоңырқай үй* / ничем не примечательный дом. Ближняя зона представлена 7-ю ассоциатами перцептивной природы (*аюлар* / медведи, *батпақ* / трясины, *қоңыр нан* / цвет хлеба, *шыбық* / ветка и др.), четырьмя – когнитивной (*өлең* / песня, ср.: *қоңыр ән* / приятная нежная мелодия; *қоңыр дауыс* / баритон, приятный низковатый голос, *ұсқынсыз* / некрасивый, неприятный, *салқын* / прохлада) и одним – интерпретационной (*табиғат* / природа). В периферийной зоне оказались 24 ассоциата: перцептивных – 7 ед.; когнитивных – 9 ед., интерпретационных – 7 ед. Особенностью является и то, что когнитивные компоненты активно присутствуют во всех трёх зонах.

Итак, структура концепта *қоңыр* в зависимости от принадлежности слов-ассоциатов представлена таким образом, что число перцептивного типа немногим превышает число таких единиц когнитивного типа, что может свидетельствовать о том, что концепт вначале формируется на перцептивном уровне, превращаясь впоследствии в устойчивые образы на уровне сознания. Такие

компоненты в своём большинстве либо нейтральны (*байыптылық* / серьёзность, *басы* / начало, *мәңгілік* / вечность, *өмір* / жизнь и др.), либо содержат позитивную оценку: *жеңіл* / лёгкий, *қауіпсіздік* / безопасность, *қорғау* / защита, *сабырлық* / спокойствие и др.; негативность вербализована в таких компонентах, как *ауыр* / тяжесть, *тозған* / ветхий и др., причем большинство из них выражены абстрактными именами существительными.

Из анализируемого материала можно прийти к выводу о том, что в сознании современных носителей казахского языка живы устойчивые сочетания этнонимического типа, в которых колоратив *қоңыр* символизирует равновесие, красоту окружающего мира (*інір* «сумерки», *қоңырқай көз* «бархатные глаза», *салқын* «прохлада»); ассоциируется с казахским национальным музыкальным искусством (*ішек* «струна», *қоңыр дауыс* «бархатный голос», *қоңырауғұл* «коллкольчик», *күй* «мелодия», *өлең* «песня»).

Выявлено, что респонденты-казахи больше ассоциируют этот цвет с отвлечёнными понятиями, чем с конкретными. Ассоциаты когнитивного плана в группе информантов русской национальности малочисленны и, как правило, это имена прилагательные, содержащие негативную оценочность. Когнитивная составляющая в ассоциатах *қоңыр* включает такие общепсихологические, социально-этические понятия и категории, как жизнь, вечность, мир, гармония, природа, покой, постоянство, безопасность, спокойствие. Ярко представлена и национальная составляющая, что совершенно несвойственно для информантов русской национальности по отношению к концепту-колоративу «коричневый».

Результаты, полученные в ходе САЭ позволяют прийти к выводу о том, что в сознании носителей русского и казахского языков имеются как сходства, так и различия в вербализации концепта-колоратива *коричневый* / *қоңыр*. Реакции-ассоциаты информантов-казахов различаются незначительно, что может быть свидетельством сформированности у носителей казахского языка в течение длительного времени определённых устойчивых и этносодержательных образов, связанных с функционированием концепта-колоратива *қоңыр* в казахском языке. Для русских же, как отмечалось выше, колоратив *коричневый* не этнопriorитетен. Активное включение в ассоциативное поле концепта *қоңыр* когнитивных и интерпретационных образов может быть объясняется тем, что в языковом сознании казахов он является полноценным и объёмным концептом, имеющим этнокультурологическое содержание. Вместе с тем отмечают и некоторые общие ассоциаты в русском и казахском языковом сознании, напр., *дерево, земля, кофе, грязь* и др.; все они перцептивной природы и непосредственно связаны с цветом концепта-колоратива.

Сравнительно-сопоставительный анализ концептов-колоративов *коричневый* / *қоңыр* и их вербализации в русском и казахском языках позволил выявить ряд общих и специфических черт. Общим является номинирование объектов окружающей действительности через цветовую характеристику; отличие заключается в особенностях цветового восприятия русского и казахского этносов, их национального миропознания. Проведённый психолингвистический эксперимент позволил подтвердить наличие, с одной стороны, его универсальности, с другой стороны, амбивалентности, связанной с этническим своеобразием мировидения. Данные САЭ открывают перспективы для дальнейшего изучения и сопоставления цветовой картины мира в русской и казахской лингвокультурах и способствуют реализации целей межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братчикова Н.С. Цветовая картина мира в финском и русском языковом сознании: дис. д-ра филол. наук. – М.: МГУ, 2006. – 349 с.
2. Василевич А. П. Языковая картина мира цвета. Методы исследования и прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ин-т языкознания РАН. – М., 2003. – 95 с.
3. Светличная Т.Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках: монография. – Пятигорск: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2003. – 210 с.
4. Соколова К.А. Структурно-семантические особенности фразеологизмов с цветовым компонентом в западно-романских языках (на материале испанского, французского и итальянского языков): дис. ... канд. филол. наук. – СПб: СПбГУ, 2016. – 247 с.
5. Стернин И. А. Значение в языковом сознании: специфика описания // Вопросы психолингвистики. – 2006 – № 4. – С. 171–179.
6. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. – М.: Наука, 1984. – 177 с.

УДК 811.512.145

ТАТАРСКИЕ ОЙКОНИМЫ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на материале Янбаевских метрических записей о браках)

Г.Ч. Файзуллина

Тюменский государственный университет (Тобольск)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 23-28-00838 «Мусульманские метрические записи Тобольской губернии XIX – начала XX вв. в историко-лингвистическом аспекте».

Статья посвящена исследованию татарских ойконимов Тобольской губернии в историко-лингвистическом аспекте. Материалом исследования являются Янбаевские мусульманские метрические записи о браках за 18 лет: 1835, 1836, 1839, 1840, 1842, 1845, 1853, 1855, 1857, 1859, 1861, 1862, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1907. Автор отмечает, что в источнике использовались татарские варианты официальных названий на русском языке – *Кечек Казкарэ, Олуг Казкара, Турай, Шабабин, Янбай*, при этом имело место функционирование устных вариантов: *Индра́й, Я́на авыл*.

Ключевые слова: Тобольская губерния, Янбаевские юрты, ойконим, мусульманские метрические книги, брак.

The article is devoted to the study of Tatar oikonyms of the Tobolsk province in the historical and linguistic aspect. The material of the study is the Yanbai Muslim metric records of marriages for 18 years: 1835, 1836, 1839, 1840, 1842, 1845, 1853, 1855, 1857, 1859, 1861, 1862, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1907. The author notes that the source used Tatar versions of official names in Russian – *Kechek Kazkar, Olug Kazkara, Turai, Shababin, Yanbai*, while there was a functioning of oral variants: *Indrai, Yana avyl*.

Key words: Tobolsk province, Yambaev yurts, oikonym, Muslim metric books, marriage.

Метрические книги Тобольской губернии являются едва ли не единственными дореволюционными письменными источниками, в которых зафиксировано написание местных ойконимов на татарском языке. Исследователи при изучении ойконимии сибирских татар используют, как правило, русскоязычные источники – архивные документы, карты, списки населенных мест, записи путешественников (в том числе переводы иностранных текстов). Новизна исследования видится в привлечении не только нового материала, но в актуализации и введении в научный оборот ойконимов Тобольской губернии на татарском языке, функционировавших в XIX – начале XX в.

Материалом исследования выступают метрические записи Янбаевских юрт Тобольской губернии XIX – начала XX в., собранные в российских архивах и музеях [3]. Сохранились записи за 18 лет: 1835, 1836, 1839, 1840, 1842, 1845, 1853, 1855, 1857, 1859, 1861, 1862, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1907. Янбаевские юрты (ныне с. Ембаево Тюменской области, татар. Олы Малцын) являлись одним из самых больших селений татарских волостей. Ямбаево считалось культурно-религиозным и просветительским центром среди мусульманского населения. Согласно данным за 1868 год в Ембаевских юртах проживало 879 жителей (440 мужского пола и 439 женского), для сравнения в Тураевских – 689, Больше-Акиярских – 660, Карбанских – 490, Варваринских – 429, Матмасовских – 372 [2].

Предмет нашего исследования составляют ойконимы, зафиксированные в графе о брачующихся, в историко-лингвистическом аспекте. Кроме того, анализируемый материал позволяет рассмотреть особенности брачных отношений между тюркоязычными жителями Российской империи. В метрических записях имеются указания на сословия жителей: ясачный, лашман, казак, служилый. Основная масса жителей Янбаевских юрт причисляла себя к бухарскому населению. Бухарцы – особая этносословная группа, объединяющая разные народы (узбеки, таджики, уйгуры, казахи и др.).

Метрические книги представляют собой официальный документ для записи актов гражданского состояния (рождений, браков и разводов, смертей). Язык и стиль мусульманских метрических книг Тобольской губернии унифицирован и соответствует единому письменному языку татарского населения Российской империи: *Янбай иленең бохари Мостай Йайан углының кызы ирдән хәлегъ кылынмыш хатун Хәлимәне шул Янбай иленең бохари Габделхаликъ Габделкарим углына никахландырылды* – Сочетались никахом разведенная Халима дочь бухарца Мустая сына Джаяна из селения Янбаевские и бухарец Габдельхалик сын Габделькарима из селения Янбаевские [3: 200, 214].

В метрических книгах Янбаевских юрт зафиксировано за указанные годы 22 названия селений, 6 названий уездов (Казан, Малмыж, Төмән, Тубыл, Ханкормән, Ялутор) и 4 названия губерний (Вятка, Казан, Рязань, Тубыл). Основная часть ойконимов относится к топонимам Тюменского уезда.

Акъяр (Акияровские юрты, в устной речи – Акъяр, ныне дер. Большие Акияры Тюменского района). Лексема состоит из двух корней *ак* ‘белый’ + *яр* ‘берег’.

Индрэй (Андреевские юрты, в устной речи – Интрэй, ныне пос. Андреевский Тюменского района). «По словам жителей, деревня раньше называлась «Инделяр», что значит «пришли (перепрыгнули)». Откуда пришли? Из Ембаево, где проживали до появления бухарцев» [1: 81].

Кечек Казкарэ (Мало-Каскаринские юрты, в устной речи – Өштүбэ, ныне входит в состав с. Каскара Тюменского района). Ойконим состоит из двух лексем *Кечек* ‘малый’ и *Казкарэ*. По происхождению лексемы *Казкарэ* существует несколько вариантов: *каз* ‘гусь’ + *кара* ‘смотри’, от антропонима *Каскара*, от этнонима *хасха* ‘тюрко-монгольское племя’ [1: 84].

Казар, Көрөңкүл (Казаровские юрты, в устной речи – Кырынкүл, ныне микрорайон Казарово в г. Тюмени). Жители происхождения лексемы Казар объясняют с большим количеством птиц – казарок, обитающих в этих местах. В научной литературе имеется несколько вариантов: «а) этноним казар, б) кайсар – ар. сущ. -царь, падишах, в) каср -ар. сущ. – замок, дворец, г) проход, проезд, д) социальный термин «мир-хазор» [1: 93].

Мадьяр // Мэйтир (Матияровские юрты, ныне входит в состав г. Тюмени). Возможно, ойконим образован от антропонима *Мэдияр* (< перс.).

Мәүләш (Муллашевские юрты, в устной речи – Муллаш, ныне с. Муллаши). Происхождение связывают с именем первопоселенца Муллаш [1: 85].

Мөхәммәдьяр (?). В списках населенных мест Тюменского уезда данный ойконим отсутствует. Ойконим отантропонимный *Мөхәммәдьяр* (< араб.). Возможно, населенный пункт представлял собой выселки, не сохранивший своего административного названия.

Олуг Казкара // Олуг Каскар (Больше-Каскаринские юрты, в устной речи – Каскара, ныне входит в состав с. Каскара Тюменского района).

Салаер (Салаирские юрты, в устной речи – Салайер, ныне с. Салаирка Тюменского района). Образовано от корней *сала* ‘село’ + *йер* ‘земля’.

Турай // Дурай (Тураевские юрты, в устной речи – Кече Манчыл, ныне дер. Тураева Тюменского района). Отгидронимный ойконим – от названия реки Тура.

Шабабин (Шабабинские юрты, в устной речи – Яңавыл, ныне входит в состав г. Тюмени). Возможно, ойконим имеет отантропонимное происхождение (от араб. Шабай).

Янбай (Ембаевские юрты, в устной речи – Манцыл, ныне с. Ембаево Тюменского района). Отантропонимный ойконим – от Янбай. На сегодняшний день в с. Ембаево проживает семья с фамилией Янабаевы.

Яңа авыл (Новые юрты, в устной речи – Яңавыл, ныне в состав г. Тюмени).

В метрических книгах упоминается селение **Канышны Талиг**, входившее в состав Тюменского уезда. Требуется дальнейшее изучение происхождения и идентификация ойконима.

Помимо селений Тюменского уезда зафиксированы названия деревень других уездов Тобольской губернии: Ялуторовского – **Кала** (Тарханские юрты, Кала, ныне дер. Тарханы Яркового района) и **Каш** (Асланинские юрты, Кашаул, ныне с. Аслана Ялуторовского района), Тобольского – **Вагай** (Вагайские юрты, ныне с. Второвагайское Вагайского района).

За анализируемые годы было заключено 219 браков (см. Приложение): 124 брака между жителями Янбаевских юрт, 32 – Тураевских и Янбаевских, 12 – Акировских и Янбаевских, 10 – Шабабинских и Янбаевских, 8 – Новых юрт и Янбаевских, 5 – Матияровских и Янбаевских и т. д. Браки заключались не только между жителями Тобольской губернии. Имеются сведения о жителях других губерний: Балтач иле Казан губернасы шул ук өязе, Чуйчузай иле Ханкирмән өязе Рязань губернасы, Шыншыкар карьясе Малмыж өязе Вятка

губернасы. Следовательно, в XIX в. имели место браки не только между земляками, но и с представителями других уездов и губерний. Более того, наблюдались как внутрисословные браки, так и межсословные.

Тәмән өязе Янбай иленең ясаиный Мәхмүд Морат улының кызы Хәбибәне Казан губернасы шул ук өязе Балтач иленең лаишманчы Сәгъдеддин Сәйфулла улына никахландырылды – Сочетались никахом Хабиба дочь ясачного Махмуда сына Мурата из селения Янбаевские Тюменского уезда и лашман Сагдетдин сын Сайфуллы из селения Балтаси Казанской губернии того же уезда [3: 109, 120].

Тубыл губернасы Тәмән өязе Янбай иленең бохаридин Габдулла Нияз улының кызы Хәсниҗамалны Рязань губернасы Ханкирмән өязе Чуйчузай иленең ясаиный Муртаза Муса улына никахландырылды – Сочетались никахом Хусниджамал дочь бухарца Габдуллы сына Нияза из Янбаевского селения Тюменского уезда и ясачный Муртаза сын Мусы из селения Чуйчузай Касимовского уезда Рязанской губернии [3: 39, 50].

Вятка губернасы Малмыж өязе Шынышкар карьясенең Мөхәммәдкарим Мөхәммәдрахим улының кызы Сәгадәт илән Янбай карьясенең бухарец Габделкадыйр Гыйсмәтулла улы арасында муафыйк шәригать гакыд зәүҗиять иҗраә кылынды – Бибизахирь дочь Мухаммедкарима сына Мухаммедрахима из селения Шынышкар Малмыжского уезда Вятской губернии и бухарец Тимирбулат сын Рамазана из селения Янбаевские в соответствии с шариатом сочетались никахом [3: 374, 50].

Таким образом, мусульманские метрические книги – энциклопедия социальной жизни татарского народа в дореволюционный период. Записи содержат ценный материал для изучения как брачных отношений, так и ойконимии региона. Исследование ойконимов Тобольской губернии (на материале Янбаевских метрических книг) показало, что в письменном языке использовались татарские варианты официальных названий на русском языке – *Кечек Казкарә, Олуг Казкара, Турай, Шабабин, Янбай*, при этом имеет место функционирование устных вариантов: *Индраёй, Яңа авыл*. Лексемы *Казар* и *Көрөңкул* являются названиями одного и того же населенного пункта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алишина Х.Ч., Ниязова Г.М. Названия селений сибирских татар (на материале Тюменской области). – Тюмень: Экспресс, 2004. – 198 с.
2. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел по сведениям 1868–1869 годов. Тобольская губерния. – СПб.: Изд. центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1871. – 196 с.
3. Файзуллина Г.Ч., Кадирова Э.Х., Фаизова Л.Х. Янбаевские метрические книги Тобольской губернии XIX – начала XX в. – Казань: Отечество, 2022. – 406 с.

ТАТАР ТЕЛЕНДӘ СЕМАНТИК-СИНТАКСИК МӨНЭСӘБӘТЛӘР СИНКРЕТИЗМЫ

Л.Г. Хәбибуллина

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Адекватное выражение информации является основной коммуникативной задачей языка. Нынешнее языковедение активно обращается к изучению языковых единиц с позиции отражения в них реальной действительности, наблюдается усиление тенденции к семантизации исследований по синтаксису, в связи с чем систематичное и многоаспектное описание семантико-синтаксических отношений приобретает все большую актуальность. В статье проводится изучение синкретизма, совмещения в одной семантико-синтаксической конструкции дифференциальных признаков различных смысловых значений. Подобные работы позволяют определить природу переходных, промежуточных смысловых отношений в татарском языке. В результате проведенного исследования установлен характер переплетения значений цели и причины, условия и времени.

Ключевые слова: Татарский язык, синкретичная семантика, причинно-следственные отношения, условные отношения, целевые отношения, временные отношения.

Adequate expression of information is the main communicative task of language. Current linguistics is actively turning to the study of linguistic units from the position of reflecting real reality in them, there is an increasing tendency to semanticize research on syntax, and therefore a systematic and multidimensional description of semantic-syntactic relations is becoming increasingly relevant. The article examines syncretism, the combination of differential features of various semantic meanings in one semantic-syntactic construction. Such works allow us to determine the nature of transitional, intermediate semantic relations in the Tatar language. As a result of the conducted research, the nature of the intertwining of the meanings of purpose and cause, condition and time has been established.

Key words: Tatar language, syncretic semantics, causal relations, conditional relations, target relations, temporary relations.

Әлеге мәкаләдә татар телендә максат һәм сәбәп-нәтижә, шарт һәм вакыт семантик-синтаксик мөнәсәбәтләрен белдерә торган конструкцияләренә мәгънә синкретиклыгы ачыклана. Тикшеренү структур-семантик аспектта, системалы рәвештә аеруча В. В. Бабайцева тарафыннан эшләнгән синхрон күчеш (синкретиклык) теориясенә таянып үткәрелде. Әлеге теория М. Фуко, Дж. Холтон, Н. Да Коста, Н. Васильев, Н. Бор, Л. Заде һ. б. философик карашларына нигезләнә һәм логик яктан Л. В. Щербаның төп төшенчәләр атамалары белән беррәттән башка төшенчәләргә хас булган өстәмә төсмерләр дә барлыгы хақындагы фикерләрен дәвам итә [2].

Синкретик конструкцияләр төрле мәгънә мөнәсәбәтләренә үзара керешү белән характерлана, кагыйдә буларак, билгеләр синкретиклыгы төрле пропорцияләрдә була.

Татар телендә сәбәп-нәтижә һәм максат мөнәсәбәтләре үзара тыгыз бәйләнгән. Сәбәп – нәтижә дип аталган башка күренештән алда башкарыла һәм аны барлыкка китерә торган эш-гамәл. Максат мөнәсәбәтләре булганда, бер ситуация икенчесенә потенциал нәтижәсе итеп күзәлләна, аларның берсендә

стимул турында хәбәр ителә һәм фараз ителүче нәтижә белдерелә, ә икенчесендә – көтелгән нәтижәгә китерүче эш-гамәл атала.

Кайбер телче-галимнәр максатны – аңлатып була торган, ә сәбәпне аңлатып булмый торган төшенчә итеп карый. «Максат сәбәп аркылы аңлатыла, әмма, икенче яктан караганда, сәбәп лексикасын тасвирлаган вакытта, без максат итү ситуациясенә мөрәжәгать итми кала алмыйбыз» [1: 69].

Максат төшенчәсе субъектның теләк-омтылышлары белән турыдан-туры бәйләнгән, аңа сәбәп мәгънәсе дә керә. Максат мөнәсәбәте булганда, субъектның процессларны башкару сәбәбе – көтелгән нәтижәгә ирешү.

Татар телендә максат һәм сәбәп-нәтижә мөнәсәбәтләрен аерудагы кыенлык беренче чиратта аларны белдерүче конструкцияләрдә бер үк бәйләүче чаралар куллану белән бәйле. Максат хәле/иярчен максат жөмлә, сәбәп хәле/иярчен сәбәп жөмлә кебек үк, баш кисәккә/баш жөмләгә *өчен* бәйләге, *дип* сүзә ярдәмендә иярә ала. Мәсәлән: *Егет тә, кыз да тырышлыклары өчен уңыш бәйрәмендә бүләкләнәләр* (Г. Мөхәммәтшин); *Без бит монда хушлашыр өчен килдек* (Р. Зәйдулла).

Әлеге ике жөмләдә дә иярчен һәм баш компонентларны үзара бәйләүче һәм алар арасында билгеле бер мәгънә мөнәсәбәтләре урнаштыручы *өчен* бәйләге бар (*тырышлыклары өчен бүләкләнәләр* һәм *хушлашыр өчен килдек*). Беренче мисалда бүләкләнү – егет белән кызның тырышлыгы нәтижәсе, тырышлык – бүләкләнү сәбәбе (сәбәп-нәтижә мөнәсәбәте белдерелә). Икенче жөмләдә процессның конкрет максаты атала (*хушлашыр өчен килдек*), гамәл килчәккә юнәлдерелгән, бу хәтта формаль яктан белдерелгән (максат хәле – килчәк заман формалы *фигыль хушлашыр*), бу очракта компонентлар арасында максат мөнәсәбәте урнаша. Максат һәрвакыт аны тормышка ашыру өчен чара булучы эш-хәлгә карата башка вакыт яссылыгына карый. Сәбәп-нәтижә мөнәсәбәте булганда, сәбәп нәтижәдән алда үтөлүгә, ягъни вакыйгаларның вакыт ягыннан эзлеклеләгенә карамастан, алар бер заман яссылыгында ята.

Сәбәп-нәтижә, максат мөнәсәбәтен белдерүнең тагын бер чарасы – хәл *фигыль* формалары. Мисалларны анализлаудан күренгәнчә, сәбәп-нәтижә мәгънәсе булганда, хәл *фигыль* белән күпчелек очракта теге яки бу процессның үтөлү мотивлары, эш-гамәл башкаручының эмоциональ-психик халәте, хис-кичерешләре белдерелә. Мәсәлән: *Баласын тартып алуларыннан куркып, күкрәгенә ныграк кысты* (М. Хужин); *Албуга уңайсызланып кып-кызыл булды* (Н. Фәттах); *Хаксызлыкны күреп ярсыйм, шашам, Матурлыкны күреп тезләнәм* (Р. Вәлиев). Күргәнебезчә, мисалларда ихтыярсyz нәтижәгә китергән сәбәпләр белдерелә. Ихтыярсyz нәтижә кешенең физиологик халәте белән бәйле була ала: *Тән өшеп-туңып калтырана* (Н. Гыйматдинова).

Шулай итеп, югарыда каралган мисалларда субъектның хәл-торышы һәм әлеге халәтнең сәбәбе белдерелә. Максат мөнәсәбәте булганда, процесс билгеле бер максат белән, ихтыяри башкарыла, субъектның конкрет нияте чагыла. Мәсәлән: *Әнкәй, балеш пешерергә жыенып, мичкә ягып жибәрде* (Р. Вәлиев). Әлеге конкрет мисалда максат мәгънәсен белдерүдә билгеле бер рольне лексик семантика да башкара, чөнки *жыенырга* *фигылендә* үк ният, максат мәгънәләре бар.

Максат мәгънәсе дә, сәбәп-нәтижә мәгънәсе дә *белән* бәйләге ярдәмендә белдерелә ала: *эш белән килү* – максат. Кагыйдә буларак, *белән* бәйләге ярдәмендә процессның яки субъектның халәтенең сәбәбе буларак аңа хас сыйфат ассызыклана. Мәсәлән: *Хажихәммәт үзе килеп керде, кызулыгы белән Фатихка сугып жибәрде* (Г. Галиев).

Сәбәп-нәтижә мөнәсәбәте шарт мәгънәсе белән дә бәйләнештә. Шарт мөнәсәбәтләре вакытында иярчен кисәк баш кисәктә белдерелгән процессның үтәләше өчен кирәк булган шартны белдерә. Бу яктан алар сәбәп-нәтижә мөнәсәбәтләренә якын, шарт конструкциясенә компонентлары нигез һәм нәтижә буларак карала ала. Сәбәптән аермалы буларак, шарт һәрвакыт фарз ителгән вакыйгаларга күрсәтә, үтәлүе мөмкин булган процессларны беләштерә.

Сәбәп-нәтижә һәм шарт-нәтижә мөнәсәбәтләренә карата галимнәрнең фикерләре бердәй түгел. Кайбер лингвистлар шарт һәм нәтижә арасындагы семантик бәйләнешне каузаль, ягъни сәбәп-нәтижә бәйләнеше дип саный. «Шартның үтәлүе, сөйләүченең ихтыярыннан тыш, автоматик рәвештә нәтижәнең барлыкка килүенә китерә. Сөйләүченең роле, объектив закончалык булуны белеп, аның турында тыңлаучыга хәбәр итүгә кайтып кала» [5: 28]. Шарт конструкцияләрендә шарт һәм нәтижә мөмкин яки мөмкин түгел буларак билгеләнә.

Татар телендә шарт һәм вакыт мәгънәләре синкретизмы да еш күзәтелә. Әлеге семантик-синтаксик мөнәсәбәт компонентлары арасында формаль яктан бер үк бәйләүче чаралар кулланылырга мөмкин. Мәсәлән, синтетик иярчен шарт жөмлә дә, синтетик иярчен вакыт жөмлә дә баш жөмлөгә сорау кисәкчәсе ярдәмендә иярә ала. Мәсәлән: *Сүз бирергә ашыкма, бирдеңме инде – карышма, ди мәкаль* (М. Хәсәнов); *Декабрь ае җиттеме, кыш башланды*.

Татар телендә *-ганда/-гәндә* формасы темпоральлекнең төп күрсәткече булуга карамастан, аның ярдәмендә бәйләнгән сүзләр арасында шарт мәгънәсе дә урнаша ала. Мәсәлән: *Әйткәндә сүзеңчә эшлә, әйтмәгәндә уеңча эшлә* (Мәкаль); *Газ исе сизгәндә, 04 телефоны буенча хәбәр итегез; Гыйлем булмаганда, бар акыл да юк була* (Мәкаль).

Мисаллардан күренгәнчә, *-ганда* формасы вакыт һәм шарт мәгънәләре килешендә барлыкка килүче синкретик мөнәсәбәтләргә белдерергә ярдәм итә. Шуны да искәртәргә кирәк: шарт мәгънәсе белдерелгәндә, бер генә вакыт факты түгел, ә кабатланучы, һәрвакыт башкарылуы вакыйгалар турында хәбәр ителә.

-ганда формасын *-са* формасына алыштырганда, компонентлар арасындагы вакытка юнәлгәнлек югала. Мәсәлән: *Гаиләдә татулык булганда, эшләр уңай бара – Гаиләдә татулык булса, эшләр уңай бара*.

Татар телендә гадәттә вакыт мәгънәсен белдерүче конструкцияләрдә кулланылуы *-гач/-гәч* формалы хәл фигыль сирәк очракларда шарт мөнәсәбәтен белдерә: *Теләгәч сынасыннар* (Р. Миннуллин), сәбәп-нәтижә мәгънәсен дә белдерә ала: *Ич уенда юк кызык, дәрсем хәзерләп куймагач* (Г. Тукай).

Ике күренешнең даими яки периодик рәвештә кабатлана торган бәйләнеше белдерелгәндә, шарт һәм вакыт семантикасының үзара керешүе күзәтелә: *Матур парлар күрсәм – куанам* (Ә. Маликов); *Китсә дә җырлый, кайтса да җырлый бу* (С. Сөләйманова). Шарт конструкциясе компонентлары мөнәсәбәтләренә вакытка карата абстракт характеры, гадәттә, паремияләр һәм гомумиләштерелгән әйтелмәләргә хас. Мәсәлән: *Гаилә үзара хөрмәт нигезенә корылса, бәхетле була!* (Ф. Яхин).

Мисалларны анализлаудан күренгәнчә, паремияләрдә хәзерге яки киләчәк заман формалары кулланыла. Шуңа ук вакытта фраза үзе вакытка бәйле түгел, гомуми закончалыкка һәм гадәти күренешләргә ишарәли.

Үткән заман формалары индивидуальләштерү үзенчәлегенә ия, кагыйдә буларак, билгеле бер күренешләр, конкрет чынбарлык белән бәйләнә,

паремиялэргә исә гомумиләштерү хас, шуңа күрә дә аларда үткән заман формалары сирәк кулланыла.

Еш кына формаль яктан аерылмаган сәбәп-нәтижә һәм максат мәгънәләренәң төп аерымлыгы – субъектның активлыгы/пассивлыгында. Максат киләчәккә юнәлдерелә, аның тормышка ашырылуы нинди дә булса аңлы эшчәнлек таләп итә. Максат мөнәсәбәтләре дә, шарт мөнәсәбәтләре дә генетик яктан сәбәп-нәтижә категориясе белән бәйләнгән.

Шарт һәм вакыт мөнәсәбәтләре үзара керешеп, шарт һәм вакыт мәгънәләре арасында торучы үзенчәлекле конструкция барлыкка китерә. Мондый төр конструкциялэргә вакыйгаларның бер үк вакытта яки эзлекле башкарылу мәгънәсен төгәл белдермәү хас, чөнки бу очракта төп мәгънәви нагрузка процессларның вакытка мөнәсәбәтенә түгел, ә бер-берсенә бәйлеләгенә төшә.

Семантик-синтаксик бәйләнешләренә анализлаудан күренгәнчә, татар телендә бер үк формаль күрсәткечләр (бәйләүче чаралар) берничә мәгънә белдерүдә кулланыла, теге яки бу конструкцияләренә билгеле бер мөнәсәбәтлэргә кертеп карарга мөмкинлек бирүче махсус күрсәткечләр һәрвакыт булмый, бер семантикадан икенчесенә күчү процессы еш кына формаль чаралар ярдәмендә структур яктан күрсәтелми. Димәк, синтаксик берәмлекләренәң структур-семантик төзелешен өйрәнгәндә, форма һәм эчтәлекнең үзара бәйләнешен исәптә тотарга кирәк. Синкретик мәгънәләр, синтезланган семантика барлыкка килү катлаулы эчтәлекле информация тапшыру ихтыяжы белән билгеләнә.

ӘДӘБИЯТ

1. Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 68–88.
2. Дружинина С.И. Синкретизм в системе сложноподчиненных предложений. – Орел, 2008. – 435 с.
3. Маслиева О.В. Становление категории причинности (на материале истории языка) / под ред. М.Г. Макарова. – Л., 1980. – 105 с.
4. Радугин А.А. Философия. – М., 2004. – 336 с.
5. Типология условных конструкций / отв. ред. В.С. Храковский. – СПб., 1998. – 583 с.

УДК 811.512.145'373

ЭЛЕКТРОННЫЙ КАТАЛОГ ТОПОНИМОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ТАТАРСКОГО НАРОДА

О.Р. Хисамов, Р.Ф. Мирхаев

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье раскрываются принципы составления и структура электронного ресурса «Каталог топонимов Республики Татарстан», который был разработан в рамках реализации государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2022 годы». Также обсуждаются перспективы его использования в исследованиях топонимического наследия татарского народа. Цель работы – раскрытие роли и места данного рода информационных систем в деле сохранения, изучения и популяризации национальных географических названий, в частности татарских топонимов. По мнению авторов, они представляют неотъемлемую часть духовно-культурного достояния каждого народа. Материалом исследования

явились структурные компоненты базы данных каталога и их информационные составляющие, которые были проанализированы методами описания и интерпретации. В частности, в работе описываются параметры, на основе которых велась работа по составлению топонимических статей – основных компонентов базы данных каталога. Наряду с географическими и административными сведениями они включают в себя также данные культурно-исторического и лингвистического характера. В результате исследования авторы раскрывают, что именно представленность такого рода информации в структуре топонимических статей и ее репрезентация в интернет-пространстве определяет значимость каталога как одного из эффективных инструментов сохранения, изучения и популяризации топонимического наследия татар.

Ключевые слова: географические названия, ойконимы, гидронимы, оронимы, топонимы, микротопонимы, топонимия, топонимика, топонимический словарь, электронный каталог топонимов, база данных.

The article reveals the principles of compilation and structure of the electronic resource “Catalog of toponyms of the Republic of Tatarstan”, which was developed as part of the implementation of the state program “Preservation, study and development of the state languages of the Republic of Tatarstan and other languages in the Republic of Tatarstan for 2014–2022”. The prospects of its use in the research of the toponymic heritage of the Tatar people are also discussed. The purpose of the work is to reveal the role and place of this kind of information systems in the preservation, study and popularization of national geographical names, in particular Tatar toponyms. According to the authors, they represent an integral part of the spiritual and cultural heritage of each nation. The research material was the structural components of the catalog database and their information components, which were analyzed by methods of description and interpretation. In particular, the paper describes the parameters on the basis of which work was carried out on the compilation of toponymic articles – the main components of the catalog database. Along with geographical and administrative information, they also include cultural, historical and linguistic data. As a result of the research, the authors reveal that it is the representation of this kind of information in the structure of toponymic articles and its representation in the Internet space that determines the importance of the catalog as one of the effective tools for preserving, studying and popularizing the toponymic heritage of the Tatars.

Key words: geographical names, oikonoms, hydronyms, oronyms, toponyms, microtoponyms, toponymy, toponymy, toponymic dictionary, electronic catalog of toponyms, database.

Введение. На современном этапе топонимические исследования характеризуются все большим внедрением в практику различного рода геоинформационных систем (ГИС) и геопространственных баз данных. Данная тенденция в основном обусловлена интенсивной оцифровкой в глобальных масштабах всех жизненно важных сфер деятельности человека, а также удобством и простотой их применения. Развитие информационных технологий способствовало формированию и развитию новых подходов в изучении топонимов. Сегодня очень много интернет-ресурсов предоставляют оперативный доступ к связанным с ними данным. Тот факт, что в них интегрированы географические, культурно-исторические, лингвистические знания и веб-ориентированные ГИС-технологии, делает их «важнейшим инструментом для выявления и изучения топонимических названий» [3: 114], в том числе и национально окрашенных. Здесь также следует отметить, что выход на интернет-пространство дает новые возможности в деле сохранения и популяризации духовно-культурного достояния

того или иного этноса, неотъемлемой частью которого являются географические названия. Принимая во внимание указанные выше обстоятельства авторами статьи была поставлена цель раскрытия потенциала электронного ресурса «Каталог топонимов Республики Татарстан» в деле изучения топонимического наследия татарского народа.

Методика. Обозначенная цель и характер работы обусловили использование в ее рамках методов описания и интерпретации. Первый был применен в ходе изложения и первичного анализа структурных элементов каталога, а второй – в процессе раскрытия их содержания.

Основная часть. Топонимика того или иного региона формируется на протяжении тысячелетий под влиянием как экстралингвистических (географических, культурно-исторических, экономических), так и собственно лингвистических факторов. При этом процесс ее становления нередко сопровождается соприкосновением, взаимопроникновением и сосуществованием различных этносов, которые оставляют за собой определенного рода топонимические пласты. Этим и обусловлен сложный и комплексный характер топонимических исследований.

Имена собственные, в том числе и географические названия, составляют неотъемлемую и значимую часть лексического фонда каждого языка. Отсюда исходит и актуальность их изучения в научном плане, которые, как правило, направлены на установление принципов соотношения языковых единиц с обозначаемыми объектами, т. е. номинации, и на выявление мотивирующей роли и степени участия экстралингвистических и лингвистических факторов в данном процессе. До настоящего времени в татарском языкознании исследования в рассматриваемой области велись именно в указанном направлении [5; 1; 2; 6; 7 и т. д.]. Следующую группу научных работ составляют труды, направленные на изучение поэтического ономастикона художественных произведений [4: 7–8].

Не менее важным направлением в данной области является также составление словарей, а с развитием информационных технологий все большую актуальность приобретает разработка онлайн-словарей. Нельзя сказать, что на сегодняшний день в татарской топонимической науке и то, и другое представлено на соответствующем уровне. Если первое направление еще характеризуется наличием единичных работ, то по второму, которое на мировом уровне насчитывает достаточно большое количество образцов [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14 и т. д.], и вовсе отсутствуют какие-либо разработки. И в этом плане Каталог топонимов Республики Татарстан, который представляет собой информационно-аналитическую систему лексикографического характера, отражающей все аспекты и направления топонимики, а также совмещающей в себе принципы толково-энциклопедических и нормативно-справочных словарей, является первым опытом в татарской топонимической науке. В структурном плане он состоит из базы данных, которая включает в себя свыше 8200 статей о макро- и микро-топонимах (ойконимах, гидронимах и оронимах), а также карты, в которой отражены картографические данные, связанные с географическими названиями.

Включаемые в топонимические статьи сведения, как правило, структурируются по определенным параметрам, которые и определяют алгоритм работы по сбору и анализу фактического материала. Это – во-первых, фиксация самого топонима. Далее даются его транскрипция, транслитерация на другие языки (по необходимости) и различные варианты (исторические, народные и т. д.). Здесь же можно и озвучить название. На следующем этапе устанавлива-

ется административная и географическая привязка объекта наименования, его значение в экономическом отношении, а если это – населенный пункт, также количество и национальный состав населения. Все эти действия не требуют наличия у человека каких-либо особых научно-исследовательских компетенций и соответственно дают возможность привлечения к реализации проекта представителей широкой общественности, что в свою очередь открывает новые перспективы в плане расширения и обогащения фактической базы топонимических ресурсов.

Особые навыки необходимы на следующем этапе при:

- 1) работе с письменными источниками;
- 2) определении структурных типов топонимов;
- 3) выяснении этимологии географических названий.

Работа с письменными источниками (с картами, исторической и краеведческой литературой), которая помимо прочего предполагает и идентификацию топонима по различным источникам, как правило, помогает расширить и углубить сведения о нем, установить его эволюционный путь, а также внести ясность в этимологию названия.

Определение структурных типов топонимов преследует функциональную цель, а именно обеспечение поиска и выборки названий по их основным структурным моделям (простые топонимы, составные топонимы) и компонентам (например, *елга* ‘река’, *тау* ‘гора’, таш ‘камень’ и т. д.). И эффективным здесь является составление списка данного рода моделей и компонентов.

Исследование этимологии топонимов позволяет квалифицировать их по происхождению, что имеет немаловажное значение в изучении топонимической системы такого многогранного в этноязыковом плане региона как Республика Татарстан. Кроме того оно позволяет глубже проникнуть в семантику географического названия, выявить основные принципы топонимации, а также определить роль и место в этом процессе национальных начал и традиций.

Рассмотренные выше параметры были учтены и при составлении топонимических статей, включенных в Каталог топонимов Республики Татарстан. На сегодняшний день Институтом языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан в рамках реализации государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан» ведется работа по разработке подкаталога татарских топонимов Российской Федерации. В него будут внесены названия географических объектов татарского происхождения, зафиксированные за пределами Республики Татарстан, и соответствующая информация по ним. Сбор топонимического материала осуществляется также во время ежегодных комплексных научных экспедиций, проводимых Институтом языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

Выводы. Подводя итог, можно сказать, что Каталог топонимов Республики Татарстан представляет собой один из эффективных инструментов решения задач как теоретического так и прикладного характера, связанных с изучением топонимического наследия татарского народа не только в рамках отдельно взятого региона, но и в масштабах Российской Федерации в целом. На современном этапе, когда все без исключения народы мира и их духовно-культурные наследия все больше подвергаются нивелирующему воздействию глобализационных процессов, данного рода инициативы обретают особую актуальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарипова Ф.Г. Гидронимия Заказанья Татарской АССР (бассейнов рек Ашит, Казанки, Меши, Шошмы): специальность «Языки народов СССР (татарский язык)»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Казан. гос. пед. ин-т. – Казань, 1975. – 36 с.
2. Закирова Г.К. Историко-лингвистический анализ ойконимии Казанского ханства: специальность «Тюркские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 1998. – 246 с.
3. Мартыненко И.А. Электронные ресурсы как инструменты для топонимических исследований. – DOI: 10.23951/1609-624X-2020-5-114-126. – Текст: электронный // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – 2020. – Вып. 5 (211). – С. 114–126. – URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/archive.html?year=2020&issue=5&article_id=7838. (дата обращения: 19.06.2024).
4. Мирхәев Р.Ф. Татар мәгрифәтчелек прозасы әсәрләрендә топонимнарның стилистик кулланылыш (хоронимнар һәм ойконимнар мисалында) // Фәнни Татарстан. – 2023. – № 1 (37). – Б. 7–14.
5. Саггаров Г.Ф. Антропонимия Татарской АССР: специальность «Языки народов СССР (татарский язык)»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 1975. – 90 с.
6. Хисамов О. Р. Татарстанның Көнбатыш Кама арьягы ойконимиясе / Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе, Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты. Казан: ТӘҢСИ, 2017. – 176 б.
7. Хисамов О.Р. Тюрко-татарская географическая лексика Западной Сибири (ареальный аспект): специальность «Языки народов Российской Федерации (татарский язык)»: дис. ... д-ра филол. наук / Академия наук Республики Татарстан. – Казань, 2022. – 536 с.
8. Key to English Place-names (KEPN). – URL: www.kepn.nottingham.ac.uk (дата обращения: 20.06.2024).
9. Handbook of Texas. – URL: www.tshaonline.org/handbook (дата обращения: 20.06.2024).
10. Gufo.me – словари и энциклопедии. – URL: www.gufo.me (дата обращения: 20.06.2024).
11. Victorian Places. – URL: www.victorianplaces.com.au (дата обращения: 20.06.2024).
12. GIS Dictionary. – URL: www.support.esri.com/en-us/gis-dictionary (дата обращения: 20.06.2024).
13. Toponímia de Lisboa. – URL: www.toponimialisboa.wordpress.com (дата обращения: 21.06.2024).
14. Flood and Flow. – URL: www.waternames.wordpress.com/ (дата обращения: 21.06.2024).

УДК 811.512.145

КРАСНОЯРСК КРАЕ ТАТАР КҮЧМӘ СӨЙЛӘШЛӘРЕНЕҢ ФОНЕТИК ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

А.Ж. Хәсәинова

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

В данной статье рассматриваются фонетические особенности татарских переселенческих говоров Красноярского края. Новизна исследования заключается во введении в научный оборот новых диалектологических материалов. Рассматривается проблема классификации переселенческих говоров.

Ключевые слова: переселенческие говоры, материнские говоры, фонетические особенности.

This article discusses the phonetic features of Tatar migrant dialects of the Krasnoyarsk Territory. The novelty of the research lies in the introduction of new dialectological materials into scientific circulation. The problem of classification of migrant dialects is considered.

Key words: migrant dialects, mother dialects, phonetic features.

Төрле территориядә таралган сөйләшләр буенча материаллар шактый жыелса да, аерым сөйләшләрнең төрле телләр белән элемтә нәтижәсендә барлыкка килгән үзгәрешләр һәм ана сөйләшләр (билгеле бер төбәктә таралган сөйләш, аның бер өлеш вәкилләре күчеп, яна урында күчмә сөйләш формалаштыра) белән чагыштырма анализ аспектындагы тикшеренүләр бик аз. Әлеге тикшеренүләр бик мөһим, чөнки кайбер күчмә сөйләшләргә (күчеп килүчеләр тарафыннан формалашкан, нигездә башка диалект, чит тел мохитендә булган сөйләшләр) тулы нивелировка (тигезләү) процессы яный. Шул сәбәпле жирле материал жыеп, анализлап, дәрәс классификацияләү диалектологларның мөһим бурычы булып тора.

Татар халык сөйләшләрә бик киң территорияләргә таралган. Әлеге территорияләрнең күбесенә татар халкы төрле вакытта һәм төрле юллар белән күчеп килгән, алар төрле яклардан чыккан кешеләр була, һәм яңа жирләрдә аларның үсеше төрле шартларда бара. Боларның барысы да яна территориядә формалашкан сөйләшләр үсешендә төрлелеккә китерә. Шул ук вакытта сөйләшләрнең барлыкка килүендә һәм үсешендә бер үк закончалыклар күзәтелә.

Иң беренче чиратта бу, икенчел, соңрак барлыкка килгән сөйләшләр, ягъни күчмә сөйләшләр, алар инде формалашкан диалекталь төрләргә нигезләнә. Икенчедән, яңа урында формалашкан сөйләшләрнең нигезе иртәрәк формалашкан сөйләшләрнең нигезеннән шактый аерылып тора (моодиалекталь, полидиалекталь). Өчөнчедән, соңрак формалашкан сөйләшләр үсеше көчле диалектара, телара контактлар шартларында бара. Дүртөнчедән, күчмә сөйләшләрнең формалашуына йогынты ясаган экстралингвистик факторлар төрлелеге белән аерыла. Бишенчедән, икенчел сөйләшләрнең формалашуы чагыштырмача соңрак чорда була, шулай булгач, әдәби телнең йогынтысы күбрәк чагыла [3: 22].

Күчмә сөйләшләр формалашу үзенчәлекләрен классификацияләгәндә ике аспектны да истә тотарга кирәк. Сөйләш төрләрен аерып чыгарганда аларның структуралы үзенчәлекләрен генә түгел, экстралингвистик факторлар да зур роль уйный.

Түбәндәге экстралингвистик факторлар иң әһәмиятлеләр:

1. Сөйләш вәкилләренең күчү вакыты. Бу фактор ике аспектта мөһим: сөйләшнең яңа шартларда үсешен һәм күчеп утыручылар сөйләшенең үзенчәлекләрен, аның тотрыклылык дәрәжәсен, башка сөйләшләрдән аермасын билгеләргә мөмкинлек бирә. Кайбер очракларда күчү вакытын белү ана сөйләше белән урта диалекталь үзенчәлекләргә аерып чыгарырга мөмкинлек бирә.

2. Күчү характеры. Бу аспектта беренчедән, күчешнең бер вакытта яки төрле вакытта булуын һәм күчешнең киң таралуын яки сирәклеген аерырга кирәк. Күләмле күчешләр, гадәттә, чагыштырмача бер вакытта булалар; соңрак аларга берешәрләп күчүчеләр кушыла. Әмма бу күчмә сөйләшләр формалашуына зур йогынты ясамый.

3. Тирә-як территориядәге яшәүче кешеләр белән мөнәсәбәт. Күчү процессы, гадәттә, инде кешеләр торган территорияләргә була. Һәм жирле халык белән төрле мөнәсәбәтләр барлыкка килергә мөмкин.

Югырыда әйтелгән классификацион билгеләрдән тыш, турыдан туры лингвистик билгеләр дә бар:

1. Диалекталь нигез характеры күчмә сөйләштә аның бөртөрле булуы белән бәйле. Шул рәвешле өч төр сөйләш аерыла:

– Монодиалект нигезле сөйләш вәкилләре, нигездә, бер яки берничә, бертөрле, якын сөйләшләр таралган пунктлардан күчеп киләләр.

– Икенче төргә – бидиалект яисә полидиалект нигезле сөйләшләр карый. Мондый сөйләш вәкилләре төрле урыннардан күчкәннәр, төрле сөйләш вәкилләре булганнар.

– Өченче төргә башлангыч күптөрлелек яки яңа территорияләрдә барлыкка килгән шактый үзгәрешләр нәтижәсендә диалекталь нигезе аерылмый торган сөйләшләр керә. Мондый сөйләшләр катнаш нигезле сөйләшләр дип атала.

2. Яңа территориядә контактта булган сөйләшләр нигезләренә мөнәсәбәт үзенчәлекләре. Бу билгә күчмә сөйләшнәң диалекталь нигезе һәм тирә-як сөйләшләрнең бертөрле булу-булмауда күзәтелә. Шулай ук күчмә сөйләш чит тел тирәлегенә эләгергә мөмкин. Шулай итеп, сөйләшләрнең өч төр мөнәсәбәтен аерырга мөмкин: диалекталь бертөрлелеге; төрле диалекталь типка карау; чит телле мохит булуы.

3. Ана сөйләшләр белән бәйләнеш үзенчәлекләре. Бу аспект бик мөһим, шул ук вакытта аны ачыклау да кыенлык тудыра. Күчмә сөйләшләрнең монодиалекталь нигезе булса да, ана сөйләшләрнең хәзерге торышы, күчеш вакытындагыдан аерылырга мөмкин. Нигездә, күчмә сөйләш һәрвакыт ана сөйләштән аерылып тора, чөнки башка шартларда үсеш ала, һәм алар аңа көчле йогынты ясый. Эмма аерылу дәрәжәсе төрле булырга мөмкин. Шуның белән бәйлә, беренчел һәм икенчел күчмә сөйләшләрне аерырга мөмкин. Беренчеләренә төп үзенчәлекләрендә үзләренә баштагы төрөн саклаган сөйләшләрне кертәбез. Икенчеләренә – шактый зур үзгәрешләр кичергән сөйләшләрне.

4. Икенчел сөйләш сыйфаты. Икенчел сөйләшнәң диалекталь нигезен, кайвакыт, төгәл ачыклау кыенлык тудырырга мөмкин. Еш кына ул катнаш яки күчмә характерда була. Диалектологиядә күчмә характердагы сөйләшләр дип диалекталь нигезе төгәл ачыкланган, шул ук вакытта, әдәби телгә яки башка диалектка якынайган сөйләшләр атала. Катнаш сөйләшләрнең диалекталь нигезе авыр билгеләнә, төрле вариантларның кушылуы барлыкка килә.

5. Сөйләшнәң нинди диалекттан килеп чыгуы. Бу билгә экстралингвистик үзенчәлекләрдән иң ерагы, шулай да тулысынча түгел. Нинди диалекталь жирлектән күчкән булу экстралингвистик факторлар белән билгеләнә [3: 28–29].

Өлеге мәкаләдә татар теленә күчмә сөйләшләре арасынан, без Красноярск крае татар сөйләшләрен тикшерәбез. Фәндә моңа кадәр бу территориядәге татар сөйләшләрен өйрәнгән хезмәт юк.

Диалектологиядә башка телләр һәм аларның сөйләшләре булган тирәлектә, ягъни чит телле тирәлектә сөйләшләр утрау яки анклав сөйләшләр дип атала [5: 155–159]. Димәк, без тикшергән татар күчмә сөйләшләре дә анклав сөйләшләр.

Өлеге мәкаләдә без татар күчмә анклав сөйләшләрнең формалашу һәм үсешендә югарыда әйтелгән факторларны тикшерәбез.

Красноярск крае татар күчмә сөйләшләрдә барлык анклав сөйләшләргә дә хас үзгәрешләр күзәтелә. Күчмә сөйләшләрдә ана сөйләшләрдә юка чыккан, яки сирәк кулланган архаик лексик яки грамматик үзенчәлекләр саклана. Ә икенче яктан чит телле тирәлек сөйләшләрнең телен лексик, фонетик яктан баета. Түбәндә без өлеге ареалда таралган татар сөйләшләренә кайбер фонетик һәм лексик үзенчәлекләренә тукталдык.

Фонетик яктан Красноярск крае сөйләшләрдә, башка сөйләшләрдәге кебек [1: 34] авазлар составы әдәби телгә якын. Шулай да кайбер үзенчәлекләр

күзәтелә. Мәсәлән, [а] авазының иренләшү белән беррәттән ачык әйтелешә дә күзәтелә: *аннары, андый, кара* һ. б.

Өйрәнелгән сөйләшләрдә аваз тәгәлләкләре еш очырый, мәсәлән, әдәби [ө] урынына [э] авазы кулланыла: *тәрле-тәрле* – төрле-төрле, *эсте* – өсте. Кайбер сүзләрдә әдәби [о] авазына [ы] авазы тәңгәл килә: *тырган* – торган, *хыдай* – ходай, *кыймак* – коймак. Әдәби телдәге [э]/[е] урынына [и] авазы кулланыла: *ичмәй* – эчми, *пичән* – печән, *ич* – эч, *биз* – без. Билгеле бер төркем сүзләрдә [о], [у], [ө] ~ [ү], [ү] ~ [ы] сузыкларының тәңгәлләге дә күзәтелә: *суңрақ* – соңрақ, *орлылар* – урлылар, *шылай* – шулай, *турмышта* – тормышта. Кайбер сүзләрдә әдәби [ы] сузыгы [а] сузыгына тәңгәл килә: *шабыр* – шыбыр һ. б.

Тартык авазларның әйтелешә ягыннан өйрәнелгән сөйләшләр әдәби телгә якин тора. Сөйләшкә хас булган диалекталь үзенчәлекләр дә бар. Мәсәлән, әдәби тел увуляр [к], [г] тартыклары белән беррәттән тел арты [к], [г] тартыкларын да куллану күзәтелә.

Тикшерелгән сөйләшләрдә сүз башындагы позициядә нигездә *жс*-лаштыру хас: *жылга* – елга, *жон* – йон, *жсегетләр* – егетләр, *жыл* – ел, *жсегерме* – егерме. Ләкин, кайбер торақ пунктларда, киресенчә *йс*-лаштыру да күзәтелә: *йомга* – жомга, *ерлар* – жырлар. Кайбер очраларда *джс* тезмәсен куллану да күзәтелә: *джен* – жен, *джир* – жир, *джыябыз* – жыябыз һ. б.

Түбәндәге мисалларда ике сузык арасындагы [д] тартыгы урынына Красноярск сөйләшләрәндә [з] тартыгы кулланыла: *йозрык* – йодрык, *изән* – идән.

Аерым сүзләрдә күзәтелә торган тәңгәлләкләр: [н]/[д] *андары* – аннары, [ч]/[тч] *тчыгармыйлар* – чыгармыйлар, [к]/[г] *биг* – бик, [х]/[к] *катын* – хатын һ. б.

Кайбер сүзләрдә *г* тартыгын өстәлү күренешә күзәтелә: *яңга* – яна, *жиңгел* – жиңел.

Китерелгән материаллар Красноярск краендагы татар сөйләшләрнең фонетик системасының күпкырлы һәм кызыклы булуы турында сөйли. Өйрәнелгән сөйләшләр татар теле диалектлар системасында мөстәкыйль урын алырга тиеш, алар татар теле тарихы, диалектология фәне өчен әһәмиятле сөйләшләр булып тора.

Өйрәнелгән сөйләшләр әдәби телгә якин, шулай да аларның үзенә генә хас фонетик, лексик, грамматик үзенчәлекләр системасы формалашкан. Тарихи чыганақлардан күренгәнчә, өйрәнелгән сөйләшләр вәкилләрәнен күпчеләге Казан, Уфа губерналарынан күчеп килгәннәр, нигездә алар урта диалект вәкилләре, шулай да әлеге территорияләрдән күчеп килгән мишәр сөйләшләрә вәкилләре дә бар. Үзенчәлекле үсеш алган керәшен сөйләшләрә вәкилләре дә бирегә Казан арты территорияләреннән күчеп утырганнар. Димәк, Красноярск крае татар сөйләшләрә өчен нигез, ана сөйләш булып казан арты сөйләшләрә төркеме, шулай ук Идел бие һәм Урал бие төбәкләрәндә таралган урта һәм көнбатыш диалект сөйләшләрә булып тора. Ана сөйләшләрә белән уртак үзенчәлекләрдән, мәсәлән, казан арты сөйләшләрә төркеме үзенчәлекләре саклана. Шуларның берсе – *анысы, монысы, кайсы, шунысы* алмашлыкларында 3 зат берлек санда икеләтелгән тартым кушымчалары ялгану (*қайсысы, шунсысын*), *-дагын/-тагын* һ. б. Систематик рәвештә мишәр диалектына хас дифтонгларның монофтонглашу күзәтелә: *бәләки* – *бәләкәй, әткәннәр* – *әйткәннәр* һ. б.

Тикшерелгән мәглүматлардан күренгәнчә, күчмә сөйләшләрдә төрле диалектлар, телләр арасындагы элементләр чагылырга мөмкин. Аларның баштагы

нигезен саклаган рәвештә (лексик фонд, фонетик, морфологик системалар), сөйләшләр актив рәвештә тирәлектәге телләрдән алынмалар ярдәмендә байый. Шул ук вакытта, изоляцияләнгән сәбәпле, күпчелек диалектизмнар сакланып кала. Тикшерелгән сөйләшләр югалу юлында, чөнки күчеп килгән халыкның яшә буыны татар телен белми диярлек яисә бик аз белә. Әлеге территориядә яшәүче татарларның теле өйрәнелмәгән хәлдә диярлек. Шуңа күрә дә күчмә сөйләшләрне өйрәнү бүгенгә көндә бик актуаль мәсьәлә булып тора.

ӘДӘБИЯТ

1. Бадрутдинова А.А. Урта диалект вокализм системасына күзәтү // Фәнни Татарстан. – 2017. – № 4. – С. 28–34.
2. Баженова Т.Е. О диагностических возможностях лексики в решении проблемы генезиса переселенческих говоров // Научный диалог. – 2016. – № 11 (59). – С. 16–25.
3. Баранникова Л.И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания, 1975. – № 2. – С. 22–31.
4. Татар теленең зур диалекталогик сүзлеге / төз.: Ф. С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыйкова, Т.Х. Хәйретдинова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.
5. Теркулов В.И. О методологии исследования анклавного говора // Филологічні трактати. – Суми – Харків. – 2009. – № 2. – Т. 1. – С. 155–159.
6. Цаллагова И. Н. Переселенческие говоры дигорского варианта осетинского языка // Известия СОИГСИ. Вып. 17 (56). – 2015. – С. 89–99.

УДК 812.111

УРБОНИМЫ И ПРОЦЕСС УРБАНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

И.А. Шарипова

Навоийский государственный горно-технологический университет (Навои)

Быстрый рост городов и увеличение городского населения несет в себе как возможности, так и вызовы. С одной стороны, города, в особенности крупные, становятся центрами экономического роста и развития, центрами сосредоточения возможностей для бизнеса и людей. С другой стороны, инфраструктура городов не всегда успевает за быстрорастущими потребностями предприятий и городского населения, что ведет к ухудшению условий жизни в городах и таким проблемам, как ухудшение экологии, недостаток и низкое качество коммунальных услуг, рост заболеваний и рисков для здоровья людей, а также многим другим.

Ключевые слова: топонимы, урбонимы, урбанизация, процесс социализации.

The rapid growth of cities and the increase in urban populations bring both opportunities and challenges. On the one hand, cities, especially large ones, are becoming centers of economic growth and development, centers of concentration of opportunities for business and people. On the other hand, the infrastructure of cities does not always keep up with the rapidly growing needs of enterprises and the urban population, which leads to deterioration of living conditions in cities and such problems as environmental degradation, lack and low quality of public utilities, growth of diseases and risks to human health, and many others.

Key words: toponyms, urban names, urbanization, process of socialization.

Урбанизация становится серьезным вызовом и для Центральной Азии, которая является динамично растущим в экономическом и демографиче-

ском отношении регионом. На сегодня население региона составляет более 65,6 млн. человек, 43,8% которого проживает в городах. По прогнозам ООН, к 2050 году население региона увеличится в 1,3 раза и достигнет 82 млн. человек, в том числе 55,2% будут жить в городах. Однако прирост городского населения может оказаться и выше в результате структурных реформ и других административных, социальных и экономических факторов. Создание и развитие большинства современных городов в странах Центральной Азии происходило в советский период и было подчинено интересам политики размещения производственных сил в рамках единого хозяйственного комплекса СССР. После распада Советского Союза в 1991 году страны Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) представляли собой в основном аграрноиндустриальные экономики с преобладающим сельским населением. После обретения независимости центральноазиатские страны реализовали собственные, во многом различные, модели политических и экономических реформ, что оказывало существенное влияние на развитие урбанизационных процессов. Динамика и глубинные причины этих процессов отличаются от страны к стране, также варьируются и ответы на вызовы урбанизации, которые давали правительства стран региона. В то же время, общими для всех стран региона на сегодня являются следующие вызовы.

Прежде чем завершить наше сообщение о географических названиях Средней Азии и Казахстана формулированием задач дальнейшего их изучения, остановимся кратко на происхождении имен республиканских столиц.

Алма-Ата. Обычен перевод – «отец яблок», что неточно передает казахский оригинал Алматы – «яблочное». В 1854 г. здесь, в урочище под таким названием, было основано Заилийское укрепление. В следующем году оно переименовано в город Верный. После Октябрьского переворота, в 1921 г., был восстановлен местный казахский топоним, но уже в форме Алма-Ата, хотя на казахском языке осталось оригинальное написание. Происхождению этого названия специальную статью посвятил Г.К. Конкашпаев, который писал о продуктивности казахских топонимов на -ата: Хорсан-Ата, Сунак-Ата, Баба-Ата, Аулиа-Ата. Ата – «отец, дед, святой» встречается в географических названиях мазаров, развалин, городищ, пещер, теплых минеральных источников. По существу Алма-Ата оказалась втянутой в этот топонимический ряд на -ата. В действительности город получил свое названия по гидронимам Алматы: две реки – Большая и Малая Алматинка – протекает через бывшую столицу Казахстана, оканчивающиеся на -ты, Е. Койчибаев (1969) трактует как оронимы, в которых современное тау – «гора» имеет архаическую форму ты – «гора», и приводит такой ряд: Архаты – «гора архаров», Аршаты – «можжевеловая гора», Караганты – «сосновая гора», Жаманты – «пологая гора», Бугуты – «оленья гора», Моинты – «шееобразная гора» и т. д.

По этому поводу Г.К. Конкашпаев напоминает, что форма Алматы (ср. г. Алмалык – город в Ташкентской области), т. е. «изобилирующий яблоками», от слова алма – «яблоко». Тюркский формант -лык заменился монгольским формантом -ты, имеющим то же значение. Ц.Д. Номинханов, посвятивший специальную статью названию Алма-Ата (1958), пишет о монгольских местоименных форматах -ту, -тай, -тэй, -той, -та. Поэтому все названия в Казахстане на -ты (Оленты, Яманты, Аршаты, Тарбагатай и др.) нужно считать монгольскими по происхождению (луговое, козлийное, где много минеральных источников – аршанов, изобилиующее сурками –тагабанами).

Ашгабат, туркменский оригинал – Ашгабат – «любимое, приятное место». В прошлом это аул – центр Ахалтекинского оазиса, а позже центр Закаспийской области. Другого значения этого названия нам не приходилось встречать; в основных трудах по истории и географии Туркестана оно осталось без отсутствия уверенности у большинства авторов в правильности приведенного толкования.

Между тем первый элемент этого названия имеет частые повторения в топонимии Среднего Востока: Астрабад, Ашназ в Иране, Аш-Кара, Астара в Талыше, Аштарак в Армении, Ашкала на запад от Тбилиси и в других местах. Весьма затруднительно определенно объяснить основу этих близких или родственных названий. Армянский лингвист Гр. Капацян сопоставляет название Аштарак (арм. «башня», груз. Агарак) с семитским аштар, богиней Иштар, Астарт, в честь которой воздвигнут каменный обелиск. У греков каменные кучи, тумбы в виде памятника назывались герм, по имени бога Гермеса.

Термин «абад» самостоятельно не употребляется, в частности встречается только в географических названиях, сопровождая основой топоним. Абад или в таджикском обод – «обводненный, благоустроенный», также «возделанный, обработанный, заселенный, модный, построенный». Это слово нередко можно видеть как в старых, так особенно и в новых географических названиях: Ленинабад, Захматабад, Ноабад. Но отметим, что В.В. Бартольд переводит название Шахабад – «постройка шаха». Первым, кто предложил этимологию топонима, был А. Вамбери, который писал: «Aschkabad, а не Askabad город в Закаспии. Букв. «место любви» от арабск. aschk – «любовь» и перс. abad – «место, остановка, местопребывание». Ашхабад основан в 1891г. До 1919 г. господствовала транскрипция в форме Асхабад, до 1927 г. – Полторацк. Обзор других этимологий см. у С. Атанязова.

Душанбе. До 1925 г. – кишлак Дюшамбе. В 1925 г. образован город, сохранивший до 1929 г. название кишлака. С 1929 до 1961 г. – Сталинабад, позже восстановлено старое имя, но в новом написании. Топоним с интересной этимологией. В ряде районов Средней и Центральной Азии (Таримский бассейн) отдельные селения именовались по тем дням недели, на которые приходились базары – события первостатейной важности. В кишлаке Дюшамбе базарным днем был понедельник, т. е. «второй (ду) день недели». В данном ряду топонимы Сешанбе – «третий день недели».

Нукус, каракалпакский оригинал – Нокус, расположен в дельте Амударья, центр Каракалпакской автономной республики. Б.В. Андрианов (1962) считает, что в основе названия этноним, имя племени, подобно другим топонимам дельты: Чимбой, Кунград, Кипчак, Ходжейли, Мангыт, Ктай. На карте расселения узбекских и каракалпакских племен XVIII–XIX вв. племя нукус не фигурирует. К. Абдимуратов (1965) предложил другое объяснение из иранских языков: ну – «девять», кэс – «человек» (ср. арбакеш – «человек арбы, возчик», пахтакеш – «хлопкороб» и т. д.). Э.М. Мурзаев видит в слове кус, кеш – слово, обычное в топонимике населенных мест средней Азии и Ирана в значении «жилище, дом, поселение». Таким образом, Нукус, Нукуш, кажется, логичнее и правильнее объяснить – «девять домов, девять жилищ». Такая модель географических названий с участием числительных обычна в топонимике многих стран, в том числе и в Средней Азии, и иллюстрируется многочисленными примерами: Семипалатинск в Казахстане, Пятихатка на Украине, естественной исторической области Джетысу в Казахстане и Кыргыз-

стане, Пенджекент и Пяндж в Таджикистане, Пенде в Туркмении, Учкурган в Узбекистане и мн. др.

Ташкент, узбекский оригинал – Тошканд. Обычно переводят Таш+кент – «каменный город». Но такой перевод, как считают некоторые ученые, есть позднейшее осмысление более раннего и фонетически близкого названия. Вся область, орошаемая р. Чирчик, именовалась областью Чеч, или Шаш, и это звучало: Шашкент – «город области Шаш». Действительно, в арабских источниках – Шаш, в иранских – Чач. У китайцев Чечи. Слово Кент или кед означало дом, усадьбу, группу домов одного хозяина. В Хоразме кат – «пространство на равнине, окруженное валом, стенами»; на Ягнобе кат – «дом». «Географы X в. при описании Туркестана приводят большое число сложных названий с кет и кед, причем эти названия, еще не встречающиеся в районе Мургаба, появляются в районе Зарафшана и в значительно большем числе в бассейне Сырдарьи, особенно в районе Ангрена и Чирчика. Географ Истархи дает Илак, т. е. культурной полосы Ангрена, 14 названий городов и селений, из них 7 сложных с -кет; для области Чач, т. е. культурной полосы Чирчика, – 27 названий, из них 14 сложных с -кет. Из этих названий видно, что один и тот же термин применялся к городу и селению: в Коране «селением» (карья) назван и такой большой город, как Мекка... Употребление слова кент в смысле «селение» сохраняется до сих пор в Хорезме и в Кашгарии» (Бартольд). У арабских географов Ташкент был известен под именем Бинкента.

Е.Д. Поливанов не согласен с этимологией Ташкент – Шашкент, ибо переход ш в т вряд ли возможен. По его мнению, гороздо правильнее считать, что первая часть названия имела основу таж или тажи – современное таджик. Этот этнический термин претерпел большую эволюцию. В.В. Бартольд (1925) пишет, что в эпоху арабского владычества местное население Средней Азии так называло арабов-завоевателей (ср.: АРМ. Тачик – «араб», кит. Да-ши), а позже вообще мусульман, поскольку первоначально понятия «арабы» и «мусульмане» в языке не различались и были синонимами. Затем термин «таджик» был перенесен на мусульман, говорящих на иранских языках. Поэтому Е.Д. Поливанов приходит к такой гипотезе: Ташкент – город арабов-завоевателей, город мусульман, город таджиков. Всего несколько столетий назад господствующим языком в Ташкенте был таджикский. Такое название могли присвоить местное население в VII–VIII вв.

Казалось бы, ясная этимология: Ташкент – «каменный город» – подвергалась большой ревизии, что и осложнило вопрос. Узбеки название своей столицы объясняют: «каменный город», город, построенный из камня», а не город таджиков и не город Шаша. При этом ссылаются на показания первого тюркского филолога Махмуда Кашгарского, который упоминает и другие названия: Тарканд, Озкент, Тонкент и первым именно так объяснил этимологию Ташкента (Хасанов). Вслед за Махмудом Кашгарским то же самое утверждает великий ученый-энциклопедист Абу Райхон Беруни: «Названия изменяются быстро, когда какой-либо местностью овладевают иноплеменники с чужим языком. Их органы речи часто коверкают названия, и в таком виде они переносят их в свой язык, как это в обычае греков. Они берут первоначальное значение, но названия претерпевают изменения. Разве ты не видишь, что Шаш взято из названия этого города на тюркском языке, а именно Ташканд, то есть «каменное селение», и точно так же в книге «Джогграфия» он называется «Каменной башней» (Хасанов, 1972). Эти мысли были высказаны еще в IX в., но

и сегодня они звучат свежо и могут считаться основополагающими для современной топонимии.

Бишкек. Город был основан в 1878 г. На месте военного укрепления. Происхождение топонима Пишпек до последнего времени оставалось загадкой. С 1926 г. город был назван Фрунзе. Ныне Е. Койчибоев (1963) предложил следующие объяснение: пиш (беш) – «пять» и пек (биик, беек) – «высота». Подтверждение своей мысли он видит во многих параллельных топонимах: Бештау на Кавказе (откуда Пятигорск), Бешташ – «пять камней» в бассейне Таласа в Кыргызстане; на берегу Аральского моря есть барханы Биктау, их переводят как «высокая гора», а в бассейне Аламедина, что орошает г. Фрунзе, высятся горы Бештоо – «пять гор».

ЛИТЕРАТУРА

1. Атаниязов С. Топонимический словарь Туркмении. – Ашхабад, 1970.
2. Бартольд В.В. Работа по исторической географии. – М., 1965.
3. Конкошпаев Г.К. Словарь казахских географических названий. – Алма-Ата, 1963.
4. Капанцян Гр. Историко-лингвистические работы. К начальной истории армян. – Ереван, 1956.
5. Койчубаев Е. Историко-этимологический анализ имени Пишпек. – Алма-Ата, 1963.
6. Мурзаев Э.М. О происхождении названия Нукус. – Нукус, 1967.
7. Поливанов Е.Д. О происхождении названия Ташкент. – Ташкент, 1927.
8. Хасанов Х.Х. Ценный источник по топонимике Средней и Центральной Азии // Топонимика Востока. – М., 1962.

УДК 812.09

НАНОМАСШТАБНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Н.Б. Шаронова

Навоийский государственный педагогический институт (Навои)

Поиск предельных составляющих человеческого высказывания может осуществляться в двух направлениях. Например, первый подход, достаточно разработанный (во всяком случае на теоретическом уровне), состоит в семантической репрезентации – посредством семантического метаязыка – сложных смыслов, их расщеплении на столь мелкие фрагменты, которые уже не могут быть подвержены дальнейшему разложению. Это есть попытка «сделать репрезентацию значений одновременно их толкованием».

Ключевые слова: наномасштабное исследование, лексика узбекского языка, минимизация значений.

The search for the ultimate components of human utterance can be carried out in two directions. Which is sufficiently developed (at least at the theoretical level), consists of semantic representation – by means of semantic metalanguage – of complex meanings, their splitting into such small fragments that they can no longer be subject to further decomposition. This is an attempt to “make the representation of meanings simultaneously their interpretation.”

Key words: nanoscale research, vocabulary of the Uzbek language, minimization of meanings.

Минимизация значений лексики узбекского языка позволяет описать отношения, скрепляющие компоненты различных выражений. Главная задача пер-

вого направления – отыскание в качестве толкования смыслов неопределяемых элементов, которые и есть тот строительный материал, из которого выстраиваются все человеческие высказывания. Иначе говоря, «цель состоит в поиске таких выражений естественного языка, которые сами по себе не могут быть истолкованы удовлетворительным образом, но с помощью которых можно истолковать все прочие выражения» [5: 252].

Другой подход, также достаточно разработанный в семантической науке, состоит в компонентном анализе самого слова или составляющих словоформы, анализ коннотаций слова, его потенциальных смысловыразительных возможностей. Несмотря на то, что компонентный анализ слова как на уровне прямого, так и переносного значения, признан одним из наиболее универсальных способов лингвистического исследования [2], в известных контекстах слово может порождать такие смыслы, которые в ряде случаев остаются за пределами возможностей данного метода. Литература потока сознания, литература постмодернизма и гипертекстов, как, собственно говоря, любой смыслонасыщенный художественный текст, открытый к толкованию, будь то «Книга Екклесиаста», «Книга Притчей Соломоновых», предполагают множество вариантов прочтения и вскрытия таких смыслов, объяснение которым мы находим уже не на уровне известных узусу возможностей слов, а в собственной культурной памяти, в подсознательном слое психики. «В любом художественном тексте встречаются слова, несущие дополнительную смысловую нагрузку, окруженные особым коннотативным ореолом и нередко получающие символическую функцию. Чем объяснить их отмеченность? Причины могут быть самые разные. Их часто видят в сохранившихся в подсознательном слое психике архетипах, в архаичных схемах мифологического мышления, в культурных или библейских ассоциациях, ритуале или обряде – концептосфере, семиосфере, в личном опыте автора, иногда в самом звучании или созвучности слов» [1: 525]. Нам представляется, что «отмеченность» некоторых слов, а порой и всего микротекста, объясняется допущением, что помимо сем, поддающихся анализу на уровне компонентного исследования структуры лексического значения слова, в коннотации слова можно выделить мельчайшие частицы смыслов, заряженные очень мощной энергетикой, способной «вытолкнуть» данный смысл из глубинных пластов нашего подсознания и архепамяти. Эти мельчайшие смыслы-атомы находятся в постоянной диффузии и обладают способностью к сцеплению с другими, масштабно себе подобными, микроэлементами смысла. Это ведет к трансформации в смысловой структуре слова. В ней происходит процесс, напоминающий химическую реакцию, результатом которой может становиться «выброс» на поверхность нового/неожиданного смысла-символа.

Мы говорим здесь о смыслах, которые не материализуются на уровне привычного декодирования слова. Это – и не вторичная номинация, не переносное значение слова в их классическом хрестоматийном понимании. Но это нечто, что витает в наших ощущениях, как некий дополнительный смысл, как сознание, сотканное из ощущений, и реализующееся при качественно ином культурном понимании возможностей референта. Мы имеем в виду смыслы, остающиеся вне компонентного анализа слова, а порой и за пределами декодирования вообще, если имеет место несовпадение аксиологической шкалы, просвещенности, культурного опыта адресанта и адресата. И, тем не менее, эти смыслы присутствуют в коннотации слова, порождают эмоциональные ощущения, причем, не только от сюжета, но и от слов, которыми этот сюжет рассказан. Это

своеобразное «послевкусие» слова, и ингредиенты, составляющие именно этот аромат и есть мельчайшие частицы смысла, до которых не расщепляется слово при компонентном анализе. Однако их наличие ощутимо, а изучение есть все тот же поиск предельных составляющих мира, поиск элементов человеческой мысли, не прекращающийся со времен Паскаля и Лейбница.

Отсутствие исследований по данному вопросу связано, на наш взгляд, с тем, что:

а) искомые элементы смысла ничтожно малы;

б) наука вообще до недавних пор не обращалась к исследованиям на столь минимальном уровне, соответственно, нет инструментария и методики работы с подобным материалом;

в) их препарация есть вопрос, находящийся на стыке проблем языка, литературоведения, психологии.

Смысл, создаваемый за счет движения в коннотации слова мельчайших энергетически заряженных частиц смысла, может создать при константе значения, зафиксированного посредством компонентного анализа, новое созначение. Это будет еще одна ипостась слова, возможно, элитарная.

Образующиеся лакуны в анализе значений и созначений слова нуждаются в заполнении, и в качестве дополнения к компонентному анализу слова мы предлагаем наномасштабное исследование лексического материала.

Nannos (греч. карлик) – первая часть сложных слов, обозначающих процессы, происходящие на атомно-молекулярном уровне. Широкое распространение получили в последнее десятилетие наномасштабные технологии, без преувеличения, совершившие революцию в сфере технологических возможностей человечества. Оперирование столь минимальными элементами открывает новые возможности, грандиозным подтверждением чего стали достижения, в частности, в области физики.

Отталкиваясь от идеи о наномасштабном исследовании, развитом в физике и понимаемом как поатомно-молекулярный анализ структуры, на который уже не распространяются каноны классической физики, мы полагаем, что возможно говорить о семантике наносмыслов, как о ресурсном потенциале слова, исследование которого требует иного, «микрохирургического», инструментария.

Первым шагом на пути наномасштабного семантического анализа лексических единиц является определение базового уровня, определение реалий, подвергающихся исследованию. Следовательно, первостепенная задача есть фиксация наносмыслов в тексте. Само понятие «текст» – предмет дискуссионный. Воспользуемся определением И.Р. Гальперина: текст есть «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом данного документа» [6: 18].

Наиболее ярким полотном, репрезентирующим наносмыслы, является художественный текст. Именно он создает пространство для движения энергетически заряженных мельчайших частиц смысла. Логика нашего исследования требует отграничить понятия микротекст и макротекст. «Под микротекстом понимается любой обладающий внутренней завершенностью отрывок цельного литературного произведения... Под макротекстом понимается совокупность объединенных общим эстетико-философским содержанием тестов определенного автора (цикл стихотворений, поэтический сборник, книга рассказов, а в отдельных случаях весь корпус текстов данного автора). Наконец, особое

значение... имеет понятие интертекст, т. е. «совокупность всех возможных интерпретаций аллюзий и параллелей, имплицитно содержащихся в данном тексте» [7: 564].

Для иллюстрации наших рассуждений обратимся к языку эссеистики одного из крупнейших русских поэтов XX века Иосифа Бродского. Сам жанр эссе задает эстетику и тональность языка, а мастерство мэтра возводит их до уровня философских и психологических этюдов. С другой стороны, многие из эссе И. Бродского автобиографичны, это история жизни автора, его встреч, литературных привязанностей, это, наконец, своеобразная шкала его личностной аксиологии. Для понимания языка автора такого ранга, каким является И. Бродский, эссе неотделимы от его поэтического наследия, и в единстве они составляют макротекст, о котором мы говорили выше. Без макротекста отдельные образы, созданные поэтом, остаются за пределом декодирования. Макротекст, в свою очередь, обеспечивает существование виртуального интертекста. «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова 2000 года дает девять дефиниций слова *тень* и четыре слова *поклонить*.

ТЕНЬ: 1. Темное отражение на чем-л., отбрасываемое предметом, освещенным с противоположной стороны. | О том, кто постоянно бывает с кем-л., всюду следует за ним. 2. Пространство, защищенное чем-л. от лучей солнца | Плохо освещенное место. 3. Места на рисунке, картине, изображающие наименее освещенные участки. 4. Место на лице, выделяющееся более темным оттенком. 5. Косметическое средство. 6. Отражение внутреннего состояния. 7. Малейший признак. 8. Неясные в темноте очертания фигуры. 9. Дух умершего или отсутствующего человека, являющийся, по суеверным представлениям, кому-л.

ПОКЛОНИТЬСЯ:

1. Сделать поклон (поклоны) кому-л. в знак приветствия, почтения, благодарности.

2. Словесно или письменно через кого-л. засвидетельствовать свое уважение, внимание.

3. Обратиться с просьбой, униженно просить о чем-л.

4. Придя к священному месту, выразить свое благоговение.

Курсивом мы отметили в словарных дефинициях те составляющие значений, которые становятся импульсом к преобразованию в значениях слов. В результате: *поклониться тени* = отдать дань уважения чему-то / кому-либо несуществующему. Однако макротекстуальный анализ творчества И. Бродского дает нам прочтение, которое сплетает ткань интертекста, образующуюся движением смыслоемких, энергетически заряженных частиц – наносмыслов. Так, в дефиниции к слову *тень* находим освещенным с противоположной стороны», подставляем из макротекста: Бродский живет в Америке, родители остались в России. Другая противоположность: родители, к которым обращены воспоминания, умерли, Бродский жив, противопоставление жизнь – смерть; «плохо освещенное место» – никто не знает о том месте, куда уходят мертвые. «Места на рисунке, картине, изображающие наименее освещенные участки»: рисунок, картина, творчество для Бродского священны; священность творчества – сакральность – икона – алтарь, катарзис, поклониться иконе, алтарю. «Отражение внутреннего состояния»: неизбывная боль от невозможности попрощаться с родителями. «Неясные в темноте очертания фигуры»: темнота – память, расплывшиеся образы воспоминаний.

Выступая в роли препаратора прекрасного, мы находим рассудочные импульсы, приводящие в движение процессы на наномасштабном уровне в коннотациях слов, в нашей культурной памяти и психике. Наносмыслы, мельчайший пласт структуры слова, максимально связанный с контекстом, макро- и микротекстом, образуют, в свою очередь, интертекст. Они обладают мощнейшей энергетикой, приводящей в движение семные потоки как внутри слова, так и в коннотации (Здесь мы не вступаем в дискуссию относительно соположения поля и коннотации). Очевидно, что наносмыслы связаны с полем посредством контекстуальных сем. Наномасштабное исследование составляющих смысла есть путь от макросистемы к микросистеме.

Наносмыслы, а возможно и наносемы, следует, по всей видимости понимать как новую реалию, представляющую собой мельчайшую, но еще одну ипостась слова, и обладающую столь мощной энергетикой смысла, которая способна «взорвать» семантическое поле потоком абсолютно неожиданных наносмыслов. Результатом энергетического взрыва смысла на наномасштабном уровне являются образующиеся «смысловые воронки», ловушки, втягивающие в своеобразную словесную игру адресанта и адресата.

Наномасштабное исследование требует новые просторы семантической, семиотической и этнолингвистических исследований между языками родственных (узбекского и казахского) и неродственных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Символика уединения и единения в текстах Достоевского // Язык и культура. Факты и ценности. – М., 2001.
2. Ахманова О.С., Мельчук И.А., Глушко М.М. и др. Основы компонентного анализа. – М., 1969.
3. Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 2000.
4. Бродский И. Поклониться тени. – СПб., 2000.
5. Вежбицка А. Семантические примитивы // Семиотика. – М., 2001.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
7. Тростников М.В. Перевод и интертекст с точки зрения поэтологии // Семиотика. – М., 2001.

УДК 812.09

СТРУКТУРНО-СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДЕРИВАЦИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Н.Б. Шаронова

Навоийский государственный педагогический институт (Навои)

В исследовании ономазиологических структур можно выделить специальный аспект описания того, как и с помощью каких единиц формируется ономазиологический базис, и как – ономазиологический признак. Можно, как это делали чешские и словацкие лингвисты, избрать иной ракурс рассмотрения: перечислить и описать все типы отношений базисом и признаком в конкретном языке. Для построения теории номинации важен, однако, такой анализ ономазиологических структур, котором выявляются особенности выражения того или иного значения этими структурами.

Ключевые слова: деривация, словообразования, семасиология, ономазиология.

In the study of onomasiological structures, one can single out a special aspect of describing how and with the help of what units the onomasiological basis is formed, and how the onomasiological feature. One can, as Czech and Slovak linguists did, choose a different angle of consideration: list and describe all types of relations between the basis and the feature in a specific language. However, for the construction of a theory of nomination, such an analysis of onomasiological structures is important, which reveals the features of expressing a particular meaning by these structures.

Key words: derivation, word formation, semasiology, onomasiology.

Ономасиологическим базисом могут являться понятия субстанции и ее разновидностей (предметы, живые существа и т. п.), понятия действия и его разновидностей и т. п., т. е. понятия, соответствующие тем, что лежат в основе выделения кардинальных частей речи. Ономасиологическим признаком являются свойства предметов и действий, их отношения и связи. Так, объясняя ономасиологическую структуру чешск. *gupařlo* «экскаватор», М. Докулил указывает, что ономасиологическим базисом этого слова является понятие субстанции (слово обозначает предмет), конкретизируемое как категория носителя отношения к действию гура «рыть»; ономасиологическим признаком является не просто конкретный глагол, но отношение к действию, им обозначенному [6: 197]. В формуле толкования этого слова «механизм, устройство для рытья» ономасиологическим базисом является понятие механизма, а переменным признаком то, что этот механизм служит для рытья.

В исследовании ономасиологических структур можно выделить специальный аспект описания того, как и с помощью каких единиц формируется ономасиологический базис, и как – ономасиологический признак. Можно, как это делали чешские и словацкие лингвисты, избрать иной ракурс рассмотрения: перечислить и описать все типы отношений базисом и признаком в конкретном языке. Для построения теории номинации важен, однако, такой анализ ономасиологических структур, котором выявляются особенности выражения того или иного значения этими структурами. Главное внимание здесь надлежит уделить вопросу о том, как соотносятся между собой определенные ономасиологические структуры производных и выражаемые ими значения.

Если смысловая структура производного существует как мотивированное и расчлененное образование, отсылающее к другим знакам языка, а ономасиологическая структура – как единство ономасиологического базиса и ономасиологического признака, анализ соотношения этих структур означает прежде всего анализ соотношения исходных значений мотивирующих единиц и использованного формального средства со значениями результативными. Проблема здесь заключается в том, чтобы определить, в каких ономасиологических структурах значения исходных единиц сохраняются полностью, а в каких – устраняются или преобразуются. Если каждое производное – это новое наименование, то представляется очень важным установить, как формируются новое значение в ходе словообразовательного такта и в каком отношении оно может рассматриваться именно как новое. Интересно проследить в этом смысле, например, то, какие из компонентов ономасиологических структур – базис или признак – находят семантическое соответствие в исходных единицах деривации, а какие возникают в ходе словообразовательного акта и оказываются его непосредственным результатом. Наконец, еще одним аспектом изучения ономасиологических структур может явиться установление того, принадлежат

ли эти структуры к числу моделируемых по определенным правилам или же к числу образований индивидуальных.

Аспекты изучения ономаσιологических структур, остановимся прежде всего на вопросе о том, подчиняется ли моделирование производных наименований каким-либо закономерностям в семантическом плане и как могут быть сформулированы некоторые правила трансформации исходных значений в процессе словообразования.

Описывая эти аспекты словообразования, обычно ограничиваются указанием на то, что производное – это мотивированное слово и поэтому – семантически выводимое. Строгое определение этих терминов, однако, отсутствует, ибо ссылка на возможность объяснения мотивированного слова через мотивировавшее его слово весьма расплывчата. Ведь остается неясным, насколько полно и насколько просто значение производного может быть выведено из значения производящей единицы и при соблюдении каких условий должно происходить подобное «выведение». Так, семантически выводимыми резонно считать связанные между собой метафорой или метонимией значения одного и того же слова, типа лиса «зверь» и лиса «хитрец». И здесь налицо мотивированность одного значения другим, хотя, как видно, нет отношений словообразовательной производности. Следует поэтому строго разграничивать мотивированность семантическую и формальную. Деривационная мотивированность есть именно формально обоснованная, т. е. имеющая формальное отражение мотивированность. Проявляется она в нескольких отношениях.

Так, например, значение слово врач можно «вывести» из значения слова лечить или из значения слова медицина, но утверждать, что они мотивированы друг другом, вряд ли допустимо. Уже это наводит на мысль о том, что понятие мотивированность имеет более строгие формальные ограничения, хотя бы поэтому, что при отсылке к исходной единице предлагается отсылка к образованию с тем же корнем. Однако и этого ограничения явно недостаточно. Слова типа выключатель, уплотнитель можно объяснить формулой – то, что совершает указанное действие, но слова типа испытатель, истребитель подобному объяснению не поддаются. Выведение формулы мотивации оказывается хотя и возможным, но более сложным процессом. Но выведение такой формулы для доказательства мотивированности обязательно.

Как следует из этих рассуждений, мотивированность понимается нами как объективное свойство производного наименования отражать своим составом и аранжировкой, своей морфологической структурой структуру смысловую и, главное, предсказывать (формулой) ее общее значение. Насколько полно подобное предсказание? В какой мере оно вообще осуществимо? Предсказуема ли ономаσιологическая структура производного, строящегося по определенной словообразовательной модели? В какой мере можно прогнозировать, какой признак будет выбран в качестве основы обозначения того или иного явления действительности? При анализе производных ответы на эти вопросы упрощаются благодаря тому, что словообразование имеет дело с комбинаторикой уже готовых знаков и, следовательно, с выбором для называния связей таких знаков, которые уже существуют в языке.

Производное только устанавливает отношения между определенными знаками и выражает наблюдаемые в опыте человека отношения одного предмета, явления, процесса или свойства к другим. Конечно, и в этом случае из многочисленных и разнообразных связей выбираются какая – то одна,

определяющая: ватник – это одежда, сделанная из ваты, пристегиванием ватной прослойки; чайник – это вместилище для чая и сосуд для его заварки, а школьник – это ученик, посещающий школу. И все же, несмотря на кажущееся и действительное разнообразие лексических значений производных, определяется оно всегда в рамках единого общего значения – при установлении отношения одной субстанции к другой на основе самого простого из самого «натурального», естественного высказывания и суждения об именуемом предмете.

Вопрос о мере регулярности словообразования – одна из наиболее актуальных проблем теории этого предмета. Ведь если для каждой словообразовательной модели можно установить диапазон ее действия и прогнозировать появления производных с определенной ономаσιологической структурой, описание производных можно приблизить грамматическому описанию посредством образцов (парадигм) и правил. В современной лингвистике возможность такого решения проблемы нередко оспариваются.

Можно полагать также, что необходимость представления многих производных в словаре как отдельных лексических единиц и полноправных слов вызвана не только нерегулярной лексикализацией этих единиц, но и асимметрией смысловых структур слов, связанных отношениями словообразовательной производности. Эта частая асимметрия заключается в том, что по объему передаваемых значений исходное и производное слова не совпадают. Так, не все значения исходного слова дублируются производным: и у того, и другого может наблюдаться специализация одного из значений. Хотя вопрос об указанном типе асимметрии требует специального исследования для разных типов производных, представляется, что полное повторение всех значений исходного слова в смысловой структуре производного – явление редкое. Есть основания полагать, что область чистой синтаксической деривации охватывает весьма ограниченные классы слов. Впрочем, именно для этого типа деривации правила устанавливаются наиболее просто.

Разумеется степень иррегулярности словообразования кажется очень значительной, если вместо того, чтобы изучать подлинно синхронные процессы словообразования, мы пытаемся насильственно подчинить правилам гетерогенные и гетерохронные единицы, имеющие к тому же нередко длительную историю их существования и развития в изучаемом языке. Фиксация словарем многих апробированных обществом производных оправдана часто именно тем обстоятельством, что возникнув когда-то давним – давно в языке и продолжая в нем сохраняться, они с течением времени «обрастают» новыми значениями, развиваясь семантически как самостоятельные слова, более независимые от своего источника, или же пополняясь новыми значениями вместе с появлением новых значений у мотивировавших их слов.

Представляется поэтому, что более правы же ученые, которые подчеркивают, что в своей основе словообразовательные процессы достаточно регулярны и что при их описании можно опускать некоторые детали лексикализации моделей. Для каждой словообразовательной модели существует исчисляемое количество типовых структур, которыми она может быть реализована, и такое же ограниченное и исчислимое количество обобщенных значений, которые она может выразить. В принципе поэтому можно считать, что ономаσιологические структуры, соответствующие той или иной формальной структуре, поддаются исчислению.

Интересной проблемой деривационной ономазиологии является вопрос о том, в какой мере в смысловой структуре производных единиц повторяются значения мотивирующих единиц и в какой мере общее значение производного соответствует или не соответствует значению его компонентов.

Нарушение принципа «сложения смыслов» в производных с выраженными формально отношениями словообразовательной производности мы отмечаем в следующих случаях:

– при повторении вторичным наименованием семантики исходной единицы, когда вопреки морфемному усложнению производной структуры ее семантическая структура не меняется, ср. лиса – лисица; дождь – дождик; гвоздь – гвоздик; эти нечастые случаи представляют собой примеры семантического «выветривания» или опрощения аффиксальных морфем; случаи появления подобных семантических дублетов вряд ли предсказуемы;

– при полной невыводимости значения производного из значения его частей; эти случаи можно трактовать как словообразовательные (морфологические) фразеологизмы, а, точнее, как псевдопроизводные единицы;

– при неполной выводимости значения производного из значения его частей; эти случаи можно трактовать как примеры мотивации с частичной идиоматизацией.

Другой возможный путь образования подобных производных – повторение производным не только прямого номинативного значения его источника, но и его обычного окружения. Так, деривационным эталоном французской словообразовательной модели «de + именная основа+er» является глагол со значением лишения, отделения при извлечении, ср. *demasquer* «снимать маску», *demeubler* – «убирать (выносить) мебель», *debourder* – «очищать от грязи», *degradiser* – «уничтожать крыс, мышей». Частичная лексикализация здесь возможно, когда производное фиксирует вдобавок к указанному значению еще один компонент действия: ср. *delaiter* – «отжимать сыровотку из масла», *delarder* – «отделять сало от свиной туши», *dechainer* – «спускать с цепи собаку», *denoyer* – «откачивать воду из затопленной шахты» и т. п.

Именно частичная лексикализация производных придает словообразовательным процессам их гибкость, выразительность, а также делает их эффективным и действенным средством номинации. Одним сложением существующих смыслов было бы невозможно удовлетворить растущие потребности человеческого общения, ибо языку постоянно нужны новые наименования и новые значения. Предметом словообразовательного анализа не должны поэтому служить одни только производные аддитивного типа. Это положение не является общепринятым. Так, З.М. Волоцкая указывает, что «под производными словами ... будем понимать только такие слова, значения которых однозначно и стандартно выводятся из значения морфем, составляющих эти слова». Это мнение, выдвинутое также польскими специалистами по теории словообразования, не может быть поддержано, ибо, следуя ему, пришлось бы признать существующими за рамками системы словообразования чересчур много единиц типа водитель, писатель.

При действительном разнообразии лексических значений у производных одной модели их обобщенное словообразовательное значение одно и то же. При этом последнее может выступить регулярно либо как результат сложения смыслов сочетающихся единиц, либо как результат установления стандартной смысловой дистанции между производящими и производными единицами.

Мотивированность производного наименования линейного типа, т. е. расчлененного по своей формальной структуре и существующего в виде последовательности из двух основ, или основ в сочетании с аффиксами, обуславливается простотой и естественностью соотнесения каждой этой части с определенными значениями. Нельзя только забывать при этом, что значащими, мотивированными являются не только сами компоненты морфологической структуры производного, но и порядок их следования, сама их организация в данную словообразовательную модель, закрепляющую типы связей между ее компонентами, в общем соответствующие естественным связям предметов в окружающей нас действительности.

Когда в теории мотивации производного слова начинают исходить из того, что одна его часть является мотивирующей, а другая – немотивирующей, недооценивают роль аффиксов или других словообразовательных средств, ибо использование каждого из них тоже продиктовано законами мотивации одной единицы другой.

Иные ономаσιологические проблемы возникают при изучении производных с невыраженными отношениями словообразовательной производности. К таким производным могут быть отнесены образования, в морфемной структуре которых отражены не все морфемы, мотивировавшие их значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарипова Н.Д. Смысловая структура многозначных наречий в ее отношении к смысловой структуре прилагательных // Исследования по семантике. – Уфа, 1975. Вып. 1
2. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М., 1973.
3. Ким Л.Л. О понятии «тождество лексических значений» в синхронном словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. II. – Ташкент, 1975.
4. Кубрякова Е.С. Теория мотивация и определение мотивированности производного слова // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. II. – Ташкент, 1975.
5. Тихонов А.Н. О семантической соотносительности в словообразовании // Вопросы языкознания. – 1967. – № 1. – С. 19.
6. Dokulil M. Tvoreni slov v cestine, I. – Praha, 1962.

УДК 371.214.41=512.145

ТУГАН ТЕЛНЕ (ТАТАР ТЕЛЕН) УКЫТУДА ГАЛИМЖАН ИБРАҖИМОВНЫҢ РОЛЕ

М.М. Шәкүрова

ТР ФА Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Статья посвящена научно-методической деятельности учёного-методиста, известного писателя Галимджана Гирфановича Ибрагимова. Автор уделял много внимания вопросам преподавания татарского языка в татарской школе. В конце XIX – начале XX в. татарский язык преподавался в некоторых официальных школах и учебных заведениях как родной язык. Значительным вкладом в разработку истории педагогики является труд Г.Г. Ибрагимова «Татар телен ничек укытырга?» («Как преподавать татарский язык?»). Исходя из внимательного изучения научно-методических работ, учебников (родного) татарского языка, считаем, что методические выводы и предложенные положения учёного не потеряли своей актуальности в настоящее время, когда обучение родному (татарскому) языку

в общеобразовательных организациях ведется в свете внедрения обновлённого ФГОС.

Ключевые слова: Галимджан Ибрагимов, научно-методическая деятельность, родной (татарский) язык, морфология, синтаксис.

The article is devoted to the scientific and methodological activities of the scientist-methodologist, famous writer Galimdzhan Girfanovich Ibragimov. The author paid a lot of attention to the issues of teaching the Tatar language in a Tatar school. At the end of the 19th - beginning of the 20th centuries. The Tatar language was taught in some official schools and educational institutions as a mother tongue. A significant contribution to the development of the history of pedagogy is the work of G.G. Ibragimov "Tatar telen nichek ukityrğa?" ("How to teach the Tatar language?"). Based on a careful study of scientific and methodological works, textbooks of the (native) Tatar language, we believe that the methodological conclusions and proposed provisions of the scientist have not lost their relevance at the present time, when teaching the native (Tatar) language in general education organizations is carried out in the light of the implementation of the updated Federal State Educational Standard.

Key words: Galimdzhan Ibragimov, scientific and methodological activities, native (Tatar) language, morphology, syntax.

XX гасыр башларында телне әдәбият белән бәйләп укуту, нәхү (синтаксис), сарыф (морфология) һәм имла (орфография) кагыйдәләрен билгеле бер төрлөгә өйрәтү, фәнни анализ ясау, дәрәслекләр төзү, тыныш билгеләренәң вазибалары белән таныштыру кебек мәсьәләләр игътибар үзәгендә тора. Татар телендә бер-бер артлы мәктәп дәрәслекләре чыга башлый (Х. Максуди. «Терки сарыфы», «Терки нәхүе», 1910; Г. Ибраһимов. «Татар сарыфы», «Татар нәхүе», 1911; Г. Нугайбәк, «Төрлек»; Ж. Вәлиди. «Татар теленәң имла һәм сарыф вә нәхү кагыйдәләре». 1915; Г. Сәгъди «Үз телебезчә мөкәммәл сарыф-нәхү». 1915 һ. б.) [3: 207]. 1915 елда Г. Ибраһимов сарыф-нәхү китапларының күпләп чыгуын бик хуплап каршы ала, аларның юнәлешен билгели, бу фәннәренәң бер рәвешкә кергәнлеген ассызыклай. Сарыф-нәхү китаплары, автор фикеренчә, «һәммәсе төп итеп татар телен, татар әдәбиятын ала, һәр сүзен вә һәр кагыйдәсен татар теленнән вә татар әдәбиятыннан алынган мисаллар белән ныгыта бара» [1: 182].

Галимҗан Ибраһимов – татар телен укуту методикасына үзәктән зур өлеш керткән галим, укутучы-методист, язучы. Ул орфография, грамматика мәсьәләләре белән кызыксына, татар телен укуту методикасын эшли («Татар теле һәм татарча язу хакында бер сүз» (1910), «Татар сарыфы» (1911), «Татар нәхүе» (1911), «Татар имлясы» (1914), «Татар телен ничек укутырға? (Телемезнең методикасы хакында бер тәҗрибә)» (1916) һ. б.).

Әдип «Татар теле һәм татарча язу хакында бер сүз» (1910) мәкаләсендә «кирәкмәгәнчә озын вә килешсез сүзләргә» кулланмаса, ачык, аңлаешлы итеп, тәмам татарлашкан сүзләрдән файдаланырга чакыра [2: 33]. Шулар рәвешле укучының сүз запасын баета, сүзләргә әкрәпләп әйләнәшкә кертә.

Г. Ибраһимов «Татар сарыфы» (1911) дигән хезмәтен мәктәп-мәдрәсәләр өчен кулланма рәвешендә яза. Китапның теле гади, аңлаешлы, гамәли максатларны күздә тотылган. Мисалларны халык авыз иҗаты әсәрләреннән һәм Дәрдемәнд, Г. Тукай, Ф. Кәрим, Г. Исхакый һ. б. ала. Мәсәлән:

Шаулы дингез, – жил өрәдер,
Жилкәнен киргән караб,

Төн вә көндөз – ул йөзәдер:
Юл бара, ят ил карап. (Дәрдемәнд)

Бу шигырьдә «диңгез» сүзе олугъ суны, «*жыл*» кузгалган һаваны аңлата. *Жилкән, караб, төн, көндөз, юл, ил* дигән сүзләр дә һәрбере билгеле бер әйберне белдерәләр. Ягъни боларның һәрбере бер-бер нәрсәгә ат була. Шулар рәвешчә: бер нәрсәнең атын (исмен) белдерә торган сүзләр «исем» дип атала. Югарыда саналган сүзләрнең һәрбере исемгә керә [2: 67]. Г. Ибраһимов *жылкән, караб, төн, көндөз, юл, ил* дигән исемнәр арасына рәвешне дә керткән: *көндөз*. – *Ул йөзәдер кайчан?* Бу очракта *төн вә көндөз* сүзләре вакыт мәгънәсен белдерәләр.

Г. Ибраһимовның «Татар нәхүе» дигән хезмәтендә жөмлә, жөмләнең баш (ия һәм хөкөм) һәм иярчен кисәкләре, жөмләнең төрләре (*вакыт жөмлә, сәбәп жөмлә, тәмамлык жөмлә, аергыч жөмлә, рәвеш жөмлә, шарт жөмлә* һ. б.), тыныш билгеләре һәм кушма жөмләнең бер төре – тезем турында тирән мәгълүмат бирә, нәтижә чыгара, беренче үрнәкләрне тәкъдим итә [2: 111]. Алга таба бу хезмәт татар теленең синтаксисын формалаштыруга да үзеннән зур өлеш кертә.

1912 елда мөселман мәктәпләре өчен дәрес китаплары сайлау хакында Уфа киңәш мәжлесендә Г. Ибраһимовның чыгышы игътибарга лаек. Чыгарган карарларында әлифба китапларына куелган төп таләпләрдән берничәсенә тукталып үтик: 1) әлифба ысулы саутия (аваз методы. – *М.Ш.*) белән язылган булсын, 2) һәр авазга бер хәрәф тапмактыр (һәр аваз бер генә хәрәф белән белдереләргә тиеш. – *М.Ш.*), 3) китап бер имля белән генә язылсын, 4) әлифбада язу үрнәкләре булсын, 5) әлифбадагы материал баланың аңына муафыйк булсын (туры килсен), 6) әлифбадагы рәсемнәр вакыйгага нисбәтле булсын, 7) әлифбада халык мәкальләре, табышмаклар, әдәби жөмләләр вә кечкенә хикәяләр кертелгән булсын һ. б. [2: 195].

XX гасырда Ә. Максуди, Г. Ибраһимов, Г. Сәйфуллин, М. Корбанғалиевләрнең тәҗрибәсен истә тотып төзелгән дәреслекләрнең берсе – С.Г. Вәгыйзов, Р.Г. Вәлитоваларның «Әлифба»сы. Әлеге әлифба укучылар, укытучылар өчен генә түгел, эти-әниләр өчен дә гади, аңлаешлы булуы белән аерылып тора һәм 42 тапкыр миллионлаган тираж белән басылып чыга. Авторлар сайлаган жөмләләр, текстларның жиңел, аңлаешлы булуы, сайланган шигырьләрнең хәтергә сеңеп калуы белән дә бу дәреслек бик әһәмиятле. Китапта өйрәнелә торган хәрәфләр тезмәсе белән генә эшләү, шулар ярдәмендә ижекләр ясау, сүзләр, жөмләләрне дәрес итеп төзү, язу, рәсемнәрдән файдаланып, кечкенә хикәяләр төзү, табышмакларның жавапларын таптыру кебек күнегүләр тәкъдим ителгән. Бу төр эшләр 1912 елда мөселман мәктәпләре өчен дәрес китаплары сайлау хакында Уфа киңәш мәжлесендә каралган булган [2: 196]. Әлеге мәжлестә М.Х. Корбанғалиевнең «Татар әлифбасы»н, Хәсән Галинең «Тел ачкычы» китапларын мәктәпләр өчен дәреслек буларак тәкъдим ителәр.

Г. Ибраһимовның «Татар телен ничек укытырга? (Телемезнең методикасы хакында бер тәҗрибә)» (1916) дигән китабы ул – лингводидактик хезмәт. «Сүз башы»нда автор унсигезенче гасырдан ана телен өйрәтүгә аеруча игътибар бирелүен, унтугызынчы гасырда аның нык эшкәртелүен, егерменче гасырда татарча язарга өйрәтүнең алгы планга чыгуын әйтә [2: 238]. Әлеге хезмәт алты бүлектән тора: 1) ана телендә уку-язу өйрәтү, әлифба укыту хакындагы ысуллар; 2) дөрест имля белән язарга өйрәтү хакындагы ысуллар; 3) ана телендә уку дәресләре; 4) ана теленең сарыф вә нәхүен укыту хакындагы ысуллар; 5) инша

дәресләре; б) сыйныф тышында (сыйныфтан тыш. – *М.Ш.*) укырга китаплар бирү.

Беренче бүлектә автор әлифба укыту хакындагы ысуллардан “ижекләп укыту ысулы, ысуле мәддия, ысуле саутия» турында мәгълүмат бирә, иң отышлысы дип, саутия ысулын тәкъдим итә: «Ысуле саутиядә төп маддә итеп аваз алынды. Монда башлыча ике юл бар: 1) башта авазны өйрәтеп, аннан – ижеккә, ижектән – сүзгә, сүздән жөмлөгә күчү, 2) моның киресенчә: бөтен жөмлө әйтеп, аны сүзләргә аеру, сүзне – ижеккә, ижекне авазларга бүлү» [2: 238]. Бүгенге көндә беренче юлны синтез ысулы (жыя), икенчесен анализ ысулы (тарката) дип йөртәләр. Икесеннән дә файдалансаң, Г. Ибраһимов андый ысулны «катыш ысул» (катнаш ысул. – *М.Ш.*) дип йөртә.

Икенче бүлектә сүз ана телендә уку дәресләре турында бара, ягъни уку дәресләре төзек итеп, дәрәс интонация белән сөйли алу куатен арттыра, укыганын аңларга өйрәтә, китап укырга гадәтләндерә, әдәбиятка мэхәббәт уята.

Г. Ибраһимовның «Татар телен ничек укытырга?» дигән хезмәтенең өченче бүлгә – «Имля дәресләре» дип атала. Башлангыч мәктәпләрдә дәрәс имля белән язарга өйрәтүнең кирәклегә, кыенлыгы һәм имля мәсьәләсә карала. Автор балаларны дәрәс итеп язарга өйрәтүнең дүрт юлын күрсәтә: 1) күчереп яздыру, 2) күңелдән яздыру, 3) әйтеп яздыру, 4) ялгышларны дәрәсләтү [2: 278]. Дәрәс язарга өйрәтүдә бүген дә шушы дүрт төрдән бик иркен файдаланыла.

Хезмәтнең дүртенче бүлгә ана теленең сарыф вә нәхүен укыту ысулларын өйрәтүгә багышланган [2: 283]. Бала мәктәп-мәдрәсәләрдә гыйлем ала, морфология (сарыф) һәм синтаксисны (нәхү) өйрәнә, аларны гамәли яктан куллана башлый. Әлегә бүлектә Г. Ибраһимов сарыф-нәхү дәресләренең төп нигезләре, аларны өйрәтү ысуллары, сарыф-нәхү дәресләренең планы белән таныштыра, сүз һәм жөмлөләрнең тикшерү үрнәкләрен бирә. Дәрәс үрнәкләре белән танышкач, авторның укыту методикасын тирән белүе, яна белемнәрне бер системага салып, мөмкин кадәр укучының үзеннән эзләтеп таптыруы күренә.

«Ана телендә инша дәресләре» дигән бишенче бүлектә һәр укыганны сөйләтү, рәсемнәр белән эшләү, рәсемнәр буенча инша яздыру яки үз башларыннан чыгарып яздыру кебек эш төрләре карала. Г. Ибраһимов күчереп яздырудан кала барлык төр язма эшләрне *инша* дип атый. Ул башта баланы яхшы итеп сөйләргә өйрәтергә, аннары сөйләгәнне кыска, төгәл итеп язып бирергә кирәклекне әйтә.

«Сыйныф тышында укыр өчен китаплар бирү» дигән алтынчы бүлектә тәкъдим ителгән әсәрләрдә вакыйгаларның жанлы булуы, баланы үзенә тартып торыу, матурлыкны күрә, тоя белүе, өметсезлек, дөньяга начар карау кебек тойгыларның булмавы төп шартлардан санала [2: 306].

Г. Ибраһимовның «Татар телен ничек укытырга? (Телемезнең методикасы хакында бер тәҗрибә)» дигән китабы, мәктәп дәреслекләре аның татар телен укыту методикасына төпле нигез салучыларның берсе булуын дәлилли. Гомумән алганда, XX йөз башы татар тел белемдә һәм укыту методикасында, татар мәгарифен үстерүдә Г. Ибраһимовның роле бик зур.

ӘДӘБИЯТ

1. Ибраһимов Г. Татар сарыфы / төз. Б.Ә. Хәкимов һ. б. – Казан, 2003. – 118 б.
2. Ибраһимов Г. Әсәрләр: 15 томда. 9 т. / төз. Ә.Х. Әлиева. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. – 383 б.
3. Шакурова М.М. Становление и развитие методики преподавания татарского языка в иноязычной аудитории // Научный Татарстан. – 2010. – № 3. – С. 207–214.

ТЮРКСКИЕ ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-НОВООБРАЗОВАНИЯ

Н.А. Эргашева

Навоийский государственный горно-технологический университет (Навои)

Нами проанализированы несколько топонимов в составе новых фразеологических единиц. Данная статья посвящена изучению тюркских топонимов в составе фразеологических единиц новообразования. Пока в этих направлениях ещё не созданы словари неологизмов на материале тюркских языков.

Ключевые слова: топонимы, тюркология, фразеологические единицы, новообразования.

We have analyzed several toponyms in the composition of phraseological units of new formations. This report is devoted to the study of Turkic toponyms in the composition of phraseological units of new formations. So far, in these areas, dictionaries of neologisms have not yet been created on the material of Turkic languages.

Key words: toponyms, Turkology, phraseological units, new formations.

Нами проанализированы топонимические фразеологические единицы новообразования на материале тюркских языков. Большое внимание уделено на изучение фразеологических единиц, в состав которых вошли топонимы Бухара, Сибирь, Казань и др.

Названия *Казань* и *Булгар* не так частотны в татарской фразеологии, тем не менее ФЕ с данными компонентами зафиксированы во многих источниках. Рассмотрим несколько примеров с названием этих столичных городов:

Алдың – Казан өлгесе, артың – Мәскәү көзгесе (досл. Спереди по казанскому образцу, а сзади как в московском зеркале) [6]. Используется в значении ‘одет по столичной моде, хорошо выглядит’;

Болгар икән олтаны (досл. Подметки-то болгарские) [6] – ‘хорошие, качественные подметки, в целом качество обуви хорошее’;

Болгар олтаны (досл. болгарские подметки) [6] – ‘качественные, практичные подметки’. В последних выражениях не случайно зафиксирован компонент Булгар, так как город издавна был известен как центр кожевенного производства.

Теперь рассмотрим некоторые фразеологические единицы татарского языка, в которых присутствует астионим *Бухара*. Сам по себе тот факт, что название довольно далекого в географическом отношении города нашло отражение в татарской фразеологии и паремиях, говорит о том, что этот город занимал важное место в татарской истории и культуре. Действительно, вплоть до XVIII века Бухара являлась одним из крупнейших центров просвещения и культуры во всем восточно-мусульманском регионе. Биография многих тюркских ученых, теологов, деятелей культуры и литературы связана со Средней Азией, и в частности с Бухарой как центром образования. Остановимся на следующих примерах:

Бохар ишәге (досл. бухарский осел) [4] – ‘ленивый, упрямый, глупый’;

Бохара жимеше (досл. бухарский фрукт) [4]. Говорится о шакирде, мулле, который проходил обучение в Бухаре;

Без белмәгән аз булыр, Бохарада таз булыр (досл. Мы мало чего не знаем, разве что про плешивого в Бухаре) [4]. Дескать, мы все знаем;

Андый гына кимчелек Бохара киявендә дә була (досл. Такой небольшой недостаток и у бухарского жениха бывает) [4] – ‘ничего не бывает без недостатков, даже у самых положительных людей имеются недостатки, мол, это можно простить’;

(Аңа) булды – бохари, булмаса – сохари (досл. Если будет – бухарское, если нет – сухарь) [4]. О человеке, которому все равно, который не ставит цели, не думает о том, чего добиться, который довольствуется тем, что выпадает;

Булса – Бохара, булмаса – истихара (досл. Если будет – Бухара, если не будет – исти-хара (сон)) [4]. Задумывая какое-либо дело, перед сном загадывали, каков будет его исход. Этот сон назывался ‘*истихара*’. Выражение подразумевало: ‘Если все получится, поедем в Бухару, если нет, будем считать, что толкование сна было ошибочным и делу конец’;

Бохарага барса, аягын эжиргә тиермәсләр иде (досл. Если бы поехал в Бухару, ему бы не позволили ногой земли коснуться) [4]. Говорится с иронией, имея в виду, что из-за невежества наш народ не понимает ценности этого человека, тогда как в таких крупных культурных центрах, например, как Бухара, давно бы оценили его мудрость и носили на руках;

Аның өчен Бохарага барасы юк (досл. Для этого в Бухару ехать не надо) [4] – ‘дело довольно просто решается’.

Далее обратимся к следующему виду ФЕ, включающих в качестве компонента названия сельских местностей, т. е. такие виды топонимов, как *хорионимы или комонимы*. В количественном отношении в татарском языке, по сравнению с французским языком, такого рода фразеологизмы преобладают. Это, скорее всего, говорит о том, что французская культура имела возможность интенсивного развития в городском ареале, в то время как «живая» татарская культура, особенно язык, в большей степени сохранялась в сельской местности.

Приведем следующие примеры:

Шекә пәрие (досл. нечистая сила из Шеки) [5]. Миф, выдуманный Яхъя муллою, усмирителем чертей, который в начале XIX века жил под Казанью в деревне Шека;

Әжем казы (досл. гусь из Азима) [4]. Используется в значении ‘не умеющий плавать’. В деревне Азим Тетюшского района была очень маленькая речка, и, мол, поэтому гуси пили воду только из колодца и не умели плавать;

Битаман бизгәге (досл. битаманская лихорадка) [4]. Используется применительно к надоедливому человеку. Село Битаман было расположено на болотистой местности, поэтому там частым явлением была лихорадка, причем она не излечивалась, все время повторялась. Таким образом, назойливый человек ассоциируется с мучительной лихорадкой;

Лаеш шулпасы эчү (досл. пить лаишевский бульон) [5]. Фразеологизм возник на основе следующего исторического факта. Татарское сельское население, будучи государственными крестьянами, привлекалось к различным тяжелым казенным работам. Одной из них была заготовка дубового леса в дубравах близ села Лаишево под Казанью. Вальщиков леса кормили пустой казенной похлебкой (тат. шулпа) без мяса. С тех пор о человеке, которому пришлось перенести много трудностей, многое пережить, говорят, что он хлебнул «лаишевской похлебки»;

Минзәлә шулпасы эчмәгән (досл. Не пил мензелинского бульона) [6]. Говорится о человеке, который еще не успел повидать много трудностей и не встречал на своем жизненном пути настоящих испытаний;

Әнә сиңа Карадуган юлы (досл. Вон тебе дорога на Карадуган). Пожелание злему человеку. Здесь зафиксировано название села Карадуган. Оно стояло на Сибирском тракте, по которому в свое время отправляли в Сибирь каторжников [10, 231];

Байсар бикәсе булып утыру (досл. сидеть, как байсарская барышня) [4]. – Сидеть ничего не делая, считая себя за высокую особу.

В татарском языке зафиксировано большое количество ФЕ с топонимом **Сибирь**. В этих ФЕ отражается трагическая судьба татар и в целом российского народа, когда неугодных для российского государства или же несогласных с имперской политикой людей ссылали в Сибирь. Таким образом, Сибирь здесь выступает как символ изоляции от центра цивилизации. Рассмотрим следующие примеры:

Безгә Себер ни, Сембер ни (досл. Нам что Сибирь, что Симбирск) [9]. Говорится в значении ‘ему без разницы, что Сибирь, что Симбирск’, подразумеваемая бесшабашного человека, для которого что Сибирь, что Симбирск, хотя эти местности находятся в прямо противоположных направлениях;

Акчам Себер китте (досл. Мои деньги ушли в Сибирь) [4]. В значении ‘деньги пропали, ушли впустую, на ветер’;

Беткән баш беткән, Себер киткән, муен калса эжиткән (досл. Пропадающая голова пропадающая, ушла в Сибирь, достаточно, если хоть шея останется) [4]. – Если отправят в Сибирь, не так страшно, главное, чтобы жив остался;

Баш Себер китү (Себер китү) (досл. Голова ушла в Сибирь) [4] – ‘пропасть, быть в большой опасности’;

Себер юлы тап-такыр (досл. Сибирская дорога – ровная) [5]. В значении ‘никто не гарантирован от того, чтобы быть сосланным в Сибирь’. Говорится в виде предупреждения;

Себердә дә бер кояш, Сембердә дә бер кояш (досл. И в Сибири, и в Симбирске солнце одно) [5]. Говорится в утешение, подразумеваемая, что жизнь везде одинаково трудна’;

Себере дә, Сембере дә бергә (досл. Сибирь и Симбирск вместе взятые) [5]. Когда говорят о чем попало и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байрамова Л.К. Введение в контрастивную лингвистику. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 116 с.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. – М.: Изд. центр «Академия», 1998. – 432 с.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 396 с.
4. Исәнбәт Н. С. Татар теленең фразеологик сүзлеге: ике томда. 1 т. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 495 б.
5. Исәнбәт Н.С. Татар теленең фразеологик сүзлеге: ике томда. 2 т. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – 365 б.
6. Исәнбәт Н.С. Татар халык мәкальләре: өч томда. 3 т. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. – 1013 б.
7. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – М.: МАКС-Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5–21.
8. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В.Г. Гак и др.; под ред. В.Г. Гака. – М.: Рус. яз.; Медиа, 2005. – 1625 с.

9. Сафиуллина Ф.С. Татарча-русча фразеологик сүзлек. – Казан: Мәгариф, 2001. – 335 б.
10. Тагирова Ф.И. Фразеологизмы с компонентами-онимами как отражение этноспецифической языковой картины мира (на материале татарского и турецкого языков) // Материалы VII Междунар. симп. «Языковые контакты Поволжья», Казань, 2–5 июля 2008 г. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – С. 230–232.
11. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры: сб. ст. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.
12. Хабибуллина А.А. Концепты, моделирующие внутренний мир человека (на материале татарского, английского и французского языков) // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева, 2011. – № 1 (69). Ч. 1. – С. 208–213.
13. Якимова Н.И. Межъязыковые соответствия соматических фразеологизмов чувашского, татарского, башкирского и турецкого языков // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, 2011. – № 1 (69). Ч. 1. – С. 221–224.

УДК 812.111

НУМЕРАТИВЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗУЧЕНИЯ

Р.Н. Юсубова

Навоийский государственный педагогический институт (Навои)

В данной статье исследуются проблемы числительных слов. Актуальных и уточненных материалов о числительных в грамматических и семантических исследованиях нет. Исследования показали, что слова-числительные существуют во всех тюркских языках. В исследовании эти показатели интерпретируются и обоснованными фактическими материалами.

Одни исследователи отнесли числительные к существительным, другие – к числительным. Эти обстоятельства уже являются спорными. С семантической и когнитивной точки зрения нумеративы следует исследовать как отдельные семантические и грамматические категории.

Ключевые слова: числа, меры, длина, вес, объем, счет, штуки, лица, метаязыковые явления.

In given articles are investigated problems numerals words. About numerals in grammatical and semantic researches there are no actual and specified materials. Researches in given articles have shown that numerals words exist in all Turkic languages. In research these indicators are interpreted also by actual materials proved.

Some researchers have carried numerals to nouns, and others to numerals. These circumstances already are disputable. Semantic and cognitivs the points of view of Numerativity should be investigated as separate semantic and grammatical categories.

Key words: numerals, measures, length, weight, volume, the account, pieces, persons, the metalanguage phenomena.

Особое место в системах языков, в том числе и тюркских, занимают слова, указывающие на количество. Обычно их называют нумеративными или пояснительными, счетными или нумеративными, .

По утверждению Н.А. Баскакова, к ним относятся слова, выражающие «меры длины, веса, объема, а также слова, обозначающие счет отдельными штуками, персонами и пр. или счет группами» и т. д. Действительно, семан-

тические единицы, выражающие меры длины, объема, веса и др., обладают определенной общностью и служат своеобразным метаязыком при выявлении межъязыковых поверхностных средств в различных языках. Формы выражения этих семантических групп могут совпадать и не совпадать в зависимости от родства языков. Однако в сравниваемых языках эти единицы обязательно находят свое выражения. С точки зрения типологической общности внешних и внутренних совпадений и расхождений они подразделяются на: а) общие нумеративные слова для тюркских и общеевропейских языков, совпадающие по форме выражения типа «километр», «гектар», «сантиметр»; б) слова, характеризующие тюркскую общность («штука» – узб. «дона», кыргз. «дана», туркм. «дене», каз. «дана», каракалпак. «дана»); в) слова, характерные для каждого из сравниваемых языков в отдельности. Последние обуславливают расхождения в системах родственных языков, накопление которых постепенно меняет картину лексического состава. По проблемам нумеративных слов на материале русского языка очень редки исследования. В частности академик В.В. Виноградов вносит некоторые замечания. Касающиеся нумеративов «Нумерализация» существительных женского рода, имеет отвлеченное значение неопределенно-большого количества – пишет он.

Кроме всех этих разрядов имен числительных: 1) счетных, 2) количественно-собирательных и 3) неопределенно-количественных, к категории числительных притягиваются отвлеченные существительные, обозначающие неопределенно-большое количество чего-нибудь: бездна, гибель, уйма, масса, пропасть, тьма. (В сущности, слово «тьма» по происхождению является архаическим существительным, обозначающим в церковнославянском языке: десять тысяч, непостижимое множество.) Однако эта «нумерализация» существительных еще не ведет к утрате ими форм рода и синтаксических свойств имени существительного» [3: 296].

Для обоснования выше указанного на материале тюркских языков приведем список отдельных нумеративных слов без сравнения и без семантической дифференциации в каждом сравниваемом тюркском языке отдельно.

При выборке слов нами использованы грамматические примеры, а также специальные монографические исследования. Нижеследующие примеры охватывают все типы нумеративных слов:

Туркменский язык: килограмм, грамм, тонна, метр, сантиметр, танап, пут, гадак, жубт, тонтак, тон, сури, баш, топ, гошавуч, овуч, убутук, дене, тысым, санач, тай, дабан, тикеч, дувунчек, гант, набат, орум (сач – волос), култем(йуп), тагма (кағыз, дилим, пенже, дишлем, болек, араба, дуе, дуе йуки, халта чувал, эшек, десесе, девум, атым, гоч, салкын, сере, гысым, чуммук, мервер, муче, алчын, сере, гарыш, мензил, хада, гез, едим гулач, гултум, дамдык, сажын, туммек, мысгал, бармак, болек, дызбойы, Адам бойы, гол бойы, дорт бармак и др.

Каракалпакский язык: метр, километр, децеметр, сантиметр, гез, аршын, аунак, пуд, батпан, сийсери, сери, қадак, шерекағары, мысқал, танап, гектар, сотых, саат, кун, хепте, ай, тыл, секунд, минут, сутка, кулаш, суйем, қарыс, ели, адым, шақырым, топ, топар, болек, орис, пада, уйир, салым, қысым, орам, десте, уртлам, тислем, асым, тартым и др. [1: 217–224].

Кыргызский язык: дана, баш, туп, нусха, тутунг, тал, корооо, қадак, килограмм, батман, миллиграмм, грамм, пуд, центнер, тонна, литр, тамчы, утум, татым, ууртам, тутам сындырым, уч, байлам, чымчым, кесим, тартым, туркум,

кучак, тангак, канат, тилим, мунот, секунд, саат, метр,, сантиметр, миллиметр, дециметр, чакырым, саржан, эли, соом карыш укум, кадам, аттам, кулач, кез, танап, теше, тахта, сотых, квадрат, квадрат метр, квадрат километр, гектометр, куб, дициметр, куб снтиметр, куб метр, колтук, ченел, чангач и др. [4: 114–118].

Казахский язык: центнер, килограмм, тонна, батпан, гектар, кубометр, адым, қарыс, кез, метр, шақырым, ат шаптырым, қозы кош, ет асым, қас, қаққанша, қас пен қоздин арасында, еу дегенше.

Узбекский язык: бош, нафар, дона, нафас, тилим, тўп, томчи, сих, парча, варақ, сиким, бўлак, гурух, тўда, шайка, нусха, саҳифа, бет, оғиз, луқма, чимдим, култур, ютур, хўшлам, қатра, нима, тўғрам, пой, шингил, гала, даста, боғ, боғлам, кучоқ, шода, группа, ҳовуч, жуфт, пар, грамм, килограмм, метр, пуд, центнер, тонна, литр, пиёла, қошиқ, коса, чойнақ, қоп, кути, чамодон, жўра, кийим, кийимлик, арава, машина, туя, қават, ўрим, тандир, тоғора, сантиметр, километр, газ, таноб, тош, қулоч ёш, яшар, аср, йил, ой, ҳафта, сутка, кун, қоча, қундуз, соат, дақиқа, минут, секунд, сўм, танга, чақа, тилла, марта, мартаба, кара, бор, ҳисса, қатла, дафъа и др. [5: 382–390].

Особый интерес представляют эти слова в современном узбекском языке, так как наличие аффиксальной морфемы нейтрализует некоторые из них, т. е. происходит взаимоисключение разноуровневых маркеров. Действительно, слова типа: бош – голова (при счете животных); нафар – человек, персона, душа; дона – штук; нусха – экземпляр; нафас – момент, миг; тилим – кусок, ломоть; туп – куст (при счете растений); томчи – капля; сих – вертел, шампур; парча – кусок, кусочек; варақ – лист; сиким – горсть, горстка, горсточка; бўлак – кусок; тўп – группа, куча, толпа, стая; тўда – куча, грудa, шайка, кучка и другие выступают как поясняющие единицы [9].

Некоторые из них могут считаться разноуровневыми синонимами аффиксальной морфемы -та: ўнта қалам – ўн дона қалам – десять (штуk) карандашей. Например: Ўттизта эркак – ўттиз нафар (эркак) – тридцать мужчин и т. д. [9].

Итак, в узбекском языке эти единицы выступают синонимично с аффиксальной морфемой, а в других тюркских языках эти слова считаются единственными показателями нумеративности, связанными с числительными, хотя они принадлежат к другим разрядам слов. В этом отношении узбекский язык противопоставляется не только английскому языку, но и другим тюркским языкам, в которых используются нумеративные слова, так как в их системах нет специальной аффиксальной морфемы, служащей синонимом нумеративных слов.

Вопросы изучения нумеративных слов вызывает особый интерес. В историко-лингвистических источниках встречаются все нумеративы с числительными. Но нумеративы изучаются отдельно от числительных как существительные. Нумеративы по лексическому и грамматическому значениям имеют особый класс слов и относить их к существительным затрудняет в когнитивном плане категоризацию и концептуализацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. II, часть первая. – М., 1952.
2. Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. – М., 1983.
3. Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1972.
4. Дыйканов К., Худайберганов С. Кыргыз тилинин морфологияси. – Фрунзе, 1957.
5. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.-Л., 1960.
6. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Алма-Ата, 1966.

7. Сравнительная грамматика русского и туркменского языков. Ч. 1. Фонетика и морфология. – Ашхабад, 1964.
8. Севортян Э.В. Из истории прилагательных в тюркских языках // Тюркологические исследования. – М.-Л., 1963.
9. Ўзбек тили грамматикаси. – Ташкент: Фан.

УДК 81'38; 801.6; 811.512.145

СУФИЗМ В ПОВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭВОЛЮЦИЮ СТАРОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

А.Ф. Юсупов, А.Л. Фатыхова

Казанский федеральный университет (Казань)

Суфизм обрел свое место в истории, в духовной и культурной жизни тюрко-татарского ареала. В данной статье языковые особенности и художественно-изобразительная архитектоника суфийских поэтических произведений данного периода прослеживается на широком фоне суфийской классики и её поэтики.

В ходе исследования прослеживается роль суфизма в духовной жизни татар, определяется воздействие суфийского учения на эволюцию старотатарского языка вплоть до XIX века. На материале поэтических произведений доказывается влияние суфизма на лексическую, стилистическую и грамматическую систему старотатарского языка; рассматриваются функционирование лексических единиц и грамматических элементов в сакральных текстах суфийских и их роли в истории национального литературного языка.

Ключевые слова: суфизм, исламский мистицизм, суфийская поэзия, старотатарский язык, лексика, грамматическая форма.

Sufism has found its place in history, in the spiritual and cultural life of the Turkic-Tatar area. In this article, the linguistic features and artistic and visual architectonics of Sufi poetic works of this period are traced against the broad background of Sufi classics and its poetics.

The study traces the role of Sufism in the spiritual life of the Tatars, determines the impact of Sufi teachings on the evolution of the Old Tatar language up to the 19th century. Based on poetic works, the influence of Sufism on the lexical, stylistic and grammatical system of the Old Tatar language is proven; the functioning of lexical units and grammatical elements in sacred Sufi texts and their role in the history of the national literary language are considered.

Key words: Sufism, Islamic mysticism, Sufi poetry, Old Tatar language, vocabulary, grammatical form.

С принятием булгарами ислама суфизм обрел свое место и в истории татарского народа, вошел в духовную, культурную жизнь тюрко-татарского ареала. В Волжской Булгарии нашло распространение учение Ходжы Ахмеда Ясеви и Сулеймана Бақыргани – основателей суфийского направления ясевия. Как показывают исследователи, в Поволжье и на Урале в дальнейшем учение ясевия стало духовным источником и фундаментом братства накышбендия, который активизировался в татарской среде в XVI–XVIII вв. На территории Золотой Орды суфизм, по мнению Г.Г. Галиахметовой, вероятно, стал одним из самых распространенных течений в объединении разновременного народа. Сам Бирке хан принял ислам от суфийского шейха Сайфетдина ал-Бохарзи в Бухаре в начале 60-х годов XIII века [2: 26–28].

Широкое проникновение в татарскую общественную мысль накышбендийского учения имеет свои предпосылки и объяснения. Как отмечает А.Т. Сибгатуллина, в накышбендия практиковался молчаливый (созерцательный) зикр..., этих суфиев часто называли «молчальниками». Согласно учению накышбендия, человек должен заниматься зикром так, чтобы находящийся с ним рядом не мог догадаться о его мыслях. Такой суфийский ритуал более подходил татарскому народу с его скромным и спокойным характером [7: 25].

Во-вторых, суфизм послужил стимулом для народа в объединении государства на основании религиозных и патриотических чувств. Успех суфизма на Поволжско-Приуральском регионе обуславливался «той убеждающей силой, которая содержалась в свойственном ему экстатически экзальтированном подходе к вере, в харизме и чудотворстве мистиков – подвижников и аскетов, в колдовских и магических приемах, к которым постоянно прибегали суфии [3: 219]. Суфийские общины исламизировали старые языческие сакральные места, подгоняли старые предания под нормы мусульманской веры. Таким образом, суфизм играл важную роль в формировании и развитии религиозного мировоззрения татар в целом. Необходимо отметить, что «влияние ислама на тюрко-татарский мир весьма существенно: оно изменило даже традиции, пришедшие из фольклора, трансформировало не только языческие элементы в национальном сознании, но и социально-бытовые, общественно-философские взгляды поэтов» [11: 220].

Суфизм способствовал не только развитию литературно-эстетической мысли, но и эволюцию языка. Как известно, главным языком поэзии суфийских классиков был фарси, она создавалась в Иране, Афганистане, Средней Азии, Азербайджане, Турции, Индии; но существуют и произведения на арабском, турецком и даже греческом языках.

Для обычной персидской художественной литературы существовала нормативная поэтика, которая разрабатывала правила построения «украшенной речи», исходя из грамматического учения о соответствии (*tanasub*) формы (*lafz*) и значения (*maa'ni*) слова или поэтического высказывания. Она требовала логической выверенности изобразительных средств поэтического языка, строгого лексического соответствия (*munasibat-e lafzi*) всех элементов поэтической речи. В отличие от нее суфийская концепция речи зиждилась на идее семантической неопределенности текста, представлении об онтологическом несоответствии «*lafz*» и «*maa'ni*» [6: 95]. Известный французский иранист Ж. Лазар, изучая символический характер газели Хафиза, сделал ряд интересных замечаний о ее языке; смысл его суждений заключается в том, что газели Хафиза присуща некая сверхъестественная выразительность, многозначность и многоступенчатость ассоциаций [17]. Употребление суфийскими авторами символов, ассоциаций, мистической игры слов и звуков и т. д. свидетельствует об обладании ими весьма разработанным, стилистически сложным «техническим языком». Таким произведениям присуща глубокая и сильная инструментовка, которая со временем становится своего рода «каноном».

Схожая тенденция наблюдается и в тюрко-татарском ареале. Суфизм способствует развитию старотатарского языка, придает ему ещё большую гибкость, вводя в него новые языковые измерения. Язык суфийской литературы отличается разнообразием лексических, морфологических и синтаксических средств, использовавшихся в целях стилистической дифференциации.

Влияние суфизма отчетливо проявляется в следующих подсистемах языковой системы исследуемых сакральных тестов:

1) *Влияние суфизма на лексическую систему языка поэзии.*

Определенную часть лексического состава суфийских поэтических произведений, составляют заимствования. Как отмечает М.И. Махмутов, большинство классиков XV–XIX веков сочиняли свои произведения под воздействием арабо-персидской и среднеазиатской классической литературы, подражая ей. Именно поэтому их произведения изобилуют арабо-персидскими заимствованиями, понятными разве что для узкого круга просвещенных лиц [4: 12]. По мнению исследователей, увеличению удельного веса арабо-персидских заимствований и закреплению заимствований в словарном составе старотатарского языка «способствовала суфийская поэзия, пропитанная арабо-персидскими элементами и оказавшая сильное воздействие на развитие письменного литературного языка того времени» [10: 100].

В результате анализа арабо-персидской лексики тюрко-татарской суфийской поэзии можно выделить несколько тематических групп данных заимствований, среди которых особый интерес представляют:

– *религиозные слова и термины.* В языке поэтических произведений данного периода активно употребляются слова и понятия, относящиеся к исламской терминологии или общемусульманскому лексическому фонду;

– *суфийская терминология.* В данную группу входят слова, обозначающие понятия мусульманского аскетизма, мистики, духовного состояния самого суфия (термины, необходимые для описания мира суфия; понятия, обозначающие самого суфия; понятия, определяющие состояния, возникающие в процессе постижения истины Всевышнего; понятия, определяющие духовное совершенствование суфия и т. д.). О функционировании, адаптации и трансформации арабо-персидской лексики в языке суфийских произведений более подробно описано в наших нескольких статьях [12; 13; 14].

Таким образом, употребление в языке татарской поэзии данного периода специальной суфийской терминологии, а также религиозных терминов и понятий, относящихся к исламской терминологии, оценивается нами как результат влияния суфизма и суфийского учения на языковую картину мира и религиозного мировоззрения татар.

2) *Влияние суфизма на старотатарский язык не обошло и стилистическую систему языка.*

Язык суфийской поэзии отличается пластичностью и способностью описывать одновременно несколько предметов, явлений и ощущений. Многообразие поэтического языка позволяет авторам создать произведение, которое разные люди воспринимают по-разному. Поэтические произведения характеризуются разнообразием семантико-стилистических выразительных средств, среди которых доминирующую роль играют и сложные тропы. Именно в поэзии в полной мере проявила себя раскрепощающая роль мистического восприятия, позволяющего через символы, метафоры, как *локон, раб, душа, вино, свеча, бабочка, луна, возлюбленная*, выразить полет человеческой фантазии, некротимый порыв к поиску Идеала-Истины.

Исследователи средневековой персидской суфийской поэзии определяют, что в ней наблюдается два направления – «труднодоступная простота (*sahl-e mōmtani*) и «новое особенное изящество (*fiṭānijāt*)» [5: 104–105]. «Изящным» произведениям присуща глубокая и сильная инструментовка. Как отмечает

Н. Пригарина, такая стилистическая сложность возведена в канон в XI–XII вв. и к этому времени уже простота воспринималась чуть ли не как прозаизм [5: 95].

Стилистическая система тюрко-татарской суфийской поэзии, можно сказать, эволюционирует по такому же принципу – от «простоты» к «изыществу». При этом в тюрко-татарской литературе доминирует «невзрачный» стиль: «по сравнению с персидской, татарская суфийская поэзия выглядит относительно бледной, стилистически более упрощенной. Стихи татарских поэтов не могут в такой же мере служить образцами изощренности художественного стиля, технического разнообразия, т. е. изыска воплощения сложных поэтических явлений» [7: 31]. В отличие от первого стиля, второй имеет свой особый «язык», он адресован определенному типу читателя, который знаком с основами суфизма. В таких поэтических произведениях начинают присутствовать суфийские культурные коды, воссоздающие суфийское мировоззрение, подобные образ-символы служат основным средством изложения любви к Абсолюту, философской концепции поэта-суфия. Данный стиль в суфийской поэзии исследователями татарской суфийской поэзии определяется как «изыщный» стиль. Эта тенденция свидетельствует о разделении религиозно-дидактического и суфийского направлений. Именно язык символов становится отличительной особенностью нового явления, обеспечивающего элитарность и усложненную интеллектуальность.

В таких произведениях преобладает условно-символический пласт, который раскрывает религиозное содержание, этот скрытый смысл, закодированный в устойчивых суфийских символах, создает особый язык и обеспечивает вариативность прочтения текста. Тюрко-татарские поэты часто обращаются на широко распространенные в арабо-мусульманской эстетике парные символические образы «мотылёк – свеча», «соловей – цветок». Например, в стихотворении «Назидание» Мухаммедьяр прибегает к парной символике соловей – цветок, символам *сад и пеней*, символизирующим земную жизнь и недостойные людские качества. Так стихотворение с помощью «вставки» мировоззренческого, философского характера иллюстрирует назидание поэта, парные символы, усложняя произведение, подчиняются поэтическому воплощению суфийской концепции мироздания. Стихотворение Ш. Заки «Нужно научиться...» напоминает изыщные, полные условно-символическими образами и кодами произведения восточных поэтов: *ir irsän, pärvanai xuşojdan ügränmäk kiräk, çyjšq mäynä şämuyna pärvana çyşly üzenä* [9: 86] «если ты мужчина, необходимо учиться этому у красивой бабочки, и бабочка растворялась в любовном огне к Богу». В условно-символическом подтексте стихотворения парная символика «мотылек – свеча» передает мотив божественной любви. Параллельные парные символы, в свою очередь, служат усложнению поэтики и языка поэтического текста.

Такая же тенденция продолжается и в хикмете «Любимая подарила мне белый платок» (93 хикмет) М. Кулыя, в произведениях «Во Вселенной», «Пре-красная» А. Каргали, «Грехов много...» Ш. Заки и т. д.

В суфийских произведениях, как и символы, метафоры обогащают татарскую поэзию различными смысловыми оттенками и используются для передачи авторской позиции и его отношения к окружающему миру. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что татарская суфийская поэзия вплоть до XIX века свидетельствует о масштабности использования суфийской символики и слож-

ных метафор, обеспечивающих вариативность прочтения поэтических произведений, что свидетельствует о канонах суфийской литературы.

3) Влияние суфизма на грамматическую систему языка поэзии.

Язык суфийских авторов отличается разнообразием морфологических средств, использованных в целях стилистической дифференциации. В глубь веков уходила традиция сознательно оснащать тюркский письменно-литературный язык и особенно его поэтическую разновидность большим количеством инородных не только лексических единиц, но и грамматических элементов, тем самым, культивируя наддиалектный характер письменно-литературного языка, прежде всего языка поэзии [1: 99]. При употреблении норм литературного языка происходила своеобразная дифференциация: поэтические произведения сочинялись в «возвышенном» поэтическом стиле и они были предназначены для «элиты» общества, в чей синтез входили ученые, религиозные деятели и поэты-суфии, большинство которых обучалось в Средней Азии и в арабских странах, которые в совершенстве владели арабским и персидским языками. Язык тюрко-татарских суфийских произведений, в основном, состоит из базисного традиционно огузо-кыпчакского и арабо-персидского слоев, что обусловлено, прежде всего, приверженностью поэтов к суфийским традициям мусульманского Востока.

Как показывают наши исследования, в грамматической системе языка тюрко-татарской поэзии арабские и персидские грамматические элементы зафиксированы, прежде всего, в оформлении именных частей речи, а также в составе субстантивированных форм глагола (причастие и имя действия) и употребляются в функции служебных частей речи (союз, частица, междометия и др.).

Поскольку функционирование арабо-персидских элементов в составе грамматических категорий имени существительного, употребляющиеся в языке исследуемых произведений, были уже предметом исследования в ранее опубликованных статьях [15; 16], в рамках данной статьи акцентируется внимание только на проблемы грамматического освоения арабских глагольных форм (имен действий и причастий), а также на некоторые особенности функционирования служебных слов в старотатарском языке.

На морфологическом уровне арабо-персидские грамматические формы в текстах К. Шарифа, Мухамедьяр, М. Кулыя, Ш. Заки, А. Каргали и т. д. используются не только в значениях и функциях, характерных для арабского или персидского языков, но также переходят в другие части речи, т. е. наблюдается явление конверсии (употребление масдаров и причастий в функции наречия, переход глагола в разряд служебных частей речи).

Как отмечают исследователи, большинство арабских масдаров в татарском языке субстантивируются под воздействием грамматических законов данного языка. Поэтому можно считать, что многие из них потеряли свои грамматические значения и выполняют функцию обыкновенных существительных [4: 17].

Исследовав язык восточных поэтов, Ж. Лазар разделяет «три порядка» языка. Языком первого порядка он показывает немистический язык, где слова употребляются в своем собственном значении. Языком второго порядка Ж. Лазар называет конвенциональный язык мистической поэзии, в котором символическое значение с течением времени становится неотъемлемой принадлежностью его семантики. Языком третьего порядка, по его мнению, является «язык тайны», окруженный ореолом ассоциаций, «это – язык, регистр которого относительно узок, но благодаря его символической структуре на нескольких уровнях он

обладает несравненным богатством резонансов» [17]. По нашему мнению, язык произведений татарских поэтов-суфиев относится к третьему порядку.

Таким образом, суфизм обрел свое место в истории, в духовной, культурной жизни тюрко-татарского ареала и становление тюркской поэзии Поволжья изначально было связано с суфизмом до середины XIX века. Суфизм играл важную роль в формировании и развитии религиозного мировоззрения татар.

Суфизм способствовал развитию старотатарского языка, он придал ему ещё большую гибкость, введя в него новые стилистические измерения. Влияние суфийского учения отчетливо проявляется в лексической, стилистической и грамматической системах старотатарского языка. Изобилие заимствованной лексики из арабского и персидского языков, функционирование в языке сакральных текстов поэтов-суфиев специальной суфийской терминологии, употребление суфийских символов и метафор, а также заимствованных арабских и персидских грамматических элементов способствовали формированию и развитию стилистически разработанного сложного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благова Г.Ф. О методике изучения морфологии средневековых тюркских поэтических текстов // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 86–100.
2. Галиахметова Г.Г. Суфизм в Золотой Орде // Суфизм в Поволжье: история и специфика. – Казань: Иман, 2000. – С. 26–28.
3. Гузейров Р.А. Золотоордынский суфийский мемориально-культурный комплекс XIII–XIV вв. на территории Нижнего Поволжья // Исламская культура в Волго-Уральском регионе. – Истанбул, 2004. – С. 215–221.
4. Махмутов М.И. Фонетическое и грамматическое освоение арабских заимствований в татарском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1966. – 20 с.
5. Пригарина Н.И. Образное содержание бейта в поэзии на персидском языке // Восточная поэтика. – М.: Наука, 1983. – С. 89–108.
6. Пригарина Н.И. Хафиз и влияние суфизма на формирование языка персидской поэзии // Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1989. – С. 95–120.
7. Сибгатуллина А.Т. Суфизм в татарской литературе (источники, тематика, жанровые особенности): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2000. – 62 с.
8. Шиммель А. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Рапопорт. – М.: Алетейа, Энигма, 2000. – 416 с.
9. Шәмсетдин Зәки шигырьләре / төз. Зиннәтулла Мөхәммәтрәхими // Научный архив Института истории, языка и литературы Академии наук Республики Башкортостан. Ф. 3. Оп. 63. Ед. хр. 47. – 178 л.
10. Юсупов А.Ф. Многовариативность старотатарского языка XIX века // Филология и культура. – 2012. – № 3 (29). – С. 99–103.
11. Юсупов А.Ф., Юсупова Н.М. Суфизм в средневековой татарской культуре: роль, особенности и модели мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5. – С. 219–222.
12. Юсупов А.Ф. Арабо-персидские заимствования в языке татарской поэзии XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12. Ч. 1. – С. 208–210.
13. Юсупов А.Ф. О суфийской терминологии в языке татарской поэзии XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4. Ч. 2. – С. 208–211.
14. Юсупов А.Ф. Суфийская лексика в языке поэтических произведений XIX века // Исламоведение. – 2015. – № 3. – С. 71–77.
15. Юсупов А.Ф. Закономерности функционирования арабских и персидских грамматических элементов в языке татарской поэзии XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. – № 4 (414). Филологические науки. Вып. 112. – С. 182–187.
16. Юсупов А.Ф., Нуриева Ф.Ш. Типы склонения в старотатарском литературном языке // Филологические науки: вопросы теории и практики. – 2018. – № 11 (89). – Ч. I. – С. 194–198.
17. Lazard G. Le langage symbol-ique du ghazal. Convegno internazionale sulla poesia di Hafez. Accademia Nazionale dei Lincei. – Roma, 1978. – P. 60–71.

РОЛЬ ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.Ш. Юсупова

Казанский федеральный университет (Казань)

*Статья подготовлена в рамках НОЦ стратегических исследований
в области родных языков и культур (ФПСР-2/24)*

Особенно ценным источником для историко-лингвистических исследований являются двуязычные словари. Взятые в совокупности, они позволяют документально подтвердить роль и место тех или иных языков в истории культуры в определённые исторические периоды, взаимоотношения данных языков, в том числе их связи с третьими языками. Причем при исследовании таких словарей можно без ущерба для требований научной объективности сосредоточиться на лингвистическом материале одного из двух языков.

Определяющим фактором формирования корпуса татарско-русских словарей XIX в. было постоянное возрастание в жизни Российской империи экономической и культурной роли тюрко-татарского населения в качестве одного из важнейших субэтносов империи. Свою роль в активизации подготовки указанных словарей играла интенсификация на протяжении XIX в. разносторонних связей России со странами мусульманского Востока, с которыми татары традиционно умели поддерживать диалог и сотрудничество.

В статье исследуются принципы перевода слов и словарных статей в двуязычных словарях XIX века. Особое внимание обращается на эквивалентный, смысловой, описательный перевод лексических единиц в исследуемых словарях.

Ключевые слова: двуязычные словари, принципы перевода, эквивалент, синоним, описание, толкование.

Bilingual dictionaries are a particularly valuable source for historical and linguistic research. Taken together, they make it possible to document the role and place of certain languages in the history of culture in certain historical periods, the relationship of these languages, including their connections with third languages. Moreover, when researching such dictionaries, it is possible, without prejudice to the requirements of scientific objectivity, to focus on the linguistic material of one of the two languages. The determining factors in the formation of the corpus of Tatar-Russian dictionaries of the XIX century were the constant increase in the economic and cultural role of the Turkic-Tatar population in the life of the Russian Empire as one of the most important subethnoses of the empire. The intensification of Russia's multifaceted ties with the countries of the Muslim East, with which the Tatars traditionally knew how to maintain dialogue and cooperation, played a role in activating the preparation of these dictionaries during the XIX century.

The article investigates the principles of translation of words and entries in bilingual dictionaries XIX century. Particular attention is drawn to the equivalent, semantic, descriptive translation of lexical items in the test vocabularies.

Key words: bilingual dictionaries, principles of translation, the equivalent of a synonym, description, interpretation

Развитие языка зависит от многих факторов – от конкретно-исторического контекста, от политических, идеологических, религиозных условий.

Язык находится, как известно, в неразрывной связи с культурой: в языке находят отражение те черты действительности, которые представляются релевантными для носителей соответствующей культуры. Язык рассматривается как ключ к культуре всего человечества и ключ к культурам отдельных этносов. Решение вопроса о соотношении языка и культуры во многом связано с поиском универсального и специфического в восприятии реальности носителями разных лингвокультурных традиций [1: 50].

К числу важнейших обстоятельств, влиявших и влияющих на развитие того или иного языка, относится их взаимодействие и взаимовлияние. Наиболее ярко это проявляется в тех случаях, когда этносы – носители разных языков – живут в тесном и постоянном контакте между собой. Этносы, проживающие в рамках общего или смежного политического, экономического пространства, объективно вынуждены понимать и изучать языки друг друга. Характерным проявлением этой закономерности были взаимоотношения на протяжении столетий русского и татарского языков.

Первым был татарско-русский словарь И. Гиганова, изданный в 1801. Эта деятельность была продолжена другими авторами. В XIX в. вышли в свет словари А. Троянского (1833; 1835), С. Кукляшева (1859), Н. Остроумова (1876, 1892), К. Насыри (1878, 1892), Миссионерского общества (1880, 1882, 1886, 1888, 1891), Ш. Габдельгазиза (1893), М. Юнусова (1900).

Эти двуязычные словари, созданные учеными, преподавателями и миссионерами, донесли до нас богатейший лексический материал той эпохи, который отражал продолжавшийся культурно-исторический диалог русского и татарского народов.

Изучение татарско-русских словарей XIX в. показывает, что их тюрко-татарский фонд на протяжении XIX в. постоянно расширялся, охватывая все важнейшие сферы жизни общества и государства: экономику, политику, культуру и быт. В своей основе тюрко-татарский словарный фонд рассматриваемого периода можно оценивать как базовый, классический: он в своих основных чертах сохранялся в последующем вплоть до настоящего времени.

Материалы рассмотренных словарей свидетельствуют, что одним из важных источников и направлений развития словарного фонда татарского языка были заимствования из других языков.

Большинство заимствований в татарский язык проникло из арабского и персидского языков. Определенное место в словарях занимают слова русского и европейского происхождения.

Изучая изменения лексики татарского языка в татарско-русских словарях XIX в., получены конкретные материалы для выявления закономерностей развития и совершенствования активного словарного состава в данный период. Работа не только восполнит существенный пробел в развитии истории татарского языкознания, но и внесет определенный вклад в изучение исторической лексикологии и лексикографии.

Исследование татарско-русских словарей способствует определению общих линий и тенденций, направлений в эволюции словарного состава татарского языка в тесной связи с историей татарского народа. Указанные лексикографические памятники, представляя ценный фактический лингвокультурный материал, раскрывают широкий диапазон функционирования словесных знаков, предоставляют возможность особого рода анализа, сохраняющего инвариантную информацию в рамках конкретных интерпретационных и теорети-

ко-прикладных концепций, воссоздающих картину лингвистической культуры различных эпох, духовные, нравственно-этические стремления и гражданские позиции авторов словарей в увековечении жизни словесных единиц.

Одним из ярких показателей данного процесса стало широкое распространение русско-татарских и татарско-русских словарей в XIX веке. Они были составлены с целью обучения татар русскому, русских – татарскому языку. Словари И. Гиганова «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе, учителем татарского языка Софийского собора, священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованный» (1801), А. Троянского «Словарь татарского языка и некоторых употребительных въ немъ реченій арабскихъ и персидскихъ, собранный трудами и тщаниемъ учителя татарского языка въ Казанской семинаріи священника Александра Троянского и напечатанный съ дозволенія комиссіи духовныхъ училищъ» (1833, 1835), К. Насыри «Татарско-русский словарь» (1878), Н. Остроумова «Татарско-русский словарь» (1892), М. Юнусова «Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений» (1900) являются характерным опытом татарской двуязычной лексикографии XIX века [2: 166].

Двуязычные словари приобщают пользователей не только к лексико-грамматической системе другого языка, но и способствуют усвоению центральных концептов иной культуры, а через них особенностей мышления и миропонимания народа.

Научно-методическое значение представляет вопрос о принципах перевода слов, которые использовались в вышеуказанных словарях.

Межкультурная коммуникация невозможна без перевода. В процессе перевода происходит взаимодействие двух картин мира – языковой и концептуальной. Способы семантизации иноязычной лексики зависят от целого комплекса факторов: характера переводимой лексики, природы вступающих во взаимодействие языков, степени их близости и особенностей соотношения двух языковых систем, социокультурного контекста и др. В характере языка отражается национальный характер и менталитет, особенности психики и национального самосознания, поэтому перевод с одного языка на другой не может быть точным. В процессе перевода важно учитывать этнокультуру нации, которая включает в себя социально-исторический, религиозный, геополитический, художественно-литературный и другие контексты.

«Принципы перевода слов непосредственно связаны с целями составления словарей. Если словари составлены с целью обучения лексике татарского языка, то татарские слова обычно переводятся на русский язык эквивалентом (слово в слово)» [3: 59]. «В переводных словарях, – писал В.П. Берков, – переводимым единицам должен быть найден точный эквивалент» [4: 21]. Таким образом, согласно теории лексикографии не может быть идеального, универсального принципа перевода слов для всех типов словарей. В каждом случае происходит соответствующая адаптация принципов и вариантов перевода.

Главная особенность двуязычной лексикографии – ее общедоступность, непосредственное отношение к проблемам перевода. Лучшие двуязычные словари, как правило, включают множество новых лексических единиц, появившихся в последние годы, но в то же время опираются на материалы предшествовавших словарей. Отсюда определенная преемственность между словарями.

В татарско-русских словарях XIX века, которые публиковались в основном в помощь изучающим татарский язык, дается эквивалентный перевод татарских слов на русский язык. Например: **салкынъ** – *холодныйъ* [5: 70], **ауль** – *деревня* [6: 1], **бура** – *срубъ* [7: 33], **бака** – *лягушка* [8: 20], **йетен** – *лень* [9: 278], **бауръ** – *печень* [5: 37], **кабак** – *тыква* [5: 102], **козгонъ** – *воронъ* [5: 123], **ачкыч** – *ключ* [8: 11], **мей** – *мозгъ* [5: 148], **йетмеш** – *семьдесятъ* [9: 278], **йер** – *земля* [7: 286], **йыр** – *песня* [9: 286], **тау** – *гора* [7: 38] и т. д.

У каждого языка есть своя лексико-семантическая система, поэтому не всегда возможно наличие для каждого слова точного эквивалента. Эта проблема возникает в случаях, когда в переводных словарях представлены неродственные языки. В таких случаях для передачи полного объема значения слов авторы словарей применяют синонимы. В татарско-русских словарях XIX века синонимический ряд состоит из двух или трех слов. Например: **эсселек** – *жар, зной* [8: 17], **борын** – *нос, клюв* [8: 32], **тыныч** – *спокойный, тихий* [8: 76], **эмма** – *но, однако* [8: 19], **гайре** – *иной, прочий* [8: 79], **кайгурмак** – *печалиться, горевать* [8: 86], **себерке** – *веник, метла* [8: 63], **калга** – *крепость, замок* [6: 8], **пишикъ** – *зыбка, люлька* [6: 8], **киис** – *войлокъ, кошма* [6: 8], **укъ** – *пуля, стрела* [6: 11], **кулакша** – *шапка съ ушами, малахай* [6: 17], **ицмякъ** – *исподки, варежки* [6: 17], **тышмакъ** – *верхонки, мохнатая руковицы* [6: 17], **кякта** – *прикопотки, носки къ чулкамъ* [6: 18], **асламъ** – *ростъ, процентъ* [6: 34], **тулана** – *баярка, боярышникъ* [6: 43], **хата** – *грехъ, беззаконье* [6: 54], **эш** – *дело, работа* [7: 15], **ачелекъ** – *горечь, кислотъ* [7: 15], **талау** – *ограбление, грабежъ* [9: 40], **тамыр** – *корень, жила* [7: 42], **джамагаты** – *семья, общество* [7: 63].

В словаре М. Юнусова встречаются синонимические ряды, состоящие из трех синонимов: **айрма ачыкъ** – *очевидно, явно, явственно* [7: 15], **биздермякъ** – *отваживать, отучить, отучать* [7: 34], **тубя** – *темя, крыша, вершина* [7: 38], **кисмякъ** – *сечь, резать, рубить* [7: 76].

В словаре А. Троянского синонимы являются одним из продуктивных способов семантизации. Каждое слово переводится двумя, тремя, четырьмя синонимами. Например: **үлән** – *трава, мурава, зелень* [9: 131], **өй** – *дом, изба, покой* [9: 139], **өермә** – *вихарь, буря, сильный ветер* [9: 139], **исле** – *душистый, вонючий, угарный или имеющий запах, дух, вонь, угар* [9: 153], **пишә** – *рукоделье, художество* [9: 259], **тәхсин** – *хвала, похвала, одобрение* [9: 281], **тәфәрреж** – *веселье, забава, утешение, восхищение, увеселение* [9: 331], **тәфәррык** – *развод, разведение, разлука, отдел, отделение* [9: 331], **жыртмак** – *драть, раздирать, разодирать, изодирать, рвать, разорвать, изорвать* [9: 393]; **жыртдырмак** – *велеть драть, раздирать, изодирать, рвать, разрывать, разорвать, изорвать* [9: 393], **жыртышмак** – *взаимно с кем драть, раздирать, издирать* [9: 393], **жыртылмак** – *драться, раздираться, изодраться, рваться, разрываться, разорваться, изорваться или быть раздираемым, издираемым, разрываемым* [9: 394].

Для передачи смысла слов, которые связаны с культурой, бытом, традициями того или иного народа, в переводных словарях широко используется прием толкования лакун.

Этот принцип стал главным в составлении словаря Н. Остроумова «Татарско-русский словарь» (1892). Автор дает объяснение почти каждому слову и вместе с тем показывает способы их словообразования. Например: **эрэмья** – *низкое место (по большей части около реки), густо заросшее преимущественно жирек, а также и другими деревьями балан, миляш, шоморт; -лек* – *то же самое* [5: 22], **каймак** – *густыя сливки снимается съ варенаго молока (любимое*

у крещеных татаръ угощение) [5: 104], **нагышь** – узоры, вышитые шелкомъ на платке, назначаемомъ для женского наряда [5: 152], **какы** – болотное растение, употребляемое бочарами для законопачивания бочек [5: 106].

Еще одной особенностью словаря Н.Остроумова является наличие различных объяснений и примеров. Автор стремится дать подробные комментарии словам. Например: **калак** – лопатка (деревянная, а также и часть тела), мешалка, чайная ложка: **сука калагы палици** (часть сохи) [5: 106], **кашка** – съ белымъ пятном на лбу (лошадь) [5: 115], **курт** – крутой, тяжелый характеромъ, **ул бик курт кеше** – онъ очень крутой человекъ [5: 132], **тиле** – глупый, дуракъ: **тилегэ тюря жук** – дураку начальства *нетъ*; **тиле таш жыя** – дурак камни собираетъ, **тиленен эше кара бозау теше** – дело глупаго – зубы чернаго теленка; **тиле белян табма да оляшма дя** – съ дуракомъ и не находи и не дели; **тиле белян донья тулган** – мир полнень дураками [5: 196].

Фактически тот вариант составления словарей, который представлен в рассмотренной работе Н. Остроумова, во многом характерен и для толковых словарей.

Выдающийся татарский просветитель К. Насыри использует следующую систему перевода религиозной лексики: **хаж** – путешествие в Мекку [8: 56], **хэрэм** – запрещенный шаригатом [8: 56], **хэлэл** – дозволенный шаригатом [8: 56], **хэдис** – предание. Словам, речи пророка относительно религии даются и объяснение, и описание данного слова [8: 56], **хотбэ** – речь в похвалу Бога, пророка, **асхабов во время полуденного намаза в пятницу = [жомга хотбэсе]** [8: 57]; **хур** – черноглазая райская девица [8: 56], **зэкать** – сороковая часть всего имущества, отдаваемая в милостыню [8: 62], **сэхабэ** – тот, кто успел беседовать с пророком Мухаммедом [8: 70], **кэүсэр** – источник в раю [8: 64], **мөрид** – ученик какой-либо аскетической общины [8: 102], **мөнбэр** – кафедра хатиба в мечети [8: 104].

Этот же принцип характерен и для словарей Н.Остроумова. Здесь дается описание слов, связанных с христианской религией: **питрау** – Петровъ день, праздникъ, чествуемый особенно крещенно – татарами мамadyшскаго и лаишевскаго уездовъ [5: 162], **теяберсень** – это слово произносится на поминкахъ по умершемъ человеке съ присоединениемъ его имени при этомъ вкушаютъ блины, кашу [5: 195].

В монографии «Вопросы двуязычной лексикографии (Словник)» В.П. Берков заявляет: «Родно-иностранный словарь должен включать в себя все собственные имена, которые по критерию употребительности признаются важными для общения данных двух языковых коллективов» [10: 101]. Собственное имя – это культурно маркированный знак, оно является ценным материалом для выявления основных тенденций развития языка в меняющемся мире [11: 32]. В словарях А. Троянского, К. Насыри, Н. Остроумова представлены антропонимы, названия государств, городов, гор, рек, озер, морей и материков: **Казан** – Казань [8: 84], **Идел** – Волга [8: 40], **Искэндэрия** – Александрия [9: 36], **Фрат** – Ефрат [9: 49], **Ибан** – Иван [5: 78], **Мисыр** – Египет [9: 218]. Эти названия – прекрасный материал для переводчиков общественно-политической, публицистической, художественной, особенно исторической литературы.

Изучение материалов рассмотренных татарско-русских словарей XIX века показывает, что их авторы постоянно совершенствовали методику составления подобных словарей. В словарях XIX века доминирует эквивалентный перевод, который является ведущим принципом семантизации и в современной

лексикографии. А перевод татарских слов на русский язык с помощью синонимических рядов помогал глубже и точнее понять значение лексем изучаемого языка. Иллюстративный лингвистический материал знакомит с бытом, традициями, фольклором и культурой народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф. Язык – культурный код нации и ключ к культуре всего человечества // Филология и культура. – 2012. – № 2. – С. 49–53.
2. Юсупова А.Ш. Татарско-русские и русско-татарские словари как инструмент диалога культур // Филология и культура. – 2012. – № 2. – С. 165–169.
3. Ногман М. XVII–XVIII йөзләрдәге русча-татарча кулъязма сүзлекләр. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1969. – 112 б.
4. Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. – 191 с.
5. Остроумов Н. Татарско-русский словарь. – Казань, 1892. – 246 с.
6. Гиганов И. Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими муллами свидетельствованная. – СПб., 1801. – 75 с.
7. Юнусов М. Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений. – Казань, 1900. – 115 с.
8. Насыри К. Татарско-русский словарь. – Казань, 1878. – 120 с.
9. Троянский А. Словарь татарского языка и некоторых употребительных в нем речений арабских и персидских, собранный трудами и тщанием учителя татарского языка въ Казанской семинарии священника Александра Троянского. – Т. 1. – Казань, 1833. – 629 с., Т. 2. – Казань, 1835. – 340 с.
10. Берков В. П. Двуязычная лексикография. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2004. – 236 с.
11. Галиуллина Г.Р. Диалог культур в ономастическом пространстве современного полиэтнического города // Филология и культура. – 2012. – № 2. – С. 32–35.

УДК 82:801.6

МЕХАНИЗМЫ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В СИСТЕМЕ НОМИНАЦИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.М. Юсупова, Э.И. Хамидуллина

Казанский федеральный университет (Казань)

В статье изучаются механизмы смыслопорождения в системе номинаций на материале татарской поэзии. Образы-символы как система номинаций являются своеобразными «кодами», определяющими уникальные и универсальные характеристики татарской поэзии. Сквозные образы-символы транслируются от одного этапа к другому, таким образом, складываясь в единую художественную систему, в которой каждое звено связано с предыдущим. Образно-символическое мышление порождает непрямую номинацию, формируя символическое значение, что позволяет констатировать номинативную функцию символов. Изучение символа в системе номинаций расширяет взгляды на процесс символизации, дополняя его такими способами и механизмами, как смыслопорождение, внутренний и внешний синтетизм.

Ключевые слова: татарская поэзия, символ, механизм, номинация.

The article examines the mechanisms of meaning generation in the nomination system based on the material of Tatar poetry. Images-symbols as a nomination system are peculiar “codes” that define the unique and universal characteristics of Tatar poetry.

End-to-end images-symbols are translated from one stage to another, thus forming a single artistic system in which each link is connected with the previous one. Figurative-symbolic thinking generates an indirect nomination, forming a symbolic meaning, which allows us to state the nominative function of symbols. The study of the symbol in the nomination system expands the views on the process of symbolization, complementing it with such methods and mechanisms as meaning generation, internal and external syncretism.

Key words: tatar poetry, symbol, mechanism, nomination.

Образы-символы в системе номинаций являются своеобразными «кодами», определяющими уникальные и универсальные характеристики татарской поэзии. Сквозные образы-символы транслируются от одного этапа к другому, таким образом, складываясь в единую художественную систему, в которой каждое звено связано с предыдущим.

В лингвистике выделяются первичный и вторичный виды номинаций, под вторичной номинацией подразумевается использование имеющихся номинативных средств в новой для них функции наречения, преломление непрямого отображения действительности «под воздействием содержательной стороны опорного наименования, которое предстает как опорное и для отнесения нового смысла имени к действительности» [8: 131]. Соприкасаясь в данных аспектах, предложенный языкознанием и через междисциплинарные исследования перекочевавший в другие сферы науки термин «номинация» указывает на новые для литературоведения аспекты символизации. Поэтому теория номинации приемлема для изучения символизации и открывает новые перспективы в детализации самого процесса символизации и его национальных особенностей в той или иной литературе.

Как утверждает В.Н. Телия, культурные коды в языке проявляются «через сакральные тексты, паремии, метафоры, фразеологизмы», поскольку названные единицы способны «становиться символами или использоваться во вторичной номинации» [9: 224]. Но не все средства вторичной номинации являются символами, ими становятся только те образы, которые обладают в семиотическом плане скрытым или зашифрованным смыслом. В данном понимании актуализируется процесс использования существующего символа (существующей номинативной единицы) в качестве имени для новых смысловых вариаций, новых номинативных значений. Нами символ рассматривается как наименование определенного предмета или явления, заключающее в себе не только рациональную, философскую, но и эмоциональную информацию о каком-либо явлении, понятии или идее, социальной позиции автора, его отношениях к окружающему миру или конкретному явлению, о философских предпочтениях [11: 338].

Концепция рассмотрения символа в системе номинаций расширяет представление о процессе символизации, дополняет его новыми способами и механизмами. Во-первых, в процессе применения символа в статусе номинации одним из ключевых становится механизм смыслопорождения. Согласно исследованиям, значение, приобретенное символом в каких-то контекстах, впоследствии проецируется на все тексты, в которых этот символ фигурирует одновременно с новыми значениями, выявленными в других контекстах. «Это становится «принципом порождения» новых символических смыслов и новых символов. Все составленное ими целое семантически ориентированно и выражает некий полный смысл, который, в свою очередь, расшифровывает каждый символ в отдельности» [2: 153]. Смыслопорождение в татарской поэ-

зии происходит за счет семантической и структурообразующей трансформации символа. Процесс пополнения номинативных ресурсов символа сопряжен в основном с переосмыслением, пополнением, трансформации значений уже существующих в языке наименований и с образованием у них новых значений, которые формируются в акте вторичной номинации. Так, трансформация дает одним и тем же символам возможность стать «наименованием» разных событий, философских канонов и т. д.: одни и те же символы в результате трансформации становятся номинативными единицами иных значений. Это связано, во-первых, с изменением мировоззренческих основ социума, социокультурных ориентиров словесного искусства, ибо они влияют на динамику значения символов. Кроме того, символ трансформируется вслед за сменой литературно-эстетических ориентиров. Доказательством тому в татарской поэзии являются суфийские символы, которые в процессе секуляризации наполнялись светским содержанием. Данная тенденция ярко проявляется на примере поэзии начала XX века, в которой суфийские образы «свеча», «ветер», «стон», «бабочка» и другие наполнялись светским содержанием.

Немаловажным в символизации является механизм синтетизма. В татарском литературоведении смешение жанров, взаимопроникновение художественных традиций Востока и Запада, философско-художественный синтез и синтез поэтики различных художественных стилей представляются как возможность наиболее точной и выразительной репрезентации нового художественного мышления. В данном ключе внутрилитературный синтетизм понимается как органичный процесс влияния фольклора и мифологии на поэзию. Данный способ подразумевает синтез видимого (мифологический сюжет) и воображаемого (текст, его смысл); в роли символа выступают мифологический сюжет, сюжет легенды и отдельные образы, даже тексты народных песен. Техника формирования символа, обогащение его новыми смысловыми вариациями характеризуются «возвратом» к фольклорным первоисточкам, традициям средневековой восточной, суфийской и тюрко-татарской поэзии.

Вторым способом синтетизма выступает внешний синтетизм, который в рамках нашего исследования подразумевается как синтез восточной литературы и достижений русской, западной литературно-философской мысли в структуре символа. Данный механизм позволяет «наращивать» в структуре символа новые смысловые, номинативные вариации, заимствованные из западноевропейской и русской литератур, на традиционно восточной картине мира. Восток-Запад – самый распространенный вид диалога внутри символа в татарской поэзии.

Символы, которые вобрали в себя ценности разных культур, в художественном сознании начала XX века трансформируются в принцип мышления и воспринимаются в качестве универсальной категории татарской поэзии в целом. Так система традиционных образов и символов, сохраняя свою национальную специфику, приобретает новые смыслы. В данном ключе они становятся показателем межлитературных диалогических отношений. К примеру эта тенденция ярко проявилась в творчестве Дардменда, Г. Тукая, С. Рамиева, М. Гафури и т. д.

В процессе символизации интерпретация одного и того же символа одной культуры в содержательно-мыслительном поле другой литературы неправомерна. В ходе анализа таких категорий, как сущность (асл), смысл, истина, знание и др. на материале арабской литературно-философской культуры, А.В. Смирнов пришёл к выводу, что наполнение одних и тех же терминов содержательным смыслом зависит «от процедуры смыслополагания» [7: 346–382], харак-

терного арабской культуре. Подобное явление наблюдается при формировании и использовании категории символа. Семантическая структура символов определяется характерными для каждого народа, для каждой национальной культуры и словесного искусства закономерностями смыслопорождения.

В лингвокультурологии развитие вторичной номинации связывается со своеобразием уклада жизни, с уровнем культурного развития того или иного народа. Процесс номинации в национально-культурном аспекте воспринимается как проблема влияния национальной культуры на означивание предметов и явлений окружающей действительности. Этот постулат вполне приемлем и в отношении процесса символизации. Символ в семиотике рассматривается как знак определённой культуры, который привносит в текст систему взглядов на мир и «отражает особенности национальной картины мира» [1: 226]. Как верно отметил Ю.М. Лотман, констатные наборы символов, пронизывающие диахронию культуры, берут на себя функцию «механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты. Единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» [3: 193]. Символы обуславливаются национальными традициями, этническим мышлением, внутренними закономерностями художественного выражения, определяются художественно-эстетической природой устойчивых структурно-семантических комплексов в системе семантических универсалий. Объясняя национальный характер символа, Ю.М. Лотман отметил тот факт, что символы редко возникают в синхронном срезе культуры, «они приходят из глубины веков и, видоизменяя свое значение (но не теряя при этом памяти и о своих предшествующих смыслах), передаются будущим состояниям культуры» [5: 6–8]. Таким образом, можем заключить, что образы-символы, а также их диахронные связи сохраняют особенности национального характера, национального мировоззрения и сознания. Сквозные образы-символы вбирают в себя представления татарского народа о своих древних традициях, духовный и поэтический опыт предшествующих поколений и отражают эволюцию системы символов.

На материале татарской и русской литератур Ю.Г. Нигматуллина показала, что художественное мышление татарских писателей (...) развивалось не в виде резкой и стремительной смены представлений, «контрастность которых гиперболизирована до предела, а как едва уловимое движение сходных, почти тождественных ассоциаций или как развитие совершенно разных, казалось бы, несоединимых представлений, сближающихся каким-то самым «несущественным» признаком. Творческое, пересоздающее начало в процессе мышления выражается в данном случае в отборе этих «несущественных» признаков, оттенков значений, нюансов чувств» [6: 155–156].

Таким образом, образно-символическое мышление порождает непрямую номинацию, формируя символическое значение, что позволяет констатировать номинативную функцию символов. Изучение символа в системе номинаций расширяет взгляды на процесс символизации, дополняя его такими способами и механизмами, как смыслопорождение, внутренний и внешний синтетизм.

В символизации наблюдаются особенности смыслопорождения, коррелирующие с национальной культурой, национальным восприятием мира и мироощущением, со складом мышления. В данном ключе зачастую символические образы превращаются в своеобразные этнические и национальные кодовые знаки.

Образы-символы появляются в художественных произведениях разных периодов, они обогащаются новыми смысловыми вариациями, внося в номинативное поле новые значения, которые транслитерируются от одного этапа в развитии словесного искусства к другому. Так они образуют систему номинаций, актуализировавшуюся в разные периоды разные семантические грани, в котором каждое звено связано с предыдущим, всякий раз повторяя и дополняя смысловое поле, смысловую логику, создавая подтекст произведения, своего рода переклички и ссылки между произведениями разных авторов, разных эпох и разных стилевых направлений. В результате они формируют единую художественную систему, в которой каждое звено связано с предыдущим и всякий раз повторяет и дополняет смысловое поле, смысловую логику символов. Ю.М. Лотман верно отметил, что система символов имеет очень динамичную, гибкую структуру, которая порождает «удивительное богатство смыслов, их объемную многоплановость, почти адекватную многоплановости самой жизни» [4: 194]. Такими сквозными символами в татарской поэзии выступают, например, суфийские, мифологические, фольклорные, пейзажные образы.

Поскольку татарская литература генетически связана с литературой арабо-мусульманского Востока, она сохранила присущие последней особенности символизации [10: 185]. Как и в восточной литературе, важное место в татарской поэзии занимают тяготение к аллегорическому мышлению, сочетание условности с напряженными лирико-эмоциональными моментами, демонстрация творческого мастерства через использование в новом значении известных символов. В татарской поэзии смысл символического образа формируется как взаимодополнение различных значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воскресенская М.А. Символизм как мировидение Серебряного века: Социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа 19 – 20 веков. – Томск, 2003. – 226 с.
2. Кравченко Э.Я. Символ и его функционирование в художественном тексте // Вестник РУДН. – 2002. – № 3. – С. 147–161.
3. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т.1: Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – 479 с.
4. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. – С. 17–265.
5. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство–СПб, 1994. – 670 с.
6. Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. – Казань: Изд-во КГУ, 1970. – 210 с.
7. Смирнов А.В. Арабская традиция // Универсалии восточных культур. – М.: Вост. лит. РАН, 2001. – С. 346–383.
8. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 129–221.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
10. Юсупов А.Ф. Атрибуция языка татарской суфийской поэзии XIX века... диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет». – Казань, 2022. – 502 с.
11. Юсупова Н.М. Образ-символ как система номинаций в татарской поэзии первой половины XX века: дис. ... д-ра филол. наук / Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет». – Казань, 2019. – 399 с.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТОЦЕНТРИЧЕСКОЙ И ЛЕКСИЦЕНТРИЧЕСКОЙ СЕМАСИОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Г.Б. Яхеева

Навоийский государственный горно-технологический университет (Навои)

Рассматриваются вопросы анализа научного текста в русле интегрального подхода; разрабатываются принципы интегрального анализа лексики научных текстов; анализируется лексика англоязычных научных текстов по программированию; определяется ее интегральная (языковая, когнитивная, культурная и социальная) обусловленность; намечаются возможные пути дальнейшего исследования.

Ключевые слова: научный текст; интегральный анализ; лексика; компонент значения; языковой; когнитивный; культурный; социальный; сектор.

The article considers the issues of scientific text analysis in the context of the integral approach; develops principles of integral analysis of the vocabulary of scientific texts; analyzes the vocabulary of English-language scientific texts on programming; determines its integral (linguistic, cognitive, cultural and social) determinacy; outlines possible paths for further research.

Key words: scientific text; integral analysis; vocabulary; component of meaning; linguistic; cognitive; cultural; social; sector.

Исходя из определения научного текста как предметно-знаковой модели сопряженных коммуникативных деятельности представителей научного социума, вербализующей культурно и социально обусловленный фрагмент научного знания, научный текст представляет собой интегральный феномен, взаимосвязанное и взаимообусловленное единство четырех секторов: когнитивного, языкового, культурного и социального, функционирующее как единое целое с помощью механизма коммуникативной деятельности [1: 62]. Когнитивный сектор научного текста – это научное знание, которое, с одной стороны, формирует понятийную основу научного текста (предметное знание), а с другой стороны, репрезентирует способы получения, объяснения и интерпретации предметного знания (методологическое знание). Языковой сектор также неоднороден и представляет собой, с одной стороны, знание о знании (язык как система), а с другой – языковые средства выражения научного знания.

Культурный сектор ориентирован на автора научного текста как представителя определенной культуры и тесно связан с представлением текста как фрагмента культуры, как национально-специфического типа мышления, который выражается с помощью разнообразных средств, в том числе лексики и культурно-специфических моделей макроструктуры текста.

Социальный сектор ориентирован на адресата научного текста, обусловлен прагматической установкой автора и средствами ее выражения, такими как стиль, жанр, язык для специальных целей, в том числе терминологическая, общенаучная и общеупотребительная лексика. Механизм коммуникативной деятельности характеризует научный текст как фрагмент акта речевой коммуникации, как модель сопряженных коммуникативных деятельности общающихся. Коммуникативно-деятельностный механизм обеспечивает интегральное единство различных секторов научного текста.

Новизна такого многоаспектного представления научного текста состоит в том, что текст рассматривается не как явление сугубо лингвистическое, а как интегральный феномен, рассредоточенный по четырем указанным секторам и существующий в их взаимодействии и взаимообусловленности с помощью механизма коммуникативной деятельности. Интегральный подход позволяет проанализировать научный текст и составляющие его единицы с точки зрения каждого сектора и их взаимодействия.

С помощью интегрального метода интегральному анализу могут быть подвергнуты как дотекстовые, так и собственно текстовые единицы. Объектом настоящего исследования является дотекстовый уровень, а именно лексика англоязычных научных текстов. Предмет исследования – её интегральный характер. Материалом исследования послужил лексический минимум английских научных текстов по программированию, выделенный с помощью современных программных средств и статистических методов из корпуса текстов объемом около 500 тыс. словоупотреблений. Длина лексического минимума составила 1 178 лексических единиц (л.е.) [2]. Лексика англоязычных научных текстов по программированию анализировалась с точки зрения ее принадлежности каждому сектору, в результате чего определялась ее интегральная сущность. Когнитивный сектор.

Как известно, на основании содержательной характеристики знаний разграничивают предметные знания (знания о некоторой предметной области объективного мира, или знания фактов) и методологические знания (знания о знаниях, способах деятельности, процедурах оперирования знаниями). С точки зрения овладения и пользования языком выделяют декларативные и процедурные знания. Декларативные знания – это знания о чем-либо, процедурные – это знания как сделать что-либо, но не на уровне вербального описания, а в плане реального действия [3: 67–71]. Сопоставив приведенные классификации знания, мы пришли к выводу, что декларативные знания включают в себя предметные знания и ту часть методологических знаний, которая поддается вербальному описанию. Декларативные методологические знания – это знания о способах деятельности, методах и процедурах получения знания, но не сами способы, методы, процедуры, знание которых относится к процедурному. Таким образом, декларативное знание включает предметное знание и вербализуемую часть методологического знания, в то время как процедурное знание – это та часть методологического знания, которая представляет собой реальные действия. На основании вышеизложенного лексика научных текстов может репрезентировать декларативное знание в двух его разновидностях: предметной и методологической. Соответственно лексику научного текста можно подразделять на предметную и методологическую.

Важность, объективная сложность и неразрешенность многих, как центральных, так и периферийных, положений семасиологии привела к тому, что эта область языкознания продолжает оставаться в центре внимания лингвистов самых различных направлений. При этом намечаются две основные линии, два подхода, обнаруживающиеся как только перед семасиологом ставится вопрос о том, где следует искать значение, или – что является объектом семасиологического исследования: единица языка – слово или единица речи высказывание. Иначе говоря, признает ли он семантическую автономность слова или считает, что слово имеет значение только в соединении с другими словами, то есть в произведении речи.

Поскольку проблема онтологии материала семасиологического исследования является производной от общей проблемы.

Лексичесентрическая семасиология так отвечает на поставленный вопрос – язык действительно и полно существует в речи. Он представляет собой специфическое явление и существует в речи особым образом: внешнюю сторону языка – реальную звуковую материю – следует четко отграничивать от реальных звучаний в сознании. Внутренняя сторона языка, образуемая значениями его единиц, связывается как с реальным звучанием в речи.

Исходя из этого, поставленный перед семасиологом вопрос о том, где следует искать значение, может быть сформулирован каким образом. Совершенно очевидно, поэтому, что разграничение лексичесентрического и текстоцентрического подходов имеет первостепенное методологическое значение.

Можно ли считать, что лексичесентрический подход является «традиционным», а текстоцентрический – структурным?»

В последние годы, в связи с широким применением структурных методов исследования, которые, естественно, распространились и на лексикологию и, что самое главное, на ту ее часть, которая занимается содержательной стороной ее единиц, произошло своеобразное, на наш взгляд неоправданное, разделение на лингвистов, которые принимают эти методы, и тех, которые их, якобы, категорически отвергают. В связи с этим необходимо остановиться на следующем вопросе – как сопоставляются термины «лексичесентрический» и «текстоцентрический» с другими терминами, применяемыми для обозначения разновидностей семасиологического исследования? В частности, в каком отношении эти подходы находятся к чрезвычайно распространенному в настоящее время понятию «структурная семантика»?

Лексичесентрическое исследование, как вытекает из самого названия, не ставит себе целью выяснение смыслов целых высказываний.

Основным постулатом текстоцентрического подхода является то, что семасиология страдает не столько от недостатка сведений о значениях и их взаимосвязях в естественных языках. Поэтому задача состоит в том, чтобы определить, какой вид должно иметь семантическая теория естественного языка, чтобы наиболее разумно и четко согласовать и представить все факты семантической структуры языка.

Если обратиться к обширной литературе вопроса, то может создаться впечатление, что различие лексичесентрического и текстоцентрического направлений соответствует различению так называемого «традиционного» и структуралистического направлений. Такое впечатление основывается на недоразумении, поскольку сама постановка вопроса о противопоставлении традиционного и структуралистического направлений.

Лексичесентрическая семасиология исходит из принципиальной выделимости слова как основной единицы лексикологического исследования и – в практическом приложении – лексикографического описания. Если это называть традиционным, то и структурализм может быть традиционным, поскольку реальность слова не отрицается большинством направлений, называющих себя структуралистическими. Речь может идти о противопоставлении атомизма лексикологических описаний, то есть метода раздельного рассмотрения лингвистических явлений, в частности изолированного анализа значений отдельных слов, и структурализма, то есть такого метода лингвистического исследования, при котором явления языка рассматриваются как система определенных

взаимоотношений и зависимостей. С этой точки зрения лексичесентрические методики являются структуралистическими. Также нельзя сказать, что лексичесентрический подход является описательным, а текстоцентрический – объяснительным поскольку и описывать и объяснить можно как структурно, так и атомически.

Другое дело, если речь идет о «структурной семантике» как о развитии идей Н. Хомского, который в более поздних работах ввел понятие «семантического компонента». Как будет показано ниже, разложение этого компонента на предельные семантические единицы представляет собой попытку подвести данное «индивидуальное» слово под такие категории и классы, которые позволили бы безошибочно интерпретировать (трансформировать) целые высказывания. Таким образом получаемая структура оказывается «морфосинтаксической», а не лексикологической, то есть ищут объяснение закономерностей построения целых высказываний, вместо углубленного рассмотрения индивидуальной специфики конкретного слова как отдельной единицы словарного состава языка.

Сторонники лексичесентрической семасиологии резко расходятся с лингвистами, строящими свою теорию на текстоцентрическом принципе. Лексичесентрическая семасиология основывается на том, что словарный состав – это не просто какое-то количество концептов, выраженных соответствующими единицами, как и слова – это не просто соединение некоторого звучания с некоторым концептом. Слово – это единое целое, и для того, чтобы обнаружить составляющие его элементы, оно должно подвергаться анализу именно как единое целое.

Сказанное представляется необходимым для того, чтобы более четко и определенно охарактеризовать содержание и направление предлагаемой статьи, которое представляет собой обоснование лексичесентрического направления, то есть утверждение методики лексичесентрического и лексикографического описания, исходящей из понятия отдельности и семантической самостоятельности слова.

Начиная с краткого критического рассмотрения текстоцентрических методик, а затем обращаясь к некоторым вопросам лексичесентрической семасиологии

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.
2. Медникова Э.М. Значения слова и методы его описания. – М., 1974.
3. Смирницкий. Лексикология английского языка. – М., 1956.
4. Уфимцева А.А. Типы значения лексических единиц. – М., 1974
5. Улханов И.С. Отношение мотивации между глаголом и существительным со значением действия // Вопросы языкознания. –1975. – № 4. – С. 64–76.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллина Дилария Маратовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела национального образования Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Абдуллина Лилия Бакировна, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета педагогики и психологии, заведующий кафедрой дошкольного и начального образования Стерлитамакского филиала ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий». *Стерлитамак, Россия.*

Абдуллина Чулпан Зуфаровна, начальник отдела аспирантуры и повышения квалификации Государственного научного бюджетного учреждения «Академия наук Республики Татарстан». *Казань, Россия.*

Абдыкадырова Сюита Рысбаевна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков и межкультурной коммуникации Ошского государственного университета. *Ош, Киргизия.*

Абукаева Любовь Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, начальник центра изучения уральских языков Марийского государственного университета. *Йошкар-Ола, Россия.*

Асланова Озода Ибрагимовна, старший преподаватель кафедры узбекского и иностранных языков Навоийского государственного горно-технологического университета. *Навои, Узбекистан.*

Ашуров Бахшулло Шаропович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры узбекского языка и литературы Навоийского государственного педагогического института. *Навои, Узбекистан.*

Бадртдинова Алсу Анисовна, младший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики Института, языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Базарова Умида Маъмуржановна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой узбекского и иностранных языков Навоийского государственного горно-технологического университета. *Навои, Узбекистан.*

Бакирова Айгуль Авазбековна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ВИ(ИТ) ВА МТО Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева. *Санкт-Петербург, Россия.*

Башкатова Юлия Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Кемеровского государственного университета. *Кемерово, Россия.*

Бекмурзаева Феруза Шухратовна, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета им. С.М. Кирова. *Санкт-Петербург, Россия.*

Белекова Карамат Каратайевна, кандидат философских наук, доцент кафедры методики преподавания английского языка Ошского государственного университета. *Ош, Киргизия.*

Бирсель Оруч Аслан, профессор Университета Балыкесир. *Манавгат, Турция.*

Ботабаева Жанна Нуралиевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского и русского языков Университета имени Жумабека Ташенева. *Шымкент, Казахстан.*

Булатова Альфия Каримовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики Института языка, литерату-

ры и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Булатова Миннира Рахимовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Вайрах Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой рекламы и журналистики Иркутского национального исследовательского технического университета. *Иркутск, Россия.*

Валиева Милеуша Закиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела общей лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Ван Цяньцян, аспирант Уфимского университета науки и технологий. *Уфа, Россия.*

Вахитова Дилера Касимовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского государственного архитектурно-строительного университета. *Казань, Россия.*

Винокурова Надежда Ивановна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН (ИГиПМНС СО РАН). *Якутск, Россия.*

Галимова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Галиуллина Гульшат Раисовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой татарского языкознания, ведущий научный сотрудник НОЦ стратегических исследований в области родных языков и культур Казанского федерального университета Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Гарипова Алия Накиповна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и языкознания Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. *Казань, Россия.*

Гарипова Гульчира Талгатовна, доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. *Москва, Россия.*

Гилязов Тагир Шамсегалиевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Гиниятуллина Лилия Миннулловна, доктор филологических наук, доцент, заместитель директора по инновационной деятельности и внешним связям Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Григорьева Анастасия Валерьевна, аспирант Российского государственного гидрометеорологического университета. *Санкт-Петербург, Россия.*

Даришева Туймеш Малбагаровна, кандидат педагогических наук, доцент Западно-Казахстанского университета имени Махамбета Утемисова. *Уральск, Казахстан.*

Денмухаметова Эльвира Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и тюркологии Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Джелал Гёргеч, филолог Университета Балыкесир. *Манавгат, Турция.*

Дильманов Илья Оракбаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры каракалпакского языкознания Нукусского государственного педагогического института. *Нукус, Узбекистан.*

Закиева Резеда Гусмановна, научный сотрудник отдела электронно-цифровых ресурсов Института татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Иваненко Валерия Михайловна, магистрант Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. *Санкт-Петербург, Россия.*

Иванова Нина Иннокентьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социолингвистических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. *Якутск, Россия.*

Исламова Мухаббат Михтибаевна, старший преподаватель кафедры языков Университета им. Жумабека Ташенева. *Шымкент, Казахстан.*

Исмагилова Фарид Гаязовна, аспирант Казанского федерального университета, заместитель начальника управления по науке Болгарской Исламской Академии. *Казань, Россия.*

Ишанкулова Гулшан Равшановна, старший преподаватель кафедры узбекского и иностранных языков Навоийского государственного горно-технологического университета. *Навои, Узбекистан.*

Ишкильдина Зульфия Каримовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры дошкольного и начального образования Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий. *Стерлитамак, Россия.*

Кадирова Энзе Ханафиевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела общей лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Кадыров Камол Навозович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языков Навоийского инновационного университета. *Навои, Узбекистан.*

Камаева Рима Бизяновна, доктор филологических наук, профессор кафедры татарской филологии Елабужского института (филиал) Казанского федерального университета. *Елабуга, Россия.*

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. *Москва, Россия.*

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологический наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета. *Краснодар, Россия.*

Ключева Мария Аркадьевна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. *Йошкар-Ола, Россия.*

Кондракова Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологии и лингвокультурологии Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина. *Москва, Россия.*

Кондратьева Наталья Владимировна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской Академии Наук. *Ижевск, Росси.*

Кузьмина Раиса Петровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. *Якутск, Россия.*

Кузьмина Халиса Хатиповна, кандидат филологических наук, доцент кафедры татарского языкознания Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Кыдыралиева Диана Мустафаевна, старший преподаватель Кыргызско-Российского Славянского Университета. *Бишкек, Киргизия.*

Леконцева Инна Александровна, ассистент Удмуртского государственного университета. *Ижевск, Россия.*

Лукманова Рената Разифовна, кандидат филологических наук, преподаватель Уфимского университета науки и технологий. *Уфа, Россия.*

Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна, доктор филологических наук, профессор заведующий кафедрой иностранных языков Казанского государственного энергетического университета. *Казань, Россия.*

Магомедов Даниял Магомедович, кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник отдела грамматических исследований Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. *Махачкала, Россия.*

Магомедов Магомед Ибрагимович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания Дагестанского государственного педагогического университета им. Р. Гамзатова. *Махачкала, Россия.*

Макаров Индир Михайлович, ассистент Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Маманиёзов Хусниддин Тошмуродович, директор Нарпайского филиала Самаркандского государственного педагогического института иностранных языков. *Пайарык, Узбекистан.*

Мамедли Надир, доктор филологических наук, профессор, директор Института языкознания им. Насими Национальной Академии Наук Азербайджана. *Баку, Азербайджан.*

Марасулова Фарид Пайзилаевна, докторант Ошского государственного университета. *Ош, Киргизия.*

Махмудов Низамиддин Мамадалиевич, доктор филологических наук, профессор, директор Института узбекского языка, литературы и фольклора АН Республики Узбекистан. *Ташкент, Узбекистан.*

Миннуллин Бахтияр Кимович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом общей лингвистики Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Мирзаев Ибодулла Камолович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой узбекского языка Самаркандского государственного университета. *Самарканд, Узбекистан.*

Мирзаева Мавлуда Нормуродовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры узбекского и иностранных языков Навоийского государственного горно-технологического университета. *Навои, Узбекистан.*

Мирхаев Рифат Фирдинатович, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела общей лингвистики Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Мошина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева. *Санкт-Петербург, Россия.*

Мухарлямова Гульназ Нурфатовна, кандидат филологических наук, заведующий отделом национального образования Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Набиуллина Гузель Амировна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Назаров Насриддин Атакулович, доктор философских наук, профессор Чирчикского государственного педагогического университета. *Ташкент, Узбекистан.*

Насибуллова Гузель Ришатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Насипов Илшат Сахиятуллович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры татарского языка и литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. *Уфа, Россия.*

Нуриева Фануза Шакуровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Омакаева Элара Уляевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры РКИОД, старший научный сотрудник научного отдела Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова. *Элиста, Россия.*

Орлова Олеся Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории театра, литературы и музыки, проректор по учебной и научной работе Новосибирского государственного театрального института *Новосибирск, Россия.*

Палеха Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-экспертной лаборатории экспертиз социогуманитарного профиля Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Пантюхина Татьяна Владимировна, ведущий архивист отдела библиотечных и архивных фондов Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук. *Ижевск, Россия.*

Пименова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, ректор Международного гуманитарного университета имени П.П. Семёнова – Тян-Шанского. *Санкт-Петербург, Россия.*

Равшанов Махмуд, доктор филологических наук, профессор кафедры узбекского и иностранных языков Навоийского государственного горно-технологического университета. *Навои, Узбекистан.*

Родичева Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, проректор по учебной работе Международного гуманитарного университета имени П.П. Семёнова – Тян-Шанского. *Санкт-Петербург, Россия.*

Сабитова Ильгамия Исламутдиновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Сагдеева Фаузия Кабировна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Сафаров Ринат Тагирович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Сафина Эльвира Ирфатовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Студенцов Олег Ростиславович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук. *Чебоксары, Россия.*

Сулейманова Дильбар Данисовна, кандидат филологических наук, редактор отдела журнала «Тулпар». *Уфа, Россия.*

Сухотина Валерия Юрьевна, аспирант кафедры документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. *Тула, Россия.*

Тагирова Фяридя Инсановна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Ташболот кызы Аида, магистр, старший преподаватель Ошского государственного университета. *Ош, Киргизия.*

Тимерханов Айнур Ахатович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ, вице-президент Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Труфанова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор Корпоративного университета московского образования. *Москва, Россия.*

Туйчиев Сухроб, преподаватель кафедры узбекского и иностранных языков Навоийского государственного горно-технологического университета. *Навои, Узбекистан.*

Турсунов Акмал Рахматуллаевич, доктор философии по филологическим наукам, доцент, доцент кафедры узбекского и иностранных языков Навоийского государственного педагогического института. *Навои, Узбекистан.*

Умарова Шахло, преподаватель кафедры узбекского языкознания Джизахского государственного педагогического института. *Джизак, Узбекистан.*

Утегенова Карлыга Таскалиевна, кандидат педагогических наук, доцент Западно-Казахстанского университета имени Махамбета Утемисова, *Уральск, Казахстан.*

Файзуллина Гузель Чахваровна, доктор филологических наук, профессор кафедры педагогического, психологического и социального образования Тюменского государственного университета. *Тобольск, Россия.*

Фатыхова Алия Ленаровна, магистр кафедры татарского языкознания Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Хабибуллина Лениза Газинуровна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Хадиева Гульфия Камилловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры татарского языкознания Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Хайруллин Гриф Тимурзагитович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии Университета «Туран». *Алматы, Казахстан.*

Хамидуллина Эльвира Ильмасовна, магистр кафедры татарской литературы Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Хисамов Олег Ришатович, доктор филологических наук, заместитель руководителя (директора), заведующий отделом ареальной лингвистики Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Хусаинова Алина Ямилевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Шакурова Муслима Магесумовна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Шарипова Ирода Азаматовна, старший преподаватель кафедры узбекского и иностранных языков Навоийского горно-технологического университета. *Навои, Узбекистан.*

Шаропова Нафиса Бахшулло кизы, старший преподаватель кафедры русского языка Навоийского государственного педагогического института. *Навои, Узбекистан.*

Эргашева Нодира Абдураимовна, старший преподаватель кафедры узбекского и иностранных языков Навоийского государственного горно-технологического университета. *Навои, Узбекистан.*

Юсубова Рано Норбоевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры узбекского языкознания Навоийского государственного педагогического института. *Навои, Узбекистан.*

Юсупов Айрат Фаикович, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры татарского языкознания Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, ведущий научный сотрудник НОЦ стратегических исследований в области родных языков и культур Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Юсупова Нурфия Марсовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Яхеева Гулнора Бахтияровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры узбекского и иностранных языков Навоийского государственного горно-технологического университета. *Навои, Узбекистан.*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО	3
<i>Абдуллина Л.Б.</i> Национальные языки в эпоху глобализации	5
<i>Абдуллина Ч.З.</i> Интернет челтәрәндә татар теленең кулланылышы	8
<i>Абдыкадырова С.Р., Ташиболот кызы А.</i> Межкультурные концепты в тексте «Бабур-наме» как отражение жизни народов Центральной Азии	12
<i>Абукаева Л.А.</i> Потенциал корпуса марийского языка в составлении словарей выразительных ресурсов	17
<i>Асланова О.И.</i> Структурная асимметрия в морфемном составе узбекского языка	20
<i>Ашуров Б.Ш.</i> Сущность цифровой лингвистики в вузах Узбекистана	25
<i>Бадрутдинова А.А.</i> Фразеологический словарь как объект лингвокультурологии.	31
<i>Базарова У.М.</i> Тюркский инфинитив <i>-tak</i> и его синхронное влияние	33
<i>Бакирова А.А., Мошина Е.А.</i> Концептуализация пространства в авторской картине мира Ч. Айтматова (на материале романа «Когда падают горы (Вечная невеста)»)	38
<i>Бакирова А.А., Родичева А.А.</i> Мир и вселенная сквозь призму языка (на примере татарской, русской и английской лингвокультур)	44
<i>Башкатова Ю.А.</i> Соматизмы макушка и crown (of the head) в сопоставительном изучении	48
<i>Бекмурзаева Ф.Ш.</i> Ихтиологическая символика в народном представлении (на примере произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист»).	54
<i>Белекова К.К., Марасулова Ф.П.</i> Современные подходы к исследованию литературных языков в контексте их исторического развития	57
<i>Ботабаева Ж.Н.</i> О принципах создания терминологических словарей тюркоязычных уровней	59
<i>Булатова Ә.К.</i> Диалекталь этимология турында төшенчә (Татарстан Республикасының Ютазы районына фәнни экспедиция материаллары нигезендә)	65
<i>Булатова М.Р.</i> Кузнецк сөйләше (Пенза өлкәсе татарлары сөйләшен өйрәнү тарихына карата).	69
<i>Вайрах Ю.В.</i> Соматический признак «кожа» в структуре макроконцепта род	72
<i>Ван Цяньцзянь, Лукманова Р.Р.</i> Метафорическое значение цветовой лексики красного (на примере романа Юй Хуа «Братья»).	78
<i>Вахитова Д.К.</i> Ругательства и проклятия как элемент инвективной стратегии в татарских драматических и комедийных произведениях первой половины XX века	83
<i>Вәлиева М.З.</i> XVII–VIII гасырлар язма истәлекләрендә текст төзелеше: башлам өлеше.	86

<i>Винокурова Н.И.</i> Программа конкордансер (на материале якутского языка)	89
<i>Галимова О.Н.</i> Развитие зоологической терминологии в 40-е гг. XX в. (на материале татарского языка).	94
<i>Галиуллина Г.Р.</i> Татар теленен орфографик нормалары һәм антропонимик вариантлылык.	99
<i>Гарипова А.Н.</i> Татар һәм инглиз теле дәрәсләрен уздыруның үзенчәлекләре.	104
<i>Гиниятуллина Л.М., Мөхәрләмова Г.Н.</i> Туган (татар) телне һәм әдәбиятны укутуда «Мәгърифәт» медиаплатформасының цифрлы контентын куллану	108
<i>Григорьева А.В.</i> Рок-поэзия и культурные константы в свете тезаурусного подхода.	111
<i>Гыйлажәев Т.Ш.</i> XX гасыр башы публицистикасында татар теле проблемасы	117
<i>Денмухаметова Э.Н.</i> Синонимы в пожеланиях татарского речевого акта .	122
<i>Джелал Гөргөч, Бирсель Оруч Аслан / Celâl Görgeç, Birsəl Oruç Aslan.</i> Rusya'daki Usul-İ Cedid mekteplerinde okutulmak üzere hazırlanan arap harfli elifbalar üzerine	128
<i>Дильманов И.О.</i> Эволюция общественно-политических лексик тюркских языков	136
<i>Закиева Р.Г.</i> Многотомная татарская энциклопедия: от книжной версии к онлайн энциклопедии	141
<i>Иваненко В.М.</i> Метафорический образ <i>матери</i> в немецкоязычном праздничном дискурсе	143
<i>Иванова Н.И.</i> Ключевые проблемы этноязыковой идентичности в репрезентациях молодежи саха (на материале контент-анализа эссе студентов)	147
<i>Исламова М.М.</i> Исследование микро- и макротекста тюркоязычных текстов.	153
<i>Исмагилова Ф.Г.</i> Тенденции развития лингвокультурологии XXI вв.: особенности отражения языковой рефлексии в творчестве М. Дарвиша	157
<i>Ишанкулова Г.Р.</i> Семантика глаголов в «Дивани лугат ат-турк» Махмуда Кашгари	162
<i>Ишкильдина З.К.</i> Сопоставительное изучение словообразовательных систем русского и башкирского языков.	165
<i>Кадирова Э.Х.</i> XV–XVI гасыр иске татар язма истәлекләрендә фигыль сүз төркеменен стилистик үзенчәлекләре	170
<i>Кадыров К.Н.</i> Заголовок в средствах массовой информации (прагматический аспект).	175
<i>Камаева Р.Б.</i> Н. Фәттахның «Ител суы ака торур» романында фразеологизмнар	180
<i>Карасик В.И.</i> Ценностная картина мира как объект аксиологической лингвистики.	183

<i>Катермина В.В.</i> Геронтологический дискурс в зеркале английской неологии.	188
<i>Ключева М.А.</i> Глаголы тюркского происхождения в корпусе рассказов об играх на марийском языке	194
<i>Кондракова Ю.Н., Гарипова Г.Т.</i> Трансязыковой ономастикон в современной транскультурной литературе	198
<i>Кондратьева Н.В.</i> Сравнительные конструкции удмуртского языка через призму гендерных различий	208
<i>Кузьмина Р.П.</i> Особенности репрезентации календарного и сезонного деления времени в эвенской лингвокультуре.	213
<i>Кузьмина Х.Х., Гадиева Г.К.</i> Кол Галинең «Кыйссаи Йосыф» әсәрендә алмашлык сүз төркеменең стилистик төсмерләре	217
<i>Кыдыралиева Д.М.</i> Концептуальный анализ как средство достижения адекватности перевода (на материале перевода повести Ч.Т. Айтматова «Материнское поле»).	221
<i>Леконцева И.А.</i> Безличные предложения, выражающие психофизиологическое состояние (на материале удмуртского языка)	227
<i>Лутфуллина Г.Ф.</i> Корпусное исследование особенностей перевода временных значений причастий татарского языка на русский язык	230
<i>Магомедов Д.М.</i> Влияние миграционных процессов на современную языковую ситуацию в Республике Дагестан	234
<i>Магомедов М.И.</i> Двужычие в поликультурном пространстве Республики Дагестан: проблемы и пути решения	239
<i>Макаров И.М.</i> Причастия татарского языка как предмет исследования корпусной лингвистики	244
<i>Маманиёзов Х.Т.</i> Метафоризации антропоморфности языковой картины мира	248
<i>Мамедли Надир.</i> Социолингвистические факторы терминализации: языковые отношения и взаимодействие языков	253
<i>Махмудов Низамиддин.</i> Заимствование слов в узбекском языке и языковая картина мира	258
<i>Мирзаев И.К.</i> Сравнительный анализ наречий в тюркских языках.	266
<i>Мирзаева М.Н.</i> О соотношении текстоцентрического и лексикоцентрического подходов к семантике узбекского языка.	270
<i>Мирхаев Р.Ф., Миннуллин Б.К.</i> К вопросу изучения социально-речевого портрета татарского общества второй половины XIX – начала XX века.	275
<i>Мөхәрләмова Г.Н., Абдуллина Д.М.</i> Укучыларны яна буын «Әдәби уку» дәреслекләреннән дифференциаль якын килеп укыту үзгәчлекләре	279
<i>Назаров Н.А.</i> Отражение лакайского диалекта в фольклорных образцах	283
<i>Насибуллова Г.Р.</i> Прецедентные феномены как дискурсивные стратегии в современной женской прозе (на материале произведений А. Матвеевой, Ф. Замалетдиновой и Дж. Харрис)	287
<i>Насипов И.С.</i> Этнолингвистическое описание финно-угорских заимствований в татарском языке(на примере отдельных лексических единиц сибирско-татарского диалекта)	291

<i>Нәбиуллина Г.Ә.</i> Синтаксик фразеологизмнарны өйрәнү мәсьәләсенә карата	299
<i>Нуриева Ф.Ш.</i> Урта гасыр төрки-татар язма истәлегә Мәхмүд Болгаринның «Нәһжел-фәрадис» әсәрендә сурәтләү чарасы буларак чагыштырулар	302
<i>Омакаева Э.У.</i> Особенности имянаречения у калмыков: этимология и семантика антропонимов	308
<i>Орлова О.Г.</i> «Гроза» и «to be or not to be» – два концепта мировой драматургии.	313
<i>Палеха Е.С.</i> Язык как структурная единица имиджа государства и страны.	321
<i>Пантюхина Т.В.</i> К вопросу о морфологической классификации удмуртского местоимения <i>ог-огед</i> ‘друг друга’	327
<i>Пименова М.В.</i> Концепт <i>стан</i> в аспекте первопризнаков в русской лингвокультуре	331
<i>Равшанов М.</i> Принципы исторической лексикографии в «Дивани лугат ат-турк» Махмуда Кашгари.	335
<i>Сабитова И.И.</i> XXI гасыр башы татар теле ортологик сүзлекләре.	342
<i>Сагдеева Ф.К.</i> Метафорическое представление времени в татарской языковой картине мира.	348
<i>Сагдеева Ф.К.</i> Мифическое время в языке и сознании татар (на примере слов ел (год), ай (месяц), атна (неделя))	353
<i>Сафина Э.И.</i> Переводные словари татарского языка начала XXI века	361
<i>Сәфәров Р.Т.</i> Сүзлекләрдә фигыльләрнең бирелеше.	367
<i>Студенцов О.Р.</i> Вклад Чувашского государственного института гуманитарных наук в чувашское языкознание	372
<i>Сулейманова Д.Д.</i> Фонетико-семантические ряды (ФСР) в татарском языке на примере лексемы <i>tau</i> ‘гора’	377
<i>Сухотина В.Ю.</i> Возможность использования классификации знаков Ч.С. Пирса при работе с художественным текстом	384
<i>Тагирова Ф.И.</i> Малоизвестная татарская лексикография	390
<i>Тимерханов А.А.</i> Языковая ситуация и приоритетные направления современной лингвистики: сохранение национальных языков как фактор укрепления общероссийской идентичности.	394
<i>Труфанова И.В.</i> Типы вербальной синестезии в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго».	399
<i>Туйчиев С.</i> Этнокультурное соотношение сознания и языкового значения	404
<i>Турсунов А.Р.</i> Аффиксации в системе словообразования узбекского языка.	408
<i>Умарова Ш.</i> Анализ традиционных ремесленных терминов в тюркских языках	412
<i>Утегенова К.Т., Даришева Т.М.</i> Специфика вербализации концепта «коричневый» в русской и казахской лингвоцветовой картине мира.	416

<i>Файзуллина Г.Ч.</i> Татарские ойконимы Тобольской губернии в историко-лингвистическом аспекте (на материале Ямбаевских метрических записей о браках)	421
<i>Хәбибуллина Л.Г.</i> Татар телендә семантик-синтаксик мөнәсәбәтләр синкретизмы	426
<i>Хисамов О.Р., Мирхаев Р.Ф.</i> Электронный каталог топонимов Республики Татарстан как инструмент изучения топонимического наследия татарского народа	429
<i>Хөсәинова А.Ж.</i> Красноярск крае татар күчмә сөйләшләренең фонетик үзенчәлекләре.	433
<i>Шарипова И.А.</i> Урбонимы и процесс урбанизации Центральной Азии . .	437
<i>Шаропова Н.Б.</i> Наномасштабное исследование лексики узбекского языка.	441
<i>Шаропова Н.Б.</i> Структурно-синтагматические отношения в деривации узбекского языка	445
<i>Шәкүрова М.М.</i> Туган телне (татар телен) укытуда Галимжан Ибраһимовның роле	450
<i>Эргашева Н.А.</i> Тюркские топонимические фразеологизмы новообразования	454
<i>Юсубова Р.Н.</i> Нумеративы в тюркских языках: сравнительно-типологические изучения	457
<i>Юсупов А.Ф., Фатыхова А.Л.</i> Суфизм в Поволжском регионе и его влияние на эволюцию старотатарского языка	460
<i>Юсупова А.Ш.</i> Роль двуязычной лексикографии татарского языка XIX века в межкультурной коммуникации	466
<i>Юсупова Н.М., Хамидуллина Э.И.</i> Механизмы смыслопорождения в системе номинаций: теоретический аспект	471
<i>Яхеева Г.Б.</i> Вопросы изучения текстоцентрической и лексикоцентрической семасиологии тюркских языков	476
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ.	480

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной 85-летию создания Института языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
*9–10 октября 2024 года***

Материалы публикуются в авторской редакции

Компьютерная верстка *Н.Т. Абдуллиной*

Подписано в печать: 08.10.2024

Формат 70×108 1/16. Гарнитура «Таймс».

Усл.-печ. л. 43,1. Уч.-изд. л. 37.

Оригинал-макет подготовлен
в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Баумана, 20